

Ежеквартальный журнал русской филологии и культуры

Vol. II N 3

RUSSIAN STUDIES
ETUDES RUSSES
RUSSISCHE FORSCHUNGEN

RUSSIAN STUDIES

ÉTUDES RUSSES

RUSSISCHE FORSCHUNGEN

Vol. II

1996

№ 3

St.Petersburg

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК
РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И КУЛЬТУРЫ

Том II

1996

№ 3

Санкт-Петербург

ББК 83

P11

РЕДАКТОРЫ

Юрий Александрович Клейнер

Валерий Николаевич Сажин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

David Bethea (Madison, Wisconsin. U.S.A.)

Svetlana Boym (Cambridge, Mass. U.S.A.)

Георгий Вадимович Вилинбахов (С.-Петербург. Россия)

Борис Федорович Егоров (С.-Петербург. Россия)

Caryl Emerson (Princeton. U.S.A.)

George Hyde (Norwich. U.K.)

Jean-Philippe Jaccard (Geneve. Switzerland)

Edward Kasinec (New York. U.S.A.)

Любовь Николаевна Киселева (Tartu. Estonia)

Юрий Владимирович Манн (Москва. Россия)

Eric Naiman (Berkeley, Calif. U.S.A.)

Nina Perlina (Bloomington, Indiana. U.S.A.)

Борис Николаевич Путилов (С.-Петербург. Россия)

Stephanie Sandler (Amherst, Mass. U.S.A.)

William Todd (Cambridge, Mass. U.S.A.)

Мариэтта Андреевна Турьян (С.-Петербург. Россия)

Мариэтта Омаровна Чудакова (Москва. Россия)

Адрес редакции:

Россия. С.-Петербург, 197198, а/я 290

Тел.: (812) 233-18-29, (812) 583-52-56

ISBN 5-7187-0124-5

ISBN 5-7331-0087-7

© 1996 Russian Studies

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

<i>Е. Л. Мороз</i> (С.-Петербург). Новгородская былина о Хотене Блудовиче. Эпос и эротический фольклор	7
<i>М. Д. Беневоленский, Н. С. Горелов</i> (С.-Петербург). Переписка Ивана Грозного со шведским королем Иоганном III (опыт стилистического анализа)	38
<i>Н. К. Телетова</i> (С.-Петербург). А. П. Ганнибал. (К трехсотлетию прадеда А. Пушкина)	58
<i>Ф. З. Канунова</i> (Томск). Г. С. Батеньков и В. А. Жуковский	94
Приложение. Г. С. Батеньков. Рассуждение по поводу смерти Жуковского (1852)	107
<i>В. Ш. Кривонос</i> (Елец). Инфантилизм и инфантильный герой в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя	111
<i>В. Е. Багно</i> (С.-Петербург). Порок и смерть язвят единым жалом...	131
<i>Робин Айзлвуд</i> (Лондон). Хармс и Друскин: к постановке вопроса	148
<i>Н. Черняева</i> (Варна). О природе смеха в романе-анекдоте В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»	157
<i>Л. Салмон</i> (Болонья). Русско-еврейская антропонимика: от ономастики к истории (обзор литературы)	175

КОММЕНТАРИИ

<i>М. Д. Эльзон</i> (С.-Петербург). Загадочен ли Великий муж М. Ю. Лермонтова? (К спорам об адресате)	204
<i>Ф. де Мюральт</i> (Лозанна). Литература французского средневековья в творчестве Александра Блока	206
<i>Р. Ханзен-Кокоруш</i> (Маннгейм). Микротекст и установление смысла у Набокова	222
<i>Ф. Н. Двинятин</i> (С.-Петербург). Об интертекстуальных связях личного имени в «Даре» Набокова: <u>Зина Мерц</u> и вокруг	234

ПУБЛИКАЦИИ

<i>А. И. Сапожников</i> (С.-Петербург). Рим глазами русского путешественника (из «Путешествия по Италии в 1809 году» А. И. Михайловского-Данилевского)	255
--	-----

<i>М. Ш. Файнштейн</i> (С.-Петербург), <i>Ф. Гёпферт</i> (Потсдам). Из истории издания литературного наследия <i>К. К. Павловой</i>	303
<i>Е. А. Голлербах</i> (С.-Петербург). К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д. А. Шаховского). III. Из переписки с Б. А. Филипповым	320
Письма Б. Д. и Е. Г. Григорьевых к Е. И. и Л. Н. Замятиным из собрания Бахметевского архива. Вступительная статья <i>И. А. Доронченкова</i> (С.-Петербург), публикация и комментарии <i>И. А. Доронченкова</i> и <i>М. Ю. Любимовой</i> (С.-Петербург)	354

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. Ю. Галушкин</i> (Москва). Материалы к библиографии <i>Е. И. Замятина</i>	368
---	-----

БИОБИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. В. Попов</i> (С.-Петербург). Петербургские пути Ильи Эренбурга. Биобиблиографические очерки	414
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Д. И. Черашняя</i> (Ижевск). «А мы благословили нашу встречу...»	496
<i>П. Клубков</i> (С.-Петербург). Читать в хорошей компании	501
<i>Т. Л. Никольская</i> (С.-Петербург). О парадоксах	507
<i>М. Шруба</i> (Мюнстер). Как забыть авангард по-настоящему?	510
<i>М. А. Красноперова</i> (С.-Петербург) О русском народном стихе	516

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Местное время (Владимир). Дар (Ростов-на-Дону). Орловские вести. Нижегородская правда. Орловская правда. Кавказская здравница. Воронежский курьер. Киевские новости. Эхо Литвы. Республика Армения. Тихоокеанская звезда (Хабаровск). Еврейские вести (Киев). Сост. <i>М. А. Луковская</i> (С.-Петербург)	525
--	-----

СТАТЬИ

---

*Е. Л. Мороз
С.-Петербург*

Новгородская былина о Хотене Блудовиче

Эпос и эротический фольклор

К тому времени, когда исследователи русского фольклора начали записывать тексты былин, новгородское происхождение истории Хотена Блудовича было забыто большинством сказителей (*Смирнов, Смолицкий 1978: 459¹*). Действие былины перенесено в Киев, однако приключения Хотена Блудовича совсем не похожи на подвиги знаменитых киевских богатырей. «Киевизация» былины ограничена тем, что она начинается общим для большинства преданий киевского цикла описанием пира князя Владимира. Присутствующая на этом пиру мать Хотена — «Блудова вдова» обращается к матери красавицы Чайны — «Часовой вдове» с предложением поженить их детей. Однако Часова вдова возмущена сватовством, она указывает на бедность, уродство или дурной нрав Хотена и весьма нелестно вспоминает его умершего отца, заявляя Блудовой вдове:

Да муж у тя был блудишо
(*Астахова 1961, 61*);

Как твой был мужище-то Блудише:
Блуд блудил по Новугороду
(*Рыбников 1909, 1: 393*).

Часова вдова публично оскорбляет мать Хотена — заливаает ее дорогую шубу вином, бранит, а в некоторых версиях былины даже бьет ее. Узнав о случившемся, Хотен немедленно отправляется к дому обидчицы и устраивает там разгром, пугая Чайну.

Он терем смял да виноград сломал...
(*Смирнов, Смолицкий 1978: 295*);

Он шибнул своей палицей железной
И вышиб терем по окнам вон...
Весь зелен сад разбил-разломал...
(*Рыбников 1909, 215*);

Брал он ведь копые буржомецкое,
А ратовье было девяти сажен,
Хотел ударить по чадиночке Часовенной,
Ударил по крылечку по красному,
Росшиб на щепу он на мелкую...
(*Гильфердинг* 1949–1951, 3: 567).

Напугав Чайну, Хотен отъезжает в чистое поле. Девять братьев Чайны пытаются постоять за честь своей семьи и выезжают против Хотена, однако разъяренный Хотен убивает их всех. Некоторые сказители, продолжавшие линию «киевизации», выводили в бой против Хотена также и войско, посланное по просьбе матери Чайны князем Владимиром, однако эта версия не завоевала общего признания. В большинстве вариантов былины действие ограничено взаимоотношениями семейств Хотена и Чайны, при этом часть сказителей пытается смягчить непримиримость Хотена тем, что он не убивает, но лишь берет в плен братьев Чайны; в других версиях — сначала убивает, а потом чудесным образом оживляет их. Общим, однако, оказывается то, что Хотен побеждает своих соперников и вновь подъезжает к их дому. Хотен втыкает свое копые в землю и требует обсыпать его доверху золотом. Когда же Часова вдова оказывается не в состоянии это сделать, он забирает Чайну, отводит ее в свой дом и объявляет матери, что привел ей портомойницу. Завершается былина тем, что после просьбы матери Хотен женится на своей пленнице.

Настоящее исследование является первой специальной работой, посвященной Хотену Блудовичу, все предшествовавшие авторы рассматривали эту былину лишь в связи с общими характеристиками русского или новгородского эпоса. Среди прочих выделяется обширный раздел в работе Всеволода Миллера (*Миллер* 1897: 225–286), второй столь же основательный обзор появился лишь спустя восемь десятилетий — в статье Ю. И. Смирнова, сопровождающей публикацию разных версий истории Хотена в издании новгородских былин (*Смирнов, Смолицкий* 1978: 426). Причиной такого невнимания можно с полным основанием назвать то, что былина о Хотене — одна из самых бледных и малоинтересных в составе русского эпоса. По своему характеру Хотен Блудович находится как бы посередине — между новгородским удалцом Василием Буслаевичем, с которым его роднит буйный нрав, и знаменитыми киевскими богатырями, которых он напоминает своим воинским искусством.

В то же время Хотену недостает красочного колорита Василия, лишен он и благородной героичности богатырей —

защитников Русской земли, и не случайно в тексте былин Хотен никогда не называется богатырем.

Не интересна былина и с чисто научной точки зрения — ее содержание кажется исчерпывающе объяснимым известными сюжетными аналогами. Рассказ о борьбе героя с братьями его возлюбленной составляет основу былины «Алеша Попович и братья Бродовичи», баллад «Федор Колыщатый», «Иван Дудорович и Софья Волховична», южно-славянских песен об Иване Ливняне, Тадии Поповиче, Митаре и др. (Смирнов, Смолицкий 1978: 427). Некоторой особенностью истории Хотена является то, что его враждебность к братьям Чайны объясняется не любовными переживаниями, но стремлением отомстить за мать. Это легко объяснить позднейшими изменениями, обусловленными особенностями новгородской традиции — в былине о Хотене любовный сюжет преобразуется в историю городской ссоры, которая даже указанием на особую роль матери героя напоминает другую новгородскую былину — о Василии Буслаевиче. Как полагает Ю. И. Смирнов, «Былине "Хотен Блудович", по-видимому, предшествовал более простой песенный стереотип: попытавшись завладеть (похитить) девушку, герой натолкнулся на отпор со стороны ее братьев, захватил их в плен и добивался от них выкупа, включавшего девушку» (Смирнов, Смолицкий 1978: 429).

Единственной проблемой, потребовавшей некоторого внимания, явилась сама отнесенность к новгородскому циклу. На это указал уже В. Миллер, отметивший поверхностный характер «киевизации», сходство с безусловно новгородской былиной о Василии Буслаевиче, а также узнаваемые реалии новгородской жизни в тексте былины о Хотене Блудовиче. Ю. И. Смирнов оспаривает последнее доказательство, считая, что содержание былины можно сопоставить с жизнью любого другого средневекового русского города, однако он соглашается с общим заключением В. Миллера, так как история Хотена Блудовича сохранилась в исторических центрах новгородской колонизации (Смирнов, Смолицкий 1978: 430). Ю. Смирнов доказывает также, что «киевизация» имела место уже в позднейших переложениях былины, сделанных сказителями Русского Севера. В работе Ю. Смирнова, подытожившей приблизительно вековую историю изучения былины о Хотене, отмечены две небольшие детали, которые не находят вполне удовлетворительного объяснения. Не понятен источник эпизода с копьем и золотом в финале былины, который не имеет аналогов в других былинных сюжетах (Смирнов, Смолицкий 1978: 435); не ясна до конца также проблема имени героя (Смирнов, Смолицкий 1978: 430).

Последнее представляет особый интерес. Имена «Хотен» и «Блуд» были известны в средневековой Руси. Так, в русских летописях сообщается под 980 годом, что к Владимиру перешел воевода Блуд. П. А. Бессонов видел в этом историческом факте основу былины (*Кондратьев* 1967: 132), однако данная точка зрения не была поддержана даже самыми убежденными сторонниками подобных исторических интерпретаций — в содержании былины нет ни малейшего сходства с рассказом летописи. Наиболее авторитетный приверженец исторической школы В. Ф. Миллер полагал, что былина воспроизводит ситуацию нашумевшего в свое время новгородского скандала, имя же Хотен, по его мнению, имеет нарицательное значение. Имя, производное от глагола, обозначающего желание, подразумевает «вымоленного», желанного сына, родившегося у пожилых родителей. Таково же, по мнению Миллера, и значение имени невесты Хотена — Чайны, также производного от глагола, обозначающего желание (*Миллер* 1897: 225).

Объяснение это, однако, игнорирует отчество героя. Миллер ограничился указанием на известность имени Блуд, включая «Блудову улицу» в Новгороде, но остается непонятным принцип выбора. Наричательному имени должно соответствовать и нарицательное отчество.

Логика сочетания имен Хотен и Блуд легко объяснима, если принять иное прочтение имени «Хотен». Глагол «хотеть» означает не только желание, но и желание эротическое, откуда слово «похоть». В заговорах-присушках, сохранивших архаические формы лексики, часто используется слово «хоть» или «хочь» в значении «вожделение»: «... зажги ты красную девицу во всю ее хочь», «... в ретивое сердце, в хоть и плоть» (*Майков* 1869: 1–8; 11–12). «Хотен» означает не вымоленного сына, но человека, испытывающего вожделение. С этим согласуется и имя невесты Хотена: Чайна — «желанная», девушка, возбудившая любовную страсть.

Слово «хоть» встречается также в «Слове о полку Игореве», где оно означает любимую жену князя Всеволода (*Адрианова-Перетц* 1950: 15). Судя по этому употреблению глагола «хотеть» в сексуальном значении не было в древнерусском языке столь однозначно непристойным, как в современном русском (*Даль* 1980: 563). Оно ближе скорее современному «желать», и употребляемое в заговорах «хоть» следует понимать не как «похоть», но как «желание», «любовная страсть». Исходя из этого, имя «Хотен» можно было бы сопоставить с греческим «Эрот», также производным от глагола, обозначающего любовное желание.

Отчество Хотена Блудовича близко значению имени. Слово «блуд» означает осуществление любовной страсти и в этом

значении встречается в заговорах: «Как быки скачут на коров или как корова на Петровку голову закинет, хвост залупя, так бы раба Божия (имя рек) бегала и искала меня (имя рек), Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы целовала, руками обнимала, блуд творила» (*Майков* 1869: 13–14). Однако в отличие от понятий, производных от глагола «хотеть», слово «блуд» однозначно непристойно и синонимично понятию «грех». Это подтверждается и содержанием былины: указание на то, что отец Хотена Блуд «блуд блудил», является основанием для отказа в сватовстве. Если имя «Хотен» можно было бы понять как древнерусский аналог Эрота, то Хотен Блудович означает «Эрот, сын Греха», «Эрот Развратник».

Непристойность сочетания «Хотен Блудович» очевидна для любого непредвзятого слушателя. Тем не менее, исследователи былины предпочли этого не заметить — подобное понимание имени и отчества героя не объяснимы содержанием новгородской былины и не соответствуют характеру всех других фольклорных повествований, основывающихся на сюжете «Герой и братья его возлюбленной». Однако непристойность сочетания «Хотен Блудович», подтверждаемая также значением имени «Чайна», — безусловный факт, который требует объяснения. Имена главных героев, как правило, не случайны, во многих случаях это древнейший элемент повествования, сохраняющийся даже после радикального изменения сюжета. Судя по несоответствию имен и содержания новгородской былины, нечто подобное необходимо предположить и в этом случае. Имена Хотена Блудовича и Чайны первоначально принадлежали какому-то иному повествованию.

Чтобы определить этот источник, ключевым понятием остается откровенно непристойное «блуд». Как отмечается в словаре Даля, слово «блуд» относится «собственно к незаконному безбрачному сожительству, к любодейству, посему слова сего лучше в общежитии избегать» (*Даль* 1980: 99). Русские люди эпохи Средневековья подобной рекомендации не соблюдали — имя «Блуд» входило в число так называемых некалендарных имен, обычно использовавшихся в общежитии вместо имен церковных. Точно так же и деяния, обозначаемые понятием «блуд», имели право гражданства в общепринятых праздничных обычаях. Так, в 41 главе «Стоглава», сборника постановлений церковного собора 1561 г., собранного по инициативе Ивана Грозного, в вопросе XXIV сообщается: «В русалие о Иване дни и навечерне Рождества Христова и крещенье, сходятся мужи и жены и девицы на ношное плещевание, на бесовские песни и плясания и на богомерзкие дела, и бывает отрокам осквернение и девкам растление» (*Чичеров* 1957: 170). В указе Киевской

духовной консистории от 1719 года в те же праздники отмечаются «блудные грехи, девства растление, беззаконное детей прижитие» (Чичеров 1957: 169). По словам вяземского иконописца старца Григория, который в 1651 году отправил свою челобитную с обличениями святочных обычаев царю Алексею Михайловичу: «Тамо девицы девство диаволу отдают» (Кантепов 1913: 181). В некоторых местностях подобные традиции сохранялись вплоть до конца XIX столетия. Так, жители села Дединово (Зарайского уезда Пензенской губернии) в ночь на Ивана Купалу предавались оргиям в роще на холме, носившем имя языческого божества Ярилы — Ярилина плешь (Иванов, Торопов 1974: 213). По сообщениям этого времени из Вятской губернии: «во время братчины... совокупаются в близких степнях родства: сноха с деверем, свекром, близкие родственники. Бывали также случаи и с родными — братьями и сестрами (все женатые) и грехом не считалось» (Бернштам 1988: 227—228). Следы подобной традиции запечатлелись повсеместно в виде масленичного «целовника» молодухек, игре «пиво варить», предполагавшей выбор партнеров с символикой всеобщего «переjuvenивания», по определению одного священника из Новгородской губернии, «скачут, буди беси перед заутреней» (Бернштам 1988: 228); откровенно эротическую символику имели также качание на качелях, игры в быка и гуся, в ходе которых парни «бодали» и «щипали» девок (Чичеров 1957: 200; Максимов 1903: 298); тема секса постоянно обыгрывалась в матерном сквернословии, которое традиционно сопровождало празднества (Успенский 1981: 49—53), и в «Памяти», данной 14 августа 1636 года патриархом Иоасафом, «блядословие» упоминается наряду с «играми бесовскими» (Акты...1836: 402) и т. п. Церковь безуспешно пыталась бороться с праздничными обычаями, не подчинявшимися правилам официально утверждаемой морали. Это было своеобразное антиповедение, чьи принципы составляли прямую противоположность законам будничной повседневной жизни.

Подобные обычаи имели повсеместное распространение в самых отдаленных от России странах; эротизм — это общая черта праздничной, или, по определению М. М. Бахтина, карнавальской традиции. В качестве наиболее яркого примера можно указать на скульптурные изображения сексуальных оргий молодежи, запечатленные в храме Сурьи в Конараке и других индийских святилищах. Впрочем, индийская традиция выделяется лишь активным использованием экзотических йогических поз, во всем же остальном праздничные обычаи поразительно сходны даже в обрядовых деталях: аналоги русским играм в быка можно найти у индейцев Юкатана (*Борода-*

това 1988: 323), качание на качелях как часть праздников любви известно также у вьетнамцев и корейцев (*Стратанович* 1978: 66–67) и т. п. Несмотря на позднейшие попытки романтически облагородить подобные обычаи, их, как правило, отличала подчеркнутая грубоватость, оргиастическая исступленность. Описывая праздник ямса у африканских ашанти, исследователь отмечает: «Царит самая грубая свобода, и каждый пол отдается своим страстям» (*Иорданский* 1982: 76). Возможно африканский темперамент в чем-то также неповторим, как йогическая изощренность индийской традиции, но лишь в несколько более игривой форме, столь же вольные праздничные нравы отмечаются и для средневековой Франции. Французский проповедник начала XIII века Жак де Витри говорил в проповеди «К жена-тым»: «Нынче можно найти много матерей, которые учат своих дочерей сладкострастным песням, распеваемым хором... Когда же такая мать видит, что ее дочь сидит между двумя молодыми парнями, один из которых положил ей руку на грудь, а другой пожимает ладонь или обнимает талию, она ликует, говоря, смотрите, каким вниманием пользуется моя дочь, как любят ее молодые люди...» (*Бессмертный* 1989: 102).

В научной литературе неоднократно указывалось на связь оргиастических обычаев с верованиями, относящимися к производительным силам природы, к почитанию приапических богов — в славянской традиции это Ярило (*Иванов, Топоров* 1974: 212); эпитет «ярый» мог относиться и к описанию сексуального возбуждения; в этом значении он встречается в любовных заговорах: «терпи ее ярая кровь, ярая плоть» (*Майков* 1869: 17–18). Не менее выразительно и содержание загадки: «Выбежал Ярилко из-за печного столба, зачал бабу ярить, только палка стучит (помело)» (*Кругляшова* 1968: 141). Современные авторы видят в упоминании Ярилки наследие древних представлений о божестве Яриле (*Иванов, Топоров* 1974: 213). Это одно из проявлений неоднократно отмечавшегося архаизма русского фольклора, сохраняющего многие элементы языческих верований, включая и матерное сквернословие, в котором усматривают выражение идеи священного брака, дарующего плодородие земле (*Успенский* 1981: 45–53; 1983: 45), и русский эпос, наиболее популярный герой которого — Илья Муромец — обнаруживает сходство с языческим громовиком Перуном (*Иванов, Топоров* 1974: 165). Возможно, изображение Хотена Блудовича в качестве сидящего на коне удалого молодца с копьем в руках не случайно напоминает известные описания «молодого Ярилы» и заменившего его позднее в народных верованиях Георгия-Юрия (*Иванов, Топоров* 1974: 181–182). Русский Эрот — Хотен Блудович уже самым своим именем

соответствовал характеру бога плодородия, который покровительствовал праздникам молодежи. Хотен мог представлять Ярилу на более низком уровне восточнославянской мифологии — подобная ситуация типична (Иванов, Топоров 1974: 180). Решающими были однако не преемственность с древними верованиями, но общие черты языческого миропредставления, запечатлевшегося в двоеверном народном христианстве — полное принятие всего того, что относится к чувственности и сексу. Древний языческий свадебный обряд славян включал в себя столь выразительные обычаи, как почитание фаллоса — «срамоты» и ритуальное сквернословие (Аничков 1914: 374–375; 385); в позднейшие времена свадьба неизменно сопровождалась непристойными песнями, разного рода двусмысленными, а зачастую и вполне недвусмысленными шутками (Варганова 1979: 3–11). Даже в конце XIX века, когда обычай требовал от девушки сохранения невинности, в общепринятое поведение деревенской молодежи входили весьма вольные игры, объятия, ласки, поцелуи, совместные ночевки; «... неискусные в игре или недотроги презирались не только парнями, но и девичьей группой, награждались обидными прозвищами... в крайних случаях изгонялись из молодежной среды, что грозило им статусом «старой девы». В свою очередь и девушки сторонились парней, которые не обладали ухарской, разбитной манерой ухаживания...» (Бернштам 1991: 252).

Обычаи подобного рода породили сопутствовавшую им фольклорную традицию: эротические сказки, песни с «причинкой», т. е. с непристойностями (Иванов, Топоров 1974: 213), разного рода пословицы, загадки с неприличными ответами и т. п. Дошедшие до нашего времени сказки этого типа обнаруживают близость, иногда даже полное совпадение сюжетов со средневековыми французскими фаблю, немецкими шванками, польскими фацеями и итальянскими новеллами, воспроизведенными в «Декамероне» Боккаччо (Успенский 1993: 121). Тем не менее, похоже, что поминавшиеся в церковных обличениях «бесовские песни» и «блядословие» играли большую роль в жизни средневекового русского общества, нежели в мире Западной Европы. Путешествовавший в 30-х годах XVII столетия по России Адам Олеарий был явно шокирован такой особенностью русской культуры. По его словам, русские «часто говорят о разврате, о гнусных пороках, о непристойностях <...>. Они рассказывают всякого рода срамные сказки и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, считается у них приятнейшим в обществе» (Олеарий 1906: 189).

За очень немногими исключениями русские эротические тексты, относящиеся непосредственно к эпохе Средневековья, остались незаписанными. О причинах этого говорится в окружном послании суздальского архиепископа Серапиона (1642): «Инии безумные человеки говорят скарденные и срамные речи, их же невозможно писанию придати» (*Кантепов* 1913: 12). Однако этнографы и фольклористы Нового времени застали в русских деревнях ситуацию, близкую средневековым описаниям. Единственной проблемой оказалось строгое целомудрие российской цензуры, сходной в этом отношении как до, так и после 1917 года. Вплоть до недавнего времени в России была невозможна публикация даже «классического» сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки». Тем не менее, в распоряжении исследователей имеется значительное число текстов, большая часть которых была опубликована за пределами страны (*Топорков* 1991: 307).

Нет ничего удивительного, что герой по имени Хотен Блудович в известных фольклорных записях не упоминается. По самой своей природе эротический фольклор подвижен и изменчив; очевидно, что непристойные песенки, которыми развлекались молодые новгородцы четыре-пять столетий назад, до нашего времени не дошли. Имя Хотена Блудовича могла сохранить лишь «присвоившая» его былина. Однако уже нарицательный характер имени новгородского героя роднит его с известными персонажами эротического фольклора. Так независимо от ассоциаций с именем языческого бога как нарицательное воспринималось имя Ярилки в приведенной выше загадке. Еще более показательна была старца Игренища, который проносит в монастырь молодую девушку (*Кирша Данилов* 1958: 227–228). Термин «игра» использовался русской молодежью как обозначение праздничных развлечений, в том числе и любовных игр: «Весна пришла, игра пошла», «Игра же ты моя игра.../ Мне игра не доиграна,/ Таночек не довожен,/ Милый друг не провожен» (*Бернштам* 1991: 235).

Следы первоначальной песни о Хотене Блудовиче и Чайне можно заметить в самом тексте былины. Еще один из первых ее исследователей, А. М. Лобода, указал, что некоторые фрагменты былины сходны с песнями, традиционно сопровождавшими русскую свадьбу: в них также упоминается виноград, сад, ворота, пробитые копьем, жених изображается как победитель, захвативший в плен невесту. (*Лобода* 1910: 173). Публикации свадебных песен обнаруживают почти буквальное совпадение с былиной.

В былине:

Он ткнул копьём да в широки ворота.
На копы вынес ворота среди двора...
(Григорьев 1910: 408).

В свадебной песне:

Да и ткнул копьём широки ворота.
Да разлетелись ворота среди нова двора
(Колпакова 1973: 25).

Общая теория А. М. Лобода, утверждающая зависимость русского былинного эпоса от свадебной поэзии, безусловно не находит подтверждения. Это объясняет, почему данное наблюдение, сделанное еще в работе 1905 года, не было замечено позднейшими исследователями. Очевидно, однако, что в этом случае Лобода был отчасти прав. Свадебная или сходная со свадебными песня соединилась в былине с героическим сюжетом. Свадебные образы сосредоточены в эпизоде разгрома терема, однако далее следует отъезд Хотена в чистое поле, и действие разворачивается в соответствии с сюжетом «герой и братья его возлюбленной». Впрочем, соединение это не произвольно. Есть логика в сочетании двух сюжетных линий, посвященных соединению молодых людей. При сравнении истории Хотена Блудовича с балладами и южнославянскими песнями можно заметить, что столкновению героя с братьями его возлюбленной предшествует указание на близость этой любовной пары, описывается встреча молодого человека и девушки. Подобная же сцена есть и в былине об Алеше Поповиче и братьях Бродовичах (Смирнов, Смолицкий 1974: 208–223). Здесь столкновению Алеши и братьев предшествует эпизод, в котором на призыв Алеши сестра его соперников выбегает из терема «в одной-то рубашечки, без пояса, в одних-то цулоцках без башмачиков» (Смирнов, Смолицкий 1974: 218–220), чем обнаруживает свои любовные отношения с богатырем. Помимо того, что прямое указание на это содержится в тексте былины, уже само описание девушки без пояса и башмаков является традиционным символом «греха» в песнях, сопровождающих весенние игры молодежи (Бернштам 1991: 240).

Свадебные метафоры в составе былины о Хотене Блудовиче обнаруживают подобное же значение, идеально соответствующее непристойному имени этого героя. На это указал еще А. М. Лобода, заметивший, что смятый виноград означает потерю девичества (Лобода 1910: 194). В свадебных песнях девушку называют «винной ягодой», смятой ветром и морозом (Колпакова 1973: 15), в некоторых песнях добрачная потеря невинности обозначается такими метафорическими выражениями, как сад, вытоптаный конем или всадником (Бер-

нитам 1991: 250), что буквально сходно с отдельными вариантами былины.

Так же как любовные игры молодежи, эротические метафоры поразительно похожи в разных традициях: девушка, не сберегшая свой «виноградник», упоминается еще в библейской «Песне песней». Столь же широкое распространение имеют образы «любовной битвы», известные от «Декамерона» Боккаччо до наиболее знаменитого китайского эротического романа «Цветы сливы в золотой вазе». В силу понятных образных ассоциаций упоминание взломанных ворот, так же как вытоптаный сад-виноград, означает потерю невинности, то же значение имеет разрушение терема, крыльца и т. п. Описание поведения Хотена в доме Чайны можно сравнить, например, с метафорой потери невинности в рассказе о везире Нур-ад-Дине из «Тысячи и одной ночи»: «...он забил заряд, и пушка выстрелила и разрушила башню» (Салье 1958: 212). Пушка — символ, естественно, позднейший, заменивший в текстах подобного рода колющее оружие — копье, меч или стрелу. Например, в казахском эпосе: «Слава удалому стрельцу, / Что не долго целясь в цель / Безошибочно попал» (Липкин 1958: 572). В романе «Цветы сливы в золотой вазе»: «Потом он опустил на корточки, прицелился, метнул копье и попал в цель» (Манухин 1986: 348). Или: «Миг и копье пробило щит. Еще удар и меч восстал...» (Манухин 1986, 2: 23) и т. п.

В некоторых случаях подобные метафорические изыски могли означать нечто большее, нежели условный язык эротических описаний. Та же символика прослеживается и в ритуальных действиях. Например, сексуальные оргии, происходившие в день праздника плодородия у некоторых народов Вьетнама, начинались пробиванием деки барабана, что, как фольклорно-литературные метафоры разрушения, означало дефлорацию (Стратанович 1978: 65). Если в приведенном выше отрывке из «Тысячи и одной ночи» выстрел символизировал потерю невинности, то в ходе брачной церемонии у обитающих на юге Ирака озерных арабов жених выстрелом из ружья давал знак об этом событии (Тэсиджер 1982: 170–171). Особо можно выделить малайский свадебный обычай, напоминающий финальный эпизод былины о Хотене. В былине Хотен, подъехавший к дому Чайны, втыкает копье в землю; в малайской церемонии то же делал жених, подойдя к невесте (Брагинский 1989: 209). Возможно, нечто подобное имело место и в древних славянских обычаях, воспоминанием о которых остаются свадебные песни, изображающие жениха как вооруженного копьем всадника. Тем не менее, непосредственным источником этого эпизода в былине должна была явиться не церемония, но

эротическая песня о Хотене. Это подтверждается и характером известных эротических метафор.

В былине Хотен обращается с требованием:

Ты обсыпь мое востро копые,
Ты обсыпь возьми да золотом, серебром
(Григорьев 1910: 412).

Если копые Хотена напоминает о метафорах фаллоса, то золото или предметы из золота часто обозначают женский половой орган или матку. Помимо всего прочего, этим объясняется название романа «Цветок сливы в золотой вазе», имеющее символическое эротическое значение (Манухин 1986, 2: 11–13). В некоторых русских диалектах слово «золотник» обозначает матку или женскую утробу (Успенский 1982: 150–151; Никифоров 1929: 126; Адрианова-Перетц 1935: 503–504), в загадках «золотая дыра» обозначает женский половой орган (Афанасьев 1865–1869: 467). В древнейшем известном русском эротическом сочинении «Сказание о молодце и девице» (XVII в.) описание любовного соития сталкивает символику копыя и золота, что уже буквально напоминает текст былины о Хотене: «Сице рече младый отрок к прекрасной девице: Душечка, еси ты, прекрасная девица, есть у тебя красное золото аравийское, да посадил бы я буланое копые» (Срезневский 1906: 84)². Загадочная уникальность эпизода с копыем и золотом в составе русского эпоса объясняется тем, что он был заимствован из эротической песни.

* * *

Былина о Хотене не уникальна в своей соотнесенности с традицией эротического фольклора. Мы уже упоминали о символике «греха» в былине об Алеше и братьях Бродовичах. В былине о Ставре жена этого героя, выдающая себя при дворе князя Владимира за чужеземного посла, пытается открыться своему недогадливому мужу, напоминая об их семейной близости, при этом ее многозначительное иносказание сходно с приведенной выше метафорой копыя и золота:

А не помнишь ли Ставер да сын Гоудинович
А мы с тобой свайкой поигрывали.
А мое было колечко золоченое,
Твоя-то была сваячка серебряна,
Ты туда попадывал всегда, всегда,
А я туда попадывал всегда, сегды
(Гильфердинг 1949–1951, 1: 189).

Особенностью былины о Хотене является то, что приводящиеся в ней эротические метафоры не осознавались в этом

значении слушателями. В то же время идеальное соответствие такого забытого смысла характеру имен Хотена Блудовича и Чайны позволяет утверждать, что отмеченные метафоры принадлежали древней эротической песне о Хотене, которая была переосмыслена в былине. Само по себе это открытие можно было бы счесть пикантным курьезом, но за ним просматриваются и некоторые общие закономерности, особо характерные для новгородской традиции.

Подобно предполагаемому источнику былины о Хотене, откровенно непристойный характер имеет былина о госте Терентише, рассказывающая об «излечении» неверной жены этого героя. Еще более любопытно сопоставление с былиной о Василии Буслаевиче и новгородцах. Хотя в ней отсутствуют эротические намеки, содержание былины сходно с историей Хотена общей соотносительностью с миром праздника. Былина описывает кулачный бой, в котором Василий Буслаевич победил «новгородских мужиков». Кулачные бои — любимое праздничное развлечение русской молодежи, близкое в этом отношении любовным играм. Помимо всего прочего, кулачные бои сопутствовали и празднику Ярилы — дню Ивана Купалы (*Ефименко* 1869: 85–86). Драки — универсальная особенность праздничного карнавального мира (*Токарев* 1989: 58, 64, 143, 149, 226, 303–304), как и любовные оргии, они связаны с древней языческой обрядовостью (*Ардзинба* 1982: 80–81; *Березкин* 1983: 131–133) и в равной мере могут сохраняться после забвения соответствующих верований. Так же как любовные приключения, описания драк и избиений — одна из популярнейших тем фольклора и литературы, порожденных карнавальным мироощущением; во многих случаях драки и любовные забавы объединены общими сюжетами. Например, в рассказе мажордома из «Кентерберийских рассказов» Чосера любовные приключения двух студентов в доме мельника завершаются тем, что пытающийся расправиться с ними хозяин дома получает сокрушительный удар по лбу, от которого он падает без чувств (*Чосер* 1973: 135–147). Точно так же и в русской песне о старце Игренище действие начинается похищением девушки, а завершается избиением людей, желающих помешать старцу пронести девушку в монастырь. Не случайно и драчун Василий Буслаевич в былине о паломничестве в Иерусалим проявляет склонность к непристойным шуткам эротического характера — это общий стиль поведения.

Кулачный бой — тема явно не эпическая, очевидно, она была «присвоена» былинным эпосом, а первоначально рассказ о кулачном бойце являлся достоянием карнавального фольклора. В отличие от истории Хотена, «карнавальная» основа кото-

рой «уведена» вглубь текста, в былине о Василии Буслаевиче такая преемственность явно ощутима. Василий описывается, как буйный забияка, склонный к выпивке; описание его подвигов содержит комические эпизоды, в которых явно пародируются идеалы высокой героической традиции. (Мороз 1992: 170–181).

Так же как и в былине о Хотене Блудовиче, преемственность с карнавальными традициями запечатлена и в имени, точнее — в отчестве Василия Буслаевича. Слово «буслай» означает в русских говорах «разгульный мот, гуляка, пьяница» (Даль 1980: 145). В тексте былины этим именем назван отец Василия, чей подчеркнута кроткий характер парадоксально противоречит значению данного слова, что должно было создавать комический эффект. В то же время слово «буслай» идеально соответствует поведению Василия. Можно предположить, что в доэпическом тексте таковым было не отчество, но прозвище героя, и былинному Василию Буслаевичу предшествовал Васька Буслай. Это напоминает прозвище другого былинного героя Василия Игнатьевича, которого часто называют Василием Пьяницей. Характеризуя Василия Игнатьевича, Всеволод Миллер писал, что былина о нем была создана «в кабаке, в чаду винных паров» (Миллер 1897: 313), простонародная тема пьяной удали, бывшая первоначально достоянием низовых шуточных жанров фольклора, оказалась переосмысленной в эпическом стиле.

Нарицательные имена-прозвища — Игренище, Буслай, Пьяница, Хотен Блудович (возможно, первоначально Хотен Блуд или, как произносили это имя сказители былин, Хотенушко Блудишко) — типическая черта «карнавальной» традиции, герои которой могли отождествляться с любым участником праздника. Иногда особая популярность обычных имен также придавала им общее нарицательное значение, например, в сказаниях о скоморохах часто встречается имя Вавила. (Власова 1988: 71). Эта тенденция не ограничена только карнавальными тематикой, имя «Маринка» — под влиянием, очевидно, исторической Марины Мнишек, стало излюбленным обозначением обманщицы-волшебницы, подобные женские персонажи называются на пути героев в былинах «Глеб Володьевич», «Добрыня и Маринка». Возможно, сходные пристрастия Василия Буслаевича и Василия Пьяницы также не случайное совпадение, но отражение общей фольклорной традиции, в которой герои, склонные к выпивке и пьяному удалству, чаще всего носили имя Василий. Это решительно отличается от эпоса, главные герои которого отчетливо индивидуализированы и воспринимаются слушателями как реальные исторические

лица. Василий Буслаевич, став героем былины, был вписан в Тверскую летопись как новгородский посадник. Трансформация «карнавального» фольклора в эпическое предание знаменует качественное его изменение — этот феномен, столь характерный для новгородского эпоса, требует особого осмысления.

* * *

Былинному эпосу принадлежит наиболее престижное место в системе жанров русского фольклора. Былины или, как их обычно называли, старины т. е. песни об историческом прошлом, о старине — воспринимались как своего рода священное предание, выражающее идеалы и принципы этнического самосознания русских людей. Это высокий, серьезный жанр. В целом он противостоит жанрам низовым, уже сама принадлежность которых к «смеховой» культуре являлась признаком несерьезности, относительной малозначимости. К этому типу относятся небывальщины, песенки о пьяницах, дураках и т. п. Если низовые жанры были связаны с традицией праздничного антиповедения, то былинный эпос выражал принципы собственно поведения, и в этом смысле он представлял противоположность фольклору, порожденному праздничным бытием. Проникновение карнавальных сюжетов в мир былинного эпоса — безусловный признак позднего новообразования, находящегося уже за рамками первоначальных жанровых закономерностей.

Тем не менее, в более широкой исторической перспективе ситуация оказывается не столь однозначной. Близкое соприкосновение комического и героического типично для эпических преданий архаического типа, например, для палеоазиатского эпоса о Вороне (*Мелетинский* 1979). Наряду с легендами о творении вселенной, этому герою приписываются комические эпизоды, связанные с обжорством, ленью, похотливостью. В той или иной степени все эти признаки характерны и для богов — Одина, Тора и Локи, чьи деяния описываются в исландских легендах. При этом Один отличается подчеркнутой сексуальностью, например, в песне «Перебранка Харбарда» («Старшая Эдда») он высмеивает победителя великанов Тора, противопоставляя его подвигам в сражениях свои успехи в соблазнении девушек. Тор же предстает воплощением грубой физической силы. Он отличается склонностью к обжорству и пьянству, что обыгрывается в историях явно комического характера. В «Песне о Трюме» переодетый женщиной Тор изображает прекрасную богиню Фрейю и в этом качестве является к великану, который требует эту богиню в обмен за похищен-

ный им молот. Мнимая невеста поражает жениха своим чудовищным аппетитом и любовью к выпивке; в финале Тор получает свое оружие и расправляется с великаном. Противопоставление сексуальности и грубой физической силы — типы Одина/Тора — не обязательно, обе эти черты сочетаются в облике Геракла, среди подвигов которого упоминается лишение девственности пятидесяти дочерей царя Теспия, произошедшее, по некоторым версиям этого предания, за одну ночь (*Павсаний* 1994, IX: 26, 6–7). Непристойно фаллические изображения Геракла являлись излюбленной темой греческой вазописи, что связано с сюжетами так называемых сатирических драм. В известной по позднейшим описаниям сатирической драме Еврипида «Силей» происходило классическое сочетание типичных карнаваловых тем, включая переодевание, обжорство, грубую шутку с использованием бытовых предметов и непристойности: проданный в качестве раба Геракл устраивал пир, на котором он проедал богатство хозяина, затем он убивал хозяина ударом мотыги, а в финале «успокаивал» дочь убитого, приглашая ее идти с ним спать (*Анненский* 1921: 397).

Архаические предания предельно далеки от романтического целомудрия классических форм героического эпоса, сексуальная мощь героя является таким же необходимым признаком его незаурядной природы, как и способность побеждать в сражении. Так, один из двух героев аккадского эпоса о Гильгамеше — Энкиду — в течение трех дней и ночей «познавал» блудницу Шамхат. Поэма начинается с того, что Гильгамеш делает жертвой своеобразной сексуальной диктатуры все население подвластного ему Урука. Показательно, что основное действие поэмы разворачивается из-за отказа Гильгамеша стать любовником богини Иштар — эпос строится на переосмыслении типичной для земледельческих верований концепции священного брака; сходные мифологические реминисценции обнаруживаются и в рассказе о соблазнении Энкиду (*Васильков* 1979: 125). Впрочем, более значимой, нежели такая преемственность, представляется сама близость идеалов мифа и архаического эпоса, прославляющего безудержную мужскую силу. Благодаря этому оказывается возможной и обратная эволюция, вводящая эпических героев в мир земледельческого мифа и обряда. Так, в древней Греции с рассказами об обжорстве Геракла связывали типичные карнаваловые увеселения, включавшие ритуальное сквернословие (*Аполлодор* 1993: 5,11).

Как правило, серьезное и смешное вполне органически сочеталось в деяниях таких эпических героев, включая и сексуальную тему. Приключения в духе сатирических драм лишь оттеняли великолепие главных подвигов Геракла, причем у нас

нет оснований считать, что легенда о лишении им девственности пятидесяти дочерей Геспия имела изначально комический характер; это тоже подвиг, хотя и особого рода. В уже упоминавшемся эпизоде из «Перебранки Харбарда» любовные приключения Одина служат поводом для шуток, но в известной по содержанию «Младшей Эдды» легенде о похищении этим богом меда поэзии рассказ о соблазнении Одином дочери хранителя меда является частью сакрального, безусловно серьезного предания. Иногда серьезное и смешное объединяются в общем сюжете. Так, в карельских рунах, ставших основой «Калевалы» Лённрота, рассказ об опасных приключениях Лемминкяйнена в подземном царстве завершается явно шутливым описанием пребывания этого героя на некоем острове, где он соблазняет сорок девушек (Евсеева 1982: 86) — это сходно с ролью греческих сатирических драм, завершавших постановки трагических циклов.

Шутливый характер рассказов о незаурядных сексуальных способностях героев напоминает такие же насмешки над их физической мощью и аппетитом, однако, как представляется, связь сексуальности с миром смеха имеет более органический характер. Это запечатлелось в русских поговорках, типа: «Где смех, там и грех». В мифологических преданиях темы зачатия, рождения, возвращения к жизни неизменно связывались со смехом. Показательна в этом отношении греческая легенда о богине производительных сил природы Деметре, которая вернулась в мир, когда ее рассмешили непристойной шуткой. Такая же легенда рассказывалась о японской Аматарасу и др. (Пронн 1976: 174–204).

Становление эпоса классического сопровождается изгнанием из него карнавальной стихии. Забавные приключения, которые приписываются Гераклу, Тору или Лемминкяйнени, нелепы в легендах об Ахилле, Сигурде или Роланде. Классический эпос более аристократичен, представление о героическом идеале утончается, преобладают скорее трагические, нежели комические темы. Эта общая тенденция с особой резкостью реализовалась в культуре средневековой Европы. Так, если в Греции могли одновременно рассказываться предания и о Геракле и об Ахилле, в христианской Европе периода раннего, а в значительной мере и зрелого средневековья, это было невозможным. Органическая целостность архаического мировосприятия нарушилась — хотя высокое и низкое по-прежнему оставались полюсами одной культуры, они разошлись, и низкое оказалось под формальным запретом. «Карнавальность» была изгнана из храма, а во многом и из дворца, она стала преимущественным достоянием улицы. Оставив религиозный обряд и

героическое предание, карнавальная стихия нашла выражение в особых жанрах — сатирах, пародиях, шуточных песенках, подобных русским небывальщинам, и т. п.

В своем замечательном исследовании европейской карнавальной традиции «Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и средневековья» Михаил Бахтин, что естественно для одного из первооткрывателей столь значительной темы, недооценил историческую динамику рассматриваемого им явления, воспринимая карнавальную традицию как некую общекультурную данность. «Народная культура Ренессанса и средневековья» являлась порождением средневекового мира, лишь унаследованным Ренессансом (*Бранка* 1983), более определенно можно сказать о ее принадлежности именно позднему Средневековью. Эта эпоха была отмечена исключительным расцветом, своеобразным взрывом карнавальной традиции, что отразилось и на развитии эпоса. Карнавальная стихия вновь вторглась в эпический мир, внося в него атмосферу чувственности и необузданной праздничной свободы. Эпическое предание теряло свою аристократическую — классическую ориентацию и оказывалось под влиянием вкусов простонародья, что возвращало в эпос некоторые архаические героические типы и темы повествования.

Этот процесс можно проследить на примере французской эпической традиции, где идеального красавца Роланда затмил своей популярностью более приземленный Гильом Оранжский, уже в облике которого подчеркивалась некоторая гротескность, соответствовавшая вкусам простонародья — Гильом лишился в одном из поединков кончика носа, за что получил прозвище «Короткий нос»; из-за неудачного врачевания на конце носа выросла шишка, о чем с явным юмором рассказывается в поэме «Нимская телега». Любопытно, что в древнейших преданиях о Гильоме этот герой носил другое прозвище — «Горбатый нос», что продолжало традицию, восходившую к историческому прототипу этого эпического персонажа — графу Гильому Тулузскому. Большой нос был его семейной чертой, и даже сын Гильома Тулузского — Бернар Септиманский носил прозвище «Нос» (*Frappier* 1955: 89–94). Первоначальная форма прозвища не несла в себе чего-либо комического, большой нос традиционно считался во французской традиции символом мужественности, однако народная память преобразила облик любимого героя в комическом стиле. Этому соответствовали и поздние описания подвигов Гильома Оранжского, в частности — поэма «Монашество Гильома» (*Корнев, Михайлов* 1985: 313–314), в которой описывается, как непомерный аппетит героя пугает монашескую братию. Поэма содержит эпизод с переодеванием

и обманом, схожий с описанными выше историями Тора и Геракла: разбойники нападают на Гильома, одетого монахом; мнимый монах позволяет врагам торжествовать победу, но затем внезапно обнаруживает свою силу и расправляется с ними.

Эта своеобразная «карнавализация» французского эпоса находит наиболее последовательное выражение в поздней версии «Поэмы о Гильоме», где появляется особый герой — поваренок Ренуар, который спасает всех французских рыцарей (Корнев, Михайлов 1985: 291; Волкова 1984: 148–149). Чудовищная сила Ренуара и его вспыльчивый характер сочетаются с такой безусловно узнаваемой «карнавальной» чертой, как непомерный аппетит. Ренуар часто попадает в нелепые положения, но с честью выходит из них.

История средневековой Руси во многих отношениях отличается от истории западноевропейских стран, но в то же время она обнаруживает типологически сходные черты. Это относится и к праздничной традиции, о чьем взлете в эпоху русского позднего Средневековья свидетельствует столь яркое явление, как становление сословия скоморохов — профессиональных строителей праздничных увеселений (Морозов 1975).

На позднем этапе развития русский эпос обогатился былинами, повествующими о подвигах скоморохов, — «Гость Терентище» и «Вавила и скоморохи» (Смирнов, Смолицкий 1978: 301–312), однако, как показывают новгородские былины о Василии Буслаевиче и Хотене Блудовиче, влияние праздничного мира на эпос не ограничилось только экспансией скоморошеской тематики. Это явление особо ярко проявилось именно в новгородском эпическом цикле, к которому относят и былины-скоморошины, однако влияние праздничной традиции можно проследить также и в некоторых позднейших былинах киевского цикла. В целом картина развития русского былинного эпоса кажется сходной с описанным выше французским примером.

Единственное дошедшее до нашего времени героическое предание домонгольской эпохи — «Повесть о полку Игореве» — по своему сюжету и общему настроению поразительно напоминает «Песню о Роланде», однако известные сюжеты былинного эпоса сложились явно позднее, и даже общее обозначение киевских героев, принятое в былинах, — «богатыри» — заимствовано из татарского языка. Идеальный героический тип, напоминающий Роланда или Зигфрида, в русской традиции представлен образом змееборца Добрыни, особо отмеченного в эпосе своим «вежеством», т. е. благородством и соблюдением сословного этикета. Показательно, однако, появление

в XVI—XVII вв. былины «Добрыня и Маринка» (Смирнов, Смолицкий 1974: 132–186), в которой этот благородный воин вызывающе осмеивается.

В полном противоречии с высокой традицией славный богатырь Добрыня превращается в этой былине из почетного участника пиров князя Владимира в прислужника: в зачине былины говорится, что Добрыня три года исполнял обязанности столыжника и три года — чащника. Уже само по себе это должно было создавать комический эффект, однако многолетняя служба Добрыни «вознаграждается» понижением. После исполнения относительно почетных придворных обязанностей он становится «приворотником», что в реальности означало бы катастрофическое умаление социальной позиции (Смирнов, Смолицкий 1974: 392). Составленный в духе парадоксальных небывальщин зачин дает ключ к общему прочтению былины — в ее содержании комически переосмысливаются темы высокой героики. Выстрел из лука, который в сказочных рассказах приводит героев к прекрасной девушке невесте, связывает Добрыню с блудницей Маринкой, причем стрела попадает в ее терем, когда она находится со своим любовником — Змеем Горынычем. Столкновение Добрыни со Змеем напоминает о героическом поединке героя с этим же чудовищем, однако в истории с Маринкой ситуация меняется и приобретает комически непристойный характер. Если ранее Добрыня спасает от Змея княжескую племянницу, то здесь он мешает любовным утехам Маринки и Змея. Последний превращается из людоеда и насильника в змея-любовника, что соответствует характеру некоторых сказочных и быличковых преданий, однако ситуация былины ничем не напоминает и рассказы о змее-любовнике. В других случаях змей действует как опасный соперник главного героя, в былине о поединке Добрыни и Змея Горыныча Добрыня даже плачет перед решающим сражением; однако в истории с Маринкой Змей бежит, как только стрела богатыря попадает в терем. Некоторые сказители стремятся усилить комический характер ситуации рассказом о том, что Змей «обделался» от страха во время бегства.

Не менее характерно и поведение самого Добрыни. Этот «рыцарь без страха и упрека», особо отмеченный «вежеством», превращается в подчеркнуто неловкого грубого увальня. Явившись за своей стрелой, он не в состоянии что-либо сказать, и обозленная Маринка превращает обидчика в тура. Сюжет превращения, который с полной серьезностью описывается в рассказе «Одиссеи» о волшебнице Кирке, в русской былине приводится в явно комическом контексте. Прославленный богатырь, к помощи которого часто прибегают другие герои

(былины «Дунай» и «Василий Казимирович»), плачет как беспомощный маленький ребенок; в конце концов он спасается лишь стараниями матери.

История Добрыни и Маринки не означала решительного разрыва с высокой традицией, злключения Добрыни в описанном выше рассказе лишь дополнили истории его славных подвигов. Более показательно, что этот благородный воин уступил в популярности другому герою — Илье Муромцу. Если Добрыню можно сравнить с Роландом, то Илья своей грубоватой мужественностью явно близок Гильому Оранжскому; былина «Илья и разбойники» (Астахова 1951: 757) почти буквально повторяет описанный выше эпизод с разбойниками в поэме «Монашество Гильома». Совпадают даже такие детали, как приманивание разбойников дорогой вещью: Гильом показывает драгоценную пряжку пояса, а Илья расхваливает дорогую шубу с драгоценными пуговицами.

Несмотря на относительно поздний характер, обусловленный демократической эволюцией эпоса, фигуры Гильома и Ильи напоминают более архаический тип героев, запечатлевшийся еще в языческой мифологии индоевропейцев. Даже явно позднейшие истории столкновения с разбойниками напоминают своим содержанием рассказ о приключении скандинавского бога грозы Тора в эддической «Песне о Трюме». Особенностью русского эпоса являлось лишь то, что он принадлежал сравнительно архаической традиции, сохранявшей многие элементы языческих верований — отсюда и сходство Ильи Муромца с русским богом-громовиком Перуном. Показательно, однако, что мифологические реминисценции сочетаются в облике Ильи с безусловно позднейшими социальными характеристиками. В киевские времена, когда эпические предания предназначались вниманию боевой дружины, их герои должны были изображаться знатными воинами, подобными Роланду, Гильому Оранжскому или Зигфриду. Память об этом сохранилась в немецких и исландских преданиях, позаимствовавших образ «Ильи Русского»; в немецкой поэме «Ортнид» (первая половина XIII в.) упоминается король русских Илья, в исландской «Саге о Тидреке» (ок. 1250 г.) рядом с королем русов Вальдемаром, т. е. былинным Владимиром, оказывается его брат — Илья Греческий и др. (Жирмунский 1974: 265–266). В дошедших до нас былинах Илья стал крестьянским сыном или казаком, что отражает позднейший этап эволюции русского эпоса, ставшего исключительным достоянием казаков и крестьян, обитавших на окраинах Руси. Подобная трансформация героической традиции относится к XVI–XVII векам, тогда же сложилась былина о дружбе Ильи с кабацкими завсегдаятами — «голями кабац-

кими», завершившая демократическую эволюцию этого образа. Самоотверженный защитник Святой Руси превращается в этой былине в буяна, который ссорится с князем Владимиром, сбивает стрелами купола киевских церквей и пропивает их с кабацкими друзьями (*Астахова* 1958: 230–251). Столь вызывающее поведение богатыря напоминает отчасти ссоры Гильома с придворными и монахами; в определенном смысле такую социальную трансформацию образа Ильи можно сопоставить с эволюцией Гильома от почетного «Горбатого носа» к комическому «Короткому носу».

На поздних этапах существования и русских, и французских эпических преданий эта линия развития увенчалась появлением уже последовательно демократических персонажей, которые изначально чужды высокой традиции. Французского Ренуара напоминают в этом смысле герои новгородских былин — Василий Буслаевич и Хотен, а также богатыри Василий Пьяница и Аксенко (*Марков* 1901: 409–414; 463–464). Преемственность в судьбе Ренуара и Гильома Оранжского показана уже тем, что Ренуар появляется в поздней версии «Песни о Гильоме». В односюжетных русских былинах такая демонстрация преемственности была невозможной, но она обозначилась другим способом. Так, былина об Аксенко своим сюжетом наследует былине об Илье и разбойниках, Аксенко напоминает Илью также дружбой с кабацкими завсегдаятами. Постоянным посетителем кабака является и Василий Пьяница, былина о нем повторяет известные героические темы из других былин об Илье Муромце. Впрочем, последнее обозначает уже не столько преемственность развития, сколько противопоставление высокой традиции, содержание которой пародируется в былине о Василии Пьянице (*Путилов* 1993: 102–103).

Этой же тенденцией можно объяснить и появление новгородской былины о Василии Буслаевиче, которая напоминает предания о Добрыне. Совпадают прежде всего имена матерей этих героев — Мамельфа или Амельфа Тимофеевна, буквально схожи эпизоды расправы с помощью тележной оси и рассказ об обидах, причиняемых в молодости сверстникам (былины «Василий Казимирович» и «Молодость Добрыни»). На фоне этих совпадений пьяная удаль Василия Буслаевича, который убивает своего крестного отца и готов перебить всех своих сограждан, представляется откровенным вызовом «вежеству» Добрыни³.

Вместе с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем третьим особо популярным героем русского эпоса является Алеша Попович. С этим образом связана своя линия развития. Если в сохраненных летописью древних героических преданиях Алеша

изображен как неистовый воин, готовый в берсеркском ослеплении напасть даже на своего князя (*Смирнов, Смолицкий* 1974: 336–337), то в былинах он превратился в расчетливого хитреца, обладающего не только храбростью, но и особой ловкостью, находчивостью. Подобно многим другим хитрецам в сказаниях разных народов (тип Ворона, Одина; особо близким Алеше кажется финский Лемминкяйнен), Алешу Поповича отличает склонность к шуткам и внимание к женщинам, в былинах его называют часто «бабьим пересмешником». Тема женолюбия Алеша реализовалась в рассказе о его неудачной попытке жениться на жене Добрыни, а также в былине «Алеша Попович и братья Бродовичи», в которой этот герой предстает соблазнителем девушки. В основе быliny тот же сюжет, что и в истории Хотена Блудовича — ссора молодого человека с братьями его возлюбленной.

Высказывалось мнение, что возникновение двух былин со сходной сюжетной основой объясняется существованием двух независимых линий русской эпической традиции — новгородской и среднерусской, объединившихся на Севере (*Смирнов, Смолицкий* 1978: 430). Не оспаривая этого вывода, можно отметить, что переход «карнавального» деяния от героя высокой традиции к последовательно «карнавальному» персонажу — общая тенденция; такова же преемственность между Ильей Муромцем и Аксенко или Василием Пьяницей, во французском эпосе — между Гильомом Оранжевым и Ренуаром. «Карнавальные» герои приходят в мир эпоса из низовой традиции. О роли ее в историях Василия Буслаевича, Василия Пьяницы и Хотена Блудовича говорилось выше, что же касается Ренуара, то угадываются какие-то комические повествования, подобные тем, которые использовал Франсуа Рабле в рассказах о брате Жана — совпадают даже указания на причастность Ренуара и брата Жана поварскому ремеслу. Очевидно, в обоих случаях обыгрывалась сатирическая тема «повар — знаменитый воин», известная западноевропейской культуре еще с позднеримского времени (*Frappier* 1955: 227–229). В этом отношении история Ренуара особо напоминает былинку о Хотене Блудовиче. В первом случае — пародия на тему битвы, а во втором — метафора, использовавшая образы битвы, были переосмыслены буквально и оказались «вплетенными» в эпическую ткань, объединившись с сюжетами героического характера. Нечто подобное произошло, по-видимому, и в истории Василия Пьяницы, в которой так же буквально переосмыслилась тема пьяной удали, дополнившая более ранний героический сюжет. Новгородская былинная традиция содержит один любопытный пример, на основании которого можно представить, как осу-

ществлялся подобный переход. История гостя Терентища показывает начальную форму эпизации: былина основывается на известном сказочном сюжете о неверной жене, но по форме она уже принадлежит эпосу. Быть может, и современной былине о Хотене Блудовиче предшествовал такой же пересказ эротического сюжета на былинный лад.

Переход «карнавальных» героев в высокий мир эпоса означал для них своеобразное повышение статуса, превращение типовых комических персонажей в реальные исторические личности, достойные, как Василий Буслаевич, упоминания в летописи. Вместе с тем и после приобщения к эпосу они сохранили несомненную преемственность с породившей их низкой традицией. Это заметно в отдельных комических эпизодах, но, прежде всего, в общем настроении повествования. Уже та поразительная легкость, с которой эти герои побеждают своих врагов, отличает их от воителей классической традиции. При всех своих воинских доблестях последние побеждают с некоторым трудом: Добрыня плачет перед решающим боем со Змеем, конь Ильи спотыкается от свиста Соловья Разбойника, сам Илья прибегает к хитрости, чтобы обмануть поганого Идолища, может даже попасть в плен к татарам; Алеша побеждает Змея Тугарина лишь хитростью. Все эти богатыри в трудный час обращаются к покровительству Бога и святых. Героям же «карнавальным» подобное покровительство не нужно: Василий Пьяница одним выстрелом из лука обращает в бегство всех татар. Такая же ситуация и во французской традиции: если Гильом побеждает одного из соперников, лишь лишившись кончика носа, а Роланд погибает в бою, то Ренуар расправляется с сарацинами с такой же легкостью, как брат Жан в истории Пантагрюэля сокрушает Сосисок.

Общим для всех упомянутых смеховых сюжетов как архаического, так и позднейшего — постклассического типа, являются пародийные мотивы; смешные эпизоды дополняют серьезную традицию и отталкиваются от нее. Особенностью позднейших преданий является то, что они возникают на фоне классического эпоса и тем самым противопоставление/пародия в них приобретают большую значимость. Комические эпизоды в биографиях Геракла или Тора пародируют описание их же подвигов — это чистый ненаправленный смех. Общей тенденцией развития смеховой культуры является развитие в ней направленного смеха и вытеснение ненаправленного, воспринимаемого теперь как дурачество (*Стеблин-Каменский* 1978: 149–156). Пародия приобретает элементы социальной сатиры. Простолудин Ренуар сражается рядом с благородными рыцарями и доказывает свое полное превосходство над ними. В

русских былинах подобное пародийное противопоставление имеет затекстовый характер: отдельные эпизоды должны были напоминать слушателям былин о Василии Буслаевиче и Василии Пьянице героические деяния Добрыни Никитича и Ильи Муромца.

История Хотена Блудовича на этом фоне кажется некоторым исключением. Несмотря на буйный нрав, напоминающий характер Василия Буслаевича, Хотен ведет себя пристойно, в основе его деяний лишь гипертрофированное чувство сыновней почтительности. «Карнавальная» символика уведена в глубь текста и малоощутима, явно она проявляет себя лишь в указании на непристойное поведение отца героя — Блуда. Сам же Хотен скорее сближается с киевскими богатырями, нежели противопоставляется им.

В настоящем виде былина о Хотене Блудовиче кажется своеобразным черновым наброском истории Василия Буслаевича, в котором «карнавальная» тенденция еще не нашла своего полного воплощения. Вместе с тем не следует забывать, что дошедшие до нас записи былины — не оригинальные новгородские тексты, но их позднейшие переложения, претерпевшие значительные изменения. Так, в истории Хотена Блудовича забыто даже его новгородское происхождение. Сходство этого героя с киевскими богатырями подозрительно соответствует поздней «киевизации» былины.

Особенностью развития былинного эпоса на Русском Севере является заметное стремление к унификации, выравниванию разных былин по общему нравственному канону. Вполне понятно, что для крестьян Севера особенности новгородского эпоса не были так значимы, как для новгородцев, вниманию которых этот эпос первоначально предназначался. Эстетические пристрастия и нравы новгородской вольницы во многом отличались от крестьянских — дело не в какой-либо иной культурной ориентации, но скорее в особой расстановке акцентов. Новгородская традиция нарушала то, что по аналогии с концепцией литературного этикета, обоснованной Д. С. Лихачевым (*Лихачев* 1971), можно было бы назвать этикетом фольклорным. Эпос являлся «высоким», серьезным жанром, вторжение в эпические песни карнавальной стихии — явление преимущественно новгородское, во всех случаях — городское. В крестьянской среде оно полного понимания не вызывало, и те эпизоды былин, при знакомстве с которыми от души веселилась новгородская молодежь, крестьян могла шокировать. Так, в различных версиях былины о Василии Буслаевиче сказители стремились сгладить вызывающую грубость и агрессивность этого героя, найти ей пристойное объяснение, иногда же

вносили в рассказ о подвигах Василия явное его осуждение. Особый радикализм переработки истории Хотена Блудовича вплоть до полного забвения ее новгородского происхождения объясняется, по-видимому, тем, что оригинальная версия этой былины для ее позднейших слушателей казалась особо неприличной. Очевидно, повышенная сексуальность, столь отличавшая Блуда, не была чужда и его сыну Хотену, чьи подвиги могли напоминать отмеченные выше эпизоды биографий Гильгамеша, Геракла или Лемминкяйнена.

Общей чертой эпоса классического типа является подчеркнутая скромность и благородство его идеальных героев. В русской традиции эта тенденция была обострена наложением государственной идеологии — жизнь богатырей полностью подчинена служению родине, и даже вполне приличные истории брачного характера оказываются неприемлемыми для сказителей. Как отмечал В. Я. Пропп, для былинной традиции было характерно особое целомудрие во всем, что касалось отношений героев с представительницами прекрасного пола (*Пропп* 1958). Используя популярные в разных эпических традициях героические сюжеты, обычно завершавшиеся браком, сказители русских былин пересказывали их по-своему. Когда в полном соответствии с общим эпическим каноном Добрыне предлагается жениться на спасенной им от Змея Горыныча Забаве Путятичне, богатырь решительно отказывается. В тех случаях, когда богатыри вступают в брак, это обычно приводит к трагедии. Так, в былине о Дунае, развивающей известный во многих героических традициях сюжет — поединок и женитьба героя на богатырской деве, повествование заканчивается гибелью обоих супругов. В тех случаях, когда богатыри пытаются спасти свою жену или невесту от похитителей, женщина неизменно оказывается предательницей, перешедшей на сторону врага и стремящейся погубить своего мужа: таково развитие событий в былинах о Потоке, Иване Годиновиче и позднем сказании о жене Соломона. Показательно, что в былине о Потоке названные братья героя с самого начала отказываются помогать ему в столь недостойном, по их мнению, занятии как погоня за похищенной женой. На позднем этапе развития эпоса, когда сложились описанные выше новгородские и киевские былины постклассического типа, была нарушена и эта традиция. Особо показательна история красавца Чурилы Пленковича, который опозорил князя Владимира тем, что на него загляделась жена Владимира — княгиня Апраксия, так что Владимиру пришлось срочно убрать со двора этого киевского Дон Жуана (*Гильфердинг* 1949–1951: 173–180). Однако эволюция эпоса не закончилась на этом постклассическом этапе.

После того как эпическая традиция стала исключительным достоянием крестьянской и казацкой среды, произошла своеобразная реставрация классических ценностных ориентиров. Нарушавшие их поздние былины не были забыты, однако сложились новые сюжеты, воплощавшие уже моралистическую реакцию, осуждение излишне легкомысленных героев, нарушавших высокие нормы богатырского поведения. Так, историю о расправе Василия Буслаевича над новгородцами продолжила былина о его паломничестве в Иерусалим, в ходе которого Василий, сохраняя свой «карнавальный» стиль поведения, проявил вызывающее пренебрежение общепринятыми нравственными принципами и был наказан смертью. Показательно, что среди прочих его грехов — неприличная шутка в адрес женщины, пытавшейся призвать его к порядку, — Василий обещает сделать ей ребенка. В былине о Чуриле и Катерине точно так же продолжилась обозначенная уже в первой былине об этом герое история его женолюбия. Чурила соблазняет Катерину, но любовники гибнут от рук обманутого мужа Бермяты (*Гильфердинг* 1949–1951, 3: 181–185). Женолюбие «бабьего пересмешника» Алеши было наказано не смертью, но позором. Особо показательна в этом отношении былина о неудачной попытке Алеши жениться в отсутствие названного брата Добрыни Никитича на его жене. Алеша пытается обмануть ее ложным известием о смерти мужа, но в конце концов он разоблачен и претерпевает позорное унижение. Обличение аморализма Алеши составляет содержание и былины о сорока каликах. В ней Алеша помогает развратной жене князя Владимира возвести ложное обвинение в воровстве на предводителя паломников-каликов Касьяна, который отверг домогательства княгини (*Кириша Данилов* 1958: 159). Другие сказители, возвеличивавшие Алешу, стремились облагородить этого героя, сделав его поведение более пристойным. Так, в былине о братьях Бродовичах упоминание о любовной интриге Алеши оказывается чем-то второстепенным, на первом плане — его торжество над братьями. По такому же принципу была переосмыслена и былина о Хотене Блудовиче. Этот герой был дорог сказителям, предпочеvшим избавить его от «компрометирующих» эпизодов непристойного характера, отнеся их только к старому Блуду. Отмечавшаяся некоторая бледность этой новгородской былины является следствием поздней редакции, которая оторвала Хотена от породившего его новгородского мира и сделала его мать участницей пира князя Владимира.

Примечания

¹ Библиография записей — Смирнов, Смолицкий 1978: 427.

² Ср. — Лопарев 1894: 16.

³ См. — Мороз 1992: 170–181.

Библиография

Адрианова-Перетц 1935 — Адрианова-Перетц В. Символика сновидений в свете русских загадок // Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935 С. 497–505.

Адрианова-Перетц 1950 — Адрианова-Перетц В. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Акты... 1836 — Акты, собранные Археографическою экспедицией. Т. 3. СПб., 1836.

Анненский 1921 — Анненский И. Ф. Театр Еврипида. М., 1921.

Аничков 1914 — Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

Аполлодор 1993 — Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993.

Ардзинба 1982 — Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Астахова 1949 — Астахова А. М. Илья Муромец / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1949.

Астахова 1951 — Астахова А. М. Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.

Астахова 1961 — Астахова А. М. Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. Подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.

Афанасьев 1865–1869 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Ч. 1.

Березкин 1983 — Березкин Ю. Е. Мочика: Цивилизация индейцев северного побережья Перу в I–VII вв. Л., 1983.

Бернштам 1988 — Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв. Л., 1988.

Бернштам 1991 — Бернштам Т. А. Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора: (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 234–257.

Бессмертный 1989 — Бессмертный Ю. Л. К изучению матримонильного поведения во Франции XII–XIII вв. // Одиссей: Человек в истории. Исследования по социальной истории культуры М., 1989. С. 98–113.

Бородатова 1988 — Бородатова А. А. Праздник нового года у майя: (К вопросу о сохранении охотничьей идеологии в землевладельческом обществе) // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988. С. 323–334.

Брагинский 1989 — Брагинский В. И. Символизм суфийского пути в «Поэме о Море Женщин» и мотив свадебного корабля // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 174–216.

Бранка 1983 — Бранка В. Боккаччо средневековый. М., 1983.

Варганова 1979 — Варганова В. П. Плач и смех в жанровой системе пинежского свадебного обряда // Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979. С. 3–11.

Васильков 1979 — Васильков Я. В. Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе: (сказание о Ришьяшринге) // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979. С. 99–133.

Власова 1988 — Власова З. И. Скоморохи и сказка // Русская литература. 1988. № 2. С. 58–76.

Волкова 1984 — Волкова З. Н. Эпос Франции. М., 1984.

Гильфердинг 1949–1951 — Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-ое изд. М.; Л., 1951. Т. 1, 3.

Григорьев 1910 — Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. 3. СПб., 1910.

Даль 1980 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1980

Евсеева 1982 — Евсеева В. Я. Карельское народное поэтическое творчество / Подг. и пер. В. Я. Евсеева. Л., 1982.

Ефименко 1869 — Ефименко П. С. О Яриле, языческом божестве русских славян // Записки Русского Географического общества по Отделению этнографии. Т. 2. 1869. С. 77–112.

Жирмунский 1974 — Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1974.

Иванов, Топоров 1974 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.; 1974.

Иорданский 1982 — Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982.

Каптеров 1913 — Каптеров Н. В. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913.

Кирша Данилов 1958 — Кирша Данилов. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. Н. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958.

Колпакова 1913 — Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973.

Кондратьева 1967 — Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.

Корнеев, Михайлов 1985 — Корнеев Ю. Б., Михайлов А. Д. Песни о Гильоме Оранжевом / Изд. подгот. Ю. Б. Корнеев и А. Д. Михайлов. М., 1985.

Кругляшова 1918 — Кругляшова В. Самоцветы живого слова // Урал. 1968.

Липкин 1958 — Липкин С. Казахский эпос / Пер. С. Липкина и др. Алма-Ата, 1958.

Лихачев 1971 — Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

Лобода 1903 — Лобода А. М. Русские былины о сватовстве. Киев, 1903.

Лопарев 1894 — Лопарев Х. Сказание о молодце и девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. СПб., 1894. (Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности. ХСІХ).

Майков 1869 — Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Максимов 1903 — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Манухин 1986 — Манухин В. Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй / Пер. В. Манухина; вступ. ст. и коммент. Б. Рифтина. В 2 тт. М., 1986.

Марков 1901 — Марков А. В. Беломорские былины, записанные А. В. Марковым / Предисл. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Мелетинский 1979 — Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М., 1979.

Миллер 1897 — Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897.

Мороз 1992 — Мороз Е. Л. К характеристике былины о Василии Буслаевиче и новгородцах // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 170–181.

Морозов 1975 — Морозов А. А. К вопросу об исторической роли и значении скоморохов // Русский фольклор. Т. XV. Л., 1975.

Никифоров 1929 — Никифоров А. И. Эротика в великорусской народной сказке // Художественный фольклор. IV–V. М., 1929. С. 120–127.

Олеарий 1906 — Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примеч. и указ. А. М. Ловягина. СПб., 1906.

Павсаний 1994 — Павсаний. Описание Эллады: В 2-х т. М., 1994.

Пропп 1958 — Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.

Пропп 1976 — Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Путилов 1903 — Путилов Б. Н. Пародирование как тип эпической трансформации // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 101–116.

Рыбников 1909 — Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. Т. 1–2. М., 1909.

Салье 1958 — Салье М. А. Книга тысячи и одной ночи / Пер. М. А. Салье. Т. 1. М., 1958.

Смирнов, Смолицкий 1974 — Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.

Смирнов, Смолицкий 1978 — Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Новгородские былины / Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.

Срезневский 1906 — Срезневский В. Сказание о молодце и девице по списку XVII в. библиотеки Академии наук // Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 11. 1906. Кн. 4. С. 79–90.

Стеблин-Каменский 1978 — Стеблин-Каменский М. И. Апология смеха // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 2. С. 149–156.

Стратанович 1978 — Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978.

Токарев 1989 — Токарев С. А. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. М., 1989.

Топорков 1991 — Топорков А. Л. Малоизвестные источники по славянской этносекологии // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991 С. 307–318.

Тэсиджер 1982 — Тэсиджер У. Озерные арабы. М., 1982.

Успенский 1981 — Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста 81. М., 1981. С. 49–53.

Успенский 1982 — Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Успенский 1983 — Успенский Б. А. Мифологический аспект экспрессивной фразеологии // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 29. 1983. С. 33–69.

Успенский 1993 — Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 117–138.

Чичеров 1957 — Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957.

Чосер 1973 — Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. И. Кашкина и О. Румера. М., 1973.

Frappier 1955 — Frappier J. Les Chansons de geste du cycle de Guillaume d'Orange. Т. 1. 1955.

*М. Д. Беневоленский,
Н. С. Горелов
С.-Петербург*

Переписка Ивана Грозного со шведским королем Иоганном III

опыт стилистического анализа

Корпус эпистолярного наследия Ивана Грозного исследован достаточно неравномерно. Как правило, наибольшее внимание обращается на «Переписку Грозного с Курбским», а прочие послания царя отходят на второй план.

Цель данной работы — более подробное изучение внешнеполитической переписки Ивана Грозного, и в частности двух его посланий к шведскому королю Иоганну III, написанных в самый разгар Ливонской войны. Особое внимание мы обратили на стилистику этих исторических документов, пытаюсь выяснить, каким образом два текста соотносятся как между собой, так и с остальными сочинениями этого русского самодержца.

Критическое издание обоих документов было подготовлено Я. С. Лурье в составе корпуса посланий Ивана Грозного специально для серии «Литературные памятники» (*Послания* 1951), и с тех пор этот текст неоднократно перепечатывался. Издатель выбрал из весьма обширного литературного наследия русского царя именно те сочинения и послания, которые в наибольшей степени характеризовали личность самодержца¹. Действительно, из всего корпуса переписки между королем Иоганном III Шведским и царем Иваном Грозным именно эти два документа производят наиболее яркое впечатление на читателя.

Интересующие нас послания открывают третью из сохранившихся книг «Свейских дел» посольского приказа, занимаая лл. 2–6 и 7 об. — 31 об.². Фактически, она является продолжением книги второй и охватывает события с августа 1572 по июнь 1577 годов. Вторая книга повествует о дипломатических коллизиях 1569–1572 гг, в то время как первая фиксирует переговоры с королем Густавом, относящиеся к 1555–1562 годам, а четвер-

тая датируется уже временами правления Федора Иоанновича³. Таким образом, сохранившиеся до нашего времени «Свейские дела» не представляют собой непрерывного дипломатического и канцелярского реестра, тогда как книги II и III, несомненно, должны рассматриваться как единый корпус актов, поскольку в данном случае и приемственность, и континуитет соблюдаются.

Итак, перед нами предстает весьма любопытный и с точки зрения дипломатии, и с позиции человеческих отношений сюжет⁴. Следуя договору, заключенному с королем Эриком, Иван Грозный направляет в Стокгольм посольскую делегацию, которая должна зафиксировать окончательные условия обмена ряда земель на особу королевской невестки — Екатерины Ягеллонны, сестры польского монарха. Однако, русская делегация во главе с И. М. Воронцовым приезжает в Швецию в неудачный момент. Позиции короля Эрика оказываются очень шаткими, переговоры затягиваются как можно дольше и, в конце концов, в стране происходит государственный переворот. Подробный отчет И. М. Воронцова был полностью приобщен ко второй книге «Свейских дел». Русские послы возвратились на родину «не солоно хлебавши», но через некоторое время король Иоганн, понимая необходимость возобновить дипломатические отношения с соседним государством, в свою очередь направляет в Москву через Новгород официальную делегацию, во главе которой был поставлен епископ Або Павел. Дальнейшее может быть объяснено только одним — пристрастностью Ивана Грозного к практике дипломатического прецедента. После того, как послы, «подуровав», отказываются сноситься напрямую с новгородскими наместниками, лично посетив Великий Новгород, «велел государь шведских послов ограбить и грамоты королевские, а также наказы велел государь у них отнять за то, что шведский король ограбил послов государских»⁵. Примечательно, что сам Иван Михайлович Воронцов ни словом не обмолвился в своем отчете о каких-либо надругательствах со стороны шведов. Посланников во главе с епископом ссылают в Муром, где они будут вынуждены просидеть некоторое время «в яме». Тем временем царь начинает развивать свое победоносное наступление в Прибалтике. Обеспокоенный судьбой своих подданных, король Иоганн направлял к Ивану Грозному все новых и новых гонцов, требуя освобождения несчастных — ведь существуют определенные нормы дипломатической неприкосновенности. Наконец, поздней осенью 1571 года епископ Павел Або был освобожден, после чего его доставили в Новгород, вернули все ранее отнятые грамоты и приняли соответствующим образом в Посольском приказе. Надо отметить, что в это

самое время русские отряды уже вторглись на территорию шведских владений. 7 января 1572 года царь дал шведским послам личную аудиенцию и <...> подробнейшим образом выслушал сначала текст послания короля Иоганна, а затем посольские речи присутствовавших. Шведы, следуя принятой в то время дипломатической практике, произносили речи в соответствии с грамотами о собственных полномочиях, полученными от короля. Таким образом Иван Грозный сидел и терпеливо внимал переводчикам, излагавшим смысл грамот и посланий, содержание которых ему уже было известно, ведь у послов, «переграбив», отняли все, а документы — в первую очередь. Впрочем, русские слушатели, присутствовавшие при подобной сцене, были вознаграждены за ожидание в следующем акте, когда царь повел свою ответную речь, говоря размеренно и по кругу. Иван Грозный начал с самого главного — своего гнева, изложив подробно причины, породившие оный гнев. Затем государь, вняв челобитной своих детей, решил остановить пролитие крови, пожаловать короля Иоганна, а посему отвратить на время свой гнев и отложить свой подвиг до тех пор, куда шведский король не придет в Россию новых послов⁶. Послы ожидали в Новгород на Троицу, ибо именно в это время Иван Грозный собирался прибыть в город. Однако, ни на Троицу, ни к окончанию Петрова поста от короля Иоганна не было никаких вестей. Зато в распоряжении царя оказалось послание королевского наместника и участника злополучного посольства Андроса Нильсена, вдохновившее Ивана Грозного составить ответ. Именно этим документом и открывается III книга «Свейских дел»⁷. Шведский государь долгое время обходил молчанием и этот грозный документ, направленный к нему русским государем. Надо отметить, что сам Иван Грозный был человеком слова и в соответствии со своими обещаниями снова прибыл в Новгород в январе месяце⁸. Действительно, после взятия Пайды 1 января 1573 года, направляясь в Ливонию, царь распорядился послать к шведскому королю «грамоту немецким письмом против его грамоты, что он писал ко государю с пленником не по пригожею»⁹. Русский текст грамоты был полностью приведен в книге «Свейских дел». Иван Грозный дал столь пространную и полную отповедь королю Иоганну, что дипломатическая переписка, и до этого не отличавшаяся большой интенсивностью, полностью прервалась на полгода. Последующие 270 листов третьей книги «Свейских дел» содержат документы краткие и во многом протокольные, среди которых уже не встречается столь ярких образцов красноречия, как два царских послания периода 1572-1573 годов. Именно по этому в центре нашего внимания будут

этим два документа — «краткий» и пространный». Анализ стиля этих двух грамот, хорошо отражающих литературные и публицистические способности Ивана Грозного, удобнее всего производить согласно следующей схеме:

I. Вводная часть посланий, титулатура, ее наращивание с каждым письмом; соотношение титулов, которыми величает себя Иван Грозный, с эпитетами и определениями, употребляющимися по отношению к королю Иоганну.

II. Использование в тексте законченных отрывков:

а) «анекдотов», т. е. умение и способы, с помощью которых Иван Грозный иллюстрирует свои рассуждения ситуациями из жизни, имеющими экспозицию, сюжет и законченность.

б) цитат — как прямых, так и косвенных. Особое внимание обращается на определение источника цитирования — принадлежит ли он к разряду устной речи, или письменной.

III. Логика повествования в посланиях.

а) Выделение основных тем и попытка рассмотреть их соотношение между собой, как внутри одного документа, так и при сравнении друг с другом.

б) Характеристика переходов между отдельными темами. В тех случаях, когда переходы носят аналоговый характер, предпринимается попытка реконструировать послание короля Иоганна, на которое Грозный дает пространный ответ.

I. Крайне интересен тот факт, сколь большое внимание уделяет Иван Грозный собственной титулатуре, наращивая ее с каждым новым документом, выходящим из-под его пера. Свое первое послание он начинает с обычного в своих дипломатических грамотах титула. «Божественного и пречестнаго...», значительно усложнив традиционный титул своих предков, вставив него вместо простого «божьей милостью» изложение пространных отрывков из «Символа веры»: «Божественнаго и пречестнаго, троичнаго, единственнаго, препетаго, трисоставнаго, неразделнаго естества отца и сына и святаго духа, вся содержащего милостию, властию и хотеньем...», также добавив к перечислению владений царство Казанское и Астраханское, а также «Сибирскую и Северную страну» и «земли Лифляньские». Себя Иван Грозный именует длинным и величественным титулом, тогда как Иоганну приходится довольствоваться званием «короля Шведского, Готского и Вендийского»¹⁰, а далее по тексту послания Грозный обращается к нему на ты, и даже посвящает достаточно много места выяснению происхождения шведского короля.

Царь пишет, что он посылает это «грозное повеление и наставление» (речь идет о первом послании) от «нашего высочайшего царского порога», этим самым подчеркивая, что он монарх значительно более высокой «степени», чем шведский король, а выражение «порог» представляет собой указание на то величественное место, откуда царь глаголет к менее высокопоставленным лицам.

Составляя свое второе послание, «пространное наставление со смирением», царь сразу же пишет, что «ты пишешь свое имя вперед нашего — это неприлично, ибо нам брат — цесарь Римский, и другие великие государи, а тебе невозможно называть себя нашим братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств».

Иван Грозный просит доказать Иоганна законность его прав на шведский престол: «Ты пишешь, что Шведская земля — вотчина твоего отца; так ты бы нас известил, чей сын твой Густав, и как деда твоего звали, был ли твой дед на престоле, и с какими государствами он был в братстве и дружбе». Грозный просит прислать грамоты, в которых это будет записано и «мы тогда уразумеем». Явно хвастаясь тем, что может продолжить свою родословную вглубь веков, он пишет: «А что ты нам писал о короле Магнусе, так мы и помимо его знаем, что вы — мужичий род, и попали на престол благодаря родству, а не по своему достоинству».

Но ему не хватает еще одного аргумента, и он пишет: «и потому еще ваш род мужичий и королевство не великое», так как в договорной грамоте Густава Ваза, отца Иоганна, есть фраза: «Архиепископу Упсальскому в том руку дать за все королевство шведское». По этому поводу Иван Грозный пишет: «Если бы ваше государство было великое, то и архиепископ Упсальский не был бы записан в товарищах отца твоего, а то записан архиепископ как товарищ твоего отца. Почему советники Шведского короля товарищи твоему отцу? А послы не от одного отца твоего, а от всего Шведского королевства, а отец твой во главе их, как староста в волости».

Постепенно в словах Грозного появляется ирония и злая насмешка, тот самый «кусательный стиль», столь характерный для Ивана Грозного. И вот уже перед читателем оживает фраза «отец твой Густав, сговорясь с прежними правителями Шведской земли примчался из Смоланда с коровами». Когда же Иоганн начинает рассказывать Грозному о своих предках — королях, то Грозный язвительно замечает: «уж не нашел ли ты этих королей в чулане?».

Получается, что русская династия отсчитывается едва ли не от кесаря Августа, в то время как шведская королевская фами-

лия обвиняется в незнатности, а отец Иоганна — в поведении мужицком и нравах обыденных.

II. Примечательно, что Иван IV использует в своей аргументации ссылки не только на исторические документы, например, «грамоту о перемирии, которую отец Иоганна заключил с новгородскими наместниками»¹¹, но и не смущаясь обращается к историческому прецеденту или «анекдоту»: «А нам хорошо известно, что когда при отце твоём приезжали торговые люди с салом и с воском, то твой отец сам надев рукавицы, как простой человек, пробовал сало и воск .... Разве это государево дело? Не будь твой отец мужичий сын, он бы так не сделал».

Иван Грозный с одинаковой легкостью опирается и на выписку из документа, и на известия от «людей, приходящих из разных земель»¹², а то и просто пишет: «А нам подлинно известно, что отец твой происходил из Смоланда». В изложении Грозного «анекдот» с Густавом приобретает емкое и живое звучание, характерное для литературы той эпохи. Едва ли не прямо на глазах у читателя шведский король отправляется на тот берег пробовать сало и воск, привезенные купцами.

Применительно к Иоганну Грозный трактует слухи как различные ложные известия, а применительно к своим речам — как «истинную правду».

Использует царь в своем повествовании и цитаты, но их сравнительно немного, и они представляют собой перефразировку и разъяснение цитат из грамоты о перемирии. Встречается также одна цитата, которая претендует на то, чтобы быть дословной. Иван Грозный повторяя фразу из договора о перемирии, уже приведенного им полностью выше, пишет следующее: «Должны будут исполнить то, что написано в той грамоте, — далее следует прямая цитата из текста, — как отцу твоему исполнить, так и архиепископу». Но, скорее всего, он цитировал по памяти, а выписку из грамоты поручил сделать подьячим, так как в самом документе эта фраза звучит так: «Должны будут они исполнять то, что написано в этих грамотах».

III. В пространным послании достаточно легко выделить несколько основных тем, к которым постоянно возвращается Иван Грозный:

- вопрос о неприкосновенности послов;
- скандал вокруг Катерины Ягеллонны;
- дипломатические отношения между двумя странами;
- наступление русских войск в Ливонии.

Иван Грозный весьма пространно рассуждает во втором послании о дипломатических отношениях. Основной акцент делается на теме субординации между двумя странами — королю Иоганну по рангу полагается вести переговоры с новгород-

скими наместниками. Русский царь неоднократно обращает на это внимание, предлагая своему адресату те или иные способы преодоления сложившегося порядка. Стоит только королю пойти на уступки, как мы, обещает русский царь, его «за то пожалуем — освободим от сношений с наместниками нашей вотчины Великого Новгорода и начнем сношиться с ним сами». Далее Иван Грозный пишет: «с нашей стороны ереси нет, ведь писали мы тебе так, как подобает писать нашей самодержавной власти к твоей королевской, ибо раньше того не бывало, чтоб великим государям сношиться с шведскими правителями». И если бы у шведов было «настоящее королевство», и они бы написали «какие ваши предки жили в городах и столицах, а не в мужицких деревнях, и кто входил в ваш род», то мы, может быть, еще и подумаем, но «это совсем несообразно, чтобы мы сносились с тобой сами, сами с тобой заключали мир, минуя наместников и своих послов» — говорит Грозный в конце второго послания, вновь возвращаясь к этой теме. Несколько раз в своем послании Иван IV повторяет одну и ту же мысль: «взять за сестру его Катерину, свою вотчину, Ливонскую землю, без кровопролития», «но ты из гордости не прислал послов; из-за этого и кровь льется», а если «ты бы прислал ко мне послов — все бы и без крови разрешилось», и «дальше будет литься много крови невинной из-за твоей гордости», и еще «много крови проливается из-за нашей вотчины, Ливонской земли».

Довольно много места в своем «кратком» послании к Иоганну Иван Грозный уделяет вопросу о послах и отношению к дипломатической неприкосновенности. Этот документ красочно представляет читателям поступки Ивана Грозного по отношению к дипломатическим представителям, поэтому «посольская тема» проходит через все послание как основная¹³. Сначала Грозный просто негодует по поводу случившегося, но «как истинный христианский государь, умилосердился над твоей Швецией, удержал свой гнев и бранную лютость». Иван надеялся, что «Шведская земля уже осознала свою глупость».

Во втором послании Иван Грозный, снова возмущаясь, почему посланники Иоганна III до сих пор не прибыли, ведь «мы никаких военных действий не ведем, разве что где-нибудь какие-нибудь мужики столкнулись между собой на границе». Мужиками Грозный называет те «передовые части», «немногие наши люди из которых, оторвавшись от остальных, сумели причинить земле твоей достаточно вреда, — ты сам знаешь, чего они достигли».

Русский царь манипулирует фактами, сообразно с текущим моментом: одно и то же событие может быть сначала представ-

лено как грандиозное военное выступление, и в то же время как столкновение мужиков на границе. Грозный не стесняется подгонять факты под себя — главное, чтобы выглядело убедительно. Так, чтобы избавиться от подозрений и ненужных обвинений, он просто констатирует факт собственной нерасторопности — «эти люди слишком уж далеко зашли — мы приказали их вернуть, но не успели, поэтому они и повоевали».

Вопрос о замужестве Катерины Ягелонны лишь вскользь упоминается в первом послании¹⁴, зато во втором Грозный несколько раз обращается к этой теме¹⁵. Сначала он лишь упоминает о ней, касаясь наказания, которое понесли послы «якобы за то, что они за твоей женой приехали ..., а послали их из-за вашего же вранья: сказали, что тебя в живых нет». Ниже Иван заявляет: «каждый знает, что жены у мужа взять нельзя», и через несколько строк начинает объяснять, почему жену все же хотели взять: «просили мы Катерину, сестру брата своего [Сигизмунда II], для того только, чтобы, взяв ее, отдать ее своему брату Сигизмунду Августу ..., а у него взять за сестру его Катерину вотчину свою». После этого Грозный объясняет, «почему была высказана такая просьба»: если «брат пришлет сестру польского короля Екатерину, то мы его пожалуем — освободим от сношений с наместниками». Через несколько строчек Грозный снова повторяется (видимо, уповая на «неразумность» шведского короля): «посулил отдать нам сестру польского короля Екатерину, а мы пожаловали твоего брата Эрика, освободили его от сношений с наместниками». Посвятив этому сюжету довольно большой объем текста, Грозный прерывает свою длинную речь, которую сам называет «суесловием». Он пишет: «много говорить об этом нет нужды: жена твоя у тебя, никто ее не хватает .... Впредь об этом вздоре много говорить не стоит, а станешь говорить, мы тебя и слушать не будем: делай что хочешь со своей женой, никто на нее не покушается!».

Но вот Грозный рассуждает о том, как по «правде» надо жить Иоганну — и тут же не пременет заметить, почти дословно (но прибавив к прежней фразе «и братом») цитируя прежнюю строчку: «делай с женой и братом, что хочешь; об этом много говорить не стоит». Но как и в знаменитых посланиях к Курбскому, царь Иван IV абсолютно не склонен подолгу останавливаться на одной проблеме. Он готов высказываться по всем поводам сразу. И в конце своего второго послания Иван внезапно вспоминает (или смотрит прямо по тексту послания Иоганну), что «ты писал, будто мы просим у тебя твою королеву, так ты, неразумный человек, не понял». Иван сразу же проводит аналогию между двумя волнующими его темами и

пишет: «также возможно, чтобы ты нам свою жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали». Далее, снова объясняя, зачем ему нужна была Катерина, Иван Грозный пишет Иоганну: «нам твоя жена не нужна — мы для твоего вразумления писали». Через несколько строчек Грозный опять повторяется: «Мы писали к тебе, осуждая твою гордыню, а не просили твою жену: нам твоя жена вовсе не нужна, делай с ней что хочешь». Рассуждая на несколько тем одновременно, Грозный обогащает свой текст перекрестной аргументацией. От вопроса о послых он переходит к вопросу о Катерине, и у читающего уже полностью теряется понимание того, что является первичным, а что вторичным, зато эмоциональная мощь изложения, близость к ярким формам устной речи не только подкупают «силою слова», но и объективно воздействуют на восприятие — логика потеряна, зато общее впечатление доносит смысл сказанного намного лучше.

Много внимания Иван IV уделяет вопросу о неприкосновенности послов, которые «беспричинно» были преданы грабежу и бесчестью из-за «лживого сообщения твоего брата и всех шведских людей». Грозный обвиняет Иоганна в том, что тот «заманил обманом наших послов, да и мучат, и грабят, и год просидели в Або в заточении, да еще отпустил ты их, как каких-нибудь пленников!». Примечателен тот факт, как Грозный объясняет свой поступок с шведскими послами: «А что послы твои были обесчещены (вопреки обычаю и охранной грамоте) и отправлены в заключение, то ты этому не дивись: нельзя же было не ответить на твой недостойный поступок с нашими послами, да и то мы еще не поквитались за наших послов: ведь наши послы — великие люди, а те холопы».

Небезынтересно проследить, как именно разные темы сочленяются друг с другом. На примере этих двух посланий можно сделать вывод о том, что для Грозного характерны два варианта переходов между темами: спонтанный и аналоговый. Сначала остановимся на аналоговом.

Второе, «пространное» послание является, как уже было отмечено, ответом на грамоту короля Иоганна, захваченную вместе с пленником в январе 1573 года. Текст этой грамоты не был приведен в «Свейских делах» посольского приказа, не сохранилась и шведского оригинала. Но содержание этого документа может быть довольно ясно восстановлено на базе «пространного» послания, представляющего собой ответ на него, так как царь считал необходимым подробно осветить и обсудить все доводы шведского короля. Итак, попробуем реконструировать грамоту шведского короля, следуя повествовательной логике текста.

Шведское послание	Ответ Ивана Грозного
[Первое упоминание о послании Иоганна]	Ты прислал к нам через своего пленника свою грамоту, наполненную собачьим лаем, — мы дадим тебе отповедь позже.
О титулах и порядке именованя	Первое: ты пишешь свое имя вперед нашего, — это неприлично, ибо нам брат цесарь Римский ¹⁶ и другие великие государи.
Об отце короля, Густаве, и Шведской земле	Ты говоришь, что Шведская земля — вотчина отца твоего, так ты бы нас извещил, чей сын твой Густав и как деда твоего звали.
О послах и наказании послов за переговоры о Катерине Ягелонне	А наказание на послов возложено напрасно, якобы за то, что они за твоей женой приехали
Обвинение Грозного в том, что он стал зачинщиком злого дела	Прямого указания нет, но Грозный как бы спорит с этим обвинением — «это ты начал делать злое дело, нападая на честных людей вместо лживых»
Обвинение Грозного в том, что он начал войну из-за Эрика, королевского брата.	А что ты писал о своем брате, короле Эрике, будто мы из-за него собирались начать с тобой войну, то это смехотворно.
О том, что Грозный не сдержал обещаний, данных в грамоте, и о стремлении русского царя заполучить королеву.	А ты крови желаешь, поэтому ты бессмыслицу говоришь и пишешь. Никто на тебя не покушается, делай с женой и братом, что хочешь. ... Ты писал, что мы не сдержим обязательств, данных в грамоте и скрепленных печатью, но ведь на свете есть много великих государств, и во всех этих государствах наше слово неизменно ценится.
Центральная часть послания представляет попытку короля Иоганна утвердить собственный суверенитет и независимость от Ивана Грозного	
О достоинстве шведского королевского дома	Пишешь ты нам, что отец твой — венчанный король, а мать твоя венчанная — королева, но хоть отец твой и мать венчанные, но предки-то их на престоле не бывали! А если уж ты называешь свой род государским, то скажи нам, ... пришли запись о твоих родичах.
О древности шведской короны	Ты пишешь, что в течение нескольких сот лет в Швеции были короли, но мы таких не слышали, за исключением Магнуса, который ходил под Орешек, да и тот был князь.

О короле Магнусе	А что ты писал о короле Арцмагнусе, так мы и помимо него знаем, что вы — мужицкий род и попали на престол не по своему достоинству, а благодаря родству.
Об утверждении достоинства шведского престола как восходящего к датской королевской традиции.	Сам ведь ты написал, что ваше королевство выделилось из датского королевства, а если ты еще нам пришлешь грамоту, ... нам и писать будет нечего — сам ты свое холопство признал.
О замечании короля Иоганна на фразу из предыдущего послания Ивана Грозного, где упоминается Ярослав Мудрый как самодержец и суверенный правитель многих прибалтийских земель.	Ты писал насчет нашего царского письма о великом государе самодержце Георгии-Ярославе, ... но мы об этом только известили, а нам это не нужно.
О имперской традиции, к которой восходит печать Шведского королевства.	Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать, ... а римская печать нам также не чужда.
О желании Грозного присвоить титул и герб шведского короля.	Напрасно ты думаешь, что мы хотим присвоить твои титулы и печать для возвеличивания — нам твоей мужичьей чести добиваться нечего. А твоего титула и печати мы просто так и не хотим: если тебе хочется сноситься с нами помимо наместников, то ты нам уступи, и подчинишься, и отблагодари.
О желании Ивана Грозного прибрать к рукам не только герб, но и земли Шведского королевства.	Напрасно ты пишешь, что мы из честолюбия хотим присвоить твою печать и землю; ... если ты подчинишься, то и земли твои, и владения, и печать будут нашими, и тогда мы тебя пожалуем и будем сноситься с тобою.
Вопрос о Катерине Ягеллонне.	А что ты писал, будто мы просим у тебя твою королеву так ты неразумный человек не понял. Мы писали тебе, что это так же возможно, что ты нам свою жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали.
О предыдущих браках польской королевны.	Ты пишешь, будто это ложь, что польская королева была замужем за конюхом, так ты спроси тех, кто знает, <...> тогда и узнаешь правду.
Отказ направить собственных послов к Ивану Грозному	Ты не хочешь посылать послов бить челом — мы удивляемся, откуда у тебя такая гордость и сила взялась?
В конце послания Грозный заявляет: «Отныне, сколько ты ни напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем».	

В пользу подобной реконструкции можно привести несколько аргументов.

Во-первых, царь Иван Грозный отличался определенной дотошностью по отношению к документам. Относясь с пренебрежением к самому факту существования посланий или договоров, он, тем не менее, был готов подробно опровергать каждый тезис оппонента.

Во-вторых, содержание и композиция грамот короля Иоганна, выданных епископу Або, в достаточной мере адекватны реконструируемой схеме послания. Совпадает даже интонационный ритм, логика аргументации «от обиженного», столь характерная для стиля шведского монарха. Это в полной мере совпадает с общеизвестной характеристикой Иоганна, который выглядел несколько грубо на фоне своего брата Эрика, являвшегося по плоти и крови человеком Возрождения.

В-третьих, зависимость повествования Ивана Грозного от чужого текста была достаточно велика. Это легко можно проследить на материалах «краткого» послания. Чтобы указать Иоганну III истинное положение вещей, русский царь наряду с собственным посланием, направляет в январе 1572 года к королю Швеции документ, составленный от имени бояр и излагающий суть произошедшего¹⁷. Этот документ может быть представлен в виде следующей схемы (слева):

Титул послания	«Краткое» послание Ивана Грозного
	Титул
Изложение истории о том, как царские дети обратились к Ивану Грозному с просьбой умерить свой гнев и отворотить меч от Швеции.	Упоминание об январском послании
Царь не может отказать своим детям, гнев сдержан.	Гнев, который Грозный собирался обрушить на Швецию, был сдержан.
Иван Грозный требует, чтобы к Троице в Новгород были присланы новые шведские послы.	Русский царь прибывает в Новгород на Троицу, а послов нет.

Справа мы поместили таблицу, представляющую начало «краткого», августовского послания Ивана Грозного, написанного в августе 1572 года. Царь очень четко следует тексту январского послания, составленного боярами, и именно на базе этого строит свою обвинительную аргументацию.

Но одновременно с аналоговыми характером переходов между темами в посланиях существуют еще и спонтанные. В подобных ситуациях почти полностью теряется логика изложе-

ния, но Грозного это и вовсе не волнует. Сразу после разговора о наместниках Грозный обращается к Иоганну: «... ты ведь безбожник: не только истинной веры не познал ты, но даже скромное прибежище латинского богослужения разрушено у вас.» В другом случае Грозный может после нотации за письмо, написанное лаем, сразу же перейти к теме военных действий и угроз: «Если хочешь выступить, так наши люди твои пушки видели; а захочешь еще попытаться — увидишь, какая тебе будет прибыль.»

Примечательно, что в отличие от переписки с бывшим боярином Курбским, в дипломатических посланиях Иван Грозный ощущает «легкость в мыслях необыкновенную». Его фразы строятся намного легче, аргументация становится хорошо выверенной, а иногда и парадоксальной. В то же время, логика построения первого послания Грозному к Курбскому напоминает логику построения «пространного» послания к шведскому королю Иоганну — царь обильно пользуется цитированием, приводит едва ли не каждую строчку своего оппонента, он использует этот текст дословно, предоставляя ответ на любое обвинение. Однако в пространном послании к Иоганну дословного цитирования практически не наблюдается. Примечательно, что сочинения, использованные Иваном Грозным в первом послании к Курбскому¹⁸, как будто нарезаны кусками, при этом один фрагмент служит для подкрепления конкретной мысли, в то время как следующий используется в совсем другом месте и по другому поводу. Послание Дионисия Ареопагита иноку Димофилу и «Слово на святая просвещение» Григория Богослова приведены в царском послании почти без купюр, но один отрывок из сочинения Дионисия (видения Карпа) используется, чтобы осудить стремление Курбского «молчать ... и обличать нас пред пребезначальной Троицей», а другой фрагмент обличает желание бывшего русского боярина самовольно поучать других¹⁹. Но как только один из упреков Курбского задевает царя более, чем все остальное, именно на больном месте пишущий самодержец сосредотачивает свое внимание. Уязвленное самолюбие заставляет возвращаться Грозного к наиболее точным замечаниям Курбского неоднократно²⁰.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем на примере двух посланий к Иоганну, только в роли упрека начинает выступать посольская тема. Гордость собственной страной побуждает Ивана Грозного при каждом удобном случае напоминать королю Иоганну о заведенном дипломатическом этикете. В результате, как это становится ясно из переписки 1573–1575 годов, предложение русского царя вести переговоры натывается на

возражение Иоганна III об отсутствии гарантий дипломатической неприкосновенности.

Два изучаемых текста разделяют шесть месяцев по времени написания. Первое послание, датированное 1572 годом, является кратким, относительно спокойным по формулировкам, мягким в эпитетах.

Зато второе — более пространное — в полной мере демонстрирует широту царской природы и характера. Это ощущается во всем — будь то вопрос о королевском титуле, который царь охотно и по первой просьбе готов пожаловать шведскому королю (!), или отношение к государственным грамотам и договорам. Наглядно демонстрирует характер Ивана Грозного высказывание «Грамотка была — а теперь нету» по отношению к трактату с бывшим хозяином шведского престола. Та же легкость в отношении к государственным бумагам наблюдается и в послании к английской королеве Елизавете, которой он предлагает послать обратно в Россию все прежние торговые договоры, но говорит, что можно и не посылать — все равно оные более не действительны²¹.

Можно констатировать, что переписка с Иоганном велась традиционным для Ивана Грозного образом²². Пока царь спокоен, его речи кратки, послания немногословны, а фразы обтекаемы — но вот очередной ответ трогает Ивана Грозного за живое, и вместо короткого письма получается пространный текст весьма близкий по стилистике к устной речи. Иван возвращается к наиболее задевшему упреку совершенно неожиданно и по многу раз. Текст перенасыщен бранными словами, просторечными выражениями, ироничными насмешками, например, «Кто бо убо и желает такового эфиопскаго лица видети?»²³. Это позволяет сделать весьма важное предположение о том, что пространные послания не составлялись Иваном Грозным на бумаге, а диктовались подъячим. В качестве дополнительного аргумента в пользу этого предположения может служить и сам объем посланий — государь, судя по стилю изложения, был по натуре весьма неусидчив и вряд ли смог лично записать столь значительный документ.

Поскольку в нашем распоряжении имеются и образцы устного творчества Ивана Грозного, сопоставление может быть проведено на практике. Действительно, те же особенности стиля, которые могут быть отмечены на материале письменных документов, наблюдаются и в речи Ивана Грозного, произнесенной 7 января 1572 года перед шведскими послами. Как известно, русский царь не выступал по написанному, а его речи стенографировались непосредственно в процессе произнесения (см. *Лихачев* 1951: 454). Ответ Ивана Грозного шведским послам

подразделялся на несколько частей. Во-первых, о челобитной, благодаря которой царь умеряет свой гнев. Во-вторых, о причинах гнева. Иван Грозный четыре (!) раза повторяет, излагая историю дипломатических отношений с Эриком, фразу о том, что Иоганн, как говорили, умер от поветрия, а Катерина Ягелонна осталась бездетной. Делается это при любом удобном случае, причем одними и теми же словами. Таким образом наряду с хронологической, стройной логикой, наблюдается и постоянное возвращение «на круги своя» — стилистическая особенность, характерная и для письменного творчества Ивана Грозного. Подступив, наконец, к вопросу о посольстве Воронцова, русский царь ведет свою речь следующим образом: «Когда наши послы прибыли в Шведскую землю, во главе Шведского королевства встал государь ваш, король Иоганн, а наших послов — боярина нашего Ивана Михайловича Воронцова вместе с его спутниками — он переграбил и бесчестовал, по улице водил нагих и у себя задержал, а затем отпустил их назад к нам ограбленными, словно пленников, и не приказал <передать> с ними к нам ничего. А послы нигде виноватыми не живут²⁴, с чем они посланы, с тем они и пришли, и зачем было наших послов грабить? А боярина нашего Ивана Михайловича отец — Михайло Семенович Воронцов — был наместником в Новгороде и напрямую сносился, а также <жил> в братстве с отцом вашего государя, королем Густавом».²⁵ В данной цитате проблема дипломатической неприкосновенности и роли прецедента изложена Иваном Грозным наиболее ясно. В своих посланиях он говорит куда путаннее. В своих пространных посланиях Иван Грозный не просто отвечал по существу претензий оппонента, но и старался вести с ним живой, непосредственный диалог. Цепкая память царя сохраняла основные положения и детали спора, но Иван Грозный не мог держать в голове содержание всех официальных документов. Грамота о перемирии 1537 года приводится в пространном послании именно потому, что Грозный сам захотел заново ознакомиться с ее содержанием. А чтобы полемика не была беспочвенной, царь предложил перечитать текст грамоты и оппонету, пусть даже заочно. Если в «живом» выступлении Иван Грозный счел достаточным только упомянуть о прошлых временах, то составляя свое послание он счел необходимым предьявить более пространные аргументы. Одинаковая структура как письменных, так и устных ответов Ивана Грозного подтверждает вывод о том, что царь не писал, а просто диктовал некоторые свои послания. Отсутствие оппонента в данном случае становилось для него несущественным, ведь записывавший являлся одновременно и слушателем.

В заключении хочется отметить, что и эти первые опыты аналитической работы, и дальнейшее изучение корпуса дипломатических посланий Ивана Грозного дает возможность существенно обогатить наши представления о личности государя и может способствовать пониманию стиля мышления этого человека, в течение многих лет управлявшего Россией и совершившего в этой стране необратимые государственные преобразования.

Примечания

¹ Следует отметить, что наряду с научной издание имело и общественную значимость. В 1945 году Сергей Эйзенштейн закончил работу над фильмом «Иван Грозный», первая часть которого была даже выпущена в прокат. Интерес И. Сталина к фигуре первого русского монарха не только возрастал, но и косвенно отражался на всей культурной жизни общества. Возвращение Прибалтики, виртуозные переговоры с западными союзниками и, наконец, стремительный и неожиданный отказ от некоторых титулов власти говорит о том, что стремление «делать жизнь с товарища ...» Грозного руководило «другом физкультурников и пионером дирижаблестроения» в этот послевоенный период жизни. Таким образом, выбор конкретных посланий для публикации был в некоторой (естественно, на первом месте оставался научный подход) степени определен окружающей действительностью.

² Общепринятой системы цитирования посланий Ивана Грозного не существует. Наиболее логично ссылаться на публикацию четырех книг «Свейских дел» в СБРИС, т. 129, где текст напечатан по списку, хранящемуся в ЦГАДА, ф. 96. Сохранились также и другие списки как «Свейских дел», так и интересующих нас посланий отдельно. Их подробное археографическое описание дано Я. С. Лурье в примечаниях к тексту посланий. Следует отметить, что наличие обособленных списков этих двух посланий резко повышает их литературную и историческую ценность, поскольку мы можем констатировать определенную популярность произведений подобного рода в качестве публицистических памфлетов. Судя по датировке списков, в последнюю очередь это было обусловлено событиями времен Северной войны.

³ Две книги имеют примерно одинаковый объем: первая — 304 рукописных листа (С. 1—123 в публикации СБРИС, т. 129); вторая — 244 листа (С. 123—226, там же); третья — 301 лист (С. 227—359).

⁴ Наиболее полно динамика политических событий, которые отражаются в «Свейских делах», изложена в книге Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях» (Форстен 1893: 479—505). Ниже мы приводим только краткий очерк происходившего.

⁵ СБРИС, т. 129: 177.

⁶ Как отмечает Д. С. Лихачев, Иван Грозный был первым из государей, смело нарушавшим устоявшийся дипломатический этикет и участвовавшим в переговорах лично (Лихачев 1951: 454). После длинной царской речи послы были приглашены на обед, «а стол был в столовой

избе, и сидели послы за кривым столом, а против них сидел их пристав — Леонтий Велин. А после обеда подавал государь шведским послам мед в ковшах и звал их к руке. И в тот же день царь и великий князь послов отпустил и сказал послам: «Как придете к своему королю Иоганну, то вы от нас ему поклонитесь»» (СБРИС, т. 129: 219–220). Эта цитата помогает еще лучше представить ту обстановку, в которой проходили дипломатические приемы во времена Ивана Грозного.

⁷ В дальнейшем это послание будет именоваться «кратким», в отличие от более позднего — пространного.

⁸ В «кратком» послании содержится яркое по своей эмоциональной мощи обещание вернуться в декабре и «все устроить» (СБРИС, т. 129: 230).

⁹ СБРИС, т. 129: 230. Это послание мы будем в дальнейшем именовать «пространным».

¹⁰ Одним из основных пунктов взаимных пререканий и упреков на протяжении всей переписки остается адресная часть послания. В то время как Иван Грозный уверен в непреложности упоминания собственной особы на первом месте, Иоганн III, соглашаясь с европейской традицией, начинает любое послание с авторской титулатуры, лишь затем упоминая адресата. Последовательность, с которой оба монарха отстаивают свою точку зрения, сравнима только с методичностью воды, подтачивающей камень капля за каплей. После 1573 года эта тема начинает постепенно исчезать из переписки ввиду непродуктивности споров.

¹¹ История с цитированием этого документа (целиком!) примечательна уже сама по себе. Воспроизвести наизусть несколько страниц текста Иван Грозный не мог, да и не умел. Следовательно, он просто переписал для шведского короля (чтоб помнил!) текст документа. Остается открытым вопрос — откуда? Неужели в царском обозе везли все книги Посольского приказа, или просто копия документа хранилась в Новгороде? В настоящее время экземпляр этой грамоты находится в ЦГАДА, ф. 96, шведские трактаты, № 3.

¹² Так в «кратком» послании Иван Грозный едва ли не упрекает Иоганна III за происходящую в Шведском королевстве неразбериху. При этом одним из основных источников сведений русского царя был Григорий Янс, перешедший в марте 1572 года на русскую службу. Этот человек бывал в России и раньше и, как он сам утверждает, со шведской стороны даже прилагались дипломатические усилия, чтобы вернуть его на родину, служить королю Эрику. В «Свейских делах» сохранилась челобитная Григория Янса Ивану Грозному, написанная 18 марта 1572 года. Не исключено, что прожив какое-то время среди русских, Григорий научился грамоте, поэтому текст челобитной приводится без перевода (эта версия может быть подтверждена тем, что в документе встречаются грамматические ошибки): «И после того, государь, на другой год над Ириком королем, по грехом, ссталася воля Божья: противу его стали братья его да многие свейские князи, да Ирика короля поимали и многие его люди поимали и казнили смертною казнью, а брат его Яган в его место на королевстве сел, а ныне, государь, при Ягане короле в Свее великое заворожу (sic!) стало: братья противу брата, а зять их

Магнус против их же; а крестьяне все против воинские людей, потому что обезсилели, не хотят некоторые тягло и помощи дать вперед потому, государь, быть всея (sic!) великое замутне за их неправду. А твоего царского жалования мне и до смерти не позабыти, а у меня, государь, в Своя не стало ни отца, ни матери, ни друга, ни племя: будет твое царское жалование и милость, хочю тебе, царю государю, служить верой и правдой до самой смерти, а за православное вера хочю голова положить и не моги православья отстать. Царь государь, пожалуй холопа своего, покажи милость» (СБРИС, т. 129: 198). Пожалуй, Григория Янса, столь страстно желавшего перейти на русскую службу, сложно заподозрить в объективном изложении событий, однако, Иван Грозный нуждался не столько в объективной, сколь в эмоциональной информации.

¹³ Это происходит достаточно закономерно, поскольку сам Иоганн отрицал факт пленения и надругательств по отношению к делегации во главе с И. М. Воронцовым. Так в мартовском послании 1571 года он пишет: «И еще о ваших послах, которых вы к королю Эрику послали по поводу прежних дел, и вы этим послам велели назад возвратиться, и мы с их милостию к вам отпустили и приказали через нашу страну и земли Финского княжества до границы сопроводить должным образом» (СБРИС, т. 129: 179).

¹⁴ «А как брат твой Эрик обманом хотел нам дать жену твою Катерину» (*Послания* 1951: 146).

¹⁵ Инициатором взаимных упреков был король Иоганн. Еще в послании, привезенном из Швеции в марте 1571 года в Москву, говорится о том, что Иоганн раскрыл нехристианские замыслы Ивана Грозного и Эрика, заключивших договор, предметом которого являлась Екатерина Ягелонна (СБРИС, т. 129: 179).

¹⁶ Речь идет об австрийском императоре.

¹⁷ Авторами послания значатся князья Иван Федорович Мстиславский и Петр Данилович Пронский. Русские бояре обращаются к шведскому королю как «к ближнему приятелю своему и соседу ради истинной любви, дабы его царское величество из-за раздоров не начал снова гневаться на твою страну» (СБРИС, т. 129: 226).

¹⁸ Грозный построил свое краткое послание в основном на вопросе: Зачем царь побил данных ему от бога воевод; далее он перечисляет заслуги этих воевод, вспоминает «гонения», понесенные им лично, и грозит царю Страшным судом. Ответное «широковещательное и многошумное» послание Грозного можно условно разделить на 6 частей (*Лурье* 1981: 225).

¹⁹ *Лурье* 1981: 225–226.

²⁰ Это был упрек царю «Богом препославленному и среди православных» ныне «ставшему супротивным» и «совесть имеющему проказенную», содержащийся в зачине послания Курбского. Отвечая на эту реплику, царь неоднократно возвращался к ней во второй части своего письма. Подобно неким вспышкам, прерывающим и нарушающим ритмичную линию, тема «сопротивности разуму» то и дело вторгается в ответ царя Курбскому (*Лурье* 1981: 227–228).

²¹ В данном случае может быть поставлена еще одна проблема — вопрос адекватности восприятия. В отличии от посланий к Иоганну,

написанных немецкими письмом, английский перевод вместе с русским оригиналом сохранились в фондах Британского музея (Cotton, Nero, V. XI, 347) и были опубликованы Ю.Толстым. Мы можем предложить читателю сравнить наиболее популярный отрывок из этого документа как в оригинале, так и переводе:

И ныне ты и нам отпустила нашего посла, а с ним еси к нам своего посла не прислала. А наше дело зделала еси не по тому, как посол твой приговорил. А грамоту еси прислала обычную как проезжую. А такие великие дела без крепостей не делаются и без послов. А ты то дело отложила на сторону, а делати с нашим послом твои бояре все о торговых делех а владели всем делом твои гости серт Ульян Гарит да серт Ульян Честер. А мы чаяли того что ты на своем государстве государыня и сама владеши и своей государской чести смотриши и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди но и мужики торговые и о наших государских головах и о чести прибытка не смотрят а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица.

And you have sent us our ambassadour backe, but you haue not sent your ambassadour to us, and you haue not ended our affairs accodinge as your ambassadour did agree vppon, and your letters not thereto agreeable, for such weightie affairs **be not ended without gold** or without ambassadours, but you haue set aside those great affaires, and your counsell doth deale with your ambassadour about merchaunts affairs, and your marchaunts sir W-m Garrard and sir W-m Chester did rule all busines. And wee had thought that you had been ruller over your lande and had sought honor to your self and profit to your countrie, and therefore we did pretend those weightie affaires betweene you and us. But now we perceive that there be other men that doe rule, and not men but bowers and merchaunts the which seeke not the wealth and honour of our maiesties, but they seeke there own profit of marchandize: and you flowe in your maydenlie estate like a made.

Выделенная фраза переведена полностью неправильно. В результате Елизавета I могла понять, что любое дипломатическое соглашение, по мнению Ивана Грозного, следует «подмаслить». Государыня отнеслась к этому полному упреков документу с достоинством и ответила русскому царю, пояснив на латыни, что Англия, с Божьей помощью, управляется ею так, как это приличествует «девственнице и королеве» (Толстой 1875: 109, 114, 119). Не исключено, что при переводах на другие языки, тоже возникали подобные недоразумения.

²² Действительно, состоящее из одних вопросительных предложений второе послание Грозного к Курбскому по интонации и композиции весьма сходно с «кратким» посланием к Иоганну III. В обоих случаях царь, закончив держать оборону, предпринимает наступление, превращаясь в активную и независимую сторону. В подобных ситуациях мысль Ивана Грозного необычайно сконцентрирована. Оправдываясь, он, наоборот, оказывается многословен и велеречив.

²³ *Переписка* 1981: 43.

²⁴ Т. е. послы обличены дипломатической неприкосновенностью.

²⁵ СБРИС, т. 129: 216–219.

Библиография

- Виппер* 1944 — Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944.
- Зимин* 1982 — Зимин А. А., Хорошевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
- Королюк* 1954 — Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954.
- Лихачев* 1981 — Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 183–214.
- Лихачев* 1951 — Лихачев Д. С., Лурье Я. С. Иван Грозный — писатель // Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 452–468.
- Лурье* 1981 — Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 214–250.
- Лурье* 1951 — Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 468–520.
- Переписка* 1981 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подготовка текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. М., 1981 (Серия «Литературные памятники»)
- Послания* 1951 — Послания Ивана Грозного / Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951 (Серия «Литературные памятники»).
- СБРИС*, т. 129 — «Сборник» Русского Исторического Общества, т. 129. СПб., 1910.
- Скрынников* 1966 — Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966.
- Скрынников* 1973 — Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Л., 1973.
- Скрынников* 1975 — Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.
- Толстой* 1875 — Толстой Ю. «Россия и Англия (Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею)». СПб. 1875.
- Флоря* 1978 — Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII вв. М., 1978.
- Форстен* 1893 — Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб., 1893.
- Шмидт* 1958 — Шмидт С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы института Русской литературы АН СССР. Т. XIV, М.; Л. 1958. С. 256–265.
- Hjarne* 1897 — Hjarne H. Svensk-Ryska Forhandlingar, 1564–72. Erik XIV:s Ryska Forbundsplanes // Skifter Utgifna af K. Humanistiska Vertens-kapssam fundet i Upsala. Vol. 15. Upsala, 1897.

*Н. К. Телетова
С.-Петербург*

А. П. Ганнибал

(К трехсотлетию прадеда А. Пушкина)

Абрам Ганнибал скончался в 1781 году, 20 апреля, на восемьдесят пятом году жизни от «главной болезни»¹. Болезнь стала следствием ранения в голову в давние времена, когда юноша, обучавшийся инженерному делу во Франции, принял участие в походе и сражался у испанской крепости Фуэнтерабия. Было это в 1719 году.

Граница Испании. Париж. Городок Ла Фер и ветхая крепость при нем. До того — путь из России во Францию в свите Петра I. Пять с половиной лет обучения — и языку французскому, и обычаям, и наукам.

А еще ранее, до России, достойная арабской сказки жизнь мальчика, рожденного в княжестве Логон (или Лагон), южнее озера Чад, в городе того же названия, что и само это небольшое княжество с тремя городами. И княжество, и город, в свою очередь, прозывались по реке Логон, притоку озера.

Это были места расселения африканского племени котόко, к которому, по-видимому, принадлежал мальчик, сын местного князька, подвергавшегося нападениям со стороны более сильных соседей. Отец Ибрагима-Абрама еще исповедовал традиционную религию племени, соседние же с ним княжества уже перешли в мусульманство. Это давало им повод относиться к Логону как государству низшей ступени развития, похищать детей и продавать в неволю. Покупателем чаще всего оказывалась Оттоманская Порта, Турция.

Отец Абрама по обычаю князей африканской религии имел много жен, и в этом, а не мусульманстве была причина обилия этих жен и претендующих на власть сыновей. Очевидно, что некое военное поражение позволило победителям насильно захватить детей для продажи или передачи их туркам.

Мальчика увезли, по воде переправили до караванной сухопутной дороги, кончавшейся в порту Триполи, а оттуда морем доставили в Истамбул или, по-христиански, Константинополь². Ныне Логон входит в территорию государства Камерун.

Так началась жизнь в серале султана Ахмета III, владыки турок. Еще одно похищение из этого, второго, дома и снова путь на север — в Московию, саму Москву.

Если султана мальчик только видел, то царю русскому стал прислужником, стал его крестником, воспитанником Абрамом Петровым.

Он состоял при государе во всех его походах, был при нем в решающих битвах, а затем сопровождал Петра I в его втором — и последнем европейском путешествии.

Естественно, возникает предположение, что арапчонок в белом тюрбане на эрмитажном полотне Пьера-Дени Мартена-младшего (копия Лютца), изображающем битву при деревне Лесной со шведами 1708 года, — это именно Абрам Петров. Полотно создавалось Мартемом между 1717 и 1723 годами в Париже, и пояснения художнику в те годы мог давать обучавшийся во Франции участник битвы Абрам Петров. О себе он, вероятно, тоже не забыл, и художник изобразил черного подростка с чертами лица юного инженера.

После Франции — еще несколько далеких путешествий, но все они были уже в пределах Петровской державы.

Здесь прибалтийские крепости и города; Петербург; ссылка стараниями Меншикова в Сибирь и до границы Китая. Снова Петербург и Прибалтика; служение за Выборгом, на границе со Швецией. И в преклонных летах — жизнь в столице и поместьях, благоприобретенных по случаю под Петербургом.

В последнем из дошедших писем за подписью «Ваш добродетель Ганибал» от 10 ноября 1780 года старец просит сына купить ему сибирского бельего меху, потому что всякий другой прет, но не греет (*Ганнибал. Письмо*). Старый арап мерз в своей мызе Суйде, под серым осенним небом Ингерманландии.

Африка. Турция. Россия. Франция — с испанским походом. Снова Россия — с Прибалтикой, Сибирью и, наконец, Петербургом. Юг, Север, Запад, Восток.

Встречавший все четыре ветра, познавший возвышение и падение, умудренный опытом, словно Одиссей, хотел Ганнибал оставить какие-то мемуары. Однако, как сообщает Пушкин, знавший о том из семейных преданий, — этот же жизненный опыт подсказал Абраму сжечь записки, когда на дороге к его поместью обнаружился курьер из города.

Естественно, что Пушкин, гордившийся своими предками «рюриковичами» Ржевскими и шестисотлетним дворянством тех, чью фамилию он носил, особо отличал носителя историко-романтического начала в своей семье Абрама Петровича Ганнибала. Достаточно известны творения, посвященные этому экзотическому прадедушке.

Отметим две их особенности. Первая, как бы и неожиданная. Это удивляющая точность воспроизведения малейших деталей историко-биографического материала, которым Пушкин располагал.

Создатель богатейших сюжетов, основанных на художественном вымысле, становясь государственным мужем, он с благоговением относился к документам, когда речь шла о «делах давно минувших дней», о созидателях истории, в числе которых справедливо полагает находящимся и своего прадеда.

Он горд «историей своего дома, то есть историей отечества» (Пушкин 1937–1959, XI: 162)³, которая диктует ему образ иного рода творчества.

Вторая особенность — это ограниченность материалов, которыми он располагал. И не только недостаточность, но и подмена реальности украшающими деталями. Возвышение рода, особенно когда он сомнителен по своему происхождению, — это типичная черта всех семейных родословцев.

В лице своего двоюродного деда Адама Роткирха, написавшего в конце 1780-х годов так называемую Немецкую биографию Ганнибала, Пушкин столкнулся с типичным тому образцом. Швед по рождению Роткирх, отличаясь чисто русским дворянским небрежением к датам, почти все их перепутал и предоставил Пушкину ряд неразрешимых ребусов и загадок.

Пользуясь при создании романа о прадеде сокращенным переводом Немецкой биографии, записанным собственноручно, Пушкин старательно выписывает столбиком указанные в роткирховом тексте даты на полях рукописи. Он складывает, вычитает — и все равно что-то не получается. Например, то, что арап, оставленный для учения в Париже, был не 21 года (как оно было на деле), а 27 лет, и будто бы вернулся он в Россию лишь на четвертом десятке своей жизни.

Пушкину пришлось «утеснить» все события в первый год пребывания прадеда во Франции, между тем как история с графиней Д. была бы возможна лишь в один из последних годов, когда Абрам (в романе Ибрагим), капитан королевских войск, на некоторое время вырвался из бедности и не был отторгнут от общества из-за незнания языка.

Отметим, однако, несомненную контаминацию сюжетов. Маловероятная связь с французской графиней, родившей чер-

ного ребенка, источником для Пушкина имеет столь же цветистый в психологическом отношении биографический сюжет: первая жена Ганнибала, черноволосяя, но белокожая гречанка, подарила ему белокожую девочку, что, по законам генетики и разумению Абрама, было невозможно, если бы эта дочь происходила от него.

Сюжет вывернут Пушкиным наизнанку, в лестном для прадеда варианте. Таким образом, недостаточность сведений и, хуже того, их ложность были поэту большой помехой в работе над романом, им, наконец, заброшенным, незавершенным.

Все работы о Ганнибале 2-й половины XIX и XX веков как бы восполняют — с запозданием — эту досадную прореху.

Жизнь Ганнибала интересна, конечно, и не только как объект творчества Пушкина, но и в плане историческом и генеалогическом.

Автор настоящей работы руководствуется всеми этими причинами, приступая к анализу удивительной биографии Ганнибала и используя данные о прадеде поэта, которыми располагает наука к концу XX века.

* * *

Начнем с того, что Ганнибал не знал числа, месяца и года своего появления на свет. В юности день и месяц своего крещения он принял за дату рождения.

Крестили Абрама (Авраама) в православной церкви, как еще недавно считалось, Параскевы (или Параскевы Пятницы, отчего называлась церковь и Пятницкой). Спустя 21 год он писал: «И был мне восприемником от святыя купели его величество в Литве, в городе Вильне, 1705-м году».

К сожалению, нет никаких о том документов, так как архив Литвы был вывезен за ее пределы и до сих пор не возвращен. Однако в 1865 году, после капитального ремонта церкви Параскевы, приказом губернатора М. Н. Муравьева («вешателя») был выбит текст на доске, укрепленной на ограде. Доска и поныне сохраняется на том же месте. Источником сведений, без сомнения, являлся утраченный ныне документ, принадлежавший Виленскому архиву и давший основание для надписи:

В сей церкви
Император Петр Великий
в 1705 г. слушал
благодарственное молебствие
за одержанную победу над войсками Карла XII,
подарил ей знамя,
отнятое в той победе у шведов,

и крестил в ней Африканца Ганнибала,
деда знаменитого поэта нашего
А. С. Пушкина.

Абрам не имел тогда фамилии Ганнибал, но ко времени возникновения этой надписи фамилия прадеда (названного дедом) была достаточно известна из работ о Пушкине. Однако сведения о крещении в Вильне в 1705 году в пушкиноведении еще не появлялись и могли быть взяты лишь из местного архива. Таким образом, можно утверждать, что в основе этой надписи лежат как печатные сведения о происхождении поэта от Ганнибала, так и неизвестный нам виленский документ о крещении арапчонка Абрама Петром I в 1705 году в православной церкви. Как утверждают исследователи, церковь Параскевы с 1611 года и до XIX века была униатской, и происходившее крещение отнесено к этой церкви, стоящей в самом центре города, произвольно. Другое дело, что в Вильне был православный монастырь, где, по-видимому, и состоялось отмеченное архивами (но без указания места) крещение (*Скилявичюс* 1985).

Есть и уточняющие обстоятельства о том, что перед крещением состоялось молебствие в связи с победой над шведами. Было доставлено и подарено церкви вещественное тому доказательство — отнятое вражеское знамя. Точная дата не указана, и ее следует вывести из почти поденного анализа жизни Петра I в исторических трудах И. И. Голикова и Н. Г. Устрялова (*Голиков* 1788, II: 175, 179; X: 204, 207; *Устрялов* 1863: 374). Петр I прибыл в Вильну в 1705 году по русскому стилю 8 июля, а уехал из нее 3 или 4 августа. 11 июля петровским генералом Боуром была одержана победа над шведами у Митавы. Весть об этом и трофейное знамя привезены, вероятно, 12-го вечером или 13-го утром. Молебствие по этому поводу и крещение затем мальчика произошли в один день, что и отмечено в документе, содержание которого в XIX веке было выбито на памятной доске, а место произвольно отнесено к церкви Параскевы.

Этим днем было именно 13 июля, что подтверждается косвенным, но доказательным фактом: именно 13 июля 1776 года, собрав домочадцев, друзей и свидетелей, престарелый Ганнибал составил свое духовное завещание. Это был день его восьмидесятилетия. Не зная числа и месяца своего рождения, Ганнибал, как сказано, полагал дату крещения датой рождения.

Что касается года появления на свет Абрама, то для установления его следует обратиться к рукописным свидетельствам Ганнибала разных лет.

Здесь наблюдается одна особенность: чем старше становился этот деятель XVIII века, тем более он прибавлял себе годов —

или по простому небрежению, или, вероятнее всего, для важности, ибо и чины имел уже немалые.

Увезенный в малолетстве из дома родителей, он не знал, видимо, и года рождения — это позволяло ему указывать свой возраст в зависимости от выгоды или прихоти.

Однако, находясь в младших чинах и в юных годах, он поступал, думается, более ответственно. Так, преподнося государыне Екатерине I ко дню ее ангела (23 ноября 1726 года) двухтомник своих трудов и копии с французских подлинников (Геометрия и Фортификация), он замечает: «Имел честь служить с самого моего младенчества, а именно лет семи или осьми от возраста моего» (Телетова 1981: 142).

Опуская расчеты, произведенные на основании других ганнибаловых документов, скажем, что в начале 1705 года, когда он «пристопал» к государственной службе (так в его Посвящении двухтомника), полагал он, что было ему тогда восемь с половиной годов, а девять исполнилось летом 1705 года. Днем своего появления на свет Ганнибал считал, таким образом, 13 июля (ст. ст.) 1696 года.

Установив дату рождения, обратимся к происхождению прадеда Пушкина и его прибытию в Россию.

Среди разных, но в общем не многочисленных документов первое место займет уже упоминавшаяся Немецкая биография, написанная А. К. Роткирхом (1746–1797), с 1782 года мужем Софии Абрамовны (1759–1802)⁴.

Второй документ — о доставке Абрама в Россию — был совершенно неизвестен Пушкину и в оборот пушкиноведения введен совсем недавно (Телетова 1981: 123). Это письмо переводчика Посольского приказа Спафария управителю приказа графу Федору Алексеевичу Головину о привозе трех арапчат из Константинополя. Письмо это позволило устранить путаницу и неточности Немецкой биографии относительно возраста Абрама, времени привоза и начала службы его Петру I. Подробнее об этом письме — далее.

Собственно, этими двумя документами, помимо кратких косвенных свидетельств, и ограничивается материал о Ганнибале первого года его пребывания в России.

Самым темным и неразрешимым являлся вопрос о происхождении этого арапа. Одна только Немецкая биография Роткирха рассказывает о родине и младенчестве Ганнибала. Этому рассказу следует Пушкин, а затем множество биографов, исследователей и даже писателей (например, Ю. А. Тынянов).

Роткирх утверждает, что прадед поэта был княжеского происхождения. Он вторит самому Ганнибалу, заявлявшему в 1742 году в прошении Елизавете Петровне: «Родом я, низжай-

ший, из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Логоне, который и кроме того имел под собою еще два города» (*Телетова* 1981: 170).

Этнограф Д. Н. Анучин (*Анучин* 1899), советский политический деятель Н. П. Хохлов (*Хохлов* 1973) посвятили разысканиям родины Ганнибала и его предков специальные исследования, но ни родных, ни точное место рождения прадеда Пушкина установить им не удалось.

Однако в скрупулезном исследовании писателя В. В. Набокова «Пушкин и Ганнибал», посвященном этой теме, сделана беглая и многозначительная заметка: «Было бы пустой тратой времени гадать, не родился ли Абрам вообще не в Абиссинии; не поймали ли его работорговцы совершенно в другом месте — например в Лагоне (в области Экваториальной Африки, южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами)» — (*Nabokov* 1962: 25; *Набоков* 1994: 38).

По словам Д. Гнамманку, он не был знаком со статьей Набокова и, работая самостоятельно, пришел к выводу, что упомянутое Ганнибалом государство с Логоном и еще двумя городами в нем — и есть княжество Логон. Предположение Набокова стало доказанным фактом у Гнамманку. Более того, стало ясно, что Абиссиния, названная Роткирхом в качестве родины его тестя, извлечена была им из романа Самюэля Джонсона «История Расселаса, принца абиссинского» (1759). Роман имел большой успех и в 1785 г. Фридрих Шиллер перевел его на немецкий язык, родной для Роткирха, это и было источником вдохновенной фантазии усердного читателя.

Набоков провел прямые параллели между событиями этого романа и рассказом Роткирха о детстве Абрама при дворе отца. Но Набоков не дерзнул предположить, что не только детали, но и сама Абиссиния «пришла» к Роткирху из сочинения Джонсона, а неведомый и ничем не славный Логон был исключен из биографии Ганнибала.

Некоторый неясный смысл содержался в двух похожих словах рассказа о детстве Абрама. Его родной город — Логон; его сестра, якобы плывшая за судном, на котором турки увозили мальчика, — Лагань. Однако пробиться к источнику роткирховой записи об этом невозможно, ибо то были или устный рассказ старого арапа, или его записки, ко времени Пушкина, к началу XIX века, уже неведомые. У Роткирха мальчика захватывают не работорговцы соседнего племени, но в качестве заложника непосредственно турки.

Происхождение рода, которое Роткирх связывает с древним полководцем Карфагена Ганнибалом, конечно же его выдумка.

Долгий и трудный путь в Истамбул-Константинополь завершился к лету 1703 года, когда мальчику должно было исполниться 7 лет. Его поместили, очевидно, с другими арапчаками, во дворец — просторное, деленное на две половины жилище султана, где располагались с одной стороны гарем, а с другой сераль — отделенная коридором мужская половина. Там играли в шахматы, ели, развлекались и спали хозяева и гости дома.

В серале и находились арапчака, привыкая к обычаям, начиная понимать чужую речь.

Истамбул много севернее Логона, но много южнее Москвы. Можно сказать, что половина дороги — в предназначенном судьбою — была у Абрама проделана, а остановка выглядит привалом во время этого огромного и неведомого пути к будущему. Пути, заранее готовившему этого мальчика, который ни тогда, ни позже не догадывался, что едет к своему увековечению через творчество правнука.

Первыми из далекой Московии предстанут перед мальчиком, очевидно, два знатных человека. Один — Петр Андреевич Толстой, еще не получивший графского титула, ловкий русский посол (с 1701 по 1714 годы) в Истамбуле. Он будет способствовать увозу ребенка в Россию, но проделывать всю операцию будет еще более ловкий доверенный Петра I, скрывшийся под личиной купца, — Савва Лукич Владиславич. Он — босниец, православный, бежавший от преследований турок со своей родины, каковой была Рагузская республика. Позже, в 1711 году, родина пожалует ему титул графа, а в России называться он будет сложной фамилией Владиславич-Рагузинский. Пока же, в интересующем нас 1704 году, зовут его просто Саввой Владиславичем, так что позже полагают, что фамилия его является его отчеством⁵.

Жестокость фанатичных мусульман-турок изгнала его из Рагузы — нынешнего Дубровника на берегу Средиземного моря, в землях древнего обитания южных славян.

Савва Лукич впервые прибыл в Россию в 1702 году под видом торговца с «деревянным маслом, кумачами, бумагой хлопчатною». Здесь, столкнувшись с переводчиком и видным деятелем тех лет Спафарием, видимо, не без содействия его — человека точно такой же судьбы (*Бантыш-Каменский* II: 242)⁶, он стал доверенным лицом Петра I и уже в 1703 году послан был в Константинополь с дорогими русскими мехами, которыми он будто бы торговал, но, по видимости, меха эти служили ему в качестве взятки важным туркам.

Поехал он помогать П. А. Толстому и даже подменял его в качестве временно исполняющего должность посла в 1704 году (до июня), когда Толстой ездил домой.

Заметим, что 22 августа 1703 г. султан Мустафа II был после военного переворота свергнут своим младшим братом, занявшим его место. Султаном стал Ахмед III. Вскоре на смену старому пришел и новый великий визирь Хасан, занимавший свой пост в интересующее нас время — с 16 ноября 1703 по 28 сентября 1704 года. Он был зятем султана и, как пишет В. Набоков, «это был честный и сравнительно гуманный паша, грек по происхождению, и его уж никак нельзя было заподозрить в продаже иностранцу пажей султана» (*Nabokov* 1964, III: 418).

Однако именно при Хасане Савва Лукич получил трех арапчат летом 1704 года, в пору, когда он замещал посла П. А. Толстого в турецкой столице. Затем он отсылает их с верным человеком — это был некий Васильев — в Москву. Чтобы не попасться, едут на север через Болгарские и Мунтянские земли (восточная часть Валахии, откуда родом Спафарий, вероятно, снабдивший предусмотрительно Савву письмами к друзьям или родным).

Итак, побыв в Константинополе около года, Абрам снова оказывается в пути. Впоследствии он указывал на то, что добровольно отправился из Турции в Россию. Приведем почти полностью очень важное письмо Спафария из Москвы графу Ф. А. Головину, находившемуся, возможно, в походе вместе с Петром I, который победил шведов под Нарвой в августе.

Письмо датировано 15 ноября 1704 года и в нем говорится, что «поезд» от Саввы прибыл за два дня до того — 13 ноября 1704 года. Забежим вперед и скажем, что это дата прибытия в Москву прадеда Пушкина и записывает это событие не просто чиновник, но писатель того времени — обстоятельство знаменательное.

«Милостивый государь мой Федор Алексеевич. Перед поездом своим из Царяграда июня 21 дня господин Савва Рагузинский писал ко мне, что он по приказу вельможности вашей промыслил с великим страхом и опасением жития своего от турков *двух арапчиков, а третьего* послу Петру Андреевичу, и тех арапчиков послал с человеком своим сухим путем⁷ через Мултянскую⁸ и Волоскую земли для опасения. И ныне, государь, ноября в 13 день, тот человек Савин приехал с теми арапчиками к Москве в целости, и я из тех трех выбрал двух, которые лучше и искуснее, *родных братьев*, и отдал их в пречистом доме вашем пречистой госпоже матушке вашей и детям вашим благороднейшим, а *третьего*, который поплоче, оставил Петру Андреевичу, потому что так писал ко мне и господин Сава, да и человек его сказал, что тот негоден.

Меньшой из них именем Абрам крещен от племянника господаря мултянского, а большой еще в басурманстве...

А в Азов все товары Савины пришли в целости с *племянником его маленьким*⁹, а как будут сюда, что надлежит к вельможности вашей выберем и отдадим...» (*Спафарий*: 308–309) <курсив мой. — Н. Т.>

Из этого письма точно устанавливается, что везли и привезли в Москву трех арапчат, но что третий «негоден», то есть болен, слаб; что два других, братья, предназначены Головину, однако, без сомнения, этих двух арапчиков управитель Посольского приказа прочил Петру I в подарок — оттого и старался «с великим страхом и опасением жития своего от турков» Савва Лукич.

Из письма Спафария узнаем, что младший из двух братьев, Авраам, окрещен в дороге. Это совершенно неожиданное свидетельство. Установить первого крестного не предоставляется возможным. Однако кое-что на этот счет можно сказать. С 15 июня 1704 по 1707 год господарем Мунтении и Валахии (это была одна земля, носившая название то по одной, то по другой своей части) был Бранкован, в начале своего правления тайный союзник Петра I (*Кочубинский* 1872: 19). Очевидно, что Спафарий ведет речь о его племяннике.

Валахия, соседняя Молдавия и с юга примыкающая к ним Болгария были православными, что гарантировало сочувствие посланцу Саввы, ехавшему через покоренные турками земли.

Авраам — имя, не раз дававшееся в начале XVIII века арапам. Заметим к тому же, что день св. Авраама празднуется 9 октября по старому стилю. Скорее всего, это первое крещение связано было с остановкой в пути, вероятно, в Яссах. Крещение стремились совместить с днем святого, имя которого давалось ребенку. Так что можно предположить, что происходило оно 9(20) октября 1704 года. Несомненно, что мальчик почти ничего не понял, может быть, даже забыл, что был крещен, — ни язык, ни обряды ему были непонятны, но имя свое — Абрам (Авраам) — он запомнил хорошо.

Из письма Спафария делается известно, что в то же время, возможно и для отвода глаз, другим путем из Константинополя послан Саввою вместе с товарами его племянник. Мальчик в Азове дожидается Савву, вместе с которым и движется дальше.

Рагузинский, опасаясь как за арапчат, так и за судьбу важных бумаг, которые тайно при себе вез Петру I, отослал этих арапчат с доверенным лицом, а затем уже выехал на Азов, откуда прибыл в Москву значительно позже сухопутного поезда.

Замечательно, что в документах о внешних сношениях России сохранились и дата, и перечисление лиц, прибывших с

Саввою, — никаких арапчат он при себе не имел: «1705 год, 30 января, Сава Рагузинский в Москву возвратился с тайными от посла Толстого письмами. При нем был писарь Петр Лукин и племянник его Ефим Иванов сын Рагузинский» (*Бантыш-Каменский* 1836, II: 243).

Наконец, в том же письме Спафария упомянут старший брат Абрама. О нем стало известно и из другого свидетельства четверть века назад.

Во втором — и последнем — документе о прибытии прадеда Пушкина в Россию А. К. Роткирх пишет так: «Он <Петр I. — Н. Т.> напал на мысль написать своему, тогда находившемуся в Константинополе, послу¹⁹, чтобы тот ему достал и переслал нескольких африканских арапчат (Mohrenknaben), отличающихся хорошими способностями...». Далее идет рассказ о том, что, подкупив великого визиря, он «получил *трех мальчиков, расторопных и способных...*» (*Рукою Пушкина* 1935: 51). Рагузинский — как известно из письма Спафария, это был он, — «счастливый выполнить волю своего государя, отправил этого *Ибрагима Ганнибала*¹¹, *еще одного черного мальчика* знатного происхождения, его соотечественника, который в пути скончался от оспы, *и одного рагузинца*, почти сверстников, *все моложе девяти лет*, в Москву.

Государь, опечаленный потерей третьего, был доволен получением этих двух прибывших мальчиков и взял на себя заботу об их воспитании... Император... установил сразу наклонности своих прибывших питомцев и предназначил *своего Ганнибала*, живого, расторопного и горячего мальчика, *в военную службу*, рагузинца же, впоследствии известного в России под именем графа Рагузинского, как более тихого и вдумчивого — к гражданской службе» (*Рукою Пушкина* 1935: 51).

Этот документ подтверждает письмо Спафария, но кое в чем с ним расходится.

От Ганнибала его дети и Роткирх, вероятно, много раз слышали, что из сераля похитили трех арапчат. Это сходится с сообщением Спафария. Но к концу XVIII века судьба троих была неясна, все перепуталось.

Так, за третьего Роткирх считал рагузинца, который в серале воспитываться не мог уже потому, что был белокож и в будущие пажи султану, как чернокожие мальчики, не подходил. Таким образом, племянник Саввы Лукича, рагузинец, прибывший к тому же позже и другим путем, в число троих входить не мог.

Одного арапчонка Роткирх «уморил» по дороге, будто бы от черной оспы. Однако в дороге, как понятно из письма Спафария, этого не случилось, но слабый и, может быть,

младший, попавший в дом П. А. Толстого, видимо, вскоре умер. Двое же других, родные братья оказались у Петра I.

Старшего из них Петр I крестил в Преображенском приказе, нарек Алексеем, отчеством же его стало (оно и фамилия), как и у его младшего брата Абрама, — Петров. Весной 1716 года Алексей отправился к жене своей, крепостной ссыльных князей Голицыных, на север. Ездил он «по прошению брата его, Алексева, государева камердина Аврама Петрова». В этом же документе от 1716 года, хранящемся в ЦГАДА, упоминается, что Алексей «служит в Преображенском полку в гобоистах лет с восемь» (Козлов 1969: 14).

Так прослеживается судьба и старшего брата до 1716 года. Однако очевидное отсутствие особых способностей привело к тому, что Алексей не поднялся выше полкового музыканта. Более его имя не встречается он или умер в годы учения младшего брата во Франции, или покинул Россию. Роткирху и детям Ганнибала он совершенно неизвестен.

Пушкин знал, что не при Рагузинском ехал в Москву его прадед. Он замечает, что тот «отослал его <Абрама. — Н. Т.> Петру I вместе с двумя другими арапчатами» (XII: 312).

У Роткирха говорится, что рагузинец, выросши, стал графом, которого Петр I «предназначил... к гражданской службе». Очевидно, что автор биографии путает дядю и племянника, Савву Лукича и Ефима Ивановича, который был военным, дослужился до чина генерал-поручика, стал кавалером ордена Александра Невского и был на пять лет старше Абрама. Даты его жизни известны: 1691—1749.

Однако Пушкину удастся отделить друг от друга этих двоих и разыскать какие-то материалы о младшем: в «Арапе Петра Великого» он замечает, что вернувшийся из Парижа Ибрагим видит около Петра I «молодого Рагузинского, бывшего своего товарища» (VIII: 11).

Удалось выяснить, что этот Ефим обучался за границей, как и Абрам. Там он из-за безденежья попал в долговую тюрьму, откуда выкуплен был хлопотами Конона Зотова, сообщавшего 16 марта 1716 года о плачевной судьбе ученика (*Пекарский* 1862, I: 158). Таким образом, Пушкин вспоминает, скорее всего, товарищество этих ученических лет своего прадеда и Рагузинского-младшего.

Итак, Абрам и старший брат его оказались в доме графа Головина.

19 декабря 1704 года вернулся из Нарвского похода победитель шведов царь Петр, возможно, тогда же вернулся и Головин. Оба мальчика были подарены Петру. Дата этого дара неустановима, потому что Петр поселился в доме графа, и

братья, само собой, перешли в его власть. Он мог наблюдать за ними там, где они жили уже некоторое время до его появления. Тогда старший был окрещен и наречен Алексеем, а затем определен музыкантом в полк; младшего же Петр приблизил к себе.

В документах Абрам относит начало своей службы царю к 1705 году, то есть, видимо, числит его с самого новолетия. Первым свидетельством царской милости к нему осталась запись в приходно-расходной книге Петра: «1705 года, 18 февраля Абраму арапу к делу мундира и в приклад дано 15 рублей 15 алтын» (*Малеванов* 1972: 192).

В Немецкой слободе в головинском доме Петр жил до своего дня рождения — 30 мая ст. ст. На другой день он тронулся в путь на Полоцк и Вильну.

Сохранились два графических рисунка, относящихся к весне 1705 года. Это вид дома Головина (художника Адриана Шхонебека), в котором Петр устроил прием турецкого посольства, и изображено отбытие этого посольства. И портрет Петра I со скипетром и державой на фоне взрывающихся кораблей шведов (за левой его рукой) и фигурой арапчика, как бы опирающегося подбородком на правую руку царя. Этот двойной портрет с натуры выполнялся тем же Шхонебеком за несколько месяцев до его смерти — умер он в сентябре 1705 года. По-видимому, это первое изображение Абрама.

В «поход» (до XVIII века любая поездка, включая богомолье, именовалась походом) Петр выступил, взяв с собою и арапчика.

О прибытии в Вильну и крещении мальчика 13 июля уже говорилось, добавим, однако, примечательную подробность. Поскольку Абрам уже был окрещен, вторичное крещение возможно было лишь при перемене имени. Петр и решил наречь мальчика по себе — Петр. Перекрещивание было произведено, но новое имя связывалось с мальчиком лишь формально. Так делается понятен рассказ об этом в Немецкой биографии Ганнибала.

За Роткирхом и Петр Абрамович и, наконец, Пушкин повторяют эту, казалось бы, странную историю. А. К. Роткирх: «По имени своего высокого восприемника был он назван Петром... Но по общей привычке звать его Авраамом сохранилось за ним до самой смерти не новое, а старое имя... и только в церковных книгах его называли Петром» (*Рукою Пушкина* 1935: 52).

П. А. Ганнибал в своих «Воспоминаниях»: «Имя дано Петр, но как он по молодости плакал, когда его оным именем называли, то государь велел его называть прежним именем, до крещения его, Авраамом» (*Телетова* 1981: 172).

А. С. Пушкин со слов предыдущих: «В крещении наименован он был Петром, но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом» (XII: 312).

Итак, это было не крещение, а переименование, где крестным отцом был Петр I. Крестная мать Абрамом не была упомянута, Роткирх же «придал» тестю в роли крестной польскую королеву. Таковой была Христина-Эбергардина, жена Августа II. Но ни Август, ни супруга его в Вильне не находились, так что этот сюжет должен остаться на совести Роткирха, а может быть, изначально — Петра Абрамовича, который тоже преподносит эту версию в своих «Воспоминаниях». Кто от кого взял этот эпизод, сказать трудно, но сам Абрам в нем неповинен.

В первое время в его обязанности входило подавать царю, когда он просыпался ночью, грифельную доску и мел. Во всех биографиях Абрама об этом пишется и расценивается как причуда Петра. Между тем лишь Д. Н. Бантыш-Каменский, возможно, со слов Пушкина, это объяснял (*Бантыш-Каменский* 1836, II: 12). Мальчик еще не понимал языка новой родины, не понимал речь крестного отца и мог лишь подавать доску для записи на ней памятных заметок.

В ходе военных кампаний Петра I Абрам участвовал при царе и в битве при Лесной, и под Полтавой, и в Прутском походе (1711), и в Гангуте (1714). Расстались они лишь в июне 1717 года, когда воспитанник оставлен был в Париже для обучения военным наукам.

Как назвать службу Абрама? Пушкин справедливо сердился, когда пытались прадеда его именовать камердинером, лакеем. Это было служение иного рода. В документе тех лет он справедливо назван «припорожник». Безотлучный мальчик из доверенных и близких, становясь взрослым, разделяет и судьбу и замыслы крестного отца.

Заключение победоносного Ништадтского мира (1721), окончание долгой Северной войны вызвали у пребывавшего во Франции Абрама восторженные чувства; через пять лет государыне Екатерине I, вспоминая, он писал в Посвящении ей рукописей по геометрии и фортификации: «Мне была сатисфакция слышать», когда «реномея распустила славу нашего пресветлого российского Марса труды» (*Телетова* 1981: 143).

Можно думать, что аллегорическое полотно XVIII века (ГРМ), изображающее Петра I — победителя шведов, включает уже второе изображение его крестника. Чернокожий подросток в мундире преображенного солдата держит под уздцы коня, рядом фигура Петра, наступившего на грудь поверженного Карла XII¹². О вероятности «омоложенного» изображения Аб-

рама на полотне П. - Д. Мартена-младшего, представляющего баталию близ деревни Лесной, уже говорилось.

Следующим этапом в жизни Абрама Петрова станет его пребывание во Франции в течение пяти с лишним лет.

Пушкин не знал, каким путем попал его прадед в Париж. Он писал: «До 1716 года Ганнибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах, потом послан был в Париж» (XII: 312).

Между тем Абрам не «послан был», а оставлен царем, которого он сопровождал в его европейском путешествии. В архивных бумагах Петра сохранилось около десяти записей о подарках «Абраму арапу» в ходе путешествия. Тут и все новые платья, и обувь, и «чюлки», и бахрома, и особенная шляпа, и сукно, и парча, и, наконец, перед самой разлукой, когда Петр ехал в Спа лечиться водами, а затем возвращался в Россию, а крестник оставался в Париже, 8 июня 1717 года «выдано Авраму арапу достальное его жалованье на нынешний 1717 г., по выписке, 15 червонных» (*Украинцев* 1872, II: 68).

Петр I покинул Париж 9 июня, после обеда. Первое время во Франции Абрам весьма нуждался. Жили они вдвоем с Алексеем Юровым, который, как стало известно, изучал приемы очистки днища кораблей от ракушек и другого, что способствовало гниению обшивки, то есть был в некотором роде связан с инженерным и морским делом.

Им прежде всего следовало освоить язык. Если учесть, что петербургские коллегии регулярно задерживали деньги на содержание учеников, то станет понятно, почему в конце 1718 года Абрам писал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «На плечах ни кафтана, ни рубахи, почитай, нет, мастера учат в долг» (*Вегнер* 1937: 146).

В 1726 году в посвящении рукописей Екатерине I Абрам пишет, что Петр I поручил его в Париже заботам трех вельмож. Он называет их — это дюк дю Мен, его сын принц де Домб, то есть побочные сын и внук Людовика XIV, и фельдцейхмейстер Франции, племянник фаворитки короля де Вальер. Последнего Абрам спутал с дю Меном и назвал «сыном натуральным славного короля французского Лудвика Великого». Рассказ о заботах этих вельмож был явным преувеличением вернувшегося из Франции инженера, однако с двумя из трех имен мы встретимся в документах о военных школах, как раз при Абраме открывавшихся.

Намучившись безденежьем и живя впроголодь в течение полутора лет, Абрам решает вступить волонтером в королевский полк, когда открылась вакансия, то есть началась война с Испанией. Война эта длилась с 9 января 1719 года по 17 февраля

1720-го. Когда французы брали крепость Фуэнтерабия в Северной Испании (1719), произошла схватка в подземном переходе, и Абрам получил «главное» ранение.

В последние дни войны волею десятилетнего короля Людовика XV и регента Филиппа Орлеанского открываются новые «центры инструктажа» для обучения офицеров.

Сам Абрам не называет, где находилась та школа, в которую он сразу вступил в качестве уже капитана королевских войск. Указывая в письмах, что она в 100 милях от Парижа, он дает возможность утверждать, что это была крепость — и центр инструктажа — в Ла Фере, на северо-восток от Парижа¹³.

Несколько слов о военном обучении во Франции тех лет, что совсем неизвестно в России, но так хорошо знакомо было Абраму.

Первая артиллерийская школа, обучавшая и подкопам, и «делу» земляных укреплений, и многому другому была открыта в Дуэ в 1679 году. Кроме того, обучение велось при полках фюзилеров, бомбардиров, объединявшихся в полк артиллерии по королевской инструкции от 5 февраля 1720 года. Полк стал располагаться тогда в четырех местах, где были «центры инструктажа», некоторые из которых, более крупные, назывались школами. Они находились в Дуэ, Метце, Страсбурге и Ла Фере.

Ведал этими школами тот самый герцог Мэнский, которому, по словам Абрама, Петр I поручил его судьбу.

В «истории французской военной службы» Даниэля, изданной в Париже в 1721 году, говорится: «Польза этих школ была признана, и на огонь король изволил предоставить в распоряжение герцога Мэнского добавочные 15000 ливров... Этот фонд использовался для обучения и содержания молодых и новых офицеров, которых герцог Мэнский заставлял посылать в школы; их содержание соответствовало рангу, который они занимали в корпусе» (*Père Daniel* 1721: 41).

Что касается упомянутой королевской инструкции, то адресована она двум лицам, из которых первый — Детуше, «генеральный директор батальонных школ, причисленных к службе артиллерии», а второй — «сир де Вальер, маршал лагеря, генеральный инспектор тех же школ». Таким образом, отыскался и второй из покровителей Абрама, им позже упомянутых, то есть де Вальер.

«Son Altesse Royale» — Его Величество Король — в инструкции повелел сиру Камю Детуше и де Вальеру собирать людей по всей стране для этих школ. Первому — в землях северной, а второму — южной Франции.

Им, «маршалам лагеря», следует определить, «сколько раз в месяц будут занятия. Они разделят занятия на теоретические

и практические. Теоретические будут преимущественно для офицеров. Их будут обучать фортификации и тем разделам геометрии, которые необходимы для того, чтобы научить как следует размещать батареи... вести огонь настолько точно, насколько это позволяют орудия, бомбы и камнеметы, прокладывать подземные и минные галереи, размещать минные каморы или погреба и определять их нагрузки» (*Instruction* 1720).

Оборвем цитирование этого неведомого у нас документа, хотя требования к офицерам изложенным не ограничиваются. Но основное, чему учили Абрама, здесь уже названо. Сам он пишет кабинет-министру А. В. Макарову 16(27) февраля 1722 года: «Сделали здесь школу новую для молодых инженеров в 1720 году... токмо сто миль в ростояни от Парижа» (*Ганнибал* 1913: 208–209).

Лишь в 1721 году и на короткий срок жизнь для капитана стала, вероятно, более привлекательной и, если сюжет романа посчитать не художественным вымыслом, то события, в нем представленные, могут быть отнесены только к этим месяцам.

Сохранилось несколько писем Абрама и других лиц с просьбой о разрешении задержаться во Франции. Так, Абрам пишет Макарову в том же письме: «Ежели Его Императорское Величество повелит мне еще пребыть здесь нынешний год, чтоб мне видет хотя малую практику, понеже в оной школе инженерской нарочно зделали город земленой, которому будем а нынешнем году приступ делать, шанцы вести, подкопы копать и протчае, что из практики надлежит знат» (*Там же*).

9 марта 1722 года к просьбе этой присоединяется В. Л. Долгорукий: «...как Абрам мне сказал, что ему нужно от сего времени еще год жить, чтоб гораздо видет практику» (*Там же*: 212).

Бедность снова преследует Абрама, ибо немногие его «ефимки» при мене их на введенные аферистом Лоу бумажные деньги оставляли его на милость посторонних. Так, ссылается он в письме к Макарову от 5 марта 1722 года на доброту бывшего в Париже гр. П. И. Мусина-Пушкина: «Мы все здесь в долгах не от мотовства, а от бумажных денгах, о чем вы, я чаю, известны через графа Мусина Пушкина, какое здес житие было здешними денгами, и ежели бы здесь не был Платон Иванович, то бы я умер с голоду: он меня своей милостью не оставил, что обедал и ужинал при нем по вся дни» (*Там же*: 211).

Надо полагать, что с окончанием войны жалованье офицеру Абраму Петрову более не выплачивалось, так что обучение имел он «своекоштное».

Полемику вызывал вопрос о том, где он учился. В одной из первых его биографий, созданной Анной Семеновной Ганнибал, правнучкой Абрама, указываются город и школа в Метце. Это опровергается рядом обстоятельств, из которых отметим два: во-первых, в 100 милях от Парижа был именно Ла Фер, Метц был дальше; во-вторых, учителем Петрова Немецкая биография называет известного инженера Белидора, который служил именно в школе Ла Фера. Однако никем не учитывалось, что юноша до вступления в армию и до начала боевых действий 1719 года мог находиться в школе Метца, а затем, с открытием «центра инструктажа» в Ла Фере в 1720 году, оказался уже там.

Нищета и заброшенность русских учеников были так велики, что они тянулись в Париж, где какую-то помощь им могли оказывать как русский посол кн. В. Л. Долгорукий, так и коммерции советник (в 1730-е годы президент Коммерц-коллегии) гр. П. И. Мусин-Пушкин.

Закончив практику в Ла Фере, Абрам тронулся в путь поздней осенью 1722 года. Ехали — он и еще несколько юношей — в свите русского посла В. Л. Долгорукого, возвращавшегося на родину после нескольких лет службы.

«Последний, получа в Реймсе 17 октября отпуск, приехал в Москву 27 января 1723 года и, являсь к государю в селе Преображенском, подал от короля и от регента (от 15 октября 1722 года) рекредитивы с уверением верности и ревности оного Долгорукова в исполнении повелений и искусстве в поведении его». В этом же документе о приезде в Москву Долгорукова, опубликованном Н. Н. Бантыш-Каменским, указывалось, что «октября 17-го отозваны из Парижа обучавшиеся тамо ученики Абрам арап, Резанов и Коровин, за коих и нажитые тамо долги уплачены были» (*Бантыш-Каменский* 1894: 93–94).

В камер-фурьерском журнале за 27 января 1723 года стоит запись: «Сегодня явился Его Величеству по утру Тайный Советник Князь Василий Долгорукой, который был министром в Париже и оттуда приехал по указу; а потом после обедни он, Долгорукой, был на аудиенции у Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны.

Сегодня была превеликая метель и мокрая» (*Юрнал* 1723: 6).

Сам Абрам напоминает об этом прибытии Екатерине I так: «Я имел честь по моему возвращению в Россию обнять стопы вашего величества в 1723 году, и его императорское величество соизволил своею обыкновенною милостию к сиротам меня определить в свою роту бомбардирскую лейтенантом, а изустным указом повелел мне обучать молодых унтер-офицеров и солдат лейб-гвардии архитектуре милитарис» (*Телетова* 1981: 143).

В селе Преображенском, близ Москвы, встречал Петр I и Долгорукова и своего верного арапа. Эти обстоятельства Роткирху не были известны, и он перенес место встречи крестного и крестника в другой пригород Красное Село, под Петербургом. Мало того, что спутано было место. Утверждалось, для пущей важности, что сам царь с царицей выехали навстречу юному инженеру.

И снова Пушкину пришлось опираться на этот фамильный документ, повторяя роткирховы сведения в своем романе.

Целый год царь Петр испытывал своего крестника. Он снова был секретарем и хранителем чертежей. Летом участвовал в грандиозных земляных работах в Кронштадте, когда копали котлованы для доков. В любовной записке некоей Асечке Ивановне Абрам жалуется, что всякий день «по колена в грязи... понеже с неделю... ни единого дня не было без дождя» (*Шубинский* 1904: 931).

Только через год после возвращения из Франции испытанного теперь Абрама 4 февраля 1724 года Петр I определил «поручиком в бомбардирную роту к инженерам, которых из молодых в кондукторы надлежит собрать» (*Вегнер* 1937: 33).

Кондуктор — проводник. Проводник знаний из «центра инструктажа» уже русского, каковым стал Преображенский полк, — к другим офицерам, в другие полки.

Петр по рассказам крестника решает учредить ту же систему обучения, что и во Франции. 28-летний инженер чередует свои занятия с поездками, более всего в Прибалтику, на осмотр и реставрацию крепостей с необходимой переориентировкой их в сторону моря, на шведов. До Северной войны крепости должны были обороняться с суши, с юга.

В течение четырех лет — 1724–1728 гг. — Абрам Петров числится в списках Преображенского полка под номером 1540. Назван он там «Петров Араб Абрам». В графе «Откуда прибыли» указано: «1724 год, лейтенант», в графе «Куда убыли» стоит: «1728 год в майоры, с переводом в Сибирь, в Тобольский гарнизон» (*История Преображенского полка* 1883, IV: 169). Но до этих печальных и тревожных годов в жизни Абрама он может считаться настоящим «птенцом гнезда Петрова».

С конца 1724 года он занят крепостными работами в Риге, где и застала его весть о смерти Петра. Императрица поручила ученому арапу обучение точным наукам наследника престола, подростка Петра Алексеевича. Тогда и возникает двухтомный труд Абрама, названный «*Geometrie pratique*» и «*Fortification*», подаренный императрице. Здесь тексты и чертежи с элементами конструкций самого Вобана. Очевидно, что привезенные тетради с записями Абрама легли в основу

этого труда. Оба тома снабжены одним и тем же посвящением, переписанным дважды.

Пройдет полгода, и на русском троне окажется подросток, ученик Абрама, что, однако, не будет полезно учителю. Он окажется в зависимости от временщиков — сначала Меншикова, затем Долгоруких, которым ученый арап был подозрителен и ненавистен, — и как иноземец по рождению, и как образованный человек по существу своему. Вдобавок он знал Алексашу с интимной стороны, его взяточничество, вороватость известны были Абраму до тонкости.

Связанный с кружком врагов Меншикова — кн. Аграфеной Волконской и братом ее Алексеем Бестужевым — он сослан был в Сибирь. Его путь предварялся письмом Меншикова: «Понеже он человек иностранный и опасно, чтоб не ушел за границу, велено иметь за ним крепкий присмотр» (*Вегнер* 1937: 45).

Ехал Абрам сначала в Казань, затем на Тобольск и Иркутск, а затем и Селенгинск.

17 июля 1728 года следует сенатский указ «О построении крепости на китайской границе и о поручении сего дела поручику Аврааму Петрову» (*Баранов* 1875, II: 157 № 3116). Чертежи он должен был ждать из Петербурга.

Был он и в Троицкосавске, названном в честь Саввы Рагузинского, в те же годы посланника России в Китае. Затем Абрама вернули в Тобольск и снова отправили в Селенгинск.

Из сенатского пересказа рапорта Ганнибала можно узнать, как пытался спасти его Савва Лукич от происков врагов. Он был «посылан, по требованию посла Саввы Рагузинского, для снятия плана избранного им места к перенесению Селенгинска» (*Сенатский архив* 1901: 532). Селенгинск страдал от наводнений, и какие-то топографические занятия Абрама превратились в семейных легендах позже в измерение китайской стены, которым будто бы занят был юный инженер на Востоке (Роткирх и Пушкин).

Однако гонения продолжались и даже усиливались. Так, 22 декабря 1729 года он был обыскан, от службы отставлен и посажен на рацион в 10 рублей на месяц. Затем его перевезли в Томск, где и кончились мытарства, связанные с происками уже временщиков Долгоруких.

Только тут получен был составленный 15 февраля 1730 года «протокол верховного тайного совета о бытии бомбардир-поручику Аврааму Петрову майором в тобольском гарнизоне» (*Баранов* 1875, II: 215 № 3725). Кажущееся повышение по службе было на деле переводом из лейб-гвардии, где он еще как бы числился, в армейский сибирский полк, с пересчетом чинов, законом предусмотренным¹⁴.

В 1729 году начали перестройку Кронштадтской крепости, доделывался Ладожский канал (открыт в 1731 году), поэтому возникла острая нехватка инженеров. Специальным указом 1730 года приглашали на службу иностранцев, а пока, в сентябре 1730 года, пользуясь новой политической ситуацией, Я. Б. Миних добивается перевода в Пернов арапа Абрама.

По-видимому, в 1727 г. в Сибири, защищаясь от отношения к себе как к ссыльному, Абрам Петров превратит вторую часть своего имени в отчество и добавит громкую историческую фамилию, до того им никогда не употреблявшуюся, — Ганнибал.

В марте 1731 года он добирается до Пернова (Пярну), где фамилия эта приобретает законный вид. Проездом туда он проводит некоторое время в Петербурге, здесь 17 января 1731 года Петров венчается с младшей дочерью капитана-грека на русской службе Андрея Диопера¹⁵.

Подневольный брак этот не дал супругам ничего, кроме горя. Для Евдокии он был и вовсе губительным, ибо более двадцати лет (1732—1753) длился развод. Затем несчастная была поселена сначала в Успенском Староладожском, а потом во Введенском монастыре Тихвина. Здесь числилась она «белицею», то есть без пострига, в 1764 году и здесь же, очевидно, умерла. Примечательно, что в Успенском монастыре Старой Ладоги шесть лет томилась и Евдокия Лопухина (1718—1724), жена Петра I, переведенная сюда из-под Суздаля за нарушение насильственного монашества и связь с мужчиной. Видимо, суд посчитал вину Евдокии Ганнибал сходной.

В 1732 году Ганнибал покупает в 30 км к югу от Ревеля (Таллинна) мызу Карьякюла и живет там, выйдя в отставку в 1733-м. Отставка продлится около семи лет. Причин, вероятно, было несколько. Во-первых, скандал в перновском гарнизоне из-за развода, когда он обвинял Евдокию в измене и в попытке его отравить. Ныне проверить справедливость слов не представляется возможным. Во-вторых, то обстоятельство, что супруга осенью 1731 года подарила ему белую девочку, после чего, возможно, жажда мщения и привела Абрама к «сугубым» поступкам против жены.

Некрасивые слухи о семействе инженера-арапа, слава роносоца должны были его преследовать, и он пытается скрыться от всего, взяв отставку. Примечательно, что первое прошение об отставке относится к 11 октября 1731 года, то есть подается вскоре после рождения ребенка. Второе прошение — 7 июня 1732 года, и лишь 21 мая 1733 года отставка была получена.

Жизнь в деревне, как свидетельствует Пушкин, наполнена была страхом. Пушкин полагал причиной страха тайное и нелегальное возвращение прадеда из Сибири. Однако это не

так. Было совсем иное обстоятельство: не дожидаясь столичного решения о разводе, Ганнибал сошелся с дочерью капитана шведской службы в отставке Маттиаса Шёберга. Христина-Регина была дочерью, видимо, не имевшей средств к существованию семьи. Мать ее — из рижской знатной фамилии Альбедилей — находилась со старшим сыном Георгом-Карлом в Риге, когда город был взят петровскими войсками (1 июня 1710 года). Отец находился в Швеции, куда сопровождал группу русских пленных.

Пользуясь радушным приглашением местного дворянства на русскую службу, Маттиас возвращается к семье, но выходит в отставку и переселяется из Риги в Пернов. (Умирает он много позже, в 1742 году, уже в Ревеле). Очевидно, здесь, в Пернове, появляется на свет в 1717/1718 году старшая из его дочерей Христина, а затем ее сестры Юлиана и Анна.

По свидетельству Евдокии Андреевны, Ганнибал сошелся с дочерью капитана Шёберга уже в феврале 1732 года в Пернове, что маловероятно. Нет оснований считать, что брак Христины и Ганнибала вызван был только трудным материальным положением, но и это обстоятельство учитывать следует. Если не прослеживаются по документам земельные владения Маттиаса, то знатные Альбедилей, то есть родные матушки Христины, имеют ряд поместий, что должно было облегчать жизнь семейства отставного капитана Шёберга.

Вероятно, в Карьякюле Христина 5 июня 1735¹⁶ года родила своего первенца Ивана, достаточно смуглого, с характерным строением лица (сохранились три его портрета зрелых лет), что успокоило, наконец, ревнивое сердце Абрама, и он решился на второй брак. Ганнибал добывает (покупает?) подложную «вечную память», где говорится, что он холост, и венчается в одной из ревельских церквей. Это происходит в 1736 году, и с того времени незаконное сожителство превращается в еще менее законный, сурово караемый христианской церковью вторичный брак — при неразведенной и обвиняемой в измене жене.

Тут и начинается полный опасений период жизни Ганнибала. Высоких покровителей у него нет, если не считать графа Миниха. Укрепляя свои позиции, он просит дать ему инженерный патент, каковой (от 7 февраля 1737 года) и получает за подписями императрицы Анны и генерал-фельдмаршала Христофора фон Миниха: «Вышедшего в отставку Авраама Петрова Ганибала за нашего инженер-капитана в ранге сухопутного майора признавать» (*Патент*).

Дождавшись, видимо, вакансии в Ревеле, Абрам выходит из отставки с повышением чина. Это происходит в пору номи-

нального царствования младенца Ивана VI, регентства его матери Анны Леопольдовны и почти полновластия Миниха.

26 января 1741 года записано «о пожаловании майора Аврама Петрова Ганибала, за долговременные и беспорочные его службы, в ревельский гарнизон артиллерии подполковником» (*Сенатский архив* 1889, II: 455). Служба первого года отмечена бесчисленными и очень длинными посланиями-жалобами в Петербург на губернатора Левендаля, обер-коменданта Ревеля генерал-майора де Брини, на подчиненного майора Гольмера. В этой шведской партии Ганнибал был чужаком русской ориентации, хотя его борьба носила несколько склочный и мелочный характер.

25 ноября 1741 года в Петербурге произошел переворот. Царицей стала Елизавета, крестная сестра Аврама. Арестован и сослан был в Пелым Миних. Однако ставленник его не только не пострадал, но возвышен был в чинах — из подполковника сразу в генерал-майоры, при этом назначен обер-комендантом Ревеля. Одновременно жалуются ему обширные поместья в Михайловской губе Псковской губернии с несколькими десятками деревень и 569 душами (женщины и младенцы в счет не шли), так что крестьян там проживало более тысячи. Все это подарено было 12 января 1742 года, однако грамотами оформлялось позже: чин — патентом 1743 года, декабря, на пожалование Авраму Петровичу «звания генерал-майора, а был артиллерии подполковником, назначен теперь, 12 января 1742 г.» (*Патент*); земельные владения закреплены были грамотой, написанной лишь 6 февраля 1746 года и скрепленной как подписью самой «Елизавет», так и старого приятеля Аврама — графа Алексея Бестужева-Рюмина, ныне канцлера.

Семейное предание, дошедшее и до Пушкина, гласило, что Абрам, узнав о перемене власти в столице, устроил в Ревеле фейерверк, а новой царице послал какое-то поздравление с евангельской строкой, относимой к речи разбойника, уверовавшего во Христа: «помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Вдобавок в сентябре 1743 года Ганнибал получает еще мызу Рахула, положенную ему до того во временное пользование, втрое превышавшую по площади его деревеньку с угодьями, после чего и продает сразу свою Карьякюлу.

Его интересы и планы начинают все более связываться с Петербургом с того момента, когда к власти приходит Елизавета. Она знала верного арапа с младенчества, ибо он был на 13 лет ее старше и не раз, верно, забавлял ее в пору бытности своей при Петре I. К тому же она была его крестной сестрой.

Война со Швецией, начатая перед воцарением Елизаветы, а завершенная при ней (29 июля 1741—24 августа 1742), условия

Абоского мира после войны (окончательно установлены 7 августа 1743) послужили дополнительной темой общения Ганнибала с Петербургом, ибо Ревель до 1710 года был шведским и, естественно, многое здесь вызывало тревогу «птенца Петрова». В июне — июле 1742 года он бомбардирует Петербург своими донесениями о том, что купец Витте — шпион; что в Ревель идут торговые суда, сопровождаемые военными; что шведы в Курляндии закупают хлеб; что издали видел в море шведские корабли; что с башни Ланге Герман усмотрел 15 шведских кораблей, шедших в сторону Петербурга (*Сенатский архив* 1892, V).

Он просил включить его в состав губернской канцелярии, чтобы следить за изменой. Однако императрица в этом ему отказала, видимо, усмотрев в его бдительности ненужную суету и способ лишний раз напомнить о своей персоне (*Сенатский архив* 1892, V).

К лету 1742 года у генерал-майора, обер-коменданта Ревеля и супруги его «Крестины» Матвеевны уже несколько детей. Как будто живет при номинальном отце своем старшая дочь — документы называют ее то Евдокией, то Поликсеной (1731—11.5.1754)¹⁷, сын Иван, дочери Елизавета (р. 1737), Анна (1741—1788) и новорожденный Петр (21.6.1742—8.6.1826). Если Иван, Елизавета и Анна появились на свет, очевидно, в Карьякюле, то Петр (о чем он впоследствии напишет) родился уже в оберкомендантском доме на Тоомпеа (Вышгороде) Ревеля, где 20 декабря 1744 года увидит свет и дед Пушкина Осип.

Забегая вперед, отметим, что там же — или в Рахуле, или в Михайловском, где около того времени жила жена Ганнибала с детьми, — родилась Агриппина, умершая до 1749 г., в 1747 г. родился Исаак, названный вначале, по Рагузинскому, Саввой, и в 1749 г. Яков, умерший подростком, до 1762 г. Младшая и последняя София Абрамовна родится после большого перерыва 24 января 1759 г., по-видимому, в Петербурге, когда ее матери было около 41 года, а отцу шел 63-й.

Возвращаясь к служебной карьере Ганнибала, отметим, что напоминания о себе не пропали даром — поручено ему было ответственное дело: вместе с походной канцелярией из нескольких человек «сойтись» осенью 1745 года со шведскими комиссарами для долгой и хлопотной работы по установлению точной пограничной линии, проходившей за Выборгом. Главным лицом в этом деле вначале был его прямой начальник генерал-аншеф (с 25.4.1742) Иоганн-Людвиг Люберас, который нечасто упоминается в связи с Ганнибалом, а между тем десятилетия совместной службы связывают их.

Шотландец по крови, швед по рождению, воспитанию и образованию, Люберас становится петровским инженером с 1709 года, возможно — после Полтавской битвы, и, перейдя на русскую службу, командует с 1722 года строительством порта в Палдиски (Балтийского или Рогервика) западнее Ревеля; с 1741 он начальник всех инженерных и фортификационных дел в России — именно этот пост займет Ганнибал сразу после смерти (6.8.1752) Любераса.

Теперь же, в 1745 году, Люберас отряжен чрезвычайным послом в Швецию. Старость, болезни, а главное шведские симпатии делают его посольство бездеятельным. Всю осень 1745 года, получая гневные рескрипты Ее И. В., он тянет дело с завершением договора об установлении границ, пока 12 декабря 1745 не будет смещен с этой должности и заменен посланником бароном Корфом. Однако и тут он не уступает места и всех документов и лишь в половине ноября 1746 года отплывает на яхте в Абов (Або) и прибывает к пограничным местам.

Канцлер М. Воронцов от имени Ее И. В. пишет ему, что дело «полезного и толь нужного окончания и разведения границы старательством Вашим препоручено» (*Воронцов* 1887, 33: 436). Но дело не двигается. Само прибытие Любераса туда, где были нужны его инженерные познания, происходит, в конце концов, после еще одного нажима сверху, вызванного известным письмом-прошением Ганнибала.

Живя в городках Финляндии, Абрам месяцами ожидает прибытия из Стокгольма своего начальника для проведения пограничных работ.

Письмо Ганнибала 12 октября 1746 г. из Стакфорса кабинет-секретарю императрицы И. А. Черкасову, как в свете вышеизложенного становится понятным, отражает и деловитость, и нетерпение его. Он хочет получить отпуск и уехать в псковские свои имения, ибо «дело мое по комиссии разграничения незнаемо по какому нещастию и поныне никакого плода не имеет» (*Ганнибал* 1913: 244).

Через месяц после этого напоминания и трогается из Швеции Люберас, Ганнибал же осенью 1746 г. отпуска не получил.

В июле 1752 г., спустя шесть лет, дело все еще не подвинулось, и Люберасу посылаются вопросы, в частности о том, почему он со своими людьми тогда, в 1746-м, сначала задержался, а потом встретался с тем, «кто неверно вел границу», — ландсгевдингом бароном Стернстетом, «а потом и без малейшей причины по отъезде генерал-майора Ганибала <разрядка моя. — Н. Т.> так долго на одном месте жили?» (*Воронцов* 1887, 33: 436).

В ответах Люберас пишет об осени 1746 г.: «Как я на границу прибыл, чтоб с господином генерал-майором Ганибалом и с шведским комиссаром пограничное дело привести в состояние, то еще шведской исправной карты к предъявлению не имели» (*Воронцов* 1887, 33: 440). Ссылается Люберас и на свидетеля своей болезни, того же генерал-майора, и на то, что вдвоем они повели дело, в котором «паче господину генерал-майору Ганибалу повелено было со мною в пограничном деле соглашаться» (*Воронцов* 1887, 33: 444).

Был или не был в пожалованных ему деревнях Ганнибал в 1746—1747 годах? Окончательное суждение сделать невозможно, хотя, как выше сообщалось, и уезжал он от границы. Известно, что в 1746 г. дети его (ни жена, ни он не упомянуты) живут в деревне Петровское в приходе Вороничской Воскресенской церкви, что отмечено в «исповедной ведомости».

Точно установлено, что отпуск по службе он получает, находясь в Петербурге и отправляясь в «предписанную деревню» 20 сентября 1749 г.

Найден и рапорт о возврате от 30 октября (*Гордины* 1988: 195). Незадолго до отпуска получает он и первый свой орден Святой Анны, давший ему право подписываться «кавалер Абрам».

Время от смерти Любераса и до конца 1752 года остается глухим в биографии Ганнибала. По-видимому, продолжается движение комиссии вдоль условной границы с обозначением каждого удобного для укрепления холма или водного пространства. Люберас покидает Финляндию и завершает Кронштадтский канал, открытый 30 июля 1752 г., когда удостоен он был ордена Андрея Первозванного. Через две недели после того он умирает, и службы его переходят к Ганнибалу. Но первые дела — снова по разграничению.

17 декабря 1752 г. А. П. Бестужев пишет М. И. Воронцову о том, что Ее И. В. «повелела мне объявить, дабы господин генерал-майор Ганнибал по-прежнему для разграничения со Швециею отправлен был» (*Воронцов* 1871, 2: 169). Но дело это могло двигаться лишь летом, когда земля была свободна от снега и воды, почему и отложено было до 7 мая 1753 г., когда Ее И. В. «поднесен был к подписанию указ статс-конторы об отпуске в Коллегию иностранных дел на дачу отправляющемуся к разграничению земель с Швециею генерал-майору Ганибалу столовых и на канцелярские расходы денег 1000 рублей» (*Воронцов* 1875, 7: 322).

Ее И. В. подписала указ 9 июля 1753 г. Еще 25 апреля 1752 г. он официально переведен из Ревеля в Петербург. В 1755 г. Ганнибал назван в сенатском указе «главным командиром от

фортификации» и 25 декабря произведен в генерал-лейтенанты (или генерал-инженеры). Тогда же, в 1755 г., назначили было его губернатором Выборга, поближе к его комиссии и границе, но он наотрез отказался от назначения — интересы свои связывал он со столицей, о чем свидетельствовали его приобретения недвижимости.

31 мая 1745 года он покупает за 500 рублей дом, постройки около него, сад и двор у статского советника Василия Ивановича Демидова, «на Васильевском острове во второй линии на Малой першпективе». 30 июня 1750 года прикупает к этому участку на имя сына Ивана соседний двор со строениями у вице-президента мануфактур-коллегии Ивана Афанасьевича Мелиссино. Значительное владение соответствует современному адресу: Малый пр., № 11 и 13. Сбоку и сзади оно примыкает к дому М. В. Ломоносова, а через узкий переулок соседствует с угловым домом, выходящим на первую линию и принадлежавшим прокурору юстиц-коллегии, статскому советнику Александру Тимофеевичу Ржевскому¹⁸, двоюродному брату прапрадеда Пушкина!

Незадолго до приобретения участка и строений соседа Мелиссино он, живя практически постоянно в Петербурге, ищет для воспитания детей и обучения их французскому языку студента-учителя. Отыскать такового просит Христина Матвеевна своего духовника, пастора лютеранской церкви при кадетском корпусе Гиллариуса Гартмана Геннинга. Последний пишет об этом в Германию какому-то достойному лицу 21 февраля 1750 г., сообщая сведения о супругах Ганнибалах, весьма примечательные, тем более, что живые характеристики их почти вовсе отсутствуют. Геннинг замечает, что «dieser Herr ist eigentlich ein Afrikaner und ein gebohrener Mohr besetzt aber Sonst eine grosse Geschicklichkeit in denen jenigen Wissenschaften die zu seinen Foro gehören»¹⁹.

Он добавляет, что генерал хорошо владеет французским языком. Относительно своей духовной дочери он высказывается с еще большим уважением: «Die Frau Generalin ist sonst eine gai feine Dame von guten Gemüth und stehet an jetzo in einer guten Erweckung»²⁰.

Добавим, что именно Геннингу будет 15 мая 1757 года продан весь ганнибаловский участок²¹, а сам генерал перебирается, видимо, в свой загородный дом.

В этом же 1757 году генералу придано было еще одно дело — он числится членом комиссии для рассмотрения положения российских крепостей, а через два года, что отмечено указом 1 ноября 1760 года, сообщается «о пожаловании 23 октября 1759 года генерал-инженера Ганнибала в полные генера-

лы с назначением его при Ладожском канале и в комиссию Кронштадтских и Рогервикских строений» (*Баранов* 1878, III: 447 № 11717).

Так стал Ганнибал генерал-аншефом, получил впридачу свой второй и последний орден Александра Невского (30.8.1760), наложенный на него императрицей самолично. Это пик его карьеры.

В январе 1759 года появляется на свет последнее дитя почтенного генерала — дочь София, через которую свяжется впоследствии род Ганнибала со многими немецко-шведскими знатными домами: это бароны Врангели, Бистромы, Траубенберги, Веймарны и Людерс-Веймарны, Альбрехты. Прямыми потомками меньшей дочери Софии окажутся поэтесса Л. Д. Зиновьева-Аннибал, искусствовед Н. Н. Врангель и его брат белый генерал П. Н. Врангель.

Свободный от постоянного присутствия в Инженерном корпусе (одноэтажное здание на территории Петропавловской крепости сохранилось), видимо, увлеченный приобретением земель под Петербургом, Ганнибал в 1756 — 1757 гг. «сказывался больным в течение 18 месяцев, а в присутствии был 17 дней, а из остального же времени 23 дня находился при отправлении командных дел» (*Благой* 1937: 85).

Можно думать, что какое-то время он провел в своих псковских землях, вероятнее всего, после продажи в мае 1757 г. петербургских владений. Остается неизвестным, когда он купил первые земли близ столицы, то есть мызу Суйду с деревнями. Однако это легко расчислить по событиям в семье тех, у кого он будет делать эту свою первую куплю.

Освобожденные от шведов в ходе Северной войны земли Ингерманландии Петр I раздавал ближайшему своему окружению. Первым владельцем Суйды с деревнями уже к 1716 г. числится старший из трех братьев Апраксиных — Петр Матвеевич (1659 — май 1728). Эти земли наследует потом его сын Алексей, умерший в 1735 г. Затем владелицей является вдова его Елена Михайловна, урожденная княжна Голицына (1712—1747). После нее остаются два юных сына, оба офицеры Семёновского полка. Старший, кн. Петр Алексеевич (21.11.1728—23.11.1757) женится на княжне Анне Борисовне Голицыной (1730—1811), но вскоре начинается скандальный развод (второй в XVIII веке!). У нее могучие связи, и, стремясь поменьше передать ей из дедовских вотчин, Петр договаривается с Ганнибалом о быстром превращении своего недвижимого имущества в денежный капитал. Дело, однако, не было завершено, когда обиженный супруг скончался. Во владение вступал его брат кн. Федор Алексеевич (1733—1789), однако этот ввод в

права требовал времени. Исповедные ведомости Воскресенской церкви называют Федора владельцем Суйды в 1758 г. Опасаясь претензий вдовы брата, он тоже заинтересован, по возможности, видимую собственность превратить в эфемерную, денежную. Очевидно, что купля-продажа состоялась в конце 1758 г., когда Федор в чине капитан-поручика и в возрасте 25 лет выходит в отставку и покидает дедовские вотчины. Во всяком случае, весной 1759 г. имя Ганнибала замещает имя Апраксина в исповедных ведомостях Воскресенской церкви близ Суйды. Таким образом, долгое отсутствие на службе объясняется и перипетиями с его поместьями, длившимися 2 года.

Помимо мызы Суйды и села Воскресенского, Абрам Петрович получил и деревни — Мельницу, Кобрино. Через 2–3 года покупаются и соседние земли у камер-цалмейстера полковника Д. А. Симонова. Это мыза Елица, деревни Кузнецово, Погост, Малая Вопша. Вскоре делается третья и последняя покупка земель — у генерала А. И. Головина, брата прабабки Пушкина Евдокии. На этот раз Ганнибал получает поместья, не имеющие границы с его землями, хотя и недалекие. Это мыза Малые Таицы и деревни Имочала, Старицы, Ивановская, Тихвино, Истины, Пегелево, Малая и Большая Оровка.

В завещании в день своего 80-летия он делит владения между четырьмя сыновьями. (Дочери получали, выходя замуж, денежное приданое). Старшему Ивану — все псковские пожалованные земли а также Суйду с деревнями (исключая Кобрино); Петру — Елицы с деревнями; Иосифу — Кобрино с выстроенной поблизости мызой Руново. Обращает на себя внимание явная обделенность Иосифа, вызывавшего как раз в год завещания неудовольствие отца шумным разводом с Марией Алексеевной, рожденной Пушкиной. Исааку с бесчисленным потомством отдаются все таицкие земли.

Петербургский дом в завещании не упоминается; он начат строительством 1779/1780 годах (в перестроенном виде он имеет ныне адрес: ул. Чайковского, 29; в конце XVIII века он имел № 537 четвертого квартала Литейной части). В начале XIX века Петр Абрамович продаст его семейству Неплюевых.

С конца 1750-х годов деловитость и добросовестность Ганнибала в отношении службы несколько уступили место хлопотам по имениям. Сведения о неприсутствии, о неподписанных 2755 протоколах и 189 журналах, возможно, были не совсем верны: генерал враждовал со своим прямым начальником гр. П. И. Шуваловым.

В конце 1761 г. умирает императрица Елизавета, а в январе 1762 г. — Шувалов. На его место приходит генерал-фельдцейхмейстер А. Н. Вильбоа. При Петре III, за несколько дней до

екатерининского переворота, 9 июня 1762 г. Ганнибала выводят в отставку — «за старостию лет». Пожалований при этом не было, им были явно недовольны.

Возвращенный из двадцатилетней ссылки, которую он провел взаперти в г. Пелыме, Я. Б. Миних назначается на место Ганнибала, хотя был он значительно старше своего давнего протеже.

Через месяц уже у Екатерины II просит Ганнибал пожаловать ему за 57 лет службы земли, к его владениям примыкающие с юга, — Куровицы и др. Но ответа на прошение вовсе не последовало.

С чувством глубокой обиды он окончательно расстается с петербургским светом, живет в Суйде и, вероятно, когда-то навещает псковские имения. Примечательно, что об обиде своей он говорит домашним, и в семье живет легенда о неблагодарности ему русских венценосцев. Доходит это предание и до правнука его, который, соединив в своем воображении липовые аллеи Суйды и Петровского, пишет о «забытом однодомце» царей и цариц, «скрывающемся под сенью липовых аллей», на старости вспоминающем «о дальней Африке своей».

Эти старческие воспоминания и записывает спустя пять или шесть лет жених Софии Адам (Адольф) Роткирх, разукрашивая их на свой страх и риск цветистыми подробностями.

Почти двадцать последних лет принадлежа Суйде, как некогда Карьякюле, он «начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое». Так пишет Роткирх в Немецкой биографии (*Рукою Пушкина* 1935: 56). Перефразируя эти слова, Пушкин замечает, что прадед его «умер философом» (XII: 313).

Немецкая биография создавалась Роткирхом в поместье Петра Абрамовича, где он служил управителем. Петр сначала находился в Херсоне, затем в Петербурге, а с 1786 г. уехал в Петровское на Псковщину. Видимо, в поместье у сестры владельца его Софии и ее мужа Адольфа-Адама появились и дети — Надежда (1782—1856), Иван (1783—1832), Любовь (1785—1855), Вера (1786—1812), Елизавета (1790—1868).

Став судьей в г. Софии (ныне часть города Пушкина) после продажи Елиц Петром в 1792 г. соседям Демидовым, Адам Карпович за несколько месяцев до своей смерти был пожалован Павлом I обширными землями. Его старшей дочери достается мыза Кайбола, сыну Ивану — Новопятницкое, у самого города Ямбурга.

Именно в Кайболе, по-видимому, хранится Немецкая биография, и туда отправляются погостить Надежда Осиповна Пушкина с дочерью Ольгой из Ревеля в сентябре 1827 г. (*Письма Пушкиных* 1993: 206). Очень вероятно, что местный писарь-

немец копирует здесь Немецкую биографию, и эту копию (бумага копии произведена в 1826 г.) они привозят Пушкину²². Оборвавшаяся работа над романом об «Арапе Петра Великого» может быть объяснена несколькими причинами. И одна из них — отсутствие уточняющих исторических обстоятельств о прадеде, которые содержались в полном тексте Роткирха. Копия Немецкой биографии могла стать достоянием Пушкина лишь в начале октября 1827 г., то есть п о с л е того, как он прекратил работу над романом, позже не возобновлявшуюся. Несомненно, однако, что он располагал сокращенным переводом Немецкой биографии²³ при работе, начатой в конце июля 1827 г.

Предположение, что копия Немецкой биографии хранилась у Петра Абрамовича и перешла к Пушкину после смерти старца (8.6.1826), ранее высказанное в комментариях к публикуемой Немецкой биографии Н. Г. Зенгером и поддержанное автором этих строк (*Телетова* 1982: 272), несостоятельно. Однако некий вариант Немецкой биографии у Петра Абрамовича должен был быть, ибо сокращенный перевод ее находился у Пушкина еще осенью 1824 г., когда он делал комментарий о прадеде к I главе «Евгения Онегина», а также и летом 1827 г., когда писался «Арап...».

Источником этого сокращенного перевода мог быть только текст, хранившийся у П. А. Ганнибала. В противном случае должно предположить, что еще до 1820 г. Пушкин посетил родных под Ямбургом, где читал Немецкую биографию и сделал из нее выписку для себя, а потом, в течение примерно пяти лет, хранил ее — в годы южной ссылки.

Подлинник Немецкой биографии из Кайболы от Надежды Адамовны Роткирх в замуж. Шемиот перешел в Новопятницкое к сыну Ивана Адамовича Владимиру Роткирху. Позже, в конце XIX века, он обнаруживается у Лелонгов, наследников владельца Новопятницкого Ивана, а затем Владимира Роткирхов.

В 1900 г. подлинник поступает в хранение к Б. Л. Модзалевскому, а затем в Пушкинский Дом. Копия находится у Пушкина до его гибели и уже в числе документов, ему принадлежащих, оказывается в том же Пушкинском Доме.

* * *

Завершая очерк «жизни и творчества» А. П. Ганнибала, следует сделать некоторые выводы относительно характера, особенностей психики этого русского африканца.

Натуре его свойственны гибкость, податливость, сопряженные с определенной цепкостью. Пластичность сочетается с

упорством. Ганнибал, вследствие трудностей в детстве и юности, стал лстив, умел унижаться (в традиции XVIII века), но нрава был строптивного и довольно склочного. Он отличался приверженностью не только крестному своему отцу Петру I, но и дочери его, вследствие чего примыкал в молодости к «русской» партии кн. Аграфены Волконской и брата ее гр. Бестужева-Рюмина. Жажда слияния с новой родиной была велика и понятна, ибо арапская внешность, французское обучение и неведомое происхождение делали его положение очень нелегким. Отсюда нелады со шведско-немецкими коллегами в прибалтийские годы службы, а затем почти скандальная неуступчивость, затягивавшая дело разграничения со Швецией. Победа «немецкой» партии при Петре III приводит его к поражению — он получает отставку.

Жестокий со своей первой женой, избивавший ее (по свидетельству самой Евдокии Андреевны, «нещадно»), он способен на благодарные и заботливые чувства к верной ему Христине. Заметим, что в завещании он требует от сыновей отложить деление земель между собой до смерти их матери.

Рачительный хозяин, на старости лет почувствовавший свободу и равенство свое с петербургскими вельможами — и чин, и ордена, и богатство давали ему все права на это, — он завоевывает уважение в свете, обретает достоинство, до того подавляемое, и величавость тона. Трудная и пестрая жизнь завершается благородным концом в глубокой старости с сознанием того, что он воспитал России четырех сыновей-воинов, из которых старший, обласканный Екатериной II герой Наварина, особенно радовал отца.

Век мотовства и прожигания жизни разрушит мечту Ганнибала об укреплении его потомства в рядах высшей знати. Петербургские земли будут распроданы, и мельчающий род укрепитя лишь в далеких псковских имениях.

Никто не вспомнил бы о бесчисленных провинциальных дворянах, самым примечательным для которых был их легендарный экзотический предок (которого они при этом стеснялись), если бы не игра природы, пославшей «арапу Петра Великого», столь недовольному беспутным своим сыном Осипом, того, кто родится спустя годы после смерти арапа и будет внуком этого Осипа и брошенной жены его, девичью фамилию которой он увековечит, а с нею — и всех родных, всех, кто хоть издали прикоснулся к его жизни или ее истокам.

Примечания

¹ Дата указана сыном его Петром. См. — *Телетова* 1982: 173.

² Эти новые сведения предоставил ученый из Бенина Дьедонне Гнамманку, аспирант Института востоковедения в Париже (*Гнамманку* 1994: 1094–1101; *Gnamankou* 1996).

³ Далее при цитировании текстов Пушкина в скобках указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра).

⁴ Немецкий текст, его перевод и комментарий опубликованы Н. Г. Зенгером (*Рукою Пушкина* 1935: 43–56). См. об этом также: *Телетова* 1982.

⁵ Большое внимание на него обращает Пушкин в «Истории Петра I», зная о роли Саввы в судьбе прадеда (см., например, X, 158).

⁶ Николай Гаврилович Милеску Спафарий, ученый и писатель (1636–1708), бежавший в Россию от преследований турок, пытавших его, отрезавших ему нос. Спафарий — высокий чин в Валахии, ставший прозванием его в России. Позже он, как и Рагузинский, совершает ответственное посольское путешествие в Китай.

⁷ Обычный путь из Константинополя на Москву проходил через Азов, то есть сначала морем.

⁸ Восточная, гористая часть Валахии.

⁹ Имеется в виду Ефим Иванович Владиславич (Рагузинский).

¹⁰ Речь идет о Рагузинском, замещавшем посла, и «тогда находившемся в Константинополе».

¹¹ Фамилия появится у него много позже.

¹² Подробнее об иконографии А. П. Ганнибала — *Телетова* 1978 и *Телетова* 1994.

¹³ Первым высказал мысль о «Лафере» как месте, где обучался Ганнибал, М. А. Цявловский. См.: неопубликованная машинопись статьи для готовившегося «Словника» в Пушкинском Доме.

¹⁴ Существует несколько работ, посвященных Ганнибалу в Сибири. Обратим внимание на интересную публикацию проф. Н. Павленко (*Павленко* 1983).

¹⁵ Историю его приезда в Россию разыскал генеалог Спиридов. Он цитирует некий документ, с небольшим искажением фамилии: «Депиер Андрей. Венецианский морской капитан. Принят в русскую службу государем в Амстердаме в 1698 г. и отправлен в Архангельск на корабле» (*Спиридов* XV: 236).

По сведениям краеведа Ларисы Бройтман, Диопера звали Андрей Петрович, а жену его Агафья Ивановна. Дом его, наново отстроенный, располагался в морской слободе столицы, и место этого дома соответствует современному адресу: ул. Герцена, 22. Старшая его дочь имела мужем грека, кухмистра двора Богдана Халябля (или Алипея), который к моменту смерти тестя в 1735 году находился вместе с сыном своим, внуком Андрея, в ссылке. Последнее обстоятельство, возможно, повлияло на ренеме всего семейства, и Александр Кайсаров, жених второй дочери Андрея, от невесты отказался. Обиженный отец тотчас отдал руку Евдокии новому жениху Абраму Петрову. В чем состояла вина Халябля и его сына — неизвестно.

Приношу глубокую благодарность Л. И. Бройтман за ее ценные сведения, почерпнутые в разных архивах.

В недавней публикации обнаруживаются интересные уточнения о появлении Диопера на русской службе. Русский дворянин Григорий Григорьевич Островский по наказу Петра I едет 2 октября 1697 г. из Амстердама в Венецию, чтобы нанять там опытных капитанов. Ими оказываются Стамати Камера и Андрей Депиор (вариант написания имени Диопера). 16 октября Островский с капитанами выехал назад. Он сообщал, что «и жены, и дети у них в Венеции есть». 23 декабря он вернулся в Амстердам, где отмечают, что «договорился де он с ними, что быть им в Московской службе, сколько они похотят и сколько их будут держать. А уговорился им давать на пищу и на одежду и за все покамест они будут в службе, по 15-ти золотых червонных в месяц» (*Княжницкая* 1973: 53).

¹⁶ По сведениям А. К. Роткирха, Иван родился в 1735 году, но 13 февраля (*Роткирх* 1786/87: Л. 11).

¹⁷ Дату смерти и место погребения у церкви Благовещения на Васильевском острове установила по архивному документу Л. И. Бройтман (*Бройтман* 1988).

¹⁸ Настоящие сведения получены от Л. И. Бройтман, разыскавшей в ЦГАДА купчие Ганнибала. Глубокая ей благодарность!

¹⁹ «Этот господин является собственно африканцем и прирожденным мавром, обладает, однако, большими способностями к тем наукам, которые относятся к избранным им».

²⁰ «Госпожа генеральша, кроме того, весьма милая дама доброй души и находится сейчас в своем расцвете». Заметим, что расцвет человека — это его асте, 33 года. Именно около 33 лет было Христине Матвеевне в 1750 году (*Прянишников* 1981: 76–77).

²¹ Данные Л. И. Бройтман.

²² Примечательно, что в трех верстах от Кайболы (ныне Кайболово) находится село Удосол (ныне Удосолово), майоратное поместье Блоков, в те же годы подаренное Павлом I прапрадеду другого великого поэта, лекарю Ивану Леонтьевичу Блоку.

²³ В академическом издании Пушкина сокращенный перевод обозначен: Биография Ганнибала XII, 434.

Библиография

Анучин 1899 — Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: Антропологический эскиз. М., 1899.

Бантыш-Каменский 1836 — Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли: В 5 тт. М., 1836. Т. 2.

Бантыш-Каменский 1894 — Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России: (по 1800 г.). Ч. 1. М., 1894.

Бантыш-Каменский 1896 — Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 2. М., 1896.

Баранов 1875 — Баранов П. И. Опись высочайшим указам за XVIII век: (1725–1740). Т. 2. СПб., 1875.

Баранов 1878 — Баранов П. И. Описание высочайшим указам за XVIII век: (1740—1762). Т. 3. СПб., 1878.

Благой 1937 — Благой Д. А. П. Ганнибал-арап Петра Великого // Молодая гвардия. 1937. № 3.

Бройтман 1988 — Бройтман Л. И. Белая дочь Ганнибала // Вечерний Ленинград. 1988. 14 апреля.

Вегнер 1937 — Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937.

Воронцов 1871, 1875, 1887 — Архив гр. М. Ил. Воронцова. М., 1871, 1875, 1887. ТТ. 2, 7, 33.

Ганнибал 1913 — Ганнибал А. С. Ганнибалы, новые данные для их биографий // Пушкин и его современники. Вып. XVII-XVIII. СПб., 1913.

Ганнибал. Письмо — Ганнибал А. Письмо от 10 ноября 1780 // Всероссийский музей Пушкина. Ф. 3. Д. 3.

Гнамманку 1994 — Гнамманку Дьедонне. Так где же родился Ганнибал? // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 12. С. 1094—1101.

Голиков 1788 — Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1788. ЧЧ. 2, 10.

Гордины 1988 — Гордины А. и Я. Ганнибал, Михайловское, Пушкин // Нева. 1988. № 6.

История Преображенского полка 1883 — История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883. СПб., 1883. Т. 4. Приложения.

Княжницкая 1973 — Княжницкая Е. А. Связи России с Далмацией и Боккой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5.

Козлов 1969 — Козлов В. Когда родился прадед Пушкина Ганнибал? // Неделя. 1969. № 44.

Кочубинский 1872 — Кочубинский А. Сношения России при Петре Великом с южными славянами и румунами // ЧОИДР. 1872. № 2.

Малеванов 1972 — Малеванов Н. А. Петра питомец А. П. Ганнибал // Нева. 1972. № 2.

Набоков 1994 — Набоков В. В. Пушкин и Ганнибал // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.

Павленко 1983 — Павленко Н. Ганнибал в Сибири // Нева. 1983. № 8.

Патент — О дворянстве Ганнибалов. 1842—1843 гг. // РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ед. хр. 617.

Пекарский 1862 — Пекарский П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. 1. СПб., 1862.

Письма Пушкиных 1993 — Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой. СПб., 1993.

Прянишников 1981 — Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекции редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981.

Пушкин 1937—1959 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937—1959.

Роткирх 1786/87 — Роткирх А. К. Немецкая биография А. П. Ганнибала. Подлинник 1786/87 г. // ПД. Ф. 244. Оп. 24. Ед. хр. 19.

Рукою Пушкина 1935 — Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935 (Немецкий текст — с. 43—49; русский перевод с. 50—56).

Сенатский архив 1901 — Сенатский архив. Т. 9. СПб., 1901; Т. 2. СПб., 1889; Т. 5. СПб., 1892.

Скилявичюс 1985 — Скилявичюс Л. Источники тайн // Вечерние новости (Вильнюс). 1985. 26 февраля.

Спафарий 1867 — Письмо Спафария к боярину Головину // Русский архив. М., 1867.

Спиридов — Спиридов М. Г. Записки о старинных службах русских благородных родов: В 15-ти томах. Т. 15. Рукопись нач. XIX в. // Отдел рукописей РНБ.

Телетова 1978 — Телетова Н. К. Ганнибалы — предки Пушкина // Белые ночи. Л., 1978.

Телетова 1981 — Воспоминания П. А. Ганнибала // Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981.

Телетова 1982 — Телетова Н. К. К Немецкой биографии Ганнибала // Пушкин: Материалы и исследования. Л., 1982. Т. 10.

Телетова 1994 — Телетова Н. К. О мнимом и подлинном изображении А. П. Ганнибала // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.

Украинцев 1872 — Украинцев Е. И. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2.

Устрялов 1863 — Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4.

Хохлов 1973 — Хохлов Н. П. Присяга просторам. М., 1973.

Шубинский 1904 — Шубинский С. Н. Кн. А. П. Волконская и ее друзья // Исторический вестник. 1904. № 12.

Юрнал 1723 — Юрнал 1723. СПб., 1855.

Gnammankou 1996 — Gnammankou Dieudonne. Abraham Hanibal l'aieul noir de Pouchkine. Paris. 1996.

Instruction 1720 — Instruction que S.A.R. a fait au Sr Camus Destouches Marechal de Camp..., et pour le Sr de Valiere Marechal de Camp..., 5 Fevrier 1720. A Paris de l'Imprimerie Royale. MDCCXX (на 4 страницах).

Nabokov 1962 — Nabokov V. Pushkin and Gannibal // «Encounter». 1962. № 106.

Nabokov 1964 — Nabokov V. Eugene Onegin. Translated from the Russian, with a commentary. Vol. 3. N.-Y. 1964.

Père Daniel 1721 — Père Daniel. Histoire de la miliee francaise. Paris. 1721.

Ф. З. Канунова
Томск

Г. С. Батеньков и В. А. Жуковский

Человек уникальной личности и судьбы, Г. С. Батеньков привлекал к себе постоянное внимание исследователей. Еще Б. Д. Модзалевский в 1918 г. заметил, что о Батенькове написано работ больше, чем о Пестеле (*Модзалевский* 1918: 107).

Устойчивый интерес историков и литературоведов к Батенькову (*Бородавкин* 1960; *Снытко* 1956; *Илюшин* 1978; *Батеньков* 1989¹) объясняется неразгаданностью и даже легендарностью его судьбы. Несмотря на активное участие в декабристском движении и на серьезное отношение декабристов к Батенькову, которому предназначалась ведущая роль в будущем Временном правительстве, на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. он не вышел, но наказание понес (не считая казненных) самое строгое — после крепости Свартгольм на Алданских островах Батенькова ожидало двадцатилетнее одиночное заключение в Петропавловской крепости.

Как бы не объясняли эту особенную участь Батенькова исследователи, она имеет исключительное значение для понимания эволюции его общественных и, что для нас особенно важно, литературно-эстетических воззрений, которые менее всего изучены².

Батеньков — общественный деятель (политические, социологические, экономические воззрения) изучен больше и полнее, чем Батеньков-философ, литератор, литературный критик, теоретик искусства, поэт. Хотя материалы для такого изучения прекрасные. Многие из них до сих пор не опубликованы — это богатый архив декабриста³, многочисленные записки Батенькова (в значительной части — томского периода) по вопросам философии, художественной гносеологии, антропологии, концепции человека, религии.

Не претендуя на решение всех вопросов литературно-эстетической позиции Батенькова, остановимся в предлагаемой

статье на проблеме отношения Г. С. Батенькова к В. А. Жуковскому в связи с эволюцией его мировоззрения (40–50-е гг.).

1

Батеньков, как и многие другие декабристы, являлся человеком разносторонних и глубоких познаний в области естествознания, математики, истории, географии и этнографии, экономики (на основании сибирских материалов он написал несколько исследований о золотопромышленности, о путях сообщения, о сельском хозяйстве, о сибирской промышленности, о ссыльных, сибирской статистике и т. п.). В 1819 г. под руководством М. М. Сперанского начал изучать право и приобрел большие познания в области государства, права и законодательства. Глубоко интересовался Батеньков лингвистикой (необычайная способность к языкам), педагогией. У него, озабоченного вопросами просвещения Сибири, были работы о распространении образования в России, о школьном деле и т. п.

Очень рано проснулся глубокий интерес Батенькова к литературе. Видя в литературном движении 20-х гг. средоточие общественной жизни, он сближается с прогрессивным лагерем русских литераторов и в 1824–1825 гг. с головой окунается в петербургскую литературную жизнь. Он посещает собрания «Общества любителей российской словесности», проникается идеями литературной борьбы шишковистов и карамзинистов, иронически пишет о Шишкове, сочувствует Н. Полевому в его борьбе с Булгариным (I, 208–209), выступает поборником романтизма в широком смысле этого слова.

Батеньков был одним из наиболее философски образованных декабристов. Еще во времена французских походов (в войне 1812–1815 гг.) он вместе с Елагиным увлекся философией Шеллинга. Об этом он позднее напишет П. В. Киреевскому, сыну А. П. Елагиной (март 1847 г.), закономерно усмотрев в своем увлечении философией корни русской философской литературы 40-х гг. «Еще во времена утомительных походов французской войны нас трое — Елагин, я и некто Паскевич — вздумали пересадить Шеллинга на русскую почву <...>. Вот так глубоко мое право почитать себя дедушкой нынешних литературных партий». Здесь Батеньков видит «один из самых археологических корней к изъяснению господства любви к германской философии» (I, 225). «<...> Я в самом деле сделался порядочным философом и к довершению бед, немецким» (I, 224), — пишет Батеньков уже из Томска в период сибирской ссылки.

Главным вопросом, который решал Батеньков так же, как и другие романтики последекабристской поры, был вопрос о роли и назначении человека (о мере его ответственности за все происходящее), о свободе и необходимости в действии отдельного индивидуума. Источником осмысления и решения этих вопросов для Батенькова и до 1825 г., и особенно в последекабристский период, явилась немецкая идеалистическая философия, наиболее теоретически последовательно решавшая проблему свободы и необходимости и утверждавшая высшую интеллектуальную деятельность личности, глубинный процесс самопознания и познания мира, как важнейшую сферу свободы. Высокая сущность человека (человек — микрокосм), философия самопознания и тождества и лежащая в ее основе идея развития — всем этим, как известно, был дорог Шеллинг русским романтикам.

Но, думается, что у Батенькова 40–50-х гг. был свой подход к немецкой философии и, в частности, к Шеллингу и Канту. Дело в том, что важнейшим источником мироотношения Батенькова, его понимания человека и мира являлась религия. В религиозности Батенькова заключались существенные стороны его эстетики и поэзии, что проявилось у него, как и у других декабристов, с особой силой в последекабристский период. Пережитое декабристами неминуемо влекло их к отказу от одностороннего общественно-политического ригоризма и объясняло настойчивое стремление, с одной стороны, к духовному самоуглублению, самопознанию и самовоспитанию, а с другой — к монументализму мышления (предельному обобщению и осмыслению пути человечества к решению онтологических проблем). Все это открывалось в религии. Отсюда очевидный факт увлечения многих декабристов религией именно на каторге, сибирском поселении. Батеньков здесь был близок В. Ф. Раевскому, В. Кюхельбекеру, А. М. Муравьеву, Е. Н. Оболенскому, М. С. Лунину (*Анненкова* 1989).

2

В литературной школе Батенькова большую роль сыграло наряду с литературой XVIII в. и поэзией гражданского романтизма сентиментально-романтическое направление Карамзина и Жуковского, что недооценивается его исследователями.

Глубокий и постоянный интерес к Жуковскому запечатлен и в переписке, и в литературно-критической деятельности Батенькова, и в его поэзии. В самом генезисе эстетических представлений поэта большую роль играло сентиментально-романтическое направление. Органично воспринятое Батенько-

вым, оно со временем обрело принципиально мировоззренческий характер. Впоследствии в своих автобиографических заметках Батеньков писал: «Живительнее всего были сочинения Карамзина: «Путешествие», «Аглая», «Безделки». (*Батеньков* 1933: 99).

Считая Карамзина одной из вершин («шпилей») (*Батеньков*, заметки: 305) в развитии русской литературы, Батеньков ценил автора прославленной сентиментальной прозы за принципиальное сближение литературы с жизнью, средством которого явилось созданное Карамзиным Слово, выражающее состояние духа автора.

Бросается в глаза большая заинтересованность Батенькова личностью и творчеством Жуковского. Через многие письма его конца 10–20-х гг., особенно к А. А. Елагину, проходит настойчивое стремление познакомиться и сблизиться с Жуковским. Уже в июле 1817 г., сообщая своему другу о том, что он с удовольствием читал «Людмилу», «Громобоя», Батеньков просит присылать все, что написал Жуковский⁴. «Я замечаю, что ты близко знаком с этим земляком твоим, удели и мне этой чести <...>, сблизь нас более и более, я буду писать к нему» (I, 114).

Очевидно, по мере знакомства Батенькова с творчеством первого русского романтика желание сблизиться с Жуковским, поэтом и человеком, становится более настойчивым. Об этом говорит его переписка с А. А. Елагиным. 9 мая 1818г.: «Не забудь, что ты хотел меня познакомить с Жуковским. Крайне я желал бы этого не из тщеславия, но по склонности любить добрых» (*Письма* 1936:94). 26 июня 1818 г.: «<...> не исполнил своего обещания и познакомить меня с Жуковским, и доставлять тотчас все новые его сочинения» (*Письма* 1936:95).

Намерение сблизиться с Жуковским растет по возвращении Батенькова в Петербург в конце 1821 г. В феврале 1822 г. он с досадой сообщает Елагину, что «все еще мечтает о знакомстве с Жуковским», которое состоялось в марте 1822г. В период 1822–1825 гг. Батеньков, с головой окунувшись в литературную жизнь Петербурга, общается с автором «Светланы». «С некоторого времени, — пишет он 27 марта 1825г., — Жуковский начал являться на нашем семейном горизонте. Его очень полюбили и мне весьма жаль, что двор поглощает все его время и не позволяет ему чаще бывать у нас. В этом нет никакого сомнения, что здесь он нашел бы более, нежели где-нибудь, отрады, пищи и благоприятства (для творчества) <...>. Собственное мое чувство так убеждает» (I, 154). «Вихрь двора умчал Жуковского в Павловск, пишет Батеньков 25 мая 1823 г., — перед отъездом он был у меня каждый день и взял честное слово посещать его» (I, 170). Подобные высказывания, свидетельст-

вующие о духовной близости Батенькову Жуковского и родного для него семейства Елагиных, находим в письмах от 27 сентября, 17 октября, 2 ноября 1823г., 7 марта, 24 и 29 мая 1824г., 20 января 27 марта, 21 апреля, 23 мая 1825 г. и др.

Жуковский, в свою очередь, с интересом относится к Батенькову. Так 19 мая 1823 г. он пишет: «Я говорил с Батеньковым и он напишет к вам о том, что мы с ним говорили, люблю его от души за его любовь к вам. **Мы совершенно с ним согласны в образе мыслей**» (Жуковский 1883: 88).

Этот очевидный интерес к Жуковскому — поэту, философу, человеку, не только не уменьшится, как утверждают некоторые критики Батенькова, а обретет глубоко мировоззренческий, эстетический смысл в последекабристский сибирский период (1846—1856).

Следует при этом напомнить, что как оригинальный поэт и философ, литературный критик и мыслитель широкого гуманитарного плана Батеньков проявил себя в ссылке и изгнании. Очень интересен в этом отношении сибирский период. Как показывает архив поэта, именно к этому времени относится значительная часть написанного им по вопросам истории, философии и эстетики. Здесь были созданы наиболее интересные литературно-критические статьи о русской литературе, заметки о русских журналах, здесь, по всей видимости, были восстановлены многие стихотворения 20—30-х гг., поры заключения в Петропавловской крепости.

В письмах томского периода и в специальной статье, написанной в связи с кончиной великого поэта в 1852г., Батеньков в полной мере развернул свою концепцию творчества В. А. Жуковского. Близость к мировоззрению и поэзии Жуковского, характерная для Батенькова и в 20-е гг., сейчас, в 40—50-е гг., становится глубже, органичнее и концептуальнее. Это проявилось, прежде всего, в родстве философских воззрений, в осмыслении концепции человека, соотношения объективного и субъективного, проблемы свободы и необходимости, а за всем этим — в понимании центральных онтологических, религиозных проблем — происхождения человека, человека-Бога, космоса.

3

Известно, что с первых шагов своего творчества Жуковский заявил о себе как поэт, верующий в Бога, в высокие нравственные надличные силы, являющиеся демиургом духовной жизни на земле. Он решительно не принимает упрощенные, с его точки зрения, концепции происхождения человека, принадле-

жавшие материалистам XVIII в. Пристально исследуя европейскую философскую литературу, Жуковский недвусмысленно полемизирует с Гольбахом и Гельвецием (Канунова 1990: 29; 162 и др.), объявлявшими человека частью природы, полностью подчиненной ее законам. Опровергая механистический материализм, Жуковский апеллирует к религии и Богу. «Как мог простой механизм произвести что-нибудь умное, мыслящее? Человек есть творение. Он имеет ум, следовательно, творец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостигаемо для этого ума» (Канунова 1990: 30).

Раздумывая все более и более о сущности материализма XVIII в., Жуковский, нужно полагать, одним из первых в русской литературе обратил внимание на коренную его ограниченность — неумение слить материальное и духовное. Романтический универсализм Жуковского родился в полемике с рационально-материалистическими системами и в постижении им основ религии христианства, впервые глубоко объединившей материальное и духовное в едином грандиозном синтезе.

Два аспекта в отношении Жуковского к религии — «религия сердца»: постижение таинственной невыразимой души и, с другой стороны, — универсализм теологии, стремление к предельному обобщению и осмыслению пути человечества. Это явилось важнейшим свойством эстетики романтизма с его пафосом универсализма, который у Жуковского так же, как и у литераторов декабристов, проявился с особой силой в 30–40-е гг.

В многочисленных философских заметках Батенькова, в его сибирских письмах — осуждение рационализма мышления, свойственного, по его убеждению, «грубому» (выражение Г. С. Батенькова) материализму в науке, игнорирующему религию. В письме к Е. Н. Оболенскому он пишет: «Вы правы, <...> науке нашего времени не достает благочестия. Она вышла бы из своей шаткости и противоречий, если бы признала Бога всему причиною». И далее уже откровенный поход против упрощенного материалистического объяснения происхождения мира и человека: «как и ни гляди а, приписывая все, даже и красу природы кругообращению шара, действию центрального огня, возвышению земной коры, электричеству, магнетизму и проч. <...>, ничего изъяснить нельзя. Понадобится непременно **воля, разум и намерение**. Вот почему и можно похвалить начинавшееся стремление некоторых литераторов искать прогресс в духе и внутреннюю причину объяснять явления» (I, 238). Здесь Батеньков имеет в виду тех молодых философов типа Киреевских, которых считает своими «внуками» (I, 225). В отходе от духов-

ных начал и утрате духовной целостности видели эти писатели кризис отвлеченной философии.

Сидя в течение двадцати лет в Петропавловской крепости и имея при себе одну лишь книгу — Библию на всех языках, — Батеньков, как он уверял в 1846 г., пережил «откровение» (Гершензон 1916: 22–25). Может быть, тогда, впервые, в христианстве он увидел великую силу, объединяющую мироздание и грандиозный дух. В письмах из Сибири, размышляя о материализме и идеализме, о творчестве Бога и человека, о роли откровения и прозрения в построении философских систем, Батеньков еще и еще раз утверждает в религии великую объединяющую силу. Игнорирование этой силы делает безжизненной самую науку. В связи с чтением «Космоса» Гумбольдта Батеньков с грустью заключает: «наука много установила истин и сделала много открытий, не открыв однако **Бога**, и потому сомнительно, чтоб много» (I, 283). Или: «Как бы то ни было, а кажется, Бог хитрее Парижской Академии и не скоро выпытает она у него творческие тайны. Он не только математик, но и поэт такого обширного размаха, что всю вселенную наполнил своею славою, **величием, гармонией** и красотою» (I, 282) (письмо от 28 августа 1853г.).

Здесь всюду проявилась жажда целостного мирозерцания, в котором бы органически слились материальное и идеальное, знание и вера, истина и Бог (т. е. добро и высшая идея). Думается, что русская философия последекабристской поры, генетически связанная с Жуковским (Батеньков, Кюхельбекер, Чаадаев, И. Киреевский), в своем отталкивании от детерминистских материалистических теорий, в несомненно возросшем религиозном интересе, примиряющем знание и веру и приводившем к универсальной проблеме бытия, являлась предшественницей **новой трактовки** человека (которую впоследствии разовьют и доведут до целостной системы философы конца XIX — начала XX вв. — Бердяев, Шестов⁵, С. Булгаков).

Важнейшим вопросом здесь является вопрос о соотношении субъективного и объективного в концепции личности. Сам Батеньков в своих философских заметках под заглавием «Упражнение в мышлении» записывает: «о воплощении духа, о слиянии субъективного и объективного». «Обычным мышлением, — говорит он, — мы не достигнем понятия воплощенного духа» (Батеньков. Упражнение... : 27) «Понятие воплощенного духа — это слияние субъекта и объекта, исходная точка для всякого знания.

Все равно, каким бы путем мы ни достигли этого существенного понятия, пантеизма, деизма или еще откровения, не-

обходимо только <...> духовное бытие Бога» (Батеньков. Упражнение...: 34–35).

Батеньков по-своему пересматривает философию романтического двоemiрия, основой которого является дуализм. Он смотрит на человеческое существование как на нерасчленимую целостность объекта и субъекта. Личность — средоточие всех духовных и душевных способностей человека, его внутренней сущности, центр, регулирующий связь человека с миром. Личность — не часть общества и мира, она несет этот мир в себе. Под этим углом зрения Батеньков рассматривает и поэзию Жуковского.

Интересна обнаруженная в архиве декабриста статья «Рассуждение по поводу смерти Жуковского» (Батеньков. Рассуждение...: 1–11). Главное в Жуковском подчеркивается Батеньковым с самого начала статьи: «Жуковский был поэт нравственный, добрый и верующий. В этом суть его поэзии, которую не следует выводить из общественных условий» (Батеньков. Рассуждение...). Речь, естественно, идет не об отрыве поэзии от жизни, а об уникальности, самостийности и универсальности поэтического мира. Поэзия — это всегда творимый поэтом новый мир, в котором «столько же широты, как и в видимом». Пафос Жуковского в «духовности» и «вникновении в творческие силы» духа, когда поэт видит Бога, «то есть крепнет умом в познании его бытия». Личность, созданная Жуковским, универсальна, в ней нерасчленимы субъект и объект. Жуковский «не отворачивается от мира, <...> он несет его в себе. Ему нет нужды отторгать себя от жизни, как и не любить натуру — <...> это все в нем» (Батеньков. Рассуждение...: 1).

Статья о Жуковском, несмотря на ее небольшие размеры, содержит в себе обобщающие литературно-эстетические идеи Батенькова. Неслучайно, что они сформулированы в связи с творчеством «Коломба русского романтизма».

Здесь Батеньков выстраивает свою парадигму типов и стилей русской литературы. Он говорит о трех «понятиях», положенных в основу трех различных типов искусства. Это — первое — отрицательное понятие, когда поэт «осуждает жизнь и ищет блаженства вне натуры» (Батеньков. Рассуждение...: 1 об.).

Второе — «положительно-естественное понятие», когда поэт «обратится к народу, ко всякому стремлению в пользу общественной и частной жизни» (Батеньков. Рассуждение...: 2). И, наконец, «понятие полное (светлое)» — это синтетическая поэзия, где жизнь реальная и трансцендентальный мир, «область духа» и «проникновение в его творческие силы» сливаются воедино. Жуковского, по всей видимости, Батеньков относит

к третьему типу, хотя полное воплощение этого пути — дело будущего. Батеньков возлагает большие надежды на второй том «Мертвых душ» Гоголя и впервые соединяет внутренне позднее Жуковского и позднего Гоголя.

В статье о Жуковском Батеньков ставит важнейшую для позднего русского романтизма, да и вообще для русской литературы 40–50-х гг. проблему природы человека в искусстве, характера его детерминированности, сути особого антропологизма писателя. Как романтики, Батеньков и Жуковский ставят свой главный акцент на абсолютных вневременных ценностях мира и человека. «Главное, что есть в нас, — пишет Батеньков, — ни от времени, ни от обстоятельств совсем не зависящее» (*Гершензон* 1916: 69). Следовательно, чтобы не потерять ориентир, очень важно «не утратить Полярную Звезду».

Отталкиваясь от причинно-следственного пути познания человека, романтики 40-х гг. Жуковский и Батеньков приходят к пониманию той доминанты личности, которая проявляется через его непосредственное общение с Богом (надличными силами). Человек, и особенно поэт, переживает Бога через его оригинальное внутреннее Слово, «внутренний образ», «внутренний акт». Здесь поэт, по Батенькову, «принципиально отличается от ученого. Наука постигает истину во внешнем пространстве посредством измерений, вычислений, политических заключений и т. д. Искусство делает то же во внутреннем пространстве, в человеческой душе, с помощью интуиции, ощущений, чувств, выраженных в словах»⁶. Огромна роль в этом отношении Жуковского, который впервые попытался выразить невыразимые, тайные движения души через особое «внутреннее Слово».

На протяжении всей творческой жизни Батенькова и Жуковского занимала именно проблема выражения словом того, что совсем недавно казалось смутным, неуловимым. Батеньков один из немногих (и, может быть, первых) в русской литературе теорию «невыразимого» Жуковского свяжет с проблемой Божественного откровения, Божественного Логоса. Впоследствии это глубоко разовьет А. Н. Веселовский (*Веселовский* 1904: 240 и далее).

Таким образом, концепция человека у Батенькова и Жуковского теснейшим образом связывается с проблемой Слова, стиля, поэтики. Жуковский, думает Батеньков, благодаря своему особому слову занимает уникальное место в истории русской литературы. Выстроенная в статье о Жуковском парадигма типов и стилей («понятий») русской литературы непосредственно связана с его историко-литературной концепцией. В статье «Заметки о русской литературе» (*Батеньков. Заметки...: 3–4*),

отрывки из которой цитировались исследователем Т. Г. Снытко (*Снытко* 1956: 312–313), Батеньков смену этапов литературного развития прослеживает в связи со сменой в формах языка. Он выделяет три вершины, связанные с именами Ломоносова, Карамзина, Пушкина, каждая из которых отличалась своим собственным Словом.

Эпоха Ломоносова — эпоха «образования костей», «в состав которых, — говорит Батеньков, — вошли просвещение, живая вода и органичность великого народа» (*Батеньков. Заметки...: 3 об.*). Карамзин «обильнее, нежели Ломоносов, напился «живою водою», «чем заставил русских писателей богато черпать в собственных сокровищах» (*Батеньков. Заметки...: 4*). Пушкин довел «живую воду» до своего «я». (*Батеньков. Заметки...: 3 об.*).

Что означает батеньковская «живая вода» как своеобразный критерий движения, развития литературы, ее жизни? Это, по всей вероятности, выражение многомерное, многослойное, в котором нельзя видеть лишь «идейное содержание», как думает Т. Г. Снытко. В нем скрестились нити, идущие от Библии и фольклора (сказочная «живая вода»). У Батенькова оно родилось в первые месяцы заключения как знак обретенного им **нового состояния** в связи с посетившим его, по его признанию, божественным озарением. Это особое состояние души, когда поэт в небесах «видит Бога». В письме 1848г. он пишет об этом так: «К рассвету пролился в душу мою чистый свет, влилось зримое умом чувство новой жизни, которое я назвал “живой водою”» (*Гершензон* 1916: 62). Корни этого выражения, глубочайший смысл его находим в Евангелии от Иоанна. Так, в гл. 4 Христос говорит пришедшей к колодцу самаритянке: «А кто будет пить воду, которую я дал ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую я дал ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (ст. 14), а в гл. 5 Иисус призывает весь народ пить «живую воду». «Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал он о Духе, который имели принять верующие в него». Таким образом, «живая вода» для Батенькова это особое душевное субъективное «вчувствование» (слова Батенькова) Божественного, проникновение в него. Опираясь на библейский смысл выражения «живая вода», Батеньков подчеркивает нематериальность нашего понимания его сути. Для его «воплощения» необходимо такое слово, которое мы не можем ни определить, ни выразить.

Жуковский открыл в Слове богатейшие потенции, способные проникать и выражать абстракты души, которые создают второй, невидимый мир, не менее, а более существенный для

поэта, чем окружающая его профанная действительность. «Пусть журналисты спорят о романтизме и мистицизме знакомой нам музы, я <...> хорошо знаю, что Жуковский во всех творениях, не выключая и переводов, старался выразить собственную душу или, по словам Писания, “то тайное имя, которое известно одному приемлющему”. Неприятно слышать, что это называют мечтательным мистицизмом, как будто бы бытие Божье и вездесущая его сила суть менее реальны нежели электромагнит и пары, им сотворенные» (I, 290).

Здесь, как и во всех других отрывках из статьи Батенькова о Жуковском, — отставание высокого идеального мира, созданного поэзией Жуковского, идеального в своей основе синтеза в его поэзии материального и духовного. Источниками его поэзии, думает Батеньков, являются и душа, и окружающий мир, действительная и «безграничная истина Моисеева» (*Батеньков. Рассуждение...*: 1 об.). «Такой ум, — пишет далее Батеньков, — вверяется Слову и ищет в нем небесные истины, различает свет и тьму, вкушает плоды добра и зла <...>». «Полное (светлое) понятие», выраженное в поэзии Жуковского, и требует особого Слова, несущего в себе Пророчество, видения, притчевые иносказания, символику, метафоризм («Бывают и видения, и сильные вдохновения, пророческие, прекрасные, прорицательные, в которых слышен Божественный голос, так что не ухо тогда слышит и не уста говорят, а сама слышащая и говорящая способность души <...>»).

Говоря о Жуковском, Батеньков исходит из особой пластики его слова, которой он дает следующее определение: «Пластичность в слове и других искусствах тогда только и бывает истинна и изящна, когда выражает чувства <...> великого бытия, (ибо в самом веществе нет истины и изящество неуловимо механизмом приборов)», «такой пластики и нужно искать в вольных рисунках Жуковского» (I, 290). То есть, пластичность слова Жуковского, «глубокая тайна слова его» — это способность проникнуть в истину, ее высокую идеальную суть, или, как в другом месте скажет Батеньков, «творческую силу Божества».

Батеньков говорит о силе интуитивного постижения реальности Жуковским и очевидном крене его поэзии в сторону личностной мифологии и притчевого иносказания. Под этим углом зрения он рассматривает поздние произведения Жуковского — «Рустем и Зораб», «Одиссею». «Я прочитал оба последние произведения Жуковского музы, — пишет он А. П. Елагинной 18 января 1848 г., — и вот хочу поделиться с тобою впечатлением. Прежде всего радуется меня, что животворящая поэзия торжествует над годами. Не приметно ничего дряхлого.

Стих гладок, и чувство льется <...>» (Гершензон 1916:60). Далее Батеньков говорит об эволюции романтизма Жуковского: «<...> мечты заменились опытом и игра фантазии уже не простая игра, а разумный узор зрелой мысли. «Рустем и Зораб» произведение эпическое: тут бурное развитие исполинских сил и соответствующее им зрелище **громadных целостей природы**» (Гершензон 1916: 60). Эпичность и монументальность замысла требовали от Жуковского, по мысли Батенькова, особого стиля, когда очевидно «прямое рождение гипербола из созерцания, как единственно приличный способ к выражению. Крепкому нашему старику это прямо по душе; а известно, что такие старики и бывают сами сказочниками» (Гершензон 1916: 60).

Вместе с тем, Батеньков в «Рустеме и Зорабе» отмечает азиатский восточный колорит. «Рустем — азиатское произведение <...> Печаль уж слишком-азиатская <...>» (Гершензон 1916: 60). Здесь же критик выражает свою тоску по русскому национальному эпосу: «На наш вкус не достает разгульного бессмыслия наших сказок, все еще доселе невыраженного» (Гершензон 1916: 60). В ожидании русской эпопеи Батеньков обращает свой взор на перевод Жуковским «Одиссеи». «Мне более нравится грек, — заявляет он, — <...> он все обдумал, все воображал. Он в мире глядит на человека и в его сердце, у него предание, общежитие и народность. Его гиперболы стоят в той же дали от разума, как и сама натура, <...> он точно певец <...>» (Гершензон 1916: 60).

Однако подлинно национальная эпопея, думает Батеньков, это новый уровень нравственно-философского и общественно-эстетического постижения мира и человека. «Эпопея наша должна <...> стать выше, ибо в древних не достает все-управляющей идеи — знания Творца вселенной, Единого всему причины и двигателя» (Гершензон 1916:60). И далее излюбленная мысль Батенькова о высоком идеальном божественном начале поэзии, ее нравственно-философском и религиозном озарении: «Настанет день, Давид возьмет перевес над Гомером, а вдохновение, проистекая из прямого его истока, разольется в обилии и, конечно, уже не истощится» (Гершензон 1916: 61).

Главный вывод Батенькова: «Без Бога какая поэзия? И без Бога мир наш — мир без природы, простой отточенный шар» (Гершензон 1916: 61). Бог здесь, как и всюду у Батенькова, — это высший нравственный демиург мира, надличная сила, которой проникается истинный поэт, и, руководствуясь которой он не только не превращается в ее пассивное орудие, но обретает подлинную свободу. Уместно отметить здесь, что, говоря о восточном эпосе Жуковского, Батеньков ощущает недостаток активного начала в действиях его героев: «И судьба более

похожа на силу тяготения, нежели на разумный акт мировой воли» (Гершензон 1916: 60) (т.е. свободу выбора, контролируруемую надличным Творцом).

Идя от позднего Жуковского к позднему Гоголю и отмечая в связи с проблемой национальной эпопеи созидательную функцию поэзии, Батеньков утверждает универсализм, «целостность» творчества (о чем неоднократно говорил Н. В. Гоголь, давая яркие характеристики искусству XIX в.).

С этой точки зрения рассуждает Батеньков о предполагаемом втором томе «Мертвых душ» Гоголя, чему он посвятил специальную статью в 1848 г. (Батеньков. Заметки...: 5; Снытко 1956: 316–318). Примерно в это же время из Томска Батеньков пишет Гоголю два письма, из которых до нас дошел один отрывок. Он может служить дополнением и комментарием к статье⁷. Батеньков высоко ценит Гоголя. Сравнивая его литературную судьбу с литературной судьбой позднего Жуковского, он утверждал тем самым внутреннее родство между ними, прежде всего, в нравственно-эстетическом аспекте. Для Батенькова 40–50-х гг. Жуковский — носитель того целомудренного идеализма, того пафоса «человекостроения», которые предопределили дальнейшее развитие русской литературы к Гоголю и его последователям.

Примечания

¹ Далее ссылки на это изд. с указанием тома и страницы.

² Укажем на исследования последнего времени: Анненкова 1989: 121–156; Топоров 1995: 446–476.

³ Впервые значительные извлечения из «литературоведческой» части архива Г. С. Батенькова сделал Г. С. Снытко (Снытко 1956: 289–320). Брошюра А. А. Илюшина (Илюшин 1978) содержит в себе не только интересный очерк поэтического творчества писателя-декабриста. Автор проделал большую работу по изысканию поэтических текстов Г. С. Батенькова в различных архивах, по возможности точно атрибутировал и прокомментировал их.

⁴ Выделено везде нами — Ф. К.

⁵ Впервые на близость Г. С. Батенькову Л. Шестова указал М. О. Гершензон (Гершензон 1916: 25).

⁶ О внутреннем индивидуальном пространстве у Г. С. Батенькова см. указ. соч. В. Н. Топорова (Топоров 1995).

⁷ О творческой близости Г. С. Батенькова и Н. В. Гоголя см. указ. исслед. Е. И. Анненковой (Анненкова 1989: 121–156).

Приложение

Г. С. Батеньков

Рассуждение по поводу смерти Жуковского (1852)

Жуковский был поэт нравственный, добрый и верующий. То есть, в душе его сильно развиты были эти свойства. Здесь можно дойти до самого истока¹. Человек может его почувствовать. Обычно таят это чувство ибо оно выводит человека из общественных его условий². Действие <поэта> зависит от понятия, которым сопровождается безбрежность. Ежели понятие будет **отрицательное** (как в Гоголе)³, человек смущается и, мысля в формах юридических, осуждает жизнь и ищет блаженства вне природы.

Ежели понятие будет **положительно-естественное**, человек обратится к труду, ко всякому стремлению в пользу общественной и частной жизни, с искренним самоотвержением.

Наконец, ежели понятие будет **полное**, светлое, со знанием живой причины его и производителя — Бога, тогда перед поэтом открывается новый мир, в котором вся широта видимого и область Божественно-духовная, и проникновение в творческие Его силы.

В данном состоянии человек видит Бога, то есть крепнет умом в познании его бытия, становится пантеистом без форм, а в единстве всему, что сущим может быть названы одной причиной. <Такой> ум вверяется слову и ищет в нем небесной истины, различает свет и тьму, вкушает плоды добра и зла. Ему нет нужды отторгать себя от жизни⁴, как не любить природу <это все в нем>. Для него все это разум и чувства, полезные для дела. <2 нрзб.>. Бывают в этом состоянии и видения. Они принадлежат восторгу и истекают частью из самой души, из всего, что она приобрела, разрушают пределы, выходят из рамы телесных чувств и являются духом в разумных образах, частью из окружающей нас среды, в том же безграничном и разумном состоянии (истинно и согласно). Бывают и создания, и сильные вдохновения, творческие, прекрасные, прорицательные⁵, даже когда слышен говорящий голос.*

<Так> что не ухо тогда слышит, и не уста говорят, а сама слышащая и говорящая способность души вашей, ее органы и ее чувства.

Так и Христос является к тому, кто любит его, но не <ипостаси>, ибо Он сам сказал, к тому не ведите меня, ибо я отхожу к Отцу⁶. Это ум, потому что всякое другое заключение было бы в форме земных царств и власти к непримиримому. Достаточен его закон — вера свидетельству Божию.

ГРБ. Архив Г. С. Батенькова. Ф. 20. Картон 6. Ед. хр. 27. Л. I-I об.

* Далее следует трудно читаемое предложение: «Евреи слушали с вниманием, что говорит Бог, потом критическим умом возразили словам Ангела (1 нрзб.) признали, что это тоже человеческое я (1 нрзб.)»⁷

Примечания

Статья Батенькова, по всей видимости, написана в 1852 г. как отклик на кончину великого поэта (12 апреля в Баден-Бадене). В рукописи она озаглавлена «Смерть Жуковского», что свидетельствует о незамедлительном отклике на печальное событие. Елагины (Авдотья Петровна и ее дети) систематически сообщали Батенькову все, что было связано с Жуковским. Так, невестка А. П. Елагиной Екатерина писала о семейной жизни Жуковского, о решении его в последний год жизни вернуться в Россию (письмо от 2-го февраля 1852 г.). Она же 6 мая 1852 г. сообщает о смерти великого поэта: «Кончина Жуковского была достойным венцом чистой жизни, он уснул утешенный, успокоенный чудом. Над ним исполнилось обещание Спасителя: блаженны чистые сердцем, яко эти Бога узрят. Приобщившись Святого Таинства, он увидел Спасителя, который сказал его сердцу, указывая на детей Жуковского: «Я буду с ними». Жена его, бывшая свидетельницей его прекрасной смерти, имела силу написать к маменьке длинное подробное письмо с описанием его последних минут» (II/25. Л. 5).

Письма А. П. и Е. Елагиных хранятся в архиве Батенькова. Тема Жуковского проходит в них и после его смерти. Напр., от 19 июня 1954 г. (Л. 9об.), 26 ноября 1954г. (Л. 17) и др. В последнем Катя (так называет Е. Елагину Батеньков) извещает: «Когда поэт Батюшков вылечился от сумасшествия и пришел в себя, первый вопрос у него был — где Жуковский, второй — кто царствует теперь» (Л. 18).

¹ *Здесь можно дойти до самого истока* — т.е., по убеждению Батенькова, до Бога, которого в минуты вдохновения «поэт видит и чувствует».

² <...> *выводит человека из общественных его условий* — это следует понимать в смысле отрицания Батеньковым линейных причинно-следственных связей творчества и действительности. Батеньков в поздний период своего эстетического развития отрицает прямые причинно-следственные связи творчества и жизни. «Главное, что есть в нас, — пишет он, — ни от времени, ни от обстоятельств совсем не зависит» (*Гершензон* 1916:69). Человек определяется Батеньковым его отношением к Богу. Батеньков, также как и Жуковский, близок к тому определению Бога, которое в наши дни дает М. Мамардашвили: «Бог — универсальная структура сознания <...>, это некая точка непосредственно поверх и поперек линейно протянутого мира, замкнутого на индивиде» (*Мамардашвили* 1993:29).

³ *Ежели понятие будет отрицательное (как в Гоголе)* — высоко оценивший «истину таланта» Гоголя в первом томе «Мертвых душ», Батеньков рассматривал его, по-видимому, в русле критической литературы 40-х гг. От второго тома великой поэмы он ожидал «новой концепции», которая бы оживила, а «может быть, перевернула современную литературу». Говоря о ложном устройстве современного мира, Батеньков был убежден, что в этом «состоянии народной жизни» обличение уже не поможет. В письме к Гоголю Батеньков прямо говорит об этом: «Вы думаете достигнуть цели через поношение и уничтожение.

Едва ли. Черт не выгонит черта. Зло не выгнать злом; бесчестие не двинем вперед, ежели остановимся только на простом бесчестии» (6/25. Л. 1). И далее программные, принципиальные для Батенькова слова: «Надобно уже дарить». Батеньков выражает надежду на полную духовную зрелость Гоголя: «Истина его таланта сомкнет свой круг <...>, оправдано будет делом нравственное требование. Он странствовал в себе» (эти слова вписаны Батеньковым в процессе доработки его рукописи — 6/25.Л.1). Огромную роль в эволюции Гоголя должна сыграть религия. «В Гоголе побывал теперь Чичиков в Палестине, побывал в Риме — знаменитый человек. Главное — надобно вернуть чувство доброе и светлое <...> всегда от Бога» (6/25. Л. 3). По мнению Батенькова, обретенная Гоголем глубокая религиозность усилит созидательную «концепцию» его творения» с «устойчивой светотенью». «Тогда по свойству света она (концепция) и новый путь себе проложит через непрозрачность явлений и прогонит окрестную тьму, отбросив, где следует, стройные тени <...>» (6/25. Л. 4).

⁴ *Ему нет нужды отторгать себя от жизни* — см. комментарий к этим словам в нашей статье.

⁵ *Бывают и созданы, и сильные <...> прорицательные* — речь идет об очень важной, с точки зрения Батенькова, в стиле Жуковского материализации, притчевом иносказании, широком использовании библейско-мифологических образов, с помощью которых поэт стремится интуитивно выразить «невыразимое» состояние общения человека с Богом (см. в статье).

⁶ Неточная цитата из Евангелия (Ин 20.17).

⁷ Деяния Апостолов, гл. 6 — вольный пересказ.

Библиография

Анненкова 1989 — Анненкова Е. И. Гоголь и декабристы: (Творчество Н. В. Гоголя в контексте литературного движения 30–40 гг. XIX в.). М., 1989.

Батеньков 1933 — Батеньков Г. С. Данные: Повесть о собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1933. С. 88–112.

Батеньков 1989 — Батеньков Г. С. Соч. и письма. Иркутск, 1989.

Батеньков. Заметки... — Батеньков Г. С. Заметки о русской литературе //РГБ. Архив Г. С. Батенькова. Картон 6. Ед. хр. 19.

Батеньков. Рассуждение... — Батеньков Г. С. Рассуждение по поводу смерти Жуковского// РГБ. Архив Г. С. Батенькова. Картон 6. Ед. хр. 27.

Батеньков. Упражнение... — Батеньков Г. С. Упражнение в мышлении// РГБ. Архив Г. С. Батенькова. Картон 6. Ед. хр. 2.

Бородавкин 1960 — Бородавкин А. П. Декабрист Г. С. Батеньков. Томск, 1960.

Веселовский 1904 — Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904.

Гершензон 1916 — Гершензон М. О. Г. С. Батеньков// Гершензон М. О. Русские пропилеи. Т. 2. М., 1916. С. 20–110.

Жуковский 1883 — В. А. Жуковский в его письмах // Русская старина. 1883. Т. 40. С. 79–88.

Илюшин 1978 — Илюшин А. А. Поэзия декабриста Г. С. Батенькова. М., 1978.

Канунова 1990 — Канунова Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского: (По материалам библиотеки поэта). Томск, 1990.

Карцов 1965 — Карцов В. Г. Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965.

Мамардашвили 1993 — Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993.

Модзалевский 1918 — Модзалевский Б. Л. Декабрист Батеньков: Новые данные его биографии // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 101–153.

Письма 1936 — Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936.

Снытко 1956 — Снытко Т. Г. Г. С. Батеньков — литератор // Литературное наследство. Т. II. Кн. 1. М., 1956. С. 289–320.

Топоров 1995 — Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Инфантилизм и инфантильный герой в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя

Исследователями Гоголя было отмечено важное значение для его творчества типа «героя-ребенка», существенной приметой которого служит остановка в развитии, своего рода «младенчество», в сюжетном плане спровоцированное определенными инцидентами, выстроившими психологическую «историю» персонажа. Таковы, например, Иван Федорович Шпонька, герой повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», и Чертокуцкий, герой повести «Коляска», персонажи-близнецы с точки зрения гоголевской художественной антропологии, поведение которых обнаруживает значимое расхождение между биологическим (календарным) и психологическим (функциональным) возрастом¹.

Гоголевский «герой-ребенок» отсылает не к романтической «детскости» как синониму неповрежденной человечности; речь у Гоголя идет не о романтическом понимании детского возраста как некоего идеального психологического состояния, позволяющего выйти за границы пошлой обыденности и обрести простоту и непосредственность «наивного» взгляда на жизнь (Ванслов 1966: 116–117). «Младенчеству» названных выше персонажей приписываются в гоголевском мире (гоголевской художественной системе) отрицательные значения в смысле маркированного отсутствия «взрослых» черт характера, необходимых для правильной ориентации в физическом и знаковом пространстве; их инфантильность чревата нарративной («история» Шпоньки) или сюжетной («история» Чертокуцкого) катастрофой.

Шпонька и Чертокуцкий манифестируют своими поступками и реакциями детское начало в человеке как маргинальное; в их случае статус «героя-ребенка» оказывается тождественен

статусу «отщепенца» (ср. *Белый* 1934: 51–52), выключенность которого из системы предзаданных социумом отношений и связей выражается прежде всего в сюжетной пассивности. Неслучайно образ инфантильного персонажа приобретает в «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке» и в «Коляске» односторонне комическое измерение, будучи тесно связанным с анекдотическими сюжетными ситуациями и иронической повествовательной перспективой. Акцентированное «младенчество» героев (Шпоньки и Чертокуцкого) доводится до комического абсурда и принимает гротесковые формы.

Повторяемость типа «героя-ребенка» (как одной из устойчивых «форм» гоголевского человека), коррелирующего с определенными сюжетно-фабульными схемами и мотивами, позволяет говорить о комплексе «общих мест» гоголевской поэтики². Вместе с тем, эта обязательная гоголевская топика если и не эволюционирует (учитывая сжатость продуктивного периода в творческой биографии писателя), то все же претерпевает определенные изменения, вызванные, например, новым предметом изображения или новой темой повествования. Так, образ «героя-ребенка», неизменно оставаясь актуальным для гоголевского творчества (от «Вечеров» до «Мертвых душ»), в разных произведениях утрачивает одни и приобретает другие смысловые обертоны; при этом каждый раз конкретизируется и специфика инфантилизма героя данного типа.

Именно эта специфика и будет интересовать нас в предлагаемой статье, где в качестве предмета анализа выбраны «Петербургские повести», ранее под обозначенным углом зрения не изучавшиеся. Нам вообще-то приходилось уже писать (не затрагивая специально тему инфантилизма) о том, что в «Петербургских повестях» персонажи очень плотно окружены разнообразными «детскими» коннотациями, смысл которых можно уяснить при помощи того или иного культурного кода (*Кривонос* 1992: 96–99; *Кривонос* 1994: 98; *Кривонос* 1996: 49–53). Обратим теперь внимание, прежде всего, на следующее: Гоголь, подчеркивая в облике и поведении «героя-ребенка» (если этого требует нарративная стратегия) черты и признаки инфантилизма, рассматривает его как репрезентанта петербургского «обманного» (или «заколдованного») пространства.

Инфантильный герой изофункционален петербургскому топосу, где «все происходит наоборот» и «все не то, чем кажется» (*Гоголь* 1938, 3: 45; далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц приводятся в тексте). Так и поступки, мысли и реакции героя, который только «кажется» взрослым, отвечают «наоборотной» логике, обнажая двусмысленные и неопределенные его свойства (в смысле принадлежности то ли

к миру «взрослых», то ли к миру «младенчества»). В том бесструктурном хаосе, каким изображен гоголевский Петербург, инфантильный герой также лишен черт структурной определенности; он одновременно тождественен и нетождественен себе, что порождает трудности самоидентификации (отсюда бегство в сновидения, безумные фантазии и т. п.) и что подчеркивается его склонностью к самодеструктивному поведению (вплоть до суицида)³.

Инфантилизм (отсутствие определенного статуса, следовательно, «пороговое» положение в сверхпластичном — наделенном свойством оборотничества — пространстве, где становится возможно совмещение в одном и том же персонаже различных возрастов)⁴, собственно, и отражает внутреннюю зависимость героя от мира мнимостей и миражей (субъективная реальность отличается такой же «заколдованностью», что и окружающее пространство). Именно эта зависимость (полемически ударяющая по не чуждому «раннему» Гоголю просветительскому представлению о «естественном» человеке с его асоциальностью как оппозиции социальному безумию (*Смирнова* 1964: 281): инфантильный герой, изоморфный «обманному» пространству, может служить лишь пародийной имитацией «естественного» человека) и определяет бесстатутность⁵ героя, регрессирующего к пройденному им уже возрасту (возрастному психическому и психологическому уровню).

Подобную бесстатутность обнажает стилистическая игра повествователя со словом «ребенок» или с его эквивалентами, на которой необходимо остановиться несколько подробнее (в том числе и потому, что повествователь характеризует персонажей изнутри изображенного мира, так что его сравнения или уподобления носят в этом смысле «эзотерический» характер и нуждаются в прояснении). Эта игра подчеркивает двусмысленность как состояния, так и свойств героя, который поворачивается к повествователю то одной («взрослой»), то другой («детской») своей ипостасью, взаимосвязь же этих ипостасей остается неясной и загадочной (речь идет, прежде всего, о том, обладает ли герой, как некая личность, структурным единством или же он распадается на ряд автономных фрагментов).

Приведем два показательных примера из «Невского проспекта». Описывая потрясение Пискарева, неожиданно для себя открывшего истинное занятие очаровавшей его «красавицы», повествователь иронически и даже с оттенком некоторого превосходства замечает: «Он был чрезвычайно смешон и прост как дитя. Вместо того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вместо того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому, без сомнения, обрадовался бы на его месте всякий

другой, он бросился со всех ног, как дикая коза, и выбежал на улицу» (3: 21). В другом месте повествователь, характеризуя сновидческие картины Пискарева, свидетельствует, что образ «красавицы» являлся тому «всегда в положении противоположном действительности, потому что мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка» (3: 30).

Инфантилизм Пискарева в восприятии повествователя может быть истолкован и как индивидуальная норма поведения, в принципе непредсказуемого (детские черты указывают на его отличие от других, акцентируя неопределенный модус функционирования героя в мире фикций и миражей, причем Пискарев не просто уподобляется «дитяти», но и отождествляется с этим «именем», т. е. становится его персонификацией), и как признак «пороговой» ситуации героя, не принадлежащего ни одному возрасту и находящегося на границе как между различными петербургскими локусами, так и между разными сферами бытия.

Неслучайно слово «ребенок» (и его эквивалент «дитя») наделяются в речи повествователя амбивалентной семантикой: семантические колебания, отражая изменения модальной нагрузки слова, выражают неясность облика и статуса героя, детские черты которого манифестируют «заколдованное» состояние его внутреннего пространства (субъективной реальности); эта «заколдованность» порождает неспособность вырваться за пределы инфантильных фантазий и иллюзий. Номинация повествователем героя («дитя», «ребенок») мотивирована внутренней зависимостью последнего от петербургского «обманного» топоса, провоцирующей аффективные реакции на миражи собственного сознания, так что присвоенное герою «имя» демонстрирует превращенность связанных с ним качеств. В результате образ Пискарева в приведенных примерах предстает как оксюморонный, в котором подлинно детское (без каких-либо отрицательных коннотаций: простодушие, чистота и т. п.) трансформируется в инфантильное как свою противоположность (склонность к самообману, поступки по первому побуждению и др.).

В «Петербургских повестях» инфантилизм описывается Гоголем как некая психическая аномалия (странность), соотносимая с разного рода мнимостями, получающими здесь как сугубо пространственное, так и онтологическое измерение («обман» и «мечта» как синонимы «лжи», сущностного признака дьявола); это аномальное состояние потому и способно принимать фантастические формы (сны наяву, безумные видения и т. д.), что обнажает интериоризацию персонажами пространства, где «сам демон» показывает «все не в настоящем

виде» (3: 46). Так инфантильное обнаруживает свою внутреннюю связь с инфернальным⁶.

Попытаемся раскрыть эту связь на примере очаровавшей Пискарева незнакомки, не только юный возраст («ей было только 17 лет...» — 3: 21), но и поведение которой (ее реакция на «преследование» и затем на чувство художника выявляют психическую незрелость, капризность, эгоцентризм и другие инфантильные черты, замаскированные характером ее профессии) указывают на ее статус «героя-ребенка», застрявшего на стадии инфантильной «детскости». Между тем инфантильное в «красавице» оказывается оборотной стороной инфернального: «божественные черты» (3: 18) и «небесный взгляд» (3: 19), подчеркивающие тождество красоты и детства («но красота, красота нежная... она только с одной непорочностью и чистотой сливается в наших мыслях»), скрывают поработченность героини «адским духом» (3: 22).

Принципиально значимые признаки «заколдованного» пространства переносятся на «околдовавшую бедного Пискарева» (3: 22) незнакомку, «один взгляд» которой, подобно дьявольской морозе, отводит герою глаза и сбивает с пути: «все перед ним окунулось каким-то туманом» (3: 19). «Красавица» и в самом деле словно «околдовала» (3: 21) художника, побуждая видеть то, чего нет; отсюда путаница им сакрального («божественные черты», «небесный взгляд» — эпитеты, имеющие религиозное значение, описывают кажущееся, призрачное, мнимое, выражая духовную слепоту героя, находящегося во власти колдовских чар) и профанного планов восприятия. Обратное превращение «красавицы» в «какое-то странное, двусмысленное существо» (3: 21) подчеркивает вообще «странность» ее облика, неясность и неопределенность которому придает подразумеваемая (но прямо не утверждаемая) связь с потусторонним.

Приписанные «красавице» свойства колдуньи явно или неявно (поскольку наличие у нее этих свойств остается проблематичным) указывают на ее отношение к сфере сверхъестественного, подвластной нечистой силе; причастность к этой сфере обнаруживают и ее метаморфозы в сновидениях Пискарева, где она каждый раз является «совершенно в другом виде» (3: 29), т.е. меняет, подобно нечистой силе, стремящейся скрыть свою сущность, фальшивые личины, продолжая «туманить» восприятие художника (существенно, что и в сновидениях ее взгляд сохраняет магическую силу, сближающую ее с инфернальными персонажами мифов и фольклора: взгляд ее «сокрушительных» глаз таков, что «разрушит и унесет душу» — 3: 25; см. подр.: *Кривонос* 1993: 88–90).

Поведение «красавицы» приобретает смысл оборотничества, хотя это возможное (проблематичное) оборотничество и не определяет сколько-нибудь однозначно ее статус в «этом» или в «том» мире. Обыгрывая мифологические и фольклорные параллели (колдунья, inferнальное существо, обладающее магическим взглядом, и т.д.), усиливающие смысловое мерцание образа «красавицы», Гоголь обнажает «архаическое» (в значении «демоническое») в ее облике и поступках, так что инфантильные черты героини наделяются «демоническими» значениями. В «перевернутом» (т.е. «изнаночном», сатанинском — см.: *Лотман, Успенский 1977: 156*) мире, каким предстает гоголевский Петербург, «красавица» не меняет свой статус «героя-ребенка» (ее «пороговое» положение в «заколдованном» пространстве свидетельствует прежде всего о бесстатутности), но инфантилизм не просто оборачивается здесь inferнальностью, но уподобляется ей и с ней отождествляется.

Внутренняя связь «инфантильного модуса» (*Гаспаров 1993: 18*) с inferнальностью раскрывается Гоголем в «Портрете». Причиной остановки Чарткова в развитии оказывается его роковая встреча с таинственным портретом (репрезентантом демонической провокации), причем эта остановка уподобляется здесь оборотничеству: «некоторым образом он, этот странный портрет, был причиной его превращения...» (3: 119). В сюжетном плане «история» Чарткова (вплоть до катастрофической развязки — демонизации его внутреннего и внешнего облика перед уходом в небытие) связана с «историей» портрета: проинтерпретированный художником портрет выявляет такие инфантильные свойства его характера, которые способны трансформироваться в inferнальные. Регрессия героя к инфантильному состоянию осмысливается в повести как движение «вниз», в потусторонний мир, т.е. как «падение». С этим движением «вниз» («падением») коррелируют и сюжетные функции инфантилизма.

Признаками демонизации петербургского топоса отмечено время, сразу наступившее после приобретения Чартковым «странного» портрета: «холодное синеватое сиянье месяца становилось сильнее», небо озаряется «каким-то прозрачным, тонким, сомнительным светом...» (3: 83). Происходит сгущение хаоса, предполагающее путаницу и беспорядок (ср. *Душечкина 1995: 115–116*) («сомнительный» свет передает эту атмосферу неопределенности и двусмысленности, в которой возможна утрата всяческих ориентиров); границы между посюсторонним и потусторонним мирами становятся проницаемыми (ср. мифопоэтическое представление о луне как «светиле, озаряющем загробный мир» — *Афанасьев 1994, 3: 250*). Демонизируется и

внутреннее пространство Чарткова: его охватывают «досада и равнодушная пустота», он полон «бесчувствия ко всему», т. е. попадает в «метафизическую ловушку» (Клеман 1994: 132), расставленную силами тьмы. «Чертыхание» («Чорт побери! гадко на свете!..», «досадно, чорт побери!» — 3: 83), будучи кощунственным обращением к нечистой силе, служит неявной формой ее призвания героем (ср. Орлов 1992: 100; Лотман 1993, 3: 296–398) (так выражается «заколдованность» его внутреннего пространства, изоморфного окружающей пространственной «нечистоте»).

Контакт с портретом, обостряющий инфантильные переживания героя («ему сделалось вдруг, неизвестно отчего, страшно сидеть одному в комнате» — 3: 88), высвечивает его психологический возраст: он не может оторваться от привидевшихся ему свертков с золотом, «как ребенок, сидящий пред сладким блюдом и видящий, глотая слюнки, как едят его другие» (3: 93). Став обладателем спрятанного в портрете клада, он «оделся с головы до ног, и как ребенок стал обсматривать себя беспрестанно; накупил духов, помад... купил нечаянно в магазине дорогой лорнет, нечаянно накупил тоже бездну всяких галстухов... прокатился два раза по городу в карете без всякой причины, объелся без меры конфектов в кондитерской...» (3: 97) и т. п.

Личностная незрелость Чарткова (она выражается в неумении преодолевать соблазны, в жажде удовольствий, в легкомыслии, вообще в неспособности противостоять давлению извне) порождает трудности самоидентификации; отсюда стремление к подражанию (уподобиться «какому-нибудь модному живописцу» и «блеснуть ничем не хуже других...» — 3: 86), желание привлечь к себе внимание любой ценой, в том числе и ценой ложного структурирования своей личности по образцу «модного живописца» («схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету» — 3: 98), патологическая жажда признания со стороны других («Когда в журнале появлялась печатная хвала ему, он радовался как ребенок, хотя эта хвала была куплена им за свои же деньги» — 3: 108) и т. д.

Совершившееся превращение Чарткова в «модного живописца во всех отношениях» (3: 107) свидетельствует об интериоризации им «обманного» пространства, навязывающего манеру поведения, характерную для инфернальных существ (ср. приобретаемую героем привычку к перереживанию и смене личин: он «переодевался несколько раз в день в разные утренние костюмы... занялся украшением всеми возможными средствами своей наружности...» — 3: 107). Происходит отрицательная переориентация Чарткова под влиянием соблазнов и

искушений, посылаемых онтологически ненормальным топосом и отнимающих у него талант художника, «пророчивший многое...» (3: 85), и неотъединимую от таланта детскую увлеченность искусством (неслучайно Чартков, поглощенный творческим замыслом, говорит «простодушным и просящим голосом ребенка» — 3: 102), позволяющие отличать сакральное от профанного (в превращенном состоянии герой уже не замечает в картинах великих живописцев «присутствие какой-то святости...» — 3: 108).

Инфантилизм Чарткова проявляется в стремлении избавиться от самого себя, т. е. от своего таланта, и стать другим, т.е. так структурировать свою личность, чтобы приобрести определенный статус в «заколдованном» пространстве. «История» героя демонстрирует его укорененность в модели инфантильного поведения, возвращающего Чарткова в итоге в зону бесстатутности, когда у него обнаруживаются «все признаки безнадежного сумасшествия» (3: 116). Ложное структурирование героем своей личности (в соответствии с нормами «перевернутого» мира) оборачивается ее реструктуриацией, распадом какого-либо структурного единства. Самодеструктивные проявления (вспышки зависти, злобы, разрушение предметов искусства, которые он изрезывает «в куски» — 3: 115) отражают характерную для «перевернутого» мира инверсию ситуации: художник не творит произведения искусства, а уничтожает их, так что ему приписываются функции нечистой силы. Окончательная демонизация внутреннего пространства Чарткова («Жула на мир и отрицание изображалось само собой в чертах его» — 3: 115) служит пределом его отрицательной переориентации, выявляя принципиальную проблематичность личности героя (с его неприятием самого себя). Инфантильный герой Гоголя предстает в результате своей трансформационной «истории» как проблематичная личность.

Это свойство проблематичности (как несовпадение с самим собой и неприятия самого себя), объясняющее чрезмерную склонность к фантазированию, которую обнаруживают инфантильные персонажи «Петербургских повестей», позволяет правильно поставить вопрос о типе гоголевского «мечтателя», принимающего участие в различных фиктивных событиях, совершающихся в «заколдованном» пространстве его воображения, сновидческих картин и т. д. Бегство в мечту (или «жизнь в мечте»), т. е. поведение или состояние, традиционно наделяемые романтическими значениями, на самом деле манифестируют инфантилизм героя, компенсирующего своими фантазиями неясность собственного статуса и связанную с этим деперсонализацию. Неслучайно все эти фантазии (по содержа-

нию или по направленности) затрагивают тему перемены статуса; каждый раз речь идет о «большом» пункте воображения, усиливающего специфическую акцентуацию характера героя и стремящегося устранить невыносимую для его сознания ситуацию бесстатутности.

Показательна в этом плане реакция Поприщина на неопределенность своего положения в петербургском мире, мотивируемая чисто «детской» амнезией, что свидетельствует о его неизжитом «младенчестве»: «Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть я сам не знаю, кто я таков» (3: 206). Ссылка на провалы памяти, словно в некое «доисторическое» время⁷ своего существования (не оставившее в памяти никаких следов) герой обладал иным статусом, выражает инфантильное желание стать другим и тем самым соответствовать забытому своему статусу. Очевидна инфантильная «подкладка» приведенных рассуждений Поприщина, амбиции которого порождены петербургским топосом, где возможны любые метаморфозы («Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире...» — 3: 206): стремление выделиться, привлечь к себе внимание, вызвать удивление окружающих и т. п. Поприщин несет с собой «архаический» опыт своего «младенчества», провоцирующий его регрессию к инфантильному состоянию.

Понятно, почему «открытие» героя («В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я» — 3: 207) отмечено инфантильной окраской: превращение в «испанского короля» связано с ожившими «младенческими» воспоминаниями и представляет собою «обратное» развитие. На инфантильные черты Поприщина указывают его склонность к подражанию (чтобы иметь «королевский костюм», он шьет себе из нового вицмундира «мантию» — 3: 210), одушевление им безжизненных вещей («Чрезвычайно больно бьется проклятая палка» — 3: 213), характерное для «детского» мировосприятия, и т. п. Манипуляции мнимого «короля» с реальностью выражают его скрытые инфантильные переживания и носят откровенно «игровой» характер (при том, что они свидетельствуют о его безумии; у этого безумия, между тем, отчетливо «детская» логика), подчеркивая функциональный возраст героя.

Приобретение нового статуса, который оказывается одновременно и старым, не лишает личность Поприщина свойства проблематичности, поскольку создает путаницу во временном измерении (из «Декабря 8» он перескакивает в «Год 2000 апреля 43 числа» — 3: 207) и фиксирует «переходное» (маргинальное) положение его в петербургском «обманном» пространстве.

Новый статус воспринимается героем как не вполне свой («Странная земля Испания» — 3: 211; «До сих пор не могу понять, что это за земля Испания» — 3: 212), а старый как не совсем чужой («Ходил инкогнито по Невскому проспекту» — 3: 210)⁸. Статус «испанского короля» оборачивается инфантильной маской «детского», скрывающей лицо «больного дитяти» (3: 214).

Проблематичность личности «мечтателя» усиливается в атмосфере семантической неопределенности, постоянно нагнетаемой в «записках» Поприщина. Так, воображение не просто переносит его из «доисторического» времени существования (т.е. «младенчества») в «постисторическое», отменяя как историю вообще («День был без числа» — 3: 210), так и его собственную трансформационную «историю» (в качестве «бедного сына» своей «матушки» герой возвращается в «архаическое» прошлое: ему, как и соответствующему персонажу в мифологической и сказочной архаике⁹, «нет места на свете! его гонят!»), но и уносит «с этого света» (3: 214) в сферу мнимого и несуществующего. «Мечтатель» превращается в квазимечтателя, окончательно погружаясь в состояние бесстатутности.

Гоголевский «мечтатель» воплощает пространственную модель отношений инфантильного героя и петербургского топоса: топос определяет внутренне зависимому от него герою свою меру потусторонности, а герой демонстрирует топосу эту интериоризованную им потусторонность. В «Петербургских повестях» она может принимать форму сомнамбулизма; помутнение сознания героя, когда он теряет способность управлять собой (так что жизнь его принимает «странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне», напоминая «лунатика или разрушенного крепкими напитками...» — 3: 28), провоцируется такими его инфантильными свойствами, как чрезмерная внушаемость и чрезмерная подчиняемость. Подобное состояние вызывается прежде всего демонической интоксикацией, когда внутреннее пространство «мечтателя» оказывается захвачено инфернальными силами. Так, Пискарев, зачарованный «красавицей», подчиненной «адскому духу» и им направляемой, готов наложить на себя «обет рабски исполнять все повеления ее» (3: 20); Чартков, испытывая искушающее влияние демонического портрета, «невольной» окидывает его глазами, не умея «истолковать себе своей невольной боязни» (3: 88), и т. п.

Сомнамбулизм (сны наяву, видения, бессознательные действия и др.) связан с «невещественной» (не имеющей «материального» выражения) границей между посюсторонним и потусторонним мирами в сознании персонажей, утрачивающих

представление и о границах собственной личности. Проблема-тичность этих границ маркируется неопределенным соотношением между «я» героя и его сновидческими двойниками, отражающим гипертрофированный инфантилизм «мечтателя», играющего различными масками своего неустойчивого «я» и редуцирующего это «я» до его сновидческого «изображения».

В сновидениях героев возникают инфантильные сцены детских лет в определенной обработке, придающей сонному пространству признаки «нечистого» места, а сновидческим картинам свойства путаницы, мороки, «обмана». Пискарев во сне ведет себя как ребенок в обществе взрослых, боящийся наказания за какой-нибудь проступок. Обнаружив, что на нем «весь запачканный красками» сюртук, он «покраснел до ушей и, потупив голову, хотел провалиться...» (3: 25). К инфантильному состоянию возвращается во сне и Чартков, ведущий себя как дурно воспитанный или испорченный ребенок (схватив один из свертков с золотом, он, «полный страха, смотрел, не заметит ли старик» — 3: 90). «Мечтатель», существующий не просто не границе между сном и явью, но и между разными мирами, на опасном пространственном рубеже, раскрывает свою потусторонность как превращенную «детскость».

Инфантильно окрашенные сновидения гоголевских «мечтателей» (представляющих собой модификацию типа «героя-ребенка»), в которых они (их сновидческие двойники) вступают в контакт с демоническим (знаменательно, что в сновидении Чарткова портрет «глядит просто к нему во внутрь» — 3: 89), ассоциируются с потусторонним миром (в сновидениях происходит преобразование посюстороннего мира в потусторонний: миражная реальность Петербурга перекодируется в реальность сонного миража; медиаторами между мирами выступают сновидческие двойники героев), делая еще более неопределенным статус персонажей, легко пересекающих границу между «этим» и «тем» светом (эту границу, например, пересекает не только выпрыгивающий из рам «страшный фантом», но и Чартков, хватающий сверток с золотом: «Ему казалось, что если бы он держал только покрепче сверток, он, верно, остался бы у него в руке и после пробуждения» — 3: 92).

В «Петербургских повестях» отрицательная переориентация инфантильного героя мотивируется в определенных ситуациях неразличением им своего и чужого; это неразличение служит одновременно значимым признаком инфантилизма. Вообще инфантильный герой, испытывающий трудности самоидентификации и склонный к ложному структурированию своей личности, обнаруживает внутреннее тяготение к чужому и отчуждение от своего, более того, стремление персонифицироваться

в чужом пространстве и «структурно» ему уподобиться (ср. *Лотман* 1988: 306).

Так, Попришин обуреваем желанием «рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и придворные штуки, как они, что делают в своем кругу...<...>. Хотелось бы мне заглянуть в гостиную... за гостиную еще в одну комнату.<...> Хотелось бы заглянуть в будуар... Хотелось бы заглянуть в спальню...» (3: 199–200). И как следствие такого воображаемого заглядывания в чужой мир, созерцания его атрибутов и приобщения к нему: «Желал бы я сам сделаться генералом...» (3: 205), т.е. присвоить себе чужие функции и стать своим в чужом мире. Последующее превращение Попришина в «испанского короля», отчуждающее его от своего этнического (русские, а не испанцы) и конфессионального (православные, а не католики) коллектива (он становится не просто «генералом», т.е. иерархически более значительной фигурой, чем титулярный советник, но «испанским королем» — иноземцем и иноверцем, не своим *в принципе*), представляет его как самозванца, отрекающегося не только от собственного имени, но и от собственной сущности и тем самым усваивающего себе свойства потустороннего¹⁰. Безумие инфантильного героя, совмещающего в себе как разные возрасты, так и разные личности, указывает на него как на жертву неразличения своего и чужого, подвергшуюся онтологической «порче»¹¹.

Такого рода жертвой оказывается и Акакий Акакиевич, который из своего мира, где он предавался детски невинной игре в буквы («Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир» — 3: 144), совершенно не заботясь не только о перемене статуса, но даже и о происходящем «всякой день на улице» (3: 145), перемещается в чужой мир («на улицу», искушаемый соблазном «пройтись даже и ввечеру в новой шинели» — 3: 158), где он отчуждается от самого себя, т.е. от своей «детской» сущности (побежав «было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою...» — 3: 160). Этот чужой мир, «довольно простодушно» (3: 157) принимаемый инфантильным героем за свой (причиной путаницы оказывается «новая шинель» в роли воображаемой «приятной подружки жизни», побуждающая ее обладателя приобщиться к чужому миру и принять участие в его событиях, т.е. изменить статусу «переписчика»: собираясь на «вечер», он «уж ничего не писал, никаких бумаг...» — 3: 158), персонифицируют отнявшие у Башмачкина шинель «какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить» (3: 161).

Акцентируемой в этом эпизоде семантике неразличения, передающей внутреннее состояние персонажа, попавшего в

запретное для него пространство нечисти, соответствует семантика потусторонности (похитители шинели, время и место похищения окружены инфернальными коннотациями, что придает чужому миру неявные признаки «того» света)¹², коррелирующая с семантической неопределенностью «фантастического окончания», возвращающего Акакия Акакиевича с «того» света в петербургский «обманный» топос в качестве «мертвеца в виде чиновника» (3: 169). Оборотничество Башмачкина (остающееся проблематичным и не проясняющее его «потустороннего» статуса) имеет непосредственное отношение к неразличению им своего и чужого («под видом стащенной шинели» он сдирает «со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели...» — 3: 169); финал трансформационной «истории» героя, подчеркивающий изофункциональность «мертвеца-чиновника» (3: 170) одновременно «заколдованному» пространству Петербурга и «тому» свету, лишь обнажает «сюжетные» последствия этого неразличения.

Вторжение инфантильного героя в чужой мир чревато для него такого же рода опасностями, как и проникновение в «нечистое» пространство (ср. *Топоров* 1990: 91); отсюда знак тождества между чужим и потусторонним в «Петербургских повестях», так что неразличение своего и чужого является здесь неразличением своего и потустороннего. Такова природа самообмана Пискарева или Чарткова, вступивших в сношения в контакт с демоническим и впусивших чужое во внутреннее пространство (перемену статуса Чарткова фиксирует, например, утрата им во сне «голоса» и неспособность «пошевеливаться» — 3: 89; граница между своим и чужим словно рассекает героя, освобождающегося от собственно «человеческих» признаков). Отрицательная переориентация инфантильных персонажей, приводящая к потере таланта, безумию или смерти (т.е. повергающая их в сферу «греха»), связана с персонификацией ими чужого как потустороннего.

Отметим в этой связи особую роль «дам», репрезентирующих петербургский «обманный» топос («...дамам меньше всего верьте» — 3: 45), в неразличении инфантильными персонажами своего и чужого, определяемую ассоциациями со слоем текстов, в которых раскрывается «греховная» природа женского начала, повествуется о плотской связи женщин с демонами (ср. *Орлов* 1992 : 38) и т. п.

Так, в «Невском проспекте» юная блудница («красавица», изофункциональная воплощающему «обман» и «ложь» Невскому проспекту, «красавице нашей столицы» — 3: 9; «феминизация» [*Топоров* 1981: 58] петербургского пространства обнажает символические приметы города-блудницы), обнаруживая спо-

собность к оборотничеству, вызывает у «влюбленного до последнего градуса безумия» (3: 30) Пискарева желание переместиться в чужое пространство (пространство сновидений, наделенное «потусторонними» значениями) и уподобиться сновидческому двойнику. Чартков, которого «совершенно очаровала» первой заказавшая ему портрет «аристократическая дама» (3: 102), укрепляется в стремлении соответствовать ожиданиям чужого мира; он даже изменяет внешность, «чтобы произвести ею приятное впечатление на дам...» (3: 107), принимая подчеркивающий его переориентацию облик. У Поприщина безумная идея о его изначальной принадлежности к чужому миру возникает и развивается под влиянием страсти к директорской дочке; превратившись в «испанского короля», он открывает потустороннюю направленность женской любви: «Женщина влюблена в чорта» (3: 209). В «Шинели» утрата Акакием Акакиевичем ориентиров маскируется его неожиданным и необъяснимым интересом к картине, «где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную...» (3: 159); в этой же повести свойства блудницы приписываются шинели (мнимой «жене» героя), на которую предъявляют права ее похитители («А ведь шинель-то моя!» — 3: 161). Наконец, здесь же значим неявный намек на потустороннее происхождение инфантильного героя, рожденного от «покойницы» (3: 142) (ср. *Вайскопф* 1993: 317; *Кривonos* 1996: 51).

Инфернальные функции «дам» (способность «морочить», сбивать с пути, сеять дурные внушения, наводить «порчу» и т. д.), оказывающих магическое влияние на инфантильных персонажей, эротические желания которых принимают форму неразличения своего и чужого, высвечивают «греховные» аспекты петербургского топоса, где «герою-ребенку» уготована роль кощунственной жертвы (ср. Пискарева как «жертву безумной страсти» — 3: 33). Профанация сакрального смысла «детскости» приводит в «Петербургских повестях» к превращению инфантильного героя («младенца» духовным возрастом) в анти-ребенка, который своим «обратным» поведением демонстрирует внутреннюю зависимость от «перевернутого» мира, знаменуя собой десакрализацию «божественного» статуса «дитяти»¹³.

Приведем принципиально важный в этом плане пример. Акакий Акакиевич, находясь после «надлежащего распеканья» со стороны значительного лица (в онтологически ненормальном мире значительное лицо занимает фиктивную позицию «педагога» по отношению к «ребенку» Башмачкину)¹⁴ «в бреду

и в жару», «даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, от роду не слышав от него ничего подобного...» (3: 168). По мнению М. Вайскопфа, изобретенное Гоголем слово «сквернохульничал» есть «эвфемизм богохульства, объясняющего крестное знамение старухи» (*Вайскопф* 1993: 350). Между тем это слово сочетает в себе представление о богохульстве и сквернословии (т. е. срамословии, похабной ругани — *Даль* 1994, 4: 179), следовательно, ему приписываются функции матерной брани. Это значит, что Башмачкин в качестве анти-ребенка, связанного со сферой потустороннего (см. значимые для понимания анализируемого эпизода суждения о «могильных ассоциациях матерщины» — *Успенский* 1994б, 2: 75; ср. в этой связи метаморфозу героя в финале повести, где он является выходцем с «того» света), берет на себя «грех против божественного материнства» (*Федотов* 1991: 56; ср. *Успенский* 1994б, 2: 75).

Черты «обратного» поведения (или анти-поведения), позволяющие идентифицировать инфантильного героя с анти-ребенком, усиливаются в «Петербургских повестях» многообразными ассоциациями с архаическими дискурсами, где разного рода «глупцы» или «простаки» нарушают «элементарные законы логики», совершая «абсурдные действия» (*Мелетинский* 1989: 62), словом, ведут себя так, будто «нормальное» поведение оказывается в ином мире в принципе невозможным. Вообще «сказочность» придает происходящему в гоголевском Петербурге заметную инфантильную окраску, укрепляя ассоциативное сходство инфантильного героя с фольклорными персонажами¹⁵ и высвечивает его специфическую «однотипность» (в смысле определенной «формы» гоголевского человека); инфантильный герой Гоголя, подобно сказочному Ивану-царевичу, есть, условно говоря, «один и тот же персонаж для целой серии различных сюжетов» (*Пропп* 1976: 99). Так подчеркивается глубинная ориентация Гоголя на образы и ценностные представления народной культуры, игравшей определяющую роль в построении его художественной модели мира.

Что касается **парадигмы** инфантильного поведения в «Петербургских повестях», принимающего в «греховном» пространстве черты анти-поведения, то речь у Гоголя прежде всего идет об **антихристианском** поведении в «нечистом» (в смысле «нехристианском») пространстве (ср. *Успенский* 1994а, 1: 270), так что акцентируемая бесстатутность инфантильного героя означает неспособность и невозможность сохранить здесь сакральные свойства «дитяти». Насколько же важной была для Гоголя эта проблема уподобления «детям» (что объясняет его обостренный художнический интерес к теме инфантилизма,

осмысляемой им в свете евангельских заповедей), свидетельствует его предсмертная запись: «Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное» (*Гоголь* 1994, 6: 392)¹⁶.

Примечания

¹ Тип гоголевского «героя-ребенка» привлек специальное внимание Дж. Гаррада, сопоставившего образы Чертокуцкого и Шпоньки (*Garrad* 1975). С. А. Гончаров связал тему инфантилизма у Гоголя с особенностями его «негативной антропологии» (*Гончаров* 1994: 84). С точки зрения подхода к проблеме изображения инфантильного поведения в литературе существенны наблюдения В. П. Руднева (*Руднев* 1990; *Руднев* 1992). О значении инфантилизма в аспекте исторической психологии, многое объясняющего в судьбах людей 1820–30-х гг., подробно писал Ю. М. Лотман (*Лотман* 1988). В этом же аспекте заслуживает осмысления актуализация в русском культурном сознании на рубеже 1820–30-х гг. идеологема «младость», характеризующей национальное своеобразие России (*Лесков* 1994: 124). На языке официоза суть этой идеологема выразил Л. В. Дубельт: «Не лучше ли красивая молодость России дряхлой, гнилой старости Европы?» (*Катаев* 1994: 108). Ср. скептический взгляд П. Я. Чаадаева: «Мы растем, но не созреваем... Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно...» (*Чаадаев* 1987: 38).

² Ср. взгляд на искусство как «эволюционирующую топику», особенно идею о существовании «обязательной и неотчуждаемой топики, имеющей отношение к тому, что принято называть национальным характером» (*Панченко* 1986: 236, 244).

³ См. описание инфантильных самопроявлений на уровне инстинктивного поведения: *Сёлли* 1904: 262–269. Феномен инфантилизма как негативно оцениваемой психической незрелости подробно охарактеризован М. И. Буяновым (*Буянов* 1986: 107–114).

⁴ М. Вайскопф связал «гоголевскую манеру соединять в одном и том же образе совершенно различные возрасты» (*Вайскопф* 1994: 6) со спецификой отношения писателя к времени.

⁵ Понятие «бесстатутности» в связи с описанием двусмысленных свойств так называемых «пороговых людей» раскрывается в работе, посвященной типам ритуалов в традиционном обществе (*Тэрнер* 1983: 169–171).

⁶ Ср. замечания об отождествлении инфантильности с бесовством в романе Достоевского «Бесы» (*Руднев* 1994: 109).

⁷ Говоря о «странной амнезии детства» (имеется в виду, что переживания первых лет жизни стираются в памяти), З. Фрейд назвал детство «индивидуальным доисторическим временем» (*Фрейд* 1991: 125).

⁸ Ср. наблюдения над семантикой старого и нового в ритуале святочного ряжения (*Байбури* 1994: 47).

⁹ Для мифологической и сказочной архаики типичны сюжеты, основанные на преследовании и гонении дитяти; ср. сказочный образ «бедного сиротки» (*Новик* 1987, 1: 384), который находит отражение

в тексте «Записок сумасшедшего»: «Матушка... прижми ко груди своей бедного сиротку!..» (3: 214). Попытка раскрыть религиозно-мифологический код этой повести была предпринята А. Ковачем (*Ковач* 1993: 120–121).

¹⁰ «Самозванство — как бы обратное действие. Называясь чужим именем, человек совершает акт, подобный продаже души дьяволу» (*Панченко* 1979: 81).

¹¹ Ср. анализ «Повести о Дракуле», герой которой, обладая «ложным мировосприятием», оказался «жертвой неразличения своего и чужого» (*Смирнов* 1991: 113).

¹² Похищение происходит после полуночи (Башмачкин в гостях «никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой» — 3: 160), т.е. времени активизации нечистой силы, на площади, «которая глядела страшную пустыню» (3: 161), т.е. излюбленным местом нападения бесов на аскетов (об аскетизме Башмачкина не раз говорится в повести; ср. пассаж о его привычке к «ограничениям» — 3: 154); грабители, подобно бесам (*Аверинцев* 1987, 1: 170), обладают неуловимой (фальшивой) внешностью.

¹³ Такой статус, как известно, приобретает дитя в христианстве (Христос как Предвечный Младенец); здесь образ дитяти становится «нормой человеческого существования как такового» (*Аверинцев* 1977: 172).

¹⁴ Тогда как подлинный «педагог» сам должен уподобиться «ребенку» (*Аверинцев* 1977: 173). Для поведения значительного лица характерна перверсивная форма инфантилизма; «строгость», которую он кладет в основание своей «системы» (3: 164), предстает вывернутой инфантильной чертой, выражающей невротический страх наказания, т.е. страх возвращения в «детское» состояние, где значительность утратит всякое значение.

¹⁵ Так, Пискарев, названный другим персонажем «простаком» (3: 16), составляет, подобно «простаку» из анекдотической сказки, «легкомысленный план» (3: 31) спасения «красавицы»; ведь его сновидения, где эта «красавица» принимает облик сказочной «царицы» (3: 26), завершается чисто сказочным финалом: героиня сновидений становится «его женою» (3: 30). Между Башмачкиным и его шинелью (неодушевленным предметом), как и между Поприциным и собаками (зверьями), складываются «человеческие» отношения, что также уподобляет героев сказочным персонажам (см. Елеонская 1994а: 34). Поездка Поприщина в «Испанию» находит параллель в сказочном мотиве поездки в чужое царство/путешествие на «тот» свет (см.: Елеонская 1994б: 46). Поприщин мчится в «Испанию» поистине со сказочной скоростью (Лихачев 1979: 336), «так шибко, что через полчаса достигли испанских границ» (3: 211). Герои Гоголя используют сказочные обороты речи, что свидетельствует об «архаичности» их сознания; ср. в «Записках сумасшедшего»: «происшествие, которого никакое перо не опишет» (3: 196); «не прикажите казнить...» (3: 196–197) и др. Ср. также присущую эпическому фольклору «необязательность внешних мотивировок» (Пропп 1976: 98), характеризующую «сказочное» развитие действия в «Носе»; в этой же повести финал имитирует наступившее благополучие как

«конец сказочного времени» (*Лихачев* 1979: 227): «И после того майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе...» (3: 75). Количество примеров можно было бы умножить; см. также: *Кривонос* 1996: 46, 48, 51, 52.

¹⁶ В своей предсмертной записи Гоголь соединяет два евангельских стиха: «...Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (*Матф.* 18: 3–4).

Библиография

Аверинцев 1977 — Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Аверинцев 1987 — Аверинцев С. С. Бесы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 169–170.

Афанасьев 1994 — Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 3 (репринтное издание 1865–1869 гг.).

Байбурин 1994 — Байбурин А. К. Ритуал: старое и новое // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 35–48.

Белый 1934 — Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.

Буянов 1986 — Буянов М. И. Беседы о детской психиатрии. М., 1986.

Вайскопф 1993 — Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.

Вайскопф 1994 — Вайскопф М. Время и вечность в поэтике Гоголя // Гоголевский сборник. СПб., 1994. С. 3–19.

Ванслов 1966 — Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М., 1966.

Гаспаров 1993 — Гаспаров Б. М. Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 4–27.

Гоголь 1938 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.; Л.], 1938. Т. 3.

Гоголь 1994 — Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6.

Гончаров 1994 — Гончаров С. А. Тайна «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки» // Гоголевский сборник. СПб., 1994. С. 62–96.

Даль 1994 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 4 (репринтное издание 1903–1909 гг.).

Душечкина 1995 — Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995.

Елеонская 1994а — Елеонская Е. Н. О пережитках первобытной культуры в сказках // Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. М., 1994. С. 33–41.

Елеонская 1994б — Елеонская Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. М., 1994. С. 42–50.

Катаев 1994 — Катаев И. М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб., 1994.

Клеман 1994 — Клеман Оливье. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви: Тексты и комментарии / Пер. с франц. М., 1994.

Ковач 1993 — Ковач А. Поприщин, Софи и Меджи: (К семантической реконструкции «Записок сумасшедшего»)// Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 100–122.

Кривонос 1992 — Кривонос В. Ш. Образ-символ у Гоголя // Традиции и новаторство в русской классической литературе: (...Гоголь...Достоевский...). СПб., 1992. С. 95–102.

Кривонос 1993 — Кривонос В. Ш. Сны и пробуждения в «Петербургских повестях» Гоголя // Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 85–99.

Кривонос 1994 — Кривонос В. Ш. Мотив испытания в «Петербургских повестях» Гоголя // Гоголевский сборник. СПб.; 1994. С. 97–108.

Кривонос 1996 — Кривонос В. Ш. Трансформация фольклорно-мифологических мотивов в «Петербургских повестях» Гоголя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 1. С. 44–54.

Лихачев 1979 — Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.

Лотман 1988 — Лотман Ю. М. О Хлестакове // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 293–325.

Лотман 1993 — Лотман Ю. М. Три заметки о Пушкине. 1. «Когда же черт возьмет тебя» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 396–399.

Лотман, Успенский 1977 — Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.

Мелетинский 1989 — Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Жанр словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989. С. 59–76.

Новик 1987 — Новик Е.С. Дитя // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 384–385.

Орлов 1992 — Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. М., 1992 (репринтное издание 1904 г.).

Панченко 1979 — Панченко А. М. «Народная модель» истории в набросках Толстого о Петровской эпохе // Л. Н.Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1978. С. 66–84.

Панченко 1986 — Панченко А. М. Тописка и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 236–250.

Песков 1994 — Песков А. М. У истоков философствования в России: русская идея С. П. Шевырева // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 123–139.

Пропп 1976 — Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 83–115.

Руднев 1990 — Руднев В. П. «Злые дети»: мотив «инфантильного поведения» в романе «Бесы» // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1990. С. 105–113.

Руднев 1992 — Руднев В. П. «Злые дети»: мотив «инфантильного поведения» в романе «Бесы» // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана: Сб. статей. Тарту, 1992. С. 161–170.

Сёлли 1904 — Сёлли Д. Очерки по психологии детства. 2-е изд. / Пер. с англ. [СПб.], 1904.

Смирнов 1991 — Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991.

Смирнова 1964 — Смирнова Е. А. Гоголь и идея «естественного» человека в литературе XVIII в. // XVIII век. Сб. 6. М.; Л., 1964. С. 280–293.

Топоров 1981 — Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Структура текста-81: Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 53–58.

Топоров 1990 — Топоров В. Н. Мифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990.

Тэрнер 1983 — Тэрнер В. Символ и ритуал / Пер. с англ. М., 1983.

Успенский 1994а — Успенский Б. А. Дуалистический характер русской средневековой культуры: (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 254–297.

Успенский 1994б — Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2. Язык и культура. С. 53–128.

Федотов 1991 — Федотов Г. П. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

Фрейд 1991 — Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. 2-е изд. / Пер. с нем. М., 1991.

Чаадаев 1987 — Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 33–134.

Garrad 1975 — Garrad J. Some thought on Gogol's «Kolyaska» // Publ. mod. lang. of America. Menasha. 1975. Vol. 90. No 5. P. 848–860.

*В. Е. Багно
С.-Петербург*

Порок и смерть язвят единым жалом...

Порок и смерть! Какой соблазн горит
И сколько нег вздыхает в слове малом!
Порок и смерть язвят единым жалом,
И только тот их язвы убежит,
Кто тайное хранит на сердце слово —
Утешный ключ от бытия иного.

Вл. Ходасевич

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля наряду со словами «женота», «женьба», «женивый», «женище», «женитель», «женишиться», «женишонкаться», «женима», «женимищ», «женовать», «женство» мы находим и другое яркое и столь же забытое слово — «женобесие». Именно так определил бы, наверное, наш предок донжуанство. Мы определим его примерно так же, хотя и другими словами, набор которых куда более ограничен в современном языке, скудеющем от обслуживания нехитрых бытовых, производственных и публицистических задач. В сущности, и наш предок, и мы вслед за ним были бы правы, однако миф о Дон Жуане вряд ли был бы столь живуч, вряд ли на протяжении многих веков был бы столь притягателен для людей, если бы все «женобесием» и ограничивалось.

Дон Жуан оказался едва ли не самым желанным гостем мировой литературы. Однако гостя не всегда можно было узнать. Перед нами Дон Жуан в детстве, в старости, в аду; Дон Жуан в Африке и на далеком Севере; Дон Жуан циничный и Дон Жуан сентиментальный; Дон Жуан — гедонист и Дон Жуан — бунтарь; Дон Жуан — закоренелый грешник и Дон Жуан раскаявшийся; Дон Жуан — насмешник над женщинами и Дон Жуан влюбляющийся. Есть Дон Жуаны — теоретики донжуанства, которые, будучи атеистами и рационалистами,

исходя из своих идейных и философских представлений, шокируют окружающих своим поведением. И есть Дон Жуаны стихийные, живущие так, как живется, послушные своим страстям, порывам и прихотям. В донжуанстве есть и неистовая любовь к жизни, и презрение к смерти, и вызов небесам, и бунт против ханжеской морали, и тоска по недостижимому идеалу. Вячеслав Иванов писал об интеллектуальном донжуанстве. У легенды о сеvilьском насмешнике есть предпосылки (пласт, слой, основа, грань) психологические, религиозные, философские, социально-исторические, семейно-бытовые. Загадку мифа пытались разгадать теологи, философы, психологи, физиологи. Кто-то из психиатров счел Дон Жуана импотентом, кто-то онанистом, для которого самка — нечто вспомогательное и служебное. И все же прихотливое бытование легенды имеет свою логику (столь же, конечно, прихотливую). Думается, что она не менее увлекательна, чем любая фабула, построенная на основе легенды.

«Одна ведьма или по крайней мере цыганка предсказала ему, едва он появился на свет: “Ты будешь обладать всеми женщинами”. Другая сказала: “Ты победишь всех мужчин”. Третья изрекла: “Твой кошелек всегда будет полон”. Однако зависть, столь же всемогущая, омрачила его безоблачные перспективы. Еще одна предсказала: “Остерегайся приглашать мертвецов”. А заметив, что Дон Жуана последнее пожелание позабавило, еще одна произнесла: “Остерегись влюбляться”» (*Maetzli* 1972: 91). Так представлял себе рождение героя Рамиро де Маэсту, испанский писатель, философ и публицист конца XIX — начала XX века. А что известно нам о рождении самого мифа?

Миф о Дон Жуане возник на пересечении легенды о повесе, пригласившем на ужин череп, и преданий о сеvilьском обольстителе. Эта встреча Святотатца и Обольстителя имела решающее значение для формирования и развития мифа о Насмешнике. Вопреки распространенному мнению, основой для мифа послужила главным образом легенда об оскорблении черепа, а рассказы о распутном дворянине несли лишь вспомогательную функцию. Главный фабульный узел, вне всякого сомнения, — мотив двойного приглашения. В нем оживают древнейшие языческие представления. По убедительной гипотезе Р. Шульца, легенда о Дон Жуане является ренессансным отголоском «традиции изображения оживающих мстящих статуй, возникшей в результате столкновения эпохи античного язычества и новой христианской религии, то есть эпохи возникновения Книдского мифа. Косные истуканы, принадлежащие к гибнущей религии, временами, казалось, оживали в первых веках

нашей эры, особенно при Юлиане Отступнике, наблюдался рецидив язычества, а с ним как бы оживали и прежние кумиры. В иберийском ответвлении наблюдается то же столкновение двух исторических эпох, что и в Книдском мифе. Ожившая статуя или мертвец приходят из прошлого и мстят тем, кто не почитает память умерших» (Шульц 1985: 79).

Миф о Дон Жуане — миф о возмездии. Возмездия за что? Конечно же, не за обольщение женщин. Он, как умеет, радуется жизни, приемлет жизнь, хотя и нарушает при этом заповеди, что, бесспорно, должно в какой-то мере наказываться. Однако продал душу дьяволу скорее тот, кто не умеет радоваться жизни и миру Божьему. «Благодарю за этот мир, великолепный твой подарок», — сказал поэт, наш современник. Хотя со средневековой точки зрения скорее надо было обращать помыслы к жизни вечной, а не к преходящим земным радостям. И думать о смерти. Дон Жуана ждет кара за надругательство над мертвым.

Легенда о повесе, оскорбившем череп, широко известна фольклору и средневековым литературам многих стран Европы. В сокровищнице испанского романсеро были обнаружены романсы, имеющие немало точек соприкосновения с пьесой Тирсо де Молины «Севильский обольститель, или Каменный гость», в которой впервые оказались соединенными обе легенды: о распутном дворянине и о святотатце и богохульнике. Мотивы легенды о надругательстве над мертвецом можно обнаружить и в русском фольклоре. Весьма своеобразным вариантом этой легенды является один из рассказов о мертвецах, включенных А. Н. Афанасьевым в его собрание русских сказок. Своеобразие этого сюжета заключается в том, что озорником и насмешником в этой сказке оказывается бедовая девка, «лежка», лентяйка, которой нипочем на спор и образ ночью с дверей церкви снять, и стащить, проходя мимо кладбища, с мертвеца саван. Однако за оскорбление мертвеца (да и вообще за бессмысленное и богохульственное удалство, тем более недопустимое, с народной точки зрения, что речь идет о девице) ее ждет расплата. Мертвец приходит за своим саваном и требует, чтобы она сама отнесла его туда, где взяла. Пытаясь ее спасти, родители хотят отслужить обедню. Однако «только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да оземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась» (Афанасьев 1985: 61, № 351).

В основе западноевропейских легенд, возможных фольклорных и литературных источников пьесы Тирсо де Молины, и прежде всего испанских романсов, лежит мотив кошунственного оскорбления черепа, что в большинстве случаев приводит к гибели героя. Тот же мотив нашел отражение и в былине о

поездке Василия Буслаева в Иерусалим и о его смерти. Череп — образное олицетворение смерти. Пиная его, выказывая к нему полное пренебрежение, герой испанского романа или фольклорного произведения других народов выказывает свое полное пренебрежение к смерти, вступает в конфликт с излюбленной мыслью церковно-назидательной литературы о тленности бытия, о беспомощности человека перед лицом смерти, о необходимости смирения. Вся легенда о Дон Хуане Тенорио тем самым воспринимается как приглашение к казни. Позднее, впрочем, было использовано другое севильское предание — о Дон Хуане де Маньяре, — которое предлагало герою шанс на спасение, в конце концов им использованный. Это предание о раскаявшемся Дон Жуане, обращение которого, по некоторым версиям, произошло после того, как он попал на собственные похороны. Легенда нашла отражение у Мериме, А. К. Толстого, М. Мачадо. Другой вариант спасения предлагает испанский романтик Хосе Соррилья, в пьесе которого закоренелый грешник Дон Хуан Тенорио ускользает от расплаты не ценой покаяния, а благодаря любви к нему героини. Однако благостный финал подобных версий нередко воспринимался как искусственный. «Как? Дон Жуан спасся, а его жертвы погибли в состоянии душевного мятежа? — сокрушался, например, К. Д. Бальмонт. — Но где же здесь справедливость и не является ли мирная развязка такой бурной жизни чем-то оскорбительным, чем-то пошлым? Дон Жуан построил всю жизнь на трагическом столкновении с людьми, и жизнь его неизбежно должна разрешиться трагически» (*Бальмонт* 1903: 277).

Любопытно, что на русской почве произведение, подобное мифу о Дон Жуане, также могло возникнуть на пересечении двух сюжетных линий: былины о поездке не верящего «ни в сон, ни в чох» Васьки Буслаева в Иерусалим и о его смерти, с одной стороны, и двух былин об Алеше Поповиче — о неудачной женитьбе Алеши и об Алеше Поповиче и сестре Збродовичей, в которых Алеша выступает уже не столько как богатырь, сколько как «бабий прелестничек» и «пересмешничек». На пересечении тех же двух сюжетных линий, сочетание которых в Испании позднего Возрождения привело к созданию пьесы Тирсо де Молины, на русской почве вполне могло возникнуть произведение, наделенное многими из тех особенностей, которыми наделен «Севильский оболъстителъ, или Каменный гость». Однако если западноевропейские легенды, односторонне осуждающие и развенчивающие героя, нуждались в гении Тирсо де Молины, способного соединить их и дать им новую жизнь, создав притягательный своей противоречивостью образ, то в древнерусской культуре потребности в таком соединении

не возникло, поскольку обе линии и в отдельности несли в себе эту многоплановость, противоречивость и неоднозначность, не говоря уже о том, что в народном сознании они сосуществовали и частично «перетекали» одна в другую¹. В XIX же веке, когда потребность в таком соединении возникла, в распоряжении Пушкина и А. К. Толстого была уже многовековая традиция мифа о Дон Жуане, которая и была ими блестяще использована.

В свое время, в конце XIX — начале XX века, бурно обсуждалась гипотеза Артуро Фаринелли об итальянском происхождении легенды о Дон Жуане. И отклонена она была не только потому, что в испанском фольклоре была обнаружена целая россыпь вариаций легенды. Куда важнее другое. Далеко не случайно в одно время именно в ренессансной Испании с ее авантюрным духом и фанатичной религиозностью, с ее шлейфом средневековых привычек и традиций возникли два ключевых для развития всей европейской культуры мифа: о сеvilском насмешнике и Рыцаре Печального Образа. Трагическое противостояние и стык двух эпох породил два полярных и одновременно взаимодополняющих образа.

По существу, Тирсо де Молина переосмыслил заложенное в традиции представление о типичном герое в том же ключе, что и Сервантес, обратившийся к персонажам рыцарских романов. Нет нужды специально останавливаться на отличиях героя рыцарского романа от героя легенды, а позиции Сервантеса, в замысел которого входило пародирование эпигонского рыцарского романа и его героя, от позиции Тирсо, свободно использующего, подобно другим драматургам Золотого века, богатейший сюжетный фонд для создания драматургической фабулы. Существеннее, на мой взгляд, другое — новое отношение к традиционному герою, во многом сходное у Сервантеса и Тирсо де Молины, писателей, творивших на рубеже двух эпох. Подобно Дон Кихоту, сеvilский насмешник предстает перед читателем как личность. Подобно ему, он — этическая личность (правда, со знаком минус), личность, способная на самостоятельное решение, поступок, бросающая вызов общепринятым этическим нормам. На стыке эпох всегда происходит пересмотр ценностей, системы условностей. Обоих героев роднит отношение к миру условностей. Дон Кихот не приемлет их и живет наперекор им. Дон Жуан издевается над ними. Двойственность отношения к ним изначально и преодолена быть не может, ибо условности условностям рознь. Нет и не было человека, который, подобно им, отвергал бы все, как нет и такого, который бы все принимал. Однако каждый, в зависимости от эпохи, национальности, темперамента, воспитания, приемлет или не приемлет те или иные из них. Вместе с тем

Дон Кихот и Дон Жуан столь же отличны один от другого, сколь различны бывают старший и младший братья народных сказок, не переставая при этом быть братьями. Полярно их отношение к миру и окружающим людям. Динамическое равновесие в культуре возникает только из сочетания крайнего альтруизма первого и крайнего эгоизма второго. Полярно их отношение к женщине, ключевому элементу донжуанства и донкихотства как культурных явлений. Дон Кихот Сервантеса любит одну-единственную женщину, более того — несуществующую. Дон Хуан Тирсо стремится обладать всеми, не отличая одну от другой.

Под псевдонимом «Тирсо де Молина» публиковал свои произведения монах Габриэль Тельес. Первое известное ним издание «Севильского обольстителя, или Каменного гостя» появилось, как это недавно было установлено, в Севилье не ранее 1627 и не позднее 1629 года (*Cruickshank* 1981). Сложнее определить время написания. Правы, по-видимому, те из исследователей, которые склонны видеть в пьесе создание зрелого мастера и относить ее не к раннему периоду творчества (1612–1615), а к первой половине 1620-х годов. Герой Тирсо, в отличие от многих его отдаленных, особенно романтических потомков, скорее «насмешник» в старом русском значении («Он ведь бабий был да насмешничек»), чем «обольститель». Для него обольщать, преодолевать препятствия — лишний труд. Своей цели он достигает обманом и хитростью, применяя к любви широко распространенную в ренессансной Европе доктрину Никколо Макиавелли. Напомним, что Макиавелли отмечал относительность добродетели и делал ставку на силу, заостряя идеи гуманистического индивидуализма и нередко в сочинениях его современников идею противопоставления личности толпе.

После Тирсо де Молины развитие мифа шло по двум направлениям. (Символично, что уже само название пьесы оказалось как бы расколотым). Так, из самых ярких и глубоких версий только у Мольера мы находим двойное название — «Дон Жуан, или Каменный гость», в то время как Байрон, Гофман, Бодлер и многие другие «опускают» «Каменного гостя», а вместе с тем и идею расплаты, напротив, Пушкин в «Каменном госте» и Блок в «Шагах командора» выдвигают ее на первый план.

Мощный импульс новому отношению к герою дала гениальная опера Моцарта. Попранные права литературы — отодвинутое музыкой Моцарта на далекий план либретто аббата Да Понте — восстановили своими яркими интерпретациями моцартовской оперы Гофман и Киркегор. Начиная с новеллы

Гофмана (1812) отношение к образу в корне меняется. Дон Жуан для немецкого романтика — мятущийся герой, трагически переживающий разлад между идеалом и действительностью. Разрушая «камерное» счастье ближнего, довольствующегося мещанскими добродетелями, он в неутоленной тоске безуспешно стремится через наслаждение женщиной достичь в земной грешной жизни того, что «живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства».

Философские и эстетические взгляды великого датского мыслителя Сёрена Киркегора предварили экзистенциалистские концепции. Вместе с тем они во многом восходят к идеям немецких романтиков. Взгляд Киркегора на моцартовскую оперу, взгляд философа, теолога, психолога и эстетика, не ставящего перед собой сугубо музыковедческих задач, свободный от профессиональной зашоренности, позволил ему увидеть в Дон Жуане олицетворение непосредственного чувственного начала, порожденного христианской культурой. Музыка Моцарта и миф о Дон Жуане нашли в Киркегоре глубокого и яркого интерпретатора. Опера Моцарта позволила датскому философу развить свои идеи о чувственно-эротической гениальности, исполненной духовного величия. Согласно Киркегору, «жизнь Дон Жуана не означает отчаянья; здесь рождается в страхе другое — великая сила чувственности». Романтики усиливают трагедийность конфликта. Обличительный пафос уступает место восхищению жизнелюбием, неодолимым стремлением к идеалу, гордым бунтом героя, сознательно и неуклонно идущего к трагическому финалу. Восхищение или, во всяком случае, сочувствие герою, не желающему смириться с разладом между мечтой и действительностью, заставляет романтиков и неоромантиков переосмыслить миф. Однако главным для всех была романтическая реабилитация героя-бунтаря, идеалиста, демонической личности. При этом опера Моцарта и новелла Гофмана для всех имела принципиальное значение, в то время как национальное мировидение, различное у англичанина Байрона, французов Бодлера и Вилье де Лиль-Адана, австрийца Ленуа, русского А.К.Толстого, испанцев Эспронседы и Соррилы, — второстепенное. Вряд ли поэтому можно согласиться с Маэсту, категорически утверждающим, что Дон Жуан народов Севера, а заодно и Италии, с одной стороны, и Испании с другой — два совершенно различных героя (см. — *Maestru* 1972: 72-74). Первый Дон Жуан — влюбленный, ищущий в женщине идеал. Второй Дон Жуан — циничный и лишенный идеалов насмешник, который ловит миг удачи. Не говоря уже о разноголосице в разноязычном хоре Дон Жуанов, мы не обнаружим общей картины и в Испании. Если в предложенную им картину

вписываются саламанкский студент Эспронседы и Дон Хуан Тенорио Соррилья, то Дон Жуаны его современников — Валье-Инклана, М.Мачадо, Унамуно, — сентиментальные, раскаявшиеся, страдающие, ей не отвечают.

Как бы стараясь не потеряться в пестрой толпе романтических Дон Жуанов, миф поворачивается все новыми гранями. Так, противостояние ничем, в сущности, не примечательного, однако умеющего вселять в сердца любовь героя и ограниченного, обуреваемого мелкими страстями общества пронизывает замысел Байрона.

Ленау в судьбе севильского обольстителя увидел извечный трагизм человеческого существования. Для его героя жизнь теряет смысл, который заключен для него в любви, а она неизменно убывает. Отчаявшись найти женщину, которая воплотила бы вечно женственное начало, герой австрийского поэта устремляется к смерти и гибнет от руки противника. Для некоторых Дон Жуанов XIX века, многими нитями связанных с оперой Моцарта, любовь сродни музыкальным импровизациям, вариациям на заданную тему. Каждая новая вариация радует больше, чем та, которую он уже слышал. Каждая новая девушка привлекательнее той, которую он уже познал.

Мужская красота — значимый элемент культуры добуржуазной. В буржуазной системе ценностей она перестает играть особую роль. На смену ей приходит респектабельная внешность, а красота ныне требуется лишь от женщины. Поэтому в романтическом кодексе добродетелей и красота героя — а значит, и миф о Дон Жуане — является элементом значимым, антибуржуазным. Она уже знак бунтарства против этических установлений и общепризнанного правопорядка. Поэтому в XIX веке уже сама внешность Дон Жуана была вызовом и бунтом и придавала ему тем самым еще большую привлекательность.

«Русская» судьба мифа о Дон Жуане не менее увлекательна, чем западноевропейская, хотя значительно менее изучена. Мало кому известно, что уже в петровскую эпоху одна из драматургических версий легенды о севильском обольстителе, пьеса де Вилье в русской переделке «Дон-Ян и Дон-Педр» ставилась на русской сцене. Поскольку лицедейство только входило в моду, можно себе представить, с каким душевным трепетом наши предки слушали обращенные к герою, но одновременно и к ним, зрителям, слова командора: «Не довольно ли, небесную милость приняв, узнать, или ты достоин еси в пучину адаву ввержен быти?» Впрочем, впоследствии в отношении к легенде о севильском обольстителе русская цензура, не слишком поощряя ее распространение, была весьма зорка и

даже «Души чистилища» (1834) Мериме долгое время находились под цензурным запретом и впервые были изданы лишь в 1897 году.

Одна из самых ярких в мировой культуре интерпретаций мифа о Дон Жуане принадлежит перу Пушкина. В пушкинском «Каменном госте» перед нами не привычный искатель приключений, который проходит по жизни, «со всех цветов собирая аромат», но человек, одаренный талантом любви, мужества, поэзии, ума. Пушкин, по мнению Бунина, своим «Каменным гостем» хотел сказать, что вполне возможны люди, смысл жизни и счастье которых заключены в любви и только в любви, однако вовсе не в «возвышенной» любви и, уж конечно, не в любви к ближнему. Этот тип был настолько близок Пушкину, считает Бунин, что ему не нужно было даже, подобно Альфреду де Мюссе, признаваться в своей любви к этому его Дон Жуану³.

При всем своеобразии пушкинской трактовки, она восстанавливает некоторые фабульные узлы как пьесы Тирсо (несмотря на то, что Пушкину она была неизвестна) — не только заглавие, но и выходящий на первый план мотив расплаты, — так и Книдского мифа древнейших языческих преданий о мстящей статуе. То, что нередко воспринималось как особая дерзость и рискованность пушкинского замысла, свидетельство особой извращенности его героя — приглашение Дон Гуаном командора, превращенного Пушкиным из отца в мужа донны Анны, позволяет ввести в пьесу мотив мести из ревности, коль скоро статуя разъединяет влюбленных.

Пушкин не случайно писал, что в «Маленьких трагедиях» не будет любовной пружины. В сущности, как это ни парадоксально, не любовная интрига лежит в основе и «Каменного гостя», обогащенного, на мой взгляд, фаустовской темой. Встреча Дон Жуана и Фауста в романтическую эпоху в одном сюжете — это вторая по значимости для развития мифа встреча после пересечения, контаминации двух легенд в замысле Тирсо. Сальвадор де Мадариага, определяя контуры и роль мировых образов в развитии европейской цивилизации, как-то сказал, что Фауст и Дон Жуан оказались символами двух путей — интеллектуального и эротического, — на которых европеец мог реализовать себя (*Madariaga* 1946: 10). В эпоху романтизма появились произведения, например, стихотворная трагедия Христиана Дитриха Граббе «Дон Жуан и Фауст», в которых оба героя сведены в едином сюжете. Однако философский смысл введения Пушкиным в миф о Дон Жуане фаустовской темы значительно глубже. В судьбу Дон Гуана вторгается Рок именно в ту минуту, когда он, в сущности, говорит: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно», когда он наконец-то обретает гармонию

и полноту счастья, но изменяет донжуанскому принципу, суть которого — вечное движение.

По наущению дьявола Дон Жуан А. К. Толстого обуреваем жадной идеала, который всегда оказывается обманчивым. Миражи идеала, иллюзия совершенства, «любви обманчивая тень» — вот его крестный путь.

На русской почве произошла также встреча в одном персонаже, в Райском, герое романа Гончарова «Обрыв», Дон Жуана и Дон Кихота. Вспомним разговор между Райским и Аяновым в начале романа: «А ты был и Дон Жуан, и Дон Кихот вместе. Вот умудрился. Я не удивлюсь, если ты наденешь рясу и начнешь вдруг проповедовать». Из ответа Райского явствует, что он мыслит себя проповедником красоты. Так возникает образ, сочетающий в себе стремление к идеалу, к красоте и проповедническую деятельность.

К концу XIX века над писателями, обращавшимися к легенде о Дон Жуане, перестает довлеть авторитет романтических, особенно гофмановской — интерпретаций мифа. При всей разноголосице прочтений и замыслов можно все же отметить два основных русла, по которым развивается ныне донжуанская тема: курьезных переосмыслений и философско-психологических истолкований.

Новелла Б. Шоу «Дон Жуан объясняет» (1887) открывает серию парадоксальных версий, переосмысливающих в неожиданном ключе всю подоплеку конфликта героя с обществом. В них предлагается как бы ревизия легенды, восстановление истины, вольно (или невольно — как у Шоу) искаженной молвой и толкователями. Впрочем, еще Киркегор писал о замечательном эффекте, который таит в себе история о Дон Жуане — хвастуне, вообразившем, что он обольстил всех девушек на свете, и о его доверчивом слуге, слушающем эти байки. «Дон Жуаном поневоле» предстает герой Шоу. Это деромантизированная история о горестной судьбе ничем не примечательного человека, ставшего невольно объектом домогательств женщин. Его «донжуанский» список — плод воображения его слуги, слышавших о нем женщины и последующих поколений. Давая собственное объяснение своей судьбы, Дон Жуан Шоу предлагает бытовое, приземленное толкование всех «легендарных» эпизодов его биографии. Маркиз де Брадомин из «Сонат» Рамона дель Валье-Инклана, наследник по прямой Дон Жуана — «католик, некрасивый и сентиментальный». В рассказе венгерского писателя Мештерхази «Дон Жуан, или Истина» (1952) севильский насмешник предстает активным деятелем Ренессанса, решительным, гуманным и честным, участником Реконкисты, в трудную минуту поддержавшим Колумба и

вующим в первой экспедиции в Америку. Легенда о нем как о развратнике и святотатце — на совести ненавидевшей его инквизиции, равно как и его убийство, которое она окутала флером возмездия потусторонних сил. Исходя из вечно продуктивного (была бы фантазия и художественное чутье) принципа «если тебе дают тетрадь и линейку, пиши поперек», Чапек создает версию об импотентстве Дон Жуана, вынужденного каждый раз убегать от женщин в кульминационный момент своего торжества.

Меньше игры ума, однако больше философской глубины в «Дон Жуане» (1922) Б.Зайцева, пронизанном современным мироощущением. В своей трактовке донжуанского мифа Зайцев развивает идею трех сил, извечно притягивающих человека, трех понятий и трех слов, воплощающих в себе женское начало: Любовь-Жизнь-Смерть. Анна символизирует земную жизнь, земную любовь. Клара (светлая — вспомним «деву света» в «Шагах командора» Блока) — веру, религию, жизнь вечную. И наконец, Смерть — последняя женщина, поджидающая каждого из Дон Жуанов в конце его жизненного пути. Ко всем трем его неодолимо влечет, и тем самым каждой он изменяет с двумя другими. Пожалуй, лишь одной женщине, которая так и не появляется в «кадре», он не изменяет, как не изменяет ни один из Дон Жуанов, — своей Судьбе. Зайцев был не одинок в попытке подвергнуть миф философской и символической интерпретации. Еще у Мольера Смерть появляется в образе женщины под вуалью, а потом призрак меняет облик и предстает в образе Времени с косою в руках. Смерть как последняя любовь Дон Жуана появляется в цветаевском цикле. В пьесе Мигеля де Унамуно «Брат Хуан, или Мир есть театр» герой уходит в конце концов в монастырь, чтобы дожидаться там соединения с единственной возлюбленной, к которой, решает он, стоит стремиться, — Смертью. Впрочем, не будет, по-видимому, преувеличением сказать, что всегда Дон Жуан играет со Смертью. Но и она играет с ним. Он — обольщаемый обольститель. Миф о Дон Жуане по сути своей — это трагический поединок вечных любовников.

Грегорио Мараньон, испанский критик, получивший медицинское образование, как-то заявил, вызвав на себя огонь патристически настроенных соотечественников, что в образе Дон Жуана нет решительно ничего испанского, поскольку психологическая и физиологическая подоплека его поведения универсальна (*Marañon* 1976: 86–87, 113). Тем самым он на научном уровне подтвердил тот фат, что Дон Жуан давно уже воспринимался исключительно как тип своеобразного миссионера любви и подвижника сладострастия. Образ богохульника

и святотатца все менее интересовал людей, и карающая каменная десница все реже появлялась на страницах книг и театральных подмостках. Все это так. Однако талантливый литератор, которому врач-эндокринолог подсказал немало тонких наблюдений, смешивает здесь два понятия: донжуанство как бытовое поведение и донжуанство как культурное явление. Первое, конечно же, универсально. Именно эта универсальность и позволила мифу, сформировавшемуся на испанской почве, возникшему на пересечении двух старых легенд, быстро приобрести интернациональное значение и стать культурным явлением мирового значения. Между тем сама по себе постановка вопроса о психологической подоплеке мифа, во всяком случае той его грани, которая представляет Дон Жуана как цыгана и Вечного Жида любви, вполне оправдана. Легенда позволила заглянуть не в один тайник психологии человека.

Донжуанство сродни страсти накопителя, с одной стороны, и азарту охотника — с другой. Подобно первому, как Скупой Рыцарь Пушкина, Гобсек Бальзака, севильский обольститель всецело поглощен стремлением ловить «золотые» мгновения. Подобно второму, он не столько озабочен результатом и тем более не каждым конкретным приобретением, сколько неповторимостью, уникальностью и захватывающей непредсказуемостью самого процесса.

Немало метких суждений о донжуанстве находим мы в эссеистике одного из самых крупных философов XX века Хосе Ортеги-и-Гассета. «Самое большое заблуждение, — читаем, например, в его «Этюдах о любви», — в которое можно впасть, — это искать сходства с Дон Жуаном в мужчинах, которые всю жизнь домогаются женской любви. В лучшем случае так будет определен пошлый и вульгарный тип Дон Жуана, однако куда вероятнее, что эти наблюдения выведут нас на совсем иной человеческий тип. Что, если, желая дать определение поэту, мы сосредоточим внимание на плохих поэтах? Коль скоро плохой поэт — не поэт, ничего, кроме бесплодных потуг, усердия, бешеной активности и рвения, мы в нем не обнаружим. Плохой поэт компенсирует отсутствие вдохновения привлекающей внимание мишурой: шевелюрой и экстравагантными галстуками. Точно так же Дон Жуан — труженик, который ежедневно подвизается на ниве любви, этот Дон Жуан, как две капли воды «похожий» на Дон Жуана, в действительности лишь его отрицание и его оболочка». Поэтому, когда Бальмонт утверждает, что жажда любви, а по существу влюбчивость, пусть даже и «высшая», выдает натуру Дон Жуана, он сам выдает желаемое за действительное. Прав скорее Ортега-и-Гассет. Классический — назовем его так — Дон Жуан не влюбляется, а влюбляет

в себя. Магия собственной интерпретации заставляет Бальмонта утверждать, что влюбляется даже севильский насмешник Тирсо: «Дон Жуан влюблен в герцогиню Изабеллу». Безукоризненно точен в этом смысле изящный рассказ Барбе д'Оревильи. Самой прекрасной своей любовью герой его новеллы счел самую сильную любовь, которую ему удалось, помимо воли, вызвать в душе тринадцатилетней девочки.

Стихотворение Рильке «Выбор Дон Жуана» (1908) воспринимается как поэтическое раскрытие одного замечания, мельком брошенного Киркегором: «Дон Жуан не просто удачлив с девушками, он дарит им счастье и несчастье, но, как ни странно, они сами этого хотят, и плоха та девушка, которая не согласилась бы от всей души стать несчастной за право хотя бы однажды насладиться счастьем с Дон Жуаном».

При равнодушии к женщинам большей части Дон Жуанов мировой литературы, за исключением некоторых романтических версий, одни из них ведут себя как охотники за женщинами (герои Тирсо, Мериме, Эспронседы), другие позволяют женщинам себя обожать (герои Байрона, Шоу, Валье-Инклана). По существу, интерес Дон Жуана к женщине аналогичен интересу подростка. И в этом смысле он не хочет становиться взрослым с его правилами, обязательствами и запретами. Он вечно молод и стихийно естественен. Собственно говоря, самоуверенный подросток и есть идеальный Дон Жуан в бытовом, обыденном понимании этого слова. Герой романа Эдуарда Лимонова «...У нас была великая эпоха» вспоминал: «Среди малышни встречались самоуверенные Дон Жуаны, прямоком направляющиеся к понравившейся девочке и хватающие ее тут же за щеку или даже зад, не говоря ни слова». Дон Жуана классического, максимально приближенного к архетипу, интересует безымянная, безликая, всякая, любая женщина. Точно так же и сам он безлик и безымянен: Жуан, Хуан, Жан, Ян, Иван². Безымянный мужчина, охотящийся за женщинами, которые, по правилам этой охоты, — безымянны. Однако вернемся к донжуанству как культурному явлению.

Л. Е. Пинский предложил следующую классификацию мировых образов: те, которые, сохраняя в целом пространственно-временные координаты мифа, дают возможность построить на их основе «сюжет-фабулу» и те, которые в каждом случае оформляются по более зыбким и прихотливым законам «сюжета-ситуации». К первым относятся образы Фауста и Дон Жуана, ко вторым — Гамлета и Дон Кихота. «Это общая бутафория, старинный арсенал поэзии, — тут ничего не может сделать и гений», — писал о донжуановском «сюжете-фабуле» Бунин. В целом концепция Пинского чрезвычайно продуктивна и верна.

Однако, как любая схема, она корректируется беспокойным и своенравным литературным материалом, как в случае с «ситуациями», так и в случае с «фабулами». Разговор о единой фабуле сомнителен не только в связи с «Сонатами» Валье-Инклана, но и в случае с «Саламанкским студентом» Эспронседы, «Дон Жуаном» Байрона или Зайцева.

По существу, бесчисленные повествования о мужчинах, посвятивших себя погоне за плотскими радостями, не имеют никакого отношения не только к донжуанской «фабуле», но и к донжуанской «ситуации». Однако если уж речь заходит о «ситуации», то, пожалуй, своеволие Дон Жуана более всего сродни своеволию некоторых героев Достоевского. В мифе о Дон Жуане заложена главная христианская тема Достоевского: если Бога нет, то все дозволено. С предельной ясностью она выражена героями-сладострастниками — Свидригайловым, Ставрогиним. В подготовительных материалах к «Бесам» Ставрогин прямо назван Дон Жуаном: «Скептик и Дон Жуан, но только с отчаяния» (*Достоевский* 1974: 118). С Дон Жуаном его роднит неверие, скептицизм, мужество, красота, невероятная жизненная сила, делающая покорными ему не только женщин, но и мужчин, его неспособность к любви, его извращенность. Любопытно, что при всей ситуационной соотнесенности сюжетов, подчас дает о себе знать и «фабульная» память: подобно севильскому насмешнику, ухватившему из озорства командора за бороду, Ставрогин однажды в клубе сделал «невозможную дерзость»: ухватил за нос одного из почтеннейших старшин клуба и два-три шага протянул его за собой по залу. Пожалуй, образ Ставрогина — самая крупная фигура в истории бытования в новое время мифа о Дон Жуане, понятого как «сюжет-ситуация». Подобно тому, как образ князя Мышкина стал самым глубоким воплощением идеи донкихотства.

Миф о Дон Жуане — миф, рожденный христианской цивилизацией. Достоевский придал второе дыхание его глубинной сути, а не поверхностной эротической интриге. Хотя последняя непременно присутствует как в старинной легенде, так и в современной ее трактовке: Ставрогин совратил девочку. «Не веря ничему, ничем не сдержан, // Моим страстям я отпущу бразды», — провозглашает Дон Жуан А. К. Толстого. В этих словах заключена философия тех героев Достоевского, которые, утратив веру в Бога, поняли свое трагическое одиночество в мире как вседозволенность. Не случайно экзистенциальность Дон Жуана была подмечена Альбером Камю, настаивавшем на экзистенциальности и героев Достоевского. Поведение Дон Жуана — это поведение человека, пытающегося в угаре любо-

вного гона заставить себя забыть о бессмысленности жизни. Она для него бессмысленна, ибо он утратил веру.

Возрождаясь во все новых версиях, в которых он, как правило, гибнет, чтобы потом вновь возродиться, Дон Жуан становится в памяти человечества неким Адонисом, древнегреческим богом, умирающим и вновь рождающимся, любимцем женщин, олицетворяющим производительные силы природы. В столь полюбившемся людям мифе о Дон Жуане воплощена идея вечного возвращения скитающегося по земле во времени и пространстве испанского повесы, некогда убитого в Севилье то ли статуей, то ли монахами, появляющегося то в Буэнос-Айресе, то где-то на севере в лачуге рыбака («Дует ветер из Севильи // В Ледовитый океан...»). Цветаева переносит мотив вечного возвращения и на подругу Дон Жуана. «После стольких роз, городов и тостов — // Ах, ужель не лень // Вам любить меня? Вы — почти что остов, // Я — почти что тень». Он для Цветаевой — и Казанова. Она — и Клеопатра, и Кармен, и Ева.

Вечные возвращения на новом витке позволяют обогащать «вернувшегося» всем духовным опытом человечества, накопленным за время отсутствия. Так, повеса испанского романса, ускользнувший от расплаты благодаря заступничеству святых, спустя несколько веков, совсем старым, снова встречается в поэме Давида Самойлова с глазу на глаз с Черепом, который уводит его наконец с собой. Однако это уже другой герой — любовник, философ, защитник и избранник грешной жизни, отдавший ей себя без остатка и ни о чем не жалеющий, убежденный в своей правоте, хотя и сломленный годами и брошенный женщинами.

Рано, по-видимому, считать легенду о Дон Жуане фактом истории. Вначале возмездие, лежащее в основе мифа, воспринималось как праведное, позднее — подчас как агония старого мира, бессильного остановить ход истории, способного лишь наказать для острастки идеолога своеволия, слишком вызывающе гарцующего перед оплотом старой морали. Однако прошли столетия, и для Хлебникова уже старый мир — это погрязший в грехах Дон Жуан, а сам он статуя Командора, явившаяся вместе с другими Председателями Земного Шара, чтобы покарать его в лице Временного правительства.

Важнейшую, хотя и сугубо художественную задачу помогла решить Блоку в «Шагах командора» старая испанская легенда о севильском обольстителе. Как доказал Вяч. Вс. Иванов, Блок совершил здесь необходимое для русской поэзии открытие, заговорив на традиционном языке европейской культуры о своем уникальном лирическом опыте. Это открытие он завещал Мандельштаму, Ахматовой, Бродскому.

Притягательность образа Дон Жуана не только и даже, думаю, не столько в его «эротической» специфике, сколько в стремлении героя жить по-своему, желании плыть против течения. Дон Жуан — естественный человек, живущий как ему подсказывает инстинкт, лишенный предрассудков, предубеждений, иллюзий, конформизма, не желающий играть роль и разучивать правила игры. Человека всегда, как запретный плод, влекла эта возможность, но она же пугала и отталкивала.

Бессмертие мировых образов в том, что они *одновременно* вызывают симпатию и внутренний протест. Вечные загадки человеческой природы, тайна человеческого предназначения — и попытки разгадать их сквозь призму этих не поддающихся однозначной оценке образов: Дон Жуан пытается выработать свою мораль, нарушая общечеловеческую; Дон Кихот хочет помогать людям, не нуждающимся в его помощи; Фауст стремится к недостижимому — любой ценой. Не случайно истоки конфликта во всех этих мифах уходят в толщу народного мировидения.

Универсальность и бессмертие образа Дон Жуана, как и других мировых образов, в неразрешимости вечного спора, в него заложенного. «Я — радугой пронизанный туман», — сказал один из многочисленных Дон Жуанов. Поэтому все, кто прикасался к мифу, интуитивно или сознательно полемизировали со своими предшественниками, тем самым не отменяя друг друга, а обогащая миф, расширяя его границы либо углубляя, насыщая новыми гранями и оттенками. Что лучше: своеволие или народная мудрость? Свобода или закоснелые догмы? И прежде всего в миф о Дон Жуане заложен вечный спор между коллективной моралью — основой общечеловеческой нравственности и сокровищницей общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и личной моралью — стремлением человека к неизвестному, основой, источником развития человека, его истории и культуры, главным гарантом перемен и обновления — с другой.

И снова оживает каменная статуя, и снова утащит с собой жизнелюбивого насмешника. И снова Дон Жуан, бросающий вызов то ли ханже и обывателю, то ли вообще своему ближнему, и снова расплата, маячащая где-то впереди.

Примечания

¹ Подробнее см. — *Багно* 1990: 283–291.

² Статья Бунина «Русский Дон Жуан» была опубликована в 1951 году в испанском переводе в сборнике «*Alma de España*», изданном в Мадриде. Недавно М. Н. Алексеевой посчастливилось обнаружить в Испании в семейном архиве русский оригинал значительной части

этой неизвестной бунинской статьи (на русском языке статья впервые опубликована: Русская литература. 1992. № 4. С.184– 192).

³ Что же касается трех вариантов имени героя — Жуан, Хуан и Гуан, встречающихся в литературе, — то первое из них соответствует давней русской традиции и обязано французской литературе-посреднику (подобно тому, как в нашем сознании с легкой «французской» руки укоренился Дон Кихот наперекор фонетическим правилам испанского языка, требующим произношения конечного «е» — «Дон Кихоте»), второе отвечает испанскому произношению и третье представляет собой компромиссный вариант, предложенный Пушкиным.

Библиография

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 тт. М., 1985. Т. 3.

Багно 1990 — Багно В. К вопросу о контаминации легенд об оскорблении черепа и о бабьем насмешнике: (Легенда о Дон Жуане и былины о Василии Буслаеве и Алеше Поповиче) // *Res Philologica: Филологические исследования*. М.; Л., 1990. С. 283– 291.

Бальмонт 1903 — Бальмонт К. Д. Тип Дон Жуана в мировой литературе // *Мир искусства*. 1903. № 5– 6 С. 277.

Достоевский 1974 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Л., 1974. Т. 11.

Шульц 1985 — Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München, 1985.

Cruickshank 1981 — Cruickshank D. W. The first edition of El burlador de Sevilla // *Hispanic Review*. 1981. Vol. 49. P. 443– 467.

Madariaga 1946 — Madariaga S., de. Don Juan as a European Figure. Nottingham, 1946.

Maestu 1972 — Maestu R., de. Don Quijote, Don Juan y la Celestina: Ensayos en sinpatía. Madrid, 1972.

Marañon 1976 — Marañon G. Don Juan: Ensayos sobre el origen de la legenda. Madrid, 1976.

Робин Айзлвуд
Лондон

Хармс и Друскин: к постановке вопроса

Поскольку в прошлые годы большое внимание уделялось ОБЭРИУ, его поэтике и месту Хармса в этом контексте, то сейчас становится все более ясным, что проблема истории, поэтики и образа мыслей Чинарей не менее, а, возможно, даже более важна для понимания жизни и творчества писателя. Между двумя аспектами проблемы — ОБЭРИУ и Чинари — есть параллели и совпадения, но есть различия и расхождения¹. Одним из последствий рассмотрения творчества Хармса в контексте Чинарей станет то, что религиозные и философские линии его жизни и творчества будут более определенно сфокусированы. Впоследствии исследование отношений между двумя направлениями должно высветить каждое из них и в отдельности и как композиционное целое².

Безусловно, есть основания предпочесть контекст Чинарей, так как это объединение (или товарищество) возникло раньше ОБЭРИУ и продолжало существовать в 1930-е гг. Время существования Чинарей простирается, однако, далее 1930-х годов, т. е. далее исторического существования группы, так как их мысли и сочинения имели активного продолжателя в лице Я. Друскина, который в течение почти сорока лет после смерти Хармса в 1942 г. был единственным оставшимся в живых членом объединения. Один из постоянных мотивов Друскина — «внутренняя творческая связь» между Чинарями, «проникновение одного в мир другого» (Друскин 1985а: 389, 401), и это явление приобретает дополнительное измерение, когда Друскин, продолжая свое (их) творчество, становится в то же время хранителем и главным интерпретатором их наследия. Поэтому рассмотрение творчества Хармса в контексте Чинарей может вестись не только в современном, но и ретроспективном плане³. Возможно, в связи с этим, определенный смысл может иметь известное понятие Чинарей «обратная перспектива». Для

самого Друскина мотив перспективы был постоянным и в эссе «Сон и явь» простирался и возвращался от 1963 к 1928 г. (Друскин 1988: 19–22). Что касается его основополагающей роли в исследовании и интерпретации творчества других Чинарей, то достаточно указать, например, на многочисленные выдержки из его «Звезды бессмыслицы», включенные М. Мейлахом в примечания и комментарии к изданию А. Введенского (Введенский 1993). В свою очередь, изучение проблемы интерпретации Друскиным Введенского и Хармса является задачей будущего, и ее решение внесет весомый вклад в осмысление поэтики и философии Чинарей в целом, в уяснение их взаимосвязей. В «Стадиях понимания» Друскин обрисовывает последние в качестве развития от индивидуального творчества (как у Введенского) к творчеству автора как целого и затем развивает мысль о взаимосвязанности объединения пятерых Чинарей (Друскина, Л. Липавского, А. Введенского, Хармса и Н. Олейникова) (Друскин 1985б: 405–413).

Моя цель, однако, более узка: обратить внимание на проблему и в общих чертах определить некоторые параллели, которые могут быть проведены между сочинениями Хармса и многолетним религиозно-философским творчеством Друскина⁴. Значение этих параллелей будет двунаправленно: Хармс поясняет Друскина и Друскин поясняет Хармса. Эти отношения могут быть представлены в виде диалога, реконструированного продолжения диалога между ними, где последний сам является частью диалога между Чинарями в целом. Как известно, такой диалог или «беседа» был неотъемлемой частью их поэтики, мыслей и судеб. У Хармса и Друскина диалог иногда принимает форму текста в письмах. Так, Друскин замечает, что за его «литературно-философскими» размышлениями в виде писем Хармсу, которые условно названы: «Как меня покинули вестники», последовал рассказ в письмах «Как меня посетили вестники», и указывает на это как на пример творческого взаимопроникновения мысли у Чинарей (Друскин 1985а: 401; см. также — Jaccard 1991: 148–150)⁵. Реконструкция диалога между Хармсом и Друскиным имеет два плана: реконструкция самого Друскина сознательная и неосознанная⁶ — и реконструкция со стороны читателя и исследователя. Но в связи с этим кажущаяся бессмыслица в начале хармсовской «Связи», адресованной Друскину, может быть преодолена: «Философ! Пишу Вам в ответ на Ваше письмо, которое Вы собираетесь написать мне в ответ на мое письмо, которое я написал Вам» (Хармс 1988: 500).

Другим важным аспектом изучения параллелей между Хармсом и Друскиным является определение совпадений и разли-

чий дискурсов и тем обоих: литературных, документальных, религиозных, философских и т. д. Друскин сам называет некоторые из своих сочинений «философско-поэтическими» или «литературно-философскими» (Друскин 1985а: 392, 401), и в работах о Хармсе часто говорится о философской окраске его творчества. Это может создать теоретическую или методологическую проблему для исследователя, причем, не только в смысле описания объекта исследования. Так, номер журнала «Логос», который предполагалось посвятить «философским аспектам творчества обэриутов», не был осуществлен в том виде, как планировался редакцией, но лишь ограничился постановкой проблемы: «в процессе подготовки номера мы обнаружили, что филологи не имеют средств, чтобы идентифицировать философию у обэриутов, а философы не имеют желания этим заниматься (Аноним 1993: 6).

Возможности двунаправленного толкования прекрасно иллюстрируются сопоставлением хармсовской «Голубой тетради № 10» с выдержкой из «Чинарей» Друскина.

В рассказе Хармса совершается разрушение «рыжего человека» до степени физического небытия: «Ничего у него не было. Так что непонятно, о ком идет речь» (Хармс 1988: 353). В «Чинарях» Друскин пишет о себе следующее: «О себе неудобно говорить, поэтому скажу кратко: меня интересует последнее разделение. Вот что я понимаю под этим: я остался один. Но здесь я должен внести поправку: говоря «я», я имею в виду не себя, а всякого: всякий, подумав, скажет: я один, я перед Богом, я и Бог. Но опять я должен внести поправку: я имел в виду именно себя, а не всякого, я даже не понимаю, что значит — всякий, не знаю даже, есть ли другой, рассуждая, я его не вижу. Не другой, а именно я, причем сейчас, остался один. Не потому, что у меня мало знакомых. Я один потому, что нет внешнего понимания: я ничего не понимаю. Это не значит, что нет внутреннего понимания, то есть, что никто никого не понимает. Но чтобы было действительное внутреннее понимание, а не лицемерие, раньше должно быть полное непонимание, я должен остаться один: я и Бог. Сказав же это, я вижу: не я, но Бог, меня уже нет. Но как я могу сказать — меня нет?! И снова повторяю меня нет; первая часть предложения отрицает вторую, но обе правильны. Я называю это последним разделением: разделен я сам, я сам наблюдаю свое отсутствие и не понимаю этого. Но только через это непонимание можно прийти к внутреннему пониманию, некоторое непонимание и есть понимание, остальное же лицемерие» (Друскин 1985: 393).

По жанру эти тексты весьма различаются. «Голубая тетрадь № 10» открывает цикл «Случаев» и является наиболее популяр-

ным примером хармсовского «антирассказа», текста, который пародирует и деконструирует жанр рассказа как таковой. Друскин же предлагает краткую характеристику самого себя и своих интересов как часть сочинения, посвященного чинарям в целом. Но перекличка обоих текстов лежит в области гносеологических и онтологических вопросов, воплощающихся в развитии от отсутствия или от ничто («Ничего у него не было») через непонимание («непонятно») к познанию по ту сторону разума и к тому «внутреннему пониманию», которое ведет к ноуменальному миру духа и Бога (см. также — *Aizlewood* 1991: 106–107; *Carrick* 1994: 622–643).

Эта параллель типична для многих отдельных мотивов у Хармса и Друскина: мотив, встречающийся в конкретных, даже банальных (но типично абсурдных) формах в рассказах Хармса, повторяется в религиозно-философском виде у Друскина. Это мотив сна и пробуждения, видения-невидения, обнаженности, падения и др.

Так, можно связать рассказ «Оптический обман», где Семен Семенович поочередно то видит, то не видит крестьянина на сосне, с центральной темой Друскина — темой «видения-невидения» (так названа и одна из его поздних работ), которая касается фундаментальных вопросов знания и веры. Параллель эта может показаться весьма отдаленной, но не следует ее игнорировать; последнее предложение короткого рассказа Хармса таково, «Семен Семенович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом» (*Хармс* 1988: 359; выделено мною — *Р. А.*). Мотив обнаженности встречается и в прозе Хармса, например, в «Феде Давидовиче», и в сочинениях Друскина, где этот мотив ведет к постановке вопроса о грехе, падении и отношениях человека с Богом. Обнаженность также можно назвать темой, повторяющейся в интерпретации Хармса Друскиным. Например, он так говорит о шутливости Хармса: «Это было только другой стороной ноуменального бесстыдства, то есть именно не цинического, — обнажения перед Богом» (*Друскин* 1985: 386). С другой стороны, он, выдвигая тему обнаженности, уподобляет Хармса мальчику из рассказа Г. Х. Андерсена, который не боится указать на обнаженность короля (*Друскин* 1985: 384). Похожая, но более отдаленная параллель существует между повторяющимся мотивом падения у Хармса в «Упадании», «Вываливающихся старухах» и в некоторых других произведениях, с темами падения, греха, смысла/абсурда и отношения человека к Богу, которые занимают столь важное место в творчестве Друскина⁷. Все эти только бегло упомянутые мотивы могут быть обнаружены более или менее рельефно в «Старухе», и из всех произведений

Хармса именно «Старуха» представляет самые широкие и полные параллели с Друскиным. Процесс пояснения, как и прежде, двунаправлен. При сопоставлении Хармса с Друскиным, особенно с многочисленными последующими его сочинениями, явно заметно центральное место «Старухи» как в собственно хармсовском творчестве, так и в контексте творчества Друскина.

Прочтение «Старухи» возможно в нескольких планах: документальном, литературном, фантастическом и на самом глубоком уровне — как религиозно-философский поиск и борьба — за веру. На этом наиболее общем уровне имеется соприкосновение с подобными вопросами, которые становятся доминирующими и в произведениях Друскина. В своем пространном исследовании греха, падения и веры Друскин вводит понятие «вины без вины» в качестве центрального: «Пока Адам и Ева не знали своей наготы, у них не было и свободы воли: ни мнимой свободы воли, ни абсолютной свободы; была только одна воля Божия, они подчинялись ей, даже не зная, что подчиняются ей. До свободы выбора не могло быть и свободы выбора. Поэтому они не виноваты, что пали. Бог дал им свободу выбора, навязал им свободу выбора — это и было грехопадением. В грехопадении Бог наложил на Адама — на всех нас, на меня — вину за грех, в котором Адам, мы, я не виноваты. Но как только Он наложил на меня эту вину без вины — свободу выбора, я уже действительно стал виноват: не потому, что я охотно воспользовался навязанной мне свободой выбора, все время пользуясь ею и уже не могу не пользоваться ею, но потому, что Бог наложил эту вину на меня, я уже виноват: реально ноуменально виноват. Наложив на меня вину без вины, Бог сказал мне: ты грешник. И как только Бог сказал мне: ты грешник, я уже действительно, добровольно и свободно — грешник и, услышав голос Бога, бегу от него» (Друскин 1988: 126–127).

«И вот мне кажется, что так же, как я не могу оправдаться своими силами, но только одной верой получаю не свою, а Божью праведность, так же и вину за мою греховность, в которой я не виноват, Бог наложил на меня, чтобы открылись у меня глаза. Поэтому практически сознание моего греха совпадает с сознанием моей греховности и также вина за мой грех и вина за мою греховность. Возложение вины за мою греховность, в которой я не виноват, и есть гнев Божий, и это же мой бунт против Бога. В гневе Божиим обнаруживается Его милосердие, если я в сокрушении духа и смирении сердца (Исайя) сознаю вину и за мой грех, и за мою греховность, то есть беру на себя добровольно и ту вину, в которой я не виноват, то Он берет на Себя мою вину, и глаза у меня открываются — это уже

второе пробуждение — вера» (Друскин 1993а: 210; см. также: Друскин 1988).

«И пассивно не видящий свою вину, и активно не видящий могут быть одинаково грешны и виноваты, но невидение первого не вменяется ему в вину, а невидение второго вменяется. Грех это несоответствие моей сотворенности и конечности бесконечной ответственности, возложенной на меня Богом, и вина греха — сама эта бесконечная ответственность, превосходящая мои конечные силы. В пассивном невидении своей вины я не знаю возложенной на меня ответственности. В активном же невидении я отвергаю ее: прямо или непрямо, в сознательном или бессознательном лицемерии, в самодовольстве или самооправдывании, явно или неявно проявляется самоутверждение, своеволие, восстание против Бога» (Друскин 1988: 267).

«В своей вине без вины, в видении своего невидения я нахожу свою ноуменальную сущность, мое призвание и предназначение: «Итак будьте святы, потому что Я свят», говорит Господь (Лев. 11 : 45)» (Друскин 1988: 271).

В «Старухе» герой-рассказчик, вынужденно попадающий в затруднительное положение с чемоданом, где лежит мертвая старуха и, казалось бы, не несущий за это ответственности, становится исследователем пути к вере через «вину без вины»⁸. По словам Друскина, цитируемым выше: «В своей вине без вины, в видении своего невидения я нахожу свою ноуменальную сущность». Интертекстуально тема усиливается через сцепление повести с Петербургским текстом русской литературы, в частности, с «Пиковой дамой» и «Преступлением и наказанием», а также с темой ответственности каждого у Достоевского в «Братьях Карамазовых». В рассматриваемой повести герою хотелось бы не замечать старуху, но она раскалывает его жизнь на бытовом уровне и выводит затем на более сущностный уровень бытия. В плане действий это заключается в постепенном выходе из автоматического состояния в начале повести к окончательному решению взять на себя груз (даже если только с целью освободиться от него), что принимает буквальную форму помещения старухи в чемодан и вынесения ее из дому. В ноуменальном плане это заключается в преодолении первоначального состояния слепоты, пустоты, безразличия и праздных мыслей, которые Друскин называл «игнавией» и описывал следующим образом: «Может, игнавия — от перегруженности и невозможности освободиться? Невозможность освободиться, потому что я не вижу и не понимаю того, что во мне. И надо сделать невероятное, невозможное усилие, чтобы найти, прорвать замыкающую меня преграду. Эта преграда — мой грех.

Может, игнавия оттого, что я не желаю, а желаю желать Бога — и то, как я желаю желать Его» (*Друскин* 1988: 72).

«Если я скажу, что Бог посылает мне игнавию, чтобы опустошить меня и наполнить Собою, то это будет неверно... Но игнавии Он только допускает войти в меня. Игнавия — скорее соблазн и грех. Но в чем грех, и что есть игнавия?

Тоска по Абсолюту — беспредметная. Ее отрицательная форма игнавия, но это не совсем точное определение. Это не уныние или не только уныние. В ней, как и в тоске по Абсолюту, есть божественное» (*Друскин* 1988: 74–74).

Борьба за веру через преодоление игнавии и принятие «вины без вины» описана Хармсом и Друскиным не только как факт веры или неверия, но «желания верить» или «нежелания верить». Для Друскина: «если есть бесконечная заинтересованность Богом, то это уже желание веры, то есть вера» (*Друскин* 1988: 88; ср. также «желаю желать Бога» — в цитате выше). У Хармса этот мотив присутствует в самой повести во время беседы с Сакердоном Михайловичем, а также в его записных книжках: «Человек не «верит» или «не верит», а «хочет верить» или «хочет не верить» (*Хармс* 1991: 502)⁹.

Тема «вины без вины» в повести связана не только со старухой, но также через систему совпадающих деталей с Сакердоном Михайловичем и отсюда — с Олейниковым, который в некоторых отношениях может считаться прототипом этого персонажа¹⁰. Таким образом, тема «вины без вины» привязана к исчезновению одного из Чинарей из реальной жизни, так как Олейников был арестован в 1937 г. и расстрелян. Точно также и Л. Друскина соотносит эту тему у Друскина с его опытом единственного из оставшихся в живых Чинарей: «1941 год — война, голод, блокада Ленинграда, гибель друзей дают сильную реакцию, преобразующуюся в творчество. Он очень много пишет, в особенности три последние — самые тяжелые — месяца, преимущественно по ночам, при тусклом свете коптилки, в холодной комнате.

Радость от ощущения творчества как перехода к новой жизни, внутренняя сосредоточенность, чувство «вины без вины» за гибель друзей, — которую он как бы компенсирует, продолжая их общее дело, поглощает его целиком» (*Друскина* 1989: 101).

После смерти Хармса Друскин записал в дневнике: «Это уже незаменимая жертва. Чтобы она не была такой бессмысленной и ужасной, я снова должен начать писать» (*Друскин* 1993б: 220).

Примечания

¹ О Чинарях см. — Друскин 1985а и с небольшими изменениями — Друскин 1989; Друскина 1989; Сажин 1990; Jaccard 1991: 131–207; Jaccard 1992;

² В. Сажин предлагает следующий подход к этим отношениям: «ОБЭРИУ надо рассматривать лишь как одну из деятельных форм существования Чинарей на достаточно долгом пути их дружеского общения» (Сажин 1990: 200).

³ Исследование Чинарей Ж. -Ф. Жаккарром (Jaccard 1991 и Jaccard 1992) в основном базируется на современном подходе и касается их идей, сформулированных в работах 1920-х и 1930-х гг. Важный для Чинарей текст «Разговоров» Л. Липавского и др. см.: Липавский 1993.

⁴ О Я. Друскине см.: Орлов 1988; Сажин 1993; Машевский 1993.

⁵ В этом случае диалог сознательно сформулирован, тогда как в «Чинарях» о вестниках Друскин пишет: «Вскоре после разговора с Липавским о вестниках мне внезапно представился такой отделенный от нас и в то же время чем-то близкий нам соседний мир вестников. Я записал то, что увидел, — это стало заключительной частью небольшой философской или философско-поэтической работы: «Вестники и их разговоры». Через несколько дней я читал ее у Липавских. Кроме хозяев, присутствовали: Хармс, Олейников и Заболоцкий. После чтения было обсуждение. Интереснее всех говорил Хармс. Через сорок лет в одной из записных книжек Д. И. я прочел: «Друскин читал Вестников. Я — вестник». При обсуждении Хармс этого не сказал, и вообще при жизни никому своих записных книжек не показывал. А я, когда писал эту работу, не думал о Хармсе» (Друскин 1985а: 392).

⁶ Во «Сне и Яви», в начале своих религиозно-философских размышлений о сне и пробуждении, Друскин говорит о тех, — включая Хармса, — кто является ему в снах (Друскин 1988: 25–33).

⁷ В. Сажин указывает на параллель между мотивом падения у Хармса и следующим отрывком из дневника Друскина: «Я никогда не покончу с собой. Но лечь на подоконник и выпасть из окна — разве это значит покончить с собой? Вопрос теперь не как жить, а как дожить?» (Сажин 1990: 198, 201, прим. 12). Ср. также «Грехопадение» Хармса.

⁸ Детальный анализ этой проблемы см.: Aizlewood 1990 и Aizlewood 1995.

⁹ Кроме того, другим интересным аспектом проблемы в целом является отношение греха и вины со временем у Друскина и его понимание слова «сейчас»: ср. употребление настоящего времени и немотивированные переключения между прошлым и настоящим в «Старухе».

¹⁰ В рукописи Сакердон Михайлович однажды назван Николаем Макаровичем, т. е. Олейниковым, и топография повести помещает его с большой вероятностью в писательском доме на канале Грибоедова, где на самом деле жил Олейников.

Библиография

- Аноним* 1993 — Аноним. От редакции // Логос. 1993. № 4. С. 6.
- Введенский* 1993 — Введенский А. Полн. собр. произв.: В 2 тт. / Под ред. М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993.
- Друскин* 1985а — Друскин Я. Чинари // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. 15. S.381–403.
- Друскин* 1985б — Друскин Я. Стадии понимания // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. 15. S. 405–413.
- Друскин* 1988 — Друскин Я. Вблизи вестников. Washington D.C., 1988.
- Друскин* 1989 — Друскин Я. Чинари // Аврора. 1989. № 6. С. 103–115.
- Друскин* 1991 — Друскин Я. Noli me tangere — о бесстыдстве // Искусство Ленинграда. 1991. № 8. С. 49–52.
- Друскин* 1993а — Друскин Я. Грехопадение // Новый мир. 1993. № 4. С. 206–212.
- Друскин* 1993б — Друскин Я. Перед принадлежностями чего-либо: (фрагменты дневниковых записей) // Новый мир. 1993. № 4. С. 213–222.
- Друскина* 1989 — Друскина Л. Было такое содружество... // Аврора. 1989. № 6. С. 100–102.
- Липавский* 1993 — Липавский Л. Разговоры // Логос. 1993. № 4. С. 7–75.
- Машевский* 1993 — Машевский А. Послесловие // Новый мир. 1993. № 4. С. 222–225.
- Орлов* 1988 — Орлов Г. Предисловие // Друскин Я. Вблизи вестников. Washington D.C., 1988. С. 5–13.
- Сажин* 1990 — Сажин В. «...сборище друзей, оставленных судьбою» // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 194–201.
- Сажин* 1993 — Сажин В. Жизнь в присутствии Бога // Новый мир. 1993. № 4. С. 205–206.
- Хармс* 1988 — Хармс Д. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма / Под ред. А. Александрова. Л., 1988.
- Хармс* 1991 — Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. 11. Л., 1991. С. 417–583.
- Aizlewood* 1990 — Aizlewood R. «Guilt without Guilt» in Kharm's Story «The Old Woman» // Scottish Slavonic Review. 1990. № 14. P. 199–217.
- Aizlewood* 1991 — Aizlewood R. Towards an interpretation of Kharm's «Sluchai» // Daniil Kharm's and the Poetics of the Absurd / Ed. N. Cornwell. Basingstoke and London, 1991. P. 97–122.
- Aizlewood* 1995 — Aizlewood R. Introduction // D.Kharm's. The Old Woman/ Ed., introd., notes and vokab. by R.Aizlewood. P. IX — XXII.
- Carrick* 1994 — Carrick N. Daniil Kharm's and the art of Negation // Slavonic and East European Review. 1994. № 72. P. 622–643.
- Jaccard* 1991 — Jaccard J.-Ph. Les cinari // Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la Fin de l'avant-garde russe. Bern... 1991. P. 131–207.
- Jaccard* 1992 — Jaccard J.-Ph. Чинари // Russian Literature. 1992. № 32. P. 77–94.

Н. Черняева
Варна

О природе смеха в романе-анекдоте В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»

Ведущие мифологи уже давно полагают, что миф и мифология сопутствуют человечеству на всем протяжении его существования. По мнению М. Элиаде, «маловероятно, чтобы появилось общество, полностью свободное от мифа, так как существенные для мифологического поведения характеристики — следование образцам, повторяемость, прерывность светского течения времени и слияние его с первичным временем (или, по крайней мере, первые две) — неотделимы от любого человеческого поведения» (*Елиаде* 1991: 11¹). В XX в. мифологическое мышление представлено в виде тоталитарной мифологии и буржуазных мифов. Принято считать, что функцию мифа в тоталитарной системе выполняет идеология. Подобно традиционным фольклорно-мифологическим системам, тоталитарная идеология (в том числе интересующий нас советский вариант) уповаает на коллективное и подсознательное, описывает мир с помощью ограниченного набора знаков, усвоение, воспроизведение и употребление которых достаточно строго регламентировано, диктует стереотипные формы мышления, поведения и «сходные интеллектуальные реакции на окружающее» (*Зиновьев* 1980: 54). Тоталитарная мифологическая система, как и ее исторически предшествующие аналоги, стремится по возможности максимально овладеть жизненным пространством культуры. Однако, как и в случае с архаическими фольклорно-мифологическими системами, культура вырабатывает не только господствующие мифы, но и их серьезные и смеховые антиподы.

Русская запрещенная литература, наряду с политическими анекдотами и прочими авторскими и фольклорными текстами,

с правом может быть названа апокрифной. Она выполняла функции антимифов по отношению к официальной советской идеологии. «Потаенные» книги были представлены как в серьезном (классический пример — А. Солженицын), так и в смеховом вариантах (Юз Алешковский, М. Булгаков, А. Зиновьев, Венедикт Ерофеев и др.). И те и другие в целях демифологизации использовали идеологемы (мифологемы) коммунизма, актуализированные в вербальных, визуальных, поведенческих и других текстах тоталитарной культуры. Мифологемы советского тоталитаризма образуют устойчивый и ограниченный по составу корпус знаков-клише, позволяющий говорить о тоталитарной идеологии и практике, как мифологической системе. Они могут быть представлены в виде словаря-указателя, наподобие тех, которые существуют в лингвистике или в фольклористике (так называемые мотивы-индексы); (см., напр., *Баранов, Караулов* 1991; *Лахузен* 1992). Таким образом могут быть созданы предпосылки для системного описания картины мира советской тоталитарной культуры (*Паперный* 1985; *Golomstock* 1990).

Есть все основания утверждать, что поэтика антимифов покоится на основе транстекстуальных связей с текстами тоталитарной идеологии, что требует от читателя-интерпретатора определенной культурной компетенции. Мифологические тоталитарные тексты различных видов (как вербальные, так и невербальные) играли роль гипотекстов, т. е. текстов, предшествующих данным антимифологическим текстам. Последние в этом случае следует определить, соответственно, как гипертексты².

Смех — продукт различных типов референциальности. Смеховое начало во всех его формах является главным текстопорождающим фактором в романе-анекдоте В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Поэтика смешного в романе возникает на основе транстекстуальной референции, что определяет не только идиостиль Войновича, но и идиостиль смеховых антимифов советского времени. Мы попытаемся показать, каким образом мифологемы тоталитарной культуры и ее тексты выступают в качестве исходных элементов (гипотекстов) при создании комического эффекта.

В качестве примера избрана одна из важнейших идеологем советского тоталитаризма — идеологема созидания, творения, перделки человека, общества и природы, т.е. культурного космоса. Мифологема творения принадлежит к числу наиболее архаичных и в то же время постоянно присутствующих в человеческой культуре. Она оказалась исключительно продук-

тивной в смысле порождения как мифологических текстов XX века, так и их антимифологических, в том числе смеховых, трансформаций. Мифологемы актуализируются, как уже было сказано, в виде различного рода текстов, которые имеют клишированный характер. Вербальные тексты этого типа могут быть различной степени развернутости и подразделяются в фольклористике на фразовые клише (например, пословицы, поговорки) и сверхфразовые (басни, сказки, анекдоты, слухи, сплетни). Г. Л. Пермяков определил клише как «знак какой-либо вещи или понятия», «вид фразеологизма, основным свойством которого является знаковость» (Пермяков 1970: 75). В принципе, клише имеются в любой культуре, более того, они непереносимое условие существования ее, так как сама природа клише как стереотипа способствует облегчению коммуникации и преодолению хаоса, поддерживает культуру как систему. С другой стороны, автоматизируя языковые, мыслительные и поведенческие процессы, стереотипия и клише лишают их индивидуальности, подвижности, жизненности, приводят к избыточности информации, создавая возможность для использования самих себя в качестве знаков абсурдного. Заметим, что в поле действия клишированности и стереотипии тоталитарной культуры попадают иные по своему происхождению и интенциям тексты, лишенные идеологических коннотаций, к примеру, научные гипотезы, литературные тексты преимущественно общеизвестного, хрестоматийного характера. В силу различных причин эти тексты, подобно клишированным, являются многократно повторяющимися и воспроизводятся автоматически как паремии. Принцип отбора этих текстов, первоначально находившихся вне тоталитарной знаковой системы, обусловлен их соответствием или несоответствием главным интенциям коммунистической советской идеологии и практики. Так, гипотеза Дарвина о происхождении человека, интерпретированная в известном труде Энгельса, стала одной из естественнонаучных догм диалектического материализма именно потому, что отвечала стремлениям идеологии не только тотально объяснить мир, но и переделать его. В целом обращение марксизма к науке, как пишет А. Зиновьев, объясняется попыткой идеологов «навязать» самой идеологии не свойственный ей «статус и вид науки» (Зиновьев 1978: 84).

Структура и семантика романа Войновича определена уже в самом названии и его жанровом определении — «роман-анекдот», которые можно назвать текстовой матрицей. Юмор «как метод сатиры», когда он зиждется на транстекстуальности (иногда ее отождествляют с интертекстуальностью), обладает, по словам М. Риффатера, «характерной абсурдностью», которая

«происходит из наличия в тексте семантически и формально несовместимых кодов» (*Riffaterre* 1978: 125). В «Чонкине» эти коды объединяются в семантические группы, относящиеся к основной оппозиции «тоталитарное мифологическое начало», которое проявляет себя как Антиприрода и псевдонаука, и «жизнь» как высшее проявление природы со всеми нарушениями мифологических стереотипных норм, естественной динамичностью и непредсказуемостью («необычайные приключения»).

В романе Войновича мифологема творения новой жизни актуализируется через развертывание в тексте следующих клише-императивов, представленных в эксплицитном и имплицитном виде:

- труд сделал обезьяну человеком;
- советский человек — это человек нового типа;
- мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача.

В этих идеологических клише представлены научный, социальный и, естественно, идеологический, «высокий» код. Как мы увидим в дальнейшем, они взаимодействуют с противоположными, «низкими» кодами. В результате этого возникает катахреза, комический гротеск. Разговор между самородком-селекционером Гладышевым и Чонкиным о том, откуда же произошел человек, содержит именно такое комическое противостояние:

«— А ведь ты, Ваня, небось и не знаешь, что человек произошел от обезьяны.

— По мне хоть от коровы, — сказал Чонкин.

— От коровы человек произойти не мог, — убежденно возразил Гладышев. — Ты спросишь, — почему?

— Не спрошу, — сказал Чонкин.

— ...А я тебе скажу: корова не работает, а обезьяна работала.

— Где? — неожиданно спросил Чонкин и в упор посмотрел на Гладышева.

— Что — где? — опешил Гладышев.

— Я тебя пытаю: где твоя обезьяна работала? — сказал Чонкин... — На заводе, в колхозе, на фабрике — где? Вот дурила!... В джунглях она работала, вот где! Сперва на деревья лазала за бананами, потом палкой их стала шибать, а уж опосля и камень в руки взяла...» (*Войнович* 1993: 96).

Далее Чонкин резонно спрашивает, а почему же корова или лошадь, как самые работающие животные, так и не превратились в человека и так ли уж важна роль труда. Во-первых, здесь налично несовместимость научного дискурса (дискуссия о происхождении человека) и его «высокого» кода и обыденного

сознания с присущим ему разговорным, просторечным языком. Во-вторых, идеологическое клише («труд сделал из обезьяны человека»), а также развиваемая дальше тема «свободного труда советских людей» сталкивается с фольклорной поговоркой «работает, как лошадь». Комический эффект нарастает с введением зооморфного и антропоморфного, поскольку речь идет о метаморфозах, кодов. Несовместимость возникает в результате того, что «обезьяна» принадлежит чужому, экзотическому, «южному» кодам и связана с наукой, экспериментом, в то время как «лошадь» относится к своему, знакомому, «русскому», устойчиво ассоциируется с человеком и трудом. Само сравнение «работает, как лошадь», а также многие другие тексты не только русской, но и славянской и индоевропейской фольклорно-мифологической системы свидетельствуют об изоморфизме человека и коня, что объясняет их взаимопревращаемость в соответствующих текстах. На наш взгляд, это дает повод говорить об активном участии фольклорно-мифологических архетипов в создании комического в романе-анекдоте Войновича.

Разговор Гладышева с Чонкиным представляет собой комическую завязку, которая дает толчок развитию последующих повествовательных ходов. «Лошадь» актуализируется в важном персонаже романа-анекдота — колхозном мерине Осовиахиме. Особого внимания заслуживает характер номинации: конь, в особенности жеребец, традиционно связан с потентностью, плодородием, силой, мерин же — кастрированный конь, лишенный своей основной функции. Во сне Гладышева ему является человек-мерин Осовиахим, который упрекает селекционера в том, что тот «лишил его необходимых для продолжения рода частей организма», «отнял у него последнюю радость» (Войнович 1993: 126). С меринем в русском сознании ассоциируется и мощная тягловая сила, покорность, бессловесность, а также глупость и лень³. Мерин в романе Войновича выступает в качестве метафоры человека в тоталитарной сталинской системе, олицетворяя реальности коммунистической практики: каторжный, а не прокламируемый свободный труд, несправедливость, а не свободу, неспособность продолжить род, а не исключительную плодовитость и маскулинность. В предсмертном бреду редактор газеты «Большевицкие темпы» Ермолкин вдруг осознает себя «просто лошастью», «обыкновенной тягловой единицей конского поголовья» (Войнович 1993: 425). Эвфемизм «конское поголовье», скрывая реальное и поднимая его до уровня «высокого», вместе с тем привносит новые значения: живое, природное кодируется как абстрактная экономическая единица. Здесь точно определены одни из существенных характеристик тоталитарной культуры: стремление ее риторики к

эвфемизации и восприятие человека как знака абстрактной социальности. В этой связи интересно вспомнить, что А. Зиновьев считает коммунистическое общество обществом с исключительно обнаженной социальностью, приближающейся к биологическим законам существования. Именно в этом смысле следует понимать и сообщение мерина Осовиахима в разговоре-сне с Гладышевым о том, что в колхозе ему «с его талантом теперь делать нечего» и что он «подастся в Москву, покажется профессорам» (Войнович 1993: 126). Так реализуется мифологема эволюции, гротескно представленная как последовательность превращений и деформаций простого советского человека из трудящегося в люмпена. Можно указать и на интертекстуальную связь темы социального эксперимента у Войновича с «Собачьим сердцем» Булгакова.

Сильный смеховой потенциал несет в себе ономастический знак «Осовиахим». Он функционирует по всем правилам фольклорно-мифологической номинации: персонаж, по словам О. М. Фрейденберг, делает, что семантически означает. Аббревиатура-эргоним «Осовиахим» (Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР) функционирует в тексте как зооним. Здесь пародируется ономастическая практика сталинского периода, когда в систему называния стали вводиться имена вождей, названия событий, процессов (например, революция, электрификация, индустриализация), причем часто в виде аббревиатур (Рэм, Лентразина, Марксэн, Марлен и т. д.). Комический гротеск возникает в результате несовместимости называемого (зоологический код) и его имени (социальный, управленческий, военный код). Вместе с тем, зооним «Осовиахим» с присутствующим в нем военным кодом актуализирует в осовремененном советском варианте одну из древнейших функций коня — военную: известно, что кони, как и люди, призывались на службу в ряды Красной Армии. Комический и сатирический гротеск, как уже отмечалось, развивается из семантики Осовиахима как человека-коня. Дальнейшее повествование строится на непрестанном столкновении противоположных кодовых систем, на подключении все новых и новых идеологем и коннотаций. Так, «высокое», «патриотическое», заложенное в зоониме «Осовиахиме», точнее, в эргониме, дискредитируется дезертирством коня, а также его критиканством, которое очень настораживает Гладышева. Во сне, где происходит встреча-разговор Гладышева с меринком, селекционер задается вопросом: а «в какого человека» превратился мерин, в «нашего или не нашего?». Архетипическая оппозиция «мы» — «они» представлена здесь в форме сатирического гротеска: антропоморфное, социальное, идеологическое («враг»)

представлено как зооморфное, биологическое, причем с «низким» статусом («мерин»). Бессловесный мерин, превратившись в человека, обрел способность рассуждать, т. е. искать причину, объяснение тех или иных поступков или событий, чего всячески избегает культура тоталитаризма, навязывающая свои стереотипные модели толкования. В тоталитарной сталинской культуре «враждебными ей оказывались все те, которые пытались перевести ее мироощущение на язык логически непротиворечивых требований», — замечает Паперный (*Паперный* 1985: 167).

Гладышев задает мерину-человеку вопрос, «что называется, на засыпку»:

«— А вот ты мне скажи, Ося, ежели тебя, к примеру, на фронт возьмут, ты за кого воевать будешь — за наших или немцев?»

Посмотрел на него мерин с сочувствием, помотал головой, глупый, мол, человек.

— Мне, Кузьма Матвеич, на фронт идтить никак невозможно.

— Почему же это тебе невозможно? — вкрадчиво спросил Гладышев.

— А потому, — рассердился мерин, — что мне на спусковой крючок нажимать нечем. У меня пальцев нет.

— Вот оно что! — хлопнул себя по лбу Гладышев и проснулся» (*Войнович* 1993: 126–127). В игру названных несовместимых кодов включаются новые лексемы или производные от уже известных: антропоним «Ося» свидетельствует о смене первоначального социального, управленческого, военного кодов сначала на зооморфный (мерин Осовиахим), а затем на антропоморфный (Ося); «без пальцев» сохраняет связь с двумя кодами — антропоморфным и зооморфным, а также, как покажем дальше, к ним присоединяется и код демонической, нечистой силы. Нетрудно заметить, что гипокористика «Ося» отсылает нас к имени вождя — «Иосиф» и к его народным прозвищам «Оська рыжий», «Оська рябой» и др. Таким образом возникает повторный комический эффект, вновь построенный на несоответствии обозначаемого и обозначающего, на этот раз зоологического кода как «низкого» и антропоморфного как «высокого», связанного с властью. Подтверждением этого наблюдения является и дезертирство Осовиахима в романе, вызывающее известные исторические аллюзии: — имеется в виду то, что, по многочисленным свидетельствам, в первые дни войны Сталин удалился от дел и решил даже бежать из Москвы. «Беспалость» мерина — знак хтонической, нечистой силы, дьявола, что недвусмысленно намекает на дефект руки вождя, а также вызывает в памяти апокрифные рассказы о вероятной шестипа-

лости ног Сталина, спавшего в носках, вероятно, по этой причине. В фольклорно-мифологическом сознании подобный дефект конечностей означает дьявола, Антихриста, каковым иногда и воспринимал Сталина народ. Стерильность Осовиахима, его безбрачие намекают на таинственную личную жизнь вождя, оставшегося вдовцом. Напомним, что в первом сне под влиянием разговоров солдат о том, есть ли у Сталина жена, Чонкину является сам вождь в женском платье, с усами и трубкой в зубах, держащий в руках винтовку. Ярцев, превратившись в шмеля, шепчет на ухо Чонкину, что у Сталина никаких жен не было, «потому что он сам женщина» (Войнович 1993: 43). Комическое возникает как игра противоположных кодов: «высокого», сакрального, властного, военного и близких им маскулинного, потентного (усы, трубка в зубах), связанных с южным, грузинским происхождением вождя, с одной стороны, и «низкого», женского, слабого с привнесением оттенков презрения, снисхождения, присущих отношению южных народов к женщине. Сталин предстает в виде мифологического андрогина, личность которого вполне самодостаточна и не нуждается в брачном партнере, т. е. она стоит вне естественного, человеческого и гротескно противопоставляется ему как «божественное». Обоснованность указанных аллюзий подтверждается историей с опечаткой в статье, помещенной в газете «Большевицкие темпы», когда вместо «дело Сталина стало мерилом...» напечатали «мерином», о чем речь пойдет ниже (Войнович 1993: 292).

Мифологемы могут контаминироваться, что дает толчок дальнейшей текстовой деривации на всех уровнях. Так, мифологема «труд сделал обезьяну человеком» посредством связующего элемента, каковым выступает «труд», контаминируется с мифологемой марксизма о «непроизводительности рабского труда». Нарративно это реализуется в истории с пропавшим ведомством капитана Миляги. Сотрудники Учреждения Где/Куда Надо, став пленниками Чонкина, на ударной уборке картофеля доказали, что «рабский труд» «вполне себя оправдывает» (Войнович 1993: 186). Носители репрессивного, властного, иерархически «высокого» становятся репрессируемыми, подвластными, иерархически «низшими» существами, объектами эксперимента по созданию нового человека. Иронически звучит в контексте и клише-сентенция «труд облагораживает человека». Следует подчеркнуть, что само понятие «труд» превратилось в одну из ведущих мифологем как в сталинской, так и в фашистской тоталитарной системах, приобрело гротескно-инфернальный характер, если вспомнить надписи на воротах концлагерей в обеих системах. Кроме того, «туду репрессив-

ному» противопоставляется подлинно полезный для общества и присущий человеку по самой его природе труд на земле: капитан Синцов из Учреждения «неожиданно дорвавшись до простого, знакомого ему с детства крестьянского труда, вдруг почувствовал неизъяснимое наслаждение» (Войнович 1993: 185). Здесь представлена инверсия мифологического клише об эволюции человека из обезьяны посредством труда — возврат от тотальной социальности к природной первооснове. В дальнейшем она актуализируется в различных видах комического — начиная с юмора и кончая сатирическим гротеском. Так, в результате сочетания «низкого», «народного», «питейного» кода и «высокого», «философского», «иностранныго» рождается юмористическая катахреза: Голубев и Чонкин, напившись по поводу перевыполнения плана по уборке картофеля работниками «Где/Куда Надо», рассуждают о том, что Жан-Жак Руссо призывал человека «стать на четвереньки и идти назад, к природе». Данная инверсионная модель разворачивается, но уже в форме трагикомического гротеска, в рассказе об умопомрачении и гибели редактора газеты «Большевицские темпы» Ермолкина, а также в истории поисков тленных останков капитана Миляги и их последующего погребения.

Далее инверсионный вариант «от человека к природе (лошади) обезьяне?» контаминируется с идеологическим клише «советский человек — это человек нового типа». Контаминация осуществляется посредством лексемы «череп» и заложенных в ней значений и коннотаций. «Череп» репрезентируется в тексте как «лошадиный череп» и как «череп советского человека — человека нового типа».

«Лошадиный череп» означает в русском фольклоре смерть. В романе Войновича эта транстекстуальная связь с архаической фольклорно-мифологической семантикой актуализируется через текст-посредник — хрестоматийно известную «Песнь о вешем Олеге». Следы данного гипотекста угадываются в следующих перифразах Пушкина: Старик на Хитровом рынке (у Пушкина — волхв) предсказывает Ермолкину смерть от лошади: «Остерегайтесь лошадей» (Войнович 1993: 286) (ср. у Пушкина: «Но примешь ты смерть от коня своего»). Данное предположение подкрепляется и более общими соображениями: для идиостиля смеховых апокрифов, в том числе и произведений Войновича, характерно цитирование или перифразирование общеизвестных литературных текстов с целью создания комического эффекта. «Предсказание» относится к прогностическому коду, который переплетается с кодом «пара-явлений», иррациональностью. Тоталитарная культура обозначает «дикие суеверия» как наследие «проклятого прошлого»,

как «родимые пятна капитализма», и в то же время сама основывается на исключительно сильной эксплуатации «прогностического» начала, представленного как устремленность и вера в «светлое будущее», в «сияющие высоты коммунизма» (см., например, сатирическая катахреза у А. Зиновьева — *Зиновьев* 1990). Трагикомический гротеск строится на сочетании прогностически-фольклорного и материалистически причинного, идеологического сознания, носителями которого в романе являются культуртрегеры Гладышев и Ермолкин. Интертекстуальные отношения, связывающие предсказание в романе с «Песней о вещем Олеге», усиливает комическую игру противоположных кодов: «высокое», «древнее», «воинское», «книжное» и прочие начала песни подключаются к «низкому», «современному», «штатскому», «обыденному» и к причинному, идеологическому началу. Более того, семантика иерархически возвышенного, древнего, носителем которой является «конь» в славянской мифологии и фольклоре а также в «Песне о вещем Олеге», противопоставлена «низким», прозаическим, профанным значениям «лошади»/«кобылы» в романе-анекдоте. Несмотря на скептическое отношение Ермолкина к «диким суевериям», пророчество старика сбывается: на Ермолкина, несущего гроб с тленными останками коня-капитана Миляги, падает гроб, а затем кости и череп, «который скалил зубы и пытался укусить Ермолкина за нос» (*Войнович* 1993: 422–425). В предсмертном помутненном сознании Ермолкин начинает ощущать себя лошадью и бросается под вымя кобылы (*Войнович* 1993: 425–427), которая его лягает. Попытка возврата к природе, к генетическому архетипу — матери-кобыле (к ней он обращается «мама!») (*Войнович* 1993: 427) заканчивается трагикомической смертью от копыта лошади. Гротескно представлена в этом эпизоде одна из главных интенций тоталитарной коммунистической культуры — ее демонстративный разрыв с прошлым, с «корнями»: семьей, традициями, вековым народным сознанием, который приводит к гибели (см. более развернутую реализацию этой темы в истории с ПУКС'ом). Таким образом, смеховой трансформации, но уже с сильными трагическими коннотациями, подвергается несколько идеологем, которые, в свою очередь, контаминируются между собой.

Подобное наложение нескольких мифологем с последующей их трансформацией в виде трагикомического гротеска наблюдается в другом повествовательном ходе — истории капитана Миляги. Ревностный сотрудник Учреждения капитан Миляга попадает в плен к «своим», которых он принимает за немцев, а те, в свою очередь, считают его вражеским агентом капитаном Миллегом (*Войнович* 1993: 204). Наряду с названны-

ми уже гипотекстами-клише, двигателем повествования и агентом комического становится структурно-семантическое подобие двух тоталитарных систем — сталинской и гитлеровской. Смеховой эффект обостряется и за счет постоянной игры двух языковых кодов — русского и немецкого. Милягу/Миллега, как сотрудника гестапо, расстреливают, но потом, следуя абсурдной идеологической логике, канонизируют как героя. В поисках останков погибшего Миляги натываются в темноте на какие-то громадные, нечеловеческие кости и череп, а в поле Гладышев обнаруживает труп мерина Осовиахима с запиской: «Если погибну, прошу считать коммунистом» (*Войнович* 1993: 225). За неимением останков капитана Миляги, в гроб кладут череп и кости мерина Осовиахима, которые хоронят по всем правилам советских ритуалов захоронения героев и вождей. Игра «высокого», героического, идеологического, антропоморфного кодов и «низкого», дегероического, обыденного, зооморфного дополняется подключением фольклорно-мифологических гипотекстов. Имеются в виду русские архаические ритуалы пародийного погребения животных, птиц, насекомых — похороны петуха, кукушки, комара. Возгласы баб говорят о кощунственности, абсурдности самого погребения Миляги после того, как из упавшего гроба высыпаются лошадиные череп и кости: «Свят-свят-свят, лошадь! Лошадь хоронют!» и «Живого хоронют! Живую лошадь хоронют!» (*Войнович* 1993: 423). Текст разворачивается как фольклорная кумулятивная цепь, по образцу которой строятся слухи и сплетни, использующие характерные для кумуляции скрытые, глубинные семантические связи, игру слов и смыслов и прочие грамматичности.

Последующая гротескная метаморфоза обязана своим возникновением подключению историко-археологического, музейного кодов: «продолговатый череп» мерина-капитана выкапывается немцами из могилы и передается местному краеведческому музею на хранение. Там его помещают под стеклом в отделе «Современный период» с разъясняющей табличкой на двух языках — «Череп советского комиссара Миляги» (*Войнович* 1993: 424). «Новый советский человек» предстает как ископаемое, музейный экспонат, т. е. атрибут, знак исчезнувшей цивилизации, а не культура, которая имеет претензии стать не только настоящим, но и будущим.

«Археологический» код постепенно сменяется близким ему «антропологическим» кодом и сопутствующим последнему идеологическим. Мифологема создания нового человека эксплицируется в газетных комментариях по поводу скандального погребения капитана-мерина.

В литературе, посвященной тоталитарной культуре, неоднократно указывалось на типологическую общность, даже тождественность идеала советского человека и «нового человека» Третьего рейха с его антропологической расистской теорией о происхождении, превосходстве и гегемонии арийцев (см., напр., Паперный 1985; Golomstok 1980; Гюнтер 1992; Кларк 1992). Невозможность совместить «высокие» идеологические и научные коды с «низким», обыденным и зооморфным кодами создает комический и сатирический гротеск, который обнажает неправомерные претензии обеих тоталитарных идеологий выгледеть наукой.

В оправдание случившегося и во избежание ложных и опасных слухов в «Большевицких темпах» появилась статья антрополога Ушастого «Влияние социальных условий на антропологический тип»: «В статье проводилась мысль, что поскольку Октябрьская революция в корне изменила не только социальные условия жизни в нашей стране, но и внутренний мир человека — его отношение к труду, к обществу — это непременно должно привести к внешним изменениям облика, а именно, со временем советский человек будет так же отличаться от всех остальных людей, как хомо сапиенс отличается от неандертальца. Конечно, эти изменения произойдут не сразу, но если, как учит нас марксистская диалектика, постепенные количественные изменения переходят в скачкообразные качественные, то нет ничего удивительного в том, что у отдельных людей, отличающихся последовательностью своих идейных убеждений и ясностью мировоззрения, уже сейчас становятся заметны антропологические изменения, которые, в первую очередь, естественно, отражаются на строении черепа... Такие изменения происходят в сторону удлинения черепа вследствие удаления жевательных органов от речемыслительных центров». Длинноголовые, т. е. долицефалы, обладают «более сильным интеллектом, чем круглоголовые (брахицефалы)». Далее следует ремарка: «Не следует путать последних (т. е. брахицефалов) с Буцефалом, конем Александра Македонского...» Катахреза человек/конь продолжает развиваться и в каламбуре «брахицефал/Буцефал», обогащаясь новыми историко-культурными и мифологическими значениями.

Сатирический гротеск распространяется и на уровни высшей иерархии тоталитарной власти, вступая в опасную, запретную зону, где находятся фигуры мертвого, но «вечно живого» вождя — Ленина, и «вождя всех времен и народов» — Сталина. Ревкин пишет в газету опровержение на статью Ушастого, заявляя, что «если бы марксистское мировоззрение действительно влияло на строение черепа, то самый вытянутый череп

был бы у товарища Сталина», так как «именно он обладает самым последовательным марксистским мировоззрением». Между тем, как утверждает Ревкин, «стоит посмотреть на любую фотографию товарища Сталина, чтобы убедиться в абсурдности доводов К. Ушастого». Выступление Ревкина, как и следовало ожидать, закончилось для него тем, что он попал в разряд интерпретаторов, которые часто становились жертвами своих бескорыстных опытов перевести идеологию тоталитаризма в рамки логически безупречной науки. Ревкин превращается, таким образом, во врага и оказывается там, Где Надо. В спорах об антропологическом типе нового советского человека актуализируется и присутствующая в истории с капитаном Милягой археологическая и музейная семантика. Возникают и аллюзии, связанные с научным исследованием в продолжение десятилетий мумии Ленина и его мозга, в котором, якобы, кроется секрет идеологической гениальности пролетарского вождя. Любопытно, что здесь можно усмотреть интенции сталинской культуры внешне выглядеть европейской, оставаясь по сути восточной (*Паперный* 1985: 145), что проявляется в одновременном стремлении заняться антропологией (европейское) и построением музеев и мумифицированием (восточно-азиатское). Гротеск позволяет вскрыть логическую несостоятельность тоталитарной идеологии, в основе которой лежит мифологическая система мышления⁴.

Одной из определяющих черт тоталитарного мифологического мышления является отождествление имени с его носителем. Примером того в романе Войновича служит эпизод с сапожником по фамилии Сталин. Сталинской культуре в связи с этим присуща сильная ориентация на Слово, на его «исключительную и самодовлеющую роль в обществе» (*Паперный* 1985: 171–187). Мифологизация Слова, восприятие его как Дела дает возможности для бесконечных смысловых и формальных трансформаций, чрезвычайно расширяет зону так называемой аграмматичности. Завязка трагикомической истории редактора районной газеты Ермолкина возникает именно как результат роковой опечатки, т. е. аграмматичности: вместо выражения «указания Сталина стали мерилom мудрости...» в газете отпечатали «мерином». Использование омофонов, как одного из приемов словесной игры, несет в себе мощный смеховой заряд, является одним из средств текстовой деривации. Для Войновича характерно использование различного рода информационных «шумов», искажений, актуализируемых в каламбурах, из которых развиваются целые повествовательные ходы: так, из «бабы» (т. е. Нюрки) возникает «банда Чонкина», из «кур-то» — «шпион Курт», из «Миляги» — «Миллет», а из «мерила» —

«мерин». Нетрудно заметить, что в данных парах «низкий», «свой», «зооморфный» код трансформируется в противоположный или наоборот, как в случае с «мерилом»/«меринном», когда «высокое», «идеологическое» кодируется как «низкое», «зооморфное», «биологическое». Каламбур «мерило»/«мерин» актуализирует аллюзию мерин Осовиахим/Ося — Сталин. История с антропологическим типом нового человека заканчивается статьей Гладышева «Может ли мерин стать человеком» и возвращает нас к клише «труд сделал из обезьяны человека», трансформированному гротескно через замену обезьяны меринном. Своеобразной комической пуантой с сильным сатирическим акцентом становится перифраза известного сталинского лозунга «Незаменимых людей у нас нет» — «Незаменимых черепов у нас нет». Ее адресуют Ревкину в Учреждение.

Мифологема создания и творения мира в коммунистической идеологии представлена и в клише «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», функционирующем в романе в сравнительно скрытом виде. Создателем, демиургом в традиционных мифологиях выступает бог или культурный герой, в современных — вождь или его окружение, а также партия-идеолог. В ряде случаев к ним относятся и люди более низких ступеней общественной иерархии, но только те, которые отвечают определенным идеологическим требованиям, социальной норме, как, например, самородок-селекционер Гладышев, типичный культурный герой сталинской эпохи, в котором ясно проступают исторические прототипы — Лысенко и Мичурин. В тоталитарной идеологии, как и в архаических фольклорно-мифологических текстах, могут твориться, претерпевать метаморфозы не только люди, но и природные объекты, общество и мироздание в целом. Творение растительных объектов как продуктов питания представлено в романе-анекдоте в гибриде картошки и помидора, выращиваемом Гладышевым. Абсурдность такого гибрида очевидна — это растение, у которого нет корней (см. выше рассмотренную метафору «корней» — человек без корней), а есть только плоды. Смешное, во-первых, возникает как результат несоответствия «высокого», научно-экспериментального (и присущих ему в тоталитарной культуре идеологических коннотаций) и «низкого», деревенского, предметнонаглядного. Во-вторых, усилению комического способствует и оппозиция «картошки» как «своего», «русского», «обычного» и «помидора» как «чужого», «экзотического», «южного» и «восточного». В-третьих, наибольший смеховой заряд несет в себе фитоним «пукс», т. е. «путь к социализму» — так назвал свой гибрид селекционер. Катахреза возникает как результат кодирования, в данном случае называния, природного,

хотя и деформированного, терминами-клише социального и идеологического кода. В «пукс»'е можно увидеть и столкновение идеологической паремии с фольклорной — имеется в виду русская народная сказка о «вершках» и «корешках». В «пукс»'е и его создателе пародируется «пафос плодородия и урожайности» коммунистической культуры, прокламируемый вопреки «угасанию реальной плодovitости и урожайности» (*Паперный* 1985: 136). В связи с семантикой «корней» и «пути»/«дороги» «пукс» можно интерпретировать как деформацию мирового дерева/древа плодородия/древа науки, только, как уже говорилось, без корней и, значит, обреченного на гибель и лишенного естественной направленности роста. Более того, дерево, как известно, архетипический образ «верха», дороги к небу (ср.: в коммунистической идеологии «сияющих вершин»).

Аграмматичность, как проводник абсурдности и различных видов смешного, затрагивает и фонетический уровень текста. Аббревиатура «пукс» является ономотопеей, т. е. звукоподражательным словом, и в силу этого обладает повышенной экспрессивностью и сильными коннотациями. «Пукс» содержит в себе звукокомплекс, вызывающий ассоциации с другими звукоподражательными словами со значением «нулевой результат», «полный провал», «ничтожное», «смехотворное» (например, «пшик», «лопнуть, как мыльный пузырь»), а также со звуками телесного «низа». «Пукс» аграмматичен и по той причине, что нарушает правила создания аббревиатур, согласно которым следует избегать омонимии и нежелательных коннотаций. «Высокое», идеологическое, социальное, сакральное, содержащееся в полном названии гибрида, приходит в противоречие с семантикой «низкого», телесного, профанного. По этой причине «пукс» — это знак мертворожденной идеи, в которой попытались соединить несоединимое, реализовав претензии на глобальность, тотальное господство идеологии. Неслучайно Гладышев говорит: «Я же хотел вырастить гибрид мирового значения...».

К мифам творения относятся и опыты селекционера из продуктов распада (человеческих экскрементов) получить объекты культуры: Гладышев добывает из экскрементов водку. В романе Войновича гротескно реализуется мифологема изобилия, кулинарного торжества продуктов (*Генис* 1995: 211–217) при коммунизме, в жизни обернувшаяся голодом и пищей-суррогатом. Отметим, что данная мифологема становится объектом осмеяния во многих произведениях апокрифной литературы, например, в повести Юза Алешковского «Маскировка», в романах А. Зиновьева.

Вместе с мифологемой творения объектов природы сатирической и комической трансформации подвергается и мифоло-

гема коммунистической науки как самой передовой и прогрессивной. Катахреза возникает в результате несовместимости следующих кодов: «высокого», научного, идеологического и «низкого», обыденного, а также алиментарного кода как кода культуры (пища) и антикультурного кода (экскрементов), т. е. съедобного и несъедобного, абстрактного («эксперимент с научной целью») и телесного, одорического («вонища»). Интересно, что мифологема творения объектов природы и культуры из экскрементов достаточно архаичная. Она присутствует в мифах первотворения, например, палеоазиатских народов (цикл Ворона, который из своих испражнений создает элементы ландшафта — горы и реки) (Мелетинский 1970). Не менее любопытен и тот факт, что данная мифологема оказалась очень живучей и в наше время и именно в тоталитарных культурах: так, например, Мао-цзе-дун призывал своих сограждан к тому, чтобы их желудки стали маленькими заводиками по производству минеральных удобрений. В «Чонкине» мотив переработки экскрементов с «высокой», социальной целью включается в семантическое поле «человеческой, социально-идеологической грязи» как антикультуры. Семантика «грязи» реализуется в топониме села «Грязное», ставшего затем «Красным», а также в факте биографии главного героя, который работал ассенизатором или, попросту говоря, на телеге «г...ы возил». Чонкин — естественный природный человек, жизнь и приключения которого обнажают абсурдность, претенциозность и искусственность тоталитаризма.

Таким образом, юмор и сатира в романе-анекдоте основываются на транстекстуальном взаимодействии гипертекста (самого романа) и гипотекстов (мифологем и их реализаций — клише различных уровней). Способ создания различных смеховых форм — «непрерывная катахреза» (термин М. Риффатера), которая, в свою очередь, строится на совмещении несовместимых кодов, группирующихся в две основные семантические группы — «высокие», идеологические и «низкие», «житейские», отражающие народное мышление и проверенную столетиями жизненную практику нации. Эвфемизации жизни в тоталитарной сталинской культуре Войнович противопоставляет ее какофемизацию. Возникающий в результате постоянной игры кодов комический и сатирический гротеск обнажает скрытые интенции тоталитарной идеологии и практики, демифологизирует их. Неслучайно, что сам писатель воспринимает хотя и неуклюжий, но точный термин «писатель-гротескист», представивший «Великую Эпоху» (выражение Э. Лимонова) во всей ее абсурдной фантастичности (Войнович 1990: 78). Указанные черты комического и сатирического гротеска, юмор Войновича

характеризуют не только его идиостиль, но и идеостиль русских смеховых апокрифов 60–70-х годов. Специфика, очевидно, будет проявляться не на уровне наличия или отсутствия того или иного художественного приема, а на уровне комбинаций тех или иных приемов и степени их преобладания в тексте.

Примечания

¹ См. об этом также — *Барт* 1985: 72– 232; *Паперный* 1985; *Golostock* 1990;

² Известный семиотик литературы Ж. Женетт определяет транс-текстуальность (*transtextualité*), или текстуальную трансценденцию текста (*transcendance textuelle du texte*) как «все, что его связывает явно или тайно с другими текстами». (*Genette* 1992: 7).

³ См., напр., русские фольклорные параллели: «Глуп, как сивый мерин», «Ленив, как сивый мерин», «Врет, как сивый мерин», «Не разговаривает мерин, а везет».

⁴ О мифологической логике у А. Зиновьева см.: *Elster* 1988.

Библиография

Баранов, Караулов 1991 — Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: (Материалы к словарю). М., 1991.

Барт 1989 — Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Войнович 1990 — Войнович В. Н. О моем непутевом блудном сыне: Читательские письма и интервью И. Хургиной//Юность. 1990. № 1. С. 76– 78.

Войнович 1993 — Войнович В. Н. Малое собр. соч.: В 5 т. М., 1993. Т. 2.

Генис 1995 — Генис А. Красный хлеб: Кулинарная история советской власти//Знамя. 1995. № 10. С. 211– 217.

Гюнтер 1992 — Гюнтер Х. Железная гармония: (Государство как тотальное произведение искусства)//Вопросы литературы. Вып. 1. 1992. С. 27– 41.

Елиаде 1991 — Елиаде М. Митове на модерния свят// Панорама. София, 1991. № 3– 4.

Зиновьев 1978 — Зиновьев А. А. Светлое будущее. Lausanne, 1978.

Зиновьев 1980 — Зиновьев А. А. Желтый дом. Lausanne, 1980.

Зиновьев 1990 — Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Кн. 1– 2. Свердловск, 1990.

Кларк 1992 — Кларк К. Сталинский миф о «великой семье»//Вопросы литературы. Вып. 1. 1992. С. 72– 96.

Лахузен 1992 — Лахузен Т. Новый человек, новая женщина и положительный герой, или К семиотке пола в литературе социалистического реализма// Вопросы литературы. Вып. 1. 1992. С. 184– 206.

Мелетинский 1979 — Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М., 1979.

Паперный 1985 — Паперный В. З. Культура «Два». Ann Arbor, 1985.

Пермяков 1970 — Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М., 1970.

Elster 1988 — Elster J. Active and Passive Negation: An Essay in Habermasian Sociology//Alexander Zinoviev as Writer and Thinker. An Assessment. London, 1988.

Genette 1982 — Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré, Paris, 1982

Golomstock 1990 — Golomstock J. Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, the Fascist Italy and the Peoples of China. London, 1990.

Riffaterre 1978 — Riffaterre M. Semiotics of Poetry. Bloomington, 1978.

Л. Салмон
Болонья

Русско-еврейская антропонимика: от ономастики к истории

Обзор литературы

1. К постановке вопроса

1.1. Как недавно отметил иерусалимский исследователь Пинхас Гиль, «еврейская антропонимика почти не разработана, работ, посвященных этой теме, мало, да и работы эти часто, к сожалению, полны ошибок и неточностей» (Гиль 1993: 40).*

Специфическая же тема русско-еврейской антропонимики была вообще игнорирована современными учеными ономастами. Замечательным исключением являлся лишь А. С. Приблуда (Приблуда 1970: 138–146; 1978: 257–271), который впервые назвал русско-еврейскую антропонимику «самостоятельным разделом в общей науке об именах» (Приблуда 1978: 257). Именно на основе русско-еврейского примера А. С. Приблуде удалось возразить французскому ученому Полу Леви, который отрицал существование как религиозных, так и языковых антропонимических критериев еврейского отличия: «Мы можем с уверенностью говорить о наличии в СССР, Польше и среди евреев, эмигрировавших в США, Канаду, Южную Америку, Англию, Францию и в другие страны, большого количества фамилий, принадлежащих исключительно евреям и не встречающихся у лиц других национальностей <...>. Мы поэтому можем говорить и об особой еврейской антропонимике, имеющей свои особенности: а) лексические, б) по моделям фамилий и в) по формам словообразования (Приблуда 1978: 258–259)¹.

А. С. Приблуда, как и вышеупомянутый Гиль, занимался исключительно русско-еврейскими (ашкеназскими) фамилиями, не учитывая ни личных имен, ни отчеств, ни их характерных

* Все русские цитаты приводятся по современным орфографическим правилам с исправлением опечаток.

сочетаний. Тот факт, что в настоящее время среди русских евреев существует определенный антропонимический код, способный, с одной стороны, русифицировать обладателей его, с другой, выделять его носителей из общей среды, хотя и широко известен, но остался вне поля зрения исследователей².

Этому характерному обстоятельству была посвящена статья под названием (в переводе с итальянского) *Кто такой Лев Борисович? Семиотико-лингвистические аспекты русско-еврейской антропонимики* (Salmon 1995). Она представляла собой попытку, с одной стороны, описать лингво-семиотическую систему (по которой признаны как «еврейские» именно те, а не другие сочетания имен и отчеств), с другой же — анализ причин и критериев, по которым сформировался именно данный семиотический код, и общие правила «перевода» старых «более еврейских» ономастических форм в формы морфологически и этимологически «русские» (т. е. греко-славянские). В статье выдвигался на первый план тот общеизвестный, но совершенно неизученный факт, что формально «русское» сочетание имени и отчества *Лев Борисович* в действительности является не русским, а «русско-еврейским»³. Фамилия Льва Борисовича, по имплицитным правилам этого кода, будет не Сидоров, Иванов или Васильев, а скорее Левинштейн, Коган, Кельнер, Файнберг. Лев Борисович Иванов звучит достаточно «двойственно».

В романе Владимира Кунина *Иванов и Рабинович*, где Иванов женится на сестре Рабиновича, Рабинович на сестре Иванова и каждый из героев принимает фамилию жены, юмористический эффект вызывается именно ономастическим нарушением:

«Василий Рабинович... Странно звучит, да, Арон Моисеевич?

— А то, что я Иванов — это нормально?» (Кунин 1991: 12–13).

С того момента, как русские евреи начали систематически пользоваться «русскими» именами, появилась обоюдная потребность (как с русской, так и с еврейской стороны) дифференцировать каким-то альтернативным образом национальную принадлежность носителя имени. Поскольку одно имя, одно отчество или одна фамилия оказывались недостаточными для определения их носителя, признак национальности перешел на сочетание двух или трех из компонентов русской антропонимической тройки (Salmon 1995: 447–449; 464)⁴.

1.2. В подборе источников к упомянутой статье, помимо разного рода очень интересных художественных текстов (литера-

тура, кино и анекдоты), мы столкнулись с, казалось, уже полностью забытым материалом, интересным с точки зрения как ономастики, так и истории.

В преимущественно филологическом труде *о Льве Борисовиче* не проводилось тщательного обзора исторических материалов. Историей пользовались чисто инструментально.

В настоящей же статье внимание акцентируется именно на ряде публицистических и научных трудов, появившихся в печати с конца пятидесятых годов прошлого века. Из этих материалов можно извлечь ценную информацию о том, как вопрос будто «ономастический» оказывается на самом деле отражением острого, никогда окончательно не разрешенного, частично табуизированного и мало изученного вопроса русско-еврейских отношений. Анализ этих различных материалов позволил создать представление о закономерностях в сложном соотношении история/культура/имя на русско-еврейской почве.

Вековая распря о «праве евреев именоваться христианскими именами» никогда в действительности не затихала; в коллективном восприятии русского общества использование евреями «христианских» имен еще недавно отождествлялось с самозванством. А еврейские ученые (историки, этнографы, филологи-литературоведы), писавшие в течение полувека об этом вопросе, руководствовались, в основном, потребностью защититься от обвинений и запретов, т. е. доказать, что большинство т.н. «христианских» имен — на самом деле являются библейскими, еврейскими.

Раскрывая вековой дореволюционный спор, эти научные материалы проявляют свою удивительную актуальность на фоне новейших выражений старых мифов.

В конце 1986 Г., например, появилась в машинописных экземплярах переписка Виктора Астафьева с Натаном Эйдельманом⁵. Известный русско-еврейский ученый Н. Эйдельман писал В. Астафьеву, спрашивая о причине некоторой тенденциозности в выборе имен отрицательных героев писателя. Эйдельман непосредственно указывал на значимую роль имени литературного героя и на последующую возможность автора влиять на восприятие читателя посредством сочетания некоторых характеристик героя с определенной его национальной принадлежностью.

Астафьев реагировал на это первое письмо довольно любопытно. Он ответил Эйдельману, разразившись неуместными оскорблениями, которые заканчивались вне логической связи: «Хорошо хоть фамилией своей подписываетесь, не предаете своего отца. А то вон не менее, чем Вы злой, но совершенно ссушенный атеист — Иосиф Аронович Крывелев и фамилию

украл, и ворованной моралью — падалью питается» (*Астафьев* 1986: 57).

Затем, не отвечая на вопрос, поставленный Эйдельманом, Астафьев переходил на обвинение в адрес евреев и латышей, под командованием «отпетого махрового сиониста Юрковско-го» в убийстве царской семьи. Эйдельман отвечал обвинениям, уточняя, что «<...> расстрелом царской семьи (давно установлено, что большая часть исполнителей была екатеринбургские рабочие) руководил не «сионист Юрковский», а большевик Юровский <...>. Кривелев носит, представьте себе, собственную фамилию» (*Астафьев* 1986: 57).

Эйдельман показывал, как, исходя из обвинения в самозванстве, легко можно было перейти на «логику “Майн Кампф” о «наследственном национальном грехе» (*Астафьев* 1986: 57). В эти же годы полемика распространилась по всем областям культурной жизни России: достаточно упомянуть стихотворение Бориса Абрамовича Слуцкого *Отечество и отчество* (в ответ на обвинения Василия Смирнова)⁶ и маленький шедевр-пародию Татьяны Толстой *Не могу молчать*, где писательница показывает нелепость отождествления еврейского «самозванства» с антиправославным заговором, подражая «ревнителям» в попытке разоблачить всякого: Пушкин — это Пушкинд; Михаил Лермонтов — это Мойше Лерман, Лев Толстой — это Лейба Гроссман, Василий Белов — это Барух Вайсман; Бондарев — «он же Бундарев, он же Арон Бундер»; Распутин — «он же Рабинович!»; Куняев — это Эльберминц! (*Толстая* 1990: 31).

Общее социо-антропологическое объяснение мифа о еврейском самозванстве в русской культуре возможно лишь посредством семиотического подхода, но роль этого мифа станет намного яснее при изучении исторического происхождения этого вопроса в царской России. Кроме того, между социо-исторической и семиотической системами культуры существует очень тесная связь, синтезированная горьким юмором Сергея Довлатова в повести 1986 г. *Иностранка*: «В сущности евреи — это фамилия, профессия и облик» (*Довлатов* 1993: 21).

Семиотический подход к проблеме еврейских личных имен на основе позиций Лотмана и Успенского (*Лотман, Успенский* 1992: 58–75) благоприятствует гипотезе, по которой «ревнители» воспринимали и продолжают воспринимать пользование т.н. «христианскими» (или «русскими») именами со стороны евреев как преступное «вмешательство» в русский миф, как кражу не принадлежащей им «сути».

Мифотворческий порочный круг, идущий от имен к национальному самоутверждению можно считать типичным для разных культур⁷. Но если учитывать, что интересующий нас

исторический период совпадает с эпохой «великих» мифотворческих антиеврейских позиций, завершившихся в России фальсификацией *Протоколов сионских мудрецов*⁸, то станет понятным насколько ономастический материал не заслуживает пренебрежения историков⁹.

Только при восстановлении этапов минувших распрей становится возможным рассмотреть предпосылки вопроса лингвистического, но по сути своей историко-идеологического.

2. Историко-юридический обзор.

2.1. Здесь не место приводить многочисленные и разнообразные обычаи общей ономастической этносистемы евреев, менявшиеся с библейской эпохи до последней диаспоры (*Zunz* 1837; *Bardis* 1969; *Гессен* 19916; *Имена* 1986: 724–729). Напомним лишь о некоторых характеристиках еврейской антропонимической системы. Среди евреев существовали разного порядка имена. Самое важное было имя «святое» (*shem hakadosh*), связанное с обрядом обрезания для мальчика и выбранное для девочки при приглашении отца к чтению Торы в первую субботу следующую за ее рождением. Самым используемым было имя «обычное» (*kinuj*), «производное» или «вторичное», часто заимствованное у окружающего народа. Кроме того, применялась кличка и наконец — часто, но не всегда — «имя-заместитель», связанное с суеверием или словесным табу, добавляемое в особых случаях с анимистическо-заклинательской целью во время беды (чаще всего болезни) (*Зеленин* 1929). Выбор всех этих имен никогда не являлся случайным, производным, а всегда был связан с определенным «значением»¹⁰.

У евреев до XVIII в. не существовало системы фамилий и, помимо вышеуказанных способов отличить человека, часто использовались как отчества, так и матронимические имена. Именно из этих форм и появилась с недавних времен (в основном, в течение XIX в.) основная часть еврейских фамилий.

2.2. В европейских промышленно развивающихся странах потребность в метрическом законодательстве, согласно которому каждый гражданин или подданный обязательно должен был получить имя и фамилию, стала проявляться на стыке XVIII и XIX вв. Проявилась параллельно и необходимость специальных аналогичных законов, регламентирующих еврейское меньшинство. Например, в 1787 г. Иосиф II обязал австрийских евреев германизировать свои фамилии, но при сохранении библейского имени для того, чтобы иметь возможность не путать еврея с немцем. Этот закон был отменен в 1836 г. В том же году

прусское правительство попыталось обнародовать закон, ограничивающий для евреев свободу в выборе имен. И только благодаря исследовательскому труду ученого-ономаста Цунца, специально изданному как ответ правительству, предложенный ограничительный закон не вошел в силу. Во Франции обязательная регистрация фамилии для евреев была установлена в 1808 г. указом Наполеона.

В Российской империи применение такого рода законодательных норм по отношению к евреям складывалось намного сложнее и этот вопрос оставался больше века в центре внимания властей.

Специфика России касалась очень многих аспектов еврейского вопроса, начиная с того, что еврейское население было очень многочисленным и управлялось до 1844 г. своим самостоятельным административным органом *Кагалом* и своими специальными раввинскими судами¹¹. Кроме того, в России имя вообще регистрировалось преимущественно не правительственными, а религиозными органами (священниками или раввинами) обрядом, следующим за рождением ребенка (крещением или обрезанием).

В 1802 г. был учрежден «Еврейский Комитет», имевший целью создание законодательного свода законов, который и был напечатан в 1804 г. под названием *Положение о евреях*. Тут содержались все нормы, регламентировавшие (в основном репрессивно) еврейскую жизнь.

Положение подтверждало, между прочим, существование черты оседлости, пределы которой евреи не могли покидать (за исключением немногих привилегированных категорий). Фактически для евреев около 4/5 территорий «своей» страны были закрыты. Это ограничение, дискриминировавшее российских евреев даже по отношению к иностранцам, имевшим право на свободное передвижение по территориям империи, и явилось ключевым элементом обострения «еврейского вопроса» в России. С самого начала, наблюдал писатель Лев Осипович Леванда, в отношении евреев законодательные органы проявляли отсутствие решимости. По мнению Леванды, свод законов, со своим «характером случайности», отражал «условность, гадательность, подозрительность и предубежденность против еврейского племени, как такового» (*Леванда* 1881: 4). Леванда говорил о «двойственности» взгляда законодателя на евреев, но кроме того, можно говорить и о принципиально «ограничительном» подходе законодателей к евреям, проявлявшемся в течение двух столетий в своего рода страхе коренного населения перед потенциальными узурпаторами и в страхе евреев перед произволом властей. Именно этот обоюдный страх, как увидим

в дальнейшем, очень повлиял как на исторические, так и на семиотические законы формирования имен российских евреев.

Основную роль в процессе выработки закона о еврейских именах сыграл поэт Гавриил Державин, назначенный консультантом «Еврейского Комитета». Он подчеркнул имевший место ономастический беспорядок среди русского еврейства и потребность в том, чтобы заставить евреев пользоваться фамилией (*Гессен* 1910, 31: 22–24; 32: 19–21; 1991б: 149–153; *Глубоковский* 1911; *Имена* 1986: 724–729)¹². В 32 разделе *Положения* 1804 г. было установлено, чтобы каждый еврей добавлял к полученному религиозным обрядом еврейскому имени, «фамилию или прозвание».

После подробного изучения тогдашней ситуации, Державин пришел к заключению, что российские евреи должны зарегистрироваться посредством имени, отчества и фамилии. С целью навести порядок он перешел к ограничительным мерам. Фамилия должна была образовываться исключительно из русской клички каждого еврея-подданного. Ограничительные критерии образования фамилий, предложенные Державиным, не применялись: русско-еврейские фамилии стали образовываться не только из клички, но также из отчества, из матронима (еврейская особенность), из профессии, из иудейских реалий или аббревиатурами-сочетаниями (акронимы) библейских личных имен (*Приблуда* 1978: 257–271; *Brzegina* 1986: 167–194)¹³.

Те же постановления подтверждались в 16 разделе последующего *Положения* 1835 г.

Число евреев, которые все-таки не пошли записывать имя, оказалось неожиданно большим, так что и предусмотренное наказание (изгнание из черты оседлости) не могло быть применено. В большинстве случаев невыполнения приказа имена давались властями по совершенно произвольным критериям (*Гессен* 1910, 31: 23).

По упразднении *Кагала* и последующем переходе евреев под контроль городских и уездных властей, были составлены новые списки, по которым каждому еврею — главе семьи сама власть давала имя и «прозвание» (фамилию), которыми с этого момента необходимо было пользоваться во всех документах.

В 1850 г. вошел в силу указ, запрещающий евреям менять свою фамилию даже в случае принятия православия, т. е. при крещении. В последующем такое ограничение было отменено, но вскоре его восстановили (*Свод Законов* 1876: 200–201; *Глубоковский* 1911: 62, 100).

Особенно при переходе от еврейского «самоуправления» к управлению государственному широко отмечалось явление, сопровождавшееся взволнованной реакцией некоторых евреев-

просветителей. В большинстве случаев — имена были зарегистрированы в уменьшительной, уничижительной или искаженной форме; иногда сами родители настаивали, чтобы записывалось ласкательное имя, которым они обращались по отношению к ребенку в домашней среде (знаменитые Мошка, Нотка, Иоська, Шлёмка, Берка, Сурка и т.д.). Становясь взрослыми, эти люди продолжали носить имя, лишавшее их гражданского достоинства, ибо в основном уменьшительная, уничижительная или искаженная форма были несовместимы с обращением на «вы» и по имени отчеству, принятыми при уважительном взаимоотношении между собеседниками.

К беспорядку, вызванному писцами госуправления, добавлялся и полный орфографический произвол, при котором уже искаженные имена записывались невнимательными раввинами в самых пестрых диалектных формах. Одно и то же имя представляло множество разнообразных вариантов¹⁴, которые, переходя из одного документа в другой, часто не совпадали: если при рождении имя записывалось в русской форме или на идиш, в свидетельстве о браке (обязательно религиозном) оно фигурировало только в своем изначальном, ритуальном еврейском (на иврите) варианте.

Кроме того, из двойных имен (святое плюс обычное), часто записывалось только одно, и не во всех бумагах одно и то же. Усердные писцы, бывало, регистрировали одно имя во всех используемых формах (Иицхак, он же Исаак, он же Ицекл, он же Ицек...) ¹⁵.

3. Историко-идеологический обзор.

3.1. Ситуация ономастического беспорядка, со всеми вытекающими последствиями, критиковалась как с русской, так и с еврейской стороны.

Эта «страшная запутанность» была впервые заявлена известным писателем, зачинателем русско-еврейской журналистики и литературы Осипом Аароновичем Рабиновичем: в 1858 г. появилась его статья *О Мошках и Иоськах* (Рабинович 1985: 339–350), вызвавшая бурную реакцию и ставшая краеугольным камнем для последующей полемики.

С грустью О. Рабинович задавал соплеменникам ряд вопросов: «Зачем вы, любезные мои соплеменники, ломаете и коверкаете свои имена до того, что я, брат ваш, с трудом узнать вас могу? Откуда взялись у вас эти Мошки и Иоськи и прочие неблагозвучные клички, непристойные для разумного существа на двух ногах? Не знаете? Так я вам расскажу» (Рабинович 1985: 339).

Автор указывал на прошлое с иронией: в Польше евреи удостоивались «многими льготами», паны обращались к ним по используемым в их домашней среде именам, а евреи «по простоте своей» считали это признаком «привязанности» в то время, как пан этим только выражал свое «презрение <...> смеялся, находя в <...> имени сходство с именем своей любимой лошади, или другого животного» (Рабинович 1985: 340). От «уменьшительности» имени — наблюдал Рабинович — легко было перейти к «уменьшительности» человеческого достоинства. Писатель приводил колоритные примеры, чтобы описать лакейскую расположенность евреев отдаться на унижение перед польской шляхтой. Во всем мире к детям обращаются ласкательно, — говорил Рабинович, — но уже в самом раннем детстве они в состоянии произносить правильно свое настоящее имя. В искажении имен Осип Ааронович обнаруживал символ подчиненности евреев и признак насилия по отношению к ним¹⁶.

Проблемы, связанные с диалектными вариантами, — по мнению Рабиновича (приписывавшего искажения «странствованиям из страны в страну» и «швабскому акценту нашего языка») — очень просто могли быть преодолены «переводом» имен в их русскую форму, как делалось «в старину», когда заимствованные имена переводились в еврейскую форму: Лёве/Ария, Бэр/Дов, Гирш/Цеви, Вольф/Зев. Это указывало тогда на «чувство самостоятельности», но в другие времена те же имена «опростонародились до безобразия» в Лейбка, Берка, Гершка и Волька.

Рабинович не преувеличивал. В действительности, в первой половине XIX использование евреями искаженных именных форм широко распространилось в связи с «кантонизмом»¹⁷. В эти смутные годы еврейские родители, дабы обмануть «ловчиков», в течение целых десятилетий не производили регистрацию своих сыновей, а одевали и звали их на женский лад. Иногда же мальчики регистрировались под фиктивными именами. В итоге уже во второй половине XIX в. очень многим еврейским мужчинам, рожденным до 1855 г., приходилось доказывать сам факт их рождения и хлопотать о получении имени и фамилии.

Особенно известным стал случай студентов Военно-Медицинской Академии, официально обратившихся в 1871 г. в Военное Министерство с тем, чтобы их еврейские «клички» изменили на «христианские» имена. Заявление было принято при условии, что раввин удостоверит тождественность старого имени новому¹⁸.

В заключительной части статьи 1858 г. Рабинович предложил несколько примеров самых распространенных среди евреев российской империи имен, как библейских, так и заимствован-

ных. Он высказал намерение издать вскоре новый, более подробный материал об ономастических обычаях евреев.

В своем втором труде *О собственных именах у евреев*, появившемся годом позже, Осип Рабинович отзывался о полемике, вызванной предыдущей статьей (названной кем-то из критиков «плодом праздного пера»). Он объяснял, что под внешне легкой оболочкой статьи *О Мошках и Иоськах* скрывались «затаенные слезы и сердечная боль» за соплеменников, что было понятно за границей (где издали несколько переводов) (*Рабинович* 1859: 311).

В новой работе писателя реализовалось данное им обещание о приведении подробного списка еврейских имен (вопреки намерению автора, не совсем полного), но также был продолжен разговор о волнующей его теме: «К сожалению, немногие понимают важность значения собственного имени человека; в особенности, немногие обращают внимание на имена евреев, народа, по преимуществу долго служившего целью порицания и насмешек писателей, которые старались прикрывать свою посредственность балаганною насмешкой над несчастным жидом и коверканьем имени его, — этой неотъемлемой собственности, доставшейся ему по прямой линии от древности ценою страданий и слез» (*Рабинович* 1859: 276).

По мнению Рабиновича, с того времени, как иврит перестал быть живым (устным) языком (ему казалось «навсегда»), евреи специально стали обращаться к именам древних источников, чтобы в имени отразилась национальная принадлежность (*Рабинович* 1859: 280). Конечно, принятие других, инородных языков внедрило новые имена, но потребность в «национальном» имени вызвала обычай двойного имени (присутствующий и у других народов, например, у древних римлян) (*Рабинович* 1859: 285).

Некоторые именные пары стали распространяться с большей частотой. В течение веков обычай двойного имени укрепился настолько, что не только еврейское имя сопровождалось соответствующим «инородным» именем (на языке окружающего народа, но и много иностранных имен переводились впервые на иврит. Если иврит Тоби (лучший) сочетался с греческим Аристон, Хабиб (милый, любимый) с Филоном, европейские имена, такие, как Фебус, Бенедикт, Бэр (Вдр), Гирш (Hirsh), порождали еврейские формы (соответственно Ури, Барух, Дов, Цеви), годившиеся для регистрации ребенка в официальных религиозных документах на иврите¹⁹.

По мнению Осипа Рабиновича, несмотря на частые искажения, в России количество употребляемых еврейских имен к концу XVIII в. стабилизировалось в связи с введением Екатериной II черты оседлости.

Кроме очень интересных, но мимоходом сказанных слов об именах еврейских персонажей в русской литературе (*Рабинович* 1859: 278), во второй работе Рабиновича содержится важное общее наблюдение, заслуживающее размышления: «Очень часто в одном и том же имени проявилось от трех до четырех национальностей» (*Рабинович* 1859: 296).

3.2. В 1874 г. русским капитаном Константином Степановичем Жураковским было опубликовано в г. Сувалки *Полное собрание еврейских имен*, под редакцией местного раввина С. М. Рабиновича (ничего общего не имевшего с писателем О. А. Рабиновичем) (*Жураковский* 1874). В намерения автора входило, чтобы том стал официальным ориентиром для предотвращения ошибок транскрипции имен: предложенные ономастические списки представляли собой пособие для консультации в соответствии с текущими постановлениями 1857 г., по которым евреи обязывались зарегистрировать свое имя при совершении религиозного обряда «непрерывно на еврейском и русском языках» (*Свод законов* 1857, 2: 102; 9: 313)²⁰.

К. С. Жураковский, как и Осип Рабинович, в основном обращался в работе к книге Цунца, которую он дополнил сведениями из еврейского источника, известной в то время книги Ефроима Маниса (*Манис* 1849). По словам Жураковского, эта книга «по отношению правильности написания еврейских имен и их происхождения от главного корня, считается евреями до настоящего времени неоспоримым руководством, и раввины в нужных случаях руководствуются почти исключительно филологическими объяснениями, заключающимися только в данной книге» (*Жураковский* 1874: 11).

Учитывая существование у евреев двойного имени — главного (или святого) и «народного» (т. е. вторичного), — Жураковский предложил список еврейских имен с «переложением» рядом на русский язык. Переложение можно было произвести или этимологически (семантически, по значению слова), или «по звукоподражанию», но в любом случае «на основании таких источников, которые имеют всеобщий авторитет» (*Жураковский* 1874: 11). Исключались, таким образом, лишь имена «неугодные Богу», т. е. имена врагов или преследователей евреев.

Собрание Жураковского содержит много неточностей, например, на еврейские имена, недавно сформировавшиеся с целью «национализировать» инородные имена, указывается как на исходный источник заимствованного имени (будто Гирш-Hirsh восходит к Цеви, Бендет к Борух; а «русским» переложением еврейского Борух считается Барух, т. е. имя на иврите в произношении испанских евреев, *сефардов*). Кроме того, автор

путал иврит и идиш, следовательно, не была поставлена задача разобраться с запутанностью вокализации (пунктуации) библейских имен евреев-ашкеназов. Наконец, будучи, вероятно, далеким от живой еврейской жизни, русский капитан пропустил очень много имен и совершенно игнорировал работы Осипа Рабиновича.

3.3. По мере того, как во второй половине XIX в. развивался процесс русификации-ассимиляции русских евреев, увеличивалось количество молодых евреев, воспитанных на русской культуре, учившихся в русских гимназиях и — несмотря на строгие ограничения — в университетах империи. При этом, в либеральную эпоху царя Александра II многим еврейским купцам стали разрешать выезд из черты оседлости. Все эти подданные, имевшие регулярно контакты с русским населением, обращались к властям с ходатайствами об исправлении или русификации их имен.

В 1883 г., после царевбийства и последовавших за этим погромов, была учреждена «Высшая Комиссия по пересмотру законов о евреях и для составления предположений о необходимых в них изменениях», называемая проще «Паленской Комиссией» (учредителем ее был граф Пален) и действовавшая до 1888 г. В эту комиссию и стали обращаться евреи с просьбой об изменении имен и фамилий.

Комиссия установила, что каждый еврей должен фигурировать в документах лишь только по имени, по которому он регистрировался в метрических списках, но она пришла также к заключению, что имеется необходимость в составлении собрания всех первоначальных еврейских имен. Такое собрание имен позволило бы уполномоченным конторам произвести упорядоченную и последовательную регистрацию. Данные, включенные в *Собрание Жураковского* считались недостаточными и недостоверными. Председатель комиссии Лобанов-Ростовский поручил профессору Коссовичу и пресловутому еврею-предателю Якову Брафману²¹ составление списка «правильных коренных» еврейских имен. Однако и эта работа оказалась неполной и неудовлетворительной.

По отчетам Комиссии можно определить, как многие евреи, при сохранении своего религиозного «еврейского» имени в обыденной жизни пользовались соответствующим значением или звучанию русским именем. А какого именно критерия придерживаться и как проверять правильность регистрации, стало вопросом непреодолимым. К уже заинтересованным министерствам добавилось и министерство финансов, опасавшееся возможности подлогов при неразберихе с именами.

3.4. Полемика обострилась в 1888 г., когда наконец-то комиссия официально признала свою неудачу и ограничилась следующим заключительным заявлением: «внесение в метрику еврея под другим, кроме библейских, именем не воспрещается» (*Глубоковский* 1911: 85).

Это заявление спровоцировало резкую реакцию князя Н. Н. Голицына, видевшего в отсутствии запрета подразумевающееся дозволение евреям в употреблении «христианских» имен. Этот факт им воспринимался как прямое оскорбление в адрес православной церкви: «... ибо это представляется явно несообразным с правилами православной и католической веры и высоким почитанием Святых Угодников, присущим русскому народу» (*Гессен* 1910, 32: 21)²².

Весь еврейский народ и, в частности, раввины, стал тогда объектом подозрения, будто посредством овладения именем стремились «сблизиться с коренным населением» (*Глубоковский* 1911: 102).

Комиссия предложила в ответ составление христианскими и еврейскими учеными двух списков: в первом должны были быть имена только еврейские; в другом — имена библейские, единые для евреев и христиан. Именами первого списка могли пользоваться и христиане и евреи, но последним никак нельзя было пользоваться именами, исключенными из обоих списков. Таким образом, как казалось, можно было уважить религиозное чувство христиан и предотвратить со стороны евреев возможность сокрытия под христианским именем своей национальности. В том же 1888 г. это предложение было принято министром внутренних дел графом Д. А. Толстым и министрами народного просвещения, юстиции и финансов, а в следующем году оно было дополнено соответствующими санкциями для нарушителей.

Разрешение евреям пользоваться, хотя и частично, «христианскими» именами вызвало резкое возражение военного министра, генерала П. С. Ванновского, считавшего проблему имен евреев «вопросом первостепенной важности» (*Гессен* 1910, 32: 11, 21; *Глубоковский* 1911: 100). Аналогичной была реакция обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

Спор не разрешился, поскольку новый министр внутренних дел И. Н. Дурново должен был констатировать, что составление двух необходимых точных и полных списков имен было неосуществимым делом. Он понимал, что провести черту между еврейскими и христианскими именами было невозможно. Дурново пришел к выводу, что вопрос нельзя решить законодательно, а только метрически, проверяя правильность первого зарегистрированного имени еврея во всех последующих документах.

Победоносцев смирился с решением Дурново. Ванновский же продолжал сопротивляться. Слова его, приведенные Гессеном, отражают очень четко официальную юдофобскую атмосферу этой эпохи. Главным признаком общего антиеврейского чувства была противоречивость (мифологическая алогичность): с одной стороны, министр открыто называл евреев «вредным в государстве элементом», упрямо сопротивляющимся ассимиляции с «господствующим населением»; с другой же стороны, он обвинял евреев в старании «замаскироваться» среди русских.

В 1893, после многочисленных обсуждений, Государственный совет окончательно принял позицию Дурново²³.

Ситуация осталась неизменной в течение почти всего первого десятилетия XXв., когда действовал заколдованный круг, по которому юдофобия порождала юдофобскую литературу, а юдофобская литература внушала и распространяла веру в угрозу заговора (уже, якобы, проявившегося в революции 1905 г.). Кроме того, за эти годы все больше и больше усиливалось участие евреев в литературной жизни, вызывавшее сопротивление большинства русских интеллигентов. Юдофобия стала, таким образом, распространяться в печати и принимать типичный «литературный оттенок». Русские националисты начали обвинять евреев в захвате все большего и большего пространства в интеллектуальной сфере, в евреизации русской культуры, в «жаргонизации» русского языка, в проведении, своего рода, литературного заговора. Тогдашние «литературные антисемиты» (по выражению Ш. Маркиша) жаловались на то, что им не давали свободно высказывать свой «асемитизм». Таким эвфемистическим термином выражалось тогда желание избавиться от присутствия евреев в литературной жизни (т. е. в редакциях журналов и газет, издательствах, типографиях). В этом и должен был заключаться процесс культурного «самоподъема» русской печати.

Полемика, развернувшаяся среди выдающихся русских и еврейских интеллигентов в конце первого десятилетия, заслуживает особого внимания, явившись важным этапом в русско-еврейских отношениях вообще и в вопросе об именах евреев, в частности.

Замечательная картина этой полемики содержится в сборнике статей 1909 г. *По вехам*, посвященном *Интеллигенции и «национальному лицу»*. Сборник представляет собой концентрацию материалов, отлично высвечивающих позицию самых активных представителей русской интеллигенции. В этих материалах заключена картина того умственного и самобытного кризиса, от которого страдала российская интеллигенция. В сборнике представлены статьи, появившиеся в «Вехах» и других

журналах, с соответствующими репликами заинтересованных адресатов-оппонентов.

П. Б. Струве, один из выдающихся участников сборника, видел крах интеллигенции в том, что она не смогла стать «русской», а лишь «государственной, в смысле: безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении». По мнению Струве, не только не надо было «русеть» евреям, того не желающих, но, главное, не надо было, чтобы русские сами себя «оброссиивали» (Струве 1909: 32). Но, как замечал его оппонент, русско-еврейский поэт Н. Минский, русские ревнители В. Голубев и П. Струве выражали свой национализм против одних евреев, а не против любого инородного элемента, которым русская культура пропитывалась в течение всего ее развития (от греков до французов) (Минский 1909: 52–60). Другой автор, Е. К. (вероятно, Е. Д. Кускова), приходил к выводу, что в конце концов в русской интеллигенции существовали два лагеря: «лагерь тех, которые ненавидят евреев только потому, что евреи» и «лагерь тех, которые ненавидят евреев не только потому, что они евреи» (Е. К. 1909: 61–65). Поиски истинно русского самовыражения культуры отождествлялись не с утверждением своего, а с отторжением чужого. А «чужое» значило еврейское.

Сборник *По векам* остается великолепным синтезом не только индивидуального, но и общего столкновения двух конфронтующих направлений русского культурного общества. Читателя этих писем-статей не может не поражать глубочайшая противоречивость их авторов, полностью неспособных понимать друг друга. Здесь доминирует та алогичность в развитии полемики, ставшая основным культурным «приемом» в мифо-творческом споре об именах и псевдонимах, которая во всей своей остроте проявится как в научной, так и в периодической печати два года спустя.

В 1911 г., помимо статьи Гессена для *Еврейской Энциклопедии*, почти одновременно были опубликованы очень важные для этого вопроса материалы: объемный *Сборник имен, употребляемых евреями в России*, изданный С. П. Варшавером в Житомире под авторством «ученого еврея при Волынском Губернаторе» И. И. Кулишера (Кулишер 1911); детальная брошюра профессора Духовной Академии Санкт-Петербурга Н. Н. Глубоковского (*Глубоковский* 1911); короткая, но красноречивая статья Т. Локотя о псевдонимах евреев, появившаяся в *Новом времени* (Локоть 1911).

Еще не закончив своего объемного труда, Иссер Кулишер отправил обширный рекламный проспект в комитет «Общества для распространения просвещения между евреями в России» (учрежденного в Петербурге в 1863 г. и очень активного во всех

еврейских культурных начинаниях). По разным данным, можно считать, что шли первые месяцы 1911 г. В основном, приведенные в проспекте сведения содержатся и в самом *Сборнике*. Однако в проспекте можно найти некоторые оригинальные высказывания, эффективно показывающие, что борьба за «право именоваться» уже очевидно выглядела борьбой против антисемитизма: «Всякое законодательное ограничение может рассчитывать, если не на вполне разумное оправдание, то хотя бы на тень его; можно даже соглашаться с Марковым *et tutti quanti* в том, что еврей ответственен уже за то, что он еврей, и потому принадлежит почти что уголовной ответственности за принадлежность к преступной нации <...>. Собственное имя еврея является лишним шипом в терновом венце его, апофеозом его унижения, излишней главою его мартиролога. Особенную остроту вопрос о еврейский именах собственных приобрел в последние годы, в разрешение его в значительной мере зависит от нас самих»²⁴.

Автор *Сборника* чувствовал себя ответственным за гражданские права евреев. Он мотивировал имевшиеся пробелы тем, что «спешил, так как мне казалось необходимым выпустить свой *Сборник* как можно скорее в наше глухое безвременье» (*Кулишер* 1911: 10).

По всей вероятности, Кулишер заканчивал свой труд в период, когда Н. Н. Глубоковский был занят написанием книги «О праве евреев именоваться христианскими именами». В этой книге очевидна серьезность Глубоковского как ученого, но слишком остро для такого рода работы проступает его нелюбовь к евреям. Уже с первых строк книги чувствуется предвзятость автора. «Вопрос «о праве евреев именоваться христианскими именами» предполагает наличие «христианских» имен, которыми желают позаймствоваться евреи, — конечно, — для покрытия своих недостатков <...>. Мы, христиане, не можем и не в праве этому противиться или даже сами готовы санкционировать и поощрять подобное похищение» (*Глубоковский* 1911: 3)²⁵.

Самое интересное в том, что как Кулишер, так и Глубоковский не только передавали факты идентичным образом, но и интерпретировали их одинаково. У них глубоко отличалась лишь цель исследования с последующим предложенным разрешением вопроса. Констатируя «неприличный» факт того, что евреев в обществе знали под «христианскими» именами, вопреки написанным в их документах «еврейским» именам²⁶, Глубоковский проповедовал отрицательность «иудейско-национальной самобытности», ставшую позже причиной глубокой «антипатии» русского народа к евреям (*Глубоковский* 1911: 52–53).

Из-за смешения научности, тенденциозности и беспорядка изложения книга Глубоковского предстает крайне негомогенной. Тенденциозности, например, можно приписать совершенно лживое обвинение в «неохристианстве», выдвинутое автором в адрес «известного кишиневского еврея О. А. Рабиновича, вызвавшего лишь одну смуту и закончившего карьеру каким-то сомнительным и условным присоединением к протестантству» (Глубоковский 1911: 43).

Острого полемического тона придерживается статья Локотя, обвинявшего образованных евреев в сокрытии своей национальности под русскими псевдонимами. Но автор, утверждая, что любая проблема в России связана с «еврейским вопросом», преимущественно обвинял русскую интеллигенцию в самовредительстве. Своей снисходительностью к еврейскому господству «в анонимной и псевдонимной радикальствующей печати» русская интеллигенция вредила благу «русского племени»²⁷.

В ономастическом и историческом планах *Сборник* Кулишера является очень достоверным, хотя и здесь наблюдается типичная для еврейской печати слабость: постоянное стремление к самозащите при ощущении, что всякое научное доказательство бессильно перед предрассудками.

Сборнику предшествует довольно эрудированный «Исторический обзор» (дающийся во второй пагинации). В нем автор говорит о том, что невежество и варварство приводили к преследованию евреев христианами, но в прошлом никогда не доходили до ограничения в употреблении имен. Упоминается и роль «германского антисемитизма», распространившегося в России в восьмидесятые годы.

Кулишер очень подробно объяснял обычай двойного имени, синагогального (*shem hakadosh*) и гражданского, или произвольного (*kinuy*), которого придерживались всегда евреи. Гражданское или «народное» имя образовывалось либо посредством сокращения или перевода синагогального имени, либо на основе любого заимствованного имени, либо, наконец, из клички. Обычай двойного имени настолько укоренился, что при «потере» или «забвении» святого имени, оно восстанавливалось в обратном порядке.

Кроме того, Кулишер был первым исследователем, обратившим внимание на значительную роль отчества: «Этот вопрос, в силу его кардинальной важности, нуждается в подробном рассмотрении, особенно ввиду того, что **«несогласование отчества»** в массе случаев представляет собой то же **«несогласование имен»** (Кулишер 1911: 104).

Он отмечал сложность образования и транскрипции отчества для нерусских народностей империи (например, поляков,

немцев и евреев). Часто писцы должны были «сочинить» из неизвестного «терпкого» имени морфологически русское отчество (имя Ицхок могло породить отчества Ицков, Ицкович, Ицкевич)²⁸.

Надо, кстати, отметить, что в Советском Союзе отсутствие порядка в формировании отчеств осталось. Дети одного и того же отца могли быть записаны с различными отчествами, в зависимости либо от того, как было указано в каждом отдельном документе имя отца, либо от того, как из одного и того же имени образовывалось отчество. В течение жизни человек мог менять отчество по нескольку раз²⁹.

4. Что такое «христианское» имя?

Особенно интересно проследить, как полемизирующие в 1911 году ученые употребляли и относились к понятию «христианское имя», тем более, что еще сегодня в последнем издании *Словаря русской ономастической терминологии* такое выражение официально признается. Оно определяется как «имя, связанное с христианской религией: а) православное, б) католическое, в) протестантское», но среди «христианских» имен приводятся Сарра и Даниель (*Подольская* 1988: 76–77), еврейское происхождение которых вряд ли можно опровергнуть.

Глубоковский не старался определить понятие «христианских» имен научным путем, и это лишнее доказательство неудавшихся стараний автора научно обосновать свою позицию. С другой стороны, очевиден факт того, что — как считалось тогда — понятие «христианское имя», будучи общепринятым, не нуждалось в детальных объяснениях. Согласно Глубоковскому, имя, «связанное» (независимо от этимологии или первичного источника) с христианской традицией, становится неотъемлемым и исключительным достоянием этой, а не другой веры: «В конце концов, всякое христианское имя священо лишь верою Христовой, <...> никто не отрицает собственно христианских имен, которые допускает и Раввинская комиссия без всяких оговорок. И для последних не находится справедливых оснований. Верно, что большинство наших имен — внехристианского происхождения и по своему звуковому смыслу не заключают в себе ничего специально-христианского. Но ведь так это было лишь некогда, давным-давно, а время прошло, и они теперь стали другими, христианскими» (*Глубоковский* 1911: 44–46).

Удивляет, как ученый миновал очевидное обстоятельство, что именно по такой же логике те же самые имена могли считаться еврейскими и евреями и иудейской верой. Действи-

тельно, окончательная попытка автора убедить в «не праве» евреев пользоваться такими именами, оказывается, как минимум, неубедительной: «<...> для усвоения себе каких-либо общих с христианством имен еврейство обязано привести равное основание и не может ссылаться на голую наличность таких названий в его традиции, если они встречаются там случайно и спорадически <...>» (Глубоковский 1911: 48).

В любом случае, в своей книге Глубоковский постоянно переходит от уравнивающего тона к открытой полемике. Русский ученый обвиняет в очевидном и афишированном атеизме крестившуюся «либеральную часть еврейства», т. е. указывает на чуждость евреев любой религии. Он полностью придерживается теоремы иудейского заговора, утверждая, что борьба евреев против христианства была в действительности сутью еврейского «национального» дела.

С одной стороны, Глубоковский подчеркивал атеистическую склонность евреев (Глубоковский 1911: 41–42), с другой же он пытался объяснить, насколько для евреев атеизм являлся выражением распада «национальной обособленности» (Глубоковский 1911: 54). Таким образом, Глубоковский чутко обнаруживал настоящую противоречивую характерность распада и кризиса еврейской самобытности, но предлагал поверхностную, предвзятую ее интерпретацию: «Nomen est nomen. Если же еврей не хочет именоваться по-еврейски, то он, конечно, вполне равнодушен по части своей религии. Это религиозно-индифферентный человек в принципиальном смысле, готовый креститься из-за корыстных выгод» (Глубоковский 1911: 38).

Чтобы показать необоснованность самого понятия «христианского имени» и нелепость запрета, Кулишер отмечал, что прежде всего «<...> запрещение евреям именоваться именами *будто христианскими*, на деле же библейскими и античными, создало у самих евреев ложное представление о своих именах (Кулишер 1911: 7).

Кулишер посредством конкретных филологических данных старался убедить в том, что большинство «христианских имен» были в действительности еврейскими и принадлежали иудейской религиозной традиции. С другой стороны, отмечал ученый, некоторые имена, принятые на деле как еврейские, с еврейской традицией ничего общего не имели. Автор старался придерживаться научного подхода к теме и избегать полемического тона, но в заключении труда все же очевидно его эмоциональное участие в этом вопросе: «Главным образом борьба у нас ведется против употребления евреями (так называемых) христианских имен. Но о каких именах здесь может идти речь! Ведь имена Н. З. усвоены их носителями-христианами либо в еврействе от

еврейских родителей, либо в язычестве от родителей язычников» (*Кулишер* 1911: 97).

Кулишер приводил длинный список имен еврейского происхождения, которые противники евреев считали исключительно «христианскими» (т. е. русскими) и поэтому достойными запрета для евреев (*Кулишер* 1911: 97–98). Исследователь показывал, таким образом, нелепость обвинения в самозванстве человека, имя которого было Исаак, Натан, Моисей, а не Ицко, Нусь или Мошко, будто еврей не имеет права на полный вариант своего имени.

5. Актуальность проблемы.

Законодательно-юридический вопрос, касающийся еврейских имен, официально разрешился после 1917 года. Был отменен запрет на изменение (русификацию) уже зарегистрированных характерных еврейских имен и «многие евреи взяли себе менее типичные имена» (*Имена* 1986: 729)³⁰. Тогда же осуществлялась широкая русификация фамилий, до тех пор запрещенная законом 1850 г. Тем не менее, другие евреи, чтобы не выглядеть выкрестами (т. е. чтобы отличаться от коренных русских) присваивали себе «более интернациональные» имена: «Когда в России после революции 1917 был отменен закон, запрещающий евреям менять личные и <мена> на неевр<ейские>, мн<огие> евреи взяли себе менее типичные и <мена> (напр., изменяли Берл на Борис, Гирш на Григорий, Лейб на Лев; нек<ото>рые из этих православных имен стали преобладать именно в евр<ейской> среде). Другие евреи, не хотевшие «выглядеть выкрестами», присваивали себе «более интернациональные» англ<ийские>, нем<ецкие> и франц<узские> личные и <мена>. Наряду с личными и <менами> часто меняли и отчества, прибавляемые к именам евреями (гл<авным> обр<азом> просвещенных кругов) уже в XIX в. <...> Во многих случаях меняли и фамилии <...>» (*Имена* 1986: 729).

Очень интересен тут парадокс, выражающийся еще и сегодня в двух противоположных, но взаимосвязанных социальных направлениях: желание евреев, с одной стороны, ассимилироваться, преобразовать Лейб в Лев или Леонид, с другой же стороны, остаться верными своим корням.

Казалось бы, именно в этой противоречивой взаимосвязи надо искать историко-идеологические причины сформировавшейся сегодня антропонимической системы русских евреев, позволяющей им отличаться, да не совсем, от прочего населения. Евреи взывают к праву национальной самобытности при

равноправии. Эта тенденция наблюдается и в Израиле, где русские евреи, с одной стороны, готовы менять имя и фамилию, чтобы евреизировать их (Миша становится Моше), с другой же, они стойко защищают свое русское происхождение и свою русскую культуру.

Видимо, и здесь возможно применить общее правило социономастики, по которому социальная группа старается отличаться именами больше, чем готова их имитировать. Иными словами, роль своей социальной (национальной) самобытности важнее любой моды. «Ономастическая мобильность» существует, но управляется строгими законами социального статуса или идеологии: если «городское» имя имитируется «крестьянами», вскоре то же имя воспринимается как «деревенское», а горожане от него начинают отказываться. В данном случае, русские евреи (99% которых проживает в городах; Синельников 1994: 91), пользуясь определенными именами (связанными по созвучию или переложению с еврейской традицией), т. е. делая их «еврейскими», автоматически отбирают их от ономастикона русских. Таких имен мало, поскольку они действуют в комбинации с отчеством и фамилией.

Тем не менее, что касается русско-еврейской антропоники, объяснения, предложенные социономастикой, являются недостаточными. Как мы увидели, за этим вопросом скрывается целый комплекс причин, связанных с чрезмерно запутанной историей русского еврейства. Имена евреев менялись, в основном, из-за двойного противоречащего друг другу страха: страха перед властью и страха перед национальным самоунижением. В разные эпохи русской истории эти две тенденции чередовались в зависимости от преобладающей идеологии и от реальной угрозы со стороны государственной политики. С другой стороны, имена евреев стали болезненным объектом различных страхов и комплексов русских антисемитов. Все это очень хорошо отразилось в печати, особенно в публицистике, в литературной критике и в художественной литературе.

Что касается современной связи между антисемитизмом, литературой, еврейскими именами и псевдонимами, необходимо обратиться к анализу, предложенному Шимоном Маркишем (Маркиш 1995: 212–224).

В тридцатые годы, особенно при возрастающем сталинском антикосмополитизме, когда «даже слово *еврей* произносилось шепотом» (Маркиш 1995: 218) евреи стали массивно маскироваться под безукоризненно русскими именами. Были известны случаи, когда еврей, например, вдруг превращался в «Николая», т. е. приобретал имя, до того и после того не принадлежавшее

русско-еврейскому коду, но именно поэтому более «безопасное» (*Salmon* 1995: 462–463)³¹. А по мере того, как евреи-космополиты «скрывались», антисемиты старались их «раскрывать». Таким образом опять возобновлялась борьба против псевдонимов посредством «раскрытия скобок», ставшего самым распространенным из намеков на синонимию космополит=еврей (*Маркиш* 1995: 221). В эпоху же оттепели у евреев, как реакция на «деморализацию личности», восстановилась острая чувствительность к еврейским именам.

В двусмысленном по отношению к евреям периоде застоя опять-таки обострился парадокс: с одной стороны, пробудились ассимиляторские навыки части еврейства, с другой стороны, более тихий, но действующий государственный антисемитизм не давал еврейскому самосознанию возможности уснуть. Среди евреев закрепился тогда вышеуказанный антропонимический код. Его можно считать своего рода компромиссным общественным «церемониалом»: русские евреи не отказываются от национальной гордости, но выражают ее языковыми правилами русского «слуха». Остается вопрос, долго ли сможет просуществовать такой код и будет ли он меняться, как раньше, в зависимости от подхода российского правительства и общественного мнения к евреям.

В любом случае можно констатировать, что нарушение евреями антропонимического кода еще сегодня считается русскими преступным старанием скрыть еврейскую национальность, евреями же — своего рода «отступничеством».

Обычай двойного имени и критерии его формирования, как и полемика о праве евреев именоваться «христианскими» именами, продолжились до наших дней, пережили распад Советского Союза и возрождение религиозной практики. Мы постарались показать, что причину стойкости этого вопроса можно искать в острой мифологизации (стереотипизации) русско-еврейских отношений, о чем и свидетельствуют исторические данные. Видимо, систему имен и ее роль в межнациональном обществе можно с основанием считать зеркалом тревожных взаимоотношений инокультурного и принимающего народов.

Примечания

¹ Глубокую благодарность выражаю профессору Р. Ш. Ганелину, сообщившему автору этой статьи о существовании в Москве в бывшем Партархиве коллекции А. С. Приблуды, изучение которой сможет в будущем позволить развить исследование. Профессору Ганелину автор статьи признателен и за другие ценные советы.

² Это исключение можно объяснить, в основном, двумя причинами. Во-первых, табуизацией острой темы «национальности»; во-вторых, «однонаправленностью» как русских, так и еврейских ученых-ономастов. У одних отсутствовали то ли научные средства, то ли интерес к вопросу русско-еврейской антропонимики. Что же касается евреев, культурно-психологическая ситуация была сложнее: «националисты» с трудом могли согласиться с тем, что еврейская самобытность выражается уже почти исключительно русскими личными именами (т. е. именами этимологически греко-славянского, либо библейского происхождения, но установленными в греко-славянской форме); «ассимиляторы», наоборот, предпочитали игнорировать неприятную конфликтную тему.

Необходимо упомянуть и о целом ряде безусловных практических сложностей, встречаемых при таком исследовании. Речь идет о доступе к спискам населения, о том, что указанная национальность (в частности, еврейская) — при огромном числе смешанных браков — зависит от личного выбора человека при получении паспорта и о том, что фамилия может быть изменена при браке. А. Синельников очень четко показывает эти сложности: при переписи 1989 г. — он утверждает — 93% детей смешанных браков были объявлены детьми «русской национальности» (Синельников 1994: 93). Кроме того, статистические данные не могут обосновываться на достоверных критериях во всех странах: в США и Израиле, например, преобладает религиозный критерий (по материнской линии), в то время, как в России принадлежность к еврейству зависит от различных факторов (Синельников 1994: 96). При возобновлении еврейской эмиграции из России, многие из принадлежащих к вышеуказанным 93% «русских» детей считали выгодным войти опять в число евреев и приобрести фамилию еврейского родителя. Что же касается еврейских общин, дело обстоит не лучше. По общеизвестным политическим причинам метрические списки оказываются неполными, а приведенные в еврейском варианте имена не совпадают ни с именами, записанными при рождении, ни с именами обиходной жизни. То же самое можно сказать и о данных погребальных надписей на еврейских кладбищах. Здесь, вопреки старинным религиозным законам, похоронены многочисленные неевреи и, в любом случае, данные являются устаревшими, касаясь, в основном, родившихся в первом тридцатилетии текущего века.

³ Лев Борисович — полностью условное сочетание. Можно было бы привести еще подобные примеры: Илья Григорьевич, Ефим Львович, Иосиф Леонидович, Марк Наумович и т. д.

⁴ В упомянутой статье отмечается также важная роль этой специфической темы в более общем, еще не завершенном споре о «значимости» личных имен (Salmon 1995: 444–446).

⁵ Она была опубликована за границей, в журнале «Страна и мир», в декабре того же 1986 г. (Астафьев 1986).

⁶ — По отчеству! — учил Смирнов Василий, — //их распознать возможно без усилий!//— Фамилии сплошные псевдонимы, //а имена — ни охнуть, ни вздохнуть, //и только в отчествах одних хранимы//их подоплека, подлинность и суть.// Действительно: со Слуцкими князьями//делу фамилию, а Годунов —//мой тезка, и, ходите холудном, //Бориса Слуцкого не уличить в изъяне.//Но отчество //Абра-

мович. Абрам —//отец, Абрам Наумович, бедняга.///но он — отец, и отчество, однако.///я, как отчество, не выдам, не отдам (*Слуцкий* 1988: 96).

Со стороны писателей и критиков, в советской и эмигрантской литературе, практика часто повторяющихся еврейских имен и отчеств не раз была связана с идеологической целью (см., например, случай, приведенный Ш. Маркишем, поэта Семена Израилевича Липкина, обвиненного в «злостном сионизме» белорусским писателем И. П. Шамякиным (*Маркиш* 1995: 214)).

⁷ Не случайно фашизм в Италии вмешался в ономастические нравы итальянцев, запрещая законом пользование иностранными именами или требуя их полной формальной итальянизации (немецкое Walter регистрировалось тогда как Valtergo или Gualtiero).

⁸ Что касается *Протоколов*, отошлем к результатам новейших историко-текстологических исследований итальянского ученого Чезаре Де Микелиса, доказавшего их безусловно российское происхождение. Речь идет о ряде трудов, печатающихся в научных журналах как в Италии («AION-Slavistica» и «Studi storici»), так и во Франции («Cahiers du monde russe et soviétique»).

⁹ Не случайно именно в 1935 г., при вступлении в силу законов о расе, появилась в Лейпциге книга Кесслера (*Kessler* 1935). Гитлеровское законодательство ограничило выбор имен евреев до 185 для мужчин и 91 для женщин. Если у еврея было имя, не включенное в список, он автоматически регистрировался мужским именем Исраел или женским Сара (*Имена* 1986). В Италии перед вступлением в силу законов о расе (1938 г.) развился самый живой интерес к еврейской антропониимике с целью снабжения необходимыми инструментами ревнителей «итальянской чистоты». Видимо, связь между антисемитизмом и именами является общим явлением.

¹⁰ Под словом «значение» имеется в виду не только «этимология», но также и семиотическое понятие «значимость».

¹¹ *Кагал* (на иврите «община») существовал с древних времен, а с XVI в. стал официальным органом управления польских евреев. С первого раздела Польши (1772 г.) Екатерина II подтвердила все общественные функции кагала в управлении новым «русско-еврейским» населением. История кагала очень сложна, но хорошо резюмируется в статье Юлия Гессена для *Еврейской энциклопедии* (*Гессен* 1991в: 87–94) и в статье *Кагал* в *Краткой еврейской энциклопедии* (*Кагал* 1986).

¹² Отношение Державина к еврейству еще потребует детальных исследований. В качестве царского консультанта он оказался вовлеченным в обсуждение о пресловутых случаях «ритуальных убийств», при которых он сыграл двусмысленную роль: о нем Ю. Гессен говорит, что он «подозрительно относился ко всем явлениям еврейской жизни» (*Гессен* 1910, 31: 22). Державиным было написано несколько работ о еврейском законодательстве (см. сведения в статье, посвященной поэту Ю. Гессеном) (*Гессен* 1991а: 112–114).

¹³ Этой любопытной специфике посвящена работа Приблуды «Фамилии-аббревиатуры евреев» (*Приблуда* 1970: 138–146), особенно интересная с лингвистической точки зрения.

¹⁴ Идиш — язык, которым пользовалось еврейское население Российской империи — имел целый ряд местных наречий, которые можно свести к двум основным ветвям: восточной и западной. Их основное отличие было в значительном разнообразии гласных и двугласных. Очень детальные сведения об этом содержатся в монографии на польском языке Евы Геллер (*Heller* 1994).

¹⁵ Между прочим, обычай изменения имени установлен и среди русских. Б. Чернышев пишет: «L'habitude d'avoir deux noms religieux ne se constate pas aujourd'hui dans les milieux ou se parle le russe littéraire. Mais on rapporte que jadis, par superstition, on cherchait parfois à se protéger contre le sortilège en dissimulant son vrai nom de baptême derrière un nom de façade» (*Cernysev* 1934: 213–214). Цитируя Зеленина (*Зеленин* 1929–1930), Чернышев делает наблюдение, что привычка «*changer le nom*» исторически общераспространенная и дает интересные примеры изменений имен у русских (от Никифора до Дмитрия и Митрофана; архив Псковской губернии; *Зеленин* 1929–1930). Что касается русской антропоники, рекомендуется консультация Б. О. Унбегауна (*Unbegaun* 1950).

¹⁶ З. Фрейд в совершенно другом контексте в 5-ой главе *Психопатологии обывденной жизни* пишет, что искажение имени равно оскорблению, когда оно происходит сознательно и что, вероятнее всего, можно истолковать его так же и в целом ряде несознательных ляпсусов.

¹⁷ Призыв на тридцатидесятилетнюю военную службу обязательного и неизменного количества евреев (чаще всего детей с восьми-десяти лет; освобождались от повинности только перворожденные). Кантонизм прекратился со смертью Николая I. Почти всегда «кантонисты» были вынуждены принять христианство (в основном симулированное), но очень часто они предпочитали самоубийство. Рекрутчина велась самой общиной, и когда число рекрутов не соблюдалось, общине назначался «штраф», состоявший в дополнительном контингенте еврейских парней. Осип Рабинович посвятил этой теме свою знаменитую повесть *Штрафной*, недавно переизданную (*Рабинович* 1985: 5–76). Слово «кантонизм» происходит от французского слова «*canton*», обозначавшего тогда место рекрутского набора.

¹⁸ Постановление № 245 Гос. Совета от 20 января 1873 г. (Глубоковский 1911: 64). В некоторых случаях студентам-евреям, принявшим православие, позволяли унаследовать русскую фамилию своего крестного отца с разрешением ею пользоваться в дипломах рядом с еврейской фамилией (Гессен 1910, 31: 22–23). В дальнейшем рассмотрение этого вопроса перешло от Военного Министерства в Министерство Народного Просвещения и, наконец, в Министерство Внутренних Дел (Гессен 1910, 31: 22–23).

¹⁹ Наверное, Рабинович частично упрощал этот вопрос, так как — как он сам и говорил — его единственным источником была книга Цунца. В своих примерах писатель обращал мало внимания на хронологические и диахронические подробности. Он, например, сперва упомянул имя Едидья (боголюб) как еврейский источник в греческой среде имени Теофил, а вскоре после того утверждал, будто Едидья недавнее имя, составленное на иврите *ad hoc*, чтобы перевести немецкое *Gottlieb*.

Некоторые неточности и противоречия второго труда Рабиновича, научная цель которого не скрывалась, помогают представить запутанность ономастических данных и полное отсутствие достоверных материалов об этой теме (за исключением, естественно, книги Цунца).

Надо уточнить и то, что все, относящееся к мужским именам, может быть отнесено и к женским (хотя этот вопрос требует еще дополнительных исследований).

²⁰ Отметим здесь неточность определения «еврейский язык», которым в те времена считался не иврит, библейский «мертвый» религиозный язык, а еврейское «немецкое наречие», т. е. идиш.

²¹ Бывший еврей-выкрест, дискредитировавший своих бывших единоверцев и свою бывшую веру, составил в русском переводе сборник подделанных цитат и тенденциозно подобранных отрывков из еврейских документов. Речь идет о *Книге кагала*, ставшей важным идеологическим основанием версии о «международном еврейском заговоре», т. е. оптимальной предпосылкой для создания *Протоколов*.

²² Цитата приведена Ю. Гессеном без указания на источник.

²³ Закон 23 апреля. В случае нарушения, т. е. изменения уже зарегистрированного имени, штраф не мог превышать 200 руб. В случае модификации имени с целью скрыться от уголовного наказания ответственность еврея могла суммироваться. Исключением считался «случай погрешности писца» (*Гессен* 1910, 32: 21).

²⁴ Проспект имел открытой целью пред-продажу книги, чтобы финансировать нуждающегося в материальной поддержке автора (см. копию, найденную среди бумаг этнографа Льва Яковлевича Штернберга: С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 282. Оп. 1, № 177. Л. 61а–62а).

²⁵ Книга Глубоковского *По вопросу о праве евреев именоваться христианскими именами* состоит страниц из шестидесяти, посвященных сути вопроса, за которыми следует продолжение под названием «Историческая справка о домогательствах евреев в России на «право» именоваться христианскими личными именами», т. е. резюме об историческом развитии вопроса. Наверное, и вторая часть книжки принадлежит перу Глубоковского, но это не уточняется. Однако первая часть заканчивается указанием даты и места сочинения (СПб. 1911, III, 10 — четверг, т. е. четверг 10 марта 1911), а во второй части повторяется многое из уже сказанного в первой. Пагинация Глубоковского одна, поэтому сноски на автора относятся к обеим частям.

²⁶ Любопытно заметить, что это обстоятельство встречалось достаточно часто еще несколько лет тому назад. В шестидесятые годы, например, большинство еврейских детей были известны в школе под русскими именем и отчеством, хотя в паспорте они были зарегистрированы под другими именами и иногда совершенно далекими от русских форм.

²⁷ Статья Локотя цитировалась Глубоковским, как доказательство значимости этого вопроса.

²⁸ Если с древности евреи пользовались отчеством, то это было только в форме «сын того-то», в то время как в русском языке отчество могло да и может полностью заменить имя.

²⁹ Пример, приводящийся ниже, показывает, как в документах троих детей обнаруживаются четыре разные формы отчества от

имени Невах (Ноевич, Ноахович, Наумович, Неваховна). Осталось письмо (рукописное) с интересным изложением этого процесса, где читаем: «В 1918 году в марте 24-ого дня, в метричной книге для записи родившихся евреев по г. Псков под № 6 по мужской графе, записана следующая статья: “1916 июля 22 дня по иудейскому исчислению 5-ого дня м-ца *Ов* (далее следует происхождение отца — Коварского Невах Лейбовича — от законной его жены Двейры Иоселевны родился в г. Псков сын, которому при совершении над ним согласно законам иудейской веры религиозного обряда, наречено было имя *Ефрем*)” <...> По рассказам моих родителей, в нашей семье, проживающей в г. Псков, в городе с малым количеством еврейских семей, считали возможным изменить имя, воспринимаемое, как альтернативное, заменив имя “Ефрем” на “Фома”. Тем более, что мама бабушка носила имя Фомерода. В 1932 году поступил на учебу в Лужский Комбинат связи, где свидетельство о рождении не требовали, а приняли по анкетным данным и по окончании в выданном документе было приведено имя “Фома”, отчество Ноевич <...>. В документах, сохранившихся в нашей семье (свидетельство о смерти отца и матери), указано: отец — Ноих Лейбович, мать Двейра Иосифовна <...>». Письмо сохраняется автором статьи.

³⁰ Обязанность регистрации в паспорте отчества стала действовать для всех народностей СССР только в 1936 г. Тогда добавилась и проблема значимости отчества. В СССР беспорядок в системе отчеств превышал беспорядок имен и фамилий. Дети одного и того же отца могли регистрироваться с разным отчеством 1) в зависимости от того, как в каком документе было зарегистрировано имя отца; 2) в зависимости от того, как из той определенной формы имени образовалось отчество (если отец был зарегистрирован как Ной, Ноах и Невах, трое детей могли получить три разных отчества — Ноевич, Ноахович и Невахович — которые, по возможности, в дальнейшем менялись по созвучию на Наумович).

Вопрос отчества особенно важен, учитывая, что в России в практике часто пользуются отчеством в апеллятивной функции имени.

³¹ В рукописном письме Ф. Н. Коварского (см. прим. 29), еще читаем (довольно эвфемистически выражено): «В тридцатые годы были обычными замены имен, воспринимаемых, как слишком архаичные, на созвучные, альтернативные имена. Поэтому измененные имена и отчества не вызывали возражений. На примере моей биографии и сохранившихся документов явствует, как формировались имена и отчества моих брата и сестры, получавших документы в Союзе в 20– 30 годы (не очень строгие, в смысле документирования при поступлении на учебу и работу) <...>».

Аналогичные адаптации или маскирования имен и фамилий с целью вынужденной ассимиляции известны и у других народов и в разные исторические времена.

Библиография

Астафьев 1986 — Астафьев В. Взгляд извне и изнутри // Страна и мир. 1986. № 12. С. 54–61.

Гессен 1910 — Гессен Ю. И. Право евреев на имена // Новый Восход. 1910. № 31. С. 22–24; № 32. С. 19–21.

Гессен 1991a — Гессен Ю. И. Державин, Гавриил Романович // Еврейская энциклопедия. Л., 1991. Т. 7. С. 112–114.

Гессен 1991б — Гессен Ю. И. Имена собственные по русскому законодательству // Еврейская энциклопедия. Л., 1991. Т. 8; С. 149–153.

Гессен 1991в — Гессен Ю. И. Кагал в России // Еврейская энциклопедия. Л., 1991. Т. 9. С. 87–94.

Гиль 1993 — Гиль П. Фамилии ашкеназских евреев // Вестник еврейского Университета в Москве. 1993. № 2. С. 40–67.

Глубоковский 1911 — Глубоковский Н. Н. По вопросу о праве евреев именоваться христианскими именами. Спб., 1911.

Довлатов 1993 — Довлатов С. Д. Собр. прозы: В 3 т. СПб., 1993. Т. 3. Е. К. 1909 — Е. К. Сумерки // По вехам: Сб. ст. М., 1909. С. 61–68.

Жураковский, Рабинович 1874 — Жураковский К. С., Рабинович С. М. Полн. собр. еврейских имен. Сувалки, 1874.

Зеленин 1929–1930 — Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея Антропологии и Этнографии. Л., 1929–1930. Т. 8. С. 1–151; Т. 9. С. 1–166.

Имена 1986 — Имена // Краткая Еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1986. Т. 3. С. 724–729.

Кагал 1986 — Кагал // Краткая Еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1986. Т. 4.

Кулишер 1911 — Кулишер И. И. Сборник имен, употребляемых евреями в России. Житомир, 1911.

Кунин 1991 — Кунин В. Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа!» Л.; Мюнхен, 1991.

Леванда 1881 — Леванда Л. О. В чем трудность разрешения еврейского вопроса в России // Восход. 1881. № 2. С. 1–24.

Локоть 1911 — Локоть Т. Русская интеллигенция и еврейские псевдонимы // Новое время. 1911. 1 апреля.

Лотман, Успенский 1992 — Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.

Манис 1849 — Манис Е. Тив Гишин. Вильно, 1849.

Маркиш 1995 — Маркиш Ш. Русская подцензурная литература и национальное возрождение: (1953–1970) // Бабель и другие. Киев, 1995. С. 219–234.

Минский 1909 — Минский Н. Национальный лик и патриотизм // По вехам: Сб. ст. М., 1909. С. 52–60.

Подольская 1988 — Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Приблуда 1970 — Приблуда А. С. Фамилии-аббревиатуры у евреев // Антропонимика. М., 1970. С. 138–146.

Приблуда 1978 — Приблуда А. С. Еврейская антропонимика и ее особенности // Ономастика. М., 1978. Т. 23. С. 257–271.

Рабинович 1858 — Рабинович О. А. О собственных именах евреев // Новороссийский литературный сборник. Одесса, 1858. С. 274–310.

Рабинович 1985 — Рабинович О. А. Избранное. Иерусалим, 1985.

Свод законов 1857 — Свод Законов 1857. СПб., 1857. Т. 9. С. 313.

Свод законов 1876 — Свод законов 1876. СПб., 1876. Т. 9. С. 200–201.

Синельников 1994 — Синельников А. Некоторые демографические последствия ассимиляции евреев в СССР // Вестник еврейского Университета в Москве. 1994. № 1(5). С. 91–99.

Слуцкий 1988 — Слуцкий Б. А. А я не участник оваций... // Дружба народов. 1988. № 11. С. 92–97.

Струве 1909 — Струве П. Полемиические зигзаги и несвоевременная правда // По вехам: Сб. ст. М., 1909.

Толстая 1990 — Толстая Т. Не могу молчать // Огонек. 1990. № 14. С. 31.

Успенский 1982 — Успенский Б. А. Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 201–235.

Brzezina 1986 — Brzezina. Literackie naziviska Zydyw // Onomastica. 1986. Т. 31. Р. 167–194.

Cernysev 1934 — Cernysev V. Les prenomes russes: formation et vitalité // Revue des études slaves. 1934. Т. 14 (3–4). Р. 212–222.

Heller 1994 — Heller E. Jidysz: Język Zydyw palskih. Warszawa, 1994.

Kessler 1935 — Kessler G. Die Familiennamen der Juden in Deutschland. Leipzig, 1935.

Salmon 1995 — Salmon-Kovarski L. Chi è Lev Borisovič?: Aspetti semiotico-linguistici di antroponimica russo-ebraica // Ricerche Slavistiche. 1995. Т. 42. Р. 443–479.

Unbegaun 1950 — Unbegaun B.O. Ou en sont les études d'antroponimie russe: bibliographie critique // Revue internationale d'onomastique. 1950. № 11(2).

Zunz 1837 — Zunz L. Namen der Juden. Leipzig, 1837.

КОММЕНТАРИИ

---

*М. Д. Эльзон
С.-Петербург*

Загадочен ли Великий муж М. Ю. Лермонтова?

(К спорам об адресате)

Стихотворение М. Ю. Лермонтова "Великий муж! Здесь нет награды...", впервые опубликованное в Русской старине (1875. № 9) и предположительно датированное 1836 г., до сих пор считалось загадочным. Загадка виделась в имени адресата. Б. М. Эйхенбаум привел доказательства в пользу П. Я. Чаадаева. Переключка стихотворения с пушкинским "Полководцем" дала основание В. А. Мануйлову и Л. Б. Модзалевскому назвать М. Б. Баркляя де Толли. Эту гипотезу поддержал И. Л. Андроников. В разное время высказывались предположения о генералах А. П. Ермолове и Н. Н. Раевском, П. А. Катенине, П. И. Пестеле, К. Ф. Рылееве, даже А. Н. Радищеве. По мнению Л. М. Аринштейна, "Великий муж..." вообще не имел прототипа, а создаваемое рукописью впечатление фрагментарности (оторван верх листа, возможно, с именем и первой строфой) — мистификация (см.: Лермонтовская энциклопедия. С. 81; новейшая работа: Э. Э. Найдич. И все-таки Чаадаев!//Русская литература. 1991. № 4. С. 72—82).

Большинство исследователей исходило и исходит из убеждения, что в стихотворении говорится о гонимом, потому верх листа оторван. Но тогда уместен вопрос, зачем понадобилось М. Ю. Лермонтову первоначально называть адресат, когда он мог явно цельное стихотворение назвать традиционно "К портрету ****"? И на чем, собственно, основано убеждение, что речь идет о пострадавшем? Б. М. Эйхенбаум усмотрел в стихотворении даже реакцию М. Ю. Лермонтова на обвинения автора "Философического письма" и "Апологии сумасшедшего" в антипатриотизме.

Можно только сожалеть, что семь десятилетий отечественная филология интерпретировала тексты первой трети

XIX века (и, естественно, более поздние) в отрыве от источника, питавшего русскую культуру — Библии. Даже ученые поколения Б. М. Эйхенбаума, знавшие закон Божий и духовную литературу куда лучше, чем мы истмат или основы научного атеизма, были вынуждены забыть о нерасторжимой связи литературы и религии.

Иначе бы они увидели, что НАГРАДА, о которой говорится в стихотворении — та самая, которой уделено столько места и в Ветхом и в Новом заветах: награда твоя весьма велика (Быт. 15.5), да будет тебе полная награда от Господа (Руф. 2. 12), сеющему правду — награда верная (Притч II. 18), вот, награда Его с Ним (Ис. 40. 10) и награда Моя — у Бога Моего (там же. 49. 4), есть награда за труд твой (Иер. 31. 16), велика ваша награда на небесах (Мф. 5. 12), и будет вам награда великая (Лк. 6. 35). Последние две цитаты наиболее близки к тексту стихотворения. Кстати, как же еще трактовать грибоедовское: Чины людьми даются, // А люди могут обмануться?

Можно было бы согласиться с идеей безадресности стихотворения, если бы не внутреннее ощущение, что оно все-таки кому-то адресовано, кого-то видел перед собой (мысленно) поэт. И это — имя значительное при жизни, возможно, классическое. Снова всплывает в памяти переключка с Пушкиным — и вспоминается ПОДВИГ ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА. Это — об Истории государства Российского...

В 1836 году исполнилось 10 лет со дня смерти Н. М. Карамзина. Упомянув потомка позднего — не прозрел ли поэт 100-летие, выпадавшее на 1926 год?

Отсылкой к статьям Лермонтовской энциклопедии Карамзин (Н. Д. Кочетковой) и Карамзины (А. И. Черно), как будто не противоречащим моей гипотезе, завершаю этот комментарий.

Ф. де Мюральт
Лозанна

Литература французского средневековья в творчестве Александра Блока

Целью настоящей работы является указать на не отмеченные до сих пор в исследованиях о Блоке элементы литературы французского средневековья, которая вдохновляла поэта и влияла на его творчество. В круг рассматриваемых здесь текстов входят: «Стихи о Прекрасной Даме», перевод со старофранцузского языка «Действа о Теофиле» Рютбефа, «Роза и Крест».

I

С самого начала его творчества, в «Первой Книге», и особенно в «Стихах о Прекрасной Даме», вдохновение Блока очень близко к вдохновению трубадуров: развиваются те же темы — рыцарский ритуал, культ Дамы, беспрекословное подчинение влюбленного Даме. Об этом свидетельствует одно стихотворение, включенное в сборник «Ante Lucem» :

Servus — Reginae (Слуга — Царице (лат.))

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.
(Блок 1960 — 1963, I: 30)¹.

Уже здесь мы находим темы, которые Блок будет развивать в «Стихах о Прекрасной Даме» — обожествление любимой Дамы, скромность и покорность влюбленного, образ феодального почтения: «склонюсь главою молчаливо к твоим ногам». Во «мгновенных свиданиях» можно видеть смутное воспоминание из цикла поэм о Тристане.

Набросок предисловия к неосуществленному изданию сборника «Стихи о Прекрасной Даме» (I: 560) и дневниковые записи 1918-го года (VI: 338 — 350) свидетельствуют о намерении Блока издавать «Стихи о Прекрасной Даме» по образцу «Новой Жизни» Данте. Это не случайно: он хотел переписывать «Стихи о Прекрасной Даме» и, как Данте, добавит к каждому стихотворению подробные объяснения о событиях, которые вдохновляли его на писание. То есть, по примеру Данте, Блок хотел назвать себя продолжателем и наследником традиции трубадуров, каким и был сам Данте.

Как «Рыцарь бедный» Пушкина, Блок «имел одно видение», он ощущает «Вечную Женственность» и подчиняется культуре Дамы. Дама традиционно является далекой Дамой (Dame de loin), далекой, как социально, так и пространственно:

Ты серебрилась вдали.

(I: 71).

И в бесконечном отдаленьи
Замрут печально голоса...

(I: 179).

Эта социальная разница часто выражается в лирике трубадуров. Влюбленный унижается перед своей Дамой:

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,...

(I: 107).

В средневековой лирике культ Дамы в самих терминах очень близок к культу Пресвятой Девы: аналогия между «Прекрасной Дамой» и Пресвятой Девой — ясна. Мистическое состояние влюбленного, его аскетизм и бескорыстное желание делают из него настоящего мученика любви, почти святого. Образы «Прекрасной Дамы» и Пресвятой Девы сливаются, как, например, в этом стихотворении:

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все — в открытые врата.

Там — в глубине — Мария ждет молений,
 Обновлена рождением Христа.
 (I: 183).

Само слово «Стих» — слово религиозное. Стих — это песня:

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
 Венец трудов — превыше всех награда.
 Я скрыл лицо, и проходили годы.
 Я пребывал в Служении много лет.
 (I: 239).

Вспоминается о «Песне Песней», которая является в Библии настоящей «Наукой любви». Стих, Осанна, песня — все это очень близко к «canso» трубадуров — «canso» — провансальское слово, так называется самый высокий жанр в лирике трубадуров.

«Радость-Страдание», любимая тема Блока в пьесе «Роза и Крест», важнейшая, и даже самая основа лирики трубадуров — это желание, никогда не осуществленное, это радость влюбленного страдать за свою Даму, страдать во имя. В самом первом стихотворении «Первой Книги», мы читаем:

Ночь распростерлась надо мной
 И отвечает мертвым взглядом
 На тусклый взор души больной,
 Облитой острым, сладким ядом.
 (I: 3).

Здесь уже выражается идея боли-наслаждения, желаемого страдания: больная душа, раненная любовью, никак не хочет лечиться. Наоборот, в концепции трубадуров страдание любви благословенно, оно придает влюбленному поэту вдохновение, и именно неудовлетворенность является источником творчества. Блок в письме к Любове Дмитриевне Менделеевой, своей невесте, пишет: «Корень творчества лежит в Той, которая вдохновляет» (Блок 1978: 60).

В дневнике, Блок пишет о своих встречах с Любовью Дмитриевной. По пути к ее усадьбе, Блок шел через маленькую рощу, близкую к деревне Дубровки, которую он называет: «Средневековый город Дубровской березовой рощи». (VII: 342). Описывая процесс «влюбленности» (по его словам; влюбленность — *épanouissement* — очень важное состояние в лирике трубадуров), он часто говорит о суровости Любви Дмитриевны. Блок создает себе целый средневековый мир. Он влюблен в беспощадную Даму (*Dame sans Merci*):

Я помню, покорный раб.

<...>

Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.
(I: 195).

Это рабство ему не мешает, наоборот:

Бесконечно легко мое бремя.
(I: 318).

Влюбленный никак не хочет лечиться:

Пускай душа неисцелима —
Благословен прошедший сон.
(I: 80).

Благословенны видение, стрела любви, которая пронзила его сердце.

Сам поэтический жанр «alba» (что значит по-старопровансальски «заря»), который будет развит в «Розе и Кресте», кажется, тоже присутствует в «Стихах о Прекрасной Даме». «Альба» традиционно изображает «мгновенное свидание» любовника с Дамой, как правило — замужней. После короткой ночи является день, и сторож трубит в рог. «Альба» — это идея, образ ревнивого мужа:

Утренняя.

До утра мы в комнатах спорим,

<...>

Высоко он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.

<...>

На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.
(I: 317).

Срок — срок расставания. Во второй редакции «Розы и Креста» Бертран предупреждает Изору именно альбой, утренней песней, что пора расставаться; раздается альба:

Изора: Проклятие песне,
Спугнувшей мой сон!
Что мне делать? Он близко!
Завтра придешь ты?
(IV: 501).

Еще один элемент связывает «Стихи о Прекрасной Даме» с чистой куртуазной традицией: поэт всегда называет свою любимую секретным словом, или символическим названием — (senhal по-провансальски то есть — знак, примета).

Как Данте в «Новой Жизни» называет свою Даму: Прекрасная радость, Любовь, Утешение или Беатрис, что значит: та, которая раздает счастье, так Блок называет свою музу: Царевна сама, Владычица вселенной, Красота неизреченная, Святыня, или просто Прекрасная Дама.

II

Перевод «Действа о Теофиле» занимает очень важное место в творчестве Блока, хотя он мало изучен. Перевод был заказан Блоку бароном Н. Дризенем и Николаем Евреиновым для только что ими созданного «Старинного театра», где шли в сезоне 1907 — 1908гг. старофранцузские миракли, пасторали и фарсы. Существует одна монография Эдуарда Старка посвященная истории этого театра и постановкам разных пьес, которые там шли (*Старк* 1922).

Эта пьеса написана французским трувером XIII века Рютбефом (Rutebeuf). Теофиль был экономом (vidame) одной церкви в Киликии коло 538 года. После смерти епископа, из скромности, он отказывается сменить его. Другой епископ наследует и совершенно несправедливо отстраняет Теофила от всех его должностей. Он оказывается в крайней бедности и со злости соглашается продать свою душу Сатане через колдуна Саладина, чтобы отомстить и вернуть себе прежнее положение. Сатана ему возвращает все, и он живет таким образом семь лет, после которых начинает жалеть о сделанном и бояться ада. Он так горько и искренно раскаивается Богоматери, что она его спасает. Тема поклонения и преданности Мадонне — любимая тема Блока. Саму молитву Теофила Богоматери Блок пересоздает и делает из нее одну из самых красивых лирических песен своего творчества.

Блок использовал для своего перевода французское издание миракля конца XIX века, где находится параллельно старофранцузскому тексту перевод на современный французский язык (*Michel, Monmerqué* 1879). Этот перевод помог Блоку понять смысл текста, а в русском переводе он воспроизвел размер, ритм и чередование рифм старофранцузского текста.

Это именно перевод, а не адаптация. Начало пьесы написано Рютбефом восьмисложным стихом, рифмы чередуются по схеме **аа бб**. Блок использует самый обычный русский стих: четырехстопный ямба, и таким образом соблюдает безо всяких ошибок ритм и количество слогов текста Рютбефа. По-французски ударение всегда на последнем слоге: достижение Блока в том, что он воспроизвел ритм

французского языка только с мужскими рифмами, с ударением на последнем слоге. Это дает тексту своеобразное звучание, совершенно не обычное для русского уха. Потом в самых драматических сценах является в тексте Рютбефа новый ритм: два или три восьмисложных стиха, после которых совмещается маленький четырехсложный стих. Блок следует за этим ритмом — просто удивительно, насколько перевод близок к оригинальному тексту, а метрическая система точно та же, ни на один слог не больше и не меньше — Блок добавляет только один стих, которого нет у Рютбефа: этот стих находится в длинном раскаянии Теофиля, где он говорит, что боится ада:

И ад откроет страшный зев.
(IV: 273).

Это добавление объясняется присутствием в декорации, которую сделал И. Билибин, страшного открытого рта ада.

Пьеса Рютбефа — одна из первых в полном смысле театральных пьес. Пьеса уже игралась не в церкви, а на паперти. Это начало светского театра, хотя конечно религиозный и даже проповеднический элемент присутствует. Именно этот ритм двух или трех восьмисложных стихов, пересекаемых маленьким четырехсложным стихом, создал Рютбеф: это стало образцом для всех последующих драматических произведений. Ритм очень живой, резкий, и придает пьесе разговорный характер. В самом драматическом моменте, когда Саладин зовет Сатану, Блок создает очень жесткий, чёткий, ритмичный стих, где односложное слово следует за другим, согласные сталкиваются:

Ты слышишь, чорт?
Что ж ты молчишь? Не будь так горд,
Быстрее, чем в миг,
Сюда ты явишься блудник...
(IV: 274).

Блок именно создал этот стих. В старофранцузском тексте размер и чередование рифм те же, а сам стих не такой жесткий:

Ne m'os-tu pas?
Je te ferai plus que le pas
Venir je cuit.

Сравним перевод на современный французский язык:

Ne m'entends-tu pas? Je te ferai venir
plus (vite) que le pas, je pense...
(Michel, Monmerqué 1879: 142–143).

Можно отметить перевод «быстрей, чем вмиг» со старофранцузского выражения «plus que le pas», которое на самом деле тогда означало просто «vite» (быстро).

Это анти-мелодичный стих, который необычен у Блока — такой стих опять появляется в поэме «Двенадцать», где мы находим, кроме стиха, еще много сходного. Кажется, что таким образом Блок отлично передал публике XX века такое сильное впечатление, какого хотел сам Рютбеф.

В этой же пьесе очень важна театральность: Блок это прекрасно чувствует. В этом принимают участие не только стихосложение и ритм, а также лексика. В самом начале, когда Теофиль злится, жалуется на свою беду и на нового епископа, текст Рютбефа очень разговорный и смелый для XIII века:

Ah! celui qui maintenant le pourrait tenir
 et le bien battre en retour, il aurait fait une
 très bonne journée; mais il s'est mis en si
 haut lieu, pour esquiver ses ennemis, qu' on
 ne peut y tirer ou y lancer. Si maintenant je
 pouvais me quereller, combattre et m'escrimer
 avec lui, je lui ferais frémir la chair.
 (*Michel, Monmerqué* 1879: 140).

Блок вкладывает в уста Теофиля еще более сильные и очень разговорные выражения:

Чтоб он издох.
 (IV: 269).

что соответствует французскому тексту:

...a mon tour je lui ferai la moue (пренебречь)
 (Там же: 140).

И следует такой перевод:

Эх, славный бы провел часок
 Тот, кто его бы подстерег,
 Чтобы посесть, пообтесать!
 <...>
 Его нельзя и палкой вздуть:
 Сумеет быстро улигнуть...
 Ах, если б только б удалось,
 Ему бы солоно пришлось.
 (IV: 270).

Что касается до молитвы, которую произносит Теофиль Мадонне, она и у Рютбефа и у Блока является отдельным и очень оригинальным стихотворением. Рютбеф писал девять шестисложных двенадцатистиший, чередование рифм повто-

ряется девять раз. Это уникальный и очень оригинальный стих, который создал Рютбеф и которого никогда больше не встретим в средневековой литературе. Блок не стал ему подражать, а предпочел состязаться со своим образцом, и, соблюдая смысл текста Рютбефа, создал новое стихотворение. Блок тоже пишет девять двенадцатистиший, то есть сто восемь стихов. Он пользуется дольником: в каждом стихе — два или три ударения, и между ударениями, один или два слога без ударения. Дольник часто является в народной поэзии, которая поется. Здесь каждый стих кончается женской рифмой, и это создает околдовывающий ритм и гипнотическое впечатление:

Мадонна святая
 Дева Благая,
 Твоей защиты молю я,
 Тебя призывая,
 В нужде изнывая
 И сердце Тебе даруя.
 Сойди, врачуя.
 Радости чую
 Вечного рая,
 Тебя молю я,
 О Сыне тоскуя,
 Дева святая.

(IV: 284).

Здесь находится все, что можно было встретить у Блока в «Стихах о Прекрасной Даме»: смесь литургической и любовной речи, типичной в средневековой лирике, душа такая же неисцелимая и полностью преданная Даме, утешение может приходиться только от Дамы, без нее нет радости. Напомним, что слово «Madonna», как и слово «Dama», значит по-латински моя «domina».

Пьеса изображает борьбу между силами добра и зла, это важная блоковская тема. Можно найти сходные темы в поэме «Двенадцать». Теофиль всю жизнь служил своему господину и церкви — его наградой были унижение, угнетение и бедность. Из-за этого он готов продать свою душу Сатане, чтобы ему вернули его достоинство. Когда он понимает, что он теряет себя, он искренне обращается к Богородице — спасение только в покаянии и в религиозном пути. В поэме «Двенадцать» Россия, которая всегда была «боголюбивая» (сравним: Теофиль — любящий Бога), которая была всегда верна царю и Богу, получает только угнетение и унижение; она обращается к силам зла. Октябрьская революция была бы неким договором с дьяволом. В конце поэмы стоит образ Христа, как будто только в нем было бы спасение. Как раз в

поэме «Двенадцать» мы находим тот же четкий, ритмичный стих, который встречаем у Блока в «Действе о Теофиле», здесь стих тоже очень короткий, сжатый, анти-мелодичный и необычный для Блока. Содержание сильно напоминает ситуацию пьесы Рютбефа: революционный народ, символизируемый двенадцатью красногвардейцами, проклинает бывший мир:

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
(III: 350).

Креста на них нет, значит они вышли из общества христиан. Число двенадцать у Блока напоминает о том, что молитва Теофиля написана двенадцатистишием, и два самых торжественных места пьесы (чтение договора с Сатаной и длинное покаяние Теофиля) написаны двенадцатисложным стихом: значит у Рютбефа библейское число двенадцать именно связано с идеей греха и спасения. Все это, наверное, не случайно. И вот, революционный народ отрывается от старого мира:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь -
(III: 350).

... И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы.
Ничего не жаль.
(III: 356).

Вспомним, что говорил Теофиль Саладину, когда хотел мстить за обиду:

И потому прошу тебя,
Не скажешь ли, меня любя,
Какие в свете средства есть,
Чтобы вернуть богатство, честь
И милость? Я на все готов.
(IV: 271).

Но Россия, как и Теофиль, не упадет — Блок это выражает в своем стихотворении «Россия»:

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты...
(III: 254).

III

Весной 1912-го года Михаил Иванович Терещенко, который работал при дирекции императорских театров, просит Блока написать балет о провансальской жизни и о трубадурах. Во время творческой работы сценарий балета превращается в сценарий оперы и, наконец, пьесы.

Блок создал человеческую драму, которая может произойти в любое время: и в двадцатом и в тринадцатом веке — это не историческая драма. Сам Блок настаивает на этом и говорит: «Только в следующей стадии, когда художник освобождается, так сказать развязывает себя, дает себе волю смотреть по сторонам, дает крови своей течь свободно, присматриваться, прислушиваться, вспоминать, выбирать, — пришла на помощь эпоха» (IV: 531).

Это именно то, что нас интересует: как Блок использовал литературный средневековый материал и что он из этого сделал. Евгений Васильевич Аничков, профессор французской средневековой литературы в Петербургском университете, который был литературным советником при «Старинном Театре», открывает свою библиотеку Блоку. Он ему советует прочитать провансальский «Роман о Фламенке» XIII века (*Le Roman de Flamenca*). Чтение этого романа будет сильно влиять на «Розу и Крест». Издание использованное Блоком (*Flamenca* 1865) включает, кроме самого текста на старопровансальском языке, французский перевод. В книге В. Жирмунского «Драма Александра Блока «Роза и Крест», мы узнаем подробно обо всех источниках и книгах, прочитанных Блоком во время его подготовительной работы (Жирмунский 1964).

«Роман о Фламенке» рассказывает о том, что какой-то граф Арчамбаут (так зовут мужа Изоры в «Розе и Кресте») женится на очень красивой Фламенке. Во время свадьбы Арчамбаут начинает ревновать: он думает, что сам король Франции ухаживает за его невестой. Им овладевает чувство ревности, и, сходя с ума, он заключает свою бедную жену в башню с двумя служанками — Алисой и Маргаритой (в «Розе и «Кресте» Алиса тоже остается с Изорой в башне). Два года спустя, молодой рыцарь Guillaume de Nevers, слыша о ее беде, решает ее освободить. В «Розе и Кресте» три человека будут играть роль того, кто совобождает Изору: Бертран, который предан своей Даме и ее любит бескорыстной любовью, Алискан, который ее любит юной, человеческой и чувственной любовью, и Газтан, который принадлежит к другому высшему миру и пытается отвлечь Изору от «образов туманных»: его мрачная песня не должна омрачать ее молодой жизни. Эти

три человека символизируют для Блока три типа людей, которые существуют на свете: молодость, чувственность и беззаботность (Алискан), преданность, самоотречение, унижение и оскорбление (Бертран), опыт, мудрость, высокое понимание жизни (Газтан). В «Романе о Фламенке» Guillaume, чтобы общаться с Фламенкой, придумывает смелый способ: он занимает место духовного лица и с открытой Библией отпускает грехи каждому, кто присутствует в церкви. Таким образом начинается разговор из двадцати слов, который продолжается четыре месяца. Блок репродуцирует этот разговор в своей пьесе очень коротко, как будто в намеке. Цель разговора — как, где, и когда любовники смогут встретиться и наслаждаться взаимной любовью. Конечно здесь есть элемент кощунственности: любовный разговор в церкви, который имеет целью соединение тел и внебрачную связь.

В первой редакции пьесы, можно найти много цитат и мотивов, прямо взятых из «Романа о Фламенке». Например, описание болезни ревности графа Арчамбаута в третьем действии буквально переведено с «Романа о Фламенке»:

«В руках у графа — огромный ржавый ключ. Голова у графа взъерошена, как у черта на картинке. Лицо его в огне, а сердце сжимается от холода. Все его мысли перевернуты. Порою читает он «обезьяний «Отче наш», бормоча никому непонятные слова. Он иногда улыбается по-собачьи, показывая только зубы» (IV: 478).

Вот, что, мы можем читать в издании «Романа о Фламенке», который Блок читал:

Souvent il dit la patenôtre du singe.
(Стр. 292).

Le jaloux allait et venait, ayant toujours les clés à la main.
(Стр. 299).

Il avait la tête de ces diables qu'on peint tout hérissés.
(Стр. 347).

Il était comme un chien enragé.
(Стр. 298).

Чуть дальше, когда Алиса упрекает графа в том, что он так изменился, он отвечает: «Дорогая Алиса, я знаю, что делаю. Напрасно теряет труд тот, кто не припрячет молодую жену в такое место, где никто ее не найдет, кроме мужа и сторожа» (IV: 479).

Это является прямым переводом текста «Романа о Фламенке»: «Qui tient une dame en sa garde perd sa peine, s'il ne commence par la mettre en un lieu sûr où elle ne soit vue que de son possesseur et gardien» (Стр. 295).

В первой и второй редакции есть очень много таких буквальных заимствований, которые становятся более скрытыми в окончательной редакции.

Во второй редакции, когда Изора встречается со своим рыцарем, то есть с «Рыцарем Грядущим» Гаэтаном, Бертран альбой предупреждает их об опасности. Мы уже говорили о литературном жанре альбы. Здесь альба раздается, и Изора «проклинает эту песню», которая прервала ее сон. Альба соответствует важной идее пьесы «Радости-Страдания». Ревнивый муж является вместе с днем, после прекрасной ночи. В альбе развивается тема судьбы человеческой, где тесно связаны радость и страдание, так как день следует за ночью. Вообще куртуазная любовь в лирике трубадуров является одновременно высшей радостью и мучительным страданием.

Кажется, что цель пьесы такая же, как цель «Романа о Фламенке»: автор «Фламенки» продолжает традицию трубадуров, это одно из последних произведений той блестящей эпохи. Но при этом автор спорит с трубадурами, он настаивает на невозможности требований куртуазной любви: уже достаточно неудовлетворенной любви, чистого желания, которое мучит влюбленного; пора показывать новый путь, путь осуществленного желания, плотской любви. Мы увидим, что в «Романе о Розе», написанном в ту же эпоху, та же самая цель.

Цель «Розы и Креста» — соединение двух молодых людей, Изоры и Алискана. Как в «Романе о Фламенке», пленница освобождается во время майских праздников и может свободно наслаждаться присутствием своего любовника; Изора может кричать:

О, вот они,
Земные горячие руки!
Вот они, земные уста!
Не призрак, не сон ты!
Счастье! Счастье!

(IV: 241).

«Роман о Фламенке» — настоящее исследование чувства ревности: ревность — противоречие куртуазии, это одичание человека. Алискан об этом говорит:

«Ревность — отсталое чувство»,
Сказано, помню я, в книге красивой,
Что из Рима привез наш отец.

(IV: 486).

Речь идет о «науке Любви» Овидия, которую хорошо знал Блок и которая является очень важным источником средневековых романов. «Роман о Фламенке» считается настоящей

«Наукой Любви» XIII века, и приближается к тому, что сказано у Овидия: как владеть своей любимой, как добиться любви женщины.

Скажем еще о «Романе о Розе», который Блок читал в сокращенном издании (*Петерсон, Балабанова* 1896: 213–246), как нам сообщает Жирмунский (*Жирмунский* 1964: 52). Много мотивов этого романа влияли на пьесу «Роза и Крест». В мае месяце рассказчику «Романа о Розе» приснился сон, ставший сюжетом романа: это сон о завоевании Розы, которая символизирует любимую женщину. В «Розе и Кресте» мотив сна тоже важен: Блок предполагал назвать свою пьесу «сон Изоры» (IV: 461). В первом акте Изора говорит Алисе, что во сне ей являлся какой-то неизвестный рыцарь, и с этого момента Изора хочет найти его. Когда Газтан является ей, Изора говорит:

Ты! Ты! — Ты сон, или нет?
(IV: 221).

Этот голос мне снился!
(IV: 233).

Guillaume de Lorris пишет первую часть «Романа о Розе», где находятся все традиционные правила куртуазной любви; Jean de Meun продолжает этот роман и показывает тупики куртуазной любви; он настаивает на превосходстве природной любви, плотской, которой надо обязательно достичь. В этом сходятся «Роман о Розе» и «Роман о Фламенке». Бертран, который желает, чтобы освободилась Изора, говорит:

Освободи от образов туманных
Изоры юной пламенную грудь...
(IV: 223).

«Образы туманные» — это песня Газтана, которая гипнотизирует Изору. В какой-то мере можно сравнить песню Газтана, которая вызывает к аскетизму, к отречению от мира сего, с темами лирики трубадуров, от которых надо освободиться.

Блок прочитал статью о символике розы, написанную Charles Joret. Статья находится в сборнике статей, посвященных, ученому Gaston Paris, у которого Аничков учился (*Joret* 1891: 279–302). Можно найти в «Розе и Кресте» следы очень внимательного чтения Блоком этой статьи: Joret настаивает на том, что Мадонна в средних веках сравнивается с розой без шипов, что она Роза из Роз. Алискан так обращается к своей Даме:

Что простой соловей для розы из роз!
(IV: 175).

Joret объясняет, что Роза — олицетворение любимой поэта, и что сам поэт — соловей. Развивается в этой статье и важная тема благоухания розы. И Алискан и Бертран говорят об Изоре:

Алискан: Благоухание роз, как дыхание Изоры.
(IV: 224).

Изора является неполным палиндромом слова «роза».

Бертран: Цвети, о, роза
В саду заветном,
Благоухай, пока над миром
Плывет священная весна!
(IV: 242).

Двузначность куртуазной речи является в двух противоположных лицах Алискана и Бертрана: для Алискана куртуазная речь — только способ завоевания Дамы, для Бертрана эта речь имеет очень глубокий смысл.

Четвертый акт — апофеоз пьесы. Наступает весна, освобождается Изора. Блок создает атмосферу майских праздников, какими они были в средневековой Франции. Для этого он читал диссертацию Аничкова «Весенняя обрядовая песня на западе и у славян» (Аничков 1903—1905). В этой книге он нашел много разных французских песен, которые пели первого мая, в день, считавшийся первым днем весны.

Уже в начале пьесы Алискан пытается разбудить Изору. Он поет песню, которую Блок нашел на страницах 151—152 первой части книги Аничкова. Эта песня — призыв всем, кто ждет любви:

Соловей тебе влюбленный
счастье принес...
Аэлис, а, роза, внемли,
внемли соловью...
(IV: 175).

Блок не переводил дословно эту песню, но пересоздал ту же атмосферу весны, цветущего сада, где растут розы. Самое важное — это идея ожидания любви:

Por De, traiez vos en la
Vos qui n'amez mie.
(Ради Бога, подойдите,
Вы, которые ждут любви).

И Блок передает это таким образом: «Внемли соловью»...

Цель достигается в четвертом акте, где Блок воспроизводит одну *trimoulette* (майскую песню)², одну песню трувера XIII века (Аничков 1903: 124—125) и один сирвентес Бертрана

де Борна³, с которого сначала он сделал прозаический перевод на русский (Блок 1934: 355–356). Все это кончается спектаклем жонглеров, описание которого заимствовано из описания свадьбы в «Романе о Фламенке» (*Flamenca* 1865: 277–284).

Вторая песня, песня менестреля — вольный перевод трех строк сирвентеса Бертрана де Борна. В книге Аничкова есть глава о «Воинских весенних потехах» (Аничков 1905: 72–99), где объяснено, что весна не только время любви, а также возвращения военных действий: в этой главе Аничков цитирует первую строфу этого сирвентеса. Блок соблюдает чередование рифм оригинального текста Бертрана де Борна, но он использует для своего перевода немецкий перевод этого сирвентеса (*Diez* 1882: 155–157). Текст прозаического перевода ближе к немецкому тексту, чем к провансальскому.

Надо еще напомнить, что в конце своей творческой жизни Блок намеревался писать пьесу о «Тристане». Он нам оставил только два плана этой пьесы (IV: 545–547).

В заключении можно сказать, что с молодости до конца жизни темы французского средневековья были всегда близки Блоку: идея Радости-Страдания с «*Ante Lucem*» до «Розы и Креста», является лейтмотивом. Борьба между силами добра и зла, изображенная в «Действе о Теофиле», — одна из центральных тем Блока. Вопрос целомудренной, бескорыстной любви и природной, плотской любви возникает во многие периоды его творчества и является важным элементом его размышлений.

Средневековье гораздо значительнее для Блока, чем просто рама, декорация — это целое умонастроение, которое его вдохновляло в течении всей жизни.

Примечания

¹ Далее ссылки на это издание даются с указанием в скобках римскими цифрами — тома, арабскими — страницы.

² Текст старофранцузской песни находится: Аничков 1903: 169.

³ Текст этого сирвентеса находится в книге, которую Блок взял у Аничкова: *Bertran* 1888: 133–135.

Библиография

Аничков 1903–1905 — Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. Чч. 1–2. СПб., 1903–1905.

Блок 1934 — Блок А. А. Собр. соч.: В 12 тт. М.; Л., 1934. Т. 6.

Блок 1960–1963 — Блок А. А. Собр. соч.: В 8 тт. М., 1960–1963.

Блок 1978 — Блок А. А. Письма к жене. М., 1978.

Жирмунский 1964 — Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и Крест»: Литературные источники. Л., 1964.

Петерсон, Балабанова 1896 — Петерсон О., Балабанова Е. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах. В 3 тт. СПб., 1896. Т. 1, 213—246.

Старк 1922 — Старк Э. Старинный театр. Пб., 1922.

Bertran 1888 — Poésies complètes de Bertran de Born. Toulouse, 1888.

Diez 1882 — Diez F. Leben und Werke der Troubadours. Leipzig, 1882.

Flamenca 1865 — Le Roman de Flamenca. Paris, Béziers, 1865.

Joret 1891 — Joret Ch. La légende de la Rose au moyen-âge chez les nations romanes et germaniques // Études romanes dédiées à Gaston Paris. Paris, 1891. P. 279—302.

Michel, Monmerqué 1879 — Michel M., et Monmerqué L.J.N. Théâtre français au moyen-âge (XIe—XIVe siècles). Paris, 1879.

Р. Ханзен-Кокоруш
Маннгейм

Микротекст и установление смысла у Набокова

В 1920-е и 30-е годы произведения Владимира Набокова на русском языке оценивались многими литературными критиками эмигрантской прессы как нерусские или же нетипичные для русской литературы. Поэтому им не придавалось большого значения. Исключением являлись лишь рецензии Ходасевича (*Ходасевич* 1930; 1934; 1935; 1937; 1938: 423–427) и Бицилли (*Бицилли* 1936: 191–204; 1939: 474–477). Однако после того, как Набоков, уже в Америке, приобрел известность в качестве писателя, пишущего на английском языке, его произведения стали основательно исследоваться, в первую очередь, англо-американскими литературоведами. Обсуждения и интерпретации были очень различными. В них раскрывались мировоззрение и идейно-философская концепция автора (гностицизм) (*Foster* 1974: 117–129; *Davydov* 1982; *Johnson* 1982: 81–98; *Grossmith*: 51–74; *Lachmann* 1987: 399–421; 1990: 439–463), устанавливали различные интертекстуальные связи (Гоголь, Л. Толстой, Белый, Бунин и др.) (*Шапиро* 1981: 369–378; *Terras* 1981: 191–196; *Medarić-Kovačić* 1985: 314–327; *Barnstead* 1986: 50–60; *Saputelli* 1986: 233–242; *Chances* 1987: 135–192; *Lachmann* 1990: 463–488; *Medarić* 1991: 79–100) и приемы, которые употребляются более поздними авторами (Пруст, Джойс) (*Foster* 1989: 79–94; 1993; *Kiš* 1993: 556–560). Пыгались определить его место в литературно-историческом процессе, выявлялись его центральные темы (смерть, художественно-творческий процесс, воспоминание) и его приемы (обрамляющие повествование как «тексты-матрешки», временные структуры, роль игры) (*Kecht* 1983; *Karlinsky* 1984: 243–247), исследовались взаимодействие творчества с биографией (раннего детства и отрочества) и стремились опреде-

лить его понимание искусства относительно поэтики. Большинство исследований объединяет то, что они представляют Набокова как литератора, для которого литературно-эстетические ценности являются самыми значительными в литературном произведении. Об этом свидетельствует не только все его творчество, но и литературоведческие и автобиографические записки. Кульминационным пунктом такого подхода является отрицание как социальных и общественных, так и в особенности психологических влияний на литературу (включая проклятия «венского шамана», т. е. З. Фрейда). Насколько выражены его взгляды на литературно-общественные и политические темы, настолько сдержанным он выступает в художественном процессе. Мы не находим даже аллюзий, которые бы служили для выражения его «послания», т. е. его политического мировоззрения.

Творчество Набокова выделяется своей особенно тесной органической связью между фабулой, формальным построением, идейной концепцией и языком как крайней экономией средств. Поэтому последнее высказывание Иннокентия в рассказе «Круг» можно понимать не только как замысел воспоминания, но и как программу максимальной семантической насыщенности текстов Набокова: «<...> ничто-ничто не пропадает, в памяти накапливаются сокровища, растут скрытые склады в темноте, в пыли, — и вот кто-то проезжий вдруг требует у библиотекаря книгу, не выдававшуюся двадцать лет» (Набоков 1978: 53).

В своей книге «Николай Гоголь» автор очень ясно описывает, как его очаровывает «животворный синтаксис» Гоголя, который чисто формально связывает, на первый взгляд кажущиеся незначительными, слова так небрежно, что в итоге у читателя возникает неподражаемое впечатление¹.

Исключительность и безусловная преданность литературе отражаются не только в его понимании искусства, но и в том, каким он представляет себе читателя. Его читатель должен быть в состоянии осознать многочисленные соотношения внутри текста и связать их между собой. Набоков требует не только способного читателя, — он задает ему загадки, которые должны быть им разгаданы. С большим удовольствием он наводит читателя на ложный путь или же запутывает его. Художественный текст он составляет как артефициальную загадку, которую надо отгадать. Как и в оракуле, разгадка иногда бывает амбивалентной, но не любой. Таким образом, читатель участвует в игре, правила которой ему в начале неизвестны, он познает их во время игры. Награда ожидает читателя в конце текста, когда он понимает смысловые струк-

туры. Для этого автору служит система микротекстуальных элементов, т. е. на больший контекст указывающие индикаторы как, например, синтагмы или слова с сигнальной функцией, а также семантические структурные элементы, которые, как кажется, связаны между собой, но все-таки приводят читателя в тупик. Эти элементы устанавливают не только контекстуальные соотношения внутри иерархических смысловых связей, но и в целом тексте; таким образом они являются значительными для установления смысла. Эти же, смысл устанавливающие возможности, находятся иногда также внутри абзаца и предложения и оправдывают понятие «микротекст». Последний охватывает заглавия, заголовки, эпиграфы, анаграммы и игры словами. Они, в свою очередь, могут усложнять, углублять или разрывать контекст или же сравнительно самостоятельные фабульные элементы, к которым образ автора возвращается в макротексте, развивая их дальше.

Прием, типичный для играючи-эстетического понимания литературы Набокова, отражается уже в выборе заглавия. Оно имеет функцию не только как сигнал указывать на содержание того или иного произведения или называть главного героя, но и возбуждать в читателе интерес к данной книге. Вероятно, что и такое определение неудовлетворительно для Набокова, так как уже заглавие его первого романа «Машенька» означает не действующее лицо, а содержание центрального воспоминания, которое обрывается именно тогда, когда героиня романа, о которой герой вспоминает, могла бы стать действующим лицом романа. На этом примере видно, что заглавие романа выбрано очень точно, так как воспоминание и его переработка являются центральной темой романа.

Заглавия романов «Король, дама, валет» и «Камера обскура» содержат обобщенные основные положения произведения. В первом случае тема по сказке Андерсена (почти с тем же самым заглавием) — любовный треугольник; здесь мы находим сравнение с карточной игрой, которое в течение романа часто повторяется: персонажи через любовный мотив соотносятся червям и, как у каждой масти в карточной игре, в романе 13 глав. Дама и валет находятся в стратегическом положении против короля, потом происходит неожиданная перемена с выходом т. е. со смертью дамы. В другом случае автором развивается представление о совершенно затемненном помещении — здесь имеется в виду слепота в буквальном и в метафорическом смысле. Нет сомнений, что речь идет о семантизации и литературном олицетворении пословицы «любовь слепа» в сюжете². Кроме того, заглавие содержит ссылку на среду, в которой происходит действие, т. е. ссылку

на фильм, на художественные критерии и, скрыто, на тему «пошлость», которая выражена в неравноправном соотношении наблюдаемого (объекта) и наблюдателя (субъекта). Оно представляет собой отношение властвования и власти. Английское заглавие «Laughter in the Dark», которое вызывает то же самое представление, как и немецкое «Gelächter im Dunkel», содержит не только момент темноты и слепоты, но и указывает смех и высмеивание³.

Заглавие «Защита Лужина» можно понимать по-разному. Первое впечатление читателя связано с миром шахмат, т. е. «защита» понимается и обобщенно и в стратегическом смысле игры в шахматы. После прочтения романа значение заглавия раскрывается в полной широте: защита главного персонажа Лужина относится к шахматной игре и к его жизни, что для него является одним и тем же. Особенно интересны те случаи, когда автор для собственных переводов с русского на английский язык выбирал новые заглавия или вариации старых. В «Приглашении на казнь» Набоков даже выразил удовлетворение по поводу английского заглавия «Invitation to a Beheading» (перевод Дмитрия Набокова; немецкое заглавие «Einladung zur Enthauptung» обозначает тот же смысл, что и английское). Лучшие возможные варианты, как например «Приглашение на отсечение головы» и «Invitation to an Execution», он не выбрал, так как повторения суффиксов, по его мнению, воспринимались как какофонические. Заглавие «приглашение» указывает на свободное действие, намекает на что-то положительное, а понятие «казнь» недостаточно точно указывает на последствия наказания и на противоположность этих терминов. Английское же заглавие передает смысл очень точно. Эта дивергенция имеет свое отражение в дихотомической композиции «тут» и «там», которые в контексте семантически углубляются звуковыми приемами; эти звуковые повторы поддерживают гностическую основу романа.

Другим примером различных заглавий русского романа и перевода на английский язык служит «Соглядатай» (по-нем. «Der Späher», что приблизительно соответствует русскому). Это заглавие подчеркивает визуальное восприятие, значение которого с начала и до конца остается туманным. Английское название «The Eye» вызывает это значение не только более однозначно — «Соглядатай» можно ассоциировать и со значением «шпионить» — к тому же «eye» по звучанию похоже на личное местоимение I лица единственного числа. Такая контаминация коннотаций, которые не вызываются ни русским, ни немецким заглавиями, точно передает суть сюжета

и потому, несомненно, не случайна. (При помощи фавулы и темы романа становится ясным, что заглавие не только может, но даже и должно вызывать дополнительное ассоциативное значение). Наблюдатель и тот, за кем наблюдают, — в романе полностью отделены друг от друга — в конце романа они оказываются одной и той же фигурой, раздваивающейся во внешней и внутренней перспективе, т. е. двойником. То, что одинаковое звучание «I» и «еуе» не было намерением автора, можно исключить, так как роман написан как повествование от I лица. В конце романа у нас окончательно рассеиваются сомнения, когда Смуров во внутреннем монологе говорит следующее: «Я понял, что единственное счастье в этом мире — это наблюдать, соглядатайствовать, во все глаза смотреть на себя, на других, — не делать никаких выводов, — просто глазеть» (Набоков 1989: 356).

Особенно очевидно взаимодействие между заглавием и композицией в рассказе «Круг», который начинается предложением «Во-вторых, потому что в нем разыгралась бешеная тоска по России» (Набоков 1989: 39) и кончается следующим: «Во-первых, потому что Таня оказалась такой же привлекательной, такой же неуязвимой, как и некогда» (Набоков 1989: 53). Здесь употребляется уже в заглавии указанный круговой принцип как основа композиции, таким образом рассказ можно читать бесконечно, так как здесь нет конца и нет начала. Такую композицию он выбрал и для своего последнего романа на русском языке, «Дар». То, что Набоков предпочитает этот метод, т. е. он и здесь снова делает ссылки на текст, показывают и другие произведения: в «Приглашении на казнь» говорится уже во втором абзаце о конце процесса чтения, т. е. о конце романа, четвертая глава романа «Дар» начинается концом сонета, а начало сонета находится в конце главы. Книга «Николай Гоголь» построена по тому же принципу: она начинается описанием смерти Гоголя и кончается его рождением. Карлинский доказал, что в этом приеме, часто употребляемом Набоковым, проявляется так называемая *da capo*-структура *capo repetuus*-а XVIII века.

Устойчивость соотношения смысла в композиции можно обнаружить и на примере распределения повествовательного времени. Набоков уже в своем первом романе «Машенька» соединяет вспоминаемое прошлое и настоящее там, где все сливается и направлено на будущее. Характерно в этом романе следующее: жители пансиона живут в номерах, двери которых обозначены старыми календарными листочками апреля неопределенного года. Читатель, таким образом, не узнает, *когда* точно происходит действие романа, он получает только

информацию о состоянии пансиона. Но сам факт, что для обозначения номеров служат временные элементы, еще раз подчеркивает ключевое значение времени как в композиционной, так и в смысловой структуре этого произведения. Более subtilно он поступает в рассказе «Весна в Фиальте», в котором мы находим сюжетное переплетение отдельных фабульных элементов (глав нет). Они чередуются между повествовательным настоящим и прошлым временами во времени и ритме. В конце неожиданно настоящее становится прошлым, что опять свидетельствует о том, что в композиционной структуре придается особенное значение времени и его продолжению. Различные уровни времени сливаются и в рассказе «Тегга incognita», где нарушаются все правила повествовательной техники рассказчика. Здесь достигается полная неопределенность (смутность) и тем, что нет возможности определить время и пространство, так как указания на это туманны и нельзя узнать их взаимоотношение с полной ясностью. Здесь читатель систематически вводится в заблуждение: в начале, на первый взгляд, однозначная фабула (приключение в тропическом болоте) перемешивается потом с другой, без заявлений начинающейся фабулой (тот же герой или же его двойник оказывается в больнице) таким образом, что неизвестно, кто из этих двоих героев — если исходить из рациональных схем объяснения — принадлежит к так называемому реальному миру и у кого бывают галлюцинации. Что касается повествовательных приемов, этот эффект можно объяснить отсутствием пространственно-временных показателей, которые обычно обозначают переход из перспективы главного героя к перспективе другого персонажа. Но именно это указывает на смысловой объем рассказа, где каждая из этих двух областей существенна и в другой области. Так, заглавие указывает на углубленное понимание реальности: оно смешивает болото и неизвестную человеку промежуточную зону между объективной реальностью и восприятием, т. е. иллюзией или заблуждением.

Набоков часто и охотно играет анаграммами и криптограммами — частично с неожиданным и необычным результатом. Предположение, что он этим указывает на какие-то философские или персонажные концепции, можно исключить. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это — анаграммы его имени, как уже раньше было доказано литературоведами⁴. Особенным случаем являются два злых духа Азефъ и Абумъ, имена которых намекают на алфавит. Возможно, что разгадка этой загадки соответствует цифре 66, что, в свою очередь, соответствует фамилии: Набоков. Здесь речь

идет не об игре. Автор пытается увековечить себя в тексте, как это было, например, в средневековье, когда живописцы в незначительных фигурах на периферии полотна часто изображали самих себя. Это является ссылкой на творца, на демиурга этого фиктивного мира. Все это указывает на понимание литературы, в которой — по словам Данило Киша — «мир — это только видимость, а искусство — отображение праобраза Платона, отображение потерянного рая. Художник — это двойник демиурга и его мир не зависит от внешних аспектов жизни» (Kiš 1993: 558).

Особого внимания заслуживают также имена или фамилии персонажей Набокова, хотя мы здесь о них можем только упомянуть (Davydov 1982). Большой поклонник Гоголя создал имена, которые продолжают традицию своего мастера, например, фамилия Кашмарин, в которой характерно фонетическое созвучие со словом «кошмар». Да и сам Кашмарин по своему характеру напоминает кошмар; его удары приводят к раздвоению личности Смурова («Соглядатай»). М-сье Пьер представляет коннотацию французского шутника и набоковского варианта гоголевского Чичикова из «Мертвых душ», которого он считает воплощением пошлости (Набоков 1989: 581). Шутник, маски, преобразование персонажей — все это поддерживает, кроме того, и представление театра в романе «Приглашение на казнь». Что касается выбора и создания населенных пунктов, то здесь Набоков проявил большую тщательность относительно звучания, ассоциации и включения в контекст. Так, например, место в рассказе «Весна в Фиальте» вызывает две намеренные ассоциации: во-первых, с названием похоже звучащего города в Крыму (Ялта) и, во-вторых, ассоциацию по цвету фиалки. Этот цвет оказывается доминантным во всем рассказе, уже во втором предложении мы находим: «... в неровной раме синеватых домов...», потом снова речь идет о «... между оскалом камня в аметистовых кристаллах и морским рококо раковин» (Набоков 1978: 7) и рассказ кончается: «Откуда-то появился у нее в руках букет темных, мелких, бескорыстно пахучих фиалок...» (Набоков 1978: 34–35). Не случайно, что этот цвет, который является символом воспоминания, был выбран автором для рассказа, в котором воспоминания одерживают верх над действительностью.

Что касается цитат у Набокова, то и здесь проявляется особый подход автора. Он, как всегда, господствует над своим произведением и доводит читателя до границ полезного. Так в качестве эпиграфа он приводит цитату Делаланде («Как сумасшедший мнит себя богом, так и мы мним себя смертными»), но оказывается, что и автор цитаты и весь его роман

фиктивные, т. е. не существуют. В предисловии к английскому изданию он пытается представить фикцию как реальность: пишет о том, что Делаланде, якобы, его любимый автор, который жил с 1768 г. до 1849 г., и что он, Набоков, цитирует из его забытого романа (*Набоков 1989: 7–8*).

Целая система микротекстуальных сигналов тянется красной нитью через весь роман «Приглашение на казнь», начиная с предметов рассказываемой реальности, которые важны для выявления смысла. Неопределенность представленной действительности проявляется в дихотомии тюремной камеры и парохода с бортовым иллюминатором. Карандаш является как вспомогательным средством вечного творческого процесса, так и хронометром, т. е. он является ответом на вопрос Цинцинната, когда приговор будет приведен в исполнение, который он сам должен найти. Автор сразу же формулирует его, но предложение: «На столе белел чистый лист бумаги, и, выделяясь на этой белизне, лежал изумительно очиненный карандаш, длинный как жизнь любого человека, кроме Цинцинната...» (*Набоков 1989: 78*) не вызывает у читателя соответствующей реакции. Только после того, как он кусочком карандаша перечеркивает свое последнее слово «смерть», герой отрицает реальность этого мира и признает как реальность «мир потусторонний», «пневму» духа. Карандаш является здесь точным указателем времени в романе, так как тот факт, что он становится все короче, говорит нам о проходящем времени, а еще оставшееся время зависит от процесса творчества героя. Указывающие на «тут» и «там» индикаторы связаны с дуалистическими и гностицистическими основными принципами романа, это в литературе уже основательно обсуждали (*Davydov 1982; Johnson 1982; Foster 1993; Grossmith; Lachmann 1987: 1990*). Паук, который в начале обозначается как «официальный друг заключенных» (*Набоков 1989: 151*), упоминается в связи с процессом писания и заключения («Желтые стены»; 171), когда готовится новый удар против Цинцинната, как в следующем примере: «Ужасно! На столе белел карандаш. Паук сидел на желтой стене» (155). Отвратительный и жестокий паук оказывается в конце бутафорией палача и директора тюрьмы: «Сделанный грубо, но забавно, он состоял из круглого плюшевого тела, с дрыгающими пружинковыми ножками, и длинной, тянувшейся из середины спины, резинки, за конец которой его держал на весу Роман, поводя рукой вверх и вниз, так что резинка то сокращалась, то вытягивалась, и паук ездил вверх и вниз по воздуху» (264). Он, как и палач, является принадлежностью детского театра или же настоящим фокусом — если учесть, как при казни разрушаются

тюремная камера и картонные фасады или же нарисованные зрители. Как и фотоальбом, в котором манипулируется время, паук является частью внешней и даже, что касается материала, сомнительной реальности, действительность которой перестает существовать после смерти Цинцинната и переходит в мир другой действительности: «Один Цинциннат считал, а другой Цинциннат уже перестал слушать, удалявшийся звон ненужного счета — и с неиспытанной дотоле ясностью, сперва даже болезненной по внезапности своего наплыва, но потом преисполнившей веселием все его естество, — подумал: зачем я тут? отчего так лежу? — и задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся» (271). То, что признается новая реальность, в которой исчезает оппозиция между «тут» и «там», показывает последнее предложение романа: «...и Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» (272).

Пристрастие Набокова к загадкам и играм ощущается в сложных композиционных структурах, которые наводят читателя на разгадку. Часто он формулирует настоящие загадки, как в приведенном романе, где шурин Цинцинната шутит следующим образом: « — Возьми-ка слово "ропот" — говорит Цинциннату его шурин, остряк, — прочти обратно. А? Смешно получается?» (203). Так получается топор, оружие, которым в конце исполняется приговор. С. Давыдов приводит несколько примеров загадок из романа «Отчаяние», например, одну с разгадкой $chaud + кол + ад = шоколад$: «Отгадай: мое первое значит "жарко" по-французски. На мое второе сажают турка, мое третье — место, куда мы рано или поздно попадем. А целое — то, что меня разоряет» (Davydov 1982: 91). Здесь мне хочется только указать на семантическую связь слов, из которых образована разгадка. Данило Киш пишет о сути творчества Набокова: «Ад как антитезис — радикальное зло нашего века — Набоков этого не хочет признавать, он не хочет приближаться к пламени ближе, чем это позволено смертному человеку», но наличие ада его убеждает в том, что потерянный рай, этот «мир без бога» существовал» (Kiš 1993: 559).

То, что Набоков в литературе всегда употреблял игры и намеки — это несомненно. Он сам сравнивал читателя с шахматистом, который должен решать задачи: «Дело в том, что соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и черными, а между составителем и воображаемым разгадчиком (подобно тому, как в произведениях писательского искусства настоящая борьба ведется не между героями

романа, а между романистом и читателем), а потому значительная часть ценности задачи зависит от числа и качества иллюзорных решений — всяких обманчиво-сильных первых ходов, ложных следов и других подходов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддельной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт» (Набоков 1989: 511). Возникает впечатление, что именно здесь автор точно описывает, где происходит соприкосновение литературы с игрой. То, что Набоков сказал о шахматной игре, очень верно характеризует и основные принципы его поэтики и запутывания читателя. Но нигде, как кажется, ему это не удалось так успешно, как в «Защите Лужина», в его романе о шахматисте, который полностью придерживается правил игры. Д. Бартон Джонсон (D. B. Johnson) — он дает и обширный список литературы об этом — доказал, что в основе романа лежит очень знакомая в истории шахмат партия: ее в Лондоне в 1851 г. играли Адольф Андерсен (Adolph Anderssen; белые) и один из самых сильных шахматистов своего времени, Лайонел Кизерицкий (Lionel Kieseritzky, черные), а позже ее называли «Бессмертной». Это партия со своим большим риском и фантастической экономией средств представляла идеал красоты XIX века, а в противнике Лужина можно опознать «новую венгерскую ультрасовременную школу» Рихарда Пети. Параллели с фатальными событиями в жизни Кизерицкого бросаются в глаза: он *таким же* образом уже один раз в 1842 г. в Париже потерял партию против черных, т. е. заключенный исключительно в свою перспективу в игре, он оказался слепым опознать прошлую, уже встречавшуюся ему стратегию в игре противника. Кроме того, роман содержит все элементы этой знаменитой партии: обнажение короля, жертва слона, ладьи и даже королевы, чтобы в конце тремя белыми пешками дать мат целой черной армии. В этом проявляется замаскированность героя и его неспособность к действию; персонажи этого романа не лица с индивидуальными чертами, а следствия стратегических положений, в конце которых стоит безысходность. И окно (из комического самоубийства Лужина) остается в этой сфере, так как оно квадратно и тем самым соответствует шахматной клетке.

Приведенные приемы представляют автора, как суверенного создателя и владыку своего фиктивного мира, в котором образ автора задает правила игры, где он помогает читателю и в то же время запутывает его. Читатель Набокова подвержен максимальному заблуждению, в конце которого его ожидает счастье разгадки, но и разочарование в том, что «еще непочатая часть развернутого романа <...> оказалась совсем тощей:

Несколько минут скорого, уже под гору чтения — и ужасно!» (Набоков 1989: 150). Но надежда Набокова — это несколько читателей, о которых он пишет в предисловии к английскому изданию романа «Приглашение на казнь»: «... я знаю (je sais) нескольких (quelques) читателей, которые вскакивают и рвут на себе волосы» (Набоков 1989: 8).

Примечания

¹ Набоков в своей книге о Гоголе очень подробно говорит об употреблении языковых средств и приводит как пример следующую цитату из «Мертвых душ»: «Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням». Этому Набоков дает следующий комментарий: «Передать на другом языке оттенки этого животворного синтаксиса так же трудно, как и перекинуть мост через логический или, вернее, биологический просвет между размытым пейзажем под сереньким небом и пьяненьким старым солдатом, который встречает читателя случайной икотой на праздничном закруглении фразы. Фокус Гоголя — в употреблении слова "впрочем", которое является связующим звеном только в грамматическом смысле, хотя изображает логическую связь, слово "солдаты" дает кое-какой повод для противопоставления слову "мирные", и едва только бутафорский мост "впрочем" совершил свое волшебное действие, эти добродушные вояки, раскачиваясь и распевая, сойдут со сцены, как мы уже видели не раз» (Набоков 1989: 584 — 585).

² На это указывал уже Ходасевич (Ходасевич 1934).

³ Об этом см.: Kecht 1983: 73.

⁴ R. Lachmann обнаружила следующие анаграммы его имени: Vivan Darkbloom, Vivian Bloodmark, Vivian Badlook, Adam von Libikov, Blavdak Vinomori, Baron Klim Avidov (Lachmann 1987: 459).

Библиография

- Биццли 1936 — Биццли П. Возрождение аллегии // Современные записки. 1936. № 61. С. 191 — 204.
- Биццли 1939 — Биццли П. В. Сирин. Приглашение на казнь // Современные записки. 1939. № 68. С. 474 — 477.
- Мегарич 1991 — Мегарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия // *Russian literature*. 1991. Vol. 29. P. 79—100.
- Набоков 1978 — Набоков В. В. Весна в Фиальте. Ann Arbor, 1978.
- Набоков 1989 — Набоков В. В. Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критич. эссе, воспоминания. Кишинев, 1989.
- Ходасевич 1930 — Ходасевич В. Защита Лужина // Возрождение. 1930. 11 октября.
- Ходасевич 1934 — Ходасевич В. Камера обскура // Возрождение. 1934. 3 мая.
- Ходасевич 1935 — Ходасевич В. Приглашение на казнь // Возрождение. 1935. 11 июня.

Ходасевич 1937 — Ходасевич В. О Сирине // Возрождение. 1937. 13 февраля.

Ходасевич 1938 — Ходасевич В. «Событие» В. Сирина в Русском театре // Современные записки. 1938. № 66. С. 423—427.

Шапиро 1981 — Шапиро Г. Русские литературные аллюзии в романе Набокова «Приглашение на казнь» // Russian literature. 1981. Vol. 9. P. 369—378.

Barnstead 1986 — Barnstead J. Nabokov, Kuzmin, Chekhov and Gogol': System of Reference in «Lips to lips» // Studies in Russian Literature in Honor of Vsevolod Setchkarev. Columbus, 1986. P. 50—60.

Davydov 1982 — Davydov S. «Teksty-Matreški» Vladimira Nabokova. München, 1982.

Chances 1987 — Chances E. Čexov, Nabokov, and the Box: Vaking a Case for Belikov and Ľuzin // Russian Language Journal. 1987. Vol. 140. P. 135—142.

Foster 1974 — Foster L. Nabokov's Gnostic Turpitude: The Surrealistic Vision of Reality in Priglašenje na Kazn' // Mneozina: Studia litteraria russica in honorem Vsevolod Setchkarev / ed. by J.T.Bear. München, 1974. P. 117—129.

Foster 1989 — Foster J. Nabokov before Proust: The Paradox of Anticipatory Memory // Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 1. P. 78—94.

Foster 1993 — Foster J. Nabokov's Art of Memory and European Modernism. New Jersey. 1993.

Grossmith — Grossmith R. Spiralizing the Circle: The Gnostic Subtext in Nabokov's Invitation to a Beheading // Essay in Poetics. Vol. 12 (2). P. 51—74.

Johnson 1982 — Johnson D.B. Spatial Modeling and Deixis: Nabokov's Invitation to a Beheading // Poetics today. 1982. No 3. P. 81—98.

Karlinsky 1984 — Karlinsky S. Theme and Structure in Vladimir Nabokov's «Krug» // Russian Literature and American Critics / In Honor by D.D.Brown, ed. K.Brostrom. Ann Arbor, 1984. P. 243—247.

Kecht 1983 — Kecht M.-R. Das Grotleske im Prosowerk von Vladimir Nabokov. Bonn, 1983.

Kiš 1993 — Kiš D. Nabokov oder die Nostalgie // Sinn und Form. 1993. Vol.4. S. 556—560.

Lachmann 1987 — Lachmann R. Mythos oder Parodie: Nabokovs Buchstabenspiele //Wiener Slawistischer Almanach. 1987. SB. 20. S. 399—421.

Lachmann 1990 — Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt/M., 1990.

Medaric-Kovacic 1985 — Medaric-Kovacic M. Nabokov's «Kamera obscura» as an avant-garde ornamental novel // Canadian — American Slavic Studies. 1985. Vol. 19. P. 314—327.

Saputelli 1986 — Saputelli L. The Long-Drawn Sunset of Fialta // Studies in Russian Literature in Honor of Vsevolod Setchkarev. Columbus, 1986. P. 233—242.

Terras 1981 — Terras V. Nabokov and Gogol: The Metaphysics on Nonbeing // Poetica Slavica: Studies in Honor of Zbigniew Folejewsky. Ottawa, 1981. P. 191—196.

Ф. Н. Двинятин
С.-Петербург

**Об интертекстуальных связях
личного имени в «Даре» Набокова:
Зина Мерц и вокруг**

0. Подавляющее большинство имен в романе В. В. Набокова «Дар» обладает той или иной мотивацией только вовне художественного мира этого произведения. Так, можно говорить, что персонаж романа писатель Владимир по целому ряду признаков является одним из двойников автора, и именно это недвусмысленно мотивирует его фамилию. Но во внутренней реальности «Дара» это живой человек, и его фамилия, как все невыдуманные фамилии, не включает в себе никакой художественной логики. Другое дело — какой-либо псевдоним, существующий во внутренней реальности романа и снабженный соответствующей мотивацией: он мог бы сыграть роль своеобразного «ключа» к романной ономастике, и некоторые принципы, вычленимые в этом случае, могли бы иметь значение для реконструкции и «внешних» ономастических мотиваций.

Такой псевдоним в романе есть. *Рядом с ним сидел и пил чай с лимоном, сам очень лимонный, с печально приподнятыми бровями, сатирик из «Газеты», псевдоним которого, Фома Мур, содержал, по собственному его заверению, «целый французский роман, страничку английской литературы и немножко еврейского скептицизма»* (Набоков 1989: 364; в дальнейшем «Дар» цитируется по этому изданию с указанием страницы и с соблюдением особенностей пунктуации; см. также Долинин 1990: 668). В этой мотивации имя рассматривается как некий фонетико-семантический комплекс с набором интертекстуальных, в том числе иноязычных, связей. Имя может быть мотивировано именем («английская» и «еврейская» версии), но также и апеллятивом («французская» версия); и как целое

(«французская» и «английская»), и только в одной части («еврейская»), наконец — просто «остроумным» внешним совпадением без намека на какое-либо внутреннее родство («английская» версия, а с известными оговорками — и «французская»). В последнем случае можно констатировать нечеткое проявление оппозиции «своего» и «чужого», а во всей мотивации, взятой как целое, в очень сложные отношения вступают фонетика и семантика, что характерно для всей поэтики романа (обилие паронимических притяжений и т. д.). Наконец, особого внимания требует то, что в данном случае представлены — как равноправные — три различные «этимологии» имени, из которых ни одна не отменяет другую; изобретенное имя предстает точкой схождения различных интертекстуальных мотиваций. Примечательна и сама троичность этой авторасшифровки псевдонима: в дальнейшем изложении придется иметь дело с обилием троичных рядов, и — пусть редуцированно — с самой семантикой троичности.

Можно предположить, что имя Фома Мур с декларированным им самим комплексом интертекстуальных связей имеет значение не только в тех фрагментах романа, где оно упоминается непосредственно. Так, когда Буш читает Федору отрывок из своего романа (239–240): *Но гальше, Луиза! (при этом имени Федор Константинович вздрогнул и ясно услышал звуки гренадерского марша: «Пра-ащай, Луиза, отри слезы с лица, не всяка пуля бьет молодца», — и это затем продолжало звучать <...>, — то в марше, услышанном Федором, можно увидеть отсылку к переводу А. А. Фета из Томаса (Фомы) Мура: «Прощай, Тереза!..» (Фет 1986: 587), ср. сходную звуковую структуру фамилий: Мур — Фет — Буш. С другой стороны, Буша зовут Герман, и если рассматривать философа-героя его романа как двойника самого автора, то Луиза — *малютка... подруга жизни* — будет указывать на осуществившийся брак Германна и Лизы из «Пиковой дамы», противопоставленный «петербургской трагедии» как «немецкая идиллия» (ср. роли Буша и старухи-графини как проповедских «помощников»). В «Отчаянии» действуют Герман и Лида — более откровенное обнажение той же реминисценции. Далее, в книге Федора о Чернышевском читаем: <...> *Лермонтов — первый нагсон русской литературы. Ритм, тон, бледный, слезами разбавленный стих гражданских мотивов до «Вы жертвою пали» включительно, все это пошло от таких лермонтовских строк, как «Прощай, наш товарищ, недолго ты жил, певец с голубыми очами, лишь крест деревянный себе заслужил да вечную память меж нами» (289). Между тем, очевидна метрическая и тематическая зависимость этого**

лермонтовского стихотворения от перевода И. И. Козлова из Ч. Вольфа «На смерть английского генерала сира Джона Мура» (Козлов 1960: 99–100), вплоть до цитируемых строк — Козлов: *Прости же, товарищ! Здесь нет ничего...*, Лермонтов: *Прощай же, товарищ, недолго ты жил...* («В рядах стояли безмолвной толпой...», Лермонтов 1979: 359. Первое, довольно беглое, указание на эту параллель в статье: Шувалов 1914: 300–301). Первым Надсоном русской литературы, таким образом, грозит обернуться аристократ Козлов. Он же, в свою очередь, переводил не только стихи о генерале Муре, но и самого Томаса Мура (в т. ч. известнейший перевод «Вечерний звон» — Козлов 1960: 125).

Оппозиция «свое» — «чужое» оказывается размыта еще в одном аспекте. Те принципы интертекстуальной мотивации имени, которыми руководствовался во внутренней реальности романа Фома Мур, едва ли «свой» для протагониста и автора, использует и сам Набоков в мотивации имен своих персонажей. Ниже будут рассмотрены три таких случая, в которых мотивация имени в текстах-предшественниках подкреплена соответствующим интертекстуальным пластом за пределами самого имени. При этом будет учитываться взаимодействие «фонетического» и «семантического», возможность целостной и почастной мотивации, столкновение «своего» и «чужого» и схождение различных мотиваций.

В центре анализа — имя ЗИНА МЕРЦ. Этимологизируя его, указывают, что имя Зинаида означает «дочь Зевса», а анаграммирование его Федором через Мнемозина позволяет обратиться к дочерям Зевса и Мнемозины — музам: Зина — муза Федора (Johnson 1982: 200–201)¹. Фамилия тоже обычно объясняется так, как ее анаграммирует Федор, через мерцание (Апресян 1995: 14). Таким образом, исходят из понимания, вполне естественного, что в набоковском тексте, с его сложной системой обращенной мимикрии, авторское изобретение имени может расшифровываться через переосмысление его героем. В данной работе предполагается, не оспаривая эту, возможно, базовую, этимологию имени Зина Мерц, предложить к нему ряд новых неочевидных параллелей, вместе с примыкающими к ним — и подтверждающими их — интертекстуальными пластами.

1. СЛЕД МАНДЕЛЬШТАМА. И имя, и фамилия Зины Мерц содержатся в стихотворении О. Э. Мандельштама «Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...» (Мандельштам 1995: 150), причем в примечательно перекликающихся позициях.

Первая строка третьей строфы:

И горят, горят в корЗИНАх свечи...

Первая строка седьмой строфы²:

Черный Веспер в зеркале МЕРЦает...

В первом случае ключевой звуковой комплекс находится в седьмом и восьмом слогах, во втором — в восьмом слоге, что закрепляет симметрию расположения.

Образы и мотивы этого стихотворения, и прежде всего центральный — Венеция — также соотносятся с Зиной Мерц. Из стихотворения Федора, к ней обращенного: *Вога в огнях, Венеция сквозит...* (202); из стихотворения Набокова, много лет спустя обращенного «То Вега»: *Геометрию их, Венецию их...* (Набоков 1979: 299). Мандельштамовскому Весперу в той же строфе у Федора соответствует *...А та звезда над Волгою висит* (202–203), или немного ранее: *...А та звезда над Пулковом висит* (180), а *вога в огнях* может быть ответом и на *горят, горят... свечи*, и на *в зеркале мерцает*, так как вода в этом случае выполняет функцию отражающей поверхности. Если говорить о более гипотетических соответствиях, то строки Федора: *...что не запрешь души своей в темницу, не скажешь, руку протянув: стена*, особенно в связи с мотивами темноты и стен в их вечерних свиданиях, можно рассматривать как отсылку к строке *Все проходит. Истина темна*, переосмысленной как *Все проходит, и стена темна*. Подобное переразложение в границах поэтической строки не было бы для Набокова чем-то уникальным: ср. *Мы слизь. Реченная есть ложь* в рассказе «Облако, озеро, башня».

В том же стихотворении Федор сам подвергает имя и фамилию своей возлюбленной поэтической этимологизации: *Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, полу-мерцанье в имени твоём...* (180); это подчеркнуто вторичное переосмысление имени, являющегося для Федора данным и заданием, примечательно совпадает со строками Мандельштама: фамилия в той же морфеме, а имя в стилистически отличном, но структурно схожем слове: корЗИНА — МнemoЗИНА.

Пожалуй, наиболее «мандельштамовско-венецианской» оказывается внешность Зиной, ср.:

Тонкий воздух кожи, синие прожилки...

и: *...Ее бледные волосы, светло и незаметно переходившие в солнечный воздух вокруг головы, голубая жилка на виске, другая — на глиняной и нежной шее, тонкая кисть...* (204).

Отца Зины звали Оскар Григорьевич Мерц, т. е. ОС-Ъ-БЕВИЧ М-Ъ, что тоже может соотноситься с мандельштамовским пластом в романе.

Этот пласт включает одно из стихотворений Федора, в котором несколько возможных реминисценций из Мандельштама существенно дополняют и осложняют общую семантику текста — «В канавы скрылся снег со склонов...» (35). Основным интертекстуальным источником здесь можно считать описание весны в «Евгении Онегине», 7, I (Пушкин: VI, 139)³:

<i>...С окрестных гор уже снега</i>	<i>...В канавы скрылся снег со склонов...</i>
<i>Сбежали мутными ручьями...</i>	
<i>...Еще прозрачные, леса...</i>	<i>...Летящих сквозь прозрачный лес...</i>

Близость не ограничивается этими совпадениями, но распространяется и на общий календарный принцип. Сеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю (Пушкин: VI, 193), так же и в «Даре», и в книжке Федора, где даны, подобно пушкинскому роману, зарисовки времен года. И там и там это подчинено общей семантической цели: демонстрация всего календарного круга подтверждает универсальность реконструкции жизни (известна характеристика «Евгения Онегина» как «энциклопедии», Федор тоже воссоздает всю вселенную своего детства).

Но *прозрачный лес* может отсылать и к Мандельштаму, являя — по И. П. Смирнову — случай «реконструктивной интертекстуальности» (Смирнов 1995: 20). В стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (Мандельштам 1995: 152) это сочетание, буквально не повторенное ни разу, дает три трансформированных варианта (причем даже тип трансформации во всех трех случаях различен):

<i>...В полупрозрачный лес...</i>
<i>...И лес безлиственный прозрачных голосов...</i>
<i>...Душа не узнает прозрачные губравы...</i>

В другом стихотворении этой же «двойчатки», «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (Мандельштам 1995: 152–153), есть строки, примечательные своим зевгматическим построением:

*...То мертвой ласточкой бросается к ногам
С стигийской нежностью и с веткою зеленой...*

(ср. *Слепая ласточка бросается к ногам // С стигийской нежностью и с веткою зеленой* в «Когда Психея-жизнь...»).

В стихотворении Федора тоже есть довольно яркая зевгма:

*...И петербургская весна
Волнения и анемонов
И первых бабочек полна.*

Совпадает не только общий зевгматический принцип, довольно специфический (Береговская 1985; Лукьянов 1993), но и частные характеристики первых зевгматических членов: *нежность и ветка и волнение и анемоны* — это, вообще говоря, «сердечное чувство и растение». У Федора назван и третий элемент: *и первых бабочек полна*, которого как будто нет у Мандельштама. Но *первых бабочек* оказывается по целому ряду ритмических, фонических, словообразовательных и семантических показателей соотносено с *мертвой ласточкой* (*бабочка* и *ласточка* — животные; имена существительные женского рода, трехсложные, с ударением на первом слоге, с ударным А, конечным формантом — *очка*; оба прилагательных — препозитивные, в словарной форме велика их звуковая близость: ПЕРВЫЙ — МЕРТВЫЙ, употреблены в двухсложных формах с ударением на первом слоге; вся группа занимает в ямбической строке слоги с первого по шестой). Переход от *мертвой ласточки* к *первым бабочкам* может осуществляться через гибридный для них общеязыковой образ *первой ласточки* (ср. роль ласточки в романе, стихи о ней Федора).

Предыдущая строка также имеет мандельштамовские аналогии, на этот раз из стихотворения «Еще далеко асфоделей...» (Мандельштам 1995: 140):

...Прозрачно-серая весна...   ...И петербургская весна...,

причем переключка подтверждается тем, что обе строки — вторые, как в четверостишии (в обоих случаях четырехстопный ямб и рифмовка ЖМЖМ), так и во всем стихотворении. В то же время эта параллель связана с предыдущей через повторение мотива «прозрачности», у Федора в данном контексте не эксплицированного. Переход от *прозрачно-серой весны* крымско-элинского (Левин 1975) царства теней к *петербургской весне* возможен через такие контексты у Мандельштама, где сочетание *прозрачная весна* применено к Петербургу:

*...Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает...
(Мандельштам 1995: 134)*

*...Прозрачная весна над черною Невой...
(Мандельштам 1995: 144)*

Между тем *зеленый пух* первого из двух этих отрывков является очевидной отсылкой к тому же самому весеннему описанию из «Евгения Онегина»:

...Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют...

Таким образом, поразительное развитие этой интертекстуальной цепочки видится следующим.

- 1) Пушкин: *Еще прозрачные, леса Как будто пухом зеленеют*;
- 2) Ближайший к Пушкину контекст Мандельштама: *Прозрачная весна В зеленый пух Петрополь одеваает*;
- 3) Регулярная у Мандельштама тема: *прозрачная весна*;
- 4) Ближайший к Федору контекст у Мандельштама: *Прозрачно-серая весна*;
- 5) Федор: *И петербургская весна*.

От пушкинских слов к этой строке у Федора не доходит, как будто, не одно, *прозрачный лес* он употребил рядом тоже с посредством Мандельштама, а оба слова Федора, обе темы — весна и Петербург — восходят уже к этапу 2). На этапе 4) они подкрепляются метрико-строфическим совпадением. Это значит, что у Федора найдены и вновь сведены в единый контекст две интертекстуальные линии, протянутые у Мандельштама периода «Tristia» от одного пушкинского источника.

Список параллелей из «Меганом» можно продолжить:

...Еще далеко асфodelей...

...Волнения и анемонов...,

где по сумме формальных и семантических показателей *анемонов* может являться парой к *асфodelей* (и то, и другое — название цветов; заимствованные; в род. пад. мн. ч.; четырехсложные с ударением на втором слоге; начальное А; конец строки). В таком случае *анемонов* следует тому, что можно было бы назвать «законом Фомы Мура»: множественность источников интертекстуальной мотивации знака. Во время путешествия отца в пустыне Нань-Шань *все склоны были затканы анемонами* (141–142). В то же время *анемон* паронимически отсылает к *Меганом*, а точнее — к *Меганон*, как было у Мандельштама в первых публикациях и даже во «Второй книге» (Харджиев 1973: 273–274; Нерлер 1990: 478–479; Мец 1995: 547). Также и рифма *склонов — анемонов* следует частой у Мандельштама времени «Tristia» рифмовке иноязычного слова с формантом -ОН- с таким же русским: *Персефоной — зеленой, Антигоной — зеленой, Антигона — звона, Меганом(н) — похорон, зеленый — кроны, доно — Илиона* (Мандельштам 1995: 152, 153 (bis), 140, 144, 149).

В результате, стихотворение о весенних бабочках оказывается насыщено семантикой мандельштамовского Аида, царства мертвых, с его серыми асфodelями и мертвыми ласточками, что совершенно неудивительно: ведь в этом любимом стихотворении самого автора *тема связана с темой отца*

(35)⁴. Одновременно осуществляется интертекстуальная реконструкция, и за серыми лилиями зеленеет первый пух пушкинского леса. Первая строфа Седьмой главы, по сути, заново открывающая повествование после гибели Ленского, кризиса Онегина, крушения Татьяниной мечты, сосредотачивает многие пушкинские мотивы, включая знаменитую «равнодушную природу». Начиная именно с этого весеннего описания, в структуру романа властно входит пушкинский катарсис, лишенное отчетливых метафизических оснований трагическое просветление.

Впрочем, пушкинские мотивы в «теме отца» совершенно очевидны, мандельштамовские же требуют дополнительного подтверждения, и такая подтверждающая роль отводится последнему слову стихотворения:

...Средь пятен белого ствола,

которое по своему прямому смыслу относится к «ботаническому» пласту стихотворения, но одновременно, что гораздо важнее, точно соответствуют немецкому *der Stamm*, второму элементу фамилии Мандельштам. Кстати говоря, и сам поэт однажды завершил стихотворение этим же словом:

*...И могучий горический ствол
(Мандельштам 1995: 145).*

В начале первой главы романа, где приводится и анализируемое стихотворение, Федор, сам того не желая, покупает миндального мыла (нем. *Mandel-*), так что налицо весь набор. Последние слова в стихотворениях Федора из первой главы вообще достойны рассмотрения в аспекте анаграммирования поэтических имен и фамилий: *брелок* (Блок?), *белизной* (Белый?), *расцвела* (Цветаева?), и особенно в соседнем с анализируемым стихотворении: *велОСИПег* (37), что вновь дразняще не отрицает приведенных догадок. Как значительно менее вероятные, не обсуждаются подробно некоторые другие возможные аналогии с Мандельштамом. Укажем кратко на саму фамилию главного героя «Дара»: даже в публикации (рассказ «Крут»), не говоря уже о более ранних этапах творческой истории, она появляется за несколько месяцев до того, как Мандельштам был сослан в Чердынь. Воздерживаясь от мистического оттенка в комментариях, можно указать, что и имя Федор Годунов в мандельштамовском мире небезразлично: оно актуализирует тему «царевича в смутное время» из «цветаевско-московских» стихов 1916 года.

Сверхскупой на похвалы всем возможным соперникам, Набоков отзывался о Мандельштаме в целом весьма благо-

приятно. В 1941 Мандельштам оказывается одним из немногих советских поэтов, чьи стихи Набоков готов включить в готовящуюся антологию (письмо Джеймсу Лафлину; *Nabokov* 1989: 37). В 1958 Вера Набокова пишет одному из корреспондентов, что ее муж разделяет восхищение Осипом Мандельштамом (*Nabokov* 1989: 251), а в 1965, благодаря Г.Струве за мандельштамовское издание, сам Набоков замечает, что стихотворения — изумительные и душераздирающие, и он будет счастлив держать драгоценный том на своей прикроватной полке (*Nabokov* 1989: 378). В том же 1965, в интервью одному из каналов нью-йоркского телевидения, Набоков назвал Мандельштама «величайшим поэтом из тех, которые пытались выжить в России под властью Советов». Здесь же он называет стихотворения Мандельштама «прозрачными дарами (gifts)» и «восхищающими образцами человеческого духа в его глубочайшем и высочайшем» проявлении, добавляя, что испытывает стыд за свою свободу, думая о судьбе Мандельштама (*Nabokov* 1973: 58). Два года спустя, в интервью 1967 года, он, правда, оговаривает, что «сквозь призму трагической судьбы его поэзия видится более великой, чем на самом деле», но утверждает, что в юности знал Мандельштама, как и Блока, наизусть (*Nabokov* 1973: 97).

Последнее, конечно, важнее всего.

2. СЛЕД СУХОВО-КОБЫЛИНА. Во второй части драматургической трилогии А. В. Сухова-Кобылина «Дело» есть три взаимосвязанных эпизодических действующих лица — чиновники *Герц*, *Шерц* и *Шмерц* (*Сухово-Кобылин* 1989: 67). Фамилия Мерц может производиться переменой или отъятием начальной буквы в любой из этих фамилий, причем в двух последних случаях отнять или переменить нужно начальное Ш.

Вся эта компания очень несимпатична, и для того, чтобы провести от нее линию к светлой набоковской героине, нужно дополнительное подтверждение. Итак, чиновников трое. Эта тройственность поддерживается их характеристикой в списке действующих лиц: *колеса, шкивы и шестерни бюрократии* (*Сухово-Кобылин* 1989: 67), т. е. опять тройчное перечисление. Семантика трех вообще небезразлична для трилогии Сухова-Кобылина. В уведомлении «К читателю», открывающем «Смерть Тарелкина», автор указывает: *Однако, издавая в свет мои драматические опыты, мне хотелось, да же и в смысле аффирмации, удержать за ними столько в Действительности и Диалектике любимое число Трц, и приводит немецкую (Ein Mal ist kein Mal. Drei Mal ist Ein Mal) и русскую (Без Троицы и гом не строится) пословицы на эту тему* (*Сухово-Кобылин* 1989: 140).

Далее, двое из чиновников имеют фамилии на Ш: Шерц и Шмерц, а затем это начальное Ш дважды появляется в их характеристике: «шкивы и шестерни». Все фамилии совпадают со значимыми немецкими словами: *das Herz* — сердце, *der Scherz* — шутка, *der Schmerz* — боль. Во всех фамилиях заключительный формант *-ерц*; они «рифмуются».

Между тем, трех директоров конторы, в которой работает Зина Мерц, зовут *Траум*, *Баум* и *Кэзебир* (216). Их назначение то же, что и у бюрократов из «Дела»: зловещая конторская работа. Их трое. Все три фамилии немецкие, значимые: *der Traum* — сон или мечта, *der Baum* — дерево, *der Kasebier* — светлое пиво. Это обыгрывает сам Набоков: *целая немецкая идиллия со столиками в зелени и чудном видом* (217) — та же немецкая идиллия, законы которой вручают Германну его Лизу (превратив ее в Луизу) и изымают его из трагического петербургского пространства. Первые две фамилии имеют общий конечный формант *-аум*, но в третьей он как будто не задействован, и начальное Ш не употреблено ни разу.

Но как раз это совпадение двух отсутствий позволяет предположить присутствие некоего замещенного знака, и даже реконструировать его: *der Schaum* — пена. Это слово совпадает с Траум и Баум по конечному форманту, с триадами Сухово-Кобылина — по инициальному Ш, а с фамилией Кэзебир — метонимически: *пиво* — *цена*.

В качестве другого доказательства можно указать следующее. Действительно, Сухово-Кобылин — автор как будто не набоковского круга, и Набоков хранит о нем молчание. Более того, и в самом художественном мире Сухово-Кобылина фамилии Герц, Шерц и Шмерц воспринимаются как почти предельное сгущение фарсового начала. Вот что, в частности, пишет об этой тройке Ст. Рассадин: «...В Герце-Шерце-Шмерце смысла искать не приходится. Его нет в помине, в намеке, в намерении <...> Герц-Шерц-Шмерц — это, воля ваша, и по сравнению с Ляпкиным-Тяпкиным свидетельствует о демонстративном отказе от такта и меры, об откровенном шутовстве... Или, может быть, о пародии?» (*Rassagin* 1989: 199). Вообще же стиливая мотивация этих фамилий, воспринимаемая как недвусмысленная эстетическая проблема, разрешается жанровым определением произведения Сухово-Кобылина как фарса-драмы (*Rassagin* 1989: 198 — 207).

Между тем показать склонность Набокова к подобным «шутовским» и «бессмысленным» связкам имен весьма не сложно. И Герц — Шерц — Шмерц, и Траум — Баум воплощают некую жутковатую анонимность бюрократии, ее зловещую безличность и почти демоническую нерасчленимость. У

Набокова есть чрезвычайно яркий опыт в этом роде: в пьесе «Изобретение Вальса», созданной практически одновременно с «Даром», действуют бюрократы, они же генералы, они же слуги **Берг**, **Брег**, **Бург**, **Брут**, **Бриг**, **Герб**, **Горб**, **Гриб**, **Граб**, **Гроб** и **Груб** (сам Набоков перечисляет их в несколько другом порядке). Зависимость этого перечня от Сухова-Кобылина еще более прозрачна. **Берг** и **Герб** особенно похожи в структурном отношении на **Герц** и **Шерц**, а также на **Мерц**: «смычный + Е + Р + смычный». **Герб** отличается от **Герц** одной буквой/фонемой. Метод фонетического комбинирования тот же. При переводе пьесы на английский язык принцип именованья сохраняется, и еще более подчеркивается роль тасуемых первых букв: **Гамп**, **Бамп**, **Пламп** и т. д. (Набоков 1990б: 278–279). Список из трех имен расширен до одиннадцати, и пропорционально этому чудовищных размеров достигает анонимная нерасчлененность аппарата. **Груб**, **Бург** и **Брут**, указывает Набоков, *представлены куклами, мало чем отличающимися от остальных* (Набоков 1990б: 189), и эта кукольность, как нельзя лучше, соответствует механистичности колес, шкив и шестерен бюрократии. В то же время подмножество **Гриб** — **Граб** — **Гроб** — **Груб** возникает явно не без влияния Маяковского (конструктивная интертекстуальность):

*Били копыта.
Пели бугто:
— Гриб.
Граль.
Гроб.
Груб. — (Маяковский 1939 : 25).*

Точно такие же фамилии — числом три, все с начальным Ш, односложные, немецкие — задействованы и в рассказе «Облако, озеро, башня»: **Шульц**, другой **Шульц** и **Шрам**.

Все это побуждает поставить, хотя бы бегло, еще один вопрос. Салтыков-Щедрин — тоже как будто не набоковский автор, но П. М. Бицилли в свое время аргументированно указал на точки преемственности между ними, и список параллелей может быть продолжен. Известно, что Набоков с одобрением отзывался об Ильфе и Петрове, Зоценко, Бабеле. Добавляя к этим именам Сухова-Кобылина, можно подчеркнуть и общую ориентацию Набокова на смеховые и фарсовые традиции русской литературы, на разрабатывавшиеся в этих традициях структурные приемы. Роль сатирического изображения, обилие персонажей — кукол, масок и автоматов, языковая игра, травестийная ономастика, — все это и многое другое делает Набокова продолжателем и «канонизатором» (в формалистическом смысле) этой линии. В числе прочего это

проявляется и в регулярном использовании значимых, полужначимых и незначимых, но всегда фонетически отмеченных имен, в которых, вопреки цитированному мнению, все же «приходится искать смысл» (реестр градоначальников у Салтыкова-Щедрина, имена персонажей Ильфа и Петрова и т. д.). При этом используемый фарсовый элемент у Набокова раздваивается на чисто фарсовое начало (Траум и пр.) и сохраняющиеся в серьезных и светлых элементах фарсовые по происхождению составляющие (Мерц).

Поскольку в этом разделе фамилия Мерц впервые рассматривается как замкнутый звуковой комплекс, то уместно указать, что она входит в романе в контекст таких же замкнутых комплексов — односложных фамилий. Таковых в «Даре» множество. Вот лишь те, что совпадают с фамилией Мерц не меньше, чем двумя буквами/фонемами: ботаник Берг, инженер Керн, сотрудник редакции Гец. Или так: присутствовавшие на писательском собрании в последней главе романа Мур, Керн и Гец соответственно началом, серединой и концом своих фамилий анаграммируют Мерц, хотя они, конечно, не смогли заменить Зину Федору, и он *serdился* на себя (367).

Если принять за основной путь Шмерц → Мерц, то к односложным фамилиям на Шм- надо присоединить и пушкинскую Каролину Шмиат (115). Через литературные упоминания к «односложному пласту» подключаются Фет и Блок, с воспоминаниями о котором выступает инженер Керн (65).

Наконец, можно предложить и реконструкцию такой связки, которая могла поддерживать образование Шмерц Мерц, т. е. производство нового знака путем отбрасывания начального Ш в позиции перед М, причем в немецкоязычном контексте. Одно из ключевых слов набоковского творчества, бабочка, — der Schmetterling (с оглушением конечного g в k); пара Schmetterling — Maeterlinck поддерживает предположение о том, что страшноватый Шмерц обернулся прекрасной Зиной Мерц, оставив свою и двух своих коллег тройственную зловещесть трем ее начальникам, в фамилии одного из которых генеалогия затемняется метонимией, отменяющей звуковое подбие.

3. ПОСТСКРИПТУМ: АХМАТОВА, ПАСТЕРНАК, ПУШКИН И ДРУГИЕ. Контекст возможной связи с Сухово-Кобылиным нельзя считать исчерпанным до тех пор, пока не будет более подробно рассмотрена модель, формирующая тип обыгрывания фамилии (троичная последовательность элементов — звуковые повторы — начальное Ш, его замена или утрата).

Использование этой модели в «Даре» не ограничено приведенным случаем.

С некоторыми оговорками сюда же можно отнести следующий пассаж из первого воображаемого разговора Федора с Кончеевым: *...и поговорим лучше «О Шиллере, о подвигах, о славе», если позволите маленькую амальгаму* (80). Комментаторы указывают, что это «контаминация» (Долинин 1990: 628) строк Пушкина *О Шиллере, о славе, о любви* (Пушкин: II, 427) и Блока *О доблестях, о подвигах, о славе* (Блок 1960: 64). Эта контаминация представляет случай уже упоминавшейся набоковской «реконструктивной интертекстуальности»: для набоковской строки в форме поэтического совмещения фактически указывается пушкинский источник. В строке Пушкина есть удержанное и Федором упоминание Шиллера (имя с инициальным Ш).

Но в романе есть и более значительный круг мотивов, организуемых этими же моделями и восходящих в конечном счете к подобному контексту из Пушкина (троичное перечисление Ш-имен).

В последней главе фигурирует не столь эпизодический персонаж писатель Ширин, фамилия которого как будто образована от псевдонима Сирин, под которым был опубликован роман, причем в результате замены начального звука на Ш. В то же время вся характеристика этого литератора, как и приводимый отрывок его прозы (даже с поправкой на пародийность этого текста), полностью исключает сравнение с Набоковым. Двойственность персонажа отзывается явно несхожими оценками его у позднейших интерпретаторов: О. Дарк видит в нем «пародийную ипостась» (Дарк 1990: 479) самого Набокова, а С. Карлинский — «эпигона Достоевского, специализирующегося на обличении западной жизни», которой он не разглядел и не уяснил (Karlinsky 1963: 289). Список возможных прототипов Ширина может быть пополнен при анализе реминисценций в приводимом образце его стиля. Одна из таких интертекстуальных отсылок явно обращает к Пастернаку. Манера Ширина, сколько можно судить, включает многочисленные паронимические сближения различных типов (*Отче — отчего, гетеры — гетры, мохнатый — махонький*, и др.). Среди прочих есть и такое: *гетеры и дельцы в гетрах <...> бежали за золотым тельцом* (356). Ниже упоминается Париж. Это полный набор лексических и фразеологических параллелей к первой строке стихотворения Б. Л. Пастернака «Бальзак»:

Париж в златых тельцах, в дельцах...
(Пастернак 1931: 107),

где к тому же использована та же паронимическая пара, еще более подчеркнутая, благодаря контактному расположению паронимов. Это настолько яркий образец пастернаковской паронимии, что, говоря об этой особенности в своем предисловии к однотомнику поэта 1965 года, А. Д. Синявский иллюстрирует ее именно приведенным примером (Синявский 1965: 31). Многочисленные контексты показывают, что Набоков хорошо чувствовал «новую» (футуристическую и постфутуристическую) паронимию, хотя и называл все звуковые повторы, даже глубокие, по старинке «аллитерациями». Он неоднократно пользуется подобными структурами в своей прозе, например, здесь же, в характеристике Ширина, словно в продолжение паронимического пародирования: *он был слеп как Мильтон, глух как Бетховен и глуп как бетон* (357) (весьма изысканный, хотя и несколько математизированный образец:

след + глух = глуп;
Мильтон + Бетховен = бетон).

Если говорить о поэтах-персонажах, то паронимией у Набокова пользуются и явно «чужие», и явно «свои». Паронимирует поэт из «Истребления тиранов» (*ни пивца, ни левца* — Набоков 1990а: IV, 404), что может отсылать к конкретной поэтической практике Маяковского, но паронимирует и Кончеев: *темы и ноты темнот* (202), что по структурному характеру «суммирования» параллельно отрывку с Мильтоном и Бетховеном (ср. к тому же звуковые комплексы **тон** — **ног**).

Пастернаковские аллюзии Ширина на этом не заканчиваются. Следом за «Бальзаком» в «Поверх барьеров» помещается стихотворение с отмеченно «набоковским» названием «Бабочка буря», а затем — «Отплытие», где есть и *ширь*, и *ширящееся плесканье* (Пастернак 1931: 107–112).

В эпизодах, связанных с писательским собранием, рядом с **Шириным** неоднократно фигурирует **Шахматов**, и, следуя «тенденции начального Ш», эту последнюю фамилию можно считать связанной с **Ахматова**. Если так, то выстраивается такой ряд переходов «ненабоковских» (точнее, не относящихся к вымышленным персонажам «Дара») имен в «набоковские»:

Шерц → Мерц (замена начального Ш на другой звук),
Сирин → Ширин (замена другого звука на начальное Ш),
Шмерц → Мерц (исчезновение начального Ш),
Ахматова → Шахматов (появление начального Ш).

Можно указать и на возможный прообраз этой стратегии начального Ш. Подсказки выглядят так: изменения, связанные

с начальным Ш, всегда совпадают с переходом от своего к чужому, от плюса к минусу и наоборот; переход от наиболее своего к наиболее чужому наблюдается в паре Сириц — Шириц и, значит, связан с парой С — Ш; эпиграф книги Ширина — из книги Иова (можно, наверно, предположить и контекст из Иова. Роман Ширина называется «Седина», что дает на пересечении «ширина», синоним «широта». Ср. Иов, 38 : 17: *Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это.* Это как бы возможный ответ Господа «ширинскому сознанию», которое может роптать, но не может ни *обозреть*, ни *объяснить*. Ср. *святая ненаблюдательность ... и полная невозможность что-либо именовать* — 357), что, кроме возможной отсылки к книге Л. Шестова «На весах Иова» (Париж, 1929), в самом общем виде указывает на библейский контекст. Все это обращает к Книге Судей Израилевых, 12 : 5–6: *жители Галаадские говорили ему: «не Ефремлянин ли ты?» Он отвечал: «нет». Они говорили ему: «скажи: шибболет», а он говорил: «сибболет», и не мог иначе выговорить, Тогда они, взяв его, заколали... Шибболет* — понятие нарицательное и разработанное; в русской литературе было употреблено, в том числе, и Пушкиным в Десятой главе «Евгения Онегина»: *Авось, о шибболет народный...* (Пушкин: VI, 521).

Возможная отсылка к фамилии (псевдониму) Ахматовой должна быть подтверждена какими-либо дополнительными указаниями. К таковым можно отнести присутствие на том же писательском собрании поэтессы Анны Аптекарь (364; имя совпадает, в фамилии 8 букв, начальное А). Едва ли русское шахматы могло избежать в набоковской лаборатории анализа на звуковые подобию. Вместе с тем анаграмматическое переосмысление фамилии Ахматова через шахматы не является чем-то уникальным в поэтической ахматовиане, пусть не на высших, пронзительных и трагичных, ее уровнях, а в более близкой к мадригалу традиции:

*Королева шахмат о вас тоскует,
Ах, матовая рук Ваших белизна!
Ее не отдам за сто драхм, а то в агу я
Прокляну день и час, когда Вас узнал
(Богомолв 1989: 37).*

Д. Б. Джонсон уверенно помещает фамилию Шахматова в контекст развития в романе шахматных мотивов (Johnson 1982: 199), и, присмотревшись к ним, можно заметить продолжение связи между шахматами и поэтической этимологизацией ахматовской фамилии. В журнальчике, который рассматривает Федор, он находит очаровательную *четырёхходовку*

американского мастера с остроумно запрятанной матовой комбинацией (200). В таком контексте слово матовый приобретает способность соответствовать и другому, нешахматному своему значению — "непрозрачный, лишенный глянца". В то же время ср.:

*Ах! Матовый ангел на льду голубом.
Ахматовой Анне пишу я в альбом*

(Мангельштам 1967: 292. Сообщено В. В. Вейдле. (С. 544). В новейших русских изданиях Мандельштама отсутствует. Исследовавший альбом Ахматовой М. Б. Мейлах атрибутирует это двустишие Вас. Гиппиусу — Мейлах 1989: 76).

Возможность читать псевдоним Ахматова в том числе как (Ш)ахматова, несмотря на все биографические мотивировки (неоднозначность этимологии!), подкрепляется и обращением к топониму Шахматово: тогда само имя поэтессы входит в состав «блоковского текста» (Жирмунский 1977; Топоров 1981, где и сам термин: 54) ее поэзии. Часто встречающееся в ахматовских сборниках указание на Слепнево как на место написания стихотворения может рассматриваться как своеобразная структурная цитата из «Стихов о Прекрасной Даме», где многие стихотворения так же подписаны местом их создания: Шахматово.

Фамилия поэтессы Аптекарь, возможно, обыгрывает принятое в «Бродячей собаке» обозначение посетителей-буржуа как фармацевтов (не забудем, что сцена писательского собрания разыгрывается в кафе). Что же касается того genderschift'a, который превращает Ахматову в Шахматова, то он в «Даре» не одинок: кроме этого случая и самой фамилии Мерц, Александр Яковлевич и Александра Яковлевна Чернышевские (родом, вероятно, из «Двенадцати стульев»); Христофор Мортус, псевдоним дамы; адвокат Чарский и др. Возможно, здесь налицо своеобразная отместка за строки Ахматовой, невольно проделывающие такой же genderschift с псевдонимом самого Набокова:

*...Иль уже светлокая, нежная Сирин
Над царевичем песню поет?
(Ахматова 1976: 40)*

Итак, фамилии Ширин и Шахматов вполне могут рассматриваться как результат Ш-операций с фамилиями реальных литераторов. Но в то же время, как пара, они актуализируют еще одну ономастическую отсылку к реальному литератору — кн. С. А. Ширинскому-Шихматову, чье имя в таком случае переживает некоторое раздвоение.

Сам же Ширинский-Шихматов, неоднократно упоминаемый у Пушкина, появляется один раз в раннем пушкинском стихотворении в контексте, примечательном для истории рассматриваемой модели — в трехкратных троичных Ш-перечислениях:

*Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской
(Пушкин: I, 150).*

Все три автора упоминаются в комментариях Набокова к «Евгению Онегину», но эпиграмма не комментируется и даже не приводится.

Структура пушкинской эпиграммы также вполне традиционна, и в литературе неоднократно обсуждалась возможность более точной локализации ее источника. Ю. Н. Тынянов указывал на две структурно близкие эпиграммы, одна из которых принадлежит перу Вольтера (Тынянов 1929: 136); Г. Коровин приводил другой текст (Коровин 1929: 66–67), а Б. В. Томашевский считал точную локализацию проблематичной: «наличие <...> нескольких сходных французских эпиграмм того же построения и несовпадение пушкинской эпиграммы с ними заставляет предполагать, что мы имеем дело не с отдельными эпиграммами, а с определенным эпиграмматическим жанром», который «даже имел свое название: *contre-petterie*. Под этим названием, которое я затрудняюсь перевести вполне благопристойно, подразумеваются две формы литературной забавы. Первая состоит в игре словами, в которых обмениваются первые буквы, типа *fort de main* и *mort de fait*». Во втором случае местами меняются сами слова (Томашевский 1929: 69). Эпиграмма Пушкина — пример этого самого «второго случая», однако в свете предлагаемых реконструкций нельзя не отметить вновь возникающую, казалось бы, в довольно неожиданном месте тему мены первых букв, что позволяет расширить контекст набоковской игры с инициалами: не только шибболет, но и французская *contre-petterie*, да и, наверное, английские *spoonerism*'ы, типа *half-warmed fish* вместо *half-formed wish*.

Так, когда круг анализа почти завершен, вновь приходится вспомнить о Фоме Муре: три версии, и национально все три те же: еврейская (шибболет), французская (*contre-petterie*) и английская (*spoonerism*'ы).

Спустя продолжительное время, А. Гляссе поддержала версию Г. Коровина, устанавливая авторство предполагаемого пушкинского источника — Бомарше, и путь, каким эпиграмма могла стать известна в Лицее. Сам текст, появившийся благодаря столкновению Бомарше с членами Конвента, выглядит так (Гляссе 1972: 78):

*Vit-on jamais rien de si sot
Que Merlin, Basire et Chabot?
A t'-on jamais rien vu de pire
Que Chabot, Merlin et Basire?
Et vit-on rien de plus coquin
Que Chabot, Basire et Merlin?*

Нетрудно заметить, что актуализированы в жизни и творчестве Набокова были и две другие фамилии из пушкинского текста. Шишковы — фамилия мальчика Пути и его отца в рассказах из сборника «Соглядатай» (Набоков 1990а: 345–360)⁵, Василия Шишкова, героя набоковской мистификации и рассказа, а также прабабки самого Набокова. С З. А. Шаховской при написании «Дара» Набоков, сколько можно судить, находился в очень хороших отношениях. Ее имя — Зинаида — возвращает к главной героине настоящего очерка (мужа З. А. Шаховской звали С. С. Малевский-Малевич. Так пополняется еще один ряд: «фамилии, состоящие из двух частей, по три слога в каждой» — Малевский-Малевич, Ширинский-Шихматов, Сухово-Кобылин и, наконец, Годунов-Чердынцев).

Имя Зина Мерц, таким образом, оказывается точкой схождения («амальгамой», «анаграммой», «контаминацией»...) и одновременно комментарием и реконструкцией значительного интертекстуального материала, скрепленного общностью структурных моделей. Список параллелей может быть расширен⁶ — лишь бы предполагаемый интертекст подтверждался сопутствующими контекстами. Зина Мерц или русская литература? — к спору о героине романа можно добавить реплику: в какой степени Зина Мерц и есть русская литература?

Примечания

¹ Подробные наблюдения над ономастикой шести англоязычных романов Набокова содержатся в монографии: Lokrantz 1973: 63–94. Выделяются, в частности, следующие типы функций для набоковских личных имен: 1) аллозивные; 2) тематические; 3) самоописательные; 4) иронические; 5) аллитерационные; 6) юмористические (64–66). В соответствии с этой классификацией функции имени Зина Мерц могут быть отнесены только к первому типу. Из литературы последнего времени по поэтической ономастике см., напр., *Топоров* 1996.

² В продолжение темы «Пиковой дамы»: нумерология строк и строф мандельштамовского стихотворения соответствует тройке, семерке и тузу. Неслучайность карточной темы подтверждают и строки из стихотворения Федора, обращенного к Зине: *поставим на туза воображенья, чтоб целый мир у ночи отыграть* (Дар. С. 180).

³ См. перевод обсуждаемой строфы Набоковым и комментарии к ней: *Pushkin* 1964: I, 261; III, 69–71. Среди указаний на топику весеннего описания еще раз обнаруживается Фома Мур: «Лалла Рук» Т. Мура Набоков упоминает в числе носителей топосной традиции.

⁴ В связи с этим возникает вопрос о мифологическом подтексте азиатских путешествий Константина Кирилловича, каковой очень широк: например, «Одиссея», отводящая Федору Константиновичу роль Талемаха. Азия отцовских странствий, независимо от сводимости ее к текстам известных путешественников, слишком часто предстает как «иное царство», потусторонний мир, чтобы на это не обращать внимание. Сама предполагаемая гибель отца выглядит как невозвращение с того света. Сюда же относятся *тысячи призрачных лиц, как-то бесплотны прущих на тебя и шепот духов, отзывающих в сторону* пустыни Лоб (145); *шаманский набор слов* тибетской мистической формулы (144); *тень Жаксыбая, скользнувшая в свой тихий, нарядный, розами и баранами богатый, рай* (154); фрагмент *все врут в Тибете* (144) может отсылать к «Божественной комедии» (ср. сходное поведение бесов — ложь при указании путей — в песнях 21–23 «Ада»). Профанная дикость набоковского Тибета явно полемична по отношению к эзотерической сакрализации его нацистскими идеологами.

⁵ У Пути безнадежная детская любовь к девочке, описание которой — *с прозрачной кожей, синевой под глазами и черной косой, схваченной под тонкой шеей белым бантом* — вновь обращает к «Венецейской жизни» Мандельштама и внешности Зины Мерц. Зовут девочку *Таня Корф* — фамилия прабабки Шишковой в замужестве.

⁶ Вот некоторые из них, которые не обсуждаются подробно, хотя бы потому, что не относятся к собственно литературе: 1) Петровское обращение *мин херц* уже было актуализировано А. Н. Толстым; 2) В Германии выпускался автомобиль марки «Мерседес Бенц». Федор видит рекламу автомобильной фирмы (Дар. С. 200), известно, что первая буква ее — Д, а вторая — А. Это совершенно очевидно компания Daimler-Benz, образовавшаяся в 1926 году после слияния фирм Карла Бенца и Daimler-Motoren-Gesellschaft и выпускавшая этот автомобиль; 3) Имя *Зина Мерц* может читаться как анаграмма русского слова *замерзни*, что придает ей черты Снегурочки. Особого разговора заслуживают супруги *Мерцаловы* из «Что делать?» Чернышевского, текста, отголоски которого могут обнаруживаться в самых неожиданных местах «Дара».

Автор выражает глубокую благодарность Татьяне Владимировне Цивьян, прочитавшей работу в рукописи и сделавшей ряд ценных замечаний.

Библиография

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Роман «Дар» в космосе Владимира Набокова: Статья вторая // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 54. 1995. № 4. С. 6–23.

Ахматова 1976 — Ахматова А. Стихотворения и поэмы. М., 1976. (Библиотека поэта. Большая серия).

Береговская 1985 — Береговская Э. М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 59—67.

Блок 1960 — Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми тт. М.; Л., 1960. Т. 3.

Богомолов 1989 — Богомолов Н. А. «Таким я вижу облик Ваш и взгляд» // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 37—38.

Гляссе 1972 — Гляссе А. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972.

Дарк 1990 — Дарк О. [Комментарий] // Набоков В. Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1990. Т. 3.

Долинин 1990 — Долинин А.А. [Комментарий] // Набоков В. Избранное. М., 1990.

Жирмунский 1977 — Жирмунский В. М. Анна Ахматова и Александр Блок // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 323—354.

Козлов 1960 — Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия).

Коровин 1929 — Коровин Г. Заметки о Пушкине. I // Поэтика. Временник Отдела искусств ГАХН. 5. Л., 1929.

Левин 1975 — Левин Ю. И. Заметки о «Крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама // Russian Literature. 10/11. 1975. С. 5—31.

Лермонтов 1979 — Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1979. Т. 1.

Лукьянов 1993 — Лукьянов С. А. Классификация зевгматических конструкций // Филологические науки. 1993, № 1. С. 70—79.

Мандельштам 1967 — Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 3-х тт. Изд. 2-е. Нью-Йорк, 1967. Т. 1.

Мандельштам 1995 — Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995 (Новая библиотека поэта. Большая серия).

Маяковский 1939 — Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. М., 1939. Т. 2.

Мейлах 1976 — Мейлах М. Б. Об альбоме Ахматовой 10-х — 20-х годов // Анна Ахматова и русская литература начала XX века. Тез. конф. М., 1989. С. 75—77.

Мец 1995 — Мец А. Г. [Комментарий] // Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995 (Новая Библиотека поэта. Большая серия).

Набоков 1979 — Набоков В. Стихи. Анн Арбор, 1989.

Набоков 1989 — Набоков В. Собрание сочинений. Т. VI. Дар. Анн Арбор, 1989.

Набоков 1990а — Набоков В. Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1990.

Набоков 1990б — Набоков В. Пьесы. М., 1990.

Нерлер 1990 — Нерлер П. М. [Комментарий] // Мандельштам О. Соч.: В 2-х тт. М., 1990. Т. 1.

Пастернак 1931 — Пастернак Б. Поверх барьеров. Стихи разных лет. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1931.

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. М.; Л., 1937—1949.

Рассагин 1989 — Рассадин Ст. Гений и злодейство, или Дело Сухова-Кобылина. М., 1989.

Синявский 1965 — Синявский А. Д. Поэзия Пастернака // Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 9–62.

Смирнов 1995 — Смирнов И. П. Порождение интертекста. Изд. 2-е. СПб., 1995.

Сухово-Кобылин 1989 — Сухово-Кобылин А. В. Картины прошлого. Л., 1989.

Томашевский 1929 — Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. II // Поэтика. Временник Отдела искусств ГАХН. 5. Л., 1929.

Топоров 1981 — Топоров В. Н. Ахматова и Блок. К проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой. Berkeley, 1981.

Топоров 1996 — Топоров В. Н. Две заметки из области русской литературы. II. *Васенька Весловский*: к семантической мотивированности имени у Толстого // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 46–53.

Тынянов 1929 — Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929.

Фет 1986 — Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая серия).

Харджиев 1973 — Харджиев Н. И. [Комментарий] // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973 (Библиотека поэта. Большая серия).

Шувалов 1914 — Шувалов С. Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 290–342.

Johnson 1982 — Johnson D. B. The Key to Nabokov's Gift // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 16, № 2, 1982. P. 190–206.

Karlinsky 1963 — Karlinsky S. Vladimir Nabokov's Novel «Dar» as a Work of Literary Criticism // Slavic and East European Journal. Vol. 7, No 3. 1963. P. 284–290.

Lokratz 1973 — Lokrantz J. T. The Underside of the Weave: Some Stylistic Devices Used by Vladimir Nabokov. Uppsala, 1973 (= Studia Anglistica Upsaliensia, 11).

Nabokov 1973 — Nabokov V. Strong Opinion. New York, 1973.

Nabokov 1989 — Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977. San Diego e.a., 1989.

Pushkin 1964 — Pushkin A. Eugene Onegin. Translated from Russian, with a Commentary, by V. Nabokov. Vol. 1–4. New York, 1964.

*А. И. Сапожников
С.-Петербург*

Рим глазами русского путешественника (из «Путешествия по Италии в 1809 году» А. И. Михайловского-Данилевского)

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789—1848) известен как автор фундаментальных военно-исторических трудов о войнах в царствование императора Александра I. Свое первое описание Отечественной войны 1812 года, оставшееся неопубликованным, он подготовил еще в 1816 году, но признание в качестве военного историографа получил значительно позже — в 30-е гг. XIX века. До этого в нем видели блестящего флигель-адъютанта и литератора, почетного члена Вольного общества любителей российской словесности, автора большого количества статей в различных периодических изданиях. В то время как военно-историческая деятельность Михайловского-Данилевского уже неоднократно привлекала внимание исследователей, его литературные занятия оставались в тени. Порой доходит до курьезов. Так в именном указателе к книге В. Г. Базанова «Ученая республика» он фигурирует дважды: под своей полной фамилией, как офицер и военный историк, и под сокращенной — Данилевский, как литератор. В действительности это был один очень талантливый человек, с самыми разносторонними интересами.

Родился Александр Иванович 26 августа 1789 года в Петербурге. Его отец, Иван Лукьянович Михайловский-Данилевский (1751—1807), прожил необычную жизнь: сын малороссийского казака, он поступил сначала на богословский факультет Киевской духовной академии, затем продолжил обучение в европейских университетах. 11 сентября 1784 году Геттингенский университет присудил ему ученую степень доктора медицины. Вернувшись на родину, он сдал экзамен в медицинской коллегии и получил право практики в России. Однако молодой врач почему-то предпочел карьеру банковского служащего и впоследствии занимал пост первого директора правления государственного Заемного банка¹. Им были приложены все усилия, чтобы единственный сын получил хорошее образование. В 1797—1806 гг. Александр учился в известном немецком училище св.Петра в Санкт-Петербурге, будучи пансионером у преподавателя Ж. Мореля, поклонника философов французского Просвещения. Сохранилось

несколько его учебных тетрадей с сочинениями на французском языке преимущественно на исторические темы, среди которых встречаются и довольно любопытные: «Смерть Алексея, сына Петра I», «Размышления над могилой Петра III»². С юных лет будущий историк числился на государственной службе: 12 августа 1801 года он зачислен в Заемный банк канцеляристом, в 1803 году ему пожалован чин коллежского регистратора, а два года спустя — коллежского секретаря. В ноябре 1807 года, после смерти отца, А. И. Михайловский-Данилевский был уволен по прошению от службы с чином титулярного советника³. Полученное наследство — 100 тысяч рублей ассигнациями — позволило ему продолжить обучение в знаменитом Геттингене.

Летом 1808 году российское правительство направило на обучение в европейские университеты двенадцать лучших студентов Главного педагогического института в С.-Петербурге (И. К. Кайданов, А. И. Галич, М. Г. Плисов, А. П. Куницын, Н. И. Бутырский, Д. С. Чижов, Н. Воронковский, Я. И. Карцев, Соловьев, А. В. Ржевский, И. Кастальский, Ст. Подзорский). Большинство из них избрало Геттингенский университет. Вместе с ними, но уже за свой счет, в Геттинген прибыли А. И. Михайловский-Данилевский и Н. И. Тургенев. В августе-сентябре 1808 года будущий историк частным образом брал уроки латыни у асессора Вундерлиха. По неизвестной причине его долго не зачисляли в университет. Из дневника Н. И. Тургенева видно, что тот был обеспокоен в январе 1809 года каким-то «делом Данилевского»⁴. В марте 1809 года Михайловский-Данилевский отправился в Париж, но ему там не понравилось и он уехал на все лето в Италию, откуда собирался вернуться в Россию. Однако в октябре 1809 года он возвращается в Геттинген, и 16 ноября его имя впервые появляется в университетских матрикулах⁵.

Михайловский-Данилевский проучился в университете три семестра. В зимний семестр 1809—1810 годов он слушал курс лекций по истории искусств профессора Фиорилло и курс дипломатики профессора Заальфельда. В следующем семестре курс римского права профессора Гуго, церковного права профессора Геде, политики профессора Сарториуса. В заключительном семестре он, вероятно, продолжил обучение у Сарториуса. 10 июня 1811 года А. И. Михайловский-Данилевский и Н. И. Тургенев покинули Геттинген.

К геттингенскому периоду относятся несколько его дневников, часть из них он впоследствии «переложил в письменный слог». Таким образом было создано несколько произведений, которые с одинаковым успехом могут быть отнесены как к мемуаристике, так и к литературному жанру путешествий. К сожалению, архив историка сохранился неполностью и от многих рукописей до нас дошли только названия. Еще более запутал дело сам автор, называвший «Путешествиями» и дневники, и более поздние произведения.

1. Путешествие из Петербурга в Геттинген 1808 года.
2. Путешествие из Геттингена в Саксонию, Богемию, Австрию и прочие части Германии (сентябрь-октябрь 1808 года).
3. Путешествие по Франции, Италии и Швейцарии 1809 года (март-сентябрь).
4. Путешествие по Италии в 1809 году.

5. Путешествие по Гарцу в октябре 1809 года.
6. Путешествие на Генштейн в июне 1810 года.
7. Voyage a Cassel (mai 1811).
8. Путешествие из Геттингена в Россию.

В конце 1811 года Михайловский-Данилевский возвращается на родину и поступает на службу в канцелярию министра финансов. Грозный 1812 год прервал его штатскую карьеру. 1 августа 1812 года, благодаря ходатайству Л. И. Голенищева-Кутузова, он был назначен адъютантом князя М. И. Кутузова, возглавлявшего тогда петербургское ополчение. После назначения Кутузова главнокомандующим всеми армиями будущий историк отправился вместе с ним в действующую армию. Дальнейшая его судьба достаточно хорошо известна. В Главной квартире русской армии недавнего студента быстро оценили за блестящее знание французского и немецкого языков. Он пользовался расположением князя М. И. Кутузова, П. П. Коновницына, К. Ф. Толя, князя П. М. Волконского и, наконец, самого императора. По окончании заграничных походов Михайловский-Данилевский имел чин полковника, был награжден несколькими российскими и иностранными орденами. В 1816 году его назначают флигель-адъютантом. Однако придворная карьера не сложилась, император быстро к нему охладел и только в 1823 году он получил чин генерал-майора с назначением в дивизию, квартировавшую в Полтавской губернии. Современники расценили это как крах столь успешно начатой карьеры. О столичной жизни пришлось позабыть, началась рутинная служба в провинции. После подавления восстания декабристов (с некоторыми из них он был дружен), всякие надежды на успехи по службе пришлось оставить. 21 апреля 1826 года, по прошению в связи с болезнью, его назначили состоять по армии, т. е. без определенного места службы. Ровно три года он пробыл не у дел. Молодой генерал уехал с семьей в имения жены, где «провел три года в совершенном уединении и почти никогда не ездил в города»⁶. Во время своего добровольного затворничества Михайловский-Данилевский создает, на основе дневников, огромный мемуарный труд, охватывающий пятнадцать лет его жизни (1811–1826).

В 1829 году, после долгих хлопот, Михайловского-Данилевского направляют в действующую армию. В последние месяцы турецкой кампании он занимал пост дежурного генерала при главнокомандующем графе И. И. Дибиче. Через год граф Дибич вновь вызвал его к себе, теперь уже в Польшу, где вспыхнуло восстание. В бою под Гроховым Михайловский-Данилевский был ранен и на этом его боевая карьера закончилась. Вернувшись в Петербург, он отказывается от назначения дежурным генералом в армию генерал-фельдмаршала князя Ф. В. Остен-Сакена, вероятно, уже тогда решив посвятить себя военно-исторической деятельности. В 1831 году им выпущены в свет две книги воспоминаний о 1814 и 1815 годах. Публика встретила их благосклонно и вскоре император стал последовательно поручать ему описание войн в царствование императора Александра I. В результате появились фундаментальные исследования, принесшие ему прижизненную известность.

9 сентября 1848 года А. И. Михайловский-Данилевский стал одной из жертв эпидемии холеры, охватившей Петербург. Исход болезни был заранее предрешен, о чем свидетельствует завещание, составленное 26 августа. Предприняло превентивные меры и правительство: 5 сентября военный министр князь А. И. Чернышев приказал директору своей канцелярии Н. Н. Аненкову в случае смерти историка опечатать его кабинет⁷. Уже на следующий день после смерти специально созданная комиссия (генерал-лейтенант П. А. Тучков, генерал-майор барон П. А. Вревский, действительный статский советник А. П. Суковкин) приступила к разбору бумаг, находившихся в кабинете историка. Суковкину поручили ознакомиться с неопубликованными «собственноручными записками и сочинениями» покойного и представить военному министру выписку из них⁸. По-видимому, он не нашел в них ничего крамольного или секретного, поскольку впоследствии мемуары и дневники были переданы дочери историка, которой покойный завещал «все движимое и недвижимое благоприобретенное имение» (родового у него не было)⁹. Что же касается основного массива документов из архива Михайловского-Данилевского, относящегося к его военно-исторической деятельности, то они поступили в Военно-техническое депо¹⁰.

Мемуары и дневники историка оказались в руках его дочери Антонины Александровны, в замужестве Берновой. Ее финансовые дела, особенно после смерти мужа, становились с каждым годом все хуже, и это привело к несчастью, лишившему вдову почти всего имущества. К сожалению, о разыгравшейся трагедии можно почерпнуть только очень скудные сведения из судебной хроники в петербургских газетах¹¹. К 1881 году Бернова уже продала отцовский дом у Синода и снимала скромную квартиру на улице Сергиевской. Запущенные финансовые дела принудили ее покинуть столицу и уехать в Саратовскую губернию. Сразу же после отъезда кредитор предъявил иск Берновой. 20 февраля 1882 года часть имущества в оставшейся за ней квартире была описана и продана с аукциона. Неизвестно, попали на аукцион рукописи отца или нет. Бернова в это время приехать в Петербург не могла и обратилась к своему хорошему знакомому, барону В.Ф.Дризену, с просьбой дораспродать ее имущество. Когда она вернулась в столицу, было уже поздно: рукописи отца оказались распроданы, а барон Дризен уверял, что получил за них всего 325 рублей. Бернова подала иск на него в петербургский окружной суд, в котором требовала, чтобы он заплатил 3000 рублей или вернул манускрипты отца. Несмотря на путанные объяснения барона Дризена, с него было взыскано в пользу истицы только 204 рубля 36 копеек. Ответчик назвал двух покупателей рукописей: Императорскую Публичную библиотеку и редактора «Исторического вестника» С. Н. Шубинского. Приобретенное ими хорошо известно: библиотека перечислила их в отчете за 1885 год, а Шубинский опубликовал в своем журнале. Однако, в лучшем случае, это только половина рукописей. Вторая половина каким-то, известным только барону Дризену, образом оказалась в различных частных архивах и собраниях. Некоторые из них побывали в букинистических магазинах В. Клочкова и Н. Г. Мартынова (о чем свидетельствуют экслибри-

сы и записи об их приобретении Н. К. Шильдера). На двух рукописях, помимо экслибриса книжного магазина В. Клочкова, имеется штамп библиотеки барона Дризена — значит букинисту сдавал их он. Известно, что в начале XX века рукописи Михайловского-Данилевского, помимо Военно-ученого архива, хранились в следующих местах: отдел рукописей Императорской Публичной библиотеки, архив журнала «Русская старина», собрание Общества любителей древней письменности, собрание П. Я. Дашкова, собрание Н. К. Шильдера, собрание Ф. И. Стравинского, собрание Н. Ф. Дубровина.

На сегодняшний день личные фонды А. И. Михайловского-Данилевского имеются в четырех архивохранилищах России: Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 488); Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) (Ф. 527); Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (Ф. 295); Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 241). Большинство мемуаров и дневников находятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Этот фонд был сформирован в результате покупки рукописей у барона Дризена в 1885 году и поступлений от Н. К. Шильдера. Большая часть мемуаров в виде годовых «Журналов» была опубликована еще в конце XIX века Н. К. Шильдером и Н. С. Шубинским. Однако допущенные купюры, публикации с неавторизованных копий заставляют задуматься о необходимости нового научного издания. В то же время более ранние мемуары и дневники (до 1811 года), которые не были переработаны автором в годовые «Журналы», остаются неопубликованными. Как впрочем и некоторые более поздние публицистические произведения, такие как «Белый цвет на российской кокарде»¹².

Творческое наследие этого талантливого историка, мемуариста, литератора необычайно богато. Наряду с исследованиями, дневниками и мемуарами сохранилось несколько произведений, которые можно отнести к модному в те годы жанру путешествий. Начало этому жанру в России было положено «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина. Правда, в отличие от Карамзина, в основе произведений Михайловского-Данилевского лежит дневник и поэтому они занимают некое промежуточное положение между мемуаристикой и литературой. Недавно нами было опубликовано одно из них: «Путешествие из Санкт-Петербурга во Псков, великий Новгород и обратно»¹³. Ниже вниманию читателей предлагаются отрывки из не менее интересного «Путешествия по Италии в 1809 году», относящиеся к пребыванию в Риме. Несколько слов об истории создания этого произведения.

Начало 1817 года Михайловский-Данилевский провел в литературных занятиях. В марте он уехал к невесте в Москву и 8 апреля обвенчался в церкви Спаса на Песках с Анной Павловной, урожденной Чемадановой. О своем времяпрепровождении в первопрестольной столице Михайловский-Данилевский позднее рассказал в мемуарах: «Я проводил дни с моею невестою, а вечера посвящал изданию в свет одной из счастливейших эпох моей жизни, а именно путешествие мое по Италии, которое печатал в «Русском вестнике» 1817 года. Там помещено описание моей поездки из Женева чрез

Мон-Сенис в Турин, Геную, Флоренцию, Рим и Неаполь; обратного моего следования из Неаполя чрез Римини, Венецию, Милан и Альпийские горы я не успел еще обработать. Цензура была весьма строга, и она столь много уничтожала статей в моем путешествии, что я, перечитывая оное в печати, с трудом узнаю мое собственное произведение. К сему также немало способствовала непостижимая странность издателя «Русского вестника» Глинки, который в некоторых местах переменял слова мои и даже суждения, извиняясь передо мною смешным предлогом, что он не нашел их согласными с его образом мыслей. Из сего можно заключить, сколь трудно было тогда что-либо порядочное издавать в периодических сочинениях, ибо не только надлежало подделываться к непомерной строгости цензоров, путавшихся, как заразы, всякой новой мысли и всякого смелого изречения, но даже надобно было приноравливаться ко вкусу и к понятиям журналистов... Вышеприведенные странности Глинки и зыскательность цензоров при издании моего путешествия по Италии были причиною, что оно явилось в свет в столь искаженном виде, что было принято публикою с большим равнодушием, хотя в России существуют едва-ли два путешествия по сей классической земле. Это равнодушие не оскорбило моего самолюбия, и я доволен, что письма мои из Италии преданы забвению, ибо хотя под ними и выставлено мое имя, но по выпущенным местам и поправкам цензоров и Глинки я не могу писем сих признать за мое произведение. К тому же, когда я посещал Италию, то мне было восемнадцать лет, а в сем возрасте можно предавать на бумагу восторги свои при созерцании изящных предметов природы, искусств и памятников славной древности, а не зрелые суждения о нравах, о правительстве и причинах благосостояния или упадка народов»¹⁴.

Таким образом, единственная попытка Михайловского-Данилевского опубликовать свое произведение закончилась неудачно. В 7–10 номерах «Русского вестника» за 1817 год было опубликовано менее половины текста, не считая купюр. Полной публикации, вероятно, помешал одновременный выход в свет третьего издания книги «Путешествие г. Дюпати в Италию в 1785 году» (СПб., 1817). Соперничать с известным французским писателем издатель «Русского вестника», по-видимому, не решился.

Автограф этого произведения Михайловского-Данилевского сохранился частично. Он состоял из трех тетрадей, из которых сохранились только первая (№ 1) и последняя (№ 3)¹⁵. В обеих тетрадях одинаковый титульный лист: «Путешествие по Италии Александра Михайловского-Данилевского». На следующем листе даны небольшие пояснения. В первой тетради: «Летом 1809 года путешествуя по Италии писал журнал; возвратясь в Геттинген начал в свободные часы переключать оный в письменный слог 1809 в исходе декабря». В третьей: «Летом 1809 года путешествуя по Италии писал журнал; возвратясь в Геттинген начал в свободные часы переключать оный в письменный слог 1810 в апреле». Таким образом все произведение было написано в период с декабря 1809 по апрель 1810 года. Начинается оно с предуведомления: «Письма сии писаны не по порядку; а так как приходило на ум». И действительно, здесь нет хронологической по-

следовательности, но в оглавлении номера писем проставлены карандашом: 1—20, 37—38, 52, 54, 55, 57—60. Больше половины писем в автографе не сохранилась, вероятно, они составляли недостающую вторую тетрадь. Интересны наблюдения над почерком в автографах. Основной текст написан еще неустоявшимся почерком с крупными буквами, а правка выполнена характерным писарским почерком, какой Михайловский-Данилевский имел к окончанию заграничных походов. Причем описание первых дней путешествия, путь из Жене-вы в Неаполь, написан полностью вторым почерком, т. е. уже в 1817, в конце третьей тетради.

Помимо неполного автографа, сохранилась авторизованная писарская копия, с которой осуществлялась публикация в 1817 году¹⁶. В отличие от автографа, письма здесь расположены в хронологическом порядке, переписчик ошибся только один раз, что было исправлено автором. Наверху первого листа самим Михайловским-Данилевским написано: «Путешествие мое по Италии, когда мне было 18 лет». Сразу бросается в глаза плохой почерк, каким выполнена эта копия, большое количество ошибок и незнание переписчиком иностранных языков. Личность переписчика удалось установить: в архиве историка сохранились написанные тем же почерком письма чиновника Заемного банка Леонтия Никифорова. Когда в тексте встречались непонятные и иностранные слова, то он делал пропуски, которые заполнял сам автор при вычитывании. Однако Михайловский-Данилевский просмотрел не все произведение и поэтому в тексте остались пустоты. Если первые восемьдесят листов буквально испещрены авторской правкой, то начиная с 84-го и по конечный 112-й лист рукописи она отсутствует. Поэтому многочисленные описки переписчика в неавторизованной части публикатор был вынужден исправить, не оговаривая это в каждом случае.

Сам дневник, послуживший основой для этого произведения, не сохранился. Одним из последних в конце XIX века его видел Н. К. Шильдер. Он значится в составленных им «Библиографических заметках о рукописях А. И. Михайловского-Данилевского»: «Путешествие по Франции, Италии и Швейцарии 1809 года. (март—сентябрь)»¹⁷. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Начинается произведение рассуждением о предстоящей поездке: «Я намерен ехать в Италию, где пробуду целое лето; любопытствую видеть отечество великих государственных людей, стихотворцов, художников, деятелей; с нетерпением желаю насладиться изящною природою и искусствами, но более всего древностию. Две тысячи лет прошло Римскому величию, а мы для того хотим быть в Италии, чтобы в пыли развалин отыскивать следы славы его, и вспоминая о добродетелях там обитавшего народа, возвышать душу нашу и делать сердце благороднее! Я не буду наблюдать за нравами, и за законами, лета мои не дают мне права на имя цензора; где люди там есть и пороки, и добродетели. Я буду любоваться храмом Св. Петра, картинами и статуями, но более буду восхищаться древностями. Я взойду на Капитолию и воображу не триумфы Августа и Нерона, но победителя Ганибалова, когда он обвиненный вместо оправдания говорит: Народ! В сей самый день я победил карфагеня! Возблагодарим богов! Предо

мною идут римляне, которые забыв во Сципионе обвиненного, видят только избавителя. Я не буду отыскивать ни соотечественников, ни знакомых, но с Проперцием и Горацием проведу несколько уединенных часов в Тиволи, а на берегах Средиземного моря прочту письмо Цицерона к Бруту. В Риме буду я искать Рима...»¹⁸.

Интересно, что в те же дни, когда Михайловский-Данилевский работал над «Путешествием по Италии», он слушал курс лекций известного геттингенского профессора Иоганна-Доминика Фиорилло по истории искусств. В отделе рукописей РНБ сохранился их конспект, на титульном листе которого значится: «История искусств, преподаваемая профессором Фиорилло и начертанная Александром Михайловским-Данилевским. Геттинген. От 1-го ноября 1809-го до последних чисел марта 1810-го»¹⁹. Сама рукопись на немецком языке, но поля испещрены маргиналиями на русском, некоторые из них непосредственно переключаются с «Путешествием по Италии»:

«В первые дни моего приезда я долго спрашивал, где Пантеон? Но никто не понимал меня. Наконец спросил я, где Ротонда?» (Л. 15 об).

«Кому неизвестно место этого дворца подле Капитолии? Я не должен забыть последнего вечера перед моим отъездом из Рима, здесь отчасти проведенного; он был один из счастливейших моей жизни. А именно 5 августа/24 июля 809» (Л. 20).

«Лукка! Прекрасные оливковые леса, украшенные виноградными гирляндами, не могу при сем случае вас не вспомнить! Ужели никогда вас не увижу? Тот день когда я был в этих божественных местах, в тот день был я совершенно счастлив!» (Л. 83).

«...Места прекрасные! Если когда вас забуду... Нет и в последнюю минуту моей жизни обращусь мыслию к вам и если телом умру в земле варварской, дух мой престанет по крайней мере существовать меж вас!» (Л. 122).

Порой геттингенский студент позволял себе критиковать преподавателя или дополняет услышанное на лекции:

«Гомер не знал правил эпоса, а чьи сочинения лучше, его или тех, которые писали по всем правилам поэзии? Рафаэль не знал правил клер обскура, а Фиорилло они известны!!» (Л. 71 об).

«В заключение о римской школе Фиорилло не упомянул вовсе о Камуччини и Ланти, которые почитаются наряду с первейшими живописцами» (Л. 90 об).

«Удивительно, что он совсем не упомянул о мельнице Лореновой, находящейся в Риме в галерее Дория, и почитающейся лучшим его творением. Многие знатоки в Риме меня уверяли, что это есть лучший существующий ландшафт» (Л. 195).

«При сем должен бы Фиорилло упомянуть о какой-нибудь картине, в которой эта погрешность видна. Я нигде лучше не вижу этого как в его фамилии Дариевой, которая стоит на коленях перед Александром. Он в латах как герой средних веков, а женщины в роброндах и фижмах. Фиорилло об этой картине даже ни слова не сказал» (Л. 129) (О Паоло Веронезе — А. С.).

«Фиорилло не упомянул о томности в одних его красках, которая вселяет какой-то ужас. Я из всех картин его, которые мне удалось

видеть, нигде более этого не заметил, как в его Распятии И[исуса] Х[риста], которое я почитаю его лучшим творением» (Л. 128) (О Тинторетто — А. С.).

«Велисарий сидит у ворот римских, держа ребенка, у которого в руках шлем Велисария. Мимо проходящая римлянка подает ему милостыню. В другой стороне картины стоит римлянин (кажется), знавший Велисария. Фиорилло критикует два места этой картины: 1) будто лицо Велисария похоже на лицо старого французского инвалида, что несправедливо, ибо в этом лице я вижу знание Давидово древних статуй. Если бы нос не был так длинен, то это бы была совершенно голова Лаокона. 2) что римлянин, узнающий Велисария представлен слишком в театральном положении, в чем и я не согласен. Вообще я не видал картины, где бы более царствовало спокойствие (*ruhe*), где бы деяние (*action*), было так хорошо усредоточено. Ив этой картине суждение Фиорилло мне кажется несправедливым. Кроме красот, коими она наполнена я признаю ее лучшею картиною из всех мною виденных. Ни галерея Фарнезе Карачи, ни Страшный суд Микель Анжело, ни Ночь Кореджиева, ни Преображение Рафаэля, не оставили в душе моей столь сильного впечатления. Это самый верный масштаб в изящных искусствах» (Л. 205—206).

«Удивительно, что Фиорилло не распространился об этих картинах; они без сомнения лучшие произведения Нидерландской школы. Подобного колорита я даже не нашел и в картинах Тициановых. У Тициана колорит прельщает, у Рубенса он так блистателен, что кажется будто картины сквозные (*durchsichtig*). Женщины его немного толсты, но это порок фламандских мастеров, грации похожи на раздетых молочниц. Что же относится до воображения и составления (*composition*), то я должен отдать справедливость Рубенсу, что подобных не видал нигде» (Л. 220 об).

«Аннибал Карачи в Германии гораздо более известен, нежели его братья. Фарнезская галерея была много раз гравирована. Она по сих пор еще сохраненна в весьма хорошем состоянии. Главный есть Триумф вакхов. Жаль, что дворец теперь ни кем не обитаем, а зала эта стоит совершенно пуста. Картина его Вознесение Богородицы потому для меня примечательна, что Рени заимствовал в ней идею своим апостолам в образе Вознесения Господня, находящуюся в Кафедральной церкви в Дрездене. Он же нарисовал также семнадцать соблазнительных картин. Венера, у которой на коленях Амур и которого ножкою она себя забавляет, была прежде в галерее герцога Орлеанского» (Л. 159 об—160).

Эти маргиналии свидетельствуют об эрудиции и знаниях писавшего. Однако впоследствии об историке распространяли несправедливые анекдоты как о каком-то невежде, что было вызвано неприятием его сочинений некоторой частью тогдашнего русского общества. Вот один из таких анекдотов: «Исторический писатель Михайловский-Данилевский спрашивал Андрея Николаевича (Муравьева — А. С.) по возвращении его с Востока, видел ли он в Иерусалиме мощи Иисуса Христа?»²⁰. В полнейшей нелепости этого анекдота убеждают произведения историка, в том числе и публикуемое ниже.

Публикация предпринята по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением написания слов, важных в историко-лингвистическом отношении. Пропуски в авторизованной копии, оставленные для последующего заполнения автором, в публикации отмечены следующим образом: (...). Если недостающую запись удалось восстановить по автографу, то она помещена в круглые и квадратные скобки ([...]). В одних квадратных скобках [...], помещены слова, в прочтении которых публикатор сомневается, либо вставленные по смыслу.

Примечания

¹ Формулярный список о службе и достоинстве действительного статского советника И. Л. Михайловского-Данилевского за 1801 год// РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1801 г. Д. 10. Л. 73.

² Composition francoises d'Alexandre Michailofsky-Danilefsky a l'ecole de Saint Pierre a Peterbourg. 1805 et 1806// ОР РНБ. ОЛДП. Q. 526. Несколько других тетрадей хранится в РО ИРЛИ.

³ Формулярный список о службе и достоинстве сенатора генерал-лейтенанта А.И.Михайловского-Данилевского за 1847 год// РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7374. Л. 17—34.

⁴ Тургенев Н. И. Дневники и письма за 1806—1811 годы. СПб., 1911. С. 208—210.

⁵ Тарасов Е. И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923. С. 105.

⁶ Записки А.И.Михайловского-Данилевского. 1829 год//Русская старина. 1893. № 7. С. 175.

⁷ Бучина Л. И., Тартаковский А. Г. А. И. Михайловский-Данилевский// 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 307.

⁸ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 108.

⁹ Отпуска прошений А. А. Михайловской-Данилевской, поданных во 2-ой департамент Санкт-Петербургской палаты гражданского суда 21—29 октября 1848 г.// ПФА РАН. Ф. 295. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.

¹⁰ Подробнее см.: Малышкин С. А. Об архиве историка Отечественной войны 1812 г. А. И. Михайловского-Данилевского// Советские архивы. 1987. № 4. С. 71—77.

¹¹ Петербургская газета, 12 июля 1889 г. № 188. С. 3.

¹² ОР РНБ. Ф. 488. Ед. хр. 44. Л. 275—302 об.

¹³ «На сем месте пала гордая республика»(Публикация А. И. Сапожникова)// Источник. 1995. № 1. С. 90—100.

¹⁴ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 год// Русская старина. 1897. № 6. С. 458—459.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 488. Ед. хр. 1-А; 1-Б.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 488. Ед. хр. 2.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 859. К. 2. № 8. Л. 31.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 488. Ед. хр. 2. Л. 2—3.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 488. Ед. хр. 65.

²⁰ Листовский И. С. Рассказы из недавней старины//Русский архив. 1882. Кн. 1. С. 193.

Путешествие по Италии Александра Михайловского-Данилевского

Рим Июнь

Facea nell'oriente il sol ritorno
Seren e luminoso oltre l'usato¹.

Как почталион закричал: «Ессо Roma!», я затрепетал от радости, взглянул и увидел купол церкви Св. Петра. Я не мог умерить восторга своего, и чем более мы приближались, тем больше билось сердце мое, тем больше душа моя исполнялась благоговением, и воображение мое носилось по векам и не находило пределов. Я искал взорами семи холмов, и казалось, что находил их в отдаленном облаке. В таком случае как приятно и обольщение! По дороге лежали обломки колонн, и каждый из них был для меня памятником Римского величия, и каждый говорил: «Мимо меня проходил Траян² и Тацит³, Цесарь⁴ и Виргилий⁵». Наконец въехали мы в Рим чрез Народные врата. Трудно себе представить что-либо величественнее этого въезда: вы видите вдруг три прекраснейшие улицы, а перед ними большую площадь, на которой стоит Египетский обелиск. «Я в Риме», говорил я сам себе, — «куда переносился мыслями во всяком возрасте моей жизни». Все поражало меня приятным образом; ни бедность народа, ни множество монахов, ни мрачные лица италианцев, ни французские мундиры, ничто не могло умалить чрезвычайных впечатлений, производимых этою мыслию: я в Риме!

Рим Июнь

Никогда не садился я с таким удовольствием в карету, никогда окружавшие меня предметы и люди так мало меня не занимали, как сего дня поутру, ибо я ехал в Капитолию и думал только об оной. На нее ведут две широкие лестницы. Я задрожал, когда мне надобно было идти по железным ступеням ее. Наверху по сторонам стоят колоссальные статуи, с одной Кастора, а с другой Поллукса⁶, подле каждого — по коню, далее их — Мариевы трофеи, потом два сына Константинова, и наконец по бокам по одной колонне наверху. Широкая площадь украшается конскою статуею Марка Аврелия⁷. Михель Анжело⁸ толь был восхищен ею, что сказал: Ricordate che Sei vivo, e cammina!⁹

Там, где был храм Юпитера Капитолийского, и на остатках здания, где хранились законы, — теперь Сенат Римский. Какая разница между древним Сенатом! Над ним высокая башня, на которую ведут 220 ступеней; вид с ней должен быть чрезвычайный. Подле храма Юпитера Капитолийского, был

храм Зевса Громодержца, где теперь какая-то церковь. Рим много пострадал от готов и вандалов, но более от католического духовенства. И теперь видны еще в церкви колонны древнего храма, время пощадило их для того, чтобы мы более жалели о том, что сделалось жертвою его. По сторонам Сената находятся два прекрасных здания, воздвигнутые Микель Анжелом, в которых хранятся картины и статуи. Немного в стороне видна Тарпейская скала, откуда низвергали преступников (*La roche tarpeienne est pres du Capitole*). Никогда не гордился я столь собою, как вошедши первый раз на Капитолию. Здесь сосредоточивалось могущество римлян, преклоня пред Капитолиею колена получала вселенная законы. По этим ступеням восходили Фабриций¹⁰, Павел Эмилий¹¹, Цесарь. Какое зрелище могло быть величественнее торжественного вшествия республиканцев, когда они, возблагодарив богов за одержанные победы, оставляли в Капитолии знаки власти своей, сходили простыми гражданами, смешивались с толпами народными и бросались в объятия родных своих и друзей.

И я попирал ногами Капитолию! Пусть прекратятся тогда дни мои, когда исчезнут из памяти моей воспоминания о сем времени! Если возвратясь в отечество, буду рассказывать о своих странствиях и с холодностию упомяну о Капитолии; — то это будет знаком, что сердце мое охладело ко всему изящному, и что тогда я стал на чреду обыкновенных людей, которых душа подобна болоту, не отражающему по мутности своей ни лучей солнца, ни света луны!

Рим Июнь

Где можно с большим правом помышлять о превратности царств, как не на Римской площади (*forum romanum*), где решались дела величайшего народа, и где теперь продают коров. Изредка встречаются здесь одни странники, приехавшие из дальних краев; развалины храмов богов вседержителей Рима и памятников цесарей, обросшие мохом, говорят: «За две тысячи лет вселенная с трепетом обращала на нас взоры!» Сия площадь, называемая ныне коровьим полем, имеет в длину около половины версты, а в ширину сажени полтора. Она покрыта землею по крайней мере сажени на две выше, нежели в древние времена; это происходит от множества зданий на нем находившихся, которые теперь или исчезли вовсе, или в развалинах. Я могу назвать счастливейшим временем моей жизни те минуты, которые проводил в сих местах. Душа моя наполнялась толь высокими чувствами, что я забывал настоящее; мне казалось, что я видел пред собою тех великих людей древности, которых подвиги или творения

составляют мою отраду, и меня всегда воспаляют. Кто, приехавши в Рим, сначала обращает внимание свое на церкви, на статуи, на картины; кто обитает духом в новом Риме, а не встречает солнца и не провожает последних лучей его на остатках тех зданий, на которых рука времени начертала слово вечность, — тот не будет моим другом.

Начиная с правой стороны от Капитолии, первый, представляющийся предмет, есть храм Юпитера Громодержца, который был удивлением древности и от которого теперь осталось три колонны коринфского ордера; видна третья часть их вышины, все прочее погружено в землю. Нет памятника, на котором бы украшения были великолепнее. Юпитеру воздвигнуты еще два храма на этой площади: Юпитеру-Консерватору, от коего существует только один столп, и Юпитеру-Статору, от коего остались три колонны коринфского ордера, которые почитаются образцами в своем роде. Нельзя представить, с каким величием они возвышают прекрасные капители свои, около которых извивается молодая травка.

Вот портал из восьми колонн, здесь был храм Единодушия, и в сих стенах Цицерон¹² гремел против Катилины¹³ и открыл заговор его. Подле находится место, где Курций¹⁴ низринулся в бездну. При каждом шаге потрясается душа великим воспоминанием. Неподалеку отсюда Торжественные ворота Константина¹⁵; размер их хорош, но барельефы и статуи на них свидетельствуют об упадке искусств того века, когда они были сооружены. По повелению Пия VII¹⁶ они обкопаны кругом, из сего видно сколько поверхность теперешнего Рима выше древнего. Когда Константин возвращался в Рим, победив Максенция¹⁷, то Сенат воздвиг ему сей памятник; вскорости не могли изготовить всех нужных украшений, почему принуждены были взять несколько барельефов с Триумфальных ворот Траяна. Но сии последние сделаны чрезвычайно хорошо: выражение лиц, одежда, состав фигур и положения их совершенны; а барельефы времен Константина немного лучше тех, которые делались в средние века. Как в это время думали низко и римляне и государи их. Сенаторы не постыдились приписать Константину победы Траяновы, а Константин позволил сие.

Какая величественная картина представилась взорам моим! Направо развалины дворца императоров, а налево Колоссей; но мы будем продолжать странствование наше. Торжественные ворота наилучшего из государей, утечи рода человеческого, достойны нашего внимания. В сравнении с другими памятник сей конечно мал, но по чрезвычайным

барельефам заслуживает преимущество между всеми до нас дошедшими памятниками сего рода.

В своде представлены Апотеоза императора Тита¹⁸, а по сторонам — Торжество его над Иудеями. Я не упомяну о развалинах храма Солнца и Луны, они слишком малозначащи, с ними не сопрягается никакое великое происшествие. Он в то время строен, когда римляне не славны были в искусствах, и по словам Салустия¹⁹: «domo suo pictulo, delusia deorum»²⁰.

На том месте, где находился позлащенный дворец Неронов²¹, был воздвигнут храм Мира. О величине его можно заключать по трем оставшимся огромнейшим сводам. Древние имели особенной масштаб, в зданиях их виден отпечаток великого духа, они избегали тех мелких украшений, которые в употреблении в новейшие времена, они полагали совершенство в огромном размере и в прочности зданий. Вот храм Ромула и Рема, он невелик, но примечателен потому, что строен при Ромуле²². Самые древние предания говорят, будто оба брата найдены там, где сооружен храм; в нем искони стояла волчица, находящаяся в Капитолийском музее. Теперь храм сей переделан в церковь, посвященную Св. Феодору; медные двери оного существовали во время первого царя Римского. Подле находится храм Антонина и Фаустины, преобразованный в церковь Св. Лаврентия. Десять прекрасных мраморных колонн составляют портал. Жаль, что третья часть их сокрыта в земле. Всего страннее, что при переделывании его из языческого храма в христианскую церковь, оставили на портале надпись: *Divo Antonino et divae Faustinae*²³. Сие небольшое древнее строение было храмом Сатурновым, где находилось казнохранилище древних. Мы обошли весь Форум и стоим на левой стороне Капитолии, подле Торжественных ворот императора Септима Севера²⁴, которые весьма хорошо сохранены, только барельефы посредственной работы немного пострадали. Они кругом обкопаны, так как ворота Константина.

С чем можно сравнить прогулку по сей площади! Восхитительно ходить по великому праху Римлян. Не нужно светильника деяний, внушения сердца останоят вас там, где говорил Цицерон, где жил Тит, где царствовал Антоний и Септим Север.

Рим Июнь

Взошед на башню римского Сената на Капитолии, открылась передо мною ни с чем несравненная картина: я видел в одно время весь древний и новый Рим, а в великой отдаленности за сим — страны, где жили сабиняне и прочие соседние

римлянам народы. Предо мною были семь холмов, и я смотрел как, начиная с горы Палатинской, которую можно назвать колыбелью Рима, столица сия возрастала; по древним памятникам удобно видеть постепенное ее приращение. Горы, покрытые развалинами, заросли почти совершенно травой, и древние здания, как будто делая последние усилия, из-за них возвышают главы свои. Я обнимал одним взором памятники всех веков, протекших от построения грота нимфы Эгерии²⁵ до сооружения храма Св. Петра. Со стороны нового Рима слышен был непрерывный шум, с другой, где находилась древняя столица, царствовало вечное безмолвие. А посреди Тибр катил медленно струи свои: он соединял прошедшее и настоящее. Везде видно было торжество христианства... Здесь столп величественнее воздымается к небу, нежели там десяток разноцветных куполов, украшенных крестами; в развалинах нескольких сводов сердце сильнее бьется, душа исполняется большим благоговением, нежели там, где под златым сводом блистают смарагды, да рубины.

Рим Июнь

Вообразите амфитеатр, имеющий более полутора саженей в длину и ста в ширину, в четыре этажа, между которыми находятся колонны трех ордера, где помещалось сто десять тысяч зрителей, — и вы узнаете, что это Колоссей, великолепнейшее здание, дошедшее до нас от древних. Он показывает нам, до чего достигали изящные искусства в Риме в цветущие времена, ибо он строен в 72-м году после Рождества Христова императором Титом. Сначала назывался он амфитеатром Флавия Веспасиана, но как подле него была колоссальная статуя Нерона, коей остатки видны в Капитолийском музее, где один палец толщиною с человека, то и получил название от сего колосса, именуется Колоссеум. Здание по сих пор столь величественно, что кажется и само время страшится к нему прикоснуться. Невежество средних веков не пощадило Колоссея, он разломан с одной стороны. В древности принуждены были христиане сражаться в нем с дикими зверями, и теперь воздвигнуты внутри его 14-ть часовен. Можно ходить по галереям, которых четыре в каждом этаже и где прогуливались римляне в ожидании представлений. Надобно взойти на самый верх, сесть на отломок мрамора и в молчании, ничем не прерываемом, смотреть на траву, растущую в ущелинах, на терновник, покрывающий место императоров. Чувство ничтожества поражает больше, нежели величие. Взгляните на повелителя полсвета, когда он на троне, или в гробу. Исчез Рим, исчезнет некогда и столица Севера. Петербург будет

превращен в пустыню, набережные покроются быстрою Невою, ветер будет свистеть в опустелых храмах его, великолепные чертоги уступят неумолимым векам, и покроются мохом, между окон будут гнздиться хищные враны. Представьте странника из дальних мест, напитанного чтением о подвигах россиян. Медленными шагами восходит он на развалины, обращает на все предметы томный взор, слеза катится из глаз его, он безмолствует, — но как красноречиво молчание его!

Рим Июнь

Капитолийский музей статуй обязан богатством своим Клементию XIII²⁶. Внизу находятся колоссальные статуи, особенно хороша та, которая представляет Марса. Широкая лестница украшается по обеим сторонам мраморными досками, на которых представлены планы древнего Рима; они были найдены подле храма Ромула и Рема. Музей разделяется на семь комнат, в которых много прекрасных памятников, но более таких, которые занимательны для испытателей древности, а не для простых любителей ее. Французы вывезли девять статуй самых лучших, они заменены алебастровыми копиями. Здесь собрано все, что найдено в загородном доме императора Адриана²⁷, подле Тиволи, особенно много египетских фигур. Я не чувствую того удовольствия, смотря на египетские статуи, которое нахожу при произведениях греческих ваятелей. Какое благородство, какой смелый проницательный взгляд, как естественно выражаются улыбка или гнев, добродушие или злоба, какая соразмерность во всем строении тела! А у египтян главный характер составляет какая-то таинственность, принужденность во всех членах; взор — душа ваяния — томный и потупленный в землю. Изящные искусства — лучший масштаб, по которому можно заключать о понятиях народных относительно до верховного Существа. Под благословенным небом Афин или Коринфа смертные представляли себе Богов толь же кроткими и прелестными как природа, которая их окружала. А в Египте искусства не могли развиваться, будучи удручены бременем закона, основанного на непроницаемых таинствах. Я не буду описывать множества бюстов, статуй, ваз, но не могу не упомянуть о Юпитере, представленном с различными атрибутами: художник достоин был изображать верховного Бога. Как любезен этот Фаун²⁸, облокотившийся на древо! Любопытна большая чаша, чрезвычайной работы, которая принадлежала Митридату²⁹.

Картинная галерея Капитолии разделяется на две части, одна заключает писанные на стене, а другая — те, которые

изображены на холсте. Сия последняя более славна выбором, нежели числом картин, ибо она заключается только в двух комнатах. Четыре самых лучших картины перевезены в Париж. Из оставшихся примечательнейшие для меня суть следующие: Сибилла — [Персика] Гверчина³⁰, которого можно назвать последним великим мастером ломбардской школы. Свежесть, или лучше, огонь красок его неподражаем. Голова Сибиллы есть красивейшая из всех картин Рима. Можно ли смотреть без восхищения на Вечерню Господню, в миниатюре, рисованную госпожею Тибальдо Сублейрас³¹. Она почитается лучшею миниатюрою в Риме. Или на Магдалину Албаниеву³², этого неподражаемого живописца граций? Сия галерея установлена Венедиктом XIV³³ для молодых живописцев; сказывают, что она была за несколько лет наполнена художниками, но теперь не видел я там ни одного человека.

Галерея картин, писанных на стене, не так славна в своем роде. Важнейшие происшествия Римской истории написаны Кавалером д'Арпино³⁴, Лауретием³⁵, Юлием Романо³⁶ и Даниилом да Вольтера³⁷. Одна из лучших есть та, которая представляет сражение Горациев с Куриациями³⁸. Анк Марций³⁹ и царь Альбанский на конях, а близ них стоит отец Горациев и отец Куриациев, оба почтенных старца, украшенные сединами. Брут⁴⁰, повелевающий при себе казнить сыновей своих. Как искусно художник умел представить жестокою боль в потупленных очах его. Всего примечательнее для меня в этой галерее медная волчица, кормящая Ромула и Рема. Она стояла во храме, сим посвященном, и в то самое время была поражена громом, когда убило Юлия Цесаря. Показывают на правой ноге то место, в которое гром ударил.

Рим Июнь

Увезение папы из Рима, и присоединение Римской области ко Франции не сделало здесь столь великого впечатления, как я думал. Жители не имеют привязанности к прежнему правительству, и не заботятся о настоящем. Но всякой может посудить, каков должен быть удар для духовенства. Уже вышло повеление, что никто более не может вступать в монашеское звание, запрещено отказывать имения в пользу монастырей и церквей, и говорят, что скоро отнимут великие поместья, им принадлежащие. В последнее время царствования папы духовные показывали великую твердость в исполнении его приказаний, и если бы не отменная кротость и доброта, то без сомнения Рим представил бы те самые явления, какие мы видим в Испании. Целый год папа был в ссоре с французским правительством, решительно отказывал ему в

требованиях его, и не сходил на его предложения. Во все это время жил он безвыездно во дворце своем на Monte Cavallo, имея при себе небольшой отряд швейцарской гвардии; гражданские дела до него не доходили, ими управлял французский губернатор Миолис, у которого было более 7000 войск. Но папа, живя по-видимому уединенно, имел посредством подземных ходов тайное сообщение с духовными, коим поручено было на исповедях узнавать обо всем происходящем, увещевать духовных детей своих к повиновению папе. И наставления их толь сильно действовали, что те из римлян, которые приняли места в новом французском правительстве, их с себя слагали, и желали оставаться лучше без пропитания, нежели сделаться неверными законному своему государю. Приближалась решительная минута, в которую надобно было папе или перестать быть государем, или согласиться на предложенные ему требования; он избрал для отмщения своего орудие, которое прежде поражало ужасом, но которое в наши времена потеряло свою силу проклятьем. Оно было прибито во всех церквах: «Наполеон Бонапарт и собщники его отлучены от церкви». Сказывают, что сие произвело сильное действие в народе. Французские жандармы ходили по церквам и срывали прибитое на стенах проклятие. Хотя сему приключению прошло только несколько недель, но французами взяты были столь строгие и скорые меры, что не смотря на все мои старания я с трудом мог получить и списать это проклятие. Французское правительство, видя, что не осталось никаких способов, чтобы склонить папу, прибегнуло к крайнему средству, т. е. к его увезению. В Риме носятся различные слухи, каким образом исполнено это предприятие; но я, познакомясь нарочно с г. Кардини, офицером жандармов и секретарем Раде⁴¹, начальствовавшего при увезении и провожавшим папу до Флоренции, и узнал от него следующее: в назначенный день с полуночи раставлены были жандармы по всем улицам, ведущим к папскому дворцу. Они останавливали и осматривали всех проходящих (между прочими и камердинера графини Шуваловой). Генерал Раде, который еще в унтер-офицерском чине был из числа тех, которые остановили Лудовика XVI⁴² в Варенне, подошел в три часа ночи с двумястами жандармами ко дворцу. Ворота и все входы были охраняемы папскою гвардиею, грозившею заколоть того, кто подойдет. Для избежания кровопролития велел он своим лезть на старинную башню, находящуюся подле самого дворца, и с которой можно было войти во второй этаж. Внутри все двери были заперты и они не нашли никого, кто бы им мог показать, где находится папа. У них было в запасе несколько топоров, коими они

вырубили первую дверь, и увидели истопника. «Смерть тебе, — сказали они ему, — или скажи, где папа». Уже выломали восемь дверей и приготовлялись приступить к девятой, как услышали голос камердинера папского, спрашивающего их, чего им надобно? «Отопри именем императора!» Дверь отворилась. «Представьте зрелище, представившееся нам, — продолжал с жаром Кардини, — не только солдаты, находившееся при нас, которые поседели в боях, были поражены, но даже сам Раде затрепетал увидев папу, сидящего во всем облачении его, окруженного многими кардиналами». Священное безмолвие, царствовавшее в сих чертогах, было прервано тихим голосом папы, спросившего, чего от него требуют? «Император, — сказал Раде, — желает чтобы ваше святейшество отреклись от мирской власти, или следовали за мною». «Я иду с вами», сказал папа, встал, и с ним поднялись все кардиналы. «Но вы мне позвольте», — продолжал он, — «взять со мною несколько белья; это нас задержит пять минут». Папа, связав в платок белье свое, благословил кардиналов, вынул из кармана паоло (серебряная римская монета стоящая копеек 15) и сказал: « Вот все мое богатство». Он вышел из дворца, велел посторониться своей швейцарской гвардии, подвезли карету, принадлежавшую Раде, и папа сел в нее вместе со своим штатс-секретарем кардиналом Паккою. Раде и Кардини сели на козлы, а шесть жандармов провожали их до первой станции. Меры были толь хорошо приняты, что римляне даже не подозревали увезения папы. Все спали покойно в то время, как Государя везли в ссылку. Папа был доволен ласковым обхождением своих провожатых. До Витербо не позволяли поднимать жалузы его окон, и до этого города говорили народу в деревнях, чрез которые проезжали, что везет французского генерала, но потом уже не скрывали истины. Народ падал везде на колени, и получал благословение от святейшего отца. Раде провожал его до одного местечка, расстоянием верст пять от Флоренции, где сдал его другому генералу. В продолжении этой дороги не было ни разу примечено движения в народе, хотя часто он толпами стоял вокруг кареты папы.

Рим Июнь

Хотя мало из римских памятников осталось в хорошем состоянии, но все производят на нас благоговение. Однако же нельзя ощутить при первом взгляде чистого истинного удовольствия. Сколь вы ни сведущи в Истории, сколько антикварий ни распространяется о древности, о красоте памятника, но вами владеет или восторг, или удивление, так что вы сами себе не в состоянии дать отчета в своих чувствованиях. Чтобы

дойти до того настоящего удовольствия, которым награждается каждый путешественник, приехавший в Рим, чтобы духом жить за две тысячи лет, надобно узнать довольно хорошо город и развалины, чтобы между ними бродить одному. В Москве и в Париже, в Вене и в Лондоне надобно быть в обществах, но Рим в сем отношении единственное место. С некоторыми историческими сведениями ходить одному по лугам, по полям, разнимать сросшиеся кустарники, и отыскивать самому точку зрения на развалины, — есть по моему мнению лучшее наслаждение. Часто в уединенных прогулках моих находил я виды, каких никакая кисть и никакое перо не могут изобразить. Иногда садился я на траву при заходе солнца, обнимал взором яснейшее небо Европы, вдали видел древний Рим, но никто не нарушал моих размышлений, ничем не прерывалось молчание, часы казались минутами, и я часто таким образом встречал полунощную звезду. Тогда я вставал, глядел еще раз на эту картину и давал сам себе обещание непременно на другой день сюда возвратиться. Еще вчера, сошед с Капитолии, пошел я к горе Палатинской и бросился под тень лимонного дерева. По правую сторону видел я Колоссей, по левую — дворец цесарей, а в середине — Триумфальные ворота Константиновы. Извивающаяся в ущелинах зелень составляла оттенок. Как величественно бросало солнце последние свои лучи на Колоссей! Как живописно воздымалось пальмовое дерево над чертогами Августа!⁴³ Как быстро текло время. В Риме не мог я еще прийти в самого себя, столько предметы мною виденные меня поражали: теперь еду я в Неаполь; оттуда опять возвращусь в Рим.

[...]

Рим Июль

Церковь святого Петра есть огромнейшее и великопнейшее здание, воздвигнутое в новейшие времена. При построении его не было пощажено издержек. Оно продолжалось 120 лет в течение коих родились почти все великие люди, которые делают эпоху в искусствах, и большая часть их содействовала к украшению храма.

Места, его окружающие, не представляют не только ничего великого, но даже ничего посредственного. С одной стороны нескладная масса ватиканского дворца, а с других — ветхие дома в узких, нечистых улицах заслоняют вид его. Но площадь находящаяся перед собором принадлежит к числу первейших в Европе. Она разделяется на две площади. Первая, далее от храма отстоящая, овальна, окружена четырьмя рядами колонн, а посредине воздвигнут египетский обелиск,

самый лучший в Риме, и к счастью без ероглифов; по сторонам два прекраснейших водомета. Вторая площадь составляет неправильный четырехугольник, она окружена покрытым коридором. С этой площади вступаете в портал, украшенный колоннами и двумя весьма посредственными конскими статуями: одну — представляющую императора Константина в то время, когда он увидел на небе огненные буквы; а другую — изображающую Карла Великого⁴⁴. Порталь сей, не взирая на то, что слишком украшен, за что многие его осуждают, заслуживает название прекрасного сам по себе, а не в отношении ко всему зданию, которое он немного безобразит тем, что стоя на площади перед церковью, откуда должна быть настоящая точка зрения, заслоняет собою купол церкви, а виден только фасад ее, который по малости своей, в сравнении с колоннадой, кажется воробьем с орлиными крыльями. С трепетом отворил я дверь собора, думая увидеть нечто такое, что превосходит всякое описание, где по словам Дюпати⁴⁵: «...il est impossible d'avoir des sentiments mediocres et des pensees communes»⁴⁶. Но я вошедши единственно удивлялся тому, что не удивлялся.

Я не увидел ничего огромного, все мне казалось обыкновенной величины; но, рассматривая его, мало по малу уверился я в словах Монтескье⁴⁷, который, сравнивая его с Пиринейскими горами, говорит: «...ou l'oeil, qui d'abord croyoit les mesurer, decouvre des montagnes derriere des montagne, et se perd toujours davantage»⁴⁸.

Чрезвычайная соразмерность во всех частях производит то обольщение, что сначала храм не кажется обширным. Здесь все — колоннально, н.пр. голуби и ангелы на пиластрах кажутся обыкновенной величины и будто находятся с аршин от земли; но подойдя к ним найдете, что ангелы, во-первых, около сажени величиною, и так высоко от земли, что нельзя их даже достать рукою. Балдахин над главным алтарем почитается одним из лучших украшений. Можно посудить по его величине [о размерах] всего храма: балдахин имеет 120 футов французских вышиною, почти выше всех домов в Риме. Четыре бронзовые столпа, его поддерживающие, весят около двухсот тысяч фунтов. Каждый образ алтаря имеет 32 фута в длину и 18 в ширину. Все картины из мозаики, а известно, что в мозаике изображаются только те, которые почитаются мастерскими произведениями. Колонны взяты из древних памятников, и нет ни одной, которая бы делана была в новейшие времена. Столпы, поддерживающие балдахин, вылиты из бронзы, взятой в Пантеоне, и утверждают, что восемь столпов, находящихся (...) вокруг большого алтаря, были прежде во

храме Соломоновом в Иерусалиме. Если хотите видеть высшую степень ваяния, подите в храм Св.Петра, удивляйтесь этим гробницам, где Буонароти, Канова⁴⁹, Бернини⁵⁰, Альгарди⁵¹ себя увековечили, предавая потомству память или Леона Х⁵² или Кристины⁵³, королевы Шведской, или Леона XI⁵⁴. Иные статуи так хороши, что следующий анекдот может послужить тому доказательством. Один гишпанец влюбился толь сильно в статую, находящуюся подле гробницы Павла III⁵⁵, деланную Делла Порта⁵⁶, что он провел с нею целую ночь, потом принуждены были сделать одежду для этой статуи, чтобы не видно было следствий невоздержанной страсти гишпанца. Если бы Михель Анжело ничего не сделал кроме куполы Св. Петра, то и тогда потомство бы назвало его великим. Представя себе Пантеон, сие величественное прекрасное здание, вообразите его саженей 30-ть над собою, и вы увидите купол первого храма в свете. Он сохранил в нем почти ту же самую пропорцию, ту же самую величину, какая и в Пантеоне. Истинно великая мысль! Я не буду описывать ни множества историй, ни чрезвычайных картин, ни подземельев, где находятся гробницы многих пап, ниже сколько ступеней ведет к куполу. Италиянцы говорят, что надобно три месяца, что бы осмотреть храм Св. Петра во всех его частях. Церковь сия казалася бы еще величественнее, если бы в ней было наше богослужение вместо католического. Визг духовных их, поминутный звон колокольчиков, нескладные и неприличные храмам звуки органов, уменьшают благоговение. Часто хаживал я сюда в часы, когда не было богослужения, и, окруженный безмолвием, рассматривал зодчество, ваяние и живопись и всегда открывал новую гармонию, находил новые красоты. И когда вздох какого-нибудь уединенно молящегося раздавался под сими сводами и прерывал мои размышления, — О, сколь душа моя исполнялась тогда благоговения, будучи подлинно в храме, достойном вмещать Божество.

Рим Июль

Нигде нет толь красивых церквей как в Риме, число их весьма велико и редкая не заключает чего-нибудь весьма любопытного. Они почти все строены на развалинах древних языческих храмов, и почти в каждой есть примечания достойные или картины, или статуи, ([или барельеф]), или древний столп, или древний сосуд, а иные обращают на себя внимание по своему богатству. Бывшая Езуитская церковь заключает в себе алтарь, богатейший в Риме, и говорят, что во всем свете нет подобного. Статуя Св. Игнатия, равно и его окружающие ангелы, сделаны из литого серебра, усеяны драгоценными

каменьями, несколько колонн сделаны из самого лучшего лапис лазури. Церковь Св. Иоанна ([S. Giovanni in Laterano]) есть первая христианская церковь, и по сему в ней находится следующая надпись: ([Ecclesiarum urbis & orbis caput et mater])⁵⁷. Но она теперь так обновлена, что нельзя узнать, чтобы она была древняя. Подле нее находится лестница, называемая святою ([scala santa]), которая привезена из Иерусалима. Она находилась во дворце Пилата⁵⁸, и Иисус Христос по ней хаживал. Она из белого мрамора и имеет 28 ступеней, и на нее иначе нельзя всходить, как на коленях. Мрамор весьма истерся от множества правоверных, ходящих по этой лестнице, и на нее сделан для сбережения деревянный футляр. Вторая церковь христиан строена также, как и первая, при Константине, и она тем примечательна, что совсем не переделана с самого времени ее построения. Потолок сделан из кипарисного дерева, и бревна точно так положены, как кладутся под мостами. Она заключает в себе целый лес колонн, ибо их считается в ней 120, они взяты с гробницы Адриановой. В ней же находятся портреты всех пап. Я никогда не мог, не быв тронутый, проходить мимо церкви Св. Николая ([S. Nicola in Carcere]). В ней и теперь показывают место, где дочь одного римлянина кормила грудью отца своего, осужденного на голодную смерть. В Риме много пещер, где христиане искали спасения во время преследований. Главнейшие находятся под тем местом, где теперь церковь Св. Севастьяна. Они имеют в пространстве более 15-ти верст. В них нельзя сходить без ужаса, на каждом шагу виден гроб. Поминутно встречаются по сторонам ходы, и несколько человек делаются каждый год жертвою своего любопытства. Нет ничего ужаснее, как слушать об этом рассказы проводников. При входе в пещеры висит доска, на которой написано, что 174 000 мучеников было в них погребено.

Для любителя искусств римские церкви любопытны во всех отношениях, ибо я не знаю ни одной, которая не заключала бы в себе какого-нибудь памятника, известного в свете. Тем приятнее их рассматривать, что церкви бывают отворены почти в каждое время дня. Сюда сходятся также любители всего прекрасного. Я говорю всего, подразумевая под сим любовные интриги прекрасного пола, которые здесь начинаются в церквях и нередко доходят до весьма высокой степени. В первый раз, когда я пришел в храм Св. Петра, увидел я молодого человека и подле него молодую женщину; оба стояли на коленях подле алтаря. Они столь были углублены в разговор, что не видели меня, хотя я был очень близко их, и мущина держал руку свою под платьем своей соседки. Итальянцы,

которым я после это рассказывал, смеялись над моим удивлением и уверяли меня, что таковые явления обыкновенны, и что ныне народ стал гораздо скромнее, потому что прежде приносили в церквах во всем смысле жертву Афродите. Мне кажется, что великие живописцы, увековечившие себя в здешних храмах много способствовали к подобному разврату. Они представляли богородицу и святых такими нежными и прелестными красками, что что преступница, взглянув на них, должна сказать: «Вы так добры, что конечно нам простите».

Рим Июль

Или рабски следовать множеству путешественников или вовсе не описывать Рима, думал я, каждый раз, когда [собирался] изливать мысли мои на бумагу. Нет ни храма, ни статуи, ни картины, нет ни одного камня, который бы не был описан и знатоками, и невеждами всех времен и всех народов. Что же остается страннику? Мечтать, писать для себя, чтобы возвратясь в Отечество, вспоминать о протекшем времени, для малого числа друзей, чтобы развеселять беседу их повествованиями о дальних странах. Все, что я написал об Италии, все уже было сказано, но я говорил о том, что сам видел, и так, как чувствовал, не заботясь, по всем ли правилам рассматривал предметы, правильно ли чувствовал или нет, я наслаждался ими для одного себя.

Ни что меня столько не занимает в Риме, как Тибр. Всякой день хожу по берегам его; часто, следуя течению, удаляюсь далеко от города, и смотрю на реку сию, которая одна от древности осталась невредима. Здесь при солнечном заходе гуляли прекрасные римлянки, и обладатели вселенной решали здесь судьбу ее. А теперь как тихо все, как безмолвно! Тибр шириною в половину Невы, берега его довольно круты, вода мутная и течет не быстро. На берегах его нет красивых зданий, все представляет вид унылый, и здесь должно питаться только одним воображением. Как были величественны мосты, которые на ней находились в древние времена! Защищая этот мост, Гораций Коклес⁵⁹ удерживал целое войско неприятелей, по этому — проезжали на торжественных колесницах победоносные полководцы..... А теперь! Самый лучший мост называется мостом Св. Ангела, который украшен многими весьма хорошими статуями. Подле него находилась гробница Адрианова, превращенная ныне в крепость Св. Ангела. Она окружена бастионами, рavelинами, рвами, и французы содержат ее в великой исправности. Она соединяется с ватиканским дворцом длиною галерей, чрез которую папы могли в смутные времена проходить в крепость. Французский часовой

не впустил меня во внутренность, а как надобно просить позволение у губернатора, то я решился не видать ее.

Сего дня после обеда ездил с моим антикваром осматривать некоторые древности. Всего примечательнее были для меня бани Каракаллы⁶⁰. Стены сего огромного здания сажени полторы толщиной и высота их удивительна. Если бы их не ломали нарочно, то не возможно бы было и самим векам сокрушить их.

Три тысячи человек могли в одно время в них купаться. Мраморные и бронзовые отломки, разбитые части архитектурных украшений лежат, заросши глубокою травою. По обеим сторонам бань находятся по храму Аполлонову. Они невелики, но прекрасны! Цирк Каракаллы неподалеку отсюда, он еще в хорошем состоянии. Но напротив того, в каком жалком положении бани доброго Тита! Их окружает какой то огород, и мы с трудом могли найти садовника, который повел нас в подземелья, где при свете факелов едва могли мы отличить несколько арабесков, о которых говорят, что они служили образцом для Рафаэля⁶¹. Я два раза был в этих банях и два раза с трудом мог оставить их. Я думал о Тите! Вот какое действие имеет добродетель и после двух тысяч лет: она вечна! вечна! В вечеру пошел я пешком гулять по тем местам, где были сады Салустия и Лукулла⁶²; все запустело, все оставлено, все исчезло кроме воспоминаний.

Рим Июль

Если ты хочешь видеть что-нибудь единственное в своем роде, чему ни древние, ни новейшие не могут представить равного, чего не было в века Периклов⁶³ и Августов, Медицеев⁶⁴ и Екатерины⁶⁵, то можешь ты теперь найти в Риме. Если я благодарю судьбу за то, что она позволила мне увидеть столицу мира, то я ей более обязан, что в такое время увидел, когда в ней Канова. Канова не знатной, не вельможа, а просто ваятель — но не воспоминаем ли мы охотнее о Фидие⁶⁶ и о Праксители⁶⁷, чем о Арбелле и Иссе⁶⁸. Так, забудет потомство победителя при Маренге и Ене⁶⁹, но что скажет, если взглянет на Марию Магдалену Кановы? О первых гремят стихотворцы, историки пишут на медных досках, а Магдалена из мрамора и говорит красноречивее их. Если Ниоба, Лаокон, Венера, Аполлон составляли гордость древних, то мы должны приискать для себя чувство, которое столь же превосходит справедливую гордость, сколько Мария и Тебя Кановы превосходят сии статуи древности. Никогда ваяние не доходило до такой степени, как довел его Канова: редко, почти никогда неблагоприятные современники не отдавали справедливости заслугам,

но к чести нашего века, все единодушно благоговеют пред его гением. Для единственного человека могут ли быть законы?

Антонио Канова родился в местечке Беллуно близ Венеции от весьма бедных родителей. С малолетства заметили в нем дарования к ваянию, и уже на 24-м году изготовил он надгробный памятник папе Климентию XIII в церкви Св. Петра. С того времени он беспрестанно занимается; прилежание его может только сравниться с его скромностью. Ему теперь лет около 50-ти, он сделан кавалером и главным директором всех древностей в Риме. Я осматривал его мастерские, в которых нашел много готовых и начатых статуй. Постараюсь в коротких словах их описать. Гебея. Вообрази неописанную красоту, до половины нагую, от пояса до ног покрытую легкою одеждою, ([чрез]) которую видны все округловатости прекраснейшего тела. Вообрази небесную улыбку, прелестное положение ее, будто плывущую по воздуху. Если жизнь одушевляет красоту, то [она] здесь лишняя, ибо из этих уст выходит дыхание. Мало искусства, — надобно иметь вдохновение, чтобы изобразить эту легкую одежду, собранную назади в складках, и перевязанную лентою. Мария Магдалена. Положение этой статуи единственное. Она сидит в великой задумчивости, смотря на крест, который у нее в руке. Она совершенно нага. Семнадцатилетней красавицы не могут волосы быть так мягки, тело так нежно, груди столь очаровательны. Зрение теряется в округловатости каждой черты, и воображение, не могши ничего прибавить, немеет.

Эти две статуи наиболее меня поразили. Никогда не мог я себе представить, чтобы искусство могло иметь на меня столь сильное влияние. Со вниманием рассматривал я все, что ни есть лучшего в ваянии в Европе, все, чему более двадцати веков не перестали удивляться, но душа моя искала чего-то совершенного, что часто, как легкая тень, носилась перед моими глазами, — и увидя Марию и Гебею, я увидел все.

Колоссальная статуя императора Наполеона из карарского мрамора. Весьма редко достают там великие куски мрамора как этот. Из Карара повезли его морем в Рим, приключилось кораблекрушение, и камень близ берегов упал в море. Приехали французские инженеры и посредством рычагов его оттуда достали. Бонапарте представлен нагим, с лавровым венком на голове, имея в руках шар, на котором представлена победа.

Вот недоконченные статуи: Геркулес, убивающий Ликаса; Тезей, сражающийся с Центавром; жена, представляющая огорченную Италию над гробом Альфиери⁷⁰; Фердинанд IV⁷¹, король Неаполитанский; жена Лукияна Бонапарте⁷²; мать Бо-

напарте⁷³, в таком же точно положении, как [Дриараская] древняя статуя, представляющая Агрипину⁷⁴. Вообще некоторые утверждают, будто у Кановы нет довольно изобретательного духа, упрекая его этою статуею, и еще тем, что в ватиканском музее есть статуя Юноны, которой положение немного походит на положение Гебеи. Модель конской статуй Наполеона, которая назначена в Неаполь.

Часто был я восхищен произведениями изящных искусств, но никогда в такой степени, как сегодня. Несколько дней спустя мог я мало видеть пред собою, воображение мое было беспрестанно у Кановы.

Рим Июль

Кто знает положение ученых в немецких университетах, тот может судить о состоянии художников в Риме. Человек пять или шесть славятся, третья часть работают, но жалуются на судьбу и полагают отраду свою в том, что со временем приищут место где-нибудь в чужой земле, а прочие две трети умирают от голода. Увидя в римских галереях произведения лучших прежних мастеров, пошел я осматривать тех, которые теперь славятся в Риме. Приятно было мне слышать, что одним из лучших ландшафтных живописцев Италии почитается наш русский

Матвеев⁷⁵, но к великому моему сожалению был я у него два раза, а никогда не мог застать его дома. Камуччини⁷⁶ и Ланди⁷⁷ — двое первейшие живописцы в Риме. Первенство еще между ними не решено, может быть, теперь решится спор этот, ибо оба художника выставили по картине в Пантеоне. Калунчини представил принесение во храм Иисуса и принятие его Симеоном, а Ланди изобразил Иисуса, ведомого на распятие и останавливающегося на несколько времени, чтобы отдохнуть. Все с нетерпением ожидают, что скажут знатоки. Один богемец именем Петер почитается лучшим живописцем животных. Никто прежде его не достиг той степени совершенства, до той истины, до того глубокого, но чрезвычайно трудного познания их анатомии. Он мне показывал несколько готовых картин, например льва, сражающегося с тигром, стадо баранов, из коих каждый различной породы и пр. Теперь занимается он больше картиною, представляющею Адама в раю, искушаемого Евою, а вокруг их бесчисленное множество различных животных. Вообразите самый прекрасный день, наилучшие местоположения, прекрасное небо, выходящее из-за гор солнце, освещающее все творение, когда оно только что вышло из рук Создателя, и вы почувствуете то удовольствие, которое я ощущал, смотря на его картину.

В Риме нашел я менее народных увеселений, нежели в каком-либо другом значущем городе Италии, а где народ и собирается, то не видно большого участия его в забавах, можно сказать, что его тешат, а не он веселится. Конечно, перемена правительства может иметь влияние на это, но вообще, нашел я в Риме людей совершенно беззаботливых, которым все равно, кто ими повелевает, только бы оставил их в покое, и у которых слово отечество только находится в лексиконах. Нет в городе фабрик, ни торговли, окрестности совершенно необработаны, можно поэтому себе представить в коем положении находится народ. На улицах не встречаете более никого, кроме праздных тучных монахов, которых считают здесь до 15000. Но народ теперь должен будет на первое время находиться еще в жалостейшем положении, ибо большая часть бедных снискивали пропитание свое в монастырях, которые теперь помалу-помалу уменьшаются. Конечно на будущие времена это чрезвычайно, но всякий переход, хотя из худшего состояние в самое лучшее, вреден и сопряжен с весьма многими неудобствами. Я нигде не видал столько нищих как здесь, не успеешь сесть в кофейном доме, уже окружен несколькими из оных, которые показывают свои раны; на улицах нельзя сделать ни шага, чтобы не встретить множества несчастных. Теперешнее правительство не приняло еще никаких мер, чтобы умалить число их. Прежде находили праздные занятия в больших церковных ходах, которые встречались на каждом шагу, а теперь они весьма строго запрещены, и я в бытность мою в Риме только один раз был свидетелем подобного явления.

Однажды идучи с Капитолии (...) услышал я пение вблизи Колоссея. Сначала показалось мне, что это произошло от воспаленного воображения моего в сих священнейших местах, но я подошел ближе и увидел человек до тридцати монахов, на которых надеты белые суконные мешки, висевшие от головы до ног, и только были прорезаны два отверстия для глаз. Известно, что внутри Колоссея воздвигнуто 14 небольших приделов, и они подходили к каждому из сих приделов, и пели перед ним молитвы. Всякую неделю по пятницам бывает такой ход. Весьма трудно сказать чтонибудь о взаимном отношении французов и римлян; характер недоверчивый италианцев известен, и я сколько ни старался выведать их мнения о сем, но никогда не удавалось мне в том успеть. На улицах приметно: если италианец увидит издали француза, то переходит на другую сторону улицы, только для того, чтобы с ним не повстречаться. Что знатные фамилии недовольны француза-

ми, это можно судить из постановления вышедшего на сих днях, коим уничтожается дворянство и все соединенные с ним титулы и преимущества, а если кто хочет впредь оными пользоваться, то должен просить позволения у нового государя своего. Несколько дней до прошлой масленицы губернатор обнародовал приглашение римлян к празднованию оной по их обыкновению, обещая, что французские войска не только не будут им мешать, но даже будут наблюдать за порядком. В назначенный день расставлены были везде часовые и полицейские, но как было велико удивление французов, что ни один италианец не показался на улице.

Обыкновенная прогулка здесь по вечерам бывает по улице называемой (...), самая большая и краснейшая улица в Риме, особенно по воскресеньям покрыта она бывает экипажами, из которых есть довольно порядочные. Нередко видны в каретах епископы с девушками.

По обеим сторонам улицы множество пешеходцев, а иные сидят у кофейных домов, которые ни красотою, ни услугою, ни чистотою своею, словом ничем не могут равняться с парижскими. Театров здесь четыре, но играют не на всех; они некрасивы расположением своим, но по музыке соделываются бесценными, представления начинаются обыкновенно в десятом часу, и которые в полночь. В Риме после десяти часов непременно для пешеходца нужно иметь фонарь, без чего легко очень можно ночевать в караульне. Те, которые видели Рим за 15 или 20 лет совсем его не узнают; они своим глазам не верят, что здесь введена такая же воинская строгость, какая была в те времена только в прусских крепостях. Звериная травля здесь еще все составляет самое любимое общенародное зрелище. Можно ли подумать, что чувствительные италианцы и италианки, особенно последние, которые утопают в слезах на представлениях опер *Метастазия*⁷⁸, *Тассовой Аминты*⁷⁹, совершеннейших творений в свете, охотно бывают на звериных травлях, которые даются по четвергам и по воскресениям, и еще в том самом месте, где был прежде мавзолей *Августов*? Положим, что италианки являються сюда для того, чтобы показаться, но это место толь же неприлично для кокетства, как зрелище травли противно человечеству. Часто доходит до весьма кровопролитных явлений, и третьего дня разъяренный буйвол разорвал несчастного италианца, который находился близ него. В те дни, когда нет травли, бывают в этом месте большие собрания, совершенно похожие на наши маскарады в Каменном театре, только с тою разницею, что не носят масок. Они продолжаются далеко за полночь, и на них чрезвычайно весело.

Давно не вставал я с таким удовольствием, давно не ожидал я солнца с таким нетерпением как сего дня, и увидя его сказал с поэтом: «Светило жизни, здравствуй, я ждал тебя».

Я ехал смотреть грот нимфы Эгерии, и кто на моем местене промечтал бы целую ночь о Нуме Помпилии⁸⁰, о этом добром государе? Будучи еще ребенком, плакал я читая Флориана⁸¹, а теперь быть в тех местах где обитал Нума, друзья! Эти щастливые минуты в нашей жизни редки. Рим еще погружен был в крепком сне, а мы уже были на Аппиевой дороге, посреди гробниц и великого праха римлян. Здесь лежит Сципион⁸²; тут погребена Камилла⁸³, нежная любовница Куриациев, убитая братом своим Горацием за то, что не принимала участия в общественной радости. Вот долина, где сражались альбанцы и римляне. Может быть, на том месте, где я нахожусь, стоял некогда престарелый Гораций, взиравший с поникшею главою на падение двух сыновей своих, и седая брада оросилась слезами радости и прискорбья, видя победу последнего сына своего и торжество Рима. Отвратим взор наш от этого гроба, под ним лежит Нерон. Он украшен барелиефами, злодеям нужны украшения. Всех лучше сохранена гробница Цецилии Метеллы⁸⁴. Она состоит из высокой круглой башни, на четвероугольном подножии; она вышиною имеет сажений пять и столь обширна, что в средние века служила небольшою крепостию для северных варваров. На этом самом месте, где гробница, был лагерь Ганнибалов⁸⁵. Сколько велики сии воспоминания! Ими уже напитана душа ваша, когда вы приближаетесь к гроту Эгерии. Здесь мудрый Нума положил основание величию Рима, не оружием, а кроткими законами; не силою, а религиею. Место сие верстах в пяти от Капитолии. Без сомнения дорога была усеяна прежде чертогами, храмами, памятниками, а теперь ведут к нему болота, в иных местах непроходимые. По дороге кустарники, инде пасущиеся стада, две или три дурных хижины, вот все, что осталось от прежнего величия. Наконец пришел я к горе, у подошвы коей пещера, покрытая болотистою водою, производящею дурной запах. Вода почти достает до колен, в стене видны углубления, где, как предание говорит, были статуи, но теперь видно только одно женское, весьма испорченное, изображение. Судя по работе оно, невозможно, чтобы оно было сделано во времена Нумы. Грот довольно обширен, в нем видны остатки стен, которые разделяли его на несколько комнат. Здесь, где Нума при месячном сиянии, при благоухании цветов и, внимая течению журчащего ручья, беседовал с

прекрасною Эгериею или в глубине лесов, где прежде его может быть от создания мира не была нога человеческая, соделывался он соревнователем Ликурга⁸⁶ и Солона⁸⁷, куда в продолжении нескольких столетий великие римляне приходили благоговеть о памяти великого законодателя своего.

В этих местах болота едва сквозь землю проходящая трава, колючие тернии, извивающиеся ядовитые змеи... О века прошедшие!

Рим Июль

С самого восхождения изящных искусств италийские вельможи поставляли славу свою и тщеславие им покровительствовать, и делать собрания всякого рода искусственных произведений. Дворянство образовывалось здесь иначе, нежели в других землях; ни заслуги в Сенате или в поле делали здесь князьями, но слепое щастие возведя на папский престол кого-нибудь из низкой фамилии, тем самым рассыпало на нее щедрою рукою чины и богатства. Но италийец не мог бы чрез сие еще быть в числе первоклассных вельмож. Для этого необходимо нужно иметь прекрасный дом или, лучше, дворец, картинную галерею, собрание статуй, или медалей, или вырезанных камней. Надобно, что бы это было внесено в печатное описание Рима, и чтобы каждый иностранец непременно долгом поставял себе удивляться знаниям и вкусу (...). Причтите к этому загородные дома, или (...), украшенные (...), что произвели лучшего художества; и вы увидите, почему в Риме есть галереи, на которые хозяин несколько лет не смотрит, загородные дома, где найдете статуи, картины, но не найдете ни софы, ни постели, словом куда приходит иностранец, и что хозяин держит только для тщеславия. От сего произошло бесчисленное множество галерей, из которых нет ни одной, которая бы не заключала какого-нибудь мастерского произведения. Галерея, принадлежащая князю Дория, почитается лучшею из всех, не только по числу картин, которых более двух тысяч, но и превосходным творениям, коими она наполнена. Из каждой школы есть чрезвычайные картины, два портрета Бартоло и Бальдо — Рафаэля, Мельница Клод Лорена⁸⁸ почитается лучшим ландшафтом в свете. Каин, убивающий Авеля — Сальватора Розы⁸⁹, которого воображение любило носиться по ужасам природы, и изображать их живыми красками. Вазариево⁹⁰ — Снятие с креста. Тицианово⁹¹ — Жертвоприношение Исаака. Леонардо да Винчи⁹² — Королева Иоанна Аррагонская, и Четверо скупых — Альбрехта Дюрера⁹³ соделывают сию галерею одною из лучших в свете. Исторических картин здесь мало. Я часто любил ходить в

галерею Спада, куда меня привлекали не картины, но статуя, изображающая великого Помпея⁹⁴; она была свидетелем одного из важнейших происшествий света, ибо утверждают, что у ног ее убит Юлий Цезарь. Она находилась прежде в так называемой курии Помпеевой, коей теперь видны только два столпа. Не стану описывать в галерее Распильози Андромеды, прикованной к скале — Гвидо Рения⁹⁵, ниже Ринальдо и Ахмиды — нежного Альбани, но кто, будучи в Риме, не восхищался лучшим произведением Гвидо Рения — его Зарю. Представьте себе прекрасную Аврору, лягающую по воздуху, и рассыпающую цветы, за нею следует Аполлон в колеснице, запряженной четырьмя конями, а вокруг его несколько нимф. Свет от Аполлона происходящий выражен чрезвычайно, а нимф толь трудно описать, сколь близко они подходят к идеалу совершенной красоты. С восхищением всегда буду вспоминать о тех приятных часах, которые проводил я в Фарнезской галерее, в которой Ганнибал Карачи⁹⁶ сам себя превзошел. С чем можно сравнить находящийся посредине потолка Триумф вакхов. Представлены две колесницы, на одной [Ариадна], а на другой сын Семелы. Взгляните на Юпитера, принимающего в постель свою Юнону, или на целомудренную Диану, целующую спящего Эндимиона. Часто вспоминал я слова, которые мне сказал учитель мой Гейне⁹⁷: (...).

Рим всегда останется столицей художеств. Как не велики будут нещастия, которые может быть ему еще предстоят, но любитель искусств всегда в нем будет находить чрезвычайную пищу для своего воображения. Пусть увозят статуи и картины, но все останутся стены, на которых Доменико⁹⁸, Карачи, Буонароти, Рафаэль изобразили здесь дух свой неизгладимыми красками.

Рим Июль

Осень проводят римляне не в городе, а на дачах своих, находящихся близ Рима, (...). Нет ничего, чтобы приближало вас к природе, напротив все кажется для того сделано, чтобы от нее удалять. Кто привык бродить по Ирмено (...), или по Шенку, здесь (...) в излучистых аллеях, где увидя посреди долины небольшой пригорок, на него для того подымается, чтобы обозреть еще прекраснейшие местоположения. Где вся природа, с красотами и ужасами попеременно представляется, тот не найдет большого удовольствия в садах римских вельмож, где множество статуй и храмов заставляют забывать природу. К тому же обстоятельства теперь таковы, что помещики не обращают внимания своего на дачи, и по большей

части должно в них смотреть то, что они были, нежели то, что они теперь. Вилла Боргезе, лежащая неподалеку от города, была одною из первейших. План сада совершенно сделан на французский манер: прямые аллеи, пересекаемые другими, под прямым углом никогда не были для меня приятны. В этой даче было прежде редкое собрание картин и статуй, которые теперь проданы Франции и отчасти уже украшают музей Наполеонов. Аллеи покрыты упавшими листьями и зарастают травой, оставшиеся статуи покрыты пылью. И в этом саду, где прежде толпами собирались римляне, теперь старанник никого не встречает, кроме эхо, которое повторяет невольно вылетевший вздох из груди его. Храмы, которые должны представлять развалины, уже сами в них превратились. Это прекрасное озеро, подле которого стоит храмик, кажется для того остановило течение струй своих, что журчанию их никто не внимает. Как прекрасна была прежде вилла Памерили, которая имеет в окружности более пяти италийских миль. Она стоит на косогоре, и архитектор хотел сделать смешение французского с английским садом, но первый ему более удался. Здесь нет отменных статуй и картин, но зато красные аллеи, разные точки зрения, водопады и водометы туда привлекают путешественника. Особенно примечателен один грот, внутри которого виден Фаун, который играет прекрасные песенки на своей свирели — звуки производятся посредством воды. Это выдумка славного Альгардия. Ни в какой вилле не любил я столько гулять, как в вилле Альбани, ибо она напоминала мне об одном великом муже, которому искусства обязаны частью своей славы, и который во мне первый воспламенил к ним любовь, часто услаждавшую потом скучные часы моей жизни. Я говорю о Винкельмане⁹⁹. Здесь, будучи антикварием кардинала Альбани¹⁰⁰, жил он во все время своего пребывания в Риме, и я часто сиживал в той комнате и под тем самым окном, где он писал свою бессмертную Историю искусств. Сами италийцы, толь пристрастные к своим собственным заслугам и столь несправедливые к заслугам иностранцев, преклонили пред ним колени и называли Винкельмана великим. Загородный дом Альбани есть одно из прекраснейших строений, которые мне удавалось видеть и служит доказательством тому, что прекрасные здания могут быть и не огромными. В нем находятся очень хорошее собрание статуй, камеев, колонн, барельефов и мозаик. Французы многое отсюда увезли, ибо фамилия Альбани всегда держала сторону Австрии. Примечателен потолок, рисованный мелком, представляющий Аполлона с музами, в средней комнате.

Великолепие и нищета, следы бывшей роскоши и невозможность ее ныне поддержать могут быть девизом Рима. Впрочем не тужите, любезные соотчичи, о холодном климате нашем; взгляните на римлян, они не могут наслаждаться приятностями летних вечеров. В это время когда у нас прекраснейшие ночи, воздух бывает около Рима (...) дурен, что они принуждены ночевать в городе, а в продолжении дневного жара бывают на дачах, запираются в комнатах, завешивают окна и за городом ищут городских увеселений.

Рим Июль

Нигде в такой степени не процветает мозаика как в Риме, и во всем свете не видно столько мастерских ее произведений. Может быть мозаике обязана живопись многими своими лучшими творениями, тем, что представляли художникам наградою — вечность. В Риме только одна фабрика, где делают большие мозаические картины. В ней теперь десять работников, которые отделяют две картины: одна Пассиани¹⁰¹, представляющая Фому, который дотрагивается до раны Господней; а другая — Снятие с креста Михель Анжела да Караваджо¹⁰². Обе копированы Камуччинием. Для мозаики нужно 15 000 красок, из коих каждая имеет 50 оттенков, или постепенных уменьшений света. На фабрике есть много готовых картин: за одно грудное изображение, над которым надобно работать с год, просили с меня триста скудиев.

Кроме этой большой фабрики есть еще в Риме много других, занимающихся мелкими работами, как то: булавками, табакерками, медалионами и пр., — которые стоят весьма мало. Я видел дощечки из мозаики в полфута, на которых представлены все римские древности, на других любопытнейшие происшествия из римской истории или из михологии. Это составляет для римлян особый род промышленности, который теперь не очень прибылен по малому числу иностранцев.

Рим Июль

Как приятно бросает луна лучи свои на окрестности римские, никогда еще свет ее для меня не был так приятен. Там освещает она храмы, здесь гробницу, там славу, здесь смерть.

Я вышел гулять по дороге, называемой Латинскою: на этой стороне — поле, где Ганнибал осаждал Рим, а на другой — равнина, где с неприятельским войском стоял Кориолан¹⁰³. Оба раза грозила судьба Риму разрушением, и оба раза она его спасала.

На первом поле видны остатки храма, посвященного Богу насмешек, ибо римляне по отступлении Ганнибаловом смеялись над его осадой; на втором — два храма, один Щастию Матерей, а другой Щастию Жен. Как легко и малейшие памятники римлян воспламеняют воображение! Тихими шагами приближаюсь к водовадам Аппия Клаудия¹⁰⁴ и напрасно ищу что-нибудь подобное произведенное новейшими. Какое теперь безмолвие на этой дороге! Оно еще сильнее побуждает к размышлению. Великие предприятия римлян, которых следы видны на каждом шагу в Риме, яснее говорят, нежели история: в них истинно познается дух величия, который составлял главную черту в характере римлян. Проживя здесь несколько недель, узнал я их лучше, нежели по всем описаниям, которые прежде читывал. Взгляните на Колоссей, на эти водоводы и тогда вы постигнете, что римляне в состоянии были проникнуть до Британии и до глубины Африки, до Геркулесовых колонн и до берегов Черного моря.

Рим Июль

Не климат образует человека, а государи, сказал Вольтер¹⁰⁵. Где это можно справедливее употребить, как не в Италии? Там, где благодетельная природа ранее развивает способности человека, там, где она показывается в той красоте, которую в наших северных странах мы находим только в воображении, там люди пренебрегают всеми дарами ее и остаются в невежестве. Я единственно говорю о том состоянии, которое, будучи удалено от бедности, не имеет нужды в покровительстве вельмож и в просвещенных государствах занимается хозяйством, путешествиями, науками или службою. Представьте горы Тироля, Сен-Готард, Семплон, Сенбернар, Монсенц. Эти непроходимые колонны природы причиною, что в Италии так мало знают о прочих государствах. Но это бы еще была весьма малая препона, если бы Италия не была под столь дурными правительствами. Там никогда не было единодушия, вся земля никогда не находилась под управлением одного мужа, который бы мог способствовать к достижению одной цели. Пиэмонтезец был врагом римлянина, а неаполитанец — флорентинца. Бессильные государи, которые владели Италией, имели различные виды и были во всегдашней между собою войне. Не вычисляя всего того, каким образом правительство может содействовать к просвещению народному и что в самой большей части Италии было совершенно опущено, стоит только взглянуть на другие причины, которые в прочих землях много способствовали к образованию, н.пр. религии. Столько было уже говорено и писано об

этом предмете, о действии его на итальянцев, что я почитаю за безнужное о нем упоминать. Имела ли здесь реформация те благодетельные последствия как в Германии, и не старалось ли всегда католическое духовенство удерживать свет, приходивший сюда с той стороны Альп? Филанджери¹⁰⁶, Веккарей¹⁰⁷, Макиавель¹⁰⁸ могут почестся странниками, случаем занесенными в Италию, ибо здесь они менее известны, чем в чужих землях. Они слишком умны для своих соотечественников. Данте¹⁰⁹ и Петрарка¹¹⁰, Ариот¹¹¹ и так обогатили язык свой, не прибавя ничего к познаниям соотечественников своих. Здесь не видно еще того желания сообщать мысли свои и новые открытия посредством журналов и газет. В Неаполе, где до 400 тысяч жителей, выходят только одни ведомости на природном языке, а другие — на французском. В Риме тоже одни, под названием журнала Капитолийского. Вестников, посвященных для словесности мало, и в сем отношении более сообщения между Петербургом и Парижем, чем между Римом и Неаполем. Знание новейших языков весьма пренебрегается, и я заметил что вообще в землях, где говорят наречиями, происходящими от латинского языка, гораздо более гордятся своим природным, и пренебрегают иностранные языки, чем в государствах, где говорят наречиями славянского и немецкого языков. К чести итальянцев должно заметить, что молодые люди не говорят беспрестанно по-французски, как в некоторых других землях. Относительно до немецкого языка, то им совершенно здесь не занимаются, да и можно ли для нежного итальянского слуха слышать его без содрогания? Нижние классы народа еще в невежестве, из крестьян весьма малые умеют грамоте. И какие книги читать им, кроме церковных, но эти на латинском языке. Геллерта¹¹² же и Лафонтена¹¹³ в Италии нет. Духовенство весьма от того отдалено, чтобы стараться о просвещении народа, оно находит все выгоды свои в его невежестве. Часто сравнивал я итальянских крестьян с нашими, и как приятно было видеть что в Италии, где просвещение находится так сказать в отечестве своем, оно между сим состоянием людей слабее, нежели у нас.

Рим Июль

Римляне жертвовали в Пантеоне всем богам, а теперь посвящен он всем святым. Не станем разыскивать служил ли он при построении своем дома банею или храмом, был ли потом посвящен одному Богу или многим, строен ли он в одно время с порталом или в разные времена, но бросим взгляд на его теперешнее состояние. Пантеон совершенно кругл, и свет проходит посредством отверстия находящегося на потолке,

ибо окон нет. Это отверстие даже не закрыто стеклами и если идет дождь, то все в храме бывают вымочены. Этот образ освещения весьма приличен для храмов, кажется, что свет происходит прямо от Творца, во славу коего он воздвигнут. Порталь Пантеона, почитающийся мастерским произведением, украшается шестнадцатью каринфскими столпами чрезвычайной красоты. Мало есть предметов в архитектуре, на которые можно смотреть так долго, и с таким истинным всегда удовольствием, как на Пантеон. Хотя глаз и поражается видом двух небольших колоколен, построенных каким-то папою подле самого купола, но воображение легко забывает их за красотой храма. Трудно найти здание, где бы все части были в таком правильном согласии, как здесь. Внутри разделялся он прежде на семь главных алтарей, кои теперь превращены в столько же пределов. И здесь столпы каринфского ордера! В новейших летописях известен сей храм потому, что служит погребением великим мужам, отличившимся в искусствах. Подле гробов их находятся и гробные их мраморные изображения. Таким образом почивает здесь прах Рафаэля, Ганнибала Карачи, Винкельмана, Пихлера¹¹⁴ и прочих. Последний бюст поставлен в 1807-м году в честь Анжелики Кауфман¹¹⁵. Здесь же выставляют на несколько времени картины лучших мастеров.

Впрочем внутренность Пантеона представляет вид бедности. Место прекраснейших древних статуй, которыми он был украшен, заступили весьма посредственные статуи святых, а в некоторых нишах даже и их нет. Северные варвары лишили его многих украшений. Но папы довершили начатое варварами: таким образом Урбан VIII¹¹⁶ вывез из Пантеона с лишком 450.000 фунтов бронзы. Можно судить поэтому о прежнем богатстве Пантеона. По круглому его виду не называют его в Риме Пантеоном, а Ротондою. В первые дни моего пребывания в Риме спрашивал я однажды долго, где Пантеон? Но никто меня не понимал. Когда же я спросил где Ротонда, то в ту же минуту получил удовлетворительный ответ. В Риме нельзя сделать ни шагу, чтобы не встретить какого-нибудь весьма примечательного древнего здания, из коих большая часть обращены теперь для другой цели, нежели для каковой они были сначала назначены. Посмотрим на здания, находящиеся подле Пантеона. Вот храм Антонина, коего портал украшается одиннадцатью величественными колоннами, он теперь превращен в таможню, и только что кто приедет в Рим, то непременно должно туда явиться для осмотра вещей. Театр Маркеллов, вмещавший в себя до 30 000 зрителей и имевший четыре этажа в вышину, из коих каждый был украшен особым

родом колонн, превращен теперь в дом, принадлежащий фамилии Орзини. Неподалеку отсюда был театр Помпеев, перед коим находился портик, поддерживаемый стами колонн, служивший убежищем для народа во время дождя; а в нескольких шагах так называемая курия Помпеева, где убит Цесарь. В этих же местах были цирки Агональский и Филминия, а подле них находился храм Беллоны. Здесь, когда римский Сенат объявлял войну какому-нибудь народу, брал один из консулов копье и показывал острием на те страны, куда должно было спешить римским победоносным легионам. Так вы не сделаете в Риме ни шагу, чтобы не ступить на место, озаменованное великими воспоминаниями.

Рим Июль

Фраскати от Рима верстах в семнадцати. Он лежит в древнем Лациуме: не довольно ли этой мысли, чтобы в нем побывать? И находиться близ того места, где был еще прежде город Тускулум, отечество старшего Катона¹¹⁷, или место откуда Цицерон писал свои (...). Теперешний городок лежит у подошвы горы, и в нем примечательна церковь, где погребен претендент, сын английского короля Якова¹¹⁸. В нескольких верстах отсюда живет бывший король сардинский¹¹⁹, добровольно отрекшийся от престола. Вся свита его состоит из шести человек. Фраскати славится чистым своим воздухом, ибо большая часть окрестностей Рима летом весьма вредны для здоровья. Места его окружающие гористы, и на горах находятся замки римских вельмож. Огромность их, прекрасное зодчество, великие и со вкусом расположенные сады, чисто отменные картины и статуи, контрастируют чрезвычайно с унылостью и пустотою, которые обитают в сих чертогах. В иных домах совершенно никто не живет, и трудно даже сыскать сторожа, который бы их показал. С каким сердечным вздохом рассказывают о прежнем великолепии, пышности и веселии, которые наполняли эти места. Даже и в замках около Парижа не видно столь ясно ужасных следов революции, как в Риме. Большая часть зданий принадлежит ныне фамилии Боргезе. Между прочим из замка Бельведере наслаждался я восхитительным видом. Я видел Средиземное море, в которое вливал Тибр струи свои, а на берегах его — Рим со всеми своими окружностями. На всякой другой город можно взглянуть с возвышения один, много — два раза, но на Рим можно смотреть беспрестанно и иметь всегда новое удовольствие, ибо каждый раз увидеть какой-нибудь древний памятник, которого прежде не приметили. Как дорого такое открытие для того, кто знает цену ему!

Из Фраскати поехал я в Либано. На половине дороги останавливаются подле монастыря, называемого Гротаферата. Здесь находятся картины, представляющие жизнь его установителя Варфоломея Нильского (...) ¹²⁰. Они рисованы (...) Доменикином, и говорят, что здесь он сам себя превзошел. Городок Альбано, в древности Альбалунга, тоже известен своим чистым воздухом, и многие проводят здесь свое летнее время. Этот город весьма древен, построение его приписывают Асканию ¹²¹, сыну Энееву, коего и гробницу показывают недалеко от городских ворот. Я оставляю на суд читателя решить о справедливости сего предания. Есть еще несколько древностей, которые однако же незначущи, выключая гробниц, которые, как уверяют, вмещают в себе прах Горациев и Куриациев. Я в Альбано пробыл день, весьма приятно обедал у Петра Васильевича Мятлева ¹²². При лунном сиянии возвратился в столицу мира.

Рим Июль

По правую сторону церкви Св. Петра находится дворец ватиканский, который служит более тысячи лет пребыванием для пап, и как каждый из них прибавлял что-нибудь к зданию, то оно теперь вышло одно из нескладнейших и некрасивых. Оно заключает 12 000 комнат, служит большею частию для находящихся там музеев и библиотеки. Здесь собранно все лучшее, найденное в древних храмах, гробницах, театрах, ристалищах, банях, дворцах; но порядок, с которым все расположено, и величественные чертоги придают неописанную красоту и делают Ватикан истинным храмом вкуса и искусств. Можно ли сравнить Аполлона Бельведерского, стоящего в музее Наполеоновом, с тем Аполлоном, который стоял в Ватикане? Удивительно ли, что, видя первого, многие остаются холодными, и что при виде последнего все благоговели? Представьте величественный чертог, освещаемый с трех сторон, а с четвертой — просторную нишу, где на высоком подножии возвышался Аполлон, вокруг нет никаких украшений, выключая несколько плоских барелиефов; и сравните его положение во французском музее, где он стоит слишком низко для своей величины, между двадцатью другими статуями, в темных комнатах, которые немного отличаются от сараев. Даже мысль — видеть статую в Риме и видеть статую в Париже — производит другие впечатления. Число статуй в Ватикане доходит до пяти тысяч; и не взирая на то, что самые лучшие, как Аполлон, Антиной и Лаокон перевезены в Париж, еще осталось множество мастерских произведений. Увезенные мраморные статуи заменены алебастровыми. Полы состо-

ят из древней мозаики, а потолки расписаны первейшими мастерами. Стены многих комнат украшены древними надписями. Собрание животных, изображенными древними в мраморе, есть единственное в свете, и чем более на них смотрите, тем более удивляетесь терпению и прилежанию прежних художников в обрабатывании самых мелких частей. Нигде нет подобного собрания древних гробниц; как часто был я восхищен, смотря на барельефы, их украшающие, и как часто душа моя исполнялась благоговением при имени того человека, которого прах они некогда покрывали. Но мне показалось странно: подобные гробницы служат для подножия приятнейшим статуям, н. пр. Вакха, Венеры, Дианы. Это сближение любви и смерти, веселости и уничтожения не приносят чести тому, не совместно, и возмущает чувства одно другому противное. Из новейших художников очень малые пользуются честью видеть статуи свои в Ватикане. Канова имеет там три статуи, одна представляет Персея, держащего голову Медузы, а две другие изображают двух бойцов. Я бы посоветовал Канове (...), т. е. к статуям, изображающим что-нибудь нежное. Папы, желая бессмертия, надписывали золотыми буквами имена свои на каждой статуи, в царствование их найденной или возобновленной. Они знали, что ни проклятиями, ни даже ключами Святого Петра, нельзя отворить тех мест, где находятся идолопоклонники Фидий и Пракситель.

В третьем этаже ватиканского дворца находятся те славные картины, известные под именем лож Рафаэловых, которые составляют большой коридор, расписанный весьма временем арабесками. Они представляют всю священную историю. Но самим Рафаэлом рисовано только творение в первых шести днях, а прочее по его картонам сделано его лучшими учениками. Известно, что эти арабески выдуманы не Рафаэлом, а только им копированы с арабесков, найденных в Титовых банях, и удивительно, что они сохранены лучше Рафаэловых, хотя они лет тысячи полторы старше их.

Библиотека ватиканская, заключающая до 150 000 книг, была первая в отношении древних рукописей. Из всех стран света приезжали сюда ученые ими пользоваться, но благодаря французам, они избавили их издержек дальнего путешествия, перевезши все лучшее в Париж. Библиотекари удивляли меня своим невежеством. Один показывая мне образ, который по письму узнал я что киевский, уверял, что он из Иерусалима, и что доставлен в Рим в девятом веке, не взирая на то, что на нем находилась русская надпись. О богатых изданиях, о усовершенствовании книгопечатания во Франции и Англии они не имеют никакого понятия, и в Германии сторожа

библиотек сведущее их. Примечательны в Ватикане так называемые комнаты Рафаэля, т. е. те, где изображена душа великого гения его. Их четыре. В первой представлено сражение Константина с Максенцием, крест, явившийся Константину, и еще несколько других произведений из жизни сего государя. Во второй лучше всех представлен Атилла¹²³, видящий апостолов Петра и Павла, претящих ему входить в Рим; в третьей представлены греческие философы, а в четвертой пожар, который Дюпати мастерски описал. Мне всех более понравился апостол Петр, которому ангел отворяет дверь темницы. Я думаю, что и сам Караваджо не выразил бы с таким искусством три разные света, один происходящий от ангела, другой от месяца, а третий от зажженного факела. Вообще все эти картины рисованные (...), весьма пострадали от времени, некоторые потеряли в иных местах совершенно цвет, так что невозможно узнать, что там было. Однако же путешественники не перестают удивляться и этим местам, которым служит згидою имя Рафаэля.

Вот в коротких словах описание Ватиканского дворца; и здесь все показывает следы скорого разрушения.

Рим Август

Нет ни одной столицы в Европе, которая могла бы равняться красотой и великолепием с древним Римом. Большая часть столиц строены во времена невежества, а потом, когда искусства начали распространяться, государи, царствовавшие в новейшие времена были заняты важнейшими делами, нежели украшением столиц своих; но римские императоры думали иначе. Нравиться народу было для них необходимою, от сего произошли театры, амфитеатры, храмы, бани и проч., чему и позднейшее потомство еще удивляется. Кажется, что сверх этого, любовь к искусствам поклялася с самого малолетства в душе молодого римлянина, и что она была столь сильна, что никакие пороки не могли ее потом изгладить. Самые изверги природы — Нерон, Калигула¹²⁴, Домициан¹²⁵, Каракалла, — оставили удивительнейшие памятники. Еще по сих пор Рим принадлежит к числу самых огромных городов Европы. Он обширнее Парижа, но сей заключает более полумиллиона жителей, а Рим только с небольшим сто тысяч. Судите же о унылости и пустоте, которая здесь весьма приметна. Там, где находился древний Рим, то есть на семи холмах, теперь почти одни огороды, а лучшая часть нового Рима построена на бывшем Марсовом поле, имевшем до трех италийских миль в окружности. Иногда в уединенных моих прогулках заходил я в такие части города, где луга, на которых паслись

стада, и поля [где спела] рожь. Это не должно казаться удивительным, ибо под именем города разумеют здесь все то, что находится внутри стен, построенных императором Аврелияном, которые имеют более 16-ти италийских миль в окружности. Они очень хорошо сохранены, и на них стоят башни, одна от другой шагах в сорока. Выключая развалин древних зданий, украшавших Рим, остались еще от тех времен обелиски и столпы, которые совершенно целы и по сих пор стоят на римских площадях. Обелисков более десяти, они перевезены из Египта во времена императоров и исписаны египетскими иероглифами. Странно видеть, что эти обелиски украшены золотыми крестами, которые у них поверху поставлены: здесь соединены вместе крест и Феникс, образ Спасителя и какой-нибудь египетской чучела.

Две древние колонны заслуживают наиболее примечания. Самые варвары их почтили, оставя на том месте, где они были. Я говорю о колоннах Траяновой и Антониновой. Первая почитается первейшею в свете по величине своей и красоте. Она воздвигнута в честь Траяну, и барелиефы, на ней поставленные изображают походы сего императора против дакия. Она имеет 193 $\frac{1}{2}$ пальмы вышиною, состоит из белого мрамора и содержит в себе 2500 человеческих фигур (каждая три пальмы вышиною), выключая коней, слонов, воинских снарядов и проч. Барелиефы почитаются чрезвычайными по своей красоте, и художники в Риме берут их часть в пример для рисования. Лестница, находящаяся внутри колонны, ведет на самый верх ее, где прежде стояла бронзовая статуя Траяна, которая теперь уступила место статуи апостола Петра. В древние времена были на этом месте множество общественных зданий, ибо известно, что форум Траянов был великолепнейший в Риме; но время изгладило даже последние следы их. Колонна Антонинова тоже из белого мрамора, двумя пальмами ниже первой. Барелиефы не так хороши, как на той; наверху была бронзовая статуя Марка Аврелия, которой сменен апостолом Павлом. Признаюсь, что нельзя удержаться от смеха видя апостола Петра, как будто гордящегося победами над дакиянами?, а апостола Павла, торжествующего над маркоманами. Думал ли Траян, что простой рыбак заступит его место?

Папы весьма старались о украшении своей столицы великолепными площадями, как н. пр. площадь Гишпанская, площадь Колонная и Венецианская, площадь перед церковью Святого Петра и многие другие, в своем роде единственные. Можно нащитать до пятидесяти таких, которые могут назваться мастерскими произведениями зодчества. Церкви, которы-

ми Рим наполнен, превосходят всякое описание, множество их и красота заставляют невольно вас сказать, что здесь столица Религии. Присоедините к этому несколько довольно красивых улиц, пространных мостов, ведущих по широкому Тибру, которого одно имя потрясает душу и множество единственных в свете водометов, которые, крася город, способствуют содержать в нем чистоту воздуха. Из них почитается одним из лучших фонтан Трева, называвшийся в древности Девичьею водою. Это название произошло от того, что один римский солдат искал источника, чтобы утолить жажду свою. Одна деревенская девушка показала ему ручеек, которого вода была так чиста, что ее провели в Рим. По середине водомета находится колоннальная статуя, представляющая Океан, на раковине по сторонам его Здравие и Изобилие, а вокруг несколько тритонов и морских богов. Водомет, называемый Щастливою водою (...) представляет три ниши, в средней Моисей, ударяющий по камню железом, из которого быстро стремится вода, а в других двух нишах представлены барельефы, а отсюда вытекает также вода, а внизу два льва, из ноздрей коих бьет прозрачный фонтан.

Вот краткое описание украшений нового Рима, соедините с ним те древности, о которых я столько говорил, прибавьте к этой картине ясное, ни каким облаком не потемняемое небо, все лучшие произведения искусств и узнаете причину, почему Рим пребудет незабвенен для тех, которые в нем были.

Рим Август

Вчера был последний вечер, проведенный мною в Риме. В седьмом часу вышел я из дому, бродил по всем местам, которые бывали свидетелями моих уединенных удовольствий, размышлений, восторгов. При каждом оставлял я какое-нибудь приятное воспоминание и говорил каждому, что навеки останется в моей памяти. Шесть недель прожил в Риме, почти ни с кем не был знаком и нигде не был довольнее своим пребыванием. Как же не быть благодарным к предметам, которым я обязан столь щастливыми днями! Взошед на Капитолию, застал я уже в полном блеске сиявший месяц, он позлащал верхи семи холмов, никогда для меня не был свет столь красноречив! Сердце мое билось тихо, я был неподвижен, мне казалось, что я не существовал. Я не понимаю, как я мог до того забытья, что заснул и тогда только опамятовался, когда первые лучи солнца затмевали уже блеск луны. «Ах! — сказал я тогда, — я не богат, не знатен, безизвестен, но имел ли кто из смертных подобные минуты? А вы места мне навеки незабвенные! Цветите всегда неувядаемою красотою, и если,

оказав отечеству услуги, судьба допустит меня быть еще между вами на закате дней моих, не отпугните меня и тогда от недр ваших! Простите на долгое время!».

Примечания

- ¹ Ликом к востоку возвращается солнце, Ясное и лучащееся сверх обычного (*итал.*).
- ² Траян (53—117) — римский император.
- ³ Тацит (55—120) — римский историк.
- ⁴ Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель.
- ⁵ Вергилий (70—19 до н. э.) — римский поэт.
- ⁶ Кастор и Поллукс — диоскуры-близнецы, сыновья Зевса, согласно Гомеру, первый из них смертен, второй — бессмертен.
- ⁷ Антонин Марк-Анний Вер (121—180) — римский император (161—180), более известный под именем Марка-Аврелия философа.
- ⁸ Микеланджело Буонароти (1745—1564) — скульптор, живописец, архитектор итальянского Возрождения.
- ⁹ Вспомни, что ты жив и скачи (*лат.*).
- ¹⁰ Кай Фабриций Лусцин — цензор, прославившийся своей честностью и неподкупностью.
- ¹¹ Люций Эмилий Павел (ум. 160 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец.
- ¹² Цицерон (106—43 до н. э.) — римский оратор, философ и государственный деятель.
- ¹³ Катилина (109—63 гг. до н. э.) — глава заговора против республики, казнен. Цицерон, в своих речах в сенате, в лицо обвинял его в преступных замыслах.
- ¹⁴ Курций Марк — римский юноша, бросившийся в пропасть ради спасения Рима.
- ¹⁵ Константин Великий (274—337) — римский император.
- ¹⁶ Пий VII (граф Кьярамонти) — римский папа в 1800—1823 гг.
- ¹⁷ Максенций (306—312) — римский император, прославившийся жестокостью и распутством. Во время бегства после неудачного сражения с императором Константином утонул в Тибре.
- ¹⁸ Тит (Флавий Веспасиан) (41—81) — римский император.
- ¹⁹ Саллюстий (86—35 до н. э.) — римский историк.
- ²⁰ В доме своем, раскрашенном обманом богов (*лат.*)
- ²¹ Нерон — римский император в 54—68 гг.
- ²² Ромул — первый римский царь, согласно преданию, был вскормлен волчицей вместе со своим братом-близнецом Ремом.
- ²³ Святому Антонину и святой Фаустине (*лат.*).
- ²⁴ Септимий Север — римский император в 193—211 гг.
- ²⁵ Эгерия — нимфа, с которой, согласно преданию, любил беседовать второй римский царь Нума Помпилий.
- ²⁶ Клемент XIII — римский папа в 1758—1769 гг.
- ²⁷ Адриан Публий Элий (76—138) — римский император в 117—138 гг.
- ²⁸ Фавн (Faunus) — одно из древнейших национальных божеств Италии, лесной бог, ниспосылающий плодородие полям, животным, людям.

²⁹ Митридат VI Великий Эвпатор (132—63 до н. э.) — понтийский царь.

³⁰ Барбиери Джованни-Франческо («Гверчино») (1591—1666) — итальянский живописец.

³¹ Сублейрас-Тибальди Клементина — миниатюрист, работала в Риме в 1784 г.

³² Альбани Франческо (1578—1660) — художник, ученик братьев Карраччи.

³³ Бенедикт XIV (Проспер Ламбертини) — римский папа в 1740—1758 гг.

³⁴ Кавальер д'Арпино Джузеппе (1560/68—1640) — итальянский живописец.

³⁵ Вероятно: Лаврентини Джованни (1550—1633) — итальянский живописец на исторические сюжеты.

³⁶ Романо Джулио (1492/99—1546) — итальянский живописец и архитектор, лучший ученик Рафаэля.

³⁷ Риккиарелли Даниеле, по прозвищу Даниеле да Вольтерра (1509—1566) — итальянский живописец и скульптор, ученик Микеланджело Буонароти.

³⁸ Спор между Римом и Альба-Лонгой, по преданию, был решен поединком трех братьев Горациев с тремя братьями Куриациями. Когда двое из Горациев погибли, третий притворным бегством разьединил преследовавших его Куриациев и убил их одного за другим.

³⁹ Анк Марций — четвертый римский царь, правил от 638—614 до н.э.

⁴⁰ Брут Люций Юлий — согласно преданию, он раскрыл заговор, который был составлен в том числе и двумя его сыновьями, осудил их среди прочих к смертной казни и присутствовал при ней.

⁴¹ Раде Этьен (1762—1825) — французский генерал жандармерии, 14 мая 1809 г. направлен в Рим и там в ночь с 5 на 6 июля захватил ватиканский дворец, затем сопровождал папу римского до Флоренции.

⁴² Людовик XVI (1754—1793) — король Франции. В июне 1791 г. сделал попытку убежать с семьей в Лотарингию, но беглецы были задержаны в Варенне и возвращены, под конвоем, в Париж.

⁴³ Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — первый римский император.

⁴⁴ Карл Великий (742—814) — король франков с 768 г., римский император с 800 по 814 г.

⁴⁵ Дюпати Шарль (1746—1788) — французский юрист и писатель. Большой известностью пользовались его «Lettres sur l'Italie» (1788), переведенные на русский язык И. И. Мартыновым (1 изд. — 1800 г., 2 изд. — 1817 г.).

⁴⁶ Невозможно иметь обыденные чувства и посредственные мысли (перев. с франц. Н. А. Елагиной).

⁴⁷ Монтескье Шарль-Луи (1689—1755) — граф, французский писатель.

⁴⁸ Здесь взор, который сначала, казалось, охватывал их, открывает за вершинами новые вершины и все больше теряется вдаль (перев. с франц. Н. А. Елагиной).

⁴⁹ Канова Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор.

⁵⁰ Бернини Джованни Лоренцо (1598 – 1680) — итальянский архитектор и скульптор.

⁵¹ Альгарди — итальянский скульптор, автор гробницы папы Льва XI в соборе св. Петра.

⁵² Лев X (Джованни Медичи) — римский папа в 1513–1521 гг.

⁵³ Христина (1626 – 1689) — королева шведская, в 1654 г. отреклась от престола, приняла католичество и поселилась в Риме.

⁵⁴ Лев XI (Александр Медичи) — римский папа в 1605 г.

⁵⁵ Павел III (Александр Фарнезе) — римский папа в 1534 – 1549 гг.

⁵⁶ Гульельмо делла Порта (1500/10 – 1577) — итальянский скульптор и архитектор.

⁵⁷ Глава и мать церквей города и мира (*лат.*)

⁵⁸ Пилат Понтий — римский прокуратор, управлявший Палестиной во время земной жизни Иисуса Христа.

⁵⁹ Публий Гораций Коклекс спас Рим во время борьбы с Порсеной (507 г.). Он один защищал от этрусков мост на Тибре, пока его не разобрали римляне.

⁶⁰ Каракалла (188 – 217) — римский император с 211 по 217 гг., братоубица.

⁶¹ Рафаэль Санти (1483 – 1520) — итальянский живописец.

⁶² Луций-Луциний-Лукулл (Понтийский; II – I в. до н. э.) — римский полководец, славился богатством и роскошью.

⁶³ Перикл (500/490 – 429 г. до н. э.) — афинский государственный деятель, с его именем обычно связываются представления о поре расцвета античной демократии.

⁶⁴ Медичи — знаменитая флорентийская фамилия, представители которой в XV – XVI вв. управляли республикой, известны своим покровительством всем направлениям Ренессанса.

⁶⁵ Екатерина (1729 – 1796) — императрица всероссийская в 1762 – 1796 гг.

⁶⁶ Фидий (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

⁶⁷ Пракситель (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

⁶⁸ Арбелла, Иссе — места сражений, где одержал победы Александр Македонский.

⁶⁹ Маренго, Йена — места сражений, где одержал победы Наполеон.

⁷⁰ Альфиери Витторио (1749 – 1803) — граф, итальянский драматург. В церкви С.-Кросе над его могилой поставлен памятник работы Ф. Канова.

⁷¹ Фердинанд IV (1751 – 1825) — король неаполитанский.

⁷² Бонапарте Люсьен (1775 – 1840) — младший брат Наполеона, уехавший в 1804 г. в Рим, где жил частным человеком.

⁷³ Бонапарте Летиция Рамолина — мать Наполеона.

⁷⁴ Агриппина Випсания — первая супруга римского императора Тиберия; ее младший сын Калигула был возведен на трон. Кроме трех сыновей у нее была дочь Агриппина Юлия, мать императора Нерона. Сохранилось несколько статуи как старшей, так и младшей Агриппины.

⁷⁵ Матвеев Федор Михайлович (1758 – 1826) — русский живописец-пейзажист, большую часть жизни провел в Италии.

⁷⁶ Камуччини Винсензо (1773 – 1844) — итальянский живописец, главный инспектор мозаичной мануфактуры в Риме.

⁷⁷ Ланди Гаспар (1756—1830) — итальянский живописец.

⁷⁸ Метастазιο (1698—1782) — классический итальянский поэт, пробовал свои силы в трагедии, затем стал писать либретто для опер.

⁷⁹ Тассо Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор оперы «Аминта».

⁸⁰ Нума Помпилий — второй из семи римских царей, которому, согласно легенде, в государственных преобразованиях помогала нимфа Эгерия, открывавшая ему в ночных беседах волю богов.

⁸¹ Флориан Жан-Пьер (1755—1794) — французский писатель, автор книги «Нума Помпилий, второй царь римский», переведенной на русский язык Г. И. Шиповским (СПб., 1788; 2-е изд.: СПб., 1799).

⁸² Сципион Публий Корнелий Африканский Старший (III—II вв. до н. э.) — римский полководец.

⁸³ Камилла — сестра трех братьев Горациев, женихом которой был один из убитых ими трех братьев Куриациев.

⁸⁴ Метеллы — одна из отраслей римского плебейского рода Цецилиев, многие из представителей которого имели имя Цецилий.

⁸⁵ Аннибал (247—189 г. до н. э.) — один из величайших полководцев и государственных деятелей древности, заклятый враг Рима и последний оплот Карфагена.

⁸⁶ Ликург (IV в.) — афинский государственный деятель.

⁸⁷ Солон (VI в. до н. э.) — афинский реформатор и законодатель, один из «семи мудрецов».

⁸⁸ Клод Лоррен (1600—1682) — французский живописец.

⁸⁹ Сальватор Роза (1615—1673) — талантливый итальянский художник-самоучка.

⁹⁰ Вазари Джорджо (1511—1574) — итальянский живописец и архитектор, ученик Микеланджело.

⁹¹ Тициан (Тициано Вечеллио) (1477—1576) — итальянский живописец.

⁹² Леонардо да Винчи (1452—1519) — итальянский живописец.

⁹³ Дюрер Альбрехт (1471—1528) — немецкий живописец.

⁹⁴ Помпей Великий (106—48 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец.

⁹⁵ Гвидо Рени (1575—1642) — итальянский живописец.

⁹⁶ Карраччи Анибале (1560—1609) — болонский художник.

⁹⁷ Гейне Христиан-Готтлиб (1729—1812) — немецкий филолог и археолог, профессор Геттингенского университета. Вероятно, речь идет о следующих словах: «Рим останется всегда Римом, и Париж никогда не будет Римом».

⁹⁸ Доменико Цампьери (Доменикино) (1581—1641) — итальянский живописец, представитель болонского академизма.

⁹⁹ Винкельман Иоганн-Иоахим (1717—1768) — основатель археологии классического искусства, основной труд «История античного искусства».

¹⁰⁰ Альбани Александро (1692—1779) — кардинал, известный коллекционер; большая часть коллекции была вывезена во Францию, а в 1815 г. продана в Мюнхене.

¹⁰¹ Крести Доменино (Пассиньяно) (1558—1638) — итальянский живописец.

- ¹⁰² Микеланджело Меризи да Караваджо (1573–1610) — итальянский живописец.
- ¹⁰³ Кориолан (V в. до н.э.) — римский патриций, осаждавший Рим во главе вольсков.
- ¹⁰⁴ Аппий Клавдий — исправлял в 312 г. до н. э. должность цензора и устроил первый большой водопровод в Риме.
- ¹⁰⁵ Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778) — французский писатель, публицист, историк и философ.
- ¹⁰⁶ Филанджери Гаetano (1752–1788) — итальянский экономист и публицист.
- ¹⁰⁷ Беккария Цезарь (1738–1794) — итальянский публицист.
- ¹⁰⁸ Макиавелли Никколо (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, писатель и историк.
- ¹⁰⁹ Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт.
- ¹¹⁰ Петрарка Франческо (1304–1374) — итальянский поэт и гуманист.
- ¹¹¹ Ариосто Лудовико (1474–1533) — итальянский поэт.
- ¹¹² Геллерт Христиан (1715–1769) — немецкий поэт и моралист.
- ¹¹³ Лафонтен (1621–1695) — французский баснописец.
- ¹¹⁴ Пихлер Антонио (1697–1779) — гравер, возродитель античной глиптики.
- ¹¹⁵ Кауфман Мария-Анна-Ангелина (1741–1807) — итальянская художница.
- ¹¹⁶ Урбан VIII (Маффео Барберини) — римский папа в 1623–
644 гг.
- ¹¹⁷ Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) — государственный деятель и писатель Древнего Рима.
- ¹¹⁸ Яков III (1688–1766) — претендент на английский престол.
- ¹¹⁹ Сардинский король Карл-Эммануил II, отрекшийся в 1802 году от престола в пользу своего брата Виктора-Эммануила I.
- ¹²⁰ Греко-униатское аббатство Гротта-Ферата основано в 1002 г. монахами Базилианского ордена, бежавшими из Сицилии от сарацинов.
- ¹²¹ Асканий — по преданию, сын Энея и Креуза, вынесенный на руках отца из пылавшей Трои.
- ¹²² Мятлев Петр Васильевич (1756–1833) — тайный советник, сенатор.
- ¹²³ Атилла — царь гуннов, совершивший в 452 году набег на Италию в ходе которого разграбил несколько городов, но перед Римом внезапно остановился.
- ¹²⁴ Калигула (12–41) — римский император с 37 по 41 г., известен своею жестокостью.
- ¹²⁵ Домициан (51–96) — последний римский император из рода Флавиев, отличался крайней жестокостью и подозрительностью.

*М. Ш. Файнштейн
С.-Петербург
Ф. Гёпферт
Потсдам*

Из истории издания литературного наследия К. К. Павловой

Каролина Карловна Павлова (1807—1893) хорошо известна любителям поэзии не только в России, но и за рубежом. Современница А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. К. Толстого, хозяйка знаменитого литературно-артистического московского салона 1840-х годов, она была знакома со многими деятелями культуры и науки той поры. В конце 1850-х годов по ряду причин (семейные неурядицы, недоброжелательное отношение бывших знакомых и критики) поэтесса переселилась в Германию. Здесь она прожила более 30 лет.

Литературное наследие К. К. Павловой уже почти сто лет постоянно притягивает к себе внимание исследователей во многих странах мира, изучается литературоведами, лингвистами и культурологами. Относились к нему по-разному. Одних Павлова не устраивала как «певица женской души», «салонная поэтесса», других — как приверженица славянофилов, третьи критиковали «математическое» построение ее стихов. Ее почитатели, наоборот, подчеркивали исключительную искренность поэзии Каролины Карловны, восхищались талантом переводчицы. И действительно, немцев Павлова знакомила с русской и польской литературой, русских — с немецкой, французской, польской, английской и греческой, французов — с русской, английской, польской, немецкой. Она постоянно изумляла современников и потомков, с одной стороны, точностью передачи содержания перевода, а с другой — исключительно авторизованным способом его воспроизведения. В этой огромной, казалось бы, в полной мере изученной «Павловиане» имеются многочисленные лакуны. Прежде всего это можно отнести к истории издания ее литературного наследия в России. Таких изданий было пять (1863, 1915, 1939, 1964, 1985)¹.

Первое вышло в Москве в 1863 г. — поэтесса жила уже в Германии. Составители «Стихотворений Каролины Павловой» О. Ф. Кошелева и И. Д. Беляев включили в сборник 97 поэтических

опытов, почерпнутых из русских журналов и газет за 1839–1862 гг. Переводов не было, отсутствовали здесь и комментарии.

Издание 1915 г. подготовил В. Я. Брюсов, подтвердив своей работой глубокий интерес символистов к творческому наследию замечательной поэтессы. Этот двухтомник включал уже 126 стихотворений Павловой, поэму «Кадриль», два произведения в стихах и прозе («Двойная жизнь» и «Фантасмагория»), прозу-воспоминания, рассказ «За чайным столом», два письма. Но здесь отсутствовали все иноязычные стихотворения и ряд переводов Павловой. В дальнейшем Брюсов предполагал переиздать Павлову с дополнениями. Однако, события 1917 г. и гражданская смута прервали эту работу².

В поле нашего зрения — история третьего издания поэтического наследия Павловой, вышедшего в свет уже в советское время. Это произошло в начале 1930-х гг., когда по инициативе Максима Горького создавалась серия «Библиотека поэта» — издание поэтического наследия писателей, литературных групп и также памятников устного народного творчества прошлого. Книги этой серии стали выходить в свет с 1933 г. «Библиотека поэта» сыграла огромную роль в сохранении культурного наследия народов, населяющих Россию. С другой стороны, эти издания испытывали на себе мощное давление идеологических установок со стороны новой власти (прежде всего «вулгарного социологизма»), охвативших в те годы все сферы культурной жизни. Общая установка сводилась к одному: полная «большевизация» культуры и науки. Поэтому основным критерием в литературе при подходе к творчеству того или иного писателя был единственный штамп: «выражал» или «не выражал» он «интересы буржуазно-помещичьих кругов», придерживался ли «реакционных» взглядов. Следы издательской истории книги К. К. Павловой удалось обнаружить в документах фонда Евлалии Павловны Казанович (1886–1942), хранящихся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (С.-Петербург). Выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов, участница библиографического семинария С. А. Венгерова, сотрудница Пушкинского Дома и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, к концу 1920-х гг. она была уже известна как исследовательница творчества Д. И. Писарева, И. В. Гёте, Н. А. Некрасова, серьезный публикатор архивных документов по истории русской и французской литератур.

Среди бумаг Евлалии Павловны сохранилась ее переписка с редакцией серии об издании стихотворений Павловой, а также письма литературоведа С. Н. Куликова к Казанович, черновой вариант ее ответа своему корреспонденту³. Эти документы и помогли воссоздать всю сложную эпопею подготовки к публикации литературного наследия поэтессы.

В начале 1934 г. Казанович выступила с предложением полностью подготовить в серии том стихотворений Павловой, творчество которой ее глубоко интересовало. Евлалия Павловна предполагала снабдить книгу предисловием и подробными комментариями. У нее для этого были все предпосылки. Работая в Пушкинском Доме и Публичной библиотеке, Казанович изучила опубликованные к тому времени материалы о поэтессе на русском языке, выявила в архивохранилищах

этих учреждений никогда еще не публиковавшиеся списки стихотворений Павловой на русском, немецком и французском языках. Конечно, кто, как не автор заявки, мог написать лучший очерк о жизни и творчестве поэтессы, прокомментировать стихотворения. Однако в издательстве решили иначе: подготовить предисловие преложили молодому тогда литературоведу, специалисту по истории русской литературы середины XIX в., а также теории стихосложения Н. А. Коварскому, преподавателю Института речевой культуры в Ленинграде. Видимо, этому способствовало и то обстоятельство, что он по совместительству работал литературным редактором «Библиотеки поэта»⁴. Подготовка «Полного собрания стихотворений» К. Павловой растянулась на долгие пять лет. Работы хватало и без предисловия. Разыскания и отбор текстов, составление и редактирование комментариев, постоянное противостояние с редакцией, озабоченной выявлением в подготавливаемом материале «идеологических ошибок». На протяжении всего этого времени Евлалия Павловна ощущала напряженное внимание издательства к своей работе. Впрочем, опасения редакции серии пропустить что-то «вредное», не отвечающее крутым требованиям «текущего момента», заикленного на повсеместном поиске «врагов народа», понятны. Официальное отношение к творчеству Каролины Павловой определялось вполне конкретной оценкой ее творчества в «Большой советской энциклопедии»: «Оригинальная поэзия П<авловой> реакционна. В своих стихах она то являлась сторонницей "искусства для искусства", то выражала откровенно реакционные настроения»⁵. В таких условиях готовила книгу составительница.

География поисков «Павловианы» у Казанович не ограничилась Ленинградом. В 1935 г., узнав, что в Государственном литературном музее имеются неизвестные автографы поэтессы, Евлалия Павловна побывала в Москве. Годом раньше по ее просьбе руководство «Библиотеки поэта» — поэт В. Саянов и Ю. Тынянов — безуспешно обращались в Народный комиссариат иностранных дел за помощью в розыске в Германии павловских материалов⁶.

Над этой книгой постоянно сгущались тучи. Частые конфликты с редакторами ставили под угрозу выход тома в свет. Иногда составительнице казалось, что книга никогда не будет напечатана. Сомнения усилились в начале 1939 г., в самый пик сталинских репрессий. Тогда десятки тысяч известных ученых уже сидели в лагерях и за меньшие прегрешения, чем увлечение поэзией поклонницы «реакционного славянофильства», предшественницы символизма, представителей которого в избытке хватало среди белой литературной эмиграции. И все же в конце сентября 1939 г. «Полное собрание стихотворений» К. К. Павловой вышло в свет. Чем объяснить этот парадокс? Мы склонны думать, что из-за конъюнктурных соображений редакция «Библиотеки поэта» поспешила издать Павлову в «подарок» пакту Сталина-Гитлера, как своеобразный памятник русско-германской дружбы. Иного объяснения публикации «неблагонадежной» поэтессы просто нет.

Новая книга разительно отличалась от изданий 1863 и 1915 гг. и главное — значительно более высоким уровнем подготовки текстов. Каждому стихотворению сопутствовали комментарии, детально пояс-

нявшие историю создания того или иного стихотворения. Здесь же помещены исчерпывающие данные о всех лицах, упоминающихся в стихах, или тех, кому они были посвящены. Проведена и большая текстологическая работа: сверены тексты, отмечены разночтения. В случае отсутствия датировки произведения составительница старалась определить и время его создания.

Е. Казанович выявила не только новые, не публиковавшиеся ранее тексты на русском языке, но нашла стихотворения на немецком и французском языках. Чтобы довести их до широкого читателя, Евлалия Павловна обратилась за помощью к поэту В. А. Рождественскому, уже подготовившему в малой серии «Библиотеки поэта» сборник стихов А. Апухтина (1938): Всеволод Александрович к тому времени был известен как переводчик Гёте, Шиллера, Гейне, французских авторов. Его русские переводы из иноязычной Павловой и были помещены в книге.

Новое собрание павловских стихотворений насчитывало уже 197 произведений и состояло из пяти частей. В первую входили стихотворения на русском языке, изданные в 1863 г., во вторую — отсутствовавшие в первом издании. В третьей Казанович опубликовала поэмы «Кадриль», «Двойная жизнь» и очерк в прозе, переходящей в стихи — «Фантазмагии». В предпоследней части представлены фрагменты павловских переводов из русской поэзии на немецком и французском языках, опубликованные в сборниках «Das Nordlicht» (Северное сияние) (Дрезден/Лейпциг, 1983) и «Les Preludes» (Прелюдии) (Париж, 1839). Здесь же воспроизводились и оригинальные повествования поэтессы на немецком и французском языках. Завершали том переводы В. А. Рождественского оригинальных иноязычных стихотворений Павловой.

Так в 1939 г. поэтическое наследие К. К. Павловой предстало перед читателем в качественно новом, значительно лучшем виде, чем в предыдущих книгах.

История третьего «павловского» издания была бы неполной, если исключить из нее переписку С. Н. Куликова с Е. П. Казанович. Эти документы превосходно иллюстрируют непростую ситуацию, сложившуюся вокруг работы над собранием стихотворений Павловой. О Куликове, инициаторе переписки, почти ничего не известно. В каталоге библиотеки самого авторитетного хранилища отечественной словесности — Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) зафиксирована только упомянутая в письме статья о Бальзаке⁷. Из всех пяти писем удалось выявить скудные биографические данные о Куликове. Они поведали следующее. Превосходный знаток литературы был вынужден работать преподавателем географии в Московской академии пищевой промышленности. Видимо, столь любимый им литературе отводилось всего несколько часов в неделю — в качестве «приходящего» преподавателя проводил он уроки в нескольких средних учебных заведениях столицы. Писал заказные отзывы на книги, не имеющие никакого отношения к словесности. Роль же литературного критика для него в Москве конца 1930-х годов была заранее обречена — Куликов упоминал о неудачной попытке опубликовать рецензию на статью о Павловой в «Малой советской энциклопедии».

Литературная деятельность Павловой глубоко интересовала московского литературоведа. Поэтому, узнав о готовящемся томе, он решил обратиться к Казанович. Письмо Куликова убедило Евлалию Павловну, что его автор превосходно знает творчество Павловой. Этому способствовал и эпиграф к посланию, приглашавший к диалогу. В ответном письме Казанович поведала корреспонденту о пятилетних мытарствах на пути к завершению павловского собрания. Особенно возмутило составительницу желание издательства поручить написание предисловия другому автору, использовав при этом собранные ею материалы, Но даже и этот материал не помог Коварскому — очерк о литературной деятельности Павловой получился очень поверхностным. Автор предисловия совсем не касался «поэзии души» Павловой, сфокусировав свое особое внимание на «социальной стороне» ее творчества, увлекшись «романтической критикой капитализма» народников. В тексте Коварского не было упомянуто даже такое известное произведение Павловой как «Двойная жизнь»⁸.

Конечно вся эта история не могла оставить спокойной Евлалию Павловну. Обо всем этом она и написала в Москву. Впрочем, Куликов получил не весь текст послания, воспроизведенный Казанович в черновом варианте. Свидетельница арестов многих знакомых и незнакомых ей людей не осмелилась рассказать своему корреспонденту обо всех взаимоотношениях с редакцией. В чистовом виде письма резкие суждения о цензуре издательских сотрудников уже отсутствовали. Так трудно шла к своему читателю Каролина Павлова в 1930-е годы.

Ниже воспроизводится переписка Е. П. Казанович с С. Н. Куликовым. Из пяти посланий Куликова в Ленинград публикуются три письма. Тексты открыток, не содержащие сведений по интересующему нас вопросу, опущены. По этой же причине приводится с сокращениями последнее письмо Куликова к своей корреспондентке. Публикуется и черновик ответа Евлалии Павловны в Москву. Письма расположены по хронологии. Для лучшего восприятия текстов некоторые авторские сокращения в письмах расшифрованы и заключены в квадратные скобки — [ ]. К малопонятным реалиям (пояснения к цитатам, библиографические сведения, расшифровка псевдонимов и т. д.), о которых идет речь в переписке, приводятся пояснения.

Примечания

¹ Интерес к творчеству К. К. Павловой особенно усилился в наши дни — и не только в России. В Германии, Италии, США, Польше, других странах появляются исследования, посвященные ее творческой биографии, отдельным произведениям. Так, в Германии в серии «Frauen Literatur Geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur» Ф. Гёпфертом изданы оригинальные произведения, написанные на немецком языке, и переводы на немецкий язык — «Das deutsche Werk Karolina Karlovna Pavlovas». Bd. 1.1—3. Potsdam, 1994. Авторы настоящей публикации готовят к изданию очерк литературной деятельности поэтессы, воспоминания современников о Павловой.

² См.: Тиханчева Е. П. В. Брюсов — биограф и редактор сочинений Каролины Павловой // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван. 1985. С. 214 — 222 .

³ Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки. (Далее — РО РНБ) Ф. 326. Е. П. Казанович. Ед. хр. 106, 115, 121, 122.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской АН. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 335. Л. 73—74 об.

⁵ Большая советская энциклопедия. М. 1939. Т. 43. Ст. 749.

⁶ РО РНБ. Ф. 326. Е. П. Казанович. Ед. хр. 108.

⁷ Удалось установить, что Куликов был также автором и статьи «К биографии Ф. М. Достоевского (По неопубликованным материалам Центрального военно-исторического архива)», опубликованной в «Каторге и ссылке» (1934. № 3. С. 108—114.).

⁸ Павлова Каролина. Полн. собр. стихотворений. Л. 1939. С. I—XXVI.

Из переписки С. Н. Куликова с Е. П. Казанович.

I.

С. Н. Куликов — Е. П. Казанович

Москва, 30 января 1939 г.

«Да объединит их песнь живая,
Как электрическая цепь!»¹

Многоуважаемая Евлалия Павловна.

Я Вам совершенно неизвестен, поэтому спешу указать то, что нас связывает.

Во-первых, это общий интерес к жизни и творчеству Каролины Карловны Павловой (Яниш), к[ото]рой Вы, как будто, занимаетесь с 1934 года, как это указывает мне один из сотрудников Архива Госуд[арственного] литератур[ного] музея. Это, конечно, главное, что обуславливает мое обращение.

Во-вторых, мы с Вами соседи — авторы по 34 сборнику «Звенья» 1934 г. Вы фигурируете там статьею «К источникам «Египетских ночей», я — статьею «Письма Бальзака»². Вопросы, которые я к Вам имею, касаются Вашей работы над текстами К. Павловой.

Как я слышал, здесь Вы готовили к печати собрание сочинений этой поэтессы в серии «Библиотека поэта» (не могли мне только сказать в «Малой» или «Большой» б[иблиоте]ке).

Между тем, давно вышли издания таких, с моей точки зрения, менее значительных поэтов прошлого, как Степан Петров[ич] Шевырев, Бенедиктов, Щербина³, а собра[ния] соч[инений] Павловой нет ни полного, ни даже избранного. Чем объясняется эта задержка?

Вам, как и мне, известно, что ни собрание 1863 г. редакции проф. Беляева, ни 2-х томник 1915 г. редакции В. Брюсова не могут быть названы полными и даже удовлетворительными.

Как хорошо показал Ал[ексан]др Белецкий в своей обстоятельной статье «Новое издание сочинений К. Павловой» («Изв[естия] Ак[адемии] наук» 1917 г., выпуск XXII) некрасовское издание 1915 г.⁴ грешит многими промахами и недостаточностью работы над сверкою публикуемого текста с текстом, печатавшимся в свое время в журналах, альманахах, сборниках, следствием чего явился пропуск целых строк («Поэт» по «Одесскому альманаху» на 1840 год и по I тому издания К. Ф. Некрасова редакции Брюсова; «Праздник Рима» по тексту «Отечеств[енных] записок» 1855 г. Т. СШ и по I тому редакции Брюсова) и даже целых стихотворений, в свое время напечатанных в журналах.

Большое формальное мастерство Павловой могло бы очень пригодиться и современным поэтам; кроме того, я полагаю, репертуар наших чтецов-декламаторов приобрел бы свежесть и блеск включением таких перлов, как «Спутница фея», «Ночлег Витикинда», «Ужин Поллиона», «Ругокоп», «Рассказ». Не кажется ли Вам, что декламация, скажем, Яхонтовым, Шварцем или Каминскою⁵ из года в год одних и тех же всем знакомых пьес Пушкина может приестся и наложить клеймо штампа на беспрестанно повторяемые, хоть и великие вещи.

И как встрепнулись бы слушатели, как приобцились бы массы к творчеству напрасно забытой поэтессы, услышав всем почти неизвестную, но неотразимую, между тем, «Спутницу фею», или могучие строфы некоторых стихов «Двойной жизни».

Но допустим, мои осведомители неправильно передали мне характер Вашей работы.

Пусть Вы работаете над текстом пьес 1854 года, подобным «Когда один, среди степи Сирийской...» и на его основании воссоздаете историю отношений К. Павловой и Бориса Исааковича Утина⁶ — и тогда Ваша работа, служа интерпретации текста, неправильно относимого В. Брюсовым к Ал[ексею] К. Толстому⁷, как его адресату, глубоко для меня интересна и я жду ее появления в «Звеньях» или «Летописях Лит[ературного] музея».

В каком же положении публикация и каковы выводы, к которым Вы приходите?

Жду от Вас извещения по всем этим глубоко меня трогавшим вопросам.

Сергей Николаевич Куликов

P.S. Адрес мой указан на конверте.

Е. П. Казанович — С. Н. Куликову

Ленинград, 1 февраля 1939 г.

«Хотя устала, дошла я

До полпути...»⁸

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

«Полпути» все-таки сделано: сейчас идут последние корректуры и в феврале, надеюсь, стих[отворени]я К. Павловой (в больш[ой] серии) будут подписаны к печати. Но это только «полпути»: дальше пойдут хождения по мукам Главлита⁹ и самое печатание, которое может быть затянуто по разным соображениям Изд[ательств]а — бог ведает на сколько.

В таком положении внешняя сторона дела; внутренняя же история этого издания, начатого действительно еще в 1934 г., куда трагичнее — для меня, по крайней мере и стоит мне, если не половину, то четверть жизни и здоровья из-за многих безобразий, с которыми мне пришлось столкнуться.

Довольно сказать, что от моей работы не осталось и четверти, что статьи вступительной мне не дали с самого начала по разным причинам, что текст не только мой, но и К.Павловой калечат на каждом шагу, что еще до цензуры выбросили одно стихотворение и мн[огое] др[угое], так что в результате моя двухлетняя работа над текстами и комментариями почти пропала; то, что я хотела сказать о жизни и творчестве этой самой крупной у нас и интересной поэтессы, мне сказать не дали, а автор вступительной статьи, которая писалась 1 1/2 (по моим материалам!) да 1 1/2 черкается и перечекивается различными рецензентами и ответственными редакторами издательства, высокомерно снисходит до признания Павловой эпигоном (не из крупных), идеологию ее всецело растворяет в славянофильстве, интерес к ней в 10-е гг. XX-го века объясняет ретроградными тенденциями поэтов-символистов, а все ее творчество в целом третирует как *quantite negligible*¹⁰.

Все это Вы увидите сами, когда издание выйdet (и если, наконец, выйdet), и хорошо будет, если Вы напишете рецензию на него.

Вместо обстоятельного иносказательного объяснения высказываемых мною положений, мне удалось сохранить только намеки в примечаниях и многое читателю, который заинтересуется К. Павловой, придется проделывать самому сначала.

Невольно вдалась я в эти сетования: слишком много накопилось горечи —

Как много радостных видений

Развевал ветер, покрыла мгла!

За эти годы я сжилась с К. Павловой, полюбила ее творчество и нашла много достойного уважения в ее характере, вопреки всем эпиграммам и подсвистываниям ее современников. Может быть мне и удастся когда-нибудь высказаться печатно о ней, хотя это и трудно при наших условиях печатания и при отсутствии подходящих органов печати: где поместить большую обстоятельную работу, или хотя бы статью о К. Павловой, уже заранее скомпрометированной своими славянофильскими симпатиями, хотя она вся и не покрывается ими, своим ранним уклоном в мистический идеализм немецкой романтики!.. Я лично ценю в ней другое.

Не знаю, в какой мере удовлетворила Вас своим ответом, но мне искренне приятно было встретить любителя и ценителя поэзии К. Павловой, притом так для меня неожиданно!

С приветом Е. Казанович

Черновое. РО РНБ. Ф. 326. Е. П. Казанович. Ед. хр. 121. Л. 1–2 об.

3.

С. Н. Куликов — Е. П. Казанович

Москва, 8 февраля 1939

«Нет! Как бы туча ни гремела,
Как ни томила бы жара,
Еще есть долг, еще есть дело —
Остановиться не пора».¹²

Из вашего ответа, полученного только вчера, вижу, какое трудное дело Вы мужественно предприняли, многоуважаемая Евлалия Павловна. Всякое дело, особенно такое кропотливое и мучительное, движется только энтузиастами.

Я говорю это не для Вашего утешения, нет, это самой собою складывается в сознании, когда проходишь вместе с Вами тернистый в наших условиях путь исследователя-литературоведа. Конечно, скверно, что безобразно урезан комментарий к стихотворениям Павловой, поэтессы относительно далекой от нас поры, часто трудно постигаемой без комментария*, и все же это беда второй руки, сравнительно с

* Выделено авт. письма, а затем зачеркнуто.

** Сошлюсь для примера на ее пьесы, посвященные сибирскому поэту Мильке-еву, во 2-ой из которых в 5-ой и 6-ой строках как будто говорится о его самоубийстве, или хотя бы на пьесу «За тяжкий час, когда я дорогою...!» (Прим. авт. письма).

отношением «Советского писателя» к самим текстам* писательницы.

Вы, к сожалению, глухо намекаете на эту сторону дела, отсылая к будущим временам, «когда книга выйдет (и если, наконец, выйдет)». Между тем, главное, что может интересовать не скажу исследователя, но хоть вдумчивого читателя, знакомого с текстом прежних собраний сочинений Павловой 1863 и 1915 гг., это состав нового издания. Войдут ли туда все тексты К[аролины] К[арловны] на иностранных языках, т. е. как оригинальные ее стихи, так и переводы Пушкина и поэтов пушкинской плеяды, или только ее собственные стихи на немецком, французском языках, или вернее считать, что публикация ограничится лишь русскими текстами?

Но и в этом случае можно сузить или, наоборот, расширить состав издания. Например, можно включить или исключить статью К[аролины] К[арловны] о Сильсфилде, американо-немецком романисте первой половины XIX века, напечатанную, по указанию Ал[ександра] Ив[ановича] Белецкого, в «Московитянине» 1849 г. (том II, № 4, февраль, отдел II, стр. 101—128) за подписью «П».

Вы помните упрек рецензента В. Брюсову и, вместе с тем, характеристику этой не только критической работы Павловой: «После характеристики Сильсфилда даются в переводе [Каролины Карловны — С. К.] два-три отрывка из повестей писателя, признаваемого Павловой «редко-замечательным явлением в теперешней литературе». Начало и конец статьи не лишены интереса для характеристики литературных вкусов и общественных взглядов Павловой и пропускать ее не следовало бы. Так вот, на сей раз будет ли поступлено по совету Белецкого или статью о Сильсфилде выкинут?

Логическим выводом из сдержанно-горького сообщения Вашего вытекает как будто и то, что больших по объему переводов К. Павловой, подобных «Смерти Валленштейна» Ф. Шиллера, в новом издании тоже не будет.

Будут ли там затерянные в старых журналах вещи, как, скажем, «Свидетельство дерева?»

Явятся ли новые, доселе не напечатанные, тексты?

Вот круг вопросов, на к[ото]рые Ваше письмо ответов не дает. Позвольте перейти к возможности восстановления хотя бы части выброшенного издательством историко-лит[ературного] комментария, поскольку Вы сами поднимаете речь об этом. «Кто возьмет большую статью о К. Павлой...» Это, по моему разумению, долг и дело таких органов,

* Выделено авт. письма.

как «Литературное наследство» или историко-литературный сборник «Звенья». Первый из указанных («Л. н.») выходил несколько быстрее «Звеньев».

Разумеется, форма историко-литературного комментария к собранию сочинений, печатаемому другим издательством («Советским писателем»), разбитого, как я понимаю, по отдельнымopus'ам Павловой, ни для «Л. н.», ни для «Звеньев» не подойдет, и работу придется переделывать в плане монолитного исследования. Борис Рапоф печатал в 1916 году свою небольшую книжку, без ее сопроводительных частей¹³.

Не имеет ли «ИРЛИ»¹⁴ своего органа типа «Летописей», «Известий» или «Ежегодных отчетов», подобных годовым отчетам ИРПБ¹⁵, где, кроме официальной части, были и приложения (отчет, кажется, в 1892 г. дал в таком приложении ценные письма Н. Ф. Павлова к Ан[дрию] Ал[ександровичу] Краевскому и С. П. Шевыреву).

Мне известно, что «Письма Л. В. Киреевского к Н. М. Языкову» под редакцией со вступительной статьей и комментариями М. К. Азаговского были в 1935 г. напечатаны издательством Академии наук СССР как «Труды Института антропологии, этнографии и археологии» (том I, выпуск 4).

Наконец, ту часть материала, которую Вы собрали в Москве, работая в Архиве Государственного Литературного музея, Вы могли бы отдать в «Летописи» этого музея. Срок появления в печати конечно очень далекий, но, по крайней мере, in toto¹⁶ без купюр.

Вот мои соображения. Возможно, что я во многом ошибаюсь. Укажите мне это.

Мне остается поблагодарить Вас за предложение быть рецензентом собрания сочинений Каролины Карловны в той несовершенной форме, какую ему когда-либо придаст «Советский писатель» в серии «Библиотека поэта».

По горячей любви к творчеству Павловой, это для меня очень лестно и желательно, но осуществимо ли, вот вопрос.

Во I-ых, для этого мало личного желания, а нужно желание соответствующей редакции, что совершенно не в моей воле.

Когда я вздумал 3 января текущего года дать в «Литературную газету» отзыв на полную ошибок статейку какого-то анонима о К. Павловой в VII томе 2-го издания М[алой] С[оветской] Энциклопедии¹⁷ отдел информации этой газеты через 11 дней прислал мне ответ, что «статья в таком виде не может быть напечатана, т.к. слишком велика» (в ней было 6 страниц на тетрадной бумаге того же формата, на какой я пишу Вам сейчас). Отдел рекомендовал мне обра-

титься непосредственно к редакции МСЭ для указания ошибок» автора той статейки.

Умный совет, принимая во внимание, что в издании, очередной том которого роздан на руки подписчикам, ошибки могут быть исправлены вклейкой в следующем томе, к[ото]рый выйдет не ближе чем через $1\frac{1}{4}$ – $1\frac{1}{2}$ года (VII вышел глубокой осенью 1938 года; VIII-го надо ждать не раньше февраля 1940 года).

Я потребовал статью через почту «для помещения в другом повременном издании», мне ее прислали, но она и сейчас лежит у меня; отшибло охоту ходить по редакциям и таскать туда свою статью, все равно будет валяться без примечания, в лучшем случае, а в худшем какой-нибудь юркий газетчик, переделав ее внешнюю форму, присвоит ее содержание: примеры бывали.

2-ое условие для написания разбора — наличие под рукою разбираемой книги. Я пишу медленно, тем более, что моя прямая работа преподавателя географии факультета особого назначения при одной из столичных академий (пищевой промышленности) мешает моей историко-литер[атурной] работе, поэтому я обычно не укладываюсь в рамки срока, на к[ото]рый мне выдают книгу из библиотеки. Купить же теперь книгу, чтобы в свободное время штудировать ее, — дело нелегкое. Я, напр[имер], с большим трудом купил II-ой том «Стихотворений и поэм» Н. П. Огарева редакции С. А. Рейсер и Н. П. Суриной, недавно вышедшей в той же большой серии «Библиотека поэта»¹⁸. Это приобретение стоило мне трех подряд дней беготни по книжным магазинам Москвы, в весьма широком радиусе. Поскольку я имел уже I том, надо было иметь комплектное издание.

А вот «Былин» редакции Н. П. Андреева, вышедших немного позже в той же серии, я уже не мог достать, утешая себя тем, что когда-либо куплю лучшее их издание — 2-х томник М. и С. Сабашниковых, редакции Сперанского¹⁹.

И после этой неудачи мне вспомнился разговор с Николаем Петровичем Чулковым, известным историком и деятелем «Старой Москвы» и ОИМО²⁰, веденный вечером 30 января этого года, т.е. в день отправки Вам моего I-ого письма. Придя к нему, я, освещая его о разных материалах, м[ежду] прочим, сказал: «Недавно вышел 2-ой том Огарева». До сих пор помню оттенок раздражения в ответе этого обычно хорошо управляющего собою человека: «Да, которого нельзя нигде купить». Я не удержался похвастать: «А я себе достал». На это последовала реплика: «Мне не удалось даже посмотреть, как он выглядит». Конечно Н[иколай] П[етрович] мог бы

гостать его в библиотекe, но он, страстный книголюб, хотел иметь его в личном своем собрании и ему горька была невозможность этого. Простите мне, Евлалия Павловна, и неряшливый вид этих листков из тетради, и мое многословие.

Мне хочется спросить Вас о многом, многом, касающемся Каролины Яниш и Каролины Павловой (меня равно интересуют оба периода ее жизни)²¹, но я надеюсь, что на почве общего интереса и изучения поэзии Каролины Павловой между нами установится более или менее регулярное общение.

Пока же разрешите одно мое недоумение. Где это напечатано и как звучит в целом шутовское стихотворное приглашение К. С. Аксакова Каролине Павловой прочесть у Оболенских ее роман «Двойная жизнь». Только это начало и упоминает В. Брюсов в «Материалах для биографии» К. Павловой при I томе собрания сочинений изданий 1915 г. (см. примечание) Он отсылает к «Известиям Московского Литературно — Художественного кружка» за 1914 год, VII (7), но ни там, ни в годовом комплекте «Известий» этого послания нет.

Шлю искренние пожелания здоровья и воли творческому труду.

Готовый к услугам

С. Куликов.

Подлинник. РО РНБ.Ф. 326. Е. П. Казанович. Ед. хр. 151. Л. 4—6 об.

4.

С. Н. Куликов — Е. П. Казанович

Село Чернево, 21—24 июля 1929 г.

«Какая-то лень недели кроет,
замедляет заботы легкий миг!»²²

Уж не знаю, что Вы думаете, многоуважаемая Евлалия Павловна, по поводу моего неприлично долгого молчания, после Вашего любезного письма с сообщением текста шутовского послания Аксакова к Павловой с приглашением прочесть у Оболенских роман «Двойная жизнь». В эти и последующие месяцы я взял большую нагрузку на основной работе, с 5 апреля имел еще на стороне педагогическую работу по специальности в одном из учебно-производственных комбинатов Москвы. Сверх того мыкался между редакциями, сначала «Проблем экономики», затем «Известий Русского географического общества», тщетно стараясь пристроить в них статью-рецензию на стабильный учебник «Экономическая география СССР» Н. Н. Баранского, в последнем: т[ак] н[азываемом], 4-ом переработанном издании²³.

В этой рецензии были, что называется, «острые углы», к[ото]рые мне рекомендовали «сгладить». но я на это не пошел и [...] статья не была напечатана. Эти обстоятельства в сумме очень утомили меня и издергали, и не было того душевного настроения, в котором легко пишется. Писать кое-как, чтоб выполнить долг вежливости и не оставить без какого-либо ответа очередное обращенное к тебе письмо, я не охотник.

Но с 17 июля я в отпуску, уехал в село, приблизительно на 130 км к югу от Москвы, в Заокской стороне (Ока от села Чернева, где я живу на покое, в 14 км) и досуга у меня много. Лето же не очень жаркое и работать можно. В этих местах я уже был дважды: в 1927 и прошлом году, оба раза, конечно, летом. Лес широколиственных пород (гл[авным] обр[азом] молодой губняк) в сочетании с березой подступает вплотную к селу от Каширского большака, прорезывающего вдоль Чернево и идущего далее хлебными полями, по взгорьям и впадинам, к Зарайску. С ближайшими к Черневу местами сопряжены и литературные воспоминания о Достоевском и Григоровиче. В 8 км от Чернева по дороге к Зарайску, но несколько в стороне от большака — Даровое, когда-то имение отца Ф. М. Достоевского, убитого в этих же местах в 10 км — Дулебино, с 1821, кажется, года имение отца Дмитрия Васильевича Григоровича, место творческой работы этого писателя, в живописной долине речки Смедвы, вдохновившей писателя на создание очерка Смедовская долина», вблизи — Клишино на Оке, место действия романа «Рыбаки». «Смедовская долина» верно и для сегодняшнего времени передает красоту здешнего пейзажа [...].

[...] Простите меня за отвлечение от главной темы — Вашей работы над собр[анием] соч[инений] К.Павловой. В каком положении теперь это дело? Когда я уезжал 17/VII из Москвы в Богатищево (оттуда 7 км шел до Чернева пешком), в книжных магазинах Москвы была торричелева пустота и ни в большой, ни в малой сериях «Б[иблиотеки] писателя» (так! — М. Ф., Ф. Г.) ничего не было издано после Шевченко, Полежаева и Сурикова²⁴, о предстоящем выходе томика К. Павловой работники книжного прилавка, самые осведомленные (а их квалификация б[олее] ч[ем] не на высоком уровне), ничего не слышали даже из людей большого стажа этой работы — знак неблагоприятный: не отстрочена ли публикация ad calendae graecas²⁵.

А я было считал, что примерно через 1/4 века, после издания К. Ф. Нехрасова и трудов В[алерия] Як[овлевича] Брюсова — наша поэтесса, увитая пеленами, подобно вос-

кресшему из гроба Лазарю, выйдет на очи удивленных читателей, а роль воскресителя — Христа — возглашающего: «Лазарь, гряди вон!», по всей справедливости, будете играть Вы²⁶.

Будет госагно, если это не сбудется.

Что до меня, почтенная Евлалия Павловна, я, Ваша воля, никак не могу соединить автора удивительных строк: «Любовь — непонятное чудо, как сходишь в бранные сердца, Ты гостья светлая оттуда, где нет начала, нет конца...» и ... трагикомического персонажа — «Клеопатры», сидящей в ванне воспоминаний Чичерина²⁷ («Москва 40-х гг.», кажется; здесь у меня нет под руками моей библиотеки, и я цитирую и ссылаюсь на память, всегда подверженную ошибкам), воспоминаний, увы, подверженных в этой части свидетельством одного письма Грановского. У меня не создается целостного облика, где жизнь поэтессы неразрывно слилась бы с ее поэзией и ею преображенная, сама была бы гармонической и красивой, оухотворенной. Если Вам удался этот синтез, я Вам завидую. Вот и тут у хозяев попался мне, бог весть, как попавший к ним LXX том «Русского вестника», по-видимому, 1867 г., с началом романа какого-то Б. Лесницкого²⁸ «Тили прошлого» где тоже достаточно карикатурно под призрачным псевдонимом выведена Каролина Павлова на балу в 1849 году у какой-то княгини Марфы Львовны, восхищающаяся красотой некоей Нагеньки Чемисаровой, дочери отставного генерал-лейтенанта, отличившегося в компании 1812 г. Послушайте: «C'est une autre Bettina pour une autre Gothe»²⁹, говорила в то же время пронзительным и картавым голосом Эвелина Конраговна Ятаганова, рожденная Ванкухен, обращаясь к своей соседке Елизавете Григорьевне Границыной (читай — Грановской — С. К.), немолодой и миловидной женщине, в очках, с поблекшими, но тончайшими, породисто-благородными чертами лица, которая в эту минуту высыпала на руку табак из золотого рожка, к великому скандалу сидевшей тут же супруге тайного советника Подтяжкина, переведенного недавно из Петербурга сенатором в Москву. — Вы скажите мне прежде, бываю ли счастливы Беттины?» — отвечала Елизавета Григорьевна, медленно нюхая табак и с задумчивым участием глядя на девушку, которая обращала на себя всеобщее внимание.

Но Эвелина Конраговна, не слушая ее, продолжала восхищаться и картавить:

«В ней блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой», — восклицала она нараспев во всеуслышание, откидываясь боком на спинку кресла и обдергивая обеими руками свое хрустящее

шелковое платье так, как-будто питала к нему наследственную вражду. Взгляни на нее мой бедный Языков, он написал бы ей дивные стихи, вроде тех, помните, которые он меня просил поправить:

*...Если б жили
Вы меж греков, в оны дни,
Греки б Вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б курились фимиамы
От зари и до зари!»
(Стр[ани]цы 526—27 тома LXX «Р[усского] В[естника]»).*

Не знаю, застанет ли Вас летом в Ленинграде это письмо и не задержится ли, в силу Вашей отлучки, ответ на него. Все же имейте в виду мой временный адрес: Почтовое отделение Болотня, село Чернево Зарайского района Московской области, учительнице Черневской неполной средней школы Чукаевой Анне Николаевне, для Сергея Николаевича Куликова. Этот адрес действителен до 25 августа, а там вступает в силу московский, который Вы, я надеюсь, не забыли. Напишите 2 слова, где и в каких условиях отдыхаете летом, и не забывайте искренне к Вам расположенного С. Куликова.

Подлинник. РО. РНБ Ф. 326. Е. П. Казанович. Ед. хр. 151. Л. 8—9 об.

Примечания

¹ Цитата из стихотворения К. К. Павловой «Н. М. Языкову» (1842).

² См. Звенья». М.; Л. 1934. Сб. 3—4. С. 187—204, 289—324.

³ Стихотворения С. П. Шевырева и В. Г. Бенедиктова вышли в 1939 г. в большой серии, Н. Ф. Щербины — в 1937 г. в малой серии «Библиотеки поэта».

⁴ Куликов не точен. Статья известного литературоведа А. И. Белецкого была опубликована в «Известиях Отделения русского языка и словесности» Российской АН. «Собрание сочинений» К. Павловой, подготовленное В. Я. Брюсовым, печаталось в Ярославской типографии К. Ф. Некрасова.

⁵ Речь идет об известных мастерах художественного слова, артистах В. Н. Яхонтове (1899—1945), А. И. Шварце (1896—1954) и Э. Каминской.

⁶ Речь идет о студенте Юрьевского университета в Дерпте (ныне — Тарту, Эстонская Республика), затем профессоре С.-Петербургского университета юристе Б. И. Утине (1832—1872), с которым поэтесса познакомилась в 1854 г. в Дерпте.

⁷ Вопрос об авторстве текста возник в связи с историей творческого содружества К. К. Павловой с поэтом А. К. Толстым, произведения которого в 1860—1870-е гг. поэтесса переводила на немецкий язык.

⁸ Цитата из стихотворения К. К. Павловой «Дума» (1843).

⁹ В те годы — Главное управление по делам литературы и издательств.

¹⁰ Здесь «недостаточно качественное» (франц.).

¹¹ Цитата из стихотворения К. К. Павловой «Младых надежд и убеждений...» (1852).

¹² Цитата из стихотворения К. К. Павловой «Не пора» (1858).

¹³ Имеется ввиду исследование Б. Рапогфа «К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества» (Пг., 1916).

¹⁴ ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

¹⁵ Императорская Российская публичная библиотека.

¹⁶ Т. е. полностью, целиком (лат.).

¹⁷ В статье, например, указывалось, что Павлова по происхождению полька, а ее поэзия оценивалась как «индифферентная в общественном отношении» (См.: Малая советская энциклопедия. М., 1938. Т. 7. Ст. 881).

¹⁸ «Стихотворения и поэмы» Н. П. Огарева выходили в 1937—1938 гг.

¹⁹ Имеются ввиду издания: «Былины. Русский исторический эпос» (Л., 1938) и «Былины» (М., 1916—1919. Т. 1—2.).

²⁰ Имеется ввиду Общество историков Московской области.

²¹ В декабре 1836 г. Каролина Карловна Яниш вышла замуж за писателя Н. Ф. Павлова.

²² Источник цитирования установить не удалось.

²³ 4-ое издание учебника для 8 класса средней школы Н. Н. Баранского «Экономическая география СССР» вышло в 1938 г.

²⁴ Стихотворения Т. Г. Шевченко и А. И. Полежаева вышли в 1939 г. в большой серии, И. З. Сурикова — в малой серии «Библиотеки поэта».

²⁵ Т. е. до лучших времен (лат.)

²⁶ Здесь упоминается библейская легенда о воскрешении Иисусом Христом умершего Лазаря из Вифании.

²⁷ Куликов имеет ввиду следующее упоминание Б. Н. Чичерина: «Она [Павлова] и у себя устраивала вечера с разными представлениями, в которых она, разумеется, играла главную роль. Так в одной шараде она явилась Клеопатрою и, сидя в какой-то ванне, своим завывающим голосом декламировала стихи» (См.: Русские мемуары. М., 1990. С. 267).

²⁸ «Б. Лесницкий» — псевдоним известного прозаика и публициста Б. М. Маркевича (1822—1884), в 40-е гг. частого посетителя московских литературных салонов.

²⁹ «Это другая Беттина для другого Гёте» (франц.). Имеется ввиду Беттина (Елизавета) фон Арним, состоявшая в переписке с Гёте. Была безответно влюблена в поэта.

*Е. А. Голлербах
С.-Петербург*

К истории русской зарубежной литературы Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д. А. Шаховского)*

III.

Из переписки с Б. А. Филипповым

Представляемые материалы важны не только как непосредственное свидетельство о первых литературных инициативах русской эмиграции военного времени, но и как источник по довоенной отечественной неофициальной культуре. История и того и другого плохо документирована и мало изучена, поэтому данная публикация имеет особое значение.

Литературовед, издатель, поэт, прозаик, журналист, педагог Борис Андреевич Филистинский (псевдоним Филиппов) родился в Ставрополе в 1905 г., в 1924 г. при участии К. К. Вагинова опубликовал первые стихи¹, в 1924 – 1928 гг. изучал монголистику в ленинградском Институте восточных языков², в 1926 г. опубликовал повесть³, в феврале 1927 г. за участие в философском кружке был арестован ОГПУ и два месяца находился в Доме предварительного заключения⁴, в 1928 – 1936 гг. учился в ленинградском вечернем институте промышленного строительства Главстроя и работал инженером в одном из строительных трестов. В 1929 г. вновь подвергся непродолжительному аресту⁵. В 1936 г. опять был арестован и до марта 1941 г. отбывал срок в Ухто-Печорских лагерях НКВД (на Соловках), после чего жил в Новгороде⁶. В военный период работал в русских периодических изданиях, выходивших на занятых немцами территориях, — в Новгороде, Пскове, Риге. В 1944 г. эвакуировался в Германию, работал в берлинской газете «Новое слово»⁷, в 1950 г. переселился в США⁸. Выпустил большое число собственных сборников стихов, прозы, литературной критики, а также участвовал в подготовке и издании сочинений А. А. Ахматовой, М. А. Волошина, Н. С. Гумилева, Н. А. Заболоцкого, Е. И. Замятина, Н. А. Клюева, О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака и др. авторов. Печатался в журналах «Грани» и

* Окончание; начало см.: RS. 1996. II. 2.

«Посев» (Лимбург), «Возрождение» (Париж), «Новый журнал» (Нью-Йорк), газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж) и др. изданиях, писал для русского отдела радиостанции «Голос Америки», преподавал в различных университетах. Скончался в штате Мэриленд в 1991 г.

Переписка Филиппова и вл. Иоанна продолжалась на протяжении многих лет, однако в данную публикацию включены лишь те письма, которые относятся к самому ее началу, к 1948 г. Тексты публикуются по автографам (письма 1-е и 2-е) и машинописной копии (письмо 3-е), хранящимся в архиве архиепископа Иоанна Сан-Францисского.

Примечания

¹ По свидетельству Филиппова. См.: Филиппов Борис. Музыкальная шкатулка: Рассказы. [Frankfurt am Main; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1963. С. 35. Обнаружить указанную публикацию не удалось, — по-видимому, она была осуществлена под псевдонимом. Согласно Филиппову, в 1924 г. вышел в свет и его первый сборник стихов. См.: Там же; [Б. п.]. Б. А. Филиппов (Г. Петров) // Мосты. [Вып.] 1. [München]: Изд-во ЦОПЭ, 1958. С. 423; [Б. п.]. Б. Филиппов // Литературное зарубежье. С. 153. Эту публикацию также не удалось обнаружить.

² См. подробнее: Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. [Б. м.]: [Изд. автора], 1982. С. 12–15.

³ По его свидетельству. См.: [Б. п.]. Б. А. Филиппов (Г. Петров) // Указ. источник. С. 423.

⁴ Филиппов Борис. Музыкальная шкатулка. С. 32; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти: Рассказы; Очерки; Воспоминания. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. С. 135.

⁵ См.: [Б. п.]. Б. А. Филиппов (Г. Петров) // Указ. источник. С. 423.

⁶ См. подробнее: Филиппов Борис. Кочевья: Рассказы. [München; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1964. С. 48–50.

⁷ См. описание этого в рассказе Филиппова «Счастье» (1948–1960): Филиппов Борис. Сквозь тучи: Повесть в четырех рассказах. [München; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1960. С. 105–107. «Новое слово» — русская газета, выходившая с 1933 по 1944 гг. в Берлине под редакцией В. М. Деспотули (Неллина). В ней сотрудничали также Р. В. Иванов (Иванов-Разумник), И. Д. Сургучев, Е. Р. Островский (Романов), Валентин Горянский и др. авторы, часто под псевдонимами. См. подробнее об этой газете: Williams Robert. Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941. Ithaca; London, 1972. P.344–347; Трушнович Ярослав. Аресты руководства НТС в Берлине: К истории Народно-Трудового Союза // Посев (Ярославль). 1992. Сентябрь-октябрь. № 5 (1409). С. 118–120.

⁸ По приглашению В. М. Зензинова. См.: Борис Пастернак (1890–1960); Русская интеллигенция; Борис Филиппов (1905–1991). London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 75–76.

1. Филиппов — вл. Иоанну

Мюнхен. 10 апреля 1948 [г.]

Ваше Преосвященство, благословите!

Группа русских писателей-эмигрантов, объединившихся вокруг творческого объединения «Отчий Дом», поставила своей задачей всеми способами художественного слова бороться за возрождение человеческой личности, убитой эгалитарным и нивелирующим «прогрессом», обездушенной гуманистической культурой и обездуховленной. Созаем, как слабы наши силы. И для писателей большого дарования непосильна эта задача. И мы обращаемся к единственному источнику силы — Церкви. Церкви на г п а р т и й н о й и не связывающейся со все загрязняющим мутным потоком политики. К великому сожалению, политика, раздирающая и обезличивающая все человеческое, в наши дни проникла и в церковные и около-церковные круги. Мы только писатели, а не партийные деятели, и мы не хотим разделять Церковь на «сергианскую» и «иосифлянскую», «карловадскую» [sic. - Публ.] или «константинопольской юрисдикции»...¹ Мы обращаемся к Вам, близко стоящему и к литературе, с искренней и горячей просьбой помочь нам: собраны большие материалы: проза, стихи, философские и литературно-философские статьи. Мы хотим быть услышанными, полезными. Но сквозь разногласия партийных и шовинистических прений, в суеете текущего дня тонут наши голоса, пытающиеся — в меру сил и способностей своих — говорить о чем-то более значительном и надвременном. Мы не богословы и не философы: мы только писатели и поэты. И мы не посягаем на многое. Но мы знаем, что художественное слово — также дело, также долг, если по совести служишь слову и Слову или хотя бы стремишься служить.

В наше творческое объединение входят, главным образом, молодые писатели «новой эмиграции»: Ирина Бушман, Ольга Юрова, Евгения Квесит, Петр Викторов-Странолюбский, Владимир Гацкевич-Каралин, Виктор Кульбицкий-Свен, Борис Филиппов, о.[тец] Сергей Щукин; художники — Надежда Благовещенская (главным образом, иконописец) и Сергей Голлербах². Если Бог поможет, мы выпустим в конце мая или в начале июня первый том альманаха «Отчий Дом» и одну-две книжки наших рассказов и стихов³. Но нам трудно не только в материальном отношении, а, главным образом, в моральном: мы одиноки среди взвихренных «осколков разбитого вдребезги» российско-го политикобесия и наукобесия⁴. Мы — не монархисты, не солидаристы, не социалисты — воспринимаем всеми от-

чужденно: не подходим пог установившийся образец: говорим о личности и вечно-человеческом, а это только раздражает. Это письмо — личное письмо пишущего, но многие из нас разделяют мое самочувствие полностью. И мы просим благословить Вас наше дело, а если Вас заинтересует наше творческое и идейное лицо, мы будем рады послать Вам нашу декларацию и наши литературные изделия, если они — с Божией помощью — смогут увидеть свет. Адрес нашей группы: Борис Ангреевич Филиппов, DP Camp 16 Mönchehof bei Kassel⁵. Испрашивая Ваше Архипастырское благословение и святительских молитв,

остаюсь преданный Вам, Владыка,
Ваш берлинский прихожанин⁶
Борис Филиппов.

2. Филиппов — вл. Иоанну

25 мая 1948 г.

В.[Воистину] В[оскрес?].

Ваше Высокопреосвященство,
Глубокоуважаемый Владыко!

Сегодня я получил Ваше письмо, посланное Вами 20 мая, и от всего сердца благодарю Вас, Владыко, за него, за память, внимание, книжечку и молитвы. Особенно же — за благословение Ваше нашему делу издательскому, всеми русскими кругами здесь (или почти всеми) заушаемое и преследуемое. Дело в том, что мы стоим особняком, вне мышинной возни эмигрантских политических группировок. Нашу декларацию, кое-что о наших издательских начинаниях и планах — я посылаю в этом же письме на другом его листке.

Мать Иулиания⁷ несколько преувеличила мою компетентность в петербургских-ленинградских церковных делах 20—30-х годов. Я, только «приходивший» тогда к Церкви и, вообще, вере Христовой, был активным участником подпольных философских (и, отчасти, политических) кружков⁸. Но через нескольких членов этих кружков, бывших одновременно студентами и студентками Богословско-Пастырских Курсов, а — вскоре же — наиболее активными «иосифлянами» (среди них — и вторая жена школьного учителя Ивана Михайловича Ангреевского, именующего себя сейчас профессором, автора нашумевшей легенды о «катакомбной церкви» в СССР⁹), и через многих знакомых мне профессоров (через своего грядущего члена-корреспондента Академии Наук проф.[ессора] С. А. Козина я был близок к академическим кругам¹⁰), также принаг-

лежавших к церковным и «околоцерковным» кругам, — я познакомился со многими из тогдашних церковных деятелей. Кроме того, в 1924—1926 годах руководителем нашего философского кружка был близкий к кругам «иосифлян» проф.[ессор] Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольгов (умер в Потсдаме летом 1945 г.[ода])¹¹, а многие из нашего кружка (в том числе и я) были духовными чадами идейного возглавителя иосифлянского движения — о.[тца] Федора Андреева (быв.[шего] профессора Моск.[овской] Духовной Академии)¹². Одним из интереснейших явлений духовной жизни 1920-х — 1930-х годов были указанные мною выше Высшие Богословско-Пастырские Курсы, существовавшие наряду с полу-обновленческим Богословским Институтом¹³. Характеристика этого учебного и духовного центра, как учреждения всецело «иосифлянского» (И. М. Андреевский и нек.[оторые] гр.[угие]) не соответствует истине: на курсах преподавали: «иосифлянин» о.[тец] Федор Андреев, «сергиане» архимандриты о.о.[тцы] Гурий и Лев Егоровы, сергианин о.[тец] Николай Чуков и многие другие¹⁴. Само разделение церкви на «иосифлян» и «сергиан» было воспринято большей частью как преподавателей, так и слушателей крайне болезненно и привело к фактической смерти этого учреждения — еще до официального его закрытия. Так, резкими противниками «раскола» (поглинное их выражение) были личные друзья о.[тца] Федора Андреева братья-архимандриты о.о.[тцы] Гурий и Лев Егоровы. Центром иосифлян стал Храм Воскресения на Крови (на Екатерининском канале¹⁵), Епископы Димитрий и Сергей (сосланный владыка Иосиф фактически вождем движения быть не мог), священники о.[тец] Федор Андреев (Сергиевская, а затем Храм на Крови), о.[тец] Николай Тихомиров, о.[тец] Викторин Добронравов (церковь при Убежище Престарелых Артистов) и некоторые другие, часть мирян и тайных монахинь — оказались во главе движения, принявшего — на взгляд многих — более политический, чем церковный характер¹⁶. Нам, сидевшим многократно в ГПУ-НКВД и их лагерях и тюрьмах¹⁷, импонировала политическая острота и цельность иосифлян, но мы все, кто не потерял еще здравого понимания совершающегося, — не могли не замечать, что иосифляне вели явно (хотя и не желая этого) к расколу и обескровливанию и без того гонимой и обескровленной церкви. Все иосифляне так или иначе погибли: расстреляны, погибли в лагерях, в тюрьмах. Но погибли и «сергиане», и не меньшим исповедничеством и мученичеством запечатлели свои имена в истории мученической и святой русской церкви советского периода. Те же архимандриты Егоровы, владыки Сергей,

Иосиф Таганрогский, Ювеналий и неисчислимое количество иерархов, священников, диаконов, мирян — «сергиан» были заточены, замучены, расстреляны¹⁸. Сколько встретил я их лично в тюрьмах в 1927, 1929 и 1936 годах, в Ухто-Печорском лагере НКВД, в ссылках! Говорить о «предательстве» «официальной» русской церкви Церкви Христовой — преступно, недостойно, неосмотрительно в лучшем случае! Конечно, вопрос о принятии или непринятии Советской власти — вопрос для Церкви не только политический, но кто дал нам право здесь, в безопасном, хотя и тяжком, изгнании, судить мучеников, гонимых всеми? Могут ли они засвидетельствовать, что далеко не все, что официально приписывается в СССР Вам, как Ваше высказывание, в действительности принадлежит Вам... И трудно решить: что было бы лучше: блюсти «чистоту риз» — и оставить паству без всякого духовного окормления, или пойти на некоторое соглашение с властью, хотя бы на исповедание лояльности по отношению к ней. Один из умнейших церковных деятелей — о.[тец] Павел Флоренский, ближайший друг о.[тца] Федора Андреева, — сначала был духовно близок к иосифлянам, но затем, по наблюдению многих, совсем отошел от них¹⁹. Да и иосифляне коснулись на о. [тца] Павла: профессорствовал в ряде технических учебных заведений, занимал крупное положение в Центральном Совете Народного Хозяйства и т.[ак] г[алее]. Даже изобретал «для Советов»... Мучительное положение Церкви Русской, долженствующей служить народу русскому в условиях безбожной советской власти, — все это не учитывается многими здесь, где все кажется значительно более простым и ясным. Несколько слов о пресловутой «катакомбной» церкви. Да, действительно, существовали тайные собрания маленьких группочек иосифлян (по 2–3, много 5 человек) — на домах, иногда и с богослужениями на квартирах у мирян и опальных священников (расцвет — 1927–1928 годы). Были и раньше, а также и позже тайные богослужения на квартирах, на которых могло присутствовать — в условиях советского сыска — 5–6, максимум 8–10 человек. Но такие богослужения могли быть только спорадическими, крайне притом редкими, а уж связи-то в какую-то единую церковь, как организацию, технически не могли иметь эти маленькие, боящиеся собственной тени группочки. Все это — огромной важности «бродильные грибки» для будущего русского религиозного подъема. Все это — необычайное свидетельство несгибаемости русского религиозного сознания. Но все это — вовсе не катакомбная церковь, как организация или как организм. Очень печально,

что добросовестная ложь (он сам верит своей легенде) гимназического учителя И. М. Андреевского воспринята с такой легкой верой и с такою радостью «Православной Русью») и другими зарубежными органами²⁰. Трагедия русского верующего человека в советское время столь значительна, что нельзя ее уложить ни в рамки «Православной Руси», ни в рамки представлений отдельных представителей «внутренней эмиграции» 1920-х — 1930-х годов, случайно или неслучайно заброшенных за рубежи СССР. В рамках письма — хотя бы и растянувшегося и бестолково написанного — не изложишь всего. Да и память, исковерканная многими тюрьмами и лагерями, — многое искажает, просто погребла... Но как сейчас помню страстные споры прежних друзей, ставших теперь — кто «иосифлянином», кто — «сергианином», — о том, канонические или чисто-политические основания породили «раскол»? И помню одно: «каноническая» позиция иосифлян сильна не была...

Немного о деятелях «иосифлянства». О.[тец] Фегор Константинович Андреев, бывший профессор философии Московской Духовной Академии, популярный проповедник и пастырь, умер в 1928 или в 1929 году 42–43 лет от роду. Его похороны приняли характер всенародной демонстрации. Похоронное шествие тянулось на много кварталов (отпевали о.[тец] Фегора в Храме Воскресения на Крови, а хоронили в Александро-Невской Лавре). В 1927 году о.[тец] Фегор сидел в одно время со мною — в соседней камере ДПЗ (Дома Предварительного Заключения) ГПУ на Шпалерной ул.[ице]²¹. Чуть ли ни на следующий день после смерти о. Фегора — его пришли снова арестовывать. Вдова о. Фегора была после его смерти сослана в Казахстан (г.[ород] Алма-Ата), его рукописи (в том числе и замечательнейшая — «непревзойденная» — по словам о. Павла Флоренского — Литургика) погребены в архивах Ленинградского НКВД. О. Фегор обладал редчайшей способностью — подхода к людям, редчайшим обаянием. О. Фегор был духовным о.[тцом] старшего летами своего товарища по Академии и друга о.[тец] Павла Флоренского. О.[тец] Павел Флоренский, не отличавшийся отнюдь внутренней скромностью (я, правда, немного, совсем немного знал о. Павла — сталкивался с ним на съездах инженеров и у нашего общего друга — проф.[ессора] Консерватории Марии Вениаминовны Юдиной — о.[тец] Павел был страстным поклонником Баха, а М. В. Юдина является лучшею в наши дни его исполнительницей)²², открыто признавался всем, что о.[тец] Фегор неизмеримо выше его, о.[тец] Павла, как духовная личность и как религиозный мыслитель. Значительно проще, но не менее

стойким борцом иосифлянства был о.[тец] Викторин Добро-
 нравов, упоминаемый, к слову сказать, во «Взвяхренной Руси»
 А. М. Ремизова²³. В конце 30-х годов он получил второй срок
 (кажется, 10-летний) в лагерях НКВД. Из мирян деятелями
 иосифлянства были (все эти люди могут быть еще живы и
 находятся в СССР): проф.[ессор] Ленинградской Консерватории
 (ф[орте] — п.[иано]) Мария Вениаминовна Юдина, лучшая
 пианистка России (м.[ожет] б.[ыть] много выше, чем Рахма-
 нинов и Прокофьев, Гофман и Горовиц)²⁴, крестившаяся в
 17 лет (в 1918 году) еврейка, фанатически преданная Церкви
 и говевшая перед каждым своим концертом. Эта оригиналь-
 нейшая фигура достойна особого письма; проф.[ессор]
 С. А. Алексеев-Аскольдов (автор «Мысли и действительности»)²⁵;
 искусствовед и ориенталист, библиотекарь Универси-
 тета Александра Никитична Макарова и ее младшая подруга
 Елена Михайловна Сосновская (вторая жена И. М. Андреев-
 ского) и некоторые другие²⁶. Все это были люди всецело
 преданные Церкви, люди фанатические и смелые, ярко анти-
 советские. Можно было бы почти поименно указать весь
 «актив» иосифлянства, но это едва ли представляет инте-
 рес: единственно, что мне кажется интересным (я, может
 быть, и ошибаюсь), это — некоторый налет хилиазма или, в
 лучшем случае, повышенный эсхатологизм всей этой группы.
 И, в значительной ее части, одностороннее увлечение аске-
 тикой Игнатия Брянчанинова, в которой они видели альфу и
 омегу всей русской гуховной мысли и жизни (сейчас таков за
 рубежом И. М. Андреевский)²⁷. Вот пока что первые наброски,
 подсказанные мне памятью, об иосифлянах и их взаимоотно-
 шениях с «сергианами». Думаю, что припомню кое-какие ха-
 рактерные детали и незамедлительно сообщу их Вам, Влады-
 ка. А пока что простите меня за рваную лоскутность этих
 моих первых воспоминаний. Тем более, что я боюсь писать
 общеизвестные вещи. Сейчас перехожу к нашим издательским
 и писательским начинаниям и привожу Вам целиком и нашу
 «Декларацию». Простите и за мой почерк — я старался
 писать как можно разборчивей и лучше.

Декларация творческого объединения писателей

«Отчий Дом»

В бесновании войн, революций, тоталитарных режимов и
 демократических деспотий, в свистопляске теорий и социаль-
 ного реформаторства — забыли человека.

Забыли живую жизнь, забыли — и вспомнить не хотят —
 о личности человеческой, еще не до конца механизировавшейся,

еще продолжающей любить, страдать, радоваться и печаловаться самой по себе, а не по дирижерской палочке коллективистического или демократического авторитаризма.

Сотворили себе множество божков, целую иерархию ценностей — с общественным мнением, модой и безбожным царством Божиим на земле во главе.

Новая троица победно шествует по городам и селам мира, и исчезают с лица земли целые страны и народы.

Пропадают бесследно не только творчество, но и само стремление к нему. Ибо всякое творчество требует осознания вечности или, по крайней мере, долговечности творимого.

Сельский хозяин и ремесленник, предприниматель и купец не могут начинать свое творчество жизни и радости ее, сознавая, что завтра война сметет их пашни, мастерские, заводы и магазины с лица земли.

Инженер и архитектор не могут творить, ибо сознание, что их ирригационные сооружения, мосты, дворцы, дома и плотины, храмы и музеи завтра будут разрушены воздушным налетом, — делает их труд бессмысленным.

Врач грустно уступает свое место специалисту по бактериальной войне и отравителю.

А писателя и священника заставляют благословлять смерть, палачей и толпу осквернителей, грядущих в никому неведомое и ненужное завтра.

Мы уже не верим в божков гуманизма. Но мы знаем, что забытый всеми человек еще борется со смертью, еще сопротивляется его дух давящей стихии идоложертвенной цивилизации.

И мы вспоминаем слова великого пророка: «Господи! сила моя и крепость моя и прибежище мое в день скорби! к Тебе придут народы от краев земли и скажут: "Только ложь наследовали наши отцы, пустоту и то, в чем нет никакой пользы". Может ли человек сделать себе богов, которые, впрочем, не боги? Посему вот, Я покажу им ныне руку Мою и могущество Мое, и узнают, что имя Мое — Господь» (Иеремия, XVI, ст. 19–21).

Нас мало, и материальные силы наши ничтожны. Демократия и коммунизм нам не дают даже возможности слова. Но мы знаем, что «не в силе Бог, а в правде», — и надеемся, что нас услышат сквозь все рогатки цензур и полиций всего мира.

Сейчас в нашем объединении собрались только русские писатели — политические эмигранты. Но мы не замыкаемся в узкие национальные, партийно-политические или конфессиональные рамки.

Когда рушатся устои мировой жизни, когда порожденная нами цивилизация и культура грозит убить нас самих,

творцов ее, — мы, как никогда, чувствуем величие слов: «несть еллин, ни иудей», — и зовем писателей всех наций, всех писателей, кто еще не забыл, что он — человек, сосуд Божий, — вступить в Отчий Дом Вечной Радости и Правды.

Ибо прав мудрец, возгласивший, что ценность личности человеческой выше царств и миров.

Но не самоутверждающей себя личности автономной, а личности с о б о р н о й и верующей в бессмертие и назначение свое.

Инициативная группа Писательского Объединения «Отчий Дом»: Священник о. [тец] Сергей Щукин (DP Camp «Fischbeck» 24a Hamburg-Neugraben), Борис Филиппов (DP Camp 16 Mönchehof bei Kassel), Ирина Бушман (13a Coburg-Franken, Weichengereuth 3), Владимир Каралин (DP Camp 16 Mönchehof bei Kassel), Петр Викторов-Странолюбский (Марокко), Вера Гарцева-Квесит (14a Esslingen/Neckar, Stuttgarterstrasse 31, w.4), Вячеслав Озеров-Завалишин (Мюнхен)²⁸.

Содержание первого тома литературного сборника «Отчий Дом», сданного в печать:

1. Борис Филиппов. Из книги «Кресты и перекрестки»: а) Монастырь (история закрытия женского монастыря — Иоанно-Мариинского близ Ставрополя Кавказского — и превращения его в 1921 году в колонию для малолетних преступников); б) Легенды (легенды революции: легенда о Керенском, легенда о Николае Угоднике и Николаевском мосте в Петербурге-Ленинграде); в) Криница (литерат.[урный] этюд: монастырская криница в 1920—1921 году близ Ставрополя Кавказского); г) Бродяги (три бродяги: эстет-интеллигент, сказитель былин Котомкин — бывший полковник царской армии — и бывший лицеист или правовед; «духовное» бродяжество и т.[ак] г.[алее]); г) Курочка (из жизни заключенных в Ухто-Печорском лагере НКВД в 1937 г.); е) Пасхальное яйцо («философический» рассказ о персонализме и монагологии)²⁹;

2. Александр Котлин. Флаг в море. 10 стихотворений³⁰;

3. Ирина Бушман. Новеллы о часах. Роман. Часть I (история девушки — студентки Ленинградской Академии Художеств, жившей в Царском Селе и попавшей в 1941 году к немцам: Академия Художеств 1940—1941 годов, первые месяцы войны, голод в Царском Селе, немецкие комендатуры и казармы, эвакуация, в лагерях Германии и т.[ак] г.[алее]);

4. Иван Елагин. Стихи³¹;
5. Маргарита Кюзис. Стихи;
6. Александр Неймирок. Стихи³²;
7. Ольга Юророва. Шоколадные рассказы (три небольших рассказа из жизни Ду-Пи в лагерях американской зоны);
8. Петр Странолюбский. За пределом упругости (голод в лагере военнопленных в Германии 1941–1942 г.г. — и смещение всех моральных представлений «за пределом упругости»);
9. Евгения Квесит. Стихи;
10. Юрий Маев. Стихотворения;
11. Валентин Кривич. Из неопубликованных стихов³³;
12. Ольга Юрова. Обденок (рассказ из жизни «партизанского» района в Белоруссии 1943 г.);
13. Ирина Бушман. Лирика (10 стихотворений);
14. Владимир Каралин. Одиночество. Повесть (жизнь русского комсомольца: 1940–1946 годы; ученье в музыкальном техникуме, патриотизм первых месяцев войны, плен, участие в Освобод.[ительном] Движении, немецкий концлагерь, разгром Германии, жизнь в побежденной Германии; религиозный кризис и увлечение идеей монархии и т.[ак] г.[алее]).

Град Невидимый (отдел альманаха)

15. Андрей Козин. Взыскующие Града Невидимого (статья, посвященная «Граду Невидимому» у всех народов. Китежская легенда и русская культура и судьба России и т. г.)³⁴;
16. Максимилиан Волошин. Китеж. Поэма(перепечатка)³⁵;
17. В. Р. [ожгественский]. Стихи о Китеже (неопубликованные стихи сталинского лауреата)³⁶;
18. Борис Филиппов. Град Невидимый. Поэма³⁷.

Города роины нашей (раздел альманаха)

19. Сергей Петров. Петербург-Ленинград (душа города. Петербург и русская культура. Петербург и судьбы России)³⁸;
20. Осип Мангельштам. Стихи о Петербурге (перепечатка)³⁹;
21. Александр Котлин. Стихи о Ленинграде;
22. Александр Парфенов. Стихи о Петербурге⁴⁰;
23. «Петербургское»(выдержки из Гоголя, Достоевского, Блока, Розанова и Сологуба о Петербурге и петербургском в русской судьбе и культуре⁴¹.

Переводы

24. *Немецкие баллады (три немецкие баллады в перев.[оге] И. Бушман).*

Философия

25. *Сергей Левицкий. Гносеология самопознания⁴².*

Общий объем сборника — 336 страниц (21 печатный лист). Перед титульным листом — фронтиспис работы худ.[ожника] Сергея Голлербаха (члена «Отчего Дома») — «Медный Всадник» (сложная композиция, пытающаяся передать этапы русской истории и русскую судьбу).

Подготовлены к печати: второй том сборника «Отчий Дом» (в «Городах» — Москва; II часть «Новелл о часах» И. Бушман, I часть романа Б. Филиппова «Дни» (история подпольных идеалистических кружков в СССР 1921–1936 гг.[огов]) рассказы, повести, стихи, переводы, философские статьи). Книга рассказов Б. Филиппова «Кресты и перекрестки» (русская жизнь 1920–1947 гг.[огов], — СССР и эмиграция; размышления; философические повести). Книга рассказов Виктора Свена (жизнь 1930–1940 гг.[огов]). Книга рассказов И. Бушман «Красное и серое» (жизнь в 1945 г.[огу] в Советской оккупационной зоне в Германии). Книга рассказов Ольги Юровой — «Рассказы о второй пятилетке». Роман Вл. Каралина «Счастье»(1940–1945 годы). Книги стихов: Б. Филиппова, И. Елагина, И. Бушман.

Мы более, чем далеки от декларирования. Весь смысл творческого объединения — создание идейной, «проблемной» художественной литературы, для авторов коей кроме вопросов «что?» и «как?» все время стоит вопрос «зачем?» и «для чего?». Идеи «Отчего Дома» должны не заявляться, а воплощаться в художественной прозе, стихах, философских статьях и философской публицистике (последние будут занимать в альманахах не более 10–15% всего их объема). Мы настолько далеки от мысли о декларировании, что нигде не думаем пока что опубликовывать и нашу декларацию, нарочито и составленную в очень общих и суммарных чертах. Весь художественный материал сборников и книг отражает жизнь России в 1918–1945 годах, жизнь русской эмиграции в 1942–1948 годах, касается современных проблем жизни, философии, искусства. Также насыщена «проблематикой» большая часть публикуемых стихов. Вместе с тем, редакторы сборников и книг всячески избегают (стараясь избежать) всякой навязчивости, назойливости в отвоплощении дорогих нам всем идей. Если — Бог даст — нам удастся

наше начинание, будем рады послать Вам, Владыка, авторский экземпляр каждого нашего издания, — с самой горячей просьбой поддержать наше издательство не только молитвой и благословением Свяtitельским Вашим, но и Вашим личным участием в наших сборниках — все мы знаем, высоко ценим и любим Ваши произведения. Сейчас, как я уже написал, первый том нашего сборника уже месяц, как сдан в печать в полном своем объеме (большая часть его сдана в печать еще в январе этого года). Но я до сих пор — несмотря на многочисленные поездки к издателю, письма, хлопоты, — еще не сдвинул дело с мертвой точки... Месяц тому назад издатель обещал закончить печатание, брошюровку и окончательное оформление сборника к середине июня месяца. Но сейчас не имею никаких сведений от него уже целый месяц. В условиях Германии печатание большой непопулярной, не коммерческой (не авантюрной, напр.[имер]) книги — вещь необычайно трудная... В самые последние дни, впрочем, появились, кажется, какие-то другие, более широкие возможности организации русского идейного издательского дела, — но покамест это все в состоянии проектов и предположений. Еще раз прошу прощения, Владыка, что я так мелко написал Вам о наших декларации, писательских и издательских планах и т.[ому] под[обном]. Хотелось побольше сообщить Вам о нашей группе — пока мы не можем послать Вам наших сборников и книг. А, вместе с тем, вес писем в Америку, принимаемых нашей почтой, весьма ограничен. Просим Ваших Свяtitельских молитв и благословения нашего начинания, Владыка.

Глубоко уважающие Вас члены Творческого Объединения Писателей

«Отчий Дом».

P.S. Спешу прибавить, что творческое объединение наше первоначально (в несколько ином составе) возникло в Берлине в октябрь-ноябре 1944 года, где просуществовало (нелегально, конечно) в течение нескольких тревожных месяцев.

Еще раз благодарю Вас за внимание, заботу и такую дорогую для нас — в нашей скитальческой жизни — любовь и прошу Вашего Свяtitельского благословения.

Ваш постоянный прихожанин в Берлине (на Nachodstrasse) в 1944 году

Борис Филиппов

16 Mönchehof bei Kassel, DP Camp 25 мая 1948 [года].

Благодарю Вас, Владыко, за обещанную посылку. Мне очень стыдно, что мои слова о наших тягостных обстоятельствах привели Вас к Вашему столь дорогому для меня по душевному

теплу и любви подарку. И я, и моя мама, и моя тетка благодарим Вас ото всей души⁴³.

3. Филиппов — вл. Иоанну

18/X 1948 [г.]

[...] Хочется сказать немного о тех, кто подобно мне и моей семье очутился в эмиграции с сентября-октября 1944 года или немного раньше. Очутился — после достаточно пестрой советской биографии, в которой были и увлечение марксизмом и коммунизмом, и подпольные философские и философско-религиозные кружки; и увлечение «пафосом советского строительства» и все более и более растущая близость к церкви; и сравнительно успешная советская «инженерная» или артистическая карьера — и неоднократное пребывание в тюрьмах и лагерях НКВД. При этом, нужно заранее отметить, люди приходили ко всему этому искренне, не из «карьерных» соображений, а из-за какой-то большой и мучительной работы, совершающейся в душе. И к «пораженчеству» 1941–1943 годов, и к Власову — эти люди пришли также не просто, а с большими колебаниями, мучительными сомнениями в правоте своего пути⁴⁴. И в результате — несколько дикая на взгляд постороннего наблюдателя особенность: глубочайшее недоверие, более того, ненависть всех этих людей (— нас) к всевозможнейшим точно или расплывчато очерченным и формулированным политическим и идеологически-политическим «измам»: люди изверились и ни в какие слова и магические заклинания больше не верят: слишком много слов наговорено за тридцать лет было, да и говорится вокруг.

И вот мы выброшены судьбой на Запад. И встретили здесь, в российском рассеянии, монархистов без идеи монархии, а лишь с полузатухшим эмоциональным запалом урашапкамизакидательства и чаяний обиженных и ущемленных самолюбий; солидаристов — с глинейшей абстрактной программой и скучнейшими идеологическими построениями, где государственно-обязательный диалектический материализм, Маркс-Ленин-Сталин — подменяются морально-навязываемым обязательным же идеал-реализмом и Лосским-Бердяевым-Штернером⁴⁵; мы столкнулись с рядом промежуточных течений и с отдельными осколками социалистических и демократических групп. И когда мы говорим нашим знакомым, часто очень хорошим людям: — «Господа, а не кажется ли Вам, что все это — вчерашний день; что Ваша идея персонализма — достаточно жалкая попытка преодоления антиномии, неизбежной и вековой: свободная личность —

общественное благо; что солидаризм — вовсе хуже, это попытка, оттолкнувшись от коллективистической, социалистической личности, как-нибудь не пристать к христианской соборной личности; что — при всем уважении к самой и к ее монархии — нельзя весь век пробавляться одной декларацией о Святой Руси и ее исторических традициях; что надо иногда честно и искренне сказать: это все — вчерашний день», — то нас немедленно обвиняют в нигилизме, в том, что критиковать легче, чем созидать, и т. [ак] г[але]. А ведь, в сущности, еще большой вопрос: нужно ли задаваться целью построения эмигрантских п а р т ц и й? В чисто-политической области я уже высказывал Борису Ивановичу Николаевскому и Давиду Юльевичу Далину свою мысль, что мы переживаем момент, когда политические программы, а тем более и геологи, созданные в торричел[ли]евой пустоте жизни на чужбине, — просто вредны⁴⁶. В лучшем случае, нужны ш и р о к и е, многообъемлющие и в самых общих чертах намеченные программы — п л а т ф о р м ы. Ну, да это — область «внешнего» человека. Гораздо хуже, что политическая мышиная возня заразила и области духовной жизни: школу, искусство и саму Церковь. Русские гимназии: в Мейхегофе-Кассель — «ортодоксально»-солигаристическая; в Шлейсхейме-Мюнхене — крайне-монархическая; в других городах — то социалистические (Гамбург-Фишбек, Регенсбург), то монархические. А многие, ох, многие стараются в Церковь принести и привнести ту же политическую игру. И начинается: один из близких к церкви деятелей, Иван Михайлович Андреевский, фанатически проповедующий возврат к «благословенным и святым временам Царя Михаила Федоровича, когда в жизни государства была осуществлена идея русской теократии: отец-патриарх, сын-царь-государь»⁴⁷, — заявил о том, что тот священник, «кто одинаково относится к прихожанину-монархисту и прихожанину, скажем, демократу, — еретик и не христианин даже»; он же всячески поносит не только мученическое духовенство в СССР (кроме мифической «катакомбной церкви»), но и таких подвижников церкви зарубежной, как о. [тец] Андрей Рымаренко («лже-старец», «предтеча антихриста»)⁴⁸; другие деятели, в том числе из числа духовенства, вступили в тот или иной «чин» Национально-Трудового Союза (организованного «орденски»)⁴⁹ или являются больше монархистами, чем служителями Церкви.

И вот, уже несколько лет за рубежом находятся сотни тысяч бывших советских людей. Часто ровесников Октября. Часто его деятелей. Еще чаще — второе и третье поколения революции. Эти люди выросли или без Бога, или в ненависти

к религии и Богу. Весьма немногие — с верой в Бога. И эти уже — с крепкой верой. Ибо революция сослужила и хорошую службу религии: отсекала от Церкви равнодушных и теплохладных. Но очень многие вчерашние комсомольцы и коммунисты потянулись именно к Церкви. Не к «измам» и мышшиной возне эфемерных политических группировок: слова и политические идеи умерли: распятая Россия не верит уже заклинаниям политических магов и дельцов: русские и вообще-то всегда были реалистами, даже религиозными материалистами: негаром в XII уже веке в Новгороде Великом была воздвигнута церковь «во имя уверения неверного Фомы»: негаром так реален наш величайший мыслитель Николай Федорович Федоров⁵⁰; а уж после 30 лет неизбывных страданий — никакая вера в слова не устоит. И нас прежде всего привлекла в Церковь не моралистическая проповедь (отчего так и претят фразы о «социальной проекции христианства-солидаризма»), а Всецелая Полнота, Всецелая Жизнь, Само Лицо Христа. Приходится часто наблюдать совершенно безграмотную религиозно советскую молодежь: она тянется к вере органически. А много декламирующие о церкви монархисты, солидаристы и пр.[очие] деятели — устроили из церкви политический клуб: «средоточие русскости» и пр.[очее]. И это очень хорошо чувствуют самые серые, «поссоветские». Как бесконечно вредно для Церкви это смешение религиозных и политических задач! Как оно отпугивает и ее новых детей, пришедших в Церковь от безмерного страдания или по-«шатовски»: «атеист не может быть русским» (а национализм за эти годы страшно вырос, но особый, новый национализм — русский национализм — интернациональный, «всечеловечество»)⁵¹. И как бесконечно озлобляет этих людей по меньшей мере неумная руготня «советской церкви», «советской морали», «советской патриархии»... А иногда — и «аморального нового поколения»... Я знаю очень верующих и хороших людей из «советских», которые не могут без содрогания видеть №№ «Православной Руси» — из-за систематически помещаемой там (простите, Владыко, за откровенность!) лжи, клеветы и политически слишком обнаженной пропаганды. И приходится слышать: — «Неужели ошибка, что мы здесь, что мы не на родине? Неужели мы — изменники-преступники? Ведь иногда хочется вернуться в СССР и сказать: «Я был вашим врагом, враг и сейчас, — вешайте меня, но на родной русской березе. А в эмиграции я уже задыхался. Я не мог выносить политической затхлости, ущемленных самолюбий, склок и грязных политических сплетен. Вешайте меня скорее!..» Уверю Вас, преосвященный Владыко, эти слова

я несколько раз слышал. Они — не вымысел. Слава Богу, что многие из нашей Церкви не поддались этому. Такие священники, как о.[тец] Агриан, о.[тец] Сергей Щукин (совершенно исключительный человек, замечательный деятель, большой ученый и [слово пропущено. — Публ.] в прошлом, старый церковный деятель), уехавший из нашего лагеря в Марокко о.[тец] Митрофан Зноско и ряд других — не поддадутся никогда угару политической грызни⁵². Но если в Церкви и есть незараженные члены, то у нас нет сейчас ни издательств, ни газет, ни журналов хотя бы элементарно-приличных (я говорю о Европе).

Если старая эмиграция имела какой-то литературный «лик» и литературную «документацию» (хороши они или плохи, но и «Современные Записки» и «Числа», и органы Бердяева, «Нового Града», евразийцев были культурными явлениями)⁵³, то мы, новые эмигранты, не успели создать ничего. А есть и силы, и мысли, и темпераменты, и стремления. Но литературное лицо нового эмигрантского поколения — ужасно: безграмотные «детективы», сонники, песенки Вертинского⁵⁴, безнадежно серые «Посевы» и «Эхо»⁵⁵, тоненькие книжонки со сквернейшими стихами и прозой. 2–3 приличных книжки (А. Ивановского, Ив. Елагина) — не в счет⁵⁶. Музыка... Цыганские песни, хоры заливчатских песенников с фальсифицированно-русским репертуаром... И хвастливые «Дни русской культуры» — с речами, пестрящими именами плохо знаемых самими ораторами деятелей русской культуры⁵⁷. Есть от чего придти в отчаяние! Слава Богу, что еще сохранились единицы, отдельные лица, не окончательно убившие гушу свою. Мне было отрадно встретить таких людей не только в Церкви, а и среди социалистов (Борис Иванович Николаевский, Д. Ю. Далин), и среди бывших коммунистов. И — меньше всего — среди правых. Зато я встретил среди монархистов (и играющих некоторую роль) одного из очень — по меньшей мере — странных деятелей, связанных, очевидно, не только с советскими органами сыска, но и с немецкими, как многие говорили. И вот, при столкновении со всей этой «суетой сует и всяческой суетой»⁵⁸, у так называемых «подсоветских» людей начинает расти физиологическое отвращение ко всякой политике: «дома» привыкли никому и ничему не верить, а здесь — увидели мышину возню. И как необходим был бы сейчас серьезный религиозно-настроенный, общественно-политический и литературный орган и хорошая газета, не играющая в «измы»! Забыл сказать: больше всего раздражает во всех направлениях зарубежья это стремление быть «элитой», «ведущим слоем», причем лица, на это претендующие

(деятели тех или иных партий и группочек), так морально непривлекательны и интеллектуально слабы, что вызывают усмешку: «ишь, носители идеи "служения высшим ценностям"!». Да и вообще прокламирование в платформах и программах «элиты» отзывает тем же ущемленным самолюбием: «без нас они не обойдутся»... «Мы им покажем еще»... А к Церкви эти «носители идеи служения верховным ценностям» относятся так же, как и большевики: и пользуются в своих партийных интересах. Возвращаюсь к журналу и газете: это должны быть надна партийные органы, обязательно серьезные, лишенные развлекательно-рекламного характера западноевропейских массовых изданий: русские серьезные и не любят «развлекательных» газет и журналов. Большевики это отлично понимают. Ну, и сейчас даже, когда многие круги говорят о необходимости быть готовыми к борьбе с большевиками, к войне с советами, — многие ли понимают, какую важную роль сыграли бы в этом серьезные органы — не игра в украинство, в розенберговщину⁵⁹, не повторение роковых ошибок немцев — «разделителей» России, не игра в политические группировки, — а настоящие русские органы: толстый ежемесячный журнал и общедоступная газета (ежедневная). И обязательно стоящие на высоком культурном уровне. Но, увы, все это неосуществимо! А жаль. Ибо сейчас борьба с большевизмом может вестись только через Церковь и через воистину российские органы печати: не узко-шовинистические, не реставраторские, не призывающие к смакованию запаха летописной пыли, а смотрящие вперед, в завтра, в вечную, а не вчерашнюю Россию. А такой орган никоим образом не мыслим без церковным или внецерковным (что отнюдь не означает его, так сказать, школьную «теологизацию»). Вообще опыт моей работы за эти годы показал: к русскому человеку, если он серьезен, с «вербальными» программами лучше сейчас не соваться... И если он идет всерьез против религии большевицкой (ибо ленинизм — религиозная догма во всех отношениях), то только под знаменем Истинной Веры.

Немного о себе: мне иногда страшно: можно ли обнаженно и искренне до конца писать художественные произведения? Не грех ли воплощать себя в образах или создавать образы других людей? Не есть ли это великий грех: человечество и так загружено бесчисленным количеством «мнимых», воображаемых существ, созданных искусством и живущих иногда более реальной жизнью, чем существующие реально личности. Они, эти герои литературы, театра, изобразительных искусств, кино, — влияют на миллионы потре-

бителей того или иного искусства — слушателей, зрителей, — и на реальную духовную жизнь почти не остается сил: эстетика выхолащивает дух, приучает его к пассивному потреблению, насыщает образами — вымыслами, отучает от самоуглубления, от подвига веры, от творческих усилий. И нарождается поколение эстетизированных «хлюпиков», безвольных, безверных, пассивных. И хотя и ставишь перед собой не только вопросы: «что?» и «как?», но и «для чего?» и «зачем?», — но возникает уже вопрос не о том или ином своем произведении: а не вредно ли оно? Не греховно ли? (Особенно, когда оно предельно искренне). Возникает вопрос и о всяком искусстве: не грех ли оно по существу? Частично ставлю этот вопрос в одном из рассказов-размышлений своей книги «Кресты и перекрестки»: «Разговоры по поводу и без повода». Ставлю, мучаюсь этими вопросами (писал и говорил об этом и о.[тцу] Агриану), — но пишу: так уж создан человек: не могу отказаться от чего-то прямо-таки н а в я з ы в а е м о г о мне: пиши! пиши! Процесс творчества для меня мучителен — не технически, а морально. И когда вещь уже написана, я как бы освобождаюсь от чего-то страшно тяжелого, гнетущего — и успокаиваюсь, вздыхаю с облегчением. И плохо помню написанное. Забываю его. Но не есть ли поэтому писательство — какая-то болезнь, как бы выбрасывающая все вредное душевному организму? И хотя я и пытаюсь бороться с этим, но не могу. И хотя и отбираю из написанного, — то, что по моему представлению нужно, а остальное (не менее половины) уничтожаю, — но как легко здесь впасть в искушение, в самообман, в самообольщение! А вместе с тем, что-то нудит писать о нашем поколении, о наших смятенных днях...

Комментарии

¹ Перечислены различные группировки в русской православной церкви. Сергиане — сторонники вл. Сергия (в миру Иван Николаевич Страгородский, 1867—1944) — с 1917 г. митрополита Нижегородского, в 1925 г. ставшего также заместителем патриаршего местоблюстителя, в июле 1927 г. выступившего с декларацией о лояльности к советской власти (была опубликована в печати в августе) и впоследствии активно сотрудничавшего с режимом. В 1934 г. вл. Сергей стал митрополитом Московским и Коломенским, в 1937 г. — патриаршим местоблюстителем, в 1943 г. — патриархом Московским и всея Руси. См. о нем подробнее: Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893—1965. Т. VI. S. 168—191. Иосифляне — сторонники вл. Иосифа (в миру Иван Семенович Петровых, 1872—1938) — с 1926 г. митрополита Ленинградского, который в январе 1928 г. вместе с митрополитом Агафангелом и его викариями подписал акт отхода от митрополита Сергия и затем возглавил этот раскол. Вл. Иосиф был лишен кафедры,

запрещен в священнослужении, сослан в Николо-Моденский монастырь под Устюжной, затем в Чимкент (Казахстан), в 1937 г. арестован и затем расстрелян. См. о нем подробнее: Новые мученики российские: Собрание материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. Т. 2. Jordanville: Holy Trinity Monastery, 1957. С. 1 – 11; Русские православные иерархи: Исповедники и мученики: Фотоальбом. [Paris]: YMCA-Press, 1986. С. 41; Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 – 1965. T. IV. Erlangen, 1986. S.20 – 30. Об иосифлянстве см. подробнее: Иоанн [(Снычев И. М.)], митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Изд. 2-е, доп. Сортавала, 1993. С. 122 – 236; Иосифлянское движение и оппозиция в СССР (1927 – 1943) / Публ. М. В. Шкаровского // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 15. М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1994. С. 446 – 463. Карловацкая церковь — Русская зарубежная церковь, созданная в 1922 г. собором православных зарубежных архиереев в югославском городе Сремски Карловцы и управляющаяся архиерейским Синодом. Константинопольская юрисдикция — сторонники Вселенского патриарха; вл. Иоанн в свой берлинский период был в подчинении западноевропейского экзархата Вселенского патриарха. См.: Комов А. Культурная жизнь // Посев (Лимбург). 1949. 4 декабря. № 49 (184). С. 6.

² Ирина Николаевна Бушман (рожд. Сидорова-Евсеева, р. 1921) — поэтесса, прозаик, литературный критик, литературовед, переводчица, была первой женой Филиппова, живет в Германии. Евгения Квесит (? — не ранее 1966) — поэтесса, выступила в печати в 1934 г., в выборгском «Журнале содружества», в 1966 г. выпустила в Вашингтоне сборник «Голубые дороги: Стихи 1930 – 1965». См. рецензию: Горбов Я. Н. Литературные заметки // Возрождение (Париж). № 189. 1967. Сентябрь. С. 149 – 151. Владимир Александрович Гацкевич (псевдоним Каралин) жил в Ленинграде, во время войны был офицером РОА, впоследствии печатался в журналах «Грани» (см.: № 1. 1946. С. 5 – 9; Каралин В. Застигнутый посреди дороги // Грани. № 4. 1948. С. 77 – 82 (это статья о М. А. Волошине. См. рецензию: Иссако Ю. Удачный номер журнала: Грани № 4. 1948. Журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли. Издательство «Посев». Стр. 128. Цена 10 марок: [Рец.] // Посев (Лимбург). 1948. 25 апреля. № 17 (100). С. 14 – 15)), «Отдых», затем был репатриирован и осужден. Виктор Борисович Кульбицкий (псевдоним Свен, 1897-?) — прозаик, журналист, печатался с 1915 г., в эмиграции был с 1942 г., жил в Германии, с октября 1947 г. был редактором иллюстрированного двухнедельного журнала «Отдых» (приложения к «Посеву»), выпустил несколько сборников рассказов. См. о нем: Максимов С. Об одной хорошей книге и опасных тенденциях: В. Свен. «Рувим, сын Давидов». Рассказы. 1947. Издательство «Медный Всадник» // Посев (Лимбург). 1947. 21 сентября. № 21 (70). С. 10 – 11; [Б. п.]. Виктор Свен // Литературное зарубежье. С. 183; и др. О. Сергей (Сергей Сергеевич Щукин, ? – 1977) — церковный деятель, публицист, издатель, бывший инженер, педагог, до войны был арестован за религиозную деятельность и отбывал пятилетний срок в Ухто-Печорских лагерях НКВД

вместе с Филипповым. Во время войны был вывезен на Запад, по ее окончании принял священство. Сам Щукин жил в лагере Фишбек под Гамбургом, однако в Менхегофе (где находился Филиппов) жила его дочь, и он навещал ее там. Впоследствии переехал в Великобританию, затем в Канаду, в США и снова в Великобританию. См. о нем подробнее: Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. С. 273, 317—318; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 204—210. Надежда Сергеевна Благовещенская (по мужу Васильянова, 1881—1967) — живописец, график, прикладник, художник-реставратор, с 1900 по 1907 г. училась в художественном училище Общества поощрения художеств (по живописи, фарфору, иконописи и финифти) и в частной художественной мастерской Я. Ф. Ционглинского, с 1918 по 1924 г. работала художницей на петроградском Государственном фарфоровом заводе, с 1923 по 1932? г. — в Русском музее (помощником реставратора древнерусской живописи, с 1926 г. мастером-реставратором, впоследствии — научным сотрудником Художественного отдела), была арестована за «церковную контрреволюцию», отбывала трехлетний срок в Дальневосточных лагерях НКВД, затем была в ссылках, после поселилась в Новгороде, во время войны жила также во Пскове, где сблизилась с семьей Филиппова (стала ему «приемной теткой»), в Риге, в Германии, в 1950 г. переехала в США. См. о ней: Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. С. 250—253; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 259—264; а также ее личное дело в архиве ГРМ. Благовещенской посвящена книга Филиппова «Полустанки: Мимолетности, ни на что не претендующие» ([Melbourne; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1962), а также цикл его стихов «Города, города...» (1941—1962) (см.: Филиппов Борис. Преданья старины глубокой: Рассказы; Легенды; Стихи. [München; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1971. С. 31—50; см. также: Филиппов Борис. Влекущие дали дорог: Стихи разных лет. Вашингтон: [Изд. автора], 1987. С. 13—25). Сергей Львович Голлербах (р. в 1923) — живописец, график, художественный критик, прозаик, педагог, в эмиграции с 1942 г., в 1945—1949 г. находился в лагере для перемещенных лиц Мюнхен-Мильбертсхофен, с 1949 г. живет в США. Оформил некоторые книги Филиппова. См. о нем подробнее: Померанцева Н.А. Россия на Западе. М., 1995.

³ Альманах «Отчий дом» в свет не вышел.

⁴ «Осколок разбитого вдребезги» — сборник рассказов А. Т. Аверченко (Л., 1926; впоследствии переиздавался), назван по рассказу из его книги «Дюжина ножей в спину революции: 12 новых рассказов» (Париж, 1921).

⁵ Лагерь для перемещенных лиц № 16 (англ.); Менхегоф под Касселем (нем.).

⁶ С июля 1932 г. по октябрь 1945 г. вл. Иоанн был настоятелем берлинской Свято-Владимирской церкви (Находштрассе, 10. До 13 августа 1932 г. церковь находилась по адресу: Моцштрассе, 27. См.: [Б. п.]. В русской колонии // Возрождение. 1932. 16 августа). По свидетельству современника, это была домовая церковь, — в отличие от второй популярной берлинской, конкурирующей православной церкви — собора на Гогенцоллерндамм, который относился к сино-

дальной юрисдикции. «На Находштрассе было уютнее, мягче, теплее для души внутри храма, а собор привлекал своим внешним видом. Все-таки храм должен быть храмом, а не квартирой в жилом доме. Внешний вид настраивает тебя еще издали» (Комов А. Культурная жизнь // Указ. источник. С. 6). Церковь занималась издательской деятельностью, имела школу и библиотеку. При церковном сестричестве работала школа иконописи. См.: [Б. п.]. В приходе св. кн. Владимира // Новое слово (Берлин). — 1942. — 10 мая. — № 37 (419). — С. 7; [Б. п.]. Встреча в церкви // Там же. — 3 мая. — № 35 (417). — С. 7. В архиве вл. Иоанна хранится подписанный митрополитом Евдогием (В. С. Георгиевским) указ из Епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе, от 8 (21) июля 1932 г., за № 1302, в котором иеромонаху Иоанну (Шаховскому), с февраля 1932 г. выполнявшему пастырские обязанности в берлинском приходе, сообщалось: «Настоящим утверждается Вы в должности настоятеля Прихода Св.[ятого] равноапостольного Князя Владимира в Берлине с 21 Июня — 4 Июля 1932 года». Там же хранится подписанный временно управляющим епархией архиепископом Владимиром (В. М. Тихоницким) указ из Епархиального управления православных русских церквей в Европе, от 1 октября 1945 г., за № 489, в котором благочинному церквей в Германии архимандриту Иоанну ([Шаховскому) сообщалось: «Настоящим, согласно прошения [sic. — *Коммент.*], Вы освобождаетесь от должности Благочинного церквей в Германии с 1-го октября 1945 года». Там же — указ от того же числа, за № 491: «Настоящим, согласно прошению, увольняетесь Вы от должности Настоятеля Св.[ято-]Владимирской церкви в Берлине с 1-го октября 1945 г.».

⁷ Мать Иулиания (в миру Елена Филимоновна Тураева, рожд. Церетели, 1867 — 1948) — была женой академика-египтолога Б. А. Тураева. Изучала русскую литературу, защитила магистерскую диссертацию. После кончины мужа в 1920 г. постриглась в монахини, но жила в миру. Имела большой авторитет в кругах православной интеллигенции.

⁸ См. об этом подробнее в ранних воспоминаниях Филиппова: Филистинский Б. Подпольные кружки молодежи в СССР // Новое слово (Берлин). 1944. 27 февраля. № 17 (607). С. 2 — 3; а также: Филиппов Борис. Музыкальная шкатулка. С. 10 — 11, 13, 26 — 27, 32; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 134 — 136. До того, как Филиппов стал участником ленинградских религиозно-философских кружков, он уже был организатором и председателем (в 1920 — 1924 гг.) молодежного философского кружка в Ставрополе. См.: Филиппов Борис. Музыкальная шкатулка. С. 6; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 129 — 134.

⁹ Иван Михайлович Андреевский (псевдоним Андреев, 1894-?) — врач-психиатр, историк церкви и литературы, публицист, педагог, младший брат поэтессы М. М. Шкапской, автор ряда публикаций о подпольной церкви в СССР (см., например: Андреев И., проф. Заметки о катакомбной церкви в СССР. Джорданвилль: Православная Русь, 1947. См. рецензию: Воскресенский Д. Катакомбы православия // Посев (Лимбург). 1948. 22 февраля. № 8 (91). С. 12. Кроме того, см. о

«катакомбной церкви»: Константинов Д. В., прот. Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. Мюнхен, 1956. С. 34; Польский Михаил, протопресвитер. Введение: О правде Христовой // Новые мученики российские. Т. 2. С. XIV—XXII; а также: Там же. С. 1—4; и др.). До революции Андреевский участвовал в террористических акциях юношеской эсеровской организации (Борис Пастернак (1890—1960) [...] С. 73). До 1928 г. жил в Ленинграде на Петроградской стороне (ул. Блохина (б. Церковная), 8-а), работал преподавателем, был знаком с С. А. Есениным (см.: Владимиров Ю. Две лекции // Посев (Лимбург). 1947. 8 июня. № 6 (55). С. 8; [Андреевский И.]. Встречи с Сергеем Есениным // Грани. № 3 (подп.: Проф. И. А.)), был одним из организаторов нелегального Братства преподобного Серафима Саровского, участвовал в религиозно-философском кружке «Воскресение» (см.: Филистинский Б. Подпольные кружки молодежи в СССР // Указ. источник. С. 3). Затем был арестован, отбывал срок, как и Филиппов, в Ухто-Печорских лагерях НКВД (на Соловках), после этого, тоже как и Филиппов, жил в Новгороде, во время немецкой оккупации сотрудничал в русских периодических изданиях, принимал деятельное участие в местном религиозно-философском кружке. После войны печатался в журналах «Церковная жизнь» (Мюнхен. См. рецензию: [Левицкий С. А.]. Церковный журнал русского зарубежья: («Церковная жизнь», Мюнхен, N№ 1, 2, 1947 г.): [Рец.] // Посев (Лимбург). 1948. 25 января. № 4 (87). С. 11 (подп.: С. А. Л.)), «Посев» и др. периодических изданиях. С 1950 г. жил в США. Преподавал нравственное богословие и русскую литературу в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле (США), похоронен там же, в Свято-Троицком монастыре. См. о нем: Русские писатели эмиграции. С. 5; Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. С. 216, 266—267; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 135—136. Под именем Александра Львовича Тимофеева изображен в рассказе Филиппова «Gott mit Uns»: Филиппов Борис. Сквозь тучи. С. 45—91; см. также с. 148. Вторая жена Андреевского — вероятно, имеется в виду Анна Константиновна (1892—1984), до того бывшая замужем за ленинградским протоиереем Викториним Добронравовым. См. о ней: Пушкарева Ираида. Памяти друга // Русское возрождение (Н.-Й.). № 55—56. 1991. [Вып.] III—IV. С. 306. Вдова и дочь о. Викторина в 1944 г. выехали в Германию и по окончании войны находились в том же лагере для перемещенных лиц в Менхегофе под Касселем, что и Филиппов.

¹⁰ Сергей Андреевич Козин (1879—1956) — филолог-монголовед, педагог, академик (1943). См. о нем: [Б. п.]. Действительные члены Академии наук СССР, избранные общим собранием Академии наук СССР 27 и 29 сентября 1943 г. // Вестник Академии наук СССР (М.). 1943. № 11—12. С. 77; [Б. п.]. С. А. Козин: (1879—1956) // Советское востоковедение (М.). 1957. № 1. С. 221; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 147—149. В 1935 г. в Ленинграде был выпущен отдельным изданием выполненный Козиним перевод «Гесериады» (с его же вступительной статьей и комментариями), который проиллюстрировал Филиппов. Козину посвящены книги Филиппова «Живое прошлое» ([Вып.] I. [München; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1965; [Вып.] II. Вашингтон: [Изд. автора], 1973) и «Статьи

о литературе» (London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1981), а также рассказ «В степи» (см.: Филиппов Борис. Память сердца: Рассказы. [München; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1974. С. 23–34).

¹¹ Сергей Алексеевич Алексеев (рожд. Козлов, псевдоним Аскольдов, 1871–1945) — философ, историк философии, литературный критик, педагог. До революции принимал участие в работе московского религиозно-философского издательства «Путь». См. коммент. III–25. В 1924–1925 гг. руководил организованным Филипповым философским кружком. Был арестован, после лагеря жил в Новгороде, во время оккупации участвовал в местном религиозно-философском кружке. Затем выехал в Германию и там, по приходе советских войск, скончался. См. подробнее: Филиппов Борис. Статьи о литературе. С. 55–56; Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. С. 216–217; Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 134–135, 153–158.

¹² Федор Константинович Андреев (1887 или 1888–1929) — церковный деятель, педагог, историк философии и церкви, «любимый ученик Флоренского» (Трубачев С. Только в Моцарте... защита от бурь: П. А. Флоренский и М. В. Юдина // Музыкальная жизнь (М.). 1989. Июль. № 13 (759). С. 24), в 1913 г. окончил Московскую духовную академию, был участником московского Кружка ищущих христианского просвещения, автором «Богословского вестника», преподавал в МДА философию, в 1919 г. переселился в Петроград, в 1922 (или в 1924) г. был рукоположен в священники, служил в Сергиевском соборе, затем в Спасе на крови, с 1924 г. преподавал на Богословско-пастырских курсах, стал «виднейшим деятелем церковной оппозиции» (Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 167), в 1927 г. был возведен в сан протоиерея, в один из арестов Филиппова одновременно с ним сидел в ленинградском ДПЗ. См. о нем: Новые мученики российские. Т. 2. С. 132–137; Иоанн [(Снычев И.М.)], митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Церковные расколы [...]. С. 203; и др.

¹³ О Богословском институте, существовавшем в Петрограде с апреля 1920 г. и находившемся в бывшем Троицком подворье (наб. Фонтанки, 44), см. подробнее: [Б. п.]. Петроградский Богословский Институт // Русская книга (Берлин). 1921. Сентябрь. № 9. С. 18.

¹⁴ Об архимандритах Гурии (Василии Михайловиче, 1891–1965) и Льве (Леон. Михайловиче, 1889–1942) Егоровых см.: Новые мученики российские. Т. 2. С. 15; Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893–1965, Т. II. S.403–405; Антонов В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. [Вып.] 15 М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1994. С. 425–427, 431, 434, 439–441; Чуков Николай, прот. Один год моей жизни: Страницы из дневника / Публ. В. Антонова // Там же. С. 608 (биографическая справка В. В. Антонова); Чельцов М. П., прот. В чем причина духовной разрухи в 1920–1930 гг. / Публ. В. Антонова // Там же. [Вып.] 17. М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1994. С. 437. Первый из братьев впоследствии был епископом (1946) и архиепископом (1952) Ташкентским и Среднеазиатским, с 1961 г. — митрополитом Симферопольским и Крымским. Протоиерей Николай Кириллович Чуков (1870–1955) — видный церковный

деятель, историк церкви и педагог. До 1918 г. был в Петрозаводске ректором семинарии, затем в Петрограде настоятелем Казанского и Никольского соборов. Руководил Богословским институтом, преподавал на Высших богословских курсах, входил в Епархиальный совет. По делу об изъятии церковных ценностей в 1922 г. был приговорен к расстрелу, затем помилован. В 1935 г. был выслан в Саратов. С 1945 г. до кончины был митрополитом Григорием Ленинградским и Новгородским, членом Священного синода. См. о нем подробнее: Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893—1965. Т. II. S. 377—393; Чуков Николай, прот. Один год моей жизни // Указ. источник. С. 521—618.

¹⁵ Храм воскресения Христова (Спас на крови) в Петербурге расположен по адресу: канал Грибоедова (до 1923 г. Екатерининский канал), 2-а. См. список публикаций о нем: Культурные здания Петербурга: Указатель русской литературы 1717—1917 гг. Вып. 1. Общий отдел. Православные соборные и приходские церкви. Изд. 2-е, исправл. СПб.: Изд-во РНБ, 1996. С. 80—93. По оценке исследователя иосифлянского раскола вл. Иоанна (И. М. Снычева), «главным храмом, где, можно сказать, сосредотачивались [sic. — *Коммент.*] основные силы иосифлянства, являлся храм Воскресения, что на канале Грибоедова. / Весь причт этого собора почти в полном своем составе вступил на путь разделения и подписал акт об отделении от митроп.[олита] Сергия. главную роль играл [...] настоятель храма проф.[ессор]-прот.[оиерей] В. Верюжский. Ему содействовал прот.[оиерей] Федор Андреев [...]» (Иоанн [(Снычев И.М.)], митрополит С.-Петербургский и Ладожский. Церковные расколы [...]. С. 197).

¹⁶ Вл. Дмитрий (в миру Дмитрий Гаврилович Любимов, 1857—1938) — по окончании Петербургской духовной академии в 1882 г. преподавал латынь в духовном училище в Ораниенбауме, в 1886 г. был рукоположен во иерея к Пантелеймоновской церкви там же, с 1895 по 1898 гг. служил настоятелем Михайловского собора там же, затем священником Покровской церкви в Петербурге. В 1922 г. был арестован и сослан в Уральскую область. С 1925 г. был епископом Гдовским, викарием Ленинградской епархии. Вл. Сергей (в миру Иван Прохорович Дружинин, 1863—1937) — с 1887 г. был послушником, с 1898 г. — иеромонахом, с 1915 г. — настоятелем в Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне, с 1924 г. — епископом Нарвским, викарием Ленинградской епархии. В декабре 1927 г. оба епископа отошли от канонического подчинения митрополиту Сергию (Страгородскому) и образовали иосифлянский раскол. Вл. Дмитрий был арестован в 1929 г., вл. Сергей — в 1930 г. См. о них подробнее: Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893—1965. Т. III. S. 49—50; Т. VI. S. 108—109; Русские православные иерархи. С. 31, 68. Сергиевский всей артиллерии собор находился на углу Литейного пр. (с 1918 по 1944 гг. пр. Володарского) и ул. Чайковского (до 1923 г. Сергиевской ул.). См. список публикаций о нем: Культурные здания Петербурга. Вып. 1. С. 133—134. Николай Тихомиров — вероятно, имеется в виду прот. Сергей Андреевич Тихомиров (1872—1930). По окончании Петербургской семинарии до 1908 г. он служил в провинции, затем в храмах Петербурга, в 1923 г. за «распространение воззваний» был условно

осужден, с 1924 г. служил в Спасе на крови, был священником Братства преподобного Серафима Саровского, в 1929 г. был арестован за участие в иосифлянском движении и затем расстрелян в ленинградском ДПЗ. См. о нем: Новые мученики российские. Т. 2. С. 142—144. Протоиерей Викторин (Викторин Михайлович Добронравов, 1889—1937) — церковный деятель, активный участник иосифлянства, был близко знаком с А. М. Ремизовым. По информации Филиппова, «о.[тец] Викторин 4 или 5 раз арестовывался, с 1930 по 1937 г.[оды] был заключенным в лагерях НКВД. В 1937 году был освобожден, но через несколько месяцев — в том же 1937 году — арестован вновь. [...] В 1937 г.[оду] его не стало» ([Филиппов Борис]. Именной указатель // Ремизов Алексей. Взвихренная Русь. Изд. 3-е / Предисл. и коммент. Андрея Козина (Бориса Филиппова). London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. С.560). См. о нем также: Пушкарева Ираида. Памяти друга // Указ. источник. С. 306. Убежище престарелых сценических деятелей Русского театрального общества находилось в Ленинграде на Петровском острове (Петровский пр., 25).

¹⁷ См. подробнее статью Филиппова о Соловках: Филистинский Б. Портрет современника // Новое слово (Берлин). 1944. 20 февраля. № 15 (605). С. 5.

¹⁸ Иосиф Таганрогский — имеется в виду вл. Иосиф (в миру Иван Михайлович Чернов, 1893—1975), с 1932 г. бывший епископом Таганрогским, с 1960 г. — архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским. См. о нем: Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893—1965. Т. IV. S. 36—38. Ювеналий — имеется в виду вл. Иувеналий (Евгений Александрович Масловский (Машковский?), 1878—1938), с 1923 г. бывший архиепископом Курским, с 1925 по 1928 гг. находившийся в заключении, с 1928 г. архиепископ Рязанский, в 1936 г. был арестован и впоследствии расстрелян. См.: Новые мученики российские. [Т.] 1. [Jordanville]: [Holy Trinity Monastery], [1949]. С. 168, 180; Т. 2. С. 279; Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893—1965. Т. IV. S. 66—69.

¹⁹ Павел Александрович Флоренский (1882—1937) — богослов, историк философии, религиозный писатель, инженер, естествоиспытатель. См. о нем подробнее: Голлербах Е. А. Путник запоздалый: П. А. Флоренский и московское религиозно-философское издательство «Путь» // Solanus (London). New series. Vol. 8. 1994. P. 53—74.

²⁰ «Православная Русь» — журнал юрисдикции Русской зарубежной церкви, с 1947 г. выпускающийся в Джорданвилле. Является продолжением журнала «Православная Карпатская Русь», выходившего с 1928 по 1935 гг. во Владимирове. С 1935 по 1946 гг. под современным названием издавался во Владимирове, в 1946 г. — в Женеве.

²¹ Адрес петербургского Дома предварительного заключения: Шпалерная ул. (с 1918 по 1994 гг. ул. Воинова), 25.

²² Мария Вениаминовна Юдина (1899—1970) — пианистка, педагог, музыковед, переводчица. Христианство приняла в 1919 г. См.: Трубачев С. Только в Моцарте... защита от бурь // Указ. источник. С. 24. Иоганн Себастьян Бах (1685—1750) — немецкий композитор, органист.

²³ Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) — прозаик, с 1921 г. жил в эмиграции. «Взвихренная Русь» — его сборник рассказов

(Ремизов Алексей. Взвихренная Русь. Париж: Таир, 1927). См. о нем у вл. Иоанна: Иоанн Шаховской, архиепископ. Биография юности. С. 228–229. В 1979 и 1990 гг. книга была переиздана в Лондоне с предисловием и комментариями Филиппова (см. коммент. III–16).

²⁴ Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943) — композитор, пианист, дирижер, с 1917 г. жил в эмиграции. Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) — композитор, пианист, дирижер, педагог, с 1918 по 1933 гг. жил в эмиграции. Иосиф (Юзеф) Гофман (1876–1957) — польский пианист, композитор, педагог, с 1899 г. жил в эмиграции. Владимир Самойлович Горовиц (1904–?) — пианист, с 1925 г. жил в эмиграции.

²⁵ Книга Алексеева-Аскольдова «Мысль и действительность» была выпущена в марте 1914 г. московским издательством «Путь». См.: Голлербах Евг. Религиозно-философское издательство «Путь» (1910–1919 гг.) // Вопросы философии (М.). 1994. № 4. С. 132, 154, 162.

²⁶ Александра Никитична Макарова — искусствовед, библиотекарка Ленинградского государственного университета, из старообрядцев, была участницей иосифлянства (см.: Борис Пастернак (1890–1960) [...]. С. 73–74). Елена Михайловна Сосновская (1903–?) — пианистка, педагог, ученица М. В. Юдиной (см. о ней: Борис Пастернак (1890–1960) [...]. С. 73, 75).

²⁷ Вл. Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807–1867) — епископ Кавказский и Черноморский.

28. Вячеслав Клавдиевич Завалишин (псевдоним Озеров, 1915–1995) — литературный и художественный критик, поэт, переводчик, с 1951 г. жил в США. См. о нем: Синкевич В. Вячеслав Завалишин (1915–1995) // Встречи: Альманах-ежегодник. 1995. Филадельфия, [1995]. С. 19.

²⁹ Книга Филиппова «Кресты и перекрестки: Рассказы и очерки» (в несколько ином составе) вышла в издании автора в Мюнхене в 1957 г. Некоторые из перечисленных текстов вошли также в сборник рассказов Филиппова «Музыкальная шкатулка». До этого Филиппов выступал с чтением этих рассказов перед публикой (см.: [Б. п.]. В Менхегофском отделении Объединения российских писателей и журналистов Зарубежья // Посев (Лимбург). 1947. 21 декабря. № 34 (83). С. 12 (это информация о чтениях 30 ноября и 7 декабря 1947 г.)) и публиковал их в периодике (см., например: Филиппов Б. Монастырь // Грани. № 9. 1950). Александр Федорович Керенский (1881–1970) — политик, юрист, историк, автор мемуаров. См. о нем у Филиппова: Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 270–271.

³⁰ Александр Николаевич Егунов (псевдоним Котлин, около 1905 — ?) — поэт, прозаик, капитан дальнего плавания, по образованию инженер-механик, младший брат поэта, прозаика, переводчика и филолога-эллиниста А. Н. Егунова (псевдоним Николев), в 1933 г. выпустил в издательстве писателей в Ленинграде повесть «Верхний мостик» (1932), по обвинению в контрреволюционной пропаганде отбывал, как и Филиппов, пятилетний срок заключения в Ухто-Печорских концентрационных лагерях, затем жил в Новгороде, во время войны участвовал там в религиозно-философском кружке, потом был

вывезен в Германию, по окончании войны печатался в «Гранях» (см.: № 2; 3. 1946), «Соотечественнике» (1946. См. отклик: Филиппов Б. О старой поговорке // Посев (Лимбург). 1947. 22 июня. № 8 (57). С. 9), был насильно репатрирован и осужден (см.: Филиппов Борис. Русская потаенная муза 1920—1960 гг. // Советская потаенная муза: Из стихов советских поэтов, написанных не для печати / Под ред. Бориса Филиппова. Мюнхен, 1961. С. 8; Филиппов Борис. Статья о литературе. С. 56; Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. С. 215—217). Некоторые из стихов Котлина были опубликованы Филипповым в периодической печати, полностью его книга «Флаг в море» появилась в альманахе «Советская потаенная муза» (см.: С. 41—86). Котлину посвящено стихотворение Филиппова «Отплыл в седые кудри морей...» (1942) (см.: Филиппов Борис. Бремя времени: Стихи 1942—1961. [München; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1961. С. 16).

³¹ О И. В. Елагине см. коммент. I—39.

³² Александр Николаевич Неймирок (псевдонимы Немиров, Ниголин, 1911—1973) — поэт, литературный критик, журналист, в эмиграции был с 1920 г. Печатался в «Гранях», «Посеве» и др. периодических изданиях. См. о нем: Синкевич В. Из зарубежного поэтического наследия // Встречи. 1994. Филадельфия, [1994]. С. 151—152; а также: Филиппов Б. О старой поговорке // Указ. источник. С. 9.

³³ Валентин Иннокентьевич Анненский (псевдоним Кривич, 1880—1936) — поэт, сын И. Ф. Анненского. Два его стихотворения («Домовой» и «Глаза портретов строги-строги...») впоследствии были опубликованы в альманахе «Советская потаенная муза» (см.: С. 11—16). Вдова Кривича Е. А. и дочь Е. В. Анненские во время войны были вывезены в Германию, впоследствии репатрированы (см.: Голлербах Сергей. Мой дом: Воспоминания и эссе. Париж: [Альбатрос], 1994. С. 53). Они, видимо, и были источником названных текстов.

³⁴ Андрей Козин — один из псевдонимов Филиппова (см. коммент. III—16).

³⁵ Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин (псевдоним Волошин, 1877—1932) — поэт, график, литературный и художественный критик. См. о нем у Филиппова: [Филиппов Б.]. Стихи поэта-мученика: Максимилиан Волошин. Пути России. Стихотворения. Под редакцией Вяч.Завалишина. «Эхо», 1946. Цена (?): [Рец.] // Посев (Лимбург). 1947. 25 мая. № 4 (53). С. 10 (подп.: Ф. Б-в); Филиппов Борис. Поэт скорбной радости: (К 70-летию со дня рождения Максимилиана Николаевича [sic. — Коммент.] Волошина 28 мая 1877 года) // Там же. 1 июня. № 5 (54). С. 9—10; Филиппов Борис. Максимилиан Волошин: Поэт контрастов и мятежей: К столетию со дня рождения и сорокапятилетию со дня смерти (16-V-1877—11-VIII-1932) // Вестник Русского христианского движения (Париж). № 120. 1977. [Вып.] I. С. 183—209; и др. Стихотворный триптих Волошина «Китеж» (1919) был опубликован в одесском журнале «Объединение» (1920. № 5), затем неоднократно перепечатан в эмигрантской прессе (см.: Волошин Максимилиан. Китеж // Русская книга (Берлин). 1921. Март. № 3. С. 16) и во 2-м сборнике альманаха «Родная земля» (Н.-Й., 1921).

³⁶ Всеволод Александрович Рождественский (1895—1977) — поэт, литературный критик, автор мемуаров. Его стихотворение «Странники, бродяги и прохожие...» (из цикла «Китеж») впоследствии было опубликовано (за подписью В. Р.) в альманахе «Советская потаенная муза» (см.: С. 25—28). Впервые опубликовано (с посвящением В. И. Кривичу): Рождественский Всеволод. Китеж // Записки Передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской (Пг.). 1923. 8 мая. № 56. С. 3.

³⁷ Книга стихов «Град Невидимый» (1942), по утверждению Филиппова, была выпущена в Риге в 1944 г. Обнаружить ее не удалось. Позднее поэма вошла в сборник: Филиппов Борис. За тридцать лет: Стихи: Избранное: 1941—1971. [N.Y.; на титульном листе указан Вашингтон]: [Изд. автора], 1971.

³⁸ Вероятно, псевдоним Филиппова, См. его позднейшую книгу «Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе» ([Париж]: [La Presse Libre], 1973; Изд. 2-е, пересмотр. и доп. [Мюнхен]: [La Presse Libre], 1974; воспроизв.: Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 316—384).

³⁹ См. о Мандельштаме у Филиппова: Струве Глеб, Филиппов Борис. О рецензии Георгия Иванова на «Собрание сочинений» Осипа Мандельштама: (Письмо в редакцию) // Новый журнал (Н.-Й.). Кн. 45. 1956. [Июнь]. С. 296—300; Струве Глеб, Филиппов Борис. От редакторов // Мандельштам Осип. Собрание сочинений: В 3-х тт. / Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1. Изд. 2-е, доп. и пересмотр. [München]: Международное литературное содружество, 1967. С. LXXXIII—LXXXV (воспроизв.: М.: Терра, 1991); Филиппов Борис. Проза Мандельштама // Там же. Т. 2. [München]: Международное литературное содружество, 1971. С. I—XVIII (воспроизв.: М.: Терра, 1991); Филиппов Б. Большая книга // Русская мысль (Париж). 1971. 14 января; и др.

⁴⁰ Александр С. Парфенов (псевдоним Светов, ? — не ранее 1950) — журналист, публицист, поэт, литературный критик, с 1920 по 1931 г. жил в Ленинграде, затем в Москве и др., во время войны эмигрировал, после был редактором «Информационного бюллетеня» в лагере Менхегоф, печатался в «Гранях» (см.: № 2. 1946; № 3. 1947; № 13. 1951. [Июль-сентябрь]. С. 105; № 16. 1952. [Октябрь-декабрь]. С. 176—177), до августа 1947 г. был главным редактором еженедельника «Посев», входил в правление Объединения российских зарубежных писателей и журналистов, был председателем Менхегофского (Кассель) отделения этого объединения (см.: Светов А., Трибун С., Филиппов Б. К съезду писателей и журналистов // Посев (Лимбург). 1947. 18 мая. № 3 (52). С. 1; [Парфенов А.]. В Объединении российских писателей и журналистов // Там же. 29 июня. № 9 (58). С. 11 (подп.: А. С.), в августе 1947 г. выехал в Марокко (см.: Редакция. От редакции «Посева» // Посев (Лимбург). 1947. 31 августа. № 18 (67). С. 11). Впоследствии (с апреля 1949 г. по июль 1950 г.) был представителем издательства «Посев» в Касабланке (Марокко). См. о нем: [Б. п.]. Издательство «Посев» // Указ. источник. С. 13.

⁴¹ Николай Васильевич Гоголь (1809—1852) — прозаик, драматург, публицист. См. о нем у Филиппова: Филиппов Борис. «Горьким смехом моим посмеюся» // Посев (Лимбург). 1949. 3 апреля. № 14

(149). С. 12—13; Филиппов Борис. Вокруг Гоголя: Вереница цитат и размышлений // [Паламарчук Петр]. «Ключ» к Гоголю: Опыт художественного чтения / Вступит. статья Бориса Филиппова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1985 (подп.: В. Д. Носов). С. 5—24; и др. О Ф. М. Достоевском см. коммент. I—104. У Филиппова о нем см.: Филиппов Борис. Не мир, но меч: Заметки о Достоевском // Возрождение (Париж). № 235. 1971. Сентябрь. С. 66—85; воспроизв.: Филиппов Борис. Живое прошлое. [Вып.] II. С. 5—24; Филиппов Борис. Статьи о литературе. С. 5—24; Ф. М. Достоевский: 1881—1900—1981: [Сборник] / [Сост. Б. Филиппов]. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1981. С. 9—30. В 1946 г. в Касселе Филиппов издал «Записки из подполья» Достоевского, со своим предисловием. Об А. А. Блоке см. коммент. I—58. О В. В. Розанове см. коммент. I—69. См. о нем у Филиппова: Филиппов Борис. Мысли нараспаху. [Вып.] 2. С. 83—87. Федор Кузьмич Тетерников (псевдоним Сологуб, 1863—1927) — прозаик, поэт, переводчик.

⁴² Сергей Александрович Левицкий (1909—1985) — философ, историк философии. До войны жил в Чехословакии, с 1945 г. — в Германии, с 1949 г. — в США (см.: [Б. п.]. С. А. Левицкий, Ю. Иссако и Владимир Марков переехали в США // Посев (Лимбург). 1949. 13 ноября. № 46 (181). С. 7). После войны сотрудничал в журналах «Посев», «Грани» и др. периодических изданиях. См. о нем: [Б. п.]. С. А. Левицкий // Мосты. [Вып.] 1. С. 422; На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь профессора Н.С. Тимашева. Н.-Й.: Общество друзей русской культуры, 1965. С. 423. Трактат Левицкого «Гносеология самопознания» был опубликован позднее. См.: Грани. № 25. 1955.

⁴³ Мать Филиппова — Лидия Андреевна Филистинская (? — не позднее 1973), по профессии зубной врач. «Тетка» — имеется в виду Н. С. Благовещенская (см. коммент. III—2).

⁴⁴ Андрей Андреевич Власов (1901—1946) — военачальник, политик, с января 1942 г. был генерал-лейтенантом Красной армии, с марта командовал 2-й ударной армией Ленинградского фронта, в июле был взят немцами в плен, после организовал и возглавил Русскую освободительную армию.

⁴⁵ Карл Маркс (1818—1883) — социолог, публицист, философ. Владимир Ильич Ульянов (псевдоним Ленин, 1870—1924) — советский административный и партийный деятель, социолог, публицист, философ, в эмиграции был с 1900 по 1917 гг. О И. В. Сталине см. коммент. I—41. Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) и Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — философы, историки философии, публицисты, до революции принимали участие в издательстве «Путь» (см. коммент. III—25), в эмиграции жили с 1922 г. Штернер — контаминация имен немецких философов Рудольфа Штейнера (1861—1925) и Каспара Шмидта (псевдоним Макс Штирнер, 1806—1856).

⁴⁶ Борис Иванович Николаевский (1887—1966) — историк, общественный деятель, с 1919 по 1921 гг. был директором историко-революционного архива в Москве, в 1922 г. был выслан за границу, до 1931 г. оставался научным корреспондентом Института Маркса и Энгельса в Москве, с 1949 г. возглавлял антикоммунистическую Лигу

борьбы за народную свободу. См. о нем: В. З. Лига борьбы // Посев (Лимбург). 1949. 3 апреля. № 14 (149). С. 5; В. З. «Лига борьбы за народную свободу» // Там же. 1 мая. № 18 (153). С. 7, 10; В. З. На пути к международной солидарности: Митинг свободы в Нью-Йорке // Там же. 22 мая. № 21 (156). С. 2; Николаевский Б. Письмо в редакцию // Там же. 1950. 6 августа. № 32 (219). С. 12; Гуль Роман. Б. И. Николаевский: [Некролог] // Новый журнал (Н.-Й.). Кн. 83. 1966. [Июнь]. С. 282–287; Филиппов Борис. Мысли нараспашку. [Вып.] 2. С. 340–343. Давид Юльевич Левин (псевдоним Далин, 1889–1962) — политолог, публицист. См. о нем: [Гуль Р.]. Д. Ю. Далин: [Некролог] // Новый журнал (Н.-Й.). Кн. 67. 1962. [Март]. С. 269–270 (подп.: Р. Г.). Эванджелиста Торричелли (1608–1647) — итальянский математик и физик, создатель барометра. «Торричеллиева пустота» — термин в физике, обозначающий вакуумное пространство, образуемое атмосферным давлением в заполненной чем-либо емкости.

⁴⁷ Михаил Федорович (1596–1645) — царь с 1613 г., первый из династии Романовых. Был избран Земским собором. См. подробное изложение популярных в эмиграции в 1940-х гг. политических идей, связанных с именем царя Михаила Федоровича: Солоневич Иван. Народная монархия. М.: Феникс, 1991.

⁴⁸ О. Адриан (Адриан Адрианович Рымаренко) — впоследствии епископ Андрей Рокландский. Окончил экономическое отделение петроградского Политехнического института, в 1921 г. в Ромнах Полтавской губернии был рукоположен в священники, после служил в Киеве, в эмиграции был с 1943 г., служил настоятелем берлинского кафедрального собора, в 1949 г. переехал в США, в 1951 г. организовал Ново-Дивеевский Успенский женский монастырь в Спринг-Вэлли (США) и стал его руководителем и духовником, в 1959 г. был возведен в сан протопресвитера, в 1968 г. принял монашество, был хиротонисан во епископа с наречением Андреем и стал викарным епископом нью-йоркской епархии с титулом епископа Рокландского и с оставлением руководителем ново-дивеевского монастыря. См. о нем: Филарет, митрополит; Никон [(Греве А.)], архиепископ. Благословенная грамота Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Новое русское слово (Н.-Й.). Vol. LVI. 1966. 9 октября. № 19571. С. 3; Киселев Александр, протоиерей. В честь преосвященного юбиляра // Там же. Vol. LXI. 1971. 9 октября. № 22397. С. 3; Сергеев А. Святая Русь: К пятидесятилетию священнослужения епископа Андрея (Рымаренко) // Там же. 10 октября. № 22398. С. 7; Толстая Александра. Божеское дело // Там же.

⁴⁹ Народно-Трудовой Союз российских солидаристов — общественно-политическая антикоммунистическая организация, возникла в эмиграции в 1930 г. как Национальный Союз русской молодежи. Впоследствии именовалась Национально-Трудовым Союзом нового поколения. В 1944 г. НТС был разгромлен гестапо, после чего наступил перерыв в его деятельности. По окончании войны союзная организация была восстановлена, летом 1946 г. ее руководящий совет принял на своем съезде Программу НТС, которая была опубликована весной 1948 г. (см.: [Б. п.]. Программа Национально-Трудового Союза (российских солидаристов) // Посев (Лимбург). 1948. 28 марта. № 13 (96).

Приложение. С. 1–20) и затем издана брошюрой. См. об истории НТС подробнее в статьях Я. А. Трушновича «К истории Народно-Трудового Союза» (Посев (Франкфурт-на-Майне). 1990. № 1–6; 1991. № 1–3, 6; 1992. № 1, 3, 5).

⁵⁰ Николай Федорович Федоров (1828–1903) — философ. См. о нем у Филиппова в рассказе «Разговор по поводу и без повода» (1946): Филиппов Борис. Музыкальная шкатулка. С. 91–94.

⁵¹ Иван Павлович Шатов — персонаж романа Достоевского «Бесы» (1871–1872). «Атеист не может быть русским» — цитата из этого романа (ч. 2, гл. 1, эп. VII).

⁵² О. Митрофан (Зноско-Боровский) — богослов, публицист, педагог, после войны жил в Германии, с 1948 г. в Марокко (см.: Ар. Отъезд о. Митрофана Зноско // Посев (Лимбург). 1948. 5 сентября. № 36 (119). С. 12), затем в США. Преподавал в Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилл).

⁵³ «Современные записки» — ежемесячный литературный и общественно-политический журнал, издававшийся в Париже с 1920 по 1940 гг. (вышло 70 номеров). «Числа» — сборники литературы, искусства и философии, издававшиеся в Париже с 1930 по 1934 гг. (вышло 10 номеров). См.: Литературное обозрение (М.). 1996. [№] 2 (254). С. 3–90. Органы Бердяева — сборник статей «София» (Берлин, 1922) и журнал «Путь», «орган русской религиозной мысли при Религиозно-философской академии», издававшийся в Париже под редакцией Бердяева с 1925 по 1940 гг. (вышел 61 номер). «Новый град» — журнал, издававшийся в Париже с 1931 по 1939 гг. (вышло 14 номеров). См.: Варшавский В. Перечитывая «Новый Град» // Мосты. [Вып.] 11. С. 267–285. Органы евразийцев — вероятно, имеются в виду неперидическое издание «Евразийский временник» (София, Берлин, Париж; с 1921 по 1927 г. вышло пять книг), журнал «Евразийская хроника» (Берлин, Париж; с 1925 по 1935 г. вышло двенадцать выпусков) и неперидический «Евразийский сборник» (Прага). Отдельные номера перечисленных изданий имелись в ленинградской библиотеке Филиппова до его ареста в 1936 г. См.: Филиппов Борис. Музыкальная шкатулка. С. 40; Филиппов Борис. Полустанки. С. 11.

⁵⁴ Александр Николаевич Сколацкий (псевдоним Вергинский, 1889–1957) — эстрадный певец, актер, поэт, композитор, автор мемуаров, в эмиграции жил с 1919 по 1943 гг.

⁵⁵ О «Посеве» см. коммент. II–36. Филиппов активно печатался в еженедельнике «Посев» до своего отъезда в США. Его публикации имели, в основном, историко-культурный характер (статьи, посвященные В. Г. Бенедиктову, Д. В. Веневитинову, П. А. Вяземскому, Н. А. Клюеву, Н. В. Кукольникову, В. Ф. Одоевскому, Я. П. Полонскому, А. С. Пушкину, Ф. И. Тютчеву, Н. М. Языкову и др.). «Эхо» — газета, выходившая в Регенсбурге с 1946 по 1949 гг. См. о ней подробнее: Редакция «Посев». Газета «Эхо» прекратила издание // Посев (Лимбург). 1949. 18 декабря. № 51 (186). С. 12 («Все усиливающийся разъезд наших соотечественников из Германии и одновременное возрастание, в связи с этим, финансовых трудностей издания всякого печатного органа на русском языке — заставили прекратить издание одной из газет, выходившей в Германии, — газеты “Эхо”».

9 декабря вышел последний (136) номер [газеты] "Эхо". Больше 3-х лет (первый номер вышел 25 мая 1946 г.[ода]) "Эхо" являлось рупором российской эмиграции, ее органом связи. Более трех лет "Эхо" служило российским эмигрантам, "поддерживая в их сердцах пламя непримиримости и волю к борьбе против большевистской тирании" ("Эхо"). / Успешная работа газеты — само существование ее в условиях послевоенной Германии — были бы немислимы без жертвенности, которую проявляли те, кто создавал ее, и все сотрудники. / Успех был обеспечен, прежде всего, благодаря самоотверженной работе ее первого издателя, ныне покойного, К. А. Кирия, издателя и ответственного редактора Б. В. Прянишникова, последнего издателя и ответственного редактора М. Н. Николаева-Залевского. / Б. В. Прянишников, стоявший во главе газеты два года, был первым редактором и нашего еженедельника — в один из самых тяжелых для российской зарубежной прессы период[ов]. / Редакция и сотрудники газеты "Эхо", несмотря на ее закрытие, имеют возможность и в дальнейшем отдавать свои силы делу, которому они служили: они вошли в состав сотрудников нашего еженедельника, образовав филиал его редакции». То же название имело издательство при газете «Эхо», — им был выпущен литературный сборник, под редакцией Р. Менского (в нем участвовали: И. В. Елагин, А. Н. Неймирок, О. Н. Анстей (Матвеева), Г. А. Хомяков (Андреев), В. Ф. Марков и др. См. рецензию: Иссако Ю. Литературный сборник: «Эхо», Регенсбург, 1948 г.: [Рец.] // Посев (Лимбург). 1948. 8 августа. № 32 (115). С. 14–15), и несколько авторских книг: «Пути России» Волошина, «Стихи» Маркова, «Дороги и встречи» Неймирока (см. рецензию: [Филиппов Б.]. Книга полезная и нужная: А. Немиров. Дороги и встречи. «Эхо», 1947. Стр. 63 + 1. Цена 8 марок: [Рец.] // Посев (Лимбург). 1947. 14 декабря. № 33 (82). С. 10 (подп.: С. Петров)), сборник «Американские новеллы» (см. рецензию: Иссако Ю. Американские новеллы: Сборник. Перевод В. Маркова. Изд-во «Эхо». 1948: [Рец.] // Посев (Лимбург). 1948. 12 сентября. № 37 (120). С. 10). Современник отмечал, что «небольшие книжечки», изданные «Эхом», «страдают некоторой неряшливостью оформления, но весьма интересны по содержанию» (Читатель. Несколько слов об издательской деятельности // Посев (Лимбург). 1947. 18 мая. № 3 (52). С. 11).

⁵⁶ Алексей Ивановский — прозаик. См. о нем: Филиппов Борис. Всплывшее в памяти. С. 266–267. Возможно, ему принадлежит авторство изданной в 1946 г. в Мюнхене брошюры «Знание и жизнь: О совершенной и бесконечной Свободе» (автор А. А. Ивановский). Также имеются в виду вышедшие к тому времени две книги стихов Елагина: «По дороге оттуда» (München, 1947. См. отклики: Неймирок А. Стихи подлинного поэта: Иван Елагин. «По дороге оттуда». Стихи. Мюнхен, 1947. Стр. ... [sic. — *Коммент.*] Цена не указана: [Рец.] // Посев (Лимбург). 1947. 3 августа. № 14 (63). С. 10–11; Филиппов Б. О старой поговорке // Указ. источник. С. 9) и «Ты, мое столетие» (München, 1948. См. рецензию: Иссако Ю. Иван Елагин. Ты, мое столетие. Стихи. Мюнхен, 1948 г. Стр. 48. Цена 6 марок: [Рец.] // Посев (Лимбург). 1948. 4 июля. № 27 (110). С. 13). Кроме того, вскоре у Елагина вышла в свет третья книга: Елагин Иван. Портрет мадмуазель Таржи: Комедия-шутка в трех картинах. Мюнхен, 1949.

⁵⁷ О «Днях русской культуры», регулярно проводившихся во Франкфурте-на-Майне, см. подробнее: Б-ский А. День русской культуры во Франкфурте // Посев (Лимбург). 1947. 7 сентября. № 19 (68). С. 11; [Б. п.]. День русской культуры // Там же. 1950. 19 августа. № 34а [(221а)]. С. 1.

⁵⁸ Еккл. 1 : 2.

⁵⁹ Альфред Розенберг (1893—1946) — немецкий административный и политический деятель, публицист, автор расовой теории нацистов и идеолог их «восточной политики».

Письма Б. Д. и Е. Г. Григорьевых к Е. И. и Л. Н. Замятиным

из собрания Бахметевского архива

Вступительная статья

И. А. Доронченкова (С.-Петербург),

публикация и комментарии

И. А. Доронченкова и М. Ю. Любимовой

С.-Петербург

Публикуемые письма представляют собой фрагмент переписки между семьями Бориса Григорьева и Евгения Замятина. Их дружба зародилась в революционном Петрограде, когда в 1917–1919 годах писатель и художник жили бок о бок в доме № 19 по ул. Широкой (ныне ул. Ленина). Подробную историю их взаимоотношений можно восстановить лишь после сведения воедино основного корпуса переписки — письма Б. Д. Григорьева к Е. И. Замятину хранятся в Рукописном отделе Института мировой литературы им. М. Горького РАН в Москве (ф. 47, оп. 3, № 67), замятинские письма Григорьеву принадлежат Ренэ Герра (Париж).

Можно быть уверенным, что дружба литератора и художника проистекала не только из взаимной симпатии, но была основана на творческом родстве — параллели между замятинской прозой и живописью Григорьева очевидны и были в свое время осознаны самим писателем. Во всяком случае, мир образов Григорьева, его изобразительная поэтика находят не меньшие соответствия в творчестве Замятина, чем, к примеру, Россия Кустодиева — воплощенный сон Обломова эпохи пароходства «Кавказ и Меркурий».

Если в 1921 году Замятин, стремясь выявить «синтетические» тенденции современного творчества, ведущие к преодолению как описательного реализма, так и самодовлеющего эксперимента в искусстве, лишь назвал Григорьева в числе живописцев, тяготеющих к «неореализму»¹, то уже через некоторое время он прямо утверждал: «... из нынешних русских художников нет ни одного, искусство которого было бы мне ближе, чем искусство Бориса Григорьева. Я узнал в его линиях, лицах, красках, формах, приемах, свое. Не зная друг друга, в одном и том же оркестре, одну и ту же партитуру мы играли на разных инструментах: один инструмент — карандаш и кисть, другой — слово»².

Известность пришла к Григорьеву накануне революции, благодаря таким работам, как цикл виртуозных рисунков о быте парижских борделей «Intimité» (1918)³. Рисовальщик воссоздавал узнаваемый образ вызывающе бесстыдной обыденности — недостижимую и загадочную *famme fatale* декаданса сменила полураздетая девка на несвежих простынях, ягодицы которой выразительнее ее лица. Линия Григорьева кокетливо-жестко очерчивала характерное, оформляла плоть, создавала иллюзию объема, и в то же время жила сама собой — ласкала, раздражала, тревожила осязающий рисунок взгляд. Она сама, а не пикантный сюжет, становилась источником чувственности григорьевских композиций — не мягкой или пряной, а острой, резкой и при этом обыденно прозаической — почти механической в своем воздействии. Кажется, о подобной чувственности говорил Шамфор, чей афоризм Михаил Кузмин преобразил в стихотворные строки: «...И щекочет эпидерму нежно / То, что называется любовь». Специфическая поэзия, извлеченная из прозы пола, прозы блуда, увиденных сторонним взглядом анализирующего графика, была по достоинству оценена искушенными современниками⁴ и, естественно, не могла оставить равнодушным Замятина.

Но подлинным событием стал цикл живописных и графических работ Григорьева «Расея», создававшийся в течение нескольких лет и показанный фрагментарно на выставках «Мира искусства» в 1917—1918 г. и Первой государственной свободной выставке 1919 года⁵. Замятин не мог не увидеть в образах «Расеи» и поэтике художника черты, близкие его собственному творчеству. Кажется, что описание главного героя «Уездного» относится не только к персонажам «Расеи», но к серии как таковой: «Да и весь-то Барыба какой-то широкий, громоздкий, громыхающий, весь из жестких прямых углов. Но так одно к одному пригнано, что из нескладных кусков как будто и лад какой-то выходит: и дикий, может, и страшный, а все же лад».

Для Замятина, как и для многих современников, образы Григорьева наполнились символическим, но в то же время злободневным смыслом: «Григорьев — синтез Запада и России. Петербургский, петровский».

— Его искусство — новая Россия (хороша она или плоха — но она будет новой). Сделанная Петром немецкая прививка — теперь, на наших глазах, повторена. По корявому крепкому русскому стволу еще течет густой красный сок из глазка, прорезанного для прививки...

— Я помню однажды Блок (это было по поводу «Двенадцати») сказал мне: «Ненавидящая любовь (к России) — это самое правильное определение». И вот то же горькое питье у Григорьева: только любви у него гораздо меньше; чем было у Блока, оттого его григорьевское питье — горькое, холодное, отравленное⁶.

В изображении «народного человека» григорьевская «Расея» находится между крайними полюсами — передвижниками с их повествовательностью, детализацией, социально-этической тенденциозностью, и крестьянами Наталии Гончаровой, чьи лица выразительны, как лики степных каменных баб, но настолько же лишены индивидуальности. Вместе с тем, цикл Григорьева может быть воспринят и как полемика — возможно, неосознанная, с такими современными ему

произведениями, как «На Руси» М. В. Нестерова (1915–1916), воплощающем принципиально иную — соборно-христианскую — концепцию народа.

Не уверен, что полотна Григорьева понравились бы его деревенским персонажам. Но их успех у публики был безусловен, хотя и далеко не безоговорочен. Дело не только в том, что цикл появился вовремя — он показал облик той страны, которая зашевелилась под европеизированной оболочкой. С картин и рисунков художника на интеллигентного зрителя едва ли не впервые взглянула Россия, где не ощущается присутствие интеллигенции, государства, цивилизации. Благородные или «себе на уме» мужики Крамского, репинские бурлаки были увиденны именно глазами интеллигента, иными словами, сами побуждения живописца, изображающего народ, оказывались побуждениями либерального или оппозиционного зрителя — окрасить сочувствием босяков, разглядеть пытливую мысль в прищуре глаз и достоинство в осанке мужика. Здесь же перед завсегдаемым выставок, городским человеком появилась «другая» страна, «другой» русский мужик — самодостаточные и органичные.

Но причина успеха «Расеи», мне кажется, коренилась не в оригинальности взгляда. Произведения Григорьева демонстрировали амбивалентную стихию народной жизни, архаичной, устрашающей, и вместе с тем справедливой именно своей заскоружлой мощью, чреватой сразу и безжалостным убийством, и самоотверженным подвигом. Такая правда о крестьянской России была известна русской литературе со времен «Капитанской дочки» или «Дубровского», но созерцателю полотен Григорьева более естественно вспоминались имена Ремизова, Блока, Клюева и Замятина. Не случайно по поводу «Расеи» у Григорьева однажды состоялся знаменательный разговор с неким «английским снобом». Англичанин отметил «лишенное мысли выражение» лиц его персонажей. Григорьев возразил строками «Двенадцати»: «Все они думают: Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем»⁷.

Собственно, ничего принципиально нового, по сравнению со словесностью, в содержательной стороне концепции Григорьева не было. Он словно материализовал предчувствия образованного сознания, искушавшего народную толщу: «В диком краю и убогом / Много таких мужиков. / Слышен по вашим дорогам / Радостный гул их шагов». Новой была беспощадная и несколько нарочитая наглядность, с которой художник представил своих героев — крупные корявые лица, застылостью своей напоминающие задумчивые коровьи и козьи морды, нередко маячащие на задних планах. Головы крестьян помещены на фоне открытых пространств — деревенских полей, оврагов, усадеб — лишенных классического благообразия, но эпически мощных и легко узнаваемых. Притязания на создание обобщенного, эпического образа были осознанными — так написана, к примеру, более поздняя картина со знаменательным названием «Дитя мира» («Weltkind» — портрет сына художника, 1920).

Передвижники практиковали своего рода «риторику сочувствия» — концентрация на обыденном, уродливом или характерном предполагала в то же время исходное представление о благообразии,

о гармонии — более этической или социальной, нежели эстетической. У Григорьева она сменилась специфической «риторикой безобразия» — его лица не столько буквально, «фотографически» воспроизводят реальное уродство, сколько — сознательно создаваемой асимметрией, акцентированием брутальных деталей — овеществляют представление о народной и природной стихии, где действуют свои, «незвукладовы» законы гармонии. В этом смысле живописно-графический цикл Григорьева может быть понят как иллюстрация — не к конкретному произведению, но к определенному «тексту» русской литературы 1910-х годов, включающему имена от Бунина до Ремизова, в числе «авторов» которого Замятин занимает последнее место. В этой специфической иллюстративной природе произведений Григорьева — одна из причин их успеха у литераторов, в частности, у Замятина, успеха, столь едко описанного Милашевским: «До чего же этот Замятин не похож всем своим дифференциальным и интегральным видом на развесистое, расстегнутое, запущенное — «Уездное»!

Потом уже узнал: любит живопись, интересуется новинками этого искусства. Восхищен, упоен, заполнен без остатка Борисом Григорьевым!

Ни Веласкесы, ни Веронезе, ни Вуверманы... Вермеры... Да, конечно, о Бенуа, Сомове, Серебряковой с улыбочкой... Прошлое, искусство... Давно ушедшие сладости... Петров-Водкин?... Ну, как уж... совсем без эротики... без «сливок», — сухие опилки, а не еда!

А Борис Григорьев — вся современность! Сегодняшний день! ... А вот «Расся» — это да! Новое слово в искусстве!

Как такому «однолюбю» показывать свои вещи?!... С такими «влюбленными» живопись погибнуть может.

Эх! Не везет в России с писателями!»⁸

Конечно, для создания такого рода «иллюстрации» нужен был специфический дар Григорьева, аналитический подход графика, сторонний взгляд, тренированный в парижских мастерских и на городских бульварах. Не случайно, надо полагать, и возникающее в статьях критиков уподобление Григорьева иностранцу или, как у Николая Радлова, отравленному Парижем русаку, вернувшемуся домой «в несколько утрированной тоске по загранице и в несколько утрированном костюме»⁹. Такие сравнения вызывают в памяти замятинское прозвище «англичанин», небезотносительное к его рационализированной поэтике.

В начале тридцатых годов, когда были написаны публикуемые письма, Борис Григорьев переживал трудные времена — он лишился поддержки заказчиков и надежды на то, что произведения, подобные монументальным «Ликам мира», встретят достойное внимание зрителей. В конце 1930 г. он предполагал продать виллу «Бориселла» в поселке Кань-сюр-Мер на Лазурном берегу, столь любовно описанную Григорьевыми в посланиях к Замятиным. С попыткой преодолеть психологический и материальный кризис были связаны, в частности, охарактеризованное в письме от 4 апреля 1932 г. пребывание в Праге, несостоявшийся проект белградского вояжа и последующие поездки в США и Латинскую Америку. Отношения приятелей, однако, не были

безоблачны. К примеру, 2 сентября 1932 г. Григорьев писал своему пражскому знакомому: «В такое трудное время, кроме всего, меня по-советски «уплотнили» Замятины, заняли мой дом...

Мы в них разочаровались окончательно. Слава Богу, кажется, устроились в Синема где-то. Ничего не говорят даже нам... Хотя все случилось через нас же. Вот, толстая кожа!»¹⁰. Впрочем, полное представление об отношениях двух русских художников, может быть создано лишь на основе нового материала, который сообщит им реальную сложность и многосторонность.

Письма Б. Д. и Е. Г. Григорьевых к Е. И. и Л. Н. Замятиным принадлежат Бахметевскому архиву русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет (Нью-Йорк). Фонд Е. И. Замятина, коробка 1.

Примечания

¹ См.: Замятин Е. О синтетизме // Юрий Анненков. Портреты. Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. Пб., 1922. С. 19–40.

² Замятин Е. Борис Григорьев. Публ. М. Ю. Любимовой // Всемирное слово. 1996. № 9. С. 70. Текст впервые опубликован А. Н. Тюриным: Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 178. С. 166–167.

³ Григорьев Б. Intimité. Пг., 1918.

⁴ Ср.: Воинов В. Новый этап реализма // Там же.

⁵ См.: Галеева Т. Борис Григорьев. М., 1995. С. 29 и далее.

⁶ Е. Замятин. Борис Григорьев. С. 70.

⁷ См.: Stommels S.-A. [with J. A. M. Lemmens]. Boris Dmitrevich Grigoriev. A Biography. Nijmegen, 1993. P. 56.

⁸ Милашевский В. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 158.

⁹ Радлов Н. Э. От Репина до Григорьева: Статьи о русских художниках. Пб., 1923. С. 51.

¹⁰ Письмо Б. Д. Григорьева Франтишеку Кубке от 2 сентября 1932 г. // Památník národního písemnictví (Praha). Literární archiv. Arne Laurin, Č. 412. s. 109.

I

3. XII <19>31

Дорогие Людмила Николаевна и Евгений Иванович,

С тех пор, как прочитала в «Посл<едних> нов<остях>»: Е. И. Замятин в Риге — я в лихорадке и никакие аспирины и хины не помогают¹. Приезжайте скорей, иначе изведу в лихорадке. Для Людм<илы> Ник<олаевны> приготовлен chaise-longue² под апельсиновым деревом, а для Евг<ения> Ив<ановича> — громадный письменный стол Louis XIV, затем приготовлены солнце, аромат цветов и воздух Côte d'Azur'³. —

Не удивляйтесь и не разочаровывайтесь, что ловите вместо жирных окуней — лягушек, уж очень сейчас «болотное время», но это скоро пройдет.

Потому Бор<ис> Дм<итриевич> и поселился здесь, как на пустынном острове, живем и не знаем, что делается кругом, даже газет как-то неохота читать. Не знаем, в каком месяце, в каком числе живем, а между тем в 15 минутах от нас (на автобусе) — Ницца, которая уже готовится к карнавалу, а в 20 минутах в другую сторону знаменитый Juan les Pius, современный Вавилон, где проповедают — нудитизм и пижамизм, куда съезжаются ежелетно все «звезды» мира. — Но мы редко окунаемся в эту жизнь, живем совершенно изолированно и избегаем какое-либо общество. Друзья нас навещают нередко и им мы всегда очень рады. Итак: туалетов здесь никаких не надо, только теплую вязаную фуфайку для зимы, а для лета — купальный костюм, потому — не тратьте деньги и не покупайте сейчас ничего, ибо вся Европа и Америка делает чистку и ремонт в своих деньгах, которые во время войны потеряли свою настоящую цену, надо ждать пока монеты достигнут довоенной ценности и товары будут стоить соответственно. Это все ожидается в скором будущем, а пока что берите фуфайку и купальный костюм и приезжайте в Cagnes, грейтесь на солнце и гуляйте в горах. — Всюду уже холода и зима, а я каждый день от 10 утра до 2 часов сижу с голыми ногами и плечами на солнце рядом с обезьянкой и с каждым днем загораю все больше⁴. После захода солнца делается холодно, но пока что топим только кухню и, конечно, без пальто выходим в сад — значит, уж не так холодно. В Ницце многие ещекупаются. Мы находимся в двух километрах от моря, но, так как живем на вышке, то его видать из нашего сада.

Вокруг домика у нас губки — и они еще зелены и не потеряли листву.

Не стройте себе иллюзию насчет нашей «Villa» Borisella, это не роскошная вилла, а маленький домик roustique (геревенский) в стиле всего Cagnes, но он расположен чудесно — это нам говорят все: солнца много зимой, а летом много тени. О дне приезда сообщите обязательно, иначе придется долго искать, мы Вас встретим в Antibes. Ну не могу больше: лихорадка.

Пишите хотя бы чаще, пока вы еще находитесь в болотах...

Пока что обнимаю и целую вас крепко обоих. —

Ваша Е. Григорьева.

II

<3. XII. 1931>

Дорогие Замятины, наконец-то! Ну поздравляем Вас от всего сердца, если только Вы еще не разочаровались в Европе! Думаю, что Ваш въезд опаздывает — вот уже третий год кризис сломил жизнь Европы и Америки до того, что и не узнаешь.

Как все было легко и как все стало трудно!

Поверьте, что уж гораздо труднее всего пережитого. Чувствую себя стариком, как перед смертью и особенно радуюсь Вашему приезду. Много хочется от Вас узнать. И только Вам поверю. Мы никогда не забывали о Вас, но вот эта «китайская стена» — нельзя было писать Вам лишнего, а это лишнее и было самым главным в переписке.

Долго ли еще останетесь в Берлине? Я желаю Вам всяких удач, но знайте, что каждая даже малость сейчас в делах кажется чудом. А удачи — дело прошлого.

Сейчас ничто и никто не поможет вернуть то, что было — только время, а оно — тянется лениво, как у больного руки, пройдут еще годы, а мы все — гойдем до последней черты...

Настоящее счастье в том, что живем у себя, солнце, запахи вербены, гелиотропа, сосны — все это растет у нас в саду: апельсины уже созревают, цветы цветут, растет морковь, летают голуби. Море, горы, прогулки и работа. Вам здесь будет хорошо. Напишите день и час приезда Вашего, выйдем навстречу. Если из Парижа будете брать поезд, то в Antibes у Вас будет пересадка, где мы Вас будем встречать, чтобы поехать в Cagnes-s<ur>-mer (четверть часа, но скорый поезд не останавливается у нас).

В «Последних новостях» мы читали о Вас и все ждали от Вас письма. Сейчас оно получено. Это большая радость. Приезжайте прямо к нам, нигде не устраиваясь, если надо будет, мы Вас лучше устроим, зная здесь каждый камень. Итак ждем.

Обнимаю Вас обоих как родных.

Ваш Борис Григорьев

III

10 XII <1>931

Дорогие Замятины, чем больше думаю о Вас, тем труднее мне писать Вам. Вспомнилась картина; лет двенадцать тому назад: ночью, в какой-то лачуге, у шумного моря — одна женщина взяла в руки голову другой и стала целовать в глаза,

в слезы, а сама тоже в слезах. Людмилочка ли Николаевна то была, или жена моя, уж не помню. Но стали мне с той поры, обе русские женщины дороже всего мира!

Ужасно гавно все это произошло. Для честного человека, это было в другой жизни, и когда многие «метеки»⁵ ездили за «китайскую стену» и возвращались; я считал этих людей хвостатыми негодями, хотя бы они и назывались Прокофьевым...⁶

Но при одной мысли, чтобы «туда» уехать, у меня гелаются блаженные судороги, увидеть, только еще раз увидеть свое и забыть хоть на минутку чужое.

Это чужое становится более и более чужим и чуждым. Нельзя выговорить, до чего обидно тут быть, все это видеть и ничего не мочь. И надоело быть ничтожеством. От шовинизма латинских циркачей тошнит гавно; от англо-саксов всегда тошнило по другим причинам — безвкусица. Америка была! И как она скоро сгорела! Сейчас не узнать — конечно все, все! Приезжайте сюда поскорее, Вы тут отдохнете. Ничего не будет: ни славы, ни денег — все это теперь пойдет «метекам». Чем лучше ты — тем хуже для тебя. Если у Вас выйдут дела с театром, скажите, что я буду Вашим декоратором⁷, поставьте это условие, вдвоем лучше сработаем да и заработаем — я ведь стал очень опытен. Может быть, в Америку уедем вместе, но гуюмаю, что еще рано туда⁸.

О Париже лучше не гуюмайте — это могила.

Неужели не приедете к Рождеству? А после я и сам наверное уеду, возможно — в Белград. Приезжайте же,

Ваш гушевно БГ

IV

10.XII. <19>31

Милая моя Людмила Николаевна, Вы не представляете себе, как Ваши письма нас волнуют и с каким нетерпением ожидаем вашего приезда. Это целое событие в нашей жизни, ведь когда мы тосковали по родине, то половина этой тоски была по вас, теперь значит осталась только одна половинка тоски и это во всяком случае — терпимо. — Очень-очень жалко, что не приедете к Новому году, конечно, нужно было сначала отдохнуть, а потом со спокойными нервами решать все дела, но я вас не хочу уговаривать, ибо Евг<ений> Ив<анович> сам все знает. Жалко тоже, что листья у дубков опадут и сад наш не будет такой уютный, но это, конечно — все пустяки. Всегда, когда долго не видишь, то начинаешь

говорить сначала о пустяках... Этим летом мы увиделись после 3 лет — впервые с Волковыми (помните, они жили тоже на Карповке, там где вы⁹). Волковы были здесь недели три, мы виделись через день, говорили все четверо зараз — и только, когда они снова уехали, я вспомнила, что что-то главного и не сказала и не спросила (живут они всегда в Германии). — Хочу Вам только сказать, милая Людмила Николаевна, не стройте себе слишком иллюзии о нашем «рае» и вообще о Ривьере — ведь иллюзия всегда прекраснее истины, и очень неприятны всякие разочарования. Помните, что и здесь бывают холодные дни, которые даже более ощутимы, нежели на севере, бывают дожди, да такие мокрые, что сделал 20 шагов — вы до ниточки промокнете, а хуже всего, когда гуляют знаменитые «мистраль» (это не тот известный поэт «Мистраль»¹⁰, а ледящий северный ветер, который в Марселе нередко в 5 минут столько беды натворит, что и вообразить трудно). Я этих мистралей или «сирок<к>о» (горячий африканский ветер) — очень не люблю, даже боюсь. — Я вам нарочно пишу сейчас о неприятных сторонах нашего края, чтобы ваше разочарование было бы не слишком неприятно. — Ну, а так как Вы уступаете chaise longue Евг<ению> Ивановичу для отдыха, то мы для Вас вытащили другой из сарайчика, а апельсины мы не снимаем с деревьев до тех пор, пока вы не приедете...

Вы спрашиваете, где Кирилл?¹¹ Милая моя, да где же он может быть, как не с нами, а я с ним никогда не расставалась, потому я ни разу не попала в New York, всегда оставалась с Кириллом в Париже, а в Чили, т<о> е<сть> в Юж<ую> Америку мы уже поехали втроем. Собственно из-за Кирилла мы уже вторую зиму живем здесь в Cagnes (а в Париж только наезжаем на пару недель), потому что он учится в Ницце в лицее и я не хочу снова менять школу. Он каждое утро едет в Ниццу и только вечером возвращается, потому мы целыми днями вдвоем с Бор<исом> Дм<итриевичем> — нервы наши очень поправились, живя здесь, спим, как боги, я совсем больше не страдаю бессонницей, положим, что встаю очень рано и вожусь целый день в саду и по хозяйству, вечерами так устаю, что сплю как убитая! — Вот я Вам пишу, а чувствую, что это все не то, просто слезы в горле, хочется Вас обнять и поцеловать скорее, а тут жди еще неизвестно сколько месяцев. Приготовили ли Ваши франц<узские> визы? Думайте об этом вовремя, французы очень тянут с визами. Нам отсюда трудно что-нибудь предпринять, ибо далеки от Парижа, а там нужно всюду самому бывать. Кроме того, у вас советские паспорта, а мы — эмигранты — это два разных лагеря, вам

легче достать, чем нам, эмигрантам, ибо эмигранты — безработные, и французы боятся, что от них работу отнимешь, и неохотно дают визы, вы же, у которых есть родина, куда вы можете всегда вернуться — не опасны для безработных. —

Напишите скорее снова, и, главное, какие у вас планы и когда, когда вас можно ожидать в Antibes¹². Конечно скорее было бы и короче ехать прямо из Берлина сюда. —

Целую Вас крепко и жгу с нетерпением. Привет Евг<ению> Ив<ановичу>.

Ваша Е. Григорьева.

V

Среда 24. II. 32

Дорогой Евгений Иванович, кончила *Nous Autres*¹³. Читала последние главы в саду. Когда закрыла книгу, мне казалось, что я проснулась от тяжелого кошмарного сна, с радостью посмотрела кругом: солнце, голуби, море, нет кошмарной «зеленой стены», нет Добродетеля, нет стеклянного (какой ужас), нет этого жуткого *S* позади меня.

Перечитала еще раз некоторые главы, перечитала еще раз начало, и что-то стало меня мучить и будоражить. Сделалось тоскливо и грустно, хотелось плакать без конца.

Евгений Иванович, Ваша книга замечательная, потрясающая, рядом с чудовищной фантазией выведена злая сатира на правду и с такой силой, что захватывает читателя целиком... и сколько тоски, безысходной тоски... Вы большой художник, Ваши образы врезаются в память навсегда: «розовые крылышки», *vrilles, la pomme d'Adam, qui ressemblait a un ressort de divan sortant de la tapisserie...*¹⁴. Как все метко.

Я Вам так благодарна, что прислали мне эту книгу, она меня захватила целиком, хочется с кем-нибудь поговорить о ней, о многом расспросить, но я все одна-одна и не только одна, одинока, как никто...

*La raison doit vaincre*¹⁵ — Ваша последняя фраза — да, вот этим самым разумом я живу, я должна жить уже многие годы — все остальное стоптано, зарыто и забыто; и вот, прочитав Вашу книгу — я плачу о том зарытом.

*Rien que la raison*¹⁶, завтра снова возьмусь в руки и за работу, все равно какую! Но сегодняшний день был моим днем, хоть и грустным, но моим и потому еще раз спасибо.

Ваш любящий и преданный друг

Э. Григорьева.

У<тро> пятница

Вчера встретила Л<югмилу> Н<иколаевну> — я бесконечно рада. Л<югмила> Н<иколаевна> Вам кланяется.

Э. Г.

VI

Praha 4 IV <1>932

Мой милый хороший друг Евгений, не сердись что не писал до сих пор — я лежал десять дней в кровати и до сих пор еще раздавлен славянским воздухом. Что же там — дальше?... Какой ужас, как все забыто, как все во мне переменялось. А я глумал, что Огненная земля и окрестности какой-нибудь Филадельфии и есть луна! Нет, все лучше того, что называется славяницей — как безвкусен этот народ — вот, что уж вовсе непереносно — безвкусица! и еще — грубость.

О тебе всюду говорят и хорошо на все сто-сотых, так и надо; гдую, что я здесь не понравился. Был везде, водил всех и теперь только от меня зависит чтобы сделать Массарика; он оказался очень доступен и на него стоит очередь у художников¹⁷. Мне это не нравится и я ломаюсь чтобы его начать. Однако, может случиться, что я здесь задержусь еще на десяток дней. Тянет ужасно во Францию. Теперь я уж, наверное, натурализуюсь и очень скоро, французом. Я только одного еще не знал, забытого славянского воздуха — сейчас у меня уже ничего не осталось, кроме Франции. Знаю, это на все сто-сотых. Кончено с Россией. Так надо. Когда-нибудь попадем с тобою в New-York, сам поймешь, что не востоку жить, а западу.

Лучше всех — Кубка¹⁸, милый, умный, добрый. Хорош сын Массарика, испанский посол Agramonte, жена датского посла — красавица и Карлов мост с чайками. Но ты все сам знаешь.

Дела мои на выставке очень плохи. Есть надежды продать мои огромные работы: «Лику России» и «Лику мира»¹⁹ — тогда будет совсем хорошо. Только сегодня узнал, что ты живешь в моей мансардочке, очень рад этому; там хорошо весною, когда не надо топить печку. Надеюсь, что моя консьержка за тобой ухаживает хорошо, и mes chers Barthelemy — тоже. Кланяйся им от меня и непременно т-те Monier, это клад, а не консьержка.

Очевидно, мы с тобою вместе попадем на Borisella, вижу, что ты ушел в дела. Да, сейчас очень все трудно. Ничего подобного я еще не видел в моей жизни, не знаю даже, чем и как бороться против мертвечины в людях.

Однако, вылезем как-нибудь и дернем снова в Америку. Меня опять зовут в Чили, хотя там купить мне fundo²⁰ ибо

не могут выслать гонимыми, а должны много, грузья там умножились и зовут открыть мою Академию²¹. А я люблю только New-York. Бюджет у нас с тобою много времени погумать о наших судьбах на Vorisell'e. Однако, я згесь всем говорю, что тебя больше не отдам большевикам, даже на побывку не отдам. Папоушки²² все очень забавные, вся тройка, но душа к ним не лежит. Тебя все згесь очень любят. Музей купил три мои вещи, да еще две продал — вот и все пока.

Очень счастлив узнать от Е<лизаветы> Г<еоргиевны>, что Л<юдмила> Н<иколаевна> такая необыкновенная и чуткая женщина, с которою быть вместе и легко и приятно. Это очень ценно, ибо Е<лизавета> Г<еоргиевна> очень стала нервной и даже сложной...

Как рад, что Вы оба приехали и будете с нами еще долго. Обнимаю тебя Евгений и желаю много удач в милом и единственном Париже.

Тв<ой> Борис Г.

VII

11. III. <19>37

Мила Николаевна, нет у меня слов, чтобы высказать Вам всю мою тоску. Всю ночь гумала о Вас. Единственное — утешительное — то, что Евгению Ивановичу сейчас хорошо, он больше не страдает, кончились его мытарства²³. —

Не могу писать, хочется что-то сделать и не знаю что.

Родная, помните всегда, что у нас Вы найдете всегда приют, ласку и любовь. —

Я так была бы благодарна, если бы Даманская²⁴ милая, написала бы мне все и почему такая быстрая смерть.

Обнимаю Вас, плачу с Вами.

Е. Григорьева.

Дорогая наша Людмила Николаевна, вместе с Вами чувствую себя осиротевшим, ни о чем другом не могу думать, как о Вас и о нашем дорогом Замятине. Сожалею, что не можем быть около Вас в Париже. Еще хочется сказать Вам, что мы оба готовы разделить с Вами до последней капли нашей крови и если бы Вы захотели приехать к нам, то нашли бы в нашем доме верных грузей. Мир Евгению Ивановичу! И вечная ему память как человеку и художнику.

С глубоким прискорбием Ваш

Борис Григорьев.

Примечания

¹ Замятин покинул Россию в ноябре 1931 г. Сообщение о пребывании писателя в Риге парижская газета «Последние новости» поместила 21 ноября. В начале февраля 1932 г. Замятин приехал во Францию.

² шезлонг (фр.).

³ Лазурного берега (фр.).

⁴ «...декорации нижеследующие: горизонт справа — Альпы, в голубой дали; горизонт слева — море ..., перед носом — цветы, на дереве — как будто так и надо — болтаются апельсины, и возле стола, за которым я пишу, возится обезьянка, напяливши жестяную коробку на голову» (Е. И. Замятин — К. А. Федину. 14 апреля 1932 г. // Лит. учеба. 1990. № 2. С. 83).

⁵ Meteque (фр.). — чужак. В древней Греции метеки — чужестранцы, постоянно жившие в городе, но лишённые прав его коренных обитателей.

⁶ Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891—1953) с 1918 по 1933 г. жил в США, Германии, Франции, но в 1927, 1929, 1932 г. посещал СССР с концертами.

⁷ В это время Замятин вел переговоры о постановках своих пьес (в том числе «Блохи») в Пражских театрах при посредничестве переводчика Вацлава Кёнига. См. письмо В. Кёнига Е. И. Замятину от 18 января 1932 г. // Бахметевский архив. Фонд Е. И. Замятина.

⁸ В 1923—26 г. Григорьев несколько раз посетил США, где с успехом проходили его персональные выставки. В 1935 г. преподавал в Нью-Йорке, затем, в 1936 г., отправился в Латинскую Америку (см. прим. 22). Замятин несколько раз предполагал поехать в США, в частности, в связи с возможной работой над кинофильмами, однако эти планы не осуществились.

⁹ В конце 1918 года Замятин поселился на набережной реки Карповки, д. 19, кв. 4. Виктор Яковлевич Волков — инженер, до революции — представитель Русского общества «Всеобщая компания электричества».

¹⁰ Фредерик Мистраль (Mistral; 1830—1914) — провансальский поэт, один из создателей литературного провансальского языка, лауреат Нобелевской премии 1904 года.

¹¹ Сын Григорьевых.

¹² В 1932 г. Замятины жили в Cagnes sur Mer дважды — в апреле и в августе.

¹³ Отдельное французское издание романа «Мы»: Nous autres / Trad. V. Cauvet-Duhamel. Paris: Librairie Gallimard. [1929].

¹⁴ ... буравчики, яблоко Адама, похожее на пружину, торчащую сквозь обивку дивана (фр.).

¹⁵ «...разум должен победить.» — последние слова романа «Мы».

¹⁶ ничто как разум (фр.).

¹⁷ Томаш Гарриг Масарик (Masaryk; 1850—1937) — в 1918—35 г. президент Чехословакии, активно поддерживал русскую эмиграцию.

¹⁸ Франтишек Кубка (Kubka; 1894—1969) — чешский писатель, критик, переводчик, сотрудник газеты «Prager Press», в которой он поместил ряд статей о Замятине (1926, 17 октября; 1931, 31 декабря).

¹⁹ «Лики России» (*Visages de Russie*, 1921) — большое (2х2,5 м) полотно, в котором сведены воедино различные образы и мотивы серии «Расея». Сейчас в коллекции М. Ростроповича и Г. Вишневецкой в Париже; «Лики мира. 1920—1931» (*Visages du Monde*, 1931) — композиция на семи пластинках (общий размер 2,5х5,2 м), смонтированных наподобие ширмы или складного алтаря, в которой сочетаются, главным образом, персонажи предшествующих российских и французских произведений (главным образом, из т. н. «бретонского» цикла). Художник придавал особое значение этому произведению, рассматривая его как своего рода итог творчества. Приобретена пражской Национальной галереей.

²⁰ *fundo (исп.)* — земельное владение.

²¹ Летом 1928 года Григорьев приехал в Чили, где должен был провести несколько лет, работая по контракту профессором Академии художеств. Однако уже в феврале 1929 г., после того, как смена правительств привела к расторжению приглашения, он вместе с семьей отправился в Аргентину, Уругвай, Бразилию, а затем возвратился во Францию. В 1936 г. художник снова побывал в Латинской Америке, в том числе, в Чили.

²² Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова (1891—1978) — литературовед, переводчица и популяризатор русской литературы и ее муж, историк и публицист Ярослав Папоушек (1890—1945). Н. Ф. Мельникова-Папоушкова вела переговоры с чешскими театрами о постановке пьес Замятина. Замятин доверил ей вести свои издательские дела в ряде европейских стран (см. письмо Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой от 31 января 1928 г. // ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 140). В 1931 г., когда Замятин приехал в Прагу, она опубликовала ряд статей и интервью с писателем в чехословацких газетах и в дальнейшем оказывала ему разнообразную поддержку. Вероятно, Григорьев познакомился с семьей Папоушека через Замятина.

²³ Е. И. Замятин умер в Париже 10 марта 1937 года.

²⁴ Августа Филипповна Даманская (1875—1959) — поэтесса и прозаик, драматург, литературный критик, журналистка и переводчица. См. подробнее вступительную статью О. Р. Демидовой к мемуарам А. Ф. Даманской «На экране моей памяти» (Лица. Биогр. альманах. 7. М., 1996. С. 112—119). Даманская была дружна с Е. И. и Л. Н. Замятиными. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Е. И. Замятина жене от 22 сентября 1918 г. из Лебедяни (Искусство Ленинграда. 1990. № 10. С. 95). После бегства из России в 1920 г. поддерживала с Замятиными переписку и была в числе немногочисленных друзей его семьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

---

*А. Ю. Галушкин
Москва*

Материалы к библиографии Е. И. Замятина

Публикуемая ниже библиография охватывает почти 50 лет — со дня кончины Е. И. Замятина в Париже в 1937-м и до 1985 года, предшествовавшего «второму рождению» писателя на родине (которое, кстати, и произошло недалеко от места первого, когда в 1986 г. в воронежском Центрально-черноземном издательстве вышел томик избранных замятинских сочинений). Третья, заключительная часть библиографии, посвященная десятилетнему периоду от «возвращения» Замятина до 1995 г., печатается в сборнике «Евгений Замятин: Материалы Второй Международной конференции, Лозанна, 1–2 декабря 1995 г.»; первая часть (прижизненная библиография) также готовится в настоящее время к публикации.

Представленные материалы естественно отражают тот своеобразный «дуализм» в изучении и публикации наследия Замятина, который господствовал в 1937–1985 гг.: один полюс представляла эмигрантская критика и (в меньшей мере) зарубежная славистика, другой — советская академическая наука. И, если сделанное на первом полюсе еще предстоит и описать, и оценить, то, кажется, библиографирование сегодня советских публикаций этих лет является уже вполне «соцартовской» акцией.

Сознавая это, я, тем не менее, пытался с максимальной полнотой зафиксировать все более или менее значимые упоминания Замятина в «научной» литературе того времени. И двигали мною не только общие соображения о «восстановлении исторической правды» и (гораздо в меньшей степени) историко-научное значение описываемых материалов. Формы, в которых существовало наследие Замятина в СССР, мне кажется, представляют достаточно интересный социально-психологический и культурологический материал. Чего стоят хотя бы две статьи из лебедянской газеты «Путь Октября» (1970 и 1984 гг.), ставшие подлинными памятниками райко-

мовского невежества (последняя, например, была опубликована к 100-летию со дня рождения Замятина и самые отрицательные характеристики опального писателя сводились к следующему: «Все увиденное в России в первые годы после Октябрьской революции ошеломило Е. И. Замятина. Вспомним то время. Вместе с русской буржуазией за границу эмигрировали и некоторые работники искусства, писатели, но в числе их не был Евгений Замятин. ... Вскоре Е. И. Замятин пишет ряд талантливых книг: "Пещера", "Церковь Божия", "Мамай", роман "Мы", фантастически представляющих будущее России, наполненных пессимизмом, на что ему справедливо указывали прогрессивные советские критики, и в их числе самый выдающийся критик Александр Константинович Воронский .... Несмотря на некоторые отрицательные моменты в творчестве, Е. И. Замятин был большим художником слова: его книги есть и в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина ...»).

К сожалению, библиографирование материалов русскоязычных зарубежных изданий было существенно затруднено почти полным отсутствием некоторых изданий (в первую очередь — 1940—1950-х гг.) в российских библиотеках. И я буду благодарен всем, кто найдет возможность дополнить настоящую работу. В свою очередь, я с большим удовольствием упоминаю своих зарубежных коллег — Алекса Шейна и Райнера Гольдта, в монографиях которых представлены наиболее полные из опубликованных сегодня библиографий Е. И. Замятина (Shane A. *The Life and works by Evgenij Zamjatin*. Berkeley; Los Angeles, 1968; Goldt R. *Thermodynamik als Textem: Der Entropiesatz als poetologische Chiffre bei E. I. Zamjatin*. Mainz, 1995); материалы их трудов были включены в настоящую работу.

* * *

Работа над библиографией Е. И. Замятина, как и моя работа в предыдущем номере "RS", осуществлена при поддержке: Research Support Scheme of the Open Society Institute / Higher Education Support Programme, 1996, RSS № 168/1996.

1. Сочинения Е. И. Замятина

1.1. Книги

Бич божий. — Париж: Дом книги, [1939]. — 125 с. — Содерж.: Бич божий: Роман; Рассказы: Часы; Лев; Десятиминутная драма; Встреча. — Вышла в мае 1929 г.

Мы: Роман / Предисл. В. Александровой. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. — 200 с.

Лица / Предисл. от изд. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. — 284 с. Библиогр.: С. 283–284. — Содерж.: Александр Блок; Федор Сологуб; Чехов; Леонид Андреев; Встречи с Б. М. Кустодиевым; *Андрей Белый; М. Горький; Анатолий Франс; Герберт Уэллс; Генеалогическое дерево Уэллса; О'Генри; Ричард Бринсли Шеридан; *Завтра; *Цель; Я боюсь; Новая русская проза; О сегодняшнем и современном; О синтетизме; О литературе, революции, энтропии; *Для сборника о книге; Закулисы; *Письмо Сталину.

Большая часть из вошедших в книгу статей при жизни Е. И. Замятина публиковалась под другими названиями. Отмеченные астериском статьи впервые на русском языке появились в этом издании.

Повести и рассказы / Предисл. от изд.; Вступ. ст. М. Слонима. — Мюнхен: ЦОПЭ, 1963. — 320 с. — Библиогр.: С. 319–320. — Содерж.: Автобиография [1929]; Уездное; Сподручница грешных; Север; Ловец человеков; Пещера, Мамай, Русь; Рассказ о самом главном; Икс; Наводнение; Лев; Встреча; Бич божий.

Мы: Роман. [2-е изд.]/Вступит. ст. Е. Жиглевич; Послесл. В. Бондаренко. — New York: Межд. лит. содружество, 1967. — 223 с.

Лица. [2-е изд.] / Вступит. ст. М. Корякова; Послесл. В. Бондаренко. — New York: Межд. лит. содружество, 1967. — 321 с. — Библиогр.: С. 309–310. — Содерж.: Александр Блок; Федор Сологуб; Чехов; Леонид Андреев; Встречи с Б. М. Кустодиевым; Андрей Белый; М. Горький; Анатолий Франс; Герберт Уэллс; Генеалогическое дерево Уэллса; О'Генри; Ричард Бринсли Шеридан; Завтра; Цель; Я боюсь; Новая русская проза; О сегодняшнем и современном; О синтетизме; О литературе, революции, энтропии; Для сборника о книге; Закулисы; Письмо Сталину.

Повести и рассказы / Introd. by D. J. Richards; Предисл. М. Слонима. — Letchworth: Prideaux presse, 1969. — (Rarity reprint. 5). — Содерж.: Автобиография [1929]; Уездное; Сподручница грешных; Север; Ловец человеков; Пещера; Мамай; Русь; Рассказ о самом главном; Икс; Наводнение; Лев; Встреча; Бич божий.

Сочинения = Samjatin J. Werke / Ред. Е. Жиглевич; Вступ. ст. А. Кашина. — München: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1970. — Т. 1. — 496 с. — Содерж.: Автобиография [1929]; Повести и рассказы: Уездное; Апрель; Непутевый; Чрево; Три дня; Алатырь; На куличках; Старшина; Кряжи; Письменно; Африка; Правда истинная; Глаза; Островитяне; Ловец человеков; Землемер; Знамение; Сподручница грешных; Север; Дет-

ская; Мамай; Пещера; Чудеса: О том, как исцелен был инок Эразм; О чуде, происшедшем в Пепельную Среду; Сказки: Бог; Петр Петрович; Дьячок; Ангел Дормидон; Электричество; Картинки; Дрянь-мальчишка; Херувимы.

Огни Святого Доминика; Общество почетных звонарей / *Introd. by A. Shane. — Würzburg: Jal-Reprint, 1973. — (Analecta Slavica. Vol. 4). — XIII, 58, 91 с. — Факс. воспроизведение: Берлин, 1922; Л., 1926.*

Наводнение. — *Ann Arbor: Ardis, [1976]. — 67 с. — Факс. воспроизведение: Л., 1930.*

Уездное = Zamyatin E. A provincial tale. — *Leitchworth: Prideaux presse, 1978. — 58 с. — (Russian titles for the specialist. № 115).*

Г. Уэллс = Zamyatin E. H. G. Wells. — *Leitchworth: Prideaux presse, 1978. — 47 с. — (Russian titles for the specialist. № 139). — Факс. воспроизведение: Пб., 1922.*

Наводнение = Zamyatin E. The flood. — *Leitchworth: Prideaux presse, 1978. — 68 с. — (Russian titles for the specialist. № 157). — Факс. воспроизведение: Л., 1930.*

Нечестивые рассказы: [Репринт с изд.: М., 1927]. — *Ann Arbor: Ardis, 1978. — Факс. воспроизведение: М., 1927. — Содерж.: Рассказ о самом главном; Икс; Сподручница грешных; Русь; О том, как исцелен был отрок Эразм; О чуде, происшедшем в Пепельную Среду; Дьячек; Бог.*

Нечестивые рассказы = Zamyatin E. Impious tales. — *Leitchworth: Prideaux presse, 1979. — 179 с. — (Russian titles for the specialist. № 186). — Факс. воспроизведение: М., 1927. — Содерж.: Рассказ о самом главном; Икс; Сподручница грешных; Русь; О том, как исцелен был отрок Эразм; О чуде, происшедшем в Пепельную Среду; Дьячек; Бог.*

Островитяне: Повести, рассказы. — *Ann Arbor: Ardis, [1979]. — 260 с. — Факс. воспроизведение: Собр. соч. М., 1929. Т. 3: Островитяне. — Содерж.: Островитяне; Ловец человек; Землемер; Детская; Мамай; Пещера; Глаза; Рассказ о самом главном.*

Сочинения = Samjatin J. Werke. — *München: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1982. — Т. 2: Повести и рассказы. 1923–1935; Театр / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова; Вступ. зам. Б. Филиппова. — 524 с. — Содерж.: Повести и рассказы: Рассказ о самом главном; Русь; Мученики науки; Икс; Слово предоставляется товарищу Чурьину; Ела; Наводнение; Десятиминутная драма; Часы; Видение; Лев; Встреча; Бич божий; О моих женах, о ледоколах и о России; Театр:*

Огни св. Доминика; Общество Почетных Звонарей; Блоха; Атилла; Африканский гость; Приложение к «Блохе»: Постановочные материалы к пьесе «Блоха»; Шуточная миниатюра «Житие Блохи»: [Записанное Евгением Замятиным Житие Блохи от дня чудесного ее рождения и до дня прискорбной кончины, а также своеручно Б. М. Кустодиевым изображение многих происшествий и лиц]; Отрывок из книги Ю. Анненкова «Дневник моих встреч».

1.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках

1.2.1. Художественные произведения

Республикации (1946)

На куличках: [Фрагмент] // Нефелов К. С. Русская литература. — Прага, 1946. — С. 368.

Первые публикации (1950)

Атилла: Трагедия в 4-х д. [/ Публ. Л. Н. Замятиной] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1950. — Кн. 24. — С. 8–70.

Республикации (1956)

Наводнение // Грани. — München, 1956. — № 32 (октябрь-декабрь). — С. 71–89.

Первые публикации (1962)

Видение / Примеч. ред. // Мосты. — Мюнхен, 1962. — № 9. — С. 17–20.

Приветствие [В. Э. Мейерхольду] от Месткома покойных писателей // Грани. — München, 1962. — № 51. — С. 81. — В соавторстве с М. М. Зоценко.

Республикации (1962)

Ела // Грани. — München, 1962. — № 51. — С. 43–59.

Мученики науки // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1962. — Кн. 67 (март). — С. 12–25.

Первые публикации (1963)

Африканский гость: Невероятное происшествие в трех часах: [Пьеса] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1963. — Кн. 73. — С. 38–95.

Республикации (1966–1971)

Приветствие [В. Э. Мейерхольду] от Месткома покойных писателей // Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл тра-

гедий. — Нью-Йорк, 1966. — Т. 2. — С. 76–77. — В соавторстве с М. М. Зощенко. В составе очерка «Мейерхольд».

Послание смиренного Замуття, епископа обезьянского // Russian Language Journal. — 1971. — Vol. XXX. — № 90. — P. 8–14. — В составе ст.: Leech G. Забытый Замятин.

Первые публикации (1974)

К. Федин («О, путник! Здесь злодейство совершилось...»); М. Слонимский («Гордись, Серапионов народ!...»); М. Зощенко («Он мог Наполеоном стать...»); Н. Никитин («Прохожий, да побойся бога...»); И. Груздев («За добродетель он от бога награжден...»); Н. Тихонов («Рискованно сказать, человек...»); Е. Полонская («Плачьте все, стар и млад...»); [Шуточные эпиграммы] / Preface [публ.] and notes by G. Kern // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1974. — № 7. — P. 427–429. — Под загл.: Zamyatin's «Epitaphs».

Републикации (1975–1976)

Первая сказка про Фиту; Вторая сказка про Фиту; Третья сказка про Фиту; Последняя сказка про Фиту / Примеч. ред. // Вестник РХД. — Париж, 1976. — № 117. — С. 163–164; 165–166; 166–167; 167–169. — Под общим загл.: Сказки про Фиту. Датировано: 1922.

Первые публикации (1982)

Краткая история Всемирной литературы от основания и до сего дня / Публ. В. Троицкого [Зубарев Д. И.] // Память: Ист. сб. — Москва, 1981; Париж, 1982. — [Вып.] 5. — С. 287–314.

1.2.2. Статьи, рецензии, заметки, автобиографии, выступления, интервью, письма, дарственные надписи Первые публикации (1937–1966)

[Письмо И. В. Сталину: Фрагмент] // Современные записки. — Париж, 1937. — [Т.] LXIV. — С. 429–430. — В составе ст.: Ремизов А. Стоять — негасимую свечу памяти Евгения Ивановича Замятин. 1884–1937.

[Письмо И. В. Сталину: Фрагмент] // Русские записки. — Париж, 1939. — № XVI (апрель). — С. 105–106. — В составе ст.: Таманин Т. Е. И. Замятин.

О Горьком: [Фрагменты из очерка «М. Горький»] / Предисл. ред. // Новоселье. — Нью-Йорк, 1942. — № 1. — С. 39–49.

Встречи с Б. М. Кустодиевым // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1951. — Кн. 26. — С. 183–192.

[**Письмо Ю. П. Анненкову, 1921**] // Социалистический вестник. — Нью-Йорк, 1954. — № 6. — С. 118.

Современная русская литература: (Лекция, прочитанная 8 октября 1918 г. в Лебедянском народном университете); **Психология творчества:** [Лекция] // Грани. — München, 1956. — № 32. — С. 90–101; 102–106. — Датировка первой лекции не точна.

[**Письма Ю. П. Анненкову конца 1921 г.; В редакцию «Литературной газеты», 24 сентября 1929 г.; Ю. П. Анненкову, 30 сентября, 14 и 24 октября 1932 г., 6 ноября 1933 г. и середины 1935 г.**] // Грани. — München, 1962. — № 51. — С. 69–71, 82–84, 87–91. — В составе очерка: Анненков Ю. Евгений Замятин.

О моих женах, ледоколах и о России / Примеч. ред. // Мосты. — Мюнхен, 1962. — № 9. — С. 21–25.

Москва — Петербург / Примеч. ред. // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1963. — Кн. 72. — С. 115–137.

[**Письмо А. К. Воронскому, 20-е числа сентября 1922 г.: Фрагмент**] // Воронский А. К. Литературно-критические статьи. — М., 1963. — С. 31–32. — В ст.: Дементьев А. Г. А. Воронский — критик.

О сюжете и фабуле: [Лекция] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1964. — Кн. 75. — С. 148–156.

О языке: [Лекция] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1964. — Кн. 77. — С. 97–113.

[**Письмо Б. М. Кустодиеву, 22 ноября 1924 г.: Фрагмент**] // Лебедева В. Е. Борис Михайлович Кустодиев. — М., 1966. — С. 71.

[**Письма Л. Н. Лунцу, 13 ноября 1923 г., 1, 21 февраля и 7 мая 1924 г.**] / Публ. и коммент. Г. Керна // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1966. — Кн. 82. — С. 184–186; Кн. 83. — С. 158, 167–168, 176–177. — В составе публ.: Лев Лунц и «Серапионовы братья».

Републикации (1966)

[**Письма Ю. П. Анненкову конца 1921 г.; В редакцию «Литературной газеты», 24 сентября 1929 г.; Ю. П. Анненкову, 30 сентября, 14 и 24 октября 1932 г., 6 ноября 1933 г. и середины 1935 г.; О синтетизме**] // Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. — Нью-Йорк, 1966. — Т. 1. — С. 258–260, 270–273, 276–280. — В составе очерка «Евгений Замятин»; Т. 2. — С. 11–19.

Первые публикации (1967)

[Письмо В. П. Ключареву, 3 февраля 1924 г.; Письма А. Д. Дикому (13), 22 февраля 1924 г. — 25 января 1925 г.; Письма Б. М. Кустодиеву, 22 ноября 1924 г. и 29 января 1925 г.] / Публ., предисл. и коммент. М. Г. Козловой // Алексей Дикий: Статьи; Переписка; Воспоминания / Сост. и ред. Н. Г. Литвиненко и А. Г. Гулиев. — М., 1967. — С. 279–356. — Под общим загл.: Переписка с Е. И. Замятиным и Б. М. Кустодиевым по поводу спектакля «Блоха».

Републикации (1967–1970)

Я боюсь: [Фрагменты] // Зарубежье. — München, 1967. — № 4/5. — С. 21. — Под загл.: О судьбе русской литературы.

Презентисты; «Над пучиной» Энгеля; О служебном искусстве; Домашние и дикие; Они правы; Беседы еретика: 1. О червях // Wiener Slavistisches Jahrbuch. — Wienn, 1970. — Bd. 16. — S. 161–172. — В составе ст.: Lampl H. Einige unbekante Aufsätze Evgenij Zamjatin's.

Первые публикации (1972–1976)

[Автоинтервью / Предисл., публ. и примеч. А. Шейна] // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1972. — № 2. — P. 463–465. — Под загл.: Shane A. Evgeny Zamyatin's Auto-Interview.

Будущее театра / [Предисл., публ. и примеч. Г. Керна] // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1974. — № 7. — P. 431–436. Перевод статьи, впервые опубликованной на франц. яз. в 1932 г.

[Письма Л. Н. Замятиной, 7 июня 1928 г., 29 августа, 28 сентября и 24 октября 1929 г. и 29 января 1930 г.: Фрагменты] / [Предисл., публ. и] Notes by E. Proffer // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1974. — № 7. — P. 442–443. — Под общим загл.: Evgeny Zamyatin. Excerpts from Unpublished Letters to His Wife.

Републикации (1973)

Письмо Сталину // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1973. — Кн. 111. — С. 159–160. — В составе ст.: Милн Л. К биографии М. А. Булгакова.

[Письма Л. Н. Замятиной, 29 августа, 28 сентября и 24 октября 1929 г., 29 января, 11 февраля, 9 марта и 10 июня 1930 г.: Фрагменты] / Публ. Э. Проффер // Неизданный Булгаков: Тексты и материалы. — Ann Arbor, 1973. — № 7. — С. 25–27. — Под общим загл.: Е. И. Замятин. Письма к жене.

Первые публикации (1974–1975)

[Интервью Ф. Лефевру / Предисл. и публ. Х. Лампля] // Wiener Slavistisches Jahrbuch. — Wien, 1974. — Bd. 20. — S.185–189. — В составе ст.: Lampl H. Zamjatin's Interview-manuskript für Frédéric Lefèvre.

Перевод интервью, впервые опубликованного на фр. яз. в 1932 г.

Письма З. А. Шаховской, 11 декабря 1933 г., 16 и 30 мая 1934 г., 22 марта, 30 сентября и 1 октября 1935 г., а также одно недатированное письмо; Запись в альбоме З. А. Шаховской, 7 декабря 1933 г.] // Шаховская З. Отражения. — Paris, 1975. — С. 179–183; 278. — В составе очерка «Замятин». На с. 256–257 — факсимильное воспроизведение записи в альбоме.

Републикации (1975)

Цель: [Фрагменты] // Политический дневник. 1965–1970. — Амстердам: Фонд имени Герцена, 1975. — [Вып. 2]. — С. 49–52. — Под загл.: О статье писателя Е. Замятина «Цель».

Воспроизведено из № 7 самиздатовского журнала «Политический дневник» за апрель 1965 г.

Первые публикации (1976)

[Письма Л. Н. Замятиной, 29 января и 14 марта 1930 г.: Фрагменты] // Записки Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974. — Л., 1976. — С. 67. — В составе ст.: Тименчик Р., Лавров А. Материалы А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Републикации (1976–1977)

[Письмо В. П. Ключареву, 3 февраля 1924 г.; Письма А. Д. Дикому (13), 22 февраля 1924 г. — 25 января 1925 г.; Письма Б. М. Кустодиеву, 22 ноября 1924 г. и 29 января 1925 г.] / Публ., предисл. и коммент. М. Г. Козловой // Дикий А. Избранное / Сост. Н. Г. Литвиненко. — М., 1976. — С. 328–396. — Под общим загл.: Переписка с Е. И. Замятиним и Б. М. Кустодиевым по поводу спектакля «Блоха».

Первые публикации (1979–1980)

[Запись в альбоме К. И. Чуковского, 1 апреля 1919 г.; Письмо неуст. лицу, 17 октября 1920 г. В соавторстве с К. И. Чуковским; Шуточное стихотворение, 2 мая 1924 г.] // Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. — М., 1979. — С. 199, 256, 313.

Запись — в связи с юбилейным чествованием М. Горького; письмо — о вселении О. Э. Мандельштама в Дом искусств; стихотворение адресовано М. А. Волошину.

[Письмо К. И. Чуковскому, 8 августа 1921 г.: Фрагмент / Публ. Е. Ц. Чуковской] // Вопросы литературы. — 1980. — № 10. — С. 311. — В составе коммент. Е. Ц. Чуковской к публ.: Чуковский К. И. Из дневника. (1919–1921).

Впечатления от кончины А. А. Блока.

[Письмо С. А. Абрамову, 9 мая 1923 г.: Фрагмент] // Альманах библиофила. — М., 1980. — Вып. VIII. — С. 170. — В ст.: Рац М. С. А. Абрамов и его издательство «Творчество».

Републикации (1980–1984)

Воспоминания о Блоке // Памяти Александра Блока. — Лондон, 1980. — С. 80–93.

[Письмо К. И. Чуковскому, 8 августа 1921 г.: Фрагмент] // Александр Блок: Новые материалы и исследования. — М., 1981. — (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2). — С. 270. — В тексте коммент. Е. Ц. Чуковской к публ.: Письма Блока к К. И. Чуковскому и отрывки из дневника К. И. Чуковского.

Современная русская литература: (Вступительная лекция) / Примеч. ред. // Вестник РХД. — Париж, 1984. — № 141. — С. 147–163 — Под загл.: Лекции по технике художественной прозы: (Студия «Дома Искусств», 1920 год).

В примечании — сведения о первой (sic!) публикации лекций (по материалам архива вдовы).

О сюжете и фабуле // Вестник РХД. — Париж, 1984. — № 142. — С. 187–195. — Под загл.: Из неизданных лекций о художественной прозе.

Скифы ли? Елизавета Английская // Страна и мир. — Мюнхен, 1984. — № 5. — С. 84–93.

2. Литература о Е. И. Замятине

1937

Бем А. Письма о литературе: О Евг. Замятине // Меч. — Варшава, 1937. — 23 мая (№ 19). — С. 6. — Датировано: Прага, 20 апреля 1937 г.

В связи с кончиной. Общая характеристика творчества. Положение в эмиграции. Рассказы «Мамай» и «Пещера».

В. Вечер памяти Е. И. Замятина // Последние новости. — Париж, 1937. — 29 апреля (№ 5879). — С. 2.

Вступительное слово М. Л. Слонима. Выступления В. В. Набокова и И. А. Бунина с чтением произведений Е. И. Замятина, а также Марии

Рейнгардт. Воспоминания о Е. И. Замятине Дрю Ла Рошея и Ж. Ренуара.

Виноградов И. А. Борьба за стиль // Виноградов И. Борьба за стиль: Сб. ст. — Л., 1937. — С. 287.

Стилевые особенности романа «Мы» и др.

Волкововский Н. Е. И. Замятин в советской обстановке // Сегодня. — Рига, 1937. — 19 марта (№ 78). — С. 3.

Воспоминания о встречах в 1922 и 1931 гг. Арест и несостоявшаяся эмиграция Е. И. Замятина в 1922 г. Его положение в эмиграции.

Гулливер [Берберова Н. Н., Ходасевич В. Ф.]. Литературная летопись: О Замятине // Возрождение. — Париж, 1937. — 3 апреля (№ 4072). — С. 9.

Судьба Е. И. Замятина до эмиграции. Пьеса «Огни святого Доминика» и роман «Мы» (в основном — по материалам отзывов советской печати).

Даманская А. Смерть Е. И. Замятина: Письмо из Парижа // Сегодня. — Рига, 1937. — 14 марта (№ 73). — С. 3. — Датировано: Париж, 11 марта.

В связи с кончиной. Судьба его творческого наследия.

Мерич Арс. [Даманская А. Ф.]. Встречи с Е. И. Замятиным // Сегодня. — Рига, 1937. — 28 марта (№ 86). — С. 6.

Воспоминания о встречах в Петербурге в 1917—1919 гг. Литературно-педагогическая деятельность.

Осоргин М. Е. И. Замятин // Последние новости. — Париж, 1937. — 11 марта (№ 5830). — С. 2.

Очерк на основе автобиографии 1924 г.

Перцов В. Личность и социалистическое дело // Октябрь. — 1937. — № 5. — С. 241—242.

Рассказ «Пещера».

Перцов В. Этюды о современной литературе. — М., 1937. — С. 113—115, 116.

Рассказ «Пещера» и «Рассказ о самом главном».

Пильский П. Е. И. Замятин: Особенности творчества этого иронического писателя // Сегодня. — Рига, 1937. — 18 марта (№ 77). — С. 2.

Особенности творческой манеры (по материалам статьи в сборнике «Как мы пишем»).

Ремизов А. Стоять — негасимую свечу памяти Евгения Ивановича Замятина. (1884—1937) // Современные записки. — Париж, 1937. — [Т.] LXIV. — С. 424—430.

Воспоминания о встречах. Отзывы о произведениях: «Огни св. Доминика», «Мы», «Уездное», «На куличках», «Старшина», «Землемер», «Чрево», «Письменно», «Кряжи», «Наводнение», «Рассказ о самом главном», «Непутевый», «Мамай», «Блоха», «Атилла».

Сизиф [Адамович Г. В.] Отклики // Последние новости. — Париж, 1937. — 25 марта (№ 5844). — С. 3.

Мемуарные фрагменты о Е. И. Замятине периода преподавания в литературной студии Дома искусств.

Ю. М. [Мандельштам Ю. В.] Евгений Иванович Замятин // Возрождение. — Париж, 1937. — 20 марта (№ 4070). — С. 9.

[Б. п.]. Скончался Е. И. Замятин // Последние новости. — Париж, 1937. — 11 марта (№ 5830). — С. 1.

Информация о похоронах.

[Б. п.]. Е. И. Замятин о себе // Сегодня. — Рига, 1937. — 14 марта (№ 73). — С. 3.

Необозначенная перепечатка материала из газеты «Сегодня» 1931 г. Биографические сведения.

[Б. п.]. Похороны Е. И. Замятина: [Объявление] // Последние новости. — Париж, 1937. — 12 марта (№ 5831). — С. 3.

[Б. п.]. Похороны Е. И. Замятина // Последние новости. — Париж, 1937. — 13 марта (№ 5832). — С. 4.

Информация о похоронах и отпевании.

[Б. п.]. Скончался Е. И. Замятин // Меч. — Варшава, 1937. — 21 марта (№ 11). — С. 6.

Краткие биографические сведения в связи с кончиной.

1939

Б. «Бич божий»: [Рец. на кн.: Замятин Е. Бич божий. — Париж, 1939] // Грань. — Париж, 1939. — № 2. — С. 78–79.

Б.С. [Сосинский Б.Б. Рец. на кн.: Замятин Е. Бич божий. — Париж, 1939] // Русские записки. — Париж, 1939. — № 19. — С. 200–202.

Осоргин М. Евгений Иванович Замятин // Последние новости. — Париж, 1939. — 10 марта (№ 6556). — С. 3.

Очерк творчества.

Осоргин М. «Бич божий»: [Рец. на кн.: Замятин Е. Бич божий. — Париж, 1939] // Последние новости. — Париж, 1939. — 18 мая (№ 6625). — С. 3.

Пильский П. «Бич божий»: [Рец. на кн.: Замятин Е. Бич божий. — Париж, 1939] // Сегодня. — Рига, 1939. — (№ 186).

Таманин Т. [Манухина Т. И.] Е. И. Замятин // Русские записки. — Париж, 1939. — № 16. — С. 98–108.

К 2-летию со дня смерти. Очерк творчества. В частности — о позиции Е. И. Замятина в эмиграции.

[Слоним М. Л. ?]. Предисловие // Замятин Е. Бич божий. — Париж, [1939]. — С. 7–12.

Очерк жизни и творчества. Общественная и литературная позиция. Жизнь в эмиграции. Работа над пьесой «Атилла» и романом «Бич божий».

[Б. п.]. Панихида по Е. И. Замятину // Последние новости. — Париж, 1939. — 10 марта (№ 6556). — С. 3.

1941—1951

Федин К. Двадцатые годы: (Из книги «Горький среди нас») // Новый мир. — 1941. — № 6. — С. 27, 28, 44.

М. Горький о Е. И. Замятине. Е. И. Замятин на встрече с Г. Уэлсом.

[Б. п. Предисловие к фрагментам из очерка «М. Горький»]; **Александрова В.** Дальний Восток в художественной литературе // Новоселье. — Нью-Йорк, 1942. — № 1. — С. 39; 56.

Краткие биографические сведения; история создания статьи о М. Горьком. Повесть «На куличках».

Зоценко М. Перед восходом солнца: Повесть // Октябрь. — 1943. — № 6/7. — С. 83—84.

Встречи с Е. И. Замятиным в Доме искусств в 1920—1921 гг.

Федин К. Горький среди нас: Двадцатые годы. — [М., 1943]. — С. 44, 47, 97.

Ремизов А. Чудеса в решетке // Новоселье. — Нью-Йорк, 1945. — № 22/23. — С. 8.

Е. И. Замятин на вечере с А. Мазоном и др. в Париже.

Тхоржевский И. Русская литература. — Париж, 1946. — С. 563—566.

Нефелов К. С. Евгений Иванович Замятин: [Биогр. очерк] // Нефелов К. С. Русская литература. — Прага, 1946. — С. 366—368.

Плоткин Л. Проповедник безыдейности — М. Зоценко // Против безыдейности в литературе: Сб. ст. журнала «Звезда». — [Л.], 1947. — С. 90—92.

Е. И. Замятин как учитель М. М. Зоценко. Рассказы «Пещера» и «Мамай».

Струве Г. Человечество в 1984 году: Новый роман о тоталитаризме // Русская мысль. — Париж, 1949. — 24 июня (№ 148). — С. 4—5.

Роман Д. Оруэлла «1984» и «Мы».

Струве Г. Через 35 лет: Новая сатира на тоталитаризм // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1949. — 19 июля.

Роман Д. Оруэлла «1984» и «Мы».

Тхоржевский И. Русская литература. 2-е изд. — Париж, 1950. — С. 567—570.

[Б. п. Предисловие к пьесе «Атилла»] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1950. — Кн. 24. — С. 7—8.

Завалишин В. Заметки о советской литературе: 2. Новый облик советской сатиры // Возрождение. — Париж, 1951. — [№ 17] (сентябрь-октябрь). — С. 165—166. — Начало в № 14. Е. И. Замятин и М. М. Зощенко

Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. — Нью-Йорк, 1951. — С. 6, 27—28.

Арест Е. И. Замятина в 1919 г. Его судьба в Советской России. Цензурные преследования.

Ремизов А. Подстриженными глазами. — Париж, 1951. — С. 218—219.

Краткая характеристика Е. И. Замятина и отношения к нему М. Горького.

1952

Александрова В. Евгений Замятин: [Предисловие] // Замятин Е. Мы: Роман. — Нью-Йорк, 1952. — С. I-XIII.

Андреев Н. *Perpetuum mobile*: [Рец. на кн.: Замятин Е. Мы. — New York, 1952] // Грани. — München, 1952. — № 16. — С. 171—173.

Горький М. [Письмо В. Ф. Ходасевичу, 1 июля 1924 г.] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1952. — Кн. 31. — С. 194. — В составе публ.: Письма М. Горького к В. Ф. Ходасевичу.

Краткий отзыв о Е. И. Замятине в связи с «Рассказом о самом главном».

Струве Г. Новые варианты цигалевщины: О романах Замятина, Хаксли и Орвелла // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1952. — Кн. 30. — С. 152—163.

Роман «Мы».

1953

Иванов В. Из истории борьбы за высокую идейность советской литературы. 1917—1932. — М., 1953. — С. 28, 99, 109.

Роман «Мы». Е. И. Замятин как глава журнала «Русский современник» и наставник «Серрапионовых братьев».

Иванов-Разумник Р. Тюрьмы и ссылки. — Нью-Йорк, 1953. — С. 41—42, 89.

Арест Е. И. Замятина в 1919 г. Его разговор со следователем. Судьба рукописи пьесы «История одного города».

Ремизов А. М. Чудеса в решетке // Ремизов А. Мышкина дудочка. — Париж, 1953. — С. 16.

Слизской А. Из новейшей художественной литературы: (О Замятине, Ремизове, Газданове, Г. Иванове) // Возрождение. — Париж, 1953. — [№ 29]. — С. 176—177.

1954

[Б. п. Предисловие]; Анненков Ю. Письмо Евгения Замятина // Социалистический вестник. — Нью-Йорк, 1954. — № 6. — С. 117; 117—118.

Общая характеристика творчества Е. И. Замятина. История написания замятинского письма Ю. П. Анненкову 1921 г.

1955

Д-ская А. [Даманская А. Ф.]. Посмертная книга // Русские новости. — Париж, 1955. — 22 июля (№ 529). — С. 4. — Рец. на кн.: Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1955.

Замятина Л. Письмо в редакцию // Русские новости. — Париж, 1955. — 5 августа (№ 531). — С. 6.

В связи с рецензией А. Ф. Даманской на сборник «Лица».

А. К. [Кашин А. А.]. «Лица» Замятина: [Рец. на кн.: Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1955] // Грани. — München, 1955. — № 27/28. — С. 251—252.

Мазурова А. «Лица» Е. Замятина: [Рец.] // Посев. — Франкфурт-на-Майне, 1955. — № 36 (4 сентября). — С. 7.

Никонов А. Запретная советская литература // Возрождение. — Париж, 1955. — [№ 39] (март). — С. 145—147.

Роман «Мы».

Струве Г. [Рец. на кн.: Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1955] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1955. — Кн. 42. — С. 297—302.

Струве Г. О Чеховском издательстве и «Лицах» Замятина в частности: [Рец. на кн.: Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1955] // Русская мысль. — Париж, 1955. — 12 августа (№ 788). — С. 2—3.

[Б. п.]. От издательства // Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1955. — С. 7—11.

1956

Андреев Н. Е. Ересь Замятина // Грани. — München, 1956. — № 32. — С. 118—126.

Г. А. [Адамович Г. В. Рец. на кн.: Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1955] // Опыты. — Нью-Йорк, 1956. — № 6. — С. 94—96.

Горький М. [Письмо И. А. Груздеву, середина февраля 1929 г.] // Горький М. Собр. соч. В 30 т. — М., 1956. — Т. 30. — С. 126.

Отзыв о романе «Мы».

Кашин А. Художник и человек // Грани. — München, 1956. — № 32 (октябрь-декабрь). — С. 107—117.

Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. — Нью-Йорк, 1956. — С. 18—19, 29, 64—65.

В частности, о публикации романа «Мы» в журнале «Воля России» (1927).

1957

Александрова В. К 40-летию советской литературы // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1957. — Кн. 51. — С. 88, 94.

Оценка статей «Завтра» и «Я боюсь» и романа «Мы».

Андреев Н. Е. И. Замятин: К двадцатилетию со дня смерти // Русская мысль. — Париж, 1957. — 9 марта (№ 1027). — С. 2—3.

Марьямов А. «Нет» и «да»: К польским литературным спорам // Новый мир. — 1957. — № 1. — С. 240.

Общественная позиция Е. И. Замятина — в связи с оценкой его творчества в последних публикациях польских журналов.

Плетнев Р. О Е. Замятине // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1957. — 28 апреля (№ 16010). — С. 8.

Очерк жизни и творчества. Встречи в 1932 г. в Праге

Слоним М. Е. И. Замятин // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1957. — 10 марта (№ 15961). — С. 8.

К 20-летию со дня смерти. Очерк жизни и творчества. Встречи во Франции в начале 1930-х гг.

Фурманов Д. Литературные записи / Публ. и вступ. зам. Т. Дмитриевой // Вопросы литературы. — 1957. — № 5. — С. 202—203.

Конспект статьи А. К. Воронского «Евгений Замятин».

1958

Волков А. А. М. Горький и литературное движение советской эпохи. — М., 1958. — С. 95.

Общая характеристика творчества Е. И. Замятина.

Либединский Ю. Современники: Воспоминания. — М., 1958. — С. 143—144, 227—228.

Реакция Л. Н. Сейфуллиной на «Мы». Выступление А. А. Фадеева на собрании в связи с «делом Пильняка и Замятина».

Маяковский В. В. Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы: [Стихотв.] // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. В 13 т. — М., 1958. — Т. 9. — С. 148—151.

Ремизов А. Стоять — негасимую свечу памяти Евгения Ивановича Замятина. (1884—1937) // Петербургский политехнический институт. — Париж; Нью-Йорк, 1958. — Сб. 2. — С. 91—97.

Рубашкин А. К. вопросу об идейной эволюции Эренбурга начала 30-х годов // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. — 1958. — Т. 184. — № 6. — С. 184.

Тимофеев Л. И. Введение; **Дикушина Н. И.** Литературные журналы 1917—1929 гг. // История русской советской литературы. — М.: Наука, 1958. — Т. 1. — С. 15—16, 86, 96; 506, 507, 518.

Статья «Я боюсь» и полемика с ней К. А. Федина. «Дело Пильняка и Замятина». Е. И. Замятин в журнале «Русский современник».

Тимофеев Л. И. Литература периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. (1917—1920); **Поляк Л. М.** Литература двадцатых годов. (1921—1929); **Метченко А. И. В. В. Маяковский. (1893—1930)** // История русской советской литературы. — М.: МГУ, 1958. — Т. 1. — С. 154; 182; 295.

Статья «Я боюсь» и полемика с ней К. А. Федина. Роман «Мы» и рассказ «Пещера».

Ширмаков П. П. К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы. (1918—1919 годы) // Вопросы советской литературы. — М.; Л., 1958. — [Вып.] VII. — С. 462, 465—466, 469, 471, 473.

Участие Е. И. Замятина в работе Союза в 1919—1921 г.

1959

Горький М. [Письма А. Н. Тихонову, 23 октября 1924 г., 10 марта и 1 августа 1927 г.] / Публ. архива А. М. Горького // Горьковские чтения. 1953—1957. — М., 1959. — С. 49, 55, 56. — В составе публ.: А. М. Горький. Письма к А. Н. Тихонову. Отзыв о журнале «Русский современник» и «Воспоминаниях о Блоке» Е. И. Замятина, о романе «Мы», рассказе «Слово предоставляется товарищу Чурыгину».

Кашин А. Против бессмертного гвоздя // Мосты. — Мюнхен, 1959. — № 2. — С. 318, 323—325.

В частности, о романе «Мы».

Летопись жизни и творчества А. М. Горького. — М., 1959. — Вып. 3: 1917—1929. — По именному указателю.

1960

Блок А. А. Сцена из исторической картины «Всемирная литература»: (XX столетие по Р. Хр.) // Блок А. Собр. соч. В 8 т. — М.; Л., 1960. — Т. 3: Стихотворения и поэмы. 1907—1921 / Подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. — С. 424.

Е. И. Замятин как персонаж шуточной пьесы.

Иванов В. Формирование идейного единства советской литературы. 1917—1932. — М., 1960. — С. 80—82.

Касторский С. «Городок Окуров» и повесть Е. Замятина «Уездное» // Касторский С. Повести М. Горького: «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина». — Л., 1960. — С. 323—329.

1961

Либединский Ю. Зрячая любовь // Сейфуллина в воспоминаниях современников. — М., 1961. — С. 130—131.

Оцуп Н. А. Евгений Замятин // Оцуп Н. Современники. — Париж, 1961. — С. 95—101.

Воспоминания о встречах в конце 1910-х — начале 1920-х гг. в Петрограде. Е. И. Замятин и Н. С. Гумилев. Влияние Е. И. Замятина на молодую советскую литературу.

Рюриков Б. «Философия» литературного процесса // Вопросы литературы. — 1961. — № 9. — С. 68, 70. — Под общим загл.: Исследовательскую работу — на новый уровень.

Выступление на «круглом столе» в редакции журнала по проблемам истории советской литературы. О романе «Мы».

Фурманов Д. Литературные записи // Фурманов Д. Собр. соч. В 4 т. — М., 1961. — С. 404—405.

1962

Анненков Ю. Е. Замятин: Воспоминания // Грани. — München, 1962. — № 51. — С. 60—96.

Аннотацию см. ниже (1966).

Анненков Ю. П. Е. И. Замятин // Возрождение. — Париж, 1962. — [№ 124] (апрель). — С. 113—115.

К 25-летию со дня смерти. Краткий очерк творчества. Литературно-общественные взгляды Е. И. Замятина.

Блок А. А. «Комедия о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» // Блок А. Собр. соч. В 8 т. — М.; Л., 1960. — Т. 6: Проза. 1918—1921 / Подгот. текста Д. Максимова и Г. Шабельской; Примеч. Г. Шабельской. — С. 481.

Запись мнения Е. И. Замятина о переделке пьесы В. Н. Бакрыловым (2 сентября 1919 г.).

Есенин С. А. [Письмо Р. В. Иванову-Разумнику, начало мая 1921 г.] // Есенин С. А. Собр. соч. В 5 т. — М., 1962. — Т. V. — С. 149.

Статья «Я боюсь».

Завалишин В. Евгений Замятин // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1962. — 8 апреля (№ 17926). — С. 2, 8.

Завалишин В. Странник и время [Г. Гора] // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1962. — 23 сентября (№ 18094). — С. 5.
 Е. И. Замятин о взаимоотношениях искусства и науки. Г. Гор и Е. И. Замятин.

Зайцев Б. Памяти Замятина // Русская мысль. — Париж, 1962. — 10 марта (№ 1810). — С. 7.

В связи с 25-летием со дня смерти.

Малоземова Е. Евгений Замятин. 1884 — 1937 // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1962. — 10 марта (№ 17897). — С. 4.

В связи с 25-летием со дня смерти. Очерк жизни и творчества.

Самарин Р. М. Искажение истории советской литературы в литературоведении США // Современная литература США. — М., 1962. — С. 212.

Полемика с оценкой творчества Е. И. Замятина в книге: Struve G. History of soviet Literature, 1951.

Терапиано Ю. Е. И. Замятин // Русская мысль. — Париж, 1962. — 10 марта (№ 1810). — С. 6—7.

В связи с 25-летием со дня смерти. Очерк жизни и творчества.

Федин К. А. Горький среди нас // Федин К. Собр. соч. В 9 т. — М., 1962. — Т. 9. — С. 158, 159—160, 191.

1963

[Б. п. Предисловие от издательства]; **Слоним М.** Писатель и его творчество; [Б. п.]. Книги Евг. Ив. Замятина: [Библиогр. справка] // Замятин Е. Повести и рассказы. — Мюнхен, 1963. — С. 1; 5—8; 319—320.

Борев Ю. Модернизм, человек, разум // Вопросы литературы. — 1963. — № 3. — С. 65.

Статья «О литературе, революции, энтропии и о прочем» и теория модернизма.

Горький М. [Письмо В. А. Каверину, 13 декабря 1923 г. / Публ. С. И. Доморацкой]; **Леткова-Султанова Е. П.** [Письмо М. Горькому, 27—30 декабря 1927 г. / Публ. и примеч. Е. Г. Коляды]; **Пришвин М. М.** [Письмо М. Горькому, 21 апреля 1928 г. / Публ. Е. Г. Коляды]; **Горький М.** [Письмо М. Л. Слонимскому, 8 мая 1925 г. / Публ. и примеч. Е. Г. Коляды; А. Н. Толстому, середина сентября 1922 г. / Публ. и примеч. Ю. А. Крестинского (при участии З. М. Карасик); К. А. Треневу, конец 1917 г. / Публ. и примеч. В. А. Диева; К. А. Федину, 20 декабря 1924 г. и 17 сентября 1925 г. / Публ. и примеч. Ф. М. Иоффе]; **Горький М.** «Группа «Серапионовы братья»: [Статья] // Горький и советские писатели: Неизданная переписка. — М., 1963. — (Литературное наследство. Т. 70). — С. 178; 270; 357; 388; 402; 445; 482, 497; 561.

Отзыв о статье «Новая русская проза». Участие Е. И. Замятина в юбилейном вечере М. Горького (1927, 1928). «Рассказ о самом главном». Арест в Петрограде (1922). Участие Е. И. Замятина в сборнике «Парус» (1917). Отзыв о затевающемся Е. И. Замятиным возобновлении журнала «Русский современник». Краткий отзыв о Е. И. Замятине в целом (в связи с группой «Серапионовы братья»).

Дементьев А. Г. А. Воронский — критик; Воронский А. К. Евгений Замятин // Воронский А. К. Литературно-критические статьи. — М., 1963. — С. 30–34; 85–111.

В предисловии — характеристика статьи А. К. Воронского о Е. И. Замятине. Переписка А. К. Воронского и Е. И. Замятина 1922 г.

Завалишин В. К. [Рец. на кн.: Замятин Е. Повести и рассказы. — Мюнхен, 1963] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1963. — Кн. 73. — С. 300–302.

Кузнецов М. Социалистический реализм и модернизм // Новый мир. — 1963. — № 8. — С. 230–233.

Повесть «Уездное», роман «Мы» и рассказ «Пещера». М. Горький и А. К. Воронский о Е. И. Замятине. Анализ «модернистской» поэтики Е. И. Замятина.

Кузнецов М. М. Социалистический реализм и модернизм // Кузнецов М. Советский роман: Очерки. — М., 1963. — С. 131–136.

Лясковский А. Евгений Замятин // Мартиролог русских писателей. — München, 1963. — Т. 2. — С. 169–172.

Русская советская литература: Очерк истории / Под ред. А. Богуславского и Л. Тимофеева. — М., 1963. — С. 20, 71, 87–88, 303.

Позиция Е. И. Замятина в советской литературе (по материалам литературно-критических статей). «Дело Пильняка и Замятина».

Терапиано Ю. [Рец. на кн.: Замятин Е. Повести и рассказы. — Мюнхен, 1963] // Русская мысль. — Париж, 1963. — 9 марта (№ 1966). — С. 6–7.

Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. [Вып. 2]: Литература / Отв. ред. Н. Ф. Бельчиков и А. А. Волков. — М., 1963. — С. 642.

Краткая справка о фонде Е. И. Замятина.

Ю. Д. [Дмитриев Ю. А.] Замятин Е. // Театральная энциклопедия. — М., 1963. — Т. 2. — С. 737.

[Б. п.] Замятин Евгений Иванович: [Библиография] // История русской литературы конца XIX — начала XX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. — М.; Л., 1963. — С. 240.

Бондаренко В. И. Века и десятилетия: (Евгений Замятин и Джордж Орвелл — два путешественника во мрак будущего и будущий мрак) // Грани. — München, 1964. — № 56. — С. 188—204.

Бузник В. В поисках нового: (Заметки о первых советских романах) // Русская литература. — 1964. — № 3. — С. 176, 180. Статья «О литературе, революции, энтропии и о прочем». Роман И. Г. Эренбурга «Хулио Хуренито» и «Мы» Е. И. Замятина.

Голубева О. Д. М. Горький и Публичная библиотека // Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Л., 1964. — Т. XII. — С. 87—88.

М. Горький в письмах Е. И. Замятина к жене. Его воспоминания о М. Горьком.

Дементьев А. А. М. Горький и советская журналистика: (По неопубликованным материалам) // Новый мир. — 1964. — № 11. — С. 218, 220.

По материалам книги «А. М. Горький и советская печать». М. Горький и Е. И. Замятин. М. Горький о «деле Пильняка и Замятина».

Кузнецов М. Социалистический реализм и модернизм // Литература и современность: Ст. о литературе 1963—1964 годов. — М., 1964. — С. 47—51.

Луначарский А. В. Заметки о журналах // Луначарский А. Собр. соч. В 8 т. — М., 1964. — Т. 2. — С. 238—239. — Под загл. «О журнале «Дом искусств»». Критический отзыв о статье «Я боюсь».

Максимов А. А. Советская журналистика 20-х годов: Краткий очерк журнальной периодики. — Л., 1964. — С. 46.

Рассказ «Пещера» как программная публикация журнала «Записки мечтателей».

Михайлов О. Замятин Евгений Иванович // Краткая литературная энциклопедия. — М., 1964. — Т. 2. — Стлб. 987.

Мотылева Т. 26 дней в США // Новый мир. — 1964. — № 5. — С. 184—185.

Критика преподавания творчества Е. И. Замятина в университетах США.

Тимофеев Л. И. Советская литература: Метод, стиль, поэтика. — М., 1964. — С. 106, 196, 220.

Статья «Я боюсь» и полемика с ней К. А. Федина. «Дело Пильняка и Замятина».

Цыбенко Е. З. Проблемы литературоведения на V Международном съезде славистов // Вестник Московского университета. Сер. VII: Филология; Журналистика. — 1964. — № 2. — С. 36.

Критика выступления Э. Брауна «Замятин и английская литература».

1965

Беляев А. Советская литература и буржуазные фальсификаторы // Коммунист. — 1965. — № 12. — С. 115.

Полемика с оценками творчества Е. И. Замятина в книге Э. Брауна «Русская литература после революции».

Блок А. А. [Записи в дневнике, 24 октября 1915 г. — 27 ноября 1920 г.]; **Орлов В.** Примечания // Блок А. Записные книжки. 1901 — 1920 / Сост., подгот. текста и предисл. и примеч. Вл. Орлова. — М., 1965. — С. 269, 451, 454, 464, 473, 488, 490, 492 — 493, 497 — 499, 501, 508, 597.

Записи о встречах. Мнение М. Горького о Е. И. Замятине. Совместная работа над редактированием «Короля Лира» для постановки в БДТ (1920). Несохранившийся отзыв А. А. Блока о пьесе «Огни святого Доминика».

Дементьев А. Послесловие // М. Горький и советская печать. — М., 1965. — Кн. 2. — С. 446, 448. — (Архив М. Горького. Т. X).

Различие в оценках романа «Мы» М. Горьким и А. К. Воронским. Деятельность Е. И. Замятина в журнале «Русский современник».

Колосов М. Писатель, товарищ, человек // Фадеев: Воспоминания современников: Сборник. — М., 1965. — С. 216 — 217. Е. И. Замятин и его роман «Мы». Встреча Е. И. Замятина и А. А. Фадеева.

Куприяновский П. О «Литературных записях» Д. Фурманова // Вопросы литературы. — 1965. — № 6. — С. 175.

Статья А. К. Воронского «Евгений Замятин» как источник записей Д. Фурманова.

Луначарский А. В. Тезисы о политике РКП в области литературы / Предисл. и публ. Н. А. Трифонова // Из творческого наследия советских писателей. — М., 1965. — С. 30, 32. — (Литературное наследство. Т. 74).

Влияние Е. И. Замятина на молодую литературу.

[**Малахов С. А.**] Новая советская жизнь, противоречия периода нэпа. Развитие жанров психологического и сатирического романа // История русского советского романа. — М.; Л., 1965. — Т. 1. — С. 72.

Сопоставление «Хулио Хуренито» И.Г. Эренбурга и «Мы» Е. И. Замятина.

Харитон Л. Б. [Письма Л. Н. Лунцу, 21 июля и 8 августа 1923 г.]; **Чуковский К. И.** [Письмо Л. Н. Лунцу, 7 января 1924 г.]; **Каверин В. А.** [Письма Л. Н. Лунцу, 14 января 1924 г.]; **Харитон Л. Б.** [Письмо Л. Н. Лунцу, 20 апреля 1924 г.] / Публ. и коммент. Г. Керна // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1966. —

Кн. 82. — С. 148, 155; Кн. 83. — С. 136, 138–139, 176. — В составе публ.: Лев Лунц и «Серапионовы братья».

Статья «Современная русская проза». Оценка им творчества Л. Н. Лунца и рассказа В. А. Каверина «Шулер Дье». Контакты с «Серапионовыми братьями».

Эренбург И. Г. [Письмо Е. И. Замятину, 17 марта 1930 г.: Фрагмент] // История русского советского романа. — М.; Л., 1965. — Т. 1. — С. 462. — В составе ст.: [Ершов Л. Ф.]. Социалистическое строительство, новый человек. Расширение типологии советского романа. Усиление социально-педагогической роли романа.

1966

Анненков Ю. П. Максим Горький; Евгений Замятин; Михаил Зощенко; // Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. — Нью-Йорк, 1966. — Т. 1. — С. 39; 246–286; 312–313.

Е. И. Замятин на встрече Г. Уэллса в Петрограде (1920). Знакомство в 1917 г. Литературно-педагогическая деятельность в Петрограде. Роман «Мы». Участие в издании «Литературной газеты» 1921 г. Рассказ «Слово предоставляется товарищу Чурыгину», статья «О синтетизме» и др. Арест и несостоявшаяся высылка за границу в 1922 г. «Дело Пильняка и Замятина». Эмиграция в 1931 г. Жизнь за границей. В тексте воспоминаний о Е. И. Замятине также приведены: удостоверение НКВД и справка ГПУ о разрешении на выезд за рубеж (1922); постановление Комитета по делам печати о наложении ареста на повесть «На куличках» и судебное определение по тому же делу (1914); шуточное стихотворение Л. Давыдович «Баллада о Блохе» и «Блошинная симфония», выдержки из дневника автора 1936 г. Е. И. Замятин и М. М. Зощенко.

Бездомный Н. Предтечи советской «научно-технической» фантастики // Русская мысль. — Париж, 1966. — 16 апреля (№ 2452). — С. 3. — Начало в № 2451.

Роман «Мы». Влияние на О. Хаксли и Д. Оруэлла.

Груздев И. А. [Письмо М. Горькому начала февраля 1929 г.]; **Горький М.** [Письмо И. А. Груздеву, 15 февраля 1929 г.]; **Груздев И. А.** [Письмо М. Горькому, ноябрь 1931 г.] / Тексты и примеч. подгот. В. С. Барахов, С. И. Доморацкая, Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляда, В. Н. Чуваков // Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. — М., 1966. — С. 189; 194; 281–282. — (Архив А. М. Горького. Т. XI).

Выступление Е. И. Замятина с «Эпитафиями» у «Серапионовых братьев». Отзыв о романе «Мы». «Письмо в редакцию» Е. И. Замятина (1932: датировка публикаторов ошибочна).

Дикушина Н. И. Введение; **Максимова В. А.** Журналы А. М. Горького; **Кузнецов М. М.** «Красная новь»; **Белая Г. А.** «Почать и революция»; **Швецова Л. К.** «На литературу»

посту»// Очерки истории русской советской журналистики. 1917—1932. — М., 1966. — С. 73—76, 139; 179, 184; 222; 248; 412. Статья «Я боюсь». Рассказ «Пещера» как программная публикация журнала «Записки мечтателей». Е. И. Замятин в журнале «Русский современник». А. К. Воронский и К. А. Федин о Е. И. Замятине. «Дело Пильняка и Замятина».

Кищинская Л. Литературная дискуссия 1922—1925 годов: (К истории становления идейно-эстетических принципов советской литературной критики) // Вопросы литературы. — 1966. — № 4. — С. 36.

Статья «Я боюсь».

Ковалев Ю. Герберт Уэллс в русской критике // Герберт Дж. Уэллс: Библиография русских переводов и критики на русском языке. 1898—1965. — М., 1966. — С. 34—35.

Критика работ Е. И. Замятина о Г. Уэллсе.

Левин Ф. Страницы прошлого: [Воспоминания] // Нева. — 1966. — № 4. — С. 185.

Аннотацию см. ниже (1973).

Мотылева Т. Глазами друзей и врагов // Новый мир. — 1966. — № 11. — С. 230.

Полемика с оценками романа «Мы» и рассказа «Пещера» в книге Г. Струве «История советской литературы».

Палиевский П. «Экспериментальная литература»// Вопросы литературы. — 1966. — № 8. — С. 87—88.

Рассказ «Слово предоставляется товарищу Чурыгину» и творчество М. М. Зоценко.

Рубакин А. Над рекою времени. — М., 1966. — С. 133.

Встречи с Е. И. Замятиным во Франции в начале 1930-х гг.

Фарбер Л. Советская литература первых лет революции. 1917—1920. — М., 1966. — С. 190.

Критический отзыв о рассказе «Пещера».

Ширмаков П. П. Публицистическая и литературно-критическая деятельность К. А. Федина 1919—1921 годов; **Федин К. А.** [Письмо А. К. Воронскому, 13 февраля 1922 г.] / Публ. и примеч. Л. К. Кувановой и А. И. Хайлова // Творчество Константина Федина: Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография / Изд. подгот. И. С. Зильберштейн. — М., 1966. — С. 288—289; 381—382.

Полемика К. А. Федина со статьей «Я боюсь». Оценка А. К. Воронским общественной позиции Е. И. Замятина.

1967

А. Ж. [Желнин А. ? Рец. на кн.: Замятин Е. Мы. [2-е изд.]. — New York, 1967]; **Жиглевич Е.** «Мы» и мы // Зарубежье. — München, 1967. — № 6. — С. 15; 15—16.

Баранов В. «Аэлига» А. Н. Толстого и советская литература 20-х гг. // Советская литература 20-х годов. — Челябинск, 1967. — С. 287—288.

Роман «Мы» и «Аэлига» А. Н. Толстого.

Баранов В. Революция и судьба художника: А. Толстой и его путь к социалистическому реализму. — М., 1967. — С. 233—235.

Жиглевич Е. «Мы» и мы: [Предисловие]; **Бондаренко В. И.** Века и десятилетия: [Послесловие] // Замятин Е. Мы. [2-е изд.]. — New York, 1967. — С. VII-IX; 202—223.

Керн Г. [Рец. на кн.: Zamyatin E. The Dragon: Fifteen Stories. — New York, 1966] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1967. — Кн. 87. — С. 328—330.

Кищинская Л. Борьба за теоретические основы советской литературной критики. — Свердловск, 1976. — С. 25—26.

Коряков М. Лица и хари: [Предисловие]; **Бондаренко В.** Евгений Замятин и советский период русской литературы: [Послесловие] // Замятин Е. Лица. [2-е изд.]. — New York, 1967. — С. 1—11; 283—308.

Мартынова С. Проблема коллективизма в литературных спорах 20-х годов // Проблема личности и общества в современной литературе и искусстве. — М., 1967. — С. 86.

Роман «Мы».

Одоевцева И. На берегах Невы. — [Washington, 1967]. — С. 200.

О. Э. Мандельштам на лекции Е. И. Замятина.

Струве Г. Дневник читателя: «Мы» Замятина в Чехословакии // Русская мысль. — Париж, 1967. — 9 мая (№ 2618). — С. 4—5. В связи с анонсом отдельного издания. Обзор посмертной критики о Е. И. Замятине.

Тимофеев Л. И. Введение; **Дикушина Н. И.** Журналистика и критика 20-х годов // История русской советской литературы. 1917—1965. Изд. 2-е., испр. и доп. В 4 т. — М., 1967. — Т. 1. — С. 16, 86; 656.

Статья «Я боюсь» и полемика с ней К. А. Федина. «Дело Пильняка и Замятина».

Федин К. Горький среди нас: Картины литературной жизни. — М., 1967. — С. 72, 87, 102, 144.

Воспоминания периода 1920—1921 гг. Творческий портрет Е. И. Замятина. М. Горький о Е. И. Замятине. Е. И. Замятин на встрече с Г. Уэллсом.

Цветаева М. И. [Письмо В. Ф. и О. Б. Ходасевичам, 13 марта 1937 г.] / Публ. С. Карлинского // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1967. — Кн. 89. — С. 113—114.

Кончина и похороны Е. И. Замятина.

1968

Гор Г. Замедление времени // Звезда. — 1968. — № 4. — С. 188—189.

Выступление Е. И. Замятина на обсуждении романа В. А. Каверина «Скандалист».

Никитин Н. Страницы жизни // Знамя. — 1968. — № 1. — С. 209—211.

Воспоминания об учебе у Е. И. Замятина в студии Дома искусств. Отзыв о статье «Я боюсь».

Овчаренко А. Максим Горький и литературные искания XX столетия // Знамя. — 1968. — № 5. — С. 218—219.

Аннотацию см. ниже.

Полонский В. П. Проблемы марксистского искусствознания: Сознание и творчество // Полонский В. На литературные темы. — М., 1968. — С. 379—384.

В частности, о статье в сборнике «Как мы пишем».

Станюкович Н. В. [Рецензия на кн.: Замятин Е. Лица. — Нью-Йорк, 1965] // Возрождение. — Париж, 1968. — [№ 203]. — С. 122—127.

Федин К. А. Горький среди нас; **Горький М.** [Письма К. А. Федину, 20 декабря 1924 г. и 17 сентября 1925 г.] // Федин К. Горький среди нас: Картины литературной жизни. — М., 1968. — С. 34, 36, 74, 86—88; 254, 277.

Федин К. А., Федина Д. С. [Письма Е. И. Замятину и Л. Н. Замятиной, 21 июня и 27 сентября 1932 г., октября 1933 г. 13 ноября, 3 и 23 декабря 1933 г., 16 апреля и 21 июня 1934 г.] / Публ. Г. Ермолаева и А. Шейна; **Ермолаев Г., Шейн А.** [Примечания] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1968. — Кн. 92. — С. 188—205. — Под общим загл.: Письма К. Федина к Е. Замятину.

Швецова Л. К. «Литературная газета» // Очерки истории русской советской журналистики. 1933—1945. — М., 1968. — С. 259—260.

«Дело Пильняка и Замятина» на страницах «Литературной газеты».

1969

Андреев Ю. Революция и литература: Отображение Октября и гражданской войны в русской советской литературе и становление социалистического реализма. (20—30-е годы). — Л., 1969. — С. 49, 51—58.

Краткий очерк творческого пути Е. И. Замятина. Роман «Мы», рассказы «Дракон», «Пещера», «Мамай», статья «Я боюсь» и другие литературно-критические выступления. Полемика Е. И. Замятина с А. Гастевым. А. К. Воронский о Е. И. Замятине

Горький М. О Е. Замятине // Горький М. Художественные произведения; Статьи; Заметки. — М., 1969. — С. 218. — (Архив А. М. Горького. Т. 12).

Набросок статьи о Е. И. Замятине (около 1924 г.)

Либединский Ю. Н. Современники // Либединский Ю. Воспитание души: Воспитание души. Поездка в Крым. Современники. — М., 1969. — С. 382—383, 469—470.

Ричардсон Г. [Рецензия на кн.: Shane A. The Life and works by Evgenij Zamjatin. — Berkeley; Los Angeles, 1968] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1969. — Кн. 96. — С. 292—294.

Слоним М. Писатель и его творчество // Замятин Е. Повести и рассказы / Introd. by D.J.Richards. — Letchworth, 1969. — С. 5—8. — (Rarity reprint. 5).

1970

Бритиков А. Русский советский научно-фантастический роман. — Л., 1970. — С. 94—95, 141.

Роман «Мы».

Гуль Р. [Рец. на кн.: Verberova N. The Italics are mine. — New York, 1969] // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1970. — Кн. 99. — С. 287.

Критика интерпретации мемуаристом поведения Е. И. Замятина в эмиграции.

Есенин С. А. [Дарственная надпись Е. И. Замятину на своей кн. «Радуница», 29 февраля 1916 г.] // Русская литература. — 1970. — № 2. — С. 151. — В ст.: Заборова Р. Б. Из архивных разысканий о Сергее Есенине.

Есенин С. А. [Дарственная надпись Е. И. Замятину на своей кн. «Радуница», 29 февраля 1916 г.] // Русская литература. — 1970. — № 3. — С. 159. — В ст.: Ломан А. П., Земсков В. Ф. Дарственные надписи С. Есенина: (Инскрипты).

Есенин С. А. [Дарственная надпись Е. И. Замятину на своей кн. «Радуница», 29 февраля 1916 г.] // Заборова Р. Рукописи Сергея Есенина. — Л., 1970. — С. 14.

Есенин С. А. [Письмо Р. В. Иванову-Разумнику, начало мая 1921 г.] // Есенин С. А. Собр. соч. В 3 т. — М., 1970. — С. 246. Статья «Я боюсь».

Кашин А. Художник и человек: [Предисловие] // Замятин Е. Сочинения = Samjatin J. Werke. — München, 1970. — Т. 1. — С. 5—21.

Очерки литературной жизни Воронежского края XIX — начала XX вв. / Ред.-сост. О. Ласунский и В. Тонков. — Воронеж, 1970. — С. 381.

Краткие сведения о Е. И. Замятине.

Перелешин В. Апологет ереси: [Рец. на кн.: Shane A. The Life and works by Evgenij Zamjatin. — Berkeley; Los Angeles, 1968] // *Грани*. — München, 1970. — № 77. — С. 199–203.

[**Фостер Л. А.**] Замятин Евгений Иванович: [Библиогр.] // Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968 / Сост. Л. А. Фостер = Bibliography of Russian Emigre Literature. 1918–1968 / Compl. by L. A. Foster. — Boston, 1970. — Т. 1. — С. 536–540.

Черменский П. Писатель-земляк // *Путь Октября*. — Лебедянь, 1970. — 18 апреля (№ 46). — С. 4.

В связи с постановкой «Блохи» в Московском театре мимики и жеста (режиссер Л. Калиновский). Краткая биографическая справка.

1971

Беляев А. Глеб Струве — апостол антикоммунизма // *Москва*. — 1971. — № 5. — С. 198.

По поводу его книги «Русская советская литература». Критика оценки им романа «Мы» и рассказа «Пещера».

Волков А. А. М. Горький и литературное движение советской эпохи. 2-е изд. — М., 1971. — С. 66.

Гус М. Личность и история // *Знамя*. — 1971. — № 11. — С. 212–213.

Сопоставление «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского и романа «Мы» Е. И. Замятина.

Иванов В. Идеино-эстетические принципы советской литературы: (Формирование и сущность). — М., 1971. — С. 36, 38–39, 104–105.

Статьи «Я боюсь», «Белая любовь». Роман «Мы» и др. Е. И. Замятин и «Серапионовы братья».

Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. — М., 1971. — С. 97, 98–99, 103–104.

М. Горький о Е. И. Замятине. Роль Е. И. Замятина в журнале «Русский современник». Роман «Мы».

1972

Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. — Мюнхен, 1972. — С. 342–343.

Е. И. Замятин на похоронах А. А. Блока. Встречи с Е. И. Замятиным в эмиграции.

Борщук В. И. История литературы и современность: Методологические проблемы изучения истории русской советской литературы. — М., 1972. — С. 311–312, 320 и по именному ук.

Критика интерпретации творчества Е. И. Замятина в книгах: Струве Г. Русская литература в изгнании Нью-Йорк, 1956; Brown E. J. Russian literature since the Revolution. New York, 1963.

[Келдыш В. А.]. Судьбы критического реализма; [Петрова М. Г.]. Летопись литературных событий. 1908 — 1917 годы // Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917. — М., 1972. — С. 88—89, 170—171; 550, 618—619.

Общая характеристика дореволюционного творчества. Анализ повести «На куличках». Подборка критических отзывов о первой публикации повестей «Уездное» (1913; И. Игнатов, Н. Геккер, Б. Эйхенбаум, Л. Войтоловский) и «Алатырь» (1915; В. Львов-Рогачевский, Р. Иванов-Разумник), о книге «Уездное» (1915; Ф. Батюшков).

Либединский Ю. Н. Из цикла «Современники» // Либединский Ю. Избранное. В 2 т. — М., 1972. — Т. 2. — С. 232—233, 267—268.

Михайлов О. Н. Замятин, Евгений Иванович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. — М., 1972. — Т. 9. — Стб. 987—988.

Ремизов А. М. [Письма Е. И. Замятину, 1 и 18 января 1934 г. / Публ. А. Шейна] // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1972. — № 2. — P.460—461. — Под загл.: Two Letters from Remizov to Zamyatin. — Воспроизведено факсимильно.

Струве Г. «Мы» Замятина в Англии // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1972. — 3 августа (№ 10019). — С. 4. — (Письма в редакцию).

В связи с историей первого издания «Мы» в США.

Цветаева М. И. [Письмо В. Н. Муромцевой-Буниной, 11 марта 1937 г.] // Цветаева М. Неизданные письма / Под общ. ред. Г. Струве и Н. Струве. — Париж, 1972. — С. 508.
Кончина и похороны Е. И. Замятина.

Эренбург И. Г. [Письмо Е. И. Замятину, 12 января 1926 г. / Публикатор не указан] // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1972. — № 2. — P.469. — Под загл.: A letter from Ehrenburg to Zamyatin.

В частности, отзыв о романе «Мы».

[Б. п.]. О писателе Е. Замятине // Политический дневник. 1964—1970. — Амстердам: Фонд имени Герцена, 1972. — [Вып.1]. — С. 483—485.

Краткие сведения об аресте 1922 г. и выезде в эмиграцию в 1931 г. Воспроизведено из № 46 самиздатовского журнала «Политический дневник» за июль 1968 г.

1973

Левин Ф. М. Петроград. 1922—1924 // Левин Ф. Из глубины памяти. — М., 1973. — С. 237—239.

Выступление Е. И. Замятина с чтением своих произведений на вечере «Серапионовых братьев» в Петрограде в 1923 г., свой отклик в «Зорях» и ответ Е. И. Замятина на него.

Пономарев А. «Беспристрастный» Глеб Струве // Литературная газета. — 1973. — 1 января (№ 1). — С. 4.

В связи с оценкой Г. П. Струве романа «Мы».

Федин К. А. Горький среди нас; **Горький М.** [Письма К. А. Федину, 20 декабря 1924 г. и 17 сентября 1925 г.] // Федин К. Собр. соч. В 10 тт. — М., 1973. — Т. 10. — С. 35, 37, 82–83; 339, 357.

Эренбург И. Г. [Письма Е. И. Замятину, 1 декабря 1924 г., 18 января и 4 апреля 1925 г.] / Вступ. зам., публ. и коммент. Б. Сарнова // Вопросы литературы. — 1973. — № 9. — С. 202–205. — Под общим загл.: Письма разных лет.

1974

Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. — London, 1974. — С. 34–35, 107–108, 130, 205, 314, 336.

Цитаты и оценки романа «Мы», статей «Я боюсь», «О сегодняшнем и современном», «Новая русская проза» и «Цель».

Палиевский П. В. «Экспериментальная литература» // Палиевский П. В. Пути реализма: Литература теория. — М., 1974. — С. 123–124.

Рождественский В. Герберт Уэллс в гостях у А. М. Горького // Рождественский В. Страницы жизни. 2-е изд., доп. — М., 1974. — С. 170–171.

Е. И. Замятин на встрече с Г. Уэллсом в петроградском Доме литераторов (1920).

Скорино Л. «Слушая великую музыку будущего...» // Знамя. — 1974. — № 5. — С. 239–240.

Статья «Я боюсь» и полемика с ней К. А. Федина.

1975

Бузник В. Русская советская проза двадцатых годов. — Л., 1975. — С. 5–6, 67–71, 85, 91, 106, 141.

Статья «О литературе, революции, энтропии и о прочем», роман «Мы», повесть «Север», рассказы «Дракон», «Пещера» и «Мамай». Е. И. Замятин и А. А. Блок, А. Н. Толстой, И. Г. Эренбург, Л. М. Леонов.

Геллер Л. Вселенная за пределами догмы: Размышления о советской фантастике. — London, 1975. — По именному указателю.

Гор Г. С. Замедление времени // Гор Г. Геометрический лес: Повести и рассказы. — Л., 1975. — С. 418.

Метченко А. И., Тимофеев Л. И. Литература периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны; **Метченко А. И.** Литературные группировки // История русской советской литературы. (1917—1940) / Под ред. А. И. Метченко и С. М. Петрова. — М., 1975. — С. 17, 45; 56—57.

Статья «Я боюсь» и оценка ее К. А. Фединым и А. В. Луначарским. Рассказ «Пещера» и роман «Мы». Влияние Е. И. Замятина на «Серрапионовых братьев».

Шаховская З. А. Замятин // Шаховская З. Отражения. — Paris, 1975. — С. 176—178.

Встречи в 1933—1935 гг. во Франции.

Шекк Ф. Р. Видимость и будущее: Антиутопическая реакция: «Мы» Замятина, «Прекрасный новый мир» Хаксли и «1984» Оруэлла / Пер. М. И. Левиной // Проблемы современных утопий и утопическое мышление в зарубежной литературе: Реф. сб. — М., 1975. — С. 161—173.

Перевод с немецкого из сборника: Science Fiction. München, 1972.

[Б. п.]. О статье писателя Е. Замятина «Цель» // Политический дневник. 1965—1970. — Амстердам: Фонд имени Герцена, 1975. — С. 48—49.

Предисловие к публикации фрагментов статьи. Воспроизведено из № 7 самиздатского журнала «Политический дневник» за апрель 1965 г.

1976

Горбунов А. «Серрапионовы братья» и К. Федин. — Иркутск, 1976. — С. 22—23, 47—48, 234—235.

«Серрапионовы братья» и Е. И. Замятин. Статья «Серрапионовы братья». Оценка К. А. Фединым статьи «Я боюсь». На с. 22—23 — письмо К. А. Федина Е. И. Замятину от 3 октября 1924 г. (из архива ИМЛИ).

Грознова Н. А. Ранняя советская проза. 1917—1925. — Л., 1976. — С. 121, 123—126.

Сопоставление прозы Б. Л. Пастернака и Е. И. Замятина. Рассказы «Знамение», «Мамай», «Пещера», «Север» и «О том, как исцелен был иннок Эразм».

Озеров В. Александр Фадеев. — М., 1976. — С. 24.

Е. И. Замятин и В. Т. Кириллов.

Чернов В. М. [Письмо А. Иванчину-Писареву, январь 1914 г.: Фрагмент] // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1973 год. — Л., 1976. — С. 20—21. — В составе ст.: Юдина И. М. Архив А. И. Иванчина-Писарева.

Повесть «Уездное».

1977

Дементьев А. В. И. Ленин и советская литература. — М., 1977. — С. 165, 320.

Отношение Е. И. Замятина к революции.

Пастернак Б. Л. [Письмо Ю. Юркуну, 14 июня 1922 г.] // Глагол. — Анн Арбор, 1977. — С. 190.

Краткий отзыв о творчестве Е. И. Замятина.

Сергеев-Ценский С. Н. [Письмо Л. Я. Гуревич, 26 декабря 1913 г.] / Публ. З. И. Власовой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1975 год. — Л., 1977. — С. 195. — В составе публ.: Сергеев-Ценский С. Н. Письма к Л. Я. Гуревич.

Повесть «Уездное».

Солженицын А. Интервью на литературные темы с Н. А. Струве. Март 1976 г.: (Запись с пленки) // Вестник РХД. — Париж, 1977. — № 120. — С. 156—157.

Влияние Е. И. Замятина на свое творчество.

Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века. — М., 1977. — С. 11—12.

Повесть «Уездное».

Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня; [Чудакова М. О.]. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. — М., 1977. — С. 156—157; 467.

Роман «Мы».

Федин К. А. Горький среди нас: Картины литературной жизни; Горький М. [Письма К. А. Федину, 20 декабря 1924 г. и 17 сентября 1925 г.] // Федин К. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М., 1977. — С. 33, 35, 71, 83—84; 244, 265—266.

Федюкин С. Борьба с враждебной идеологией в условиях перехода к НЭПу. — М., 1977. — С. 59 и след.

«Враждебность» Е. И. Замятина советскому строю.

1978

Геллер М. Первое предостережение — удар хлыстом: (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вестник РХД. — Париж, 1978. — № 127. — С. 222. Несостоявшаяся высылка Е. И. Замятина в 1922 г.

Гор Г. С. Замедление времени // Гор Г. Волшебная дорога: Роман. Повести. Рассказы. — Л., 1978. — С. 196.

Дикушина Н. Октябрь и новые пути литературы. — М., 1978. — С. 10—11, 12, 73—74.

Рассказ «Пещера» и статья «Я боюсь».

Мущенко Е., Скобелев В., Кройчик Л. Поэтика сказа. — Воронеж, 1978. — С. 119, 154—156, 159, 160, 175—179.
Повесть «Уездное», рассказы «Кряжи» и «Старшина».

Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. Изд. 2-е, доп. — М., 1978. — С. 106, 108—109.

М. Горький и Е. И. Замятин. Оценка им роли Е. И. Замятина в журнале «Русский современник». Роман «Мы». На с. 108 приведены пометы М. Горького на статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем».

Палиевский П. В. Мера научности // Палиевский П. В. Литература и теория. 2-е изд., доп. — М., 1978. — С. 116—117. — Ранее печаталось под загл. «Экспериментальная литература».

1979

Дрозда М. Повествовательное мастерство Евгения Замятина // Wiener Slawistischer Almanach. — Wien, 1979. — Bd. 4. — S. 41—53.

Жихарева К. М. Девять лет: [Воспоминания] // Воспоминания о В. Шишкове. — М., 1979. — С. 84—85.

Реакция В. Я. Шишкова на оценку Е. И. Замятиным повести «Ватага».

Скороспелова Е. Идеино-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х годов. — М., 1979. — С. 49—51.

Статьи «О синтетизме» и «О литературе, революции, энтропии и о прочем».

Чуковский К. И. [Примечание к записям Е. И. Замятина в «Чукоккале»]; **Шварц Е. Л.** [Шуточное стихотворение, 1922] // Чукоккала. — М., 1979. — С. 199, 312—313, 320.

Яновский В. С. Поля Елисейские: (Из книги памяти) // Время и мы. — Тель-Авив, 1979. — № 38. — С. 175—176.

Встречи в Париже в 1930-х гг. у А. М. Ремизова. Общественная позиция Е. И. Замятина в эти годы. А. М. Ремизов о Е. И. Замятине.

1980

Есенин С. А. [Письмо Р. В. Иванову-Разумнику, начало мая 1921 г.] // Есенин С. А. Собрание сочинений. В 6 т. — М., 1980. — Т. 6. — С. 109.

Краснощекова Е. Художественный мир Всеволода Иванова. — М., 1980. — С. 29—30, 55.

Стилевая манера Е. И. Замятина. Вс. В. Иванов в оценке Е. И. Замятина (статья «Серапионовы братья»).

Либединский Ю. Н. Из цикла «Современники» // Либединский Ю. Избранные произведения. В 2 т. — М., 1980. — Т. 2. — С. 355—356.

Тихонов Н. Устная книга: [Воспоминания] // Вопросы литературы. — 1980. — № 8. — С. 175.

Встреча в Париже в 1935 г. на Конгрессе в защиту культуры.

Шварц Е. Л. Белый волк / Предисл. Р. Михайлова; Примеч. В. Воронина // Память: Ист. сб. — Москва, 1978; Париж, 1980. — Вып. 3. — С. 292. — Под общим загл.: Воспоминания Е. Шварца и Л. Пантелеева о К. И. Чуковском.

Характеристика Е. И. Замятина в письме К. И. Чуковского А. Н. Толстому (1922).

1981

Бугаева К. Воспоминания о Белом; **Мальмстад Д.** Комментарии // Бугаева К. Воспоминания о Белом. — Berkeley; Los Angeles, 1981. — С. 149–150, 360. — (Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts. Vol. 2).

Восприятие А. Белым книги «Роберт Майер».

Вейдле В. Главы из воспоминаний: Журнал «Русский современник» / Публ. Р. Герра // Русский альманах. — Париж, 1981. — С. 393–396.

Участие Е. И. Замятина в журнале «Русский современник».

Зеленая Р. Разрозненные страницы: [Воспоминания]. — М., 1981. — С. 39.

Воспоминания о А. Н. Тихонове и Е. И. Замятине.

Каман Э. О коллективизме: Из истории старых литературных споров революционных лет // Slavica. — Debrecen, 1981. — [Vol.] XVII. — S. 156–166.

Общая характеристика творчества. Роман «Мы».

Мандельштам О. Э. [Письмо Е. И. Замятину, 2 марта 1928 г.] // Мандельштам О. Собрание сочинений. — Париж, 1981. — Т. IV: Дополнительный. — С. 119.

В связи с предполагаемым участием в вечере памяти Ф. Сологуба, организуемым Е. И. Замятиным.

Пастернак Б. Л. [Письмо Ю. Юркуну, 14 июня 1922 г.] / Публ. Н. А. Богомолова // Вопросы литературы. — 1981. — № 7. — С. 228.

Первушин Н. В. Судьба двух писателей: (Е. Замятин, М. Булгаков) // Русская мысль. — Париж, 1981. — 15 января (№ 3343). — С. 10.

Ремизов А. М. Стоять — негасимую свечу памяти Евгения Ивановича Замятина. (1884–1937) // Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. — Париж, 1981. — С. 252–255.

Федин К. А. Из книги «Горький среди нас: Картины литературной жизни» // Максим Горький в воспоминаниях современников. В 2 т. — М., 1981. — С. 63.

М. Горький о Е. И. Замятине.

Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. — München, 1981. — По указателю.

Е. И. Замятина о Б. Л. Пастернаке. Сопоставление их взглядов. «Дело Пильняка и Замятина».

1982

Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. — Л., 1982. — Вып. II: Фонды русских деятелей XVIII-XX вв. — С. 186—187.

Описание фонда Е. И. и Л. Н. Замятиных.

[Балакина Г. А.] Творчество Л. Сейфуллиной в литературном процессе 20-х годов: (К проблеме становления эстетического идеала советской литературы) // Единство и многообразие: Типология социалистического реализма и творческая индивидуальность писателя. — Казань, 1982. — С. 24—25.

Оценка Л. Н. Сейфуллиной творчества Е. И. Замятина в статье «Лоскутки мыслей о литературе».

Воронский А. К. Евгений Замятин // Воронский А. Избранные статьи о литературе. — М., 1982. — С. 119—137.

Геллер М., Некрич Ю. Утопия у власти: Очерк истории СССР с 1917 до наших дней. В 2 т. — London, 1982. — Т. 1. — С. 54, 207, 285—286.

Статья «Я боюсь» и роман «Мы». «Дело Пильняка и Замятина».

Каверин В. А. [Письмо Л. Н. Лунцу, 14 января 1924 г.] // Каверин В. Вечерний день: Письма. Встречи. Портреты. — М., 1982. — С. 54.

Казанович Е. П. [Запись в дневнике, 20 сентября 1921 г.] / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи; Документы; Библиография. — Л., 1982. — С. 175. — Под общим загл.: Из дневников Е. П. Казанович.

Краткий отзыв о «Послании смиренного Замутия, епископа обезьянского».

Метченко А. И. Кровное, завоеванное: (Из истории советской литературы) // Метченко А. Избранные работы. В 2 т. — М., 1982. — Т. 1. — С. 78, 108—109.

Статьи «Я боюсь», «О сегодняшнем и современном», «О синтетизме».

Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. Изд. 3-е, доп. — М., 1982. — С. 94, 103—104, 106—107, 112. Е. И. Замятин как теоретик модернизма. М. Горький и Е. И. Замятин. Роль Е. И. Замятина в журнале «Русский современник». Роман «Мы».

На с. 106 приведены пометы М. Горького на статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем».

Пильняк Б. [Письмо Е. И. Замятину, 21 августа 1921 г.: Фрагмент] // Александр Блок: Новые материалы и исследования. — М., 1982. — С. 535. — (Литературное наследство. Т. 93. Кн. 3). — В составе публ.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников. (1898–1921). Работа над повестью «Санкт-Петербург».

Троицкий В. [Зубарев Д. И. Вступительная заметка и комментарии к «Краткой истории Всемирной литературы от основания и до сего дня»]; **Федоров С.** «И в частности — о высшей школе»: [Воспоминания] // Память: Ист. сб. — Москва, 1981; Париж, 1982. — Вып. 5. — С. 287–292, 305–309; 427.

В частности — о выступлении Е. И. Замятина с чтением «Мы» в Государственном институте истории искусств зимой 1920–1921 гг.

1983

Баранов В. Революция и судьба художника. 2-е изд. — М., 1983. — С. 258–259.

Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. 2-е изд., испр. и доп. В 2 т. — New York, 1983. — Т. 1. — С. 142–143, 146, 158, 342–343, 642.

Динерштейн Е. А. [Вступительная ст.]; **Никитин Н. Н.** [Письма А. К. Воронскому, 10–15 апреля и 19 декабря 1922 г.]; **Воронский А. К.** [Письма Е. И. Замятину, октябрь–ноябрь 1922 г., 21 марта 1923 г. и 9 февраля 1926 г.] / Публ. Е. А. Динерштейна; **Динерштейн Е. А.** [Комментарии] // Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. — М., 1983. — С. 540; 561, 574, 577; 570–571, 581, 607; 572, 581, 577–578, 607. — (Литературное наследство. Т. 93). — Под общим загл.: Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями.

Общая характеристика отношения А. К. Воронского к Е. И. Замятину. В письмах Н. Н. Никитина — отзывы о личности Е. И. Замятина и влиянии его на свое творчество, о романе «Мы» и статье А. К. Воронского «Евгений Замятин» и др. В письмах А. К. Воронского — отзыв о творчестве Е. И. Замятина и его романе «Мы», о рассказе «Детская», издательские планы.

Метченко А. И., Тимофеев Л. И. Литература периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны; **Метченко А. И.** Литературные группировки // История русской советской литературы. (1917–1940) / Под ред. А. И. Метченко и С. М. Петрова. 2-е изд. — М., 1983. — С. 19, 47–48, 54.

Общая характеристика творчества Е. И. Замятина. Статья «Я боюсь» и оценка ее К. А. Фединым и А. В. Луначарским. Рассказ «Пещера» и роман «Мы».

Сливицкая О. В. Реалистическая проза 1910-х годов // История русской литературы. В 4 т. — Л., 1983. — Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века. (1881—1917) / Ред. тома К. Д. Муратова. — С. 606.

Повесть «Уездное».

Соколов-Микитов И. С. [Письмо А. С. Яценко, 7/20 ноября 1922 г.] // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921—1923. — Paris, 1983. — С. 208.

Отношение Е. И. Замятина к «Серапионовым братьям».

Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. — Нью-Йорк, 1983. — С. 205.

1984

Гаген-Торн Н. И. Из неопубликованных воспоминаний о «Вольфиле»: На чтении Е. Замятиным романа «Мы» // Вестник РХД. — Париж, 1984. — № 142. — С. 196—200.

Кастров Д. Художник слова: О писателях-земляках // Путь Октября. — Лебедянь, 1984. — 30 августа (№ 104). — С. 4.
К 100-летию со дня рождения Е. И. Замятина. Очерк жизни и творчества.

Левин Ф. М. Петроград. 1922—1924 // Левин Ф. Из глубины памяти: Воспоминания. 2-е изд. — М., 1984. — С. 253—255.

Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 2-е изд. — Paris, 1984. — С. 18—19, 29, 64—65.

Струве Н. Незамеченный юбилей: (К столетию со дня рождения Е. И. Замятина) // Вестник РХД. — Париж, 1984. — № 141. — С. 145—146.

Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. — Иерусалим, 1984. — С. 1—4, 83—85.

«Дело Пильняка и Е. Замятина». История публикации «Письма в редакцию» (1932).

[Б. п.] «Прошу заменить приговор высылкой за пределы СССР. ...»: [Предисл. к републикации статей «Скифы ли?» и «Елизавета Английская»] // Страна и мир. — Мюнхен, 1984. — № 5. — С. 82—83. — К 100-летию со дня рождения Е. И. Замятина.

Краткие биографические сведения. Характеристика републикуемых текстов.

1985

Блок А. А. [Пометы на вступительной ст. Е. И. Замятина к кн.: Уэллс Г. Д. Война в воздухе. Пб., 1919] // Библиотека А. А. Блока: Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. — Л., 1985. — Кн. 2. — 323—324.

Геллер М. Машина и винтики: История формирования советского человека. — London, 1985. — С. 10, 39, 91, 101—102, 116, 123, 203, 210, 219, 260, 268, 299.

Роман «Мы». Е. И. Замятин и Д. Оруэлл.

Роднянская И. Б. Морсон Г. С. Границы жанра: «Дневник писателя» Достоевского и традиции литературной утопии: [Реферат кн.: Morson G.S. The Boundaries of Genre: Dostoevsky's «Diary of a writer» and the traditions of literary utopia. — Austin, 1981]; **Чаликова В.** Утопический роман: Жанровые и автобиографические источники современных утопий и дистопий: (Обзор) // Социокультурные утопии XX века: Реф. сб. / ИНИОН АН СССР. — М., 1985. — Вып.3. — С. 76—77; 123—128, 133—134. Г. С. Морсон о романе «Мы». «Мы» и Д. Оруэлл.

Черемнин Г. В. В. Маяковский в литературной критике. 1917—1925. — Л., 1985. — С. 246—247.

Оценка творчества В. В. Маяковского в статье «Я боюсь».

Произведения Е. И. Замятина в театре, кино, изобразительном искусстве

Новицкий П. Жизнь театра имени Евг. Вахтангова // Театр им. Евг. Вахтангова: 20 лет. — М., 1946. — С. 32.

Краткий отзыв о спектакле «Сенсация» по пьесе Б. Хекта (1930; инсценировка Е. И. Замятина, режиссер Р. Н. Симонов в сотрудничестве с И. М. Рапопоротом).

Португалова М. Г. Большой Драматический театр; **Бачелис Т.** Театр имени Евг. Вахтангова // Очерки истории русского советского драматического театра. — М., 1954. — Т. 1: 1917—1934. — С. 371—372, 596—597.

Спектакли «Блоха» в БДТ и «Сенсация» в Театре им. Е. Б. Вахтангова.

Дикий А. О режиссерском замысле // Мастерство режиссера. — М., 1956. — С. 19—20.

Работа В. П. Крымова и Б. М. Кустодиева над декорациями к «Блохе» во МХАТе 2-м.

Мацкин А. А. Д. Дикий и его книга: [Предисл.]; **Дикий А. Д.** Повесть о театральной юности // Дикий А. Повесть о театральной юности. — М., 1957. — С. 3—36; 337—351.

Постановка «Блохи» во МХАТе 2-м.

Бирман С. Путь актрисы: [Воспоминания]. — М., 1959. — С. 173, 177—180.

Пьеса «Блоха» во МХАТе 2-м.

Мацкин А. П. Алексей Дикий и его книга // Мацкин А. Образы времени: Статьи о литературе и театре. — М., 1959. — С. 361, 365.

«Блоха» во МХАТе 2-м.

Полякова Е. Русь уходящая и Русь грядущая: На выставке работ Б.Кустодиева // Театр. — 1960. — С. 155—153.
Декорации Б. М. Кустодиева для «Блохи» во МХАТе 2-м.

Суздаев П. Борис Кустодиев // Творчество. — 1960. — № 6. — С. 17.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Эткинд М. Г. Борис Михайлович Кустодиев. — Л.; М., 1960. — С. 166—170.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Андреева М. Ф. [Письмо М. Горькому, 9 марта 1925 г.] // Мария Федоровна Андреева. Переписка; Воспоминания; Статьи; Документы; Воспоминания о М. Ф. Андреевой / Сост., ст. и коммент. А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. — М., 1961. — С. 304—305.

О премьере «Блохи» во МХАТе 2-м.

Медведев Б. Л., Сыркина Ф. Я. Театрально-декорационное искусство 1917—1934 годов // История русского искусства / Под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. — М., 1961. — Т. XII. — С. 370.

Монахов Н. Повесть о жизни: [Воспоминания]. — М.; Л., 1961. — С. 211—213.

Постановка «Блохи» в БДТ.

Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. — М., 1961. — Т. 1: Немые фильмы. (1918—1935) / Сост. Н. А. Глаголева, М. Х.Зак, А. В. Мачерет и др. — С. 192, 225.
Аннотации содержания кинофильмов «Северная любовь (1928; режиссер А. В. Ивановский, сценарий Е. И. Замятина по рассказу «Север»)» и «Дом в сугробах» (1928; режиссер Ф. М. Эрмлер, сценарий Б. Л. Леонидова по мотивам рассказа «Пещера»).

Андреева М. Ф. [Письмо М. Горькому, 9 марта 1925 г.] // Мария Федоровна Андреева. Переписка; Воспоминания; Статьи; Документы; Воспоминания о М. Ф. Андреевой. 2-е изд., доп. / Сост., ст. и коммент. А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. — М., 1963. — С. 313—314.

Пашенная В. Ступени творчества: [Воспоминания]. — М., 1964. — С. 179.

Спектакль «Блоха» во МХАТе 2-м.

Комаровская Н. И. Виденное и пережитое: Из воспоминаний актрисы. — М.; Л., 1965. — С. 200—201.

Спектакль «Блоха» в БДТ.

Марков П. А. Московская театральная жизнь: (1924–1925 годы) // Марков П. Правда театра: Статьи. — М., 1965. — С. 377–378, 380, 386.

Премьера «Блохи» во МХАТе 2-м.

История советского драматического театра. В 6 т. — М., 1966. — Т. 2: 1921–1925 / Отв. ред. К. Л. Рудницкий. — С. 68–70.

«Блоха» в МХАТе 2-м.

[Костина Е. М.] Живопись // Всеобщая история искусств / Под общ. ред. Б.В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского. — М., 1966. — Т. 6. Кн. 2. — С. 133.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Лебедева В. Е. Борис Михайлович Кустодиев. — М., 1966. — С. 70–75, 164–168, 233.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Русаков Ю. Дмитрий Исидорович Митрохин. — Л. ; М., 1966. — С. 39–40.

Работа Д. И. Митрохина над оформлением книги «Уездное» (1916).

Савицкая Т. А. Б. М. Кустодиев. — М., 1966. — С. 100–106.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Варпаховский Л. Набирая высоту: [Интервью] // Театральная жизнь. — 1967. — № 24. — С. 14–15.

Постановка «Блохи» во МХАТе 2-м.

Владиминова З. Алексей Дикий: [Предисл.]; **Ключарев В. П.** [Письмо Е. И. Замятину, 18 января 1924 г.: Фрагмент]; **Дикий А. Д.** [Письма (13) и телеграмма Е. И. Замятину, 10 февраля 1924 г. — до 12 марта 1925 г.; Телеграммы (2) и письма (6) Б. М. Кустодиеву, 22 декабря 1924 г. — до 12 марта 1925 г.]; **Кустодиев Б. М.** [Письмо Е. И. Замятину, 28 ноября 1924 г.; Письма (8) А. Д. Дикому, 31 декабря 1924 г. — 2 апреля 1925 г.] / Публ. М. Г. Козловой; **Козлова М. Г.** [Предисл. и коммент. к переписке Е. И. Замятина, Б. М. Кустодиева, А. Д. Дикого и В. П. Ключарева]; **Дикий А. Д.** Из книги «Повесть о театральной юности» // Алексей Дикий: Статьи. Переписка. Воспоминания / Сост. Н. Г. Литвиненко и А. Г. Гулиев. — М., 1967. — С. 22–23; 279–356; 357–364. — Переписка — под общим загл.: Переписка с Е. И. Замятиным и Б. М. Кустодиевым по поводу спектакля «Блоха».

Кустодиев Б. М. [Письма Ф. Ф. Нотгафу, 7 февраля 1925 г., и В. В. Воинову, 11 августа 1926 г.]; **Кустодиев Б. М.** Как я работал над «Блохой»; **Воинов В. В.** [Записи в дневнике, 5 июня 1922 г. — 12 декабря 1925 г.] / Сост. Т. В. Воинова; Коммент. М. Г. Эткинда; **Кустодиев К. Б.** О моем отце: [Воспоминания];

Комаровская Н. И. Мои встречи с Б. М. Кустодиевым; **Дикий А. Д.** «Блоха» в МХАТ—2: [Фрагменты из статьи «Б. М. Кустодиев» и книги «Повесть о театральной юности»]; **Монахов Н. Ф.** «Блоха» в БДТ: [Фрагмент из книги «Повесть о жизни»] // Борис Михайлович Кустодиев: Письма; Статьи, заметки, интервью; Встречи и беседы с Б. М. Кустодиевым: (Из дневника Вс. Воинова); Воспоминания о художнике / Сост.-ред. Б.А. Капралов; Общ. научн. ред. М. Г. Эткинда. — Л., 1967. — С. 176—177, 184, 197—199, 237, 247, 250—251, 255, 265, 269, 311, 390—395,

Работа над декорациями к «Блохе». Пребывание в Лебеяди в гостях у Е. И. Замятина. Работа над иллюстрациями к книгам «О том, как исцелен был отрок Эразм», «Русь», над портретом писателя.

Андреева М. Ф. [Письмо М. Горькому, 9 марта 1925 г.] // Мария Федоровна Андреева. Переписка; Воспоминания; Статьи; Документы; Воспоминания о М. Ф. Андреевой. 3-е изд., доп. и перераб. / Сост., ст. и коммент. А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. — М., 1968. — С. 366—367.

Глаголева Н. Из истории экранизации Горького за рубежом // Искусство кино. — 1968. — № 3. — С. 8—9.
В частности, о «На дне» Ж. Ренуара (1936).

Долгополов И. Сын Волги: (О творчестве художника Б. М. Кустодиева) // Огонек. — 1968. — № 47. — С. 16.
В частности, о декорациях Б. М. Кустодиева к «Блохе».

Монахов Н. Ф. Из стенограммы беседы с театроведом С. С. Мокульским о классическом репертуаре БДТ. 9, 11 декабря 1933 г. // Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1917—1921. — Л., 1968. — С. 257.
Участие Е. И. Замятина в работе БДТ в 1920—1921 гг.

Эткинд М. Г. Б. М. Кустодиев. — Л., 1968. — С. 55, 56.
Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Айзенштадт В. Русская советская историческая драматургия. — Харьков, 1969. — Ч.1. — С. 60—61.
Пьеса «Огни св. Доминика».

Грибкова Т. Первый в мире // Московский комсомолец. — 1969. — 15 ноября (№ 269). — С. 4.
В частности, о спектакле «Блоха» в Московском театре мимики и жеста (режиссер Л. Калиновский).

Фролов В. О неистовом художнике // Театр. — 1969. — № 5. — С. 102—104. — Рец. на кн.: Алексей Дикий: Статьи; Переписка; Воспоминания / Сост. Н. Г. Литвиненко и А. Г. Гулиев. — М., 1967.

В частности, о работе А. Д. Дикого над постановкой «Блохи».

Шмаринов Д. Искрометное искусство: Заметки с выставки [Б. М. Кустодиева] // Правда. — 1969. — 26 марта (№ 85). — С. 3.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

[Б. п.]. Возвращение к Левше // Неделя. — 1969. — № 44 (27 октября — 2 ноября). — С. 3.

Премьера «Блохи» в Московском театре мимики и жеста (режиссер Л. Калиновский).

Левитин Г. Художники БДТ // Театр. — 1970. — № 3. — С. 86–87.
Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха» в БДТ.

Смелков Ю. Перед дебютом // Неделя. — 1970. — № 27 (29 июня — 5 июля). — С. 14.

Об исполнителе роли Левши С. Савченко в дипломном спектакле выпускников актерского факультета «Блоха» в Студенческом театре (режиссер-педагог В. Кольцов).

Фрейдкина Л. Училище имени Б.В. Щукина // Театр. — 1970. — № 11. — С. 101–103, 194.

Дипломный спектакль выпускников актерского факультета «Блоха» в Студенческом театре (режиссер-педагог В. Кольцов).

Брудный Д. Мимика и жест // Театр. — 1971. — № 11. — С. 39–40.

Пьеса «Блоха» в Московском театре мимики и жеста (режиссер Л. Калиновский).

Г. М. Национальный театр Белграда: «Огни св. Доминика» Е. Замятина // Русская мысль. — Париж, 1971. — 12 августа (№ 2855). — С. 9.

Егорова Н. Премьера на гастролях // Советская культура. — 1972. — 19 октября (№ 126). — С. 3.

Гастрольная премьера «Блохи» в Московском областном драматическом театре им. А. Н. Островского в Ростове-на-Дону (режиссер А. Муат).

[**Костина Е. М.**]. Русское искусство 20–30-х годов // История искусств народов СССР. — М., 1972. — Т. 7. — С. 91.
Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Лищинский И. Жан Ренуар во времени и пространстве // Жан Ренуар. Статьи. Интервью. Воспоминания. Сценарий. — М., 1972. — С. 36.

Фильм «На дне» по сценарию Е. И. Замятина.

Алексеев Г. Резонанс от «Резонанса» // Комсомольская правда. — 1972. — 10 марта (№ 58). — С. 2.

Постановка «Блохи» в Молодежной театральной студии «Резонанс» Московского Дома культуры им. Н. К. Крупской Первого филиала производственного объединения «Большевичка» (режиссер А. Силин).

Равенских Б. Когда смех возвышает: Заметки об одном спектакле самодеятельной студии // Советская культура. — 1972. — 7 сентября (№ 108). — С. 3.

Постановка «Левши» Ленинградской студией телевидения по Н. С. Лескову (режиссер О. Рябоконт) и близость спектакля к «Блохе» Е. И. Замятина.

[Б. п.]. На черно-белом и цветном экранах // Вечерний Ленинград. — 1972. — 14 июня (№ 138). — С. 3.

Предстоящие музыкальные постановки Ленинградской студии телевидения, в частности — «Левша» (режиссер О. Рябоконт).

Димитров А. Золотые руки умельца // Театральная жизнь. — 1973. — № 19. — С. 32, 3-я с. обл.

Постановка «Блохи» в Молодежной театральной студии «Резонанс» Дома культуры типографии «Красный пролетарий» (режиссер А. Силин).

Половников А. Осторожнее с классикой!.. // Вечерний Ленинград. — 1973. — 6 февраля (№ 31). — С. 3.

Постановка «Левши» по Н. С. Лескову и близость спектакля к «Блохе» Е. И. Замятина.

[Б. п.]. Сказ о Левше // Вечерняя Москва. — 1973. — 10 сентября (№ 211). — С. 3.

Постановка «Блохи» в Молодежной театральной студии «Резонанс» Дома культуры типографии «Красный пролетарий» (режиссер А. Силин).

Капитайкин Э. Режиссура Московского художественного театра второго // Театр и драматургия (= Труды Ленингр. гос. института театра, музыки и кинематографии. Вып.4). — Л., 1974. — С. 176—180.

«Блоха» в постановке А. Д. Дикого.

Долгополов И. Рассказы о художниках. — М., 1974. — С. 425—426.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Сэпман И. Кинематограф Фридриха Эрмлера // Эрмлер Ф. Документы, статьи, воспоминания / Общ. ред., вступ. ст. и примеч. И. В. Сэпман. — Л., 1974. — С. 23—27.

Кинофильм «Дом в сугробах» (по мотивам рассказа «Пещера»).

Гуревич С. Д. Советские писатели в кинематографе. (20—30-е годы). — Л., 1975. — С. 138.

Кинофильм «Дом в сугробах» и «Северная любовь».

Ключарев В. П. [Письмо Е. И. Замятину, 18 января 1924 г.: Фрагмент]; **Дикий А. Д.** [Письма (13) и телеграмма Е. И. Замятину, 10 февраля 1924 г. — до 12 марта 1925 г.; Телеграммы (2) и письма (6) Б. М. Кустодиеву, 22 декабря 1924 г. — до 12 марта 1925 г.]; **Кустодиев Б. М.** [Письмо Е. И. Замятину, 28 ноября 1924 г.; Письма (8) А. Д. Дикому, 31 декабря 1924 г. — 2 апреля

1925 г.] / Публ. М. Г. Козловой; Козлова М. Г. [Предисл. и коммент. к переписке Е. И. Замятина, Б. М. Кустодиева, А. Д. Дикого и В. П. Ключарева]; Дикий А. Д. Повесть о театральной юности: [Фрагмент] // Дикий А. Избранное / Сост. Н. Г. Литвиненко. — М., 1976. — С. 327–396; 397–405. — Переписка — под общим. загл. «Переписка с Е. И. Замятиным и Б. М. Кустодиевым по поводу спектакля «Блоха»».

Любомудров М. Режиссерские искания Большого драматического театра во второй половине 1920-х годов. (1926–1932) // Театр и драматургия (= Труды Ленингр. гос. института театра, музыки и кинематографии. Вып. 5). — Л., 1976. — С. 122–127. Постановка «Блохи» в БДТ.

Мейерхольд В. Э. [Письмо Н. Р. Эрдману, 26 мая 1927 г.]; **Погодин Н. Ф.** [Письмо В. Э. Мейерхольду, 3 мая 1932 г.]; [Коршунова В. П., Ситковецкая М. М.]. Комментарии // Мейерхольд В. Э. Переписка / Сост. В. П. Коршунова и М. М. Ситковецкая. — М., 1976. — С. 266, 322, 416.

В связи с предполагающейся инсценировкой Е. И. Замятиным «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Пьеса «Сенсация» в Театре им. Е. Б. Вахтангова.

Марков П. А. «Блоха», МХАТ 2-й // Марков П. О театре. В 4 т. — М., 1976. — Т. 3: Дневник театрального критика. — С. 230–231.

Глумов А. Нестертые строки: [Воспоминания]. — М., 1977. — С. 133–134, 140–141.

«Блоха» во МХАТе 2-м.

Лебедянский М. С. Советская русская живопись первого Октябрьского десятилетия. — Л., 1977. — С. 51–53.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Островский Г. Сценография фольклорного театра // Советская сценография — 1977. — № 2. — С. 95.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Костина Е. М. Театрально-декорационное искусство 1920-х годов // Сыркина Ф. Я., Костина Е. М. Русское театрально-декорационное искусство. — М., 1978. — С. 148–149.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха» во МХАТе 2-м.

Петрова М. Театральное наследие Кустодиева // Театр. — 1978. — № 3. — С. 95–96.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Пилюгин С. Встреча в пути // Смена. — 1978. — 29 ноября (№ 273). — С. 4.

В частности, о спектакле «Блоха» Московского молодежного театра-студии на Красной Пресне под рук. В. Спесивцева (режиссер В. Спесивцев).

Струве Г. «Мы» Замятина на американской сцене // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1978. — 19 февраля (№ 424/497). — С. 5.

В связи с премьерой спектакля по роману в театре Калифорнийского университета (Беркли).

Кустодиева И.Б. Воспоминания об отце Борисе Михайловиче Кустодиеве; **Никитин Ф. М.** Б. М. Кустодиев: [Воспоминания] // Капланова С. Г. Новое о Кустодиеве: Пути творческих поисков; Воспоминания; Письма. — М., 1979. — С. 154–155; 181–182.

Работа над декорациями к «Блохе». Пребывание в Лебедяни.

Белова Л. Русское слово на зарубежном экране. — М., 1980. — С. 19–22.

Кинофильм «На дне» (режиссер Ж. Ренуар) по сценарию Е. И. Замятина.

Виноградов В. В. [Письмо Н. М. Малышевой, 21 ноября 1926 г.: Фрагмент; Теория драматической речи: Фрагмент из доклада 20 января 1926 г. в ГАХН] // Виноградов В. О языке художественной прозы / Отв. ред. Г. В. Степанов и А. П. Чудаков. — М., 1980. — С. 329–330. — В составе комментария А. П. Чудакова к ст.: Проблема сказа в стилистике.

О своем выступлении на диспуте в Государственном институте истории искусств, посвященном «Блохе» 20 ноября 1926 г. Анализ «Блохи».

Аннинский Л. Сотворение легенды // Октябрь. — 1981. — № 2. — С. 213. — Печаталось позднее под загл. «Сто лет "Левши"».

Пьеса «Блоха» и ее постановка А. Д. Диким, Н. Ф. Монаховым, В. Спесивцевым и др.

Ренуар Ж. Моя жизнь и мои фильмы. — М., 1981. — С. 122–125, 180, 226.

Работа над кинофильмом «На дне» (1936).

Золотницкий Д. Академические театры на путях Октября. — Л., 1982. — С. 287–289.

«Блоха» в МХАТе 2-м.

Филиппов Б. Театр Евгения Замятина; Приложение к «Блохе»: [Программа и перечень действующих лиц премьерного спектакля «Блоха» во МХАТе 2-м; Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: Фрагменты воспоминаний] // Замятин Е. Сочинения = Samjatin J. Werke. — München, 1982. — Т. 2. — С. 5–10; 503–508, 518–522.

Эткинд М. Г. [Вступительная статья] // Борис Кустодиев / Автор вст. ст., каталога и сост. М. Г. Эткинд. — М., 1982. — С. 27.

Декорации Б. М. Кустодиева к пьесе «Блоха».

Александров Г. В. Эпоха и кино. 2-е изд., испр. — М., 1983. — С. 153.

Неосуществленный замысел фильма по роману «Мы» (ошибочно приписан автором С. М. Эйзенштейну). В первом издании книги (М., 1976) имя Е. И. Замятина не упоминается.

Аннинский Л. Сто лет «Левши» // В мире Лескова. — М., 1983. — С. 306—308. — Ранее печаталось под загл. «Сотворенные легенды».

Максимов А. Что на сцене? // Комсомольская правда. — 1983. — 15 мая (№ 112). — С. 2.

В частности, о спектакле «Блоха» Московского молодежного театра-студии на Красной Пресне под рук. В. Спесивцева (режиссер В. Спесивцев).

Лебедева В. Кустодиев: Время. Жизнь. Творчество. — М., 1984. — С. 140—143.

Декорации к «Блохе» во МХАТе 2-м.

История русского советского драматического театра / Под общ. ред. Ю. А. Дмитриева и К. Л. Рудницкого. — М., 1984. — Кн. 1: 1917—1945. — С. 145.

«Блоха» во МХАТе 2-м.

Белова Л. Русская литература в зарубежном кино // Зримое слово: Кино и литература: Диалектика взаимодействия. — Л., 1985. — С. 112—114.

Кинофильм «На дне» (режиссер Ж. Ренуар) по сценарию Е. И. Замятина.

Бибиков В. Театр и судьба: Книга воспоминаний / Лит. запись Вл. Николаева // Памир. — 1985. — № 12. — С. 97—99.
«Блоха» по МХАТе 2-м.

Гиацинтова С. С памятью наедине: [Воспоминания] / Лит. запись Н. Э. Альтман. — М., 1985. — С. 258—259.

Пьеса «Блоха» во МХАТе 2-м. Оценка спектакля К. С. Станиславским.

ПОПРАВКА

В предыдущем номере "RS" мною была допущена ошибка, вызванная неточным прочтением инициалов в публикуемом документе: членом Правления Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей в 1929 г. был, конечно, не Л. А. Гельмерсен (с. 440), а Василий Васильевич Гельмерсен (1873—?), известный художник, а также переводчик (в частности, А. А. Блока на немецкий язык).

А. Галушкин

БИОБИБЛИОГРАФИЯ

---

*В. В. Попов
С.-Петербург*

Петербургские пути Ильи Эренбурга Биобиблиографические очерки

1.

Илья Григорьевич Эренбург родился в 1891 г. в Киеве, детство провел в Москве и юношей, не достигнув 18-летнего возраста, оказался в эмиграции в Париже, так и не побывав до этого в столице Российской империи. В этом городе у него тогда не было ни родственников, ни знакомых, и тем не менее, именно в Петербурге он состоялся как поэт (чуть позже — как публицист), именно здесь вышла его первая в России поэтическая книга, в петербургской прессе увидело свет большинство его дореволюционных стихов и наибольшее количество рецензий на его поэзию.

В Париж Эренбург приехал в декабре 1908 г. политическим эмигрантом, большевиком и, естественно, первые его шаги в чужом незнакомом городе были направлены в сторону революционеров. На одном из собраний группы содействия РСДРП он и познакомился с приехавшей в Париж учиться медицине в Сорбонне петербурженкой Лизой Мовшенсон, будущей поэтессой Елизаветой Полонской, единственной «сестрой» среди известных «Серапионовых братьев».

У 18-летнего Ильи возникли сердечные чувства к новой знакомой и, затрудняясь объяснить их простыми словами, он попытался, по его выражению, «неожиданно для себя» сделать это в стихах, тем более, что Лиза испытывала большое влечение к поэзии и сразу же стала не только Музой Ильи, но и строгим, придирчивым и в то же время благожелательным критиком. Она вполне серьезно отнеслась к творческим занятиям своего друга и, хотя и упрекала его в подражательстве, многие его опыты посчитала заслуживающими не только своего внимания.

К этому времени Эренбург довольно быстро разочаровался в революционной деятельности и начал поиски своего места в жизни. Занятия поэзией ему показались вполне подходящим делом, и это способствовало его поэтическим упражнениям, уже ушедшим от первоначальной задачи выражения своих чувств к одному единственному человеку. За созданием стихов последовала их публикация, затем интерес к ним критики, признание, становление поэта.

Чтобы понять, как это произошло, как молодой, неизвестный и, надо сказать, первое время отнюдь не блистательный автор, добился этого, бесполезно проследить путь Эренбурга к известности, попытаться выяснить и проанализировать немногие дошедшие до нас факты, свидетельства, документы и приоткрыть завесу над издательской судьбой Ильи Эренбурга.

Его ранние стихи печатались в периодике Москвы и Харькова, Иркутска и Киева, первые поэтические книги выходили в Париже, но большинство произведений молодого поэта первой половины 1910-х годов увидело свет в Петербурге.

До сих пор исследователи не предпринимали попыток раскрыть причину успеха (или цепочку удачных совпадений), позволившего написанным от руки в Париже листкам бумаги превратиться в отличные в Петербурге и тиснутые тысячами экземпляров типографские строчки. В значительной мере это объясняется и тем, что в сохранившихся архивах практически отсутствуют документы этого периода, обычно сопровождающие каждое произведение на его пути в свет — переписка с авторами, внутренние рецензии, запросы в цензуру, гонорарные ведомости и т. п. А следы архивов многих изданий, в том числе и таких крупных и важных, как газета «Биржевые ведомости», журнал «Современный мир», издательство «Общественная польза» и большинство других, вообще отыскать не удалось. Однако, изучая публикации, сравнивая собранные по крупицам отдельные свидетельства и документы, все-таки можно попытаться кое-что прояснить, о чем-то догадаться и выдвинуть некоторые версии и гипотезы.

Как выяснилось, немало может подсказать и определение и сопоставление некоторых дат, в том числе и тех, которые отсутствуют в документах, но могут быть реконструированы. Так случилось, например, с установлением времени появления в Петербурге первых, еще не опубликованных стихотворений Эренбурга. Сам писатель рассказал об этом, не уточняя дат. В книге «Люди, годы, жизнь» он написал: «Лиза уехала на каникулы в Петербург. Неожиданно пришла от нее телеграмма: журнал «Северные зори» взял одно мое стихотворение»¹.

Логично рассудив, что студенты должны отдыхать только летом, и не подвергая сомнению утверждение Эренбурга, что Лиза отправилась домой именно «на каникулы», авторитетный знаток биографии писателя, исследователь его творчества Б. Я. Фрезинский в своем фундаментальном труде о переписке В. Брюсова с И. Эренбургом предположил: «Возможно, Полонская показывала стихи Эренбурга в петербургских редакциях, когда приезжала на каникулы домой летом (разрядка мая. — В. П.) 1909 года»².

Помимо того, Б. Фрезинский имел в виду еще одно обстоятельство, препятствующее Лизе заботиться о стихах своего друга Ильи в более позднее время. Оно описано Эренбургом в той же главе: «В конце 1909 года на одном из эмигрантских вечеров я познакомился с Катей, студенткой медицинского факультета первого курса. Влюбился я сразу...»³.

Действительно, Катя, Екатерина Оттовна Шмидт, вскоре стала женой Эренбурга и матерью его дочери, что, естественно, изменило сердечные привязанности молодого поэта, в результате чего Лизе, для которой личные отношения с Ильей вряд ли значили меньше, чем его поэтические способности, не было никакого резона бегать по петербургским редакциям и пытаться пристроить (опубликовать) там стихи отвергнувшего ее поэта. Но и Илье не было смысла немедленно сообщать о своих новых чувствах недавней возлюбленной, тем более, что в этот момент она, скорее всего, была уже не рядом, а в Петербурге. Туда она уехала все-таки не летом — она проводила каникулы вместе с Ильей, путешествуя по Германии, Швейцарии и Италии, о чем писала матери из Парижа в середине августа⁴, а зимой, т. е. именно в конце 1909 г. когда Эренбург и познакомился с Катей.

Только зимой могла придти от Лизы телеграмма о журнале «Северные зори», ибо начал он выходить лишь 11 декабря 1909 г., а стихотворение И. Эренбурга «Шел я к тебе...», ставшее первой публикацией писателя, было помещено в номере от 8 января 1910 г. Ни Лиза, никто другой не могли отдавать стихи Эренбурга редакциям летом 1909 г. еще и потому, что ни одно из изданий, опубликовавших их в 1910 г., тогда просто не существовало. Журнал «Северные зори» на самом деле взял не одно стихотворение Эренбурга, а несколько и помещал их на своих страницах в течение всей зимы. Всего до прекращения выхода журнала в марте 1910 года в нем было опубликовано пять стихотворений молодого автора, больше никогда нигде не воспроизводившихся⁵.

Пребывание Лизы в Петербурге зимой 1910 г. позволяет выдвинуть довольно смелую гипотезу по атрибуции одного эренбургского письма, хранящегося в РГАЛИ, давно известного исследователям, но не публиковавшегося и не вводившегося в литературоведческий оборот ввиду многих неясностей, а от этого — малой информативности:

«31.12. Дорогая Маня! Сейчас получил твое письмо. «Лист» я тебе послал вчера еще — бандеролью. Я думаю, что он дойдет. Если не получишь, напиши, и я вышлю заказным. Merci за посылку. Относительно девицы, если она недурна, дело другое. Поживем увидим. Хотя ты и парижанка, но позволь мне сделать поправку — «Petit beene» и «pneusnalique» — одно и то же.

Засим всех благ. Илюша. Блеро! Посылаю тебе неск. из своих новых стихов и целую. Видала ли ты Надежду Яковлевну? Что со стихами. Целую всех. Писать не могу, т.к. спешу на «новогодний» вечер. Марку наклеить, к сожалению, тоже не могу. Блеро!»⁶.

К письму приложены стихотворения «Будем как дети» и «Сказка без слов». Здесь много неясного. И непонятное слово «блеро», и какой-то посланный «лист», и неизвестная Надежда Яковлевна. Но наиболее важными загадками видятся датировка (не указан год) и адресат. Тот, кто атрибутировал письмо в архиве, указал датой 1910 год, а адресатом — Марию Григорьевну Эренбург, сестру поэта.

Неточность даты определяется сразу. Письмо могло быть написано только в 1909 г., ибо приложенное к нему стихотворение «Будем как

дети» в марте 1910 г. было опубликовано⁷, и в декабре того же года его незачем было посылать как «новое». Не убедительно и определение адресата, по крайней мере, потому, что фраза «хотя ты и парижанка» не могла относиться к Марии Григорьевне, до того ни разу в Париже не побывавшей.

Попробуем по тексту письма представить себе портрет адресата. Это — женщина, довольно близко знающая автора, ибо иначе он не обращался бы к ней на «ты» и не подписывался «Илюшей». Она прожила в Париже какое-то время, достаточное для того, чтобы ее называть парижанкой, причем, жила там одновременно с Эренбургом, а, следовательно, лишь недавно уехавшая, ибо он провел к тому времени в Париже всего год. Стихи Эренбург посылает «новые», значит адресат должен знать «старые», а к этому времени еще ни одно стихотворение поэта не опубликовано и знать их можно только в рукописи. И, наконец, письмо, скорее всего, было послано в Петербург, ибо не позже, чем через месяц, стихи Эренбурга оказались в редакции петербургского журнала. (Впрочем, Москву полностью исключить тоже нельзя).

Мы мало знаем окружение Эренбурга 1909 г., хотя особенно обширным оно тогда вряд ли было. И из тех людей, о знакомстве с которыми нам известно, составленный по письму портрет адресата вполне подходит к ... Лизе Мовшенсон. Что же касается обращения «Маня», то можно предположить, что недавнее занятие Эренбурга и Мовшенсон «революцией» могло дать Лизе партийную кличку, что было тогда в обычае. (Например, подруга Ильи и Лизы того времени и их соратница по «кружку» Мария Левина звалась между ними «Наташей»)⁸.

Был еще один человек, не менее Лизы соответствовавший этому портрету, да еще и носивший имя, вполне преобразующееся в «Маню». Это жена двоюродного брата поэта, художника Ильи Лазаревича Эренбурга. Звали ее Мария Михайловна, жила в Париже и на правах родственницы вполне могла быть с поэтом на «ты» и знать его неопубликованные стихи. О встрече с Марией Михайловной в доме Ильи Григорьевича свидетельствовал в своих воспоминаниях М. Волошин⁹. Вот только неизвестно, была ли она в январе 1910 г. в Петербурге и вообще бывала ли в этом городе. Но как бы там ни было, остается фактом, что «Маня» в январе побывала еще в одном петербургском журнале — «Жизнь для всех», возникшем, как и «Северные зори», в декабре 1909 г. Мартовский номер этого журнала открылся стихотворением Эренбурга «Будем как дети», посланным им в Россию с новогодним письмом. Стихи Эренбурга печатались в этом журнале и в апрельском, и в июньском номерах, и в 1913 г.¹⁰, но каких-либо иных следов общения поэта с этим журналом, кроме фактов публикаций, разыскать не удалось.

Первые успехи вдохновили и окрылили молодого поэта. Что произошло дальше, рассказывает сам Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь»: «Я осмелел и послал стихи в журнал «Аполлон». Вскоре пришел ответ от редактора, художественного критика Т. К. Маковского.

Он справедливо ругал мои стихи, но в конце письма говорил уже не о слабых виршах, а о человеке — предлагал мне выбрать другую профессию, заняться, например, коммерцией. «Аполлон» был для меня верховным судом. Месяц я ничего не писал: если Маковский советует мне стать лавочником, то это неспроста, — значит, я самозванец. Лизе удалось меня успокоить, приободрить, и я вернулся к стихам»¹¹.

Поскольку переписка с Маковским могла произойти лишь после первых публикаций стихов Эренбурга, то есть не раньше, чем в конце зимы или начале весны 1910 г., а у Лизы еще были силы и желание приободрять друга, значит, разрыв между ними произошел не сразу после знакомства Ильи с Катей, и это лишний раз свидетельствует о том, что Лизе ничто не мешало заниматься изданием стихотворений Эренбурга зимой.

Однако с приближением лета выяснение отношений все же должно было состояться. Дело в том, что год назад Илья с Лизой чудесно провели лето в путешествиях по Европе, и, не ведая о сердечных делах своего друга, она могла рассчитывать на нечто подобное и на этот раз. Но Илья уже влюбился в Катю и собирался лето провести с ней. «Я сидел на скамье бульвара с Лизой, рассказывал о поездке в Вену, — вспоминал Эренбург. — Лиза говорила о другом. Это была очень печальная встреча. Лиза подарила мне книгу, на первой странице она написала, что нужно опоясать сердце железными обручами, как бочку»¹².

Итак, объяснение состоялось. Илья с Катей уехали на лето отдыхать в Бельгию и Голландию¹³, а Лиза на несколько лет вроде бы выпала из сферы общения Эренбурга.

Что же касается «Аполлона», то Эренбург надолго отложил попытки напечататься в этом издании. Лишь весной 1915 года он снова рискнул послать туда свои стихи. К этому времени не только сам Эренбург уверился в том, что он поэт, но и нашел тому подтверждение как у авторов немало количества доброжелательных рецензий на свои поэтические сборники, так и в статьях, рассматривавших его поэзию в целом¹⁴.

Редакция «Аполлона» на стихи Эренбурга сразу не отреагировала и 14 мая 1915 г. парижская почта проштамповала открытку, посланную поэтом на адрес журнала: «Милостливый государь. Будьте добры ответить, получили ли Вы посланные мной стихотворения и подошли ли они для Вашего журнала. С почтением И. Эренбург»¹⁵. 6 июня редакция ответила автору. Текст ответа не сохранился, но ясно, что он не удовлетворил поэта. 26 июня он посылает еще одну открытку: «М. г. Прошу сообщить, приняты ли посланные мною стихотворения. С почтением И. Эренбург»¹⁶.

Ответ, содержание которого не известно, судя по редакционным пометам на открытке, был послан месяц спустя, 27 июля. После этого Эренбург больше в редакцию «Аполлона», по-видимому, не обращался, а стихи его там так и не были опубликованы.

2.

Возможно, это случайное совпадение, а может быть, осознанный выбор, но факт, что все произведения, опубликованные Эренбургом в первой половине 1910 г. — и не только в Петербурге, были напечатаны в новых, только что возникших изданиях, не успевших еще обзавестись своими традициями и постоянными авторами, что, безусловно, способствовало проникновению в печать далеко не зрелых творений никому пока не известного автора. Эта тенденция сохранилась и во второй половине года, когда осенью, подобно обильному урожаю, начали возникать новые газеты и журналы и, хотя одновременно выходили десятки вполне устоявшихся и нередко весьма авторитетных изданий, именно в только что возникающих стали появляться стихи молодого поэта, проживавшего в далеком от Петербурга Париже.

То расстояние, что разделяло эти города, и та оперативность, с которой произведения Эренбурга становились известными в новых газетах и журналах Петербурга, невольно заставляют искать там некоего «литературного агента», весьма старательно заботившегося об этом. Доказательством существования такового могут служить некоторые факты.

31 августа 1910 г. вышел первый номер газеты «Санкт-Петербургские театральные ведомости». Уже в номере от 2 сентября газета пообещала, что обязательно поместит рецензии на все присланные в редакцию книги. Как раз в это время, в конце августа 1910 г., Эренбург выпустил в Париже свою первую поэтическую книгу «Стихи». «Пятьдесят экземпляров я сдал на комиссию в русский магазин, — вспоминал полвека спустя Эренбург, — другие постепенно отправлял различным поэтам в Россию — марки стоили дорого... Я ждал, что скажут о моей книге поэты в России»¹⁷.

В номере от 6 сентября 1910 г. «Санкт-Петербургские театральные ведомости» сообщили, что в редакцию поступила на отзыв книга И. Эренбурга «Стихи». Если даже учесть отличную работу почты в те времена и предположить, что Эренбург послал книгу в редакцию, не дожидаясь обещания рецензии, а сразу по выходе первого номера газеты, и допустить, что этот номер был отослан и в Париж (интересно, кому?) и сразу попал в руки Эренбурга, то все равно его книга никак не могла оказаться в редакции так быстро. Кроме того, книга, выпущенная за границей, должна была получить разрешение на распространение в России и кто-то должен был предъявить ее для этого в цензуру. Вряд ли цензор сам выискивал издания, требующие такого разрешения, но книга Эренбурга у него оказалась, и 9 сентября цензор Горяинов выдал на нее «дозволение»¹⁸. Можно подумать, что кто-то из редакции стоял у него в это время за спиной и ждал решения, ибо 10 сентября рецензия на «Стихи» уже была написана и 11-го появилась в газете. Рецензия была подписана «Конст. О.», что, по мнению Р. Тименчика, благодаря подсказке которого была разыскана газета «Санкт-Петербургские театральные ведомости», означает авторство К. И. Диксона, чье имя в связи с Эренбургом больше никогда не фигурировало.

Остается предположить, что специально для газеты книгу Эренбург не высылал, а она уже была в Петербурге у кого-то, притом не в единственном экземпляре. Свидетельством тому служит и № 24 «Нового журнала для всех», где в списке изданий, поступивших для отзыва в сентябре, она значится среди первых. Список этот достаточно большой и принцип его формирования не вполне ясен. Присланные в редакцию книги перечислены в нем не в алфавитном порядке, не по темам и не по жанрам, не по какому-либо иному логическому принципу, а вполне произвольно, то есть, скорее всего, в порядке поступления в редакцию. Исходя из положения «Стихов» в списке, они поступили в журнал в самом начале сентября, то есть, тогда же, когда и в «Санкт-Петербургские театральные ведомости». В сентябре книга Эренбурга попала и в редакцию журнала «Современный мир», где была в октябрьском номере отрецензирована В. Волькенштейном.

Возможно, книга и стихи молодого поэта поступали и в некоторые другие издания, не нашедшие нужным на это откликаться. Но даже то, что мы знаем, подтверждает вероятность наличия в Петербурге «литературного агента» Эренбурга, имевшего у себя несколько экземпляров книги Эренбурга, предназначенных для рецензирования. У него же был и определенный запас неопубликованных стихотворений поэта. Иначе как объяснить, что на следующий день после рецензии «Санкт-Петербургские театральные ведомости» опубликовали нигде ранее не печатавшееся стихотворение Эренбурга, а спустя две недели еще одно¹⁹. А возникший в ноябре журнал «Новая жизнь» уже в начале 1911 г. опубликовал новые стихи Эренбурга²⁰. К сожалению, газета «Санкт-петербургские театральные ведомости» в октябре 1910 г. прекратила свое недолгое существование, но журнал «Новая жизнь» еще не раз предоставлял свои страницы и новым стихотворениям Эренбурга и рецензиям на его книги.

Если бы не разрыв с Лизой, вполне можно было бы предположить, что искомым «литературным агентом» Эренбурга была именно она (кстати, из биографии Е. Полонской не ясно, где она находилась в августе-сентябре 1910 г. Могла быть и в Петербурге) или кто-нибудь из ее родных. Не известны жизненные перипетии жизни в это время первой жены кузена Ильи Григорьевича Марии Михайловны (возможно, «Мани»). Не стоит сбрасывать со счетов и жившую в Москве сестру Эренбурга Изабеллу Григорьевну, немало сделавшую для распространения поэзии брата.

Она, в частности, по его поручению передала первую книгу В. Брюсову, М. Волошину²¹⁻²² и, возможно, другим адресатам. Она посылала стихи брата для публикации в Иркутск и, видимо, в другие города, не говоря уж о Москве, где Изабелла Григорьевна держала постоянную связь со многими редакциями и обеспечивала как публикацию стихотворений Эренбурга, так и рецензирование его книг. Правда, именно в сентябре у Изабеллы Григорьевны было особенно много хлопот в Москве. Благодаря ее усилиям рецензия на «Стихи» появилась в «Московской газете» 13 сентября 1910 г., всего на два дня

позже, чем в Петербурге, и меньше, чем через месяц после выхода книги в Париже. В той же газете стихи Эренбурга трижды публиковались в сентябре — октябре 1910 г. Она организовала публикацию стихотворений брата в августе и сентябре в московских газетах «Студенческая жизнь» и «Голос студенчества», в только что основанном журнале «Денди» (1 октября), рецензию на «Стихи» в «Студенческой жизни» и многое другое. Хватило ли у нее времени и сил еще и на петербургские издания?

3.

В декабре 1910 г. в Петербурге появилось еще одно периодическое издание — «Всеобщий журнал». О его предполагаемом выходе было известно заранее. В частности, те же «Санкт-Петербургские театральные ведомости» дали объявление об этом еще в начале сентября. Для изучения издательских перипетий Эренбурга интерес в этом объявлении представляет фраза о том, что издателем журнала будет И. Т. Соломин. Однако по выходе «Всеобщего журнала» во главе его были объявлены другие лица, Соломин же попал в список постоянных авторов и, хотя он из этого списка так и не исчез, за все время существования журнала в нем не появилось ни одной строчки, подписанной И. Соломиным. Выяснить что-либо о нем в доступной литературе не удалось. Лишь в словаре псевдонимов И. Масанова сообщается, что Соломин — это псевдоним, а его настоящая фамилия Клейнершейхет, но эти сведения ничего не разъясняют. Между тем выяснить личность Соломина и его роль во «Всеобщем журнале» не бесполезно, ибо именно ему, возможно, поверив анонсу о руководстве Соломиным журнала, посылал Эренбург свои стихи в конце 1910 г. В РГАЛИ сохранилось два письма Эренбурга Соломину, не привлечших внимания исследователей, возможно, потому, что не датированы, не поясняют, о каком издании идет в них речь, и без подробных комментариев не информативны.

«Милостивый государь! — пишет в первом из них Эренбург (между прочим, в архиве оно значится вторым). — Предлагаю для напечатания в Вашем журнале прилагаемые стихи. Мои стихи печатались в «Ж. для В.», «Кр.зеркале», «Денди» и др. С уважением И. Эренбург»²³. Письмо отправлено из Парижа.

«Ж. для В.» — это «Жизнь для всех», «Кр. зеркало», как и «Денди» — московские журналы. Судя по упоминанию о «Денди», письмо не могло быть написано раньше октября 1910 г. Но в таком случае непонятно, почему Эренбург не говорит о своей книге «Стихи», на которую к этому времени появилось уже несколько рецензий. Возможно, оттого, что знал, что книгу эту в редакцию уже передал его «литературный агент».

Не известно, сколько стихотворений было приложено к письму, но два из них, так и не опубликованные, в архиве сохранились. Они обозначены как стихи из цикла «Моему духовнику» и значатся под номерами 5 и 7. Известно еще одно стихотворение Эренбурга из этого цикла, опубликованное в декабре 1910 г. в иркутской газете «Голос

Сибири»²⁴. Остальные стихи либо пропали, либо были напечатаны без указания цикла. Соломину же в этом письме были посланы и другие стихи. Одно из них — «В детстве любила она на кровати...» было опубликовано во втором номере журнала, вышедшем в январе 1911 г. Стоит отметить, что публикация этого единственного стихотворения позволила редакции, давая объявление о подписке на журнал на 1911 г. (в частности, в петербургской газете «Свободные мысли» от 14 марта), указать среди произведений, напечатанных в журнале, и стихи И. Эренбурга. Интересно, что это стихотворение, больше нигде не публиковавшееся, редакция провинциальной газеты «Подольские известия» два года спустя сочла нужным перепечатать в своем новогоднем номере.

В том же номере «Всеобщий журнал» поместил и небольшую рецензию на первую книгу Эренбурга: «У автора есть вкус, есть понимание стиля, есть соответствие формы и содержания, есть, наконец, собственное оригинальное лицо. Стихи его не подражательны и не банальны. Для начинающего поэта это является уже большой заслугой, — писал анонимный рецензент. — К сожалению, слишком часты в его стихах технические просчеты, прозаизмы, бедные рифмы, искусственные ударения и пр. Овладев техникой, Эренбург, может быть, подарит нам много ценного».

Об этой публикации Эренбург узнал в феврале 1911 г., когда был в Италии. Он написал еще одно письмо, опять же Соломину (по крайней мере, так определили архивисты), тоже не датированное: «Милостивый государь, очень прошу Вас выслать мне № Вашего журнала, в котором было напечатано мое стихотворение. Посылаю Вам несколько стихотворений и рассказ. Рукопись последнего в случае ненапечатания прошу вернуть»²⁵.

Какие при письме были стихи, не известно, они в архиве не сохранились. Возможно, они затерялись, а может, журнал их впоследствии напечатал, поскольку и летом 1911 и в начале 1912 гг. в журнале публиковались стихи Эренбурга²⁶, а сведений о дальнейшей переписке поэта с редакцией нет.

А вот рассказ (речь идет, без всяких сомнений, о лирической зарисовке «В ноябре»), первый и на несколько лет вперед единственный рассказ Эренбурга, «Всеобщий журнал» не опубликовал. Не известно, проделала ли рукопись рассказа путешествие из Петербурга за границу, а затем снова в Петербург, или переместилась в другую редакцию более коротким путем, но летом этот первый опыт Эренбурга в прозе появился в также недавно основанном в Петербурге журнале «Свободным художествам»²⁷, где номером раньше было опубликовано одно из стихотворений Эренбурга²⁸. Появление в журнале этих двух произведений еще совсем не именитого Эренбурга — было, пусть и походя, отмечено критикой. Рецензент екатеринославской газеты «Южная заря», обозревая полугодовую деятельность журнала, отмечал, что, публикуя репродукции из музеев России и Европы а также полотна современных мастеров, журнал активно защищает старые, реалистические школы живописи, борется против

импрессионизма и декадентства, но в то же время «этой тенденции совершенно противоречит текст журнала, в котором первое место занимают как раз виднейшие наши декаденты разных оттенков, как то: Фед. Сологуб, Сергей Городецкий, Алексей Ремизов, с его языком-ломкой и скучнейшей чертовщиной, Гофман, Федоров, Эренбург и другие»²⁹.

Одновременно с журналом «Свободным художествам» в той же редакции начала выходить дополнявшая журнал и имевшая большую оперативность еженедельная газета «Против течения». В первом же номере она обещала давать отзывы о всех присланных в редакцию книгах. «Стихи» И. Эренбурга поступили в редакцию в декабре (возможно, из Парижа, но не исключено, что книга была из ранее присланных в Петербург «литературному агенту»). О получении «Стихов» было сразу же сообщено в газете, и в том же номере, где поместили эту информацию, была приведена небольшая, более похожая на аннотацию, рецензия. Стихотворений Эренбурга газета не печатала, но возможно, он их ей и не предлагал.

Выбранная или вынужденно принятая Эренбургом ориентировка на новые издания продолжала плодоносить. Появившийся в Петербурге в ноябре журнал «Новая жизнь», о подготовке к выходу которого Эренбург мог узнать из тех же «Санкт-Петербургских театральных ведомостей», в начале 1911 г. опубликовал два стихотворения Эренбурга и, продолжая сотрудничество, вскоре поместил еще два³⁰⁻³¹ из находившегося тогда в печати нового сборника его стихов «Я живу», а затем, после выхода этой книги, и рецензию на нее, в которой отмечалось, что «Эренбург отличается большим вкусом», и, по сравнению с другими поэтами, о которых писал журнал, «у него благороднее и чище выработка стиха, тоньше и оригинальнее образы»³². Сотрудничество Эренбурга с этим журналом продолжалось и в дальнейшем³³.

...Прошел всего лишь год творческой жизни дотеле никому не ведомого поэта, но он, пока ничем особенным не блеснув, все же постарался выкарабкаться из небытия. Помогли ли ему большая работоспособность и настойчивость, организаторский талант или просто чутье, а может, везение, но дело было сделано: к имени Эренбурга стали привыкать. Безусловно, решающее значение в этом имели не публикации в периодике, а выход собственной книги, но для того, чтобы ее заметили, тоже пришлось немало поработать.

До сих пор остается загадкой тираж первой книги Эренбурга. Он мог быть и 100 и 200 экземпляров. Вот как рассказал об этом сам автор: «Хозяин типографии <...> сосчитал строки и сказал, что двести экземпляров обойдутся в полтора франков. Я поспешно возразил: зачем двести? Я — начинающий автор, с меня хватит и сотни. Типограф объяснил, что самое дорогое — набор, но согласился скинуть двадцать пять франков <...>. Пятьдесят экземпляров я сдал на комиссию в русский магазин; другие постепенно отправлял различным поэтам в Россию — марки стоили дорого. Вообще расходы были значительными, а приход ничтожным — продано было всего шестнад-

цать экземпляров»³⁴. Но если тираж был даже 200 экземпляров, то учитывая, что известно не менее 20 рецензий на эту книгу, легко подсчитать, что каждый десятый, вышедший из типографии, экземпляр получил печатный отклик.

Наиболее значимыми стали появившиеся в феврале 1911 г. рецензии двух крупных поэтов, чье мнение в литературной среде было весьма авторитетным — Валерия Брюсова и Максимилиана Волошина. Волошин, опубликовав в московской газете «Утро России» большую статью с тщательным анализом стихов Эренбурга, заключил: «И. Эренбург — очевидно, еще очень молодой человек, — не производит совсем плохого впечатления. У него сильны увлечения дурным стилем, но нет в его стихах вопиющего безвкусия <...>. Он может выписаться, и в смысле техники его нынешние стихи не будут ему бесполезны»³⁵.

Брюсов, уделив первой книге Эренбурга значительное место в статье «Новые сборники стихов», напечатанной в «Русской мысли», отметил, что «обещает выработаться в хорошего поэта И. Эренбург».

Эту оценку не разделил Н. Гумилев, прочитавший статью Брюсова и написавший ему: «Меня смутил <...> Ваш отзыв об Эренбурге. Сколько я его ни читал, я не нашел в нем ничего, кроме неграмотности и неприятного снобизма»^{35a}, а затем выступивший публично с оценкой эренбурговских «Стихов». В статье «Письма о русской поэзии», опубликованной журналом «Аполлон», он написал, что автор «поставил ряд интересных задач <...> и ни одной из этих задач не выполнил даже отдаленно, не имея к этому никаких данных»³⁶.

Но сам факт, что книга оказалась достойна внимания и, пусть негативного, но все же обсуждения в журнале, редактор которого еще год назад советовал Эренбургу бросить поэзию и заняться коммерцией, уже говорил о многом. Тем более, что тот же Н. Гумилев всего полгода спустя в таких же «Письмах о русской поэзии» в том же «Аполлоне» вторую книгу Эренбурга — «Я живу» — оценил совсем иначе: «Эренбург сделал большие успехи со времени выхода его первой книги <...>. Из разряда подражателей он перешел в разряд учеников и даже иногда вступает на путь самостоятельного творчества <...>. Главное уже сделано: он знает, что такое стихи»³⁷.

Итак, даже «Аполлон», бывший для Эренбурга «верховным судом» и поначалу советовавший ему стать «лавочником», признал в Эренбурге поэта. А ведь начиналось это всего лишь чуть больше года назад, когда сердечно равнодушная к Илье Лиза Мовшенсон, держа несколько скромных листочков бумаги с написанными от руки стихами своего парижского друга, ходила по петербургским редакциям с желанием напечатать там стихи никому не ведомого юноши, чья фамилия была известна разве что Московскому губернскому жандармскому Управлению, где Эренбург числился скрывшимся от суда преступником, подлежащим немедленному аресту, едва он появится на территории Российской империи.

4.

Летом 1911 г. в Петербурге вышла первая в России книга И. Эренбурга. Это был сборник его стихотворений, названный «Я живу» и выпущенный одним из старейших русских издательств «Общественная польза». Как и «Стихи», этот сборник получил широкую прессу. Эренбург так же настойчиво, как и год назад, предлагал книгу для рецензии различным изданиям, и многие, хотя, разумеется, не все, на это откликнулись. Отзывы, преимущественно, были положительными. С. Городецкий, откликнувшийся первым, написал: «По сравнению с первой книгой вторая гораздо содержательней. Вместо мертвых образов появляются живые образы, и хотя ритмика остается такой же бедной и однообразной, все-таки «с трудом добытые из лиры», по нескромному выражению автора, слова образуют сочетания и художественный смысл более правдивые и убедительные... Муза его решительно сбросила с себя фальшивый, холодный наряд»³⁸. «Во втором сборнике стихов г. Эренбург отрешился от прежней манерности, его стих окреп», — писал В. Волькенштейн³⁹. «Эренбург отличается большим вкусом, у него благороднее и чище выработка стиха, тоньше и оригинальнее образы», — замечал по поводу «Я живу» Н. Кадмин (Н. Я. Абрамович), сравнивая эренбурговскую книгу с несколькими вышедшими одновременно сборниками стихов других авторов⁴⁰. Критик Н. Заботкин пошел еще дальше. Разбирая «Я живу» он написал: «Поэзия И. Эренбурга, на самом деле, — поэзия «неотразимых слов»; цикл «Флорентийские терцины», или «Времена года», или «Сандро Боттичелли», как и стихотворения «Дионис», «На травы сохлые», «Сияли розы неземные» — ясное доказательство этой поэтической неотразимости «слов» Эренбурга... Муза И. Эренбурга, при всей своей надуманности, — чиста как хрусталь, и искренна, как дитя. Вот что именно к ней так страшно влечет читателя, которому точно сообщается иллюзия «лирического волнения» самого поэта⁴¹. «У него есть очень многое, — хороший вкус, мелодичность стиха, изящная техника и острый глаз, верно схватывающий соотношение красок», — писал по поводу второй книги И. Эренбурга С. Кречетов в «Заметках о текущей русской литературе»⁴².

Положительно отзывались о новой книге Эренбурга Л. Войтовский и другие критики⁴³. И только один рецензент, подражание творчеству которого многие критики отмечали в стихах Эренбурга, разгромил «Я живу» до основания. Это был В. Я. Брюсов.

Зимой 1911 г. Эренбург послал Брюсову несколько своих стихотворений, полностью последним отвергнутых⁴⁴. «Будучи вполне согласным» с мнением Брюсова, Эренбург в апреле послал ему другие стихи, казавшиеся автору «иными и по своим задачам и по технике»⁴⁵. 11 этих стихотворений остались в архиве Брюсова, также не одобренные им. Но Эренбург не сдался, и в конце мая отправил еще несколько стихотворений, сообщив при этом, что у него возникло желание издать новый сборник стихов. «Я очень хотел бы знать Ваше мнение как об этих стихах, так и о моем намерении издать их», — написал

Эренбург⁴⁶. Все эти стихи автор хотел видеть напечатанными. Брюсов стихи вновь не понравились, и лишь одно из них он после долгого раздумия решил опубликовать, о чем сообщил Эренбургу через три месяца после получения стихов⁴⁷. Но к тому времени книга «Я живу» уже вышла, и Брюсов, к своему неудовольствию, обнаружил там большинство из отвергнутых им стихов.

Естественно, такой поступок молодого поэта, неоднократно просившего советов и им не последовавшего, не мог вызвать одобрения Брюсова. Высоко оценив первую книгу Эренбурга, написав, что тот «обещает выработаться в хорошего поэта», на второй сборник Брюсов отозвался предельно лапидарно и резко: «Эренбург, вызвавший внимание к себе первым сборником стихов, не оправдал пока надежд... Вторая — «Я живу» — крикливая и непродуманная»⁴⁸. Это все, что считал необходимым написать Брюсов о новом сборнике.

Архив издательства «Общественная польза» в наших хранилищах не разыскан, что-либо, касающееся книги «Я живу», не удалось разыскать и в фондах других организаций и лиц, в результате чего история создания этого сборника продолжает оставаться загадочной.

Не ясно, почему издательство, ориентированное на выпуск книг по естествознанию и технике, детской и классической литературы, вдруг выпустило поэтическую книгу. Не ясно, как рукопись попала в Петербург, кто составлял сборник и отбирал для него стихотворения. Если это делал автор, то почему тематически навеянная поездкой в Италию книга содержит ряд стихотворений других циклов, в то время как немало «итальянских» стихов туда не попало, не будучи забранными Эренбургом и неоднократно им предлагавшихся в различные периодические издания. Если же книгу составляли в издательстве, то кто был первым редактором Эренбурга и как шел процесс отбора стихов? Кто был художник В. Равич, оформивший книгу, чья работа не понравилась С. Городецкому, написавшему в рецензии: «Обложка с изображением кошки и собаки — неподобающая»⁴⁹? И, наконец, почему Эренбург, прорвавшись в российское издательство, не закрепил эту удачу и еще долгие годы выпускал свои книги только в Париже?

5.

В. Брюсову не понравилась не только вторая книга И. Эренбурга, но и некая тенденция, замеченная им в творчестве молодого поэта. «В Эренбурга я поверил по его первым стихам, — писал Брюсов Н. Гумилеву летом 1911 г. — Продолжаю еще верить. Что у него много слабого — меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах? Более меня тревожит, что он пишет в «Сатириконе» и, кажется, в «Синем журнале». Это — путь опасный»⁵⁰.

Эренбург действительно продолжал штурмовать петербургские журналы. Правда, в «Синем журнале» он не печатался и неизвестно, обращался ли туда, а вот в «Сатириконе» стихи Эренбурга появились. Это было, несмотря на пренебрежение к нему В. Брюсова, лучшее и самое известное русское сатирическое издание, довольно охотно

печатавшее и вполне серьезную литературу. С «Сатириконом» сотрудничали Л. Андреев, А. Блок, А. Грин, А. Куприн, А. Толстой и другие широко известные тогда писатели, а также и молодые, пока мало кому ведомые: И. Бабель, О. Мандельштам, С. Маршак. И хотя не их произведения определяли лицо журнала, «Краткая литературная энциклопедия», помещая в 1971 г. статью о «Сатириконе», отметила их сотрудничество в журнале, упомянув при этом также И. Эренбурга, напечатавшего в «Сатириконе» три стихотворения весной 1911 г. и одно в начале 1912 г.⁵¹.

Вряд ли Эренбург знал в то время о тревоге В. Брюсова по поводу его публикаций в «Сатириконе», но стремление увидеть свои стихи в более серьезных и уважаемых журналах было и у него самого. Одним из таких изданий был «Новый журнал для всех».

Еще в 1896 г. в Петербурге начал выходить иллюстрированный научно-популярный и литературный ежемесячник под названием «Журнал для всех». С 1898 г., когда им начал руководить Виктор Сергеевич Миролубов, журнал стал широко публиковать произведения Л. Андреева, И. Бунина, М. Горького, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, К. Станюковича, А. Чехова. Осенью 1906 г. за помещение статей о стачечном движении журнал был закрыт цензурой.

Этот период существования журнала освещался едва ли не всеми советскими историками отечественной журналистики, но о дальнейшей судьбе издания по непонятным причинам никто не упоминал. Между тем, спустя два года после закрытия тот же В. Миролубов воскресил журнал в прежнем виде, лишь слегка изменив название на «Новый журнал для всех» и ничуть не изменив высокий уровень публикуемых в нем материалов. «Художественность, серьезность содержания и популярность изложения при полной доступности цены», — таков был лозунг журнала, которому редакция неизменно следовала.

Получив в сентябре 1910 г. на отзыв книгу И. Эренбурга «Стихи», журнал в январской книжке 1911 г. поместил на нее небольшую анонимную, вполне благожелательную для начинающего поэта рецензию: «Немало рассыпано блесков истинной поэзии на страницах небольшой, изящной книжечки И. Эренбурга», — отмечал рецензент.

Неизвестно, пытался ли Эренбург после такого отзыва опубликовать в журнале свои стихи, но второй сборник стихов «Я живу» редакция в ноябре 1911 года получила, однако никак на него не отреагировала.

Тем временем в Петербурге появился еще один литературный журнал под названием «Заветы». Первый номер его вышел в апреле 1912 года и на своих страницах не декларировал никаких позиций и привязанностей. Начал журнал свою деятельность с публикации романа В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было» и рассказа М. Горького «Рождение человека», а в дальнейшем печатал и Л. Андреева, и А. Белого, и А. Блока, и И. Бунина, и А. Толстого и многих других достаточно крупных литераторов. Вполне возможно, что в этом была заслуга В. Миролубова, который, оставаясь руководителем

«Нового журнала для всех», согласился заведовать литературным отделом «Заветов».

Первый номер нового журнала по неясным пока причинам вышел дважды. Во «втором исправленном», как значилось на титуле, выпуске некоторые публикации из первого издания были заменены. Среди новых материалов, отсутствовавших в первом издании, появилась статья М. О. Цетлина «Заметки любителя стихов о самых молодых поэтах». Цетлин писал о стихах М. Зенкевича, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Л. Столицы. Значительное место в своих «заметках» он уделил поэзии И. Эренбурга, прежде всего, только что вышедшему новому сборнику его стихотворений «Одуванчики». В следующем, втором номере «Заветов» этой же книге была посвящена отдельная рецензия Б. Залесского.

В списках книг, полученных «Новым журналом для всех», «Одуванчики» не значатся. Однако экземпляра из «Заветов» оказалось достаточно, чтобы рецензия на новый сборник И. Эренбурга там появилась. Александр Михайлович Иерусалимский под псевдонимом А. Юж-нинъ писал в ней: «На смену готическим соборам, труверам, рыцарям, на смену католическим мессам, Мадоннам, амурным легендам латинского Запада, которыми пленил нас молодой поэт, пришли совсем другие образы и звучали иные песни. У Эренбурга обнаруживается полный художественный вкус и подлинное «чувство меры»⁵².

Такой отзыв послужил Эренбургу сигналом, и в Петербург одно за другим полетели его стихи. Первое письмо пришло, видимо, на адрес редакции «Нового журнала для всех», потому что в сохранившихся в фондах ИРЛИ записных книжках В. Миролюбова, тщательно фиксировавших его входящую и исходящую почту, записи о нем нет, а в сентябрьском номере журнала появились стихи И. Эренбурга «Если за день усталые жницы...».

28 сентября В. Миролюбов отправляет ряд писем и среди прочих — И. Эренбургу⁵³. Содержание его неизвестно, возможно, это было просто сообщение о состоявшейся публикации, но, как показывают дальнейшие события, меньше всего можно подозревать в этом письме приглашение к сотрудничеству.

8 октября Миролюбов получил из конторы журнала «Заветы», куда, следовательно, Эренбург тоже обращался, рукопись стихотворения Эренбурга «В парке»⁵⁴. Что это были за стихи, установить не удалось, ни среди публикаций, ни среди неопубликованных стихотворений Эренбурга ничего с таким названием не найдено. Можно упомянуть, правда, напечатанное полтора года спустя в московской газете «Новь» стихотворение Эренбурга «Элегия», начинавшееся словами «Ты задремал в зеленом парке...»⁵⁵, но связь здесь, особенно учитывая большой временной промежуток между событиями, весьма зыбкая.

Еще три, также не установленных, стихотворения В. Миролюбов получил от Эренбурга 11 октября, а 28 октября отправил ему свое решение⁵⁶, судя по отсутствию публикаций, отрицательное. Буквально через 3 дня — новые стихи И. Эренбурга, помеченные в записях

Миролюбова «Об Италии»⁵⁷. Об их содержании гадать бесполезно, ибо в ту пору об Италии И. Эренбург создал не один десяток стихотворений. На следующий день Миролюбов возвращает в контору «Заветов» стихи Эренбурга (по-видимому, «В парке»)⁵⁸, но вскоре получает новые, названные «Смешная история»⁵⁹, которые отправляются туда же. И, наконец, в начале декабря, получив еще одни стихи «Об Италии», Миролюбов пишет Эренбургу, видимо, совсем не комплиментарное письмо⁶⁰, и их переписка, судя по сохранившимся документам, надолго прерывается. Массированная атака поэта на «Новый журнал для всех» не принесла положительных результатов. В. Миролюбов не счел нужным опубликовать ни одно из присланных И. Эренбургом стихотворений.

6.

Повезло Эренбургу лишь в самом конце 1912 года. В Петербурге тогда начал выходить ежемесячник «Гиперборей». Это было своеобразное издание, нечто среднее между журналом и альманахом. От журнала его отличала, прежде всего, жанровая ограниченность. В «Гиперборее» публиковались только стихи и рецензии и отсутствовали все другие жанры, характерные для журналов. С альманахами же он разнился регулярной периодичностью.

«Гиперборей» знаменит тем, что затеяли его и принимали в нем самое активное участие талантливые поэты, многие из которых стали вскоре гордостью русской литературы, ее знаменитого «серебряного века» — Г. Адамович, С. Городецкий, Н. Гумилев, М. Зенкевич, Г. Иванов, Н. Клюев, М. Кузмин, О. Мандельштам и А. Ахматова.

Тогда же все они были молоды и с большим задором и неукротимой энергией издавали свой «Гиперборей», по определению Георгия Иванова ставший «руслом, куда стремится все подлинное и живое в русской поэзии». Редактором-издателем «Гиперборей» стал поэт и переводчик Михаил Леонидович Лозинский.

Печатались в журнале в основном акмеисты, члены литературной организации «Цех поэтов», но редакция уже в пятом номере заявила, что «Гиперборей» не является ни органом «Цеха поэтов», ни журналом поэтов-акмеистов, а главное для него — художественная ценность произведений, независимо от теоретических воззрений авторов.

Как попали стихи И. Эренбурга в редакцию «Гиперборей», не выяснено. Возможно, это был все тот же самотек. Но в третьем номере журнала два его стихотворения появились⁶¹⁻⁶², одно из них посвящалось парижской знакомой Эренбурга Н. А. Милюковой. Каких-либо подробностей о ней, даже имени и отчества узнать пока не удалось, но известно, что в январе 1915 г. Эренбург посвятил Милюковой еще одно стихотворение⁶³, вошедшее вскоре в его большую поэтическую книгу «Стихи о канунах».

В этом же номере «Гиперборей» была помещена небольшая, но прекрасно написанная и благожелательная рецензия О. Мандельштама на «Одуванчики». И. Эренбург, скорее всего, не знал тогда, кто автор рецензии, так как подписана она была одной лишь буквой М.,

но стихи Мандельштама уже наверняка читал, а в 1916 г. послал ему только что вышедшую книгу своих переводов Ф. Вийона с надписью: «Поэту Мандельштаму. И. Эренбург. 1916»⁶⁴. Их личное знакомство состоялось в Москве в 1918 году, а год спустя в Киеве они подружились.

Тираж «Гиперборея» хранился на книжном складе Михаила Васильевича Аверьянова в доме № 28 по набережной Фонтанки, откуда один номер журнала был отправлен в Москву семье Ильи Эренбурга. 13 февраля 1913 г. Аверьянов получил из Москвы коротенькое письмо: «За присланную мне книжку «Гиперборея» высылаю Вам марок почтовых на 40 коп. Эренбург. Остоженка, 7, Москва»⁶⁵. Обратим внимание на то, что подпись в письме была без инициалов. К этому обстоятельству мы еще вернемся.

Стихи И. Эренбурга в «Гиперборее» появились всего один раз, что, однако, не помешало В. Саянову в очерках по истории русской поэзии XX века, опубликованных в журнале «На литературном посту» в 1927 г.⁶⁶, уверенно причислить его к постоянным сотрудникам журнала. Таковым Эренбург не был, но все-таки «Гиперборей» повлиял на его судьбу.

Журнал просуществовал всего около года и в 1914 г. уже не выходил. Илья Эренбург, живший в Париже, решил продолжить традиции поэтического ежемесечника. Он начал издавать его под названием «Вечера». От «Гиперборея» Эренбург попытался взять не только суть, но и внешние особенности — формат, оформление. Даже цена на «Вечера» была установлена как у «Гиперборея» — 25 к. за номер.

В предисловии к № 1 «Вечеров» Эренбург, явно вспоминая свой горький опыт сотрудничества с литературными журналами, писал: «Толстые журналы уделяют стихам несоразмерно малое место, и любители поэзии лишены возможности следить за путями творчества новых поэтов. Потребность создания журнала стихов давно назрела. Лишь прекрасное начинание петербургского Цеха Поэтов «Гиперборей» отчасти заполнило этот пробел». Единственной рекламой, помещенной в первом номере «Вечеров», было объявление о продаже с книжного склада М. Аверьянова отдельных номеров и полных комплектов «Гиперборея».

Выход «Вечеров» вновь столкнул Лизу Мовшенсон с Ильей Эренбургом, которого перед этим она, как писала в воспоминаниях, «потеряла из виду в последние годы»⁶⁷. Они вновь увидели друг друга в начале 1914 года в «Русской академии», как называли тогда большое художественное ателье, где работали живописцы и скульпторы, а субботними вечерами собирался эмигрантский литературный кружок. «После того, как я прочитала в «Академии» свои стихи, — вспоминала Е. Полонская, — Эренбург предложил мне дать их для «Вечеров». Так мои стихи попали в печать. Они вошли во второй выпуск «Вечеров»⁶⁸.

Как видим, роли их переменялись. Теперь уже Илья содействовал первой публикации стихов Лизы, выступившей под псевдонимом

Елизаветы Бертрам. В 1914 г. И. Эренбург уже не был начинающим и неизвестным поэтом. Его стихи не только ежегодно выходили отдельными сборниками, но и печатались в лучших русских литературных журналах. И произошло это после того, как в 1913 году ему удалось большой прорыв в высокую литературу.

7.

В 1913 году Россия готовилась к большому юбилею — 300-летию царствующего дома Романовых. По этому случаю ожидалась амнистия, и поскольку Илья Эренбург все еще числился скрывающимся от суда преступником, его родители 8 февраля подали на имя царя прошение о помиловании сына⁶⁹. Ответа, притом отрицательного, пришлось ждать долго, до конца мая⁷⁰, но уже в марте Илье Григорьевичу стало ясно, что надежда на благополучное решение его судьбы нет, и свои чувства он выразил в стихах:

Значит, снова мечты о России
Лишь напрасно приснившийся сон.
Значит, снова дороги чужие
И по ним я идти обречен.

Стихи эти Эренбург послал в лучший литературный журнал того времени «Русское богатство», руководил которым живой классик Владимир Галактионович Короленко. Редакция журнала размещалась в Петербурге в Басковом переулке, 9. Туда и отправил Эренбург свое письмо, не зная или не придавая значения тому, что сам Короленко живет в Полтаве и журналом руководит заочно.

Поскольку письмо было адресовано В. Короленко, один из редакторов «Русского богатства» критик А. Г. Горнфельд отправил стихи в Полтаву⁷¹. Неизвестно, сколько стихотворений посылал Эренбург, но два стихотворения В. Короленко одобрил. Это были «Плющиха» и «Девичье поле». Им Короленко придал общее название «Вздохи из чужбины» и отправил Горнфельду, написав: «По-моему, очень хороши и ко времени первые строчки «Значит снова мечты о России лишь напрасно приснившийся сон...» Некоторые недостатки стихов публики простит за трогательность темы»⁷².

О своем решении В. Короленко сообщил Эренбургу, и вскоре из Парижа пришло Горнфельду письмо, в котором Эренбург просил, в частности, убрать заголовок «Вздохи из чужбины», а в конце приписал: «Во избежание каких-либо недоразумений считаю нужным предупредить Вас, что по получении ответа я выкинул эти два стихотворения из выходящего на днях сборника моих стихов, дабы редакция могла свободно располагать ими»⁷³.

Сборники своих стихов И. Эренбург выпускал ежегодно и каждый из них являл новую страницу в творчестве поэта, полностью отрицавшую все предыдущие. Из певца жестокой рыцарской романтики он превращался в любителя нежной античности, чтобы через год воспевать идиллии сельской жизни, а еще год спустя — дисгармонию городского существования. Именно последнему и была посвящена его

новая книга «Будни», действительно вышедшая в апреле 1913 года. Однако там, среди натуралистических описаний социальных язв Парижа, нашлось место и стихам о тоске по родине. Целый раздел книги — «Воспоминания» — состоял из стихов, созвучных посланным в «Русское богатство», а открывался сборник стихотворением «России», явно перекликающимся с понравившейся В. Короленко «Плющихой». Так что вполне вероятно, что посланные в Петербург стихи были первоначально включены в «Будни» и в своем письме Эренбург несколько не лукавил, только опасался, как бы «Плющиха» и «Девичье поле» не остались неопубликованными.

Его опасения, к счастью, не оправдались, и оба стихотворения появились в апрельской книжке «Русского богатства». Правда, Горнфельд не внял просьбе Эренбурга и не снял данный Короленко общий заголовок, но это не отразилось на отношении Эренбурга к журналу, и он послал туда новые стихи. Их Короленко тоже одобрил и порекомендовал опубликовать, что и было сделано в № 11 «Русского богатства» в том же году.

Известен еще один случай, когда И. Эренбург пытался напечататься в «Русском богатстве». В конце ноября 1915 года он послал В. Г. Короленко стихотворение «Пугачья кровь». В отличие от предыдущих стихов Эренбурга, это Короленко не понравилось и он записал в редакторской книге: «Все это изложено не стихами... Слишком натуралистично, без одушевления. Скучно»⁷⁴.

А у И. Эренбурга на всю жизнь остались самые теплые воспоминания о В. Г. Короленко, хотя личного знакомства у них так и не случилось. Правда, однажды, в 1918 г., Эренбург, будучи в Полтаве, случайно увидел Короленко на улице, узнал его по портретам, но подойти и заговорить не решился⁷⁵. Другой же возможности не представилось.

8.

Помимо «Русского богатства», в Петербурге выходили и другие журналы, чья популярность («Нива») или художественный уровень («Современный мир», «Современник») были настолько высоки, что о публикации там можно было мечтать самым лучшим и известным поэтам.

Нужно сказать, что «Нива», точнее, литературное и популярно-научное приложение к ней, и «Современный мир» с момента появления первой книги И. Эренбурга достаточно внимательно следили за выходящими сборниками поэта.

В 1910 г. в октябрьском приложении к «Ниве» в рецензии на «Стихи» отмечалось: «Талант г.Эренбурга дает себя знать почти в каждой строчке этой небольшой преувеличенно скромной книжки. Это бесспорно интересный поэт и несомненный художник слова». Тот же журнал в связи с выходом «Будней» писал: «Перед нами несомненный поэтический талант, отмеченный всеми чертами, свойственными настоящему лирическому дарованию: чувством, подъемом, умением видеть образы и символы в явлениях окружающей жизни и, наконец,

виртуозность техники стихотворца»⁷⁶. Нашлись у журнала добрые слова и при оценке И. Эренбурга как переводчика стихов французского поэта Фр. Жамма, хотя немало было в рецензии и критических замечаний⁷⁷.

«Современный мир» также одним из первых отметил выход книги И. Эренбурга «Стихи». Его рецензент В. Волькенштейн написав, что «грустное впечатление производит католический романтизм и демонизм», тем не менее, отметил, что это «местами искупается свободой и простотой языка, природным вкусом автора»⁷⁸.

Год спустя тот же автор в том же журнале писал: «Во втором сборнике стихов г. Эренбург отрешился от прежней манерности, его стих окреп»⁷⁹. Оценивая «Будни», критик Н. в № 5 «Современного мира» за 1913 г. отметил, что «в этих робких и грустных стихах мелькает несравненная искра божия... Перед молодым поэтом много серьезной и напряженной работы, много беспощадных критических испытаний, но он может надеяться на то, что его усилия не останутся бесплодными».

Пока не удалось найти никаких следов переписки между Эренбургом и этими изданиями, но и следов архивов этих журналов тоже обнаружить не удалось. А можно надеяться, что Эренбург, чуткий на все отзывы в прессе о своем творчестве, не мог оставить без внимания весьма доброжелательных оценок своих книг и должен был попытаться напечатать в этих журналах.

Однако, несмотря на постоянные и доброжелательные отзывы о поэзии Эренбурга, ни «Нива», ни «Современный мир» сами его стихов не печатали.

Как бы там ни было, но в конце 1913 года Эренбург отослал свои стихи в оба этих журнала и был вознагражден двумя публикациями в «Современном мире»⁸⁰ и одной в приложении к «Ниве»⁸¹, что, наряду с выступлениями в «Русском богатстве», придало ему совсем другой, нежели раньше, поэтический статус.

9.

Впрочем, далеко не все попытки поэта утвердиться в престижных петербургских изданиях заканчивались удачей даже в 1914 году. Непреклонный В. Миролюбов, упорно не пускавший стихи И. Эренбурга на страницы «Нового журнала для всех», долго не хотел признавать в нем достойного для своего издания автора.

Выпустив в первых числах 1914 года новый сборник стихов «Детское», Эренбург отослал его в «Новый журнал для всех». Не дождавшись ни рецензии на книгу, ни какого-либо ответа, Эренбург написал Миролюбову, послал ему три стихотворения и попросил его «возможно скорее ответить, пригодятся ли они для журнала»⁸². Стихи эти сохранились в фонде Миролюбова (ИРЛИ)⁸³. Два из них — «Осень в Арденнах» и «Ночью в Брюгге» так и остались неопубликованными, а третье — «Мы плясали с тобой долго...» появилось вскоре в другом петербургском журнале⁸⁴, а несколько десятилетий спустя при очень строгом отборе попало в том лучших стихотворений И. Эренбурга, выпущенный большой серией «Библиотеки поэта». В. Миролюбов же

на эти стихи никак не отозвался, и настойчивый Эренбург 26 февраля 1914 г. снова написал ему: «Сообщите, пожалуйста, получили ли посланные Вам около месяца назад стихи и нашли ли Вы их подходящими для Вашего журнала?». На письмо Миролубов наложил резолюцию: «Эти неподходящи, пусть еще придет»⁸⁵.

Лишь в 1915 г. в двух номерах «Нового журнала для всех» появились стихотворения И. Эренбурга из его готовившейся к печати книги «Стихи о канунах»⁸⁶.

10.

Гораздо больше повезло Эренбургу с другим значительным журналом, долгое время также бывшим для него недоступным. Это был «Современник», возникший в Петербурге в 1911 г. как журнал литературы, политики, искусства и общественной жизни и быстро ставший одним из крупнейших изданий либерально-буржуазного направления, удостоившись характеристики В. Ленина «помесь народничества с марксизмом»⁸⁷. На его страницах печатались М. Горький и А. Ремизов, А. Белый и Е. Замятин, Шолом-Алейхем и М. Коцюбинский, а стихи ему давали А. Блок, И. Бунин, Саша Черный, Н. Клюев и другие известные поэты.

И. Эренбург, в то время особенно внимательно следивший за вновь появляющимися изданиями, послал в «Современник» свои стихи и, видимо, делал это не единожды, но пока отыскалось лишь одно свидетельство. В Государственном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР) сохранилась открытка, посланная Эренбургом из Парижа 6 сентября 1912 г. в редакцию «Современника»: «МГ, будьте добры ответить, будут ли помещены в Вашем журнале мои стихи?»⁸⁸.

Стихи напечатаны не были. Длительное время не появилось в журнале и ни одной рецензии на произведения Эренбурга. Поэт из Парижа для редакции как будто не существовал.

Так продолжалось до середины 1914 года, когда вышел № 13–15 журнала «Современник». В этом номере была помещена целая подборка И. Эренбурга, состоявшая из 6 стихотворений (в том числе и отвергнутого В. Миролубовым «Мы плясали с тобой долго...»), а кроме того, несколько отзывов на его творчество.

Известный критик Натан Венгров поместил рецензию на книгу «Детское» и на переводы из Фр. Жамма. Вспоминая начало поэтической деятельности Эренбурга, рецензент писал: «Прошло четыре года и Эренбург забыл о том, что он «по ошибке режиссера на пять столетий опоздал». Теперь в его небольших задушевных лирических пьесках нельзя найти фальшивой романтики, которой пропитаны его первые стихи».

(Эренбург познакомится с Венгровым пять лет спустя в 1919 г. в Киеве, где они вместе будут состоять в организациях деятелей культуры, совместно выступят в программе «Художественная демонстрация» в театре Соловцова⁸⁹. Венгров тогда будет писать стихи для детей, устроит «день детской книги» на Крещатике и будет пытаться доказать Эренбургу, что тот тоже детский поэт, но случайно занимается

не своим делом⁹⁰. Встретятся они и в Москве в ноябре 1920 г., а через много лет И. Эренбург помянет Натана Венгрова добрым словом в книге «Люди, годы, жизнь»⁹¹⁻⁹².

Доброжелательную рецензию на антологию переводов И. Эренбурга «Поэты Франции» поместил в том же номере журнала С. Астров и большой обстоятельный разбор поэзии Эренбурга опубликовал в связи с выходом журнала «Вечера» С. Бобров.

Выход этого номера «Современника» стал, безусловно, событием для Эренбурга.

11.

Но, пожалуй, не менее значительным для него был выход большой поэтической антологии. Впервые стихи И. Эренбурга были включены в коллективный сборник в 1913 г., когда в Петербурге вышла антология «Современные русские лирики 1907–1912», составленная Евгенией Штерн и выпущенная издательством А. Л. Попова. В нее были включены два стихотворения из сборника «Стихи» и одно из «Одуванчиков»⁹³. А в начале 1914 г. в петербургском издательстве М. М. Стасюлевича, существовавшем с 1866 г. и издавшем около пяти тысяч названий книг, вышла многотомная антология «Избранные стихи русских поэтов». В библиографическое описание альманахов и сборников Н. Богомолова⁹⁴ это издание не попало.

Книги выходили в двух сериях. Одна из них составлялась «по темам» и планировалась в двух сборниках — «Россия» и «Женщины». В сборнике «Россия», поместившем стихи от А. Пушкина и А. Хомякова до А. Блока и К. Бальмонта, нашлось место и для двух стихотворений И. Эренбурга из книги «Одуванчики».

Критика скептически отнеслась к включению Эренбурга в сборник «Россия». Т. Ч. <Тихон Чурилин?> писал в приложении к петербургской газете «День» 9 декабря 1913 г.: «Привести принципы полноты при взятой составителями сборника необъятной теме почти невозможно, но необходимо, во всяком случае, выбирать лучшее... Если выбраны И. Оммулевский, И. Рудич, А. Чумаченко, И. Эренбург, по такому же праву могли войти в сборник Будищев, Бородаевский, Щепкина-Куперник, Розенгейм, Губер».

Другая серия — «по периодам» — состояла из четырех томов. В первом были классики (Д. Давыдов — А. Фет). Второй период включал в себя «реалистов-гражданственников» от Н. Огарева до Д. Мережковского, а «период 3» состоял из двух томов, одинаково называвшихся «Новые поэты» (вып. 1: К. Фофанов — В. Брюсов; вып. 2: А. Блок — М. Шагинян)⁹⁵. По мнению составителей серии «новая поэзия так разветвилась и усложнилась, что для расположения новых поэтов в каком бы то ни было порядке потребовалась определенная их группировка, известная классификация». Так И. Бунин, К. Фофанов попали в «предвестники новой поэзии», К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, В. Брюсов — в «родоначальники новой поэзии», А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис — в «символисты-идеалисты», М. Кузмин, М. Волошин, Н. Гумилев — в «стилизаторы»,

С. Городецкий, М. Зенкевич, О. Мандельштам, А. Н. Толстой, Н. Клюев, М. Шагинян — в «неореалисты, природники и народники». Во второй том третьего периода были включены и стихи И. Эренбурга. Он вместе с М. Цветаевой, И. Северянином, А. Ахматовой попал в «импрессионисты, конкретно-символисты».

И. Эренбург был представлен в этой книге 12 стихотворениями (в оглавлении ошибочно указано 11) из всех его парижских сборников, больше половины — из «Одуванчиков». Почему-то ни одного стихотворения не попало в эту подборку из единственной петербургской книги «Я живу».

На сборники «по периодам» откликов не обнаружено. Но как бы то ни было, факт признания И. Эренбурга поэтом с выходом этой антологии состоялся.

12.

К началу первой мировой войны у И. Г. Эренбурга уже было около сотни публикаций в периодической печати, пять авторских книг стихов и три — переводов. Никому теперь не приходилось доказывать, что он — поэт. Критики и литераторы по-разному относились к его творчеству, далеко не все его воспринимали, но уже никому не могло придти в голову назвать его начинающим или дилетантом.

К этому времени изменилось отношение Эренбурга к публикации своих стихов в периодической печати. Если раньше любой факт появления его стихотворения в любом издании приносил ему удовлетворение и наступление Эренбурга на всевозможные издания было массированным и непрерывным, то теперь он относился к этому с большим разбором и свой напор резко ослабил. Тому было немало причин. С осени 1915 г. И. Эренбург стал публицистом, журналистом, регулярно корреспондируя свои статьи и очерки из Франции в русские газеты. К этому добавилась серьезная работа над большой поэтической книгой «Стихи о канунах», о которой полвека спустя написал, что это была первая книга, в которой он «заговорил своим собственным голосом»⁹⁶. Были, видимо, и другие причины, по которым он значительно реже предлагал свои стихи периодическим изданиям, и в результате за все годы войны у Эренбурга в журналах было опубликовано всего два стихотворения из готовившихся тогда к печати «Стихов о канунах». Их поместил «Новый журнал для всех», до этого долгое время не пускавший Эренбурга на свои страницы. Были, правда, у него и другие попытки опубликовать в журналах свои стихи, но уже не такие частые, как до войны. Достоверно известно лишь о двух из них.

Весной 1915 г. Эренбург послал в «Современник» несколько стихотворений и перевод рассказа Ж. Мореаса «Две жены рыцаря Элидюка». Стихи редакции не подошли, а насчет рассказа возникли сомнения, отразившиеся в редакционных пометках на его письме: «Может быть, написать ему, чтобы еще прислал переводы Мореаса, так как один не желательно помещать? Или просто вернуть?». И решительная резолюция: «Вернуть»⁹⁷.

Не дождавшись ответа, Эренбург 1 мая запрашивает журнал о судьбе своих рукописей: «Будьте добры ответить, получили ли Вы посланные Вам стихи и подошли ли они. Если нет, то прошу рукопись мне возвратить. Также верните, пожалуйста, перевод рассказа Мореса «Две жены рыцаря Элидюка», в случае, если Вы его не собираетесь печатать». На письме редакционная помета: «Рукопись и стихи посланы»⁹⁸.

Но до адресата они пока не дошли и, не получив ответа, Эренбург в середине июня посылает открытку руководителю критического отдела журнала Е. Лундбергу: «М. г., прошу сообщить, приняты ли последние стихотворения»⁹⁹. Эта просьба также осталась без ответа. Эренбург, тем временем, подключил к делу свою сестру Изабеллу Григорьевну, которая жила в Москве и вела в России большинство издательских дел брата. 2 июля она отправила письмо на Басков переулком в Петрограде в редакцию «Современника»: «Покорнейше прошу мне ответить, приняты ли стихотворения г.Эренбурга, присланные им из Парижа, и если да, то в каком № будут напечатаны. С почтением И. Эренбург. Мой адрес: Москва, Остоженка, д.7». На этом письме стоит редакционная помета: «Рук. и стихи посл. заказ. 9.7. — 915»¹⁰⁰. На открытке Эренбурга на следующий день было помечено: «Посл. в Москву 10.7. — 915».

Так прекратились отношения Эренбурга с «Современником». Впрочем, журнал после этого просуществовал недолго и в том же 1915 г. закрылся.

13.

Тем временем Эренбург попытался напечатать стихи в журнале «Русская мысль», выходившем долгие годы в Москве, а с 20 августа 1912 года перебравшемся в Петербург и разместившемся на Нюстадтской улице недалеко от Финляндского вокзала.

В начале 10-х годов литературным отделом этого журнала руководил В. Я. Брюсов, положительно оценивший первый сборник И. Эренбурга «Стихи», а затем, не пропуская почти ни одной его книги, разбирая на страницах все той же «Русской мысли» сборники «Я живу», «Одуванчики», «Будни», переводы поэтов Франции¹⁰¹, а позднее в московской газете «Русские ведомости» — «Стихи о канунах», «Повесть о жизни некой Наденьки», переводы Фр.Вийона и Жака де Безье¹⁰², по-разному, гораздо чаще отрицательно, оценивал конкретные его произведения, но не переставал при этом утверждать, что видит у Эренбурга поэтический талант.

Но в своем журнале, несмотря на то, что Эренбург неоднократно посылал Брюсову стихи и в 1911 и в 1912 гг., он их не печатал, лишь однажды в начале 1912 г. «Русская мысль» поместила стихотворение «Перед Флоренцией»¹⁰³. Но этот случай так и остался единственным. Остальное, присылавшееся Эренбургом, либо увидело свет в других изданиях, либо осталось неопубликованным, осев в архиве В. Брюсова. До наших дней в нем сохранилось полтора десятка произведений И. Эренбурга, так и не увидевших света. Может быть, Брюсов в конце

концов и нашел бы в творчестве Эренбурга что-нибудь достойное «Русской мысли», на что, видимо, тот и надеялся, но с конца 1912 — видимо, в связи с переездом редакции в Петербург, Брюсов перестал работать в журнале, лишь изредка посылая туда свои статьи, о чем Эренбург в то время не знал.

Сам же Эренбург к этому времени писал не только стихи, но и увлекся переводами, о чем впоследствии вспоминал: «Я много переводил, но переводил стихи, а их чрезвычайно редко печатали»¹⁰⁴. Несмотря на это, отдельные свои переводы Эренбург умудрялся печатать, даже в «Биржевых ведомостях», которые ценили его не как переводчика, а как фронтového корреспондента (переводы Жана Рено и Иоахима дю Белле, бретонскую песню)¹⁰⁵. Однако все это были небольшие по размеру сонеты. Более крупные произведения газете никак не подходили.

Осенью 1915 г. Эренбург послал в «Русскую мысль» переведенные им стихи Фр. Вийона и просил опубликовать не позже января, так как готовился издать их отдельной книгой¹⁰⁶. Почему журнал не напечатал их, установить не удалось. Возможно, здесь сыграло роль мнение Виктора Жирмунского, которое после выхода переводов отдельным изданием, он выразил уже печатно на страницах «Русской мысли»: «К сожалению, переводчику не всегда удается подойти вплотную к тексту оригинала; большей частью он дает вместо переводов красивые переложения, неприятно поражает вставка целых предложений для заполнения стиха и произвольные переносы строк из одной строфы в другую... Нельзя при этом не предпочесть прекрасных переводов из Вийона, сделанных Н. Гумилевым»¹⁰⁷. Может быть, была и другая причина, но и в январе публикация не состоялась.

Но и книга пока не вышла. Изабелла Григорьевна, добросовестно занимаясь издательскими делами брата, 10 февраля 1916 г. написала в «Русскую мысль»: «Очень жаль, что стихи Вийона не могли быть помещены в январской книжке. Сборник выйдет, думаю, в этом месяце»¹⁰⁸. К письму была приложена карточка с оплаченным ответом, но редакция, скорее всего, не успела ею воспользоваться, потому что через три дня Изабелла Григорьевна прислала новое письмо: «Что касается принятых стихов Вийона, было бы очень приятно, если их поместят в Вашем журнале. Сборник Вийона запоздал и выйдет только в начале марта»¹⁰⁹. Переводы Вийона вышли в апреле в московском издательстве «Зерна», так и не попав на страницы «Русской мысли».

Не все критики отнеслись к переводам Эренбурга как В. Жирмунский. «Биржевые ведомости», чьим корреспондентом он еще не успел стать, отметили, что «стих переводчика, вообще, гладок и лишь иногда хромает»¹¹⁰. Б. Гусман в петроградском «Журнале журналов» заметил: «О Вийоне мы знали лишь по редким переводам. Теперь, благодаря И. Эренбургу, мы имеем возможность познакомиться с этим поэтом гораздо полнее»¹¹¹. Московская газета «Утро России» писала, что «переводчик передал певучесть стиха Вийона, достиг разнообразия его богатых рифм»¹¹². «Следует приветствовать мужество переводчика, которому приходилось бороться с немалыми труднос-

тами, — отмечал профессор Петербургского университета, филолог А. А. Смирнов. «Некоторые стихотворения звучат у Эренбурга очень хорошо...»¹¹³. Откликнулись на книгу и многие другие знатоки литературы и мастера перевода¹¹⁴. И хотя не все отзывы были благожелательными (в частности, В. Брюсова, заявившего, что «Вийон заслуживает лучшего перевода»¹¹⁵), в целом критика встретила работу Эренбурга с сочувствием и большим интересом. Даже много лет спустя, в очень неблагоприятном для Эренбурга 1930 г., когда власти не считали его «советским» писателем, а критика, как по одну, так и по другую сторону границы, отвернулась от него, вышедшая «Литературная энциклопедия» отметила, что «из многочисленных русских переводов Вийона — лучший Эренбурга И. Г.»¹¹⁶.

Редакция «Русской мысли», замешкавшись или вообще отказавшись от публикации переводов на своих страницах, упустила шанс стать первооткрывательницей их, что лишило ее возможности получить дополнительный повод для публичного обсуждения деятельности журнала.

14.

17 декабря 1915 г. Эренбург отправил в «Русскую мысль» еще один свой перевод, на этот раз прозаический: «Посылаю Вам перевод повести Франсиса Жамма «Клара д'Элебез». Имею разрешение как автора, так и издателя. Если перевод окажется неподходящим, будьте любезны отослать рукопись по адресу: г-же Эренбург, Остоженка 7, Москва». На письме резолюция: «Запросить об условиях авторизации. 27.1.1916»¹¹⁷.

Это было далеко не первое обращение Эренбурга к творчеству Фр. Жамма. «Я прочитал книгу поэта Франсиса Жамма, — вспоминал впоследствии Эренбург. — Я перевел его стихи и начал ему подражать <...>. На короткий срок меня прельстила философия Жамма — он оправдывал и голубя и коршуна»¹¹⁸. В 1913 г. в Москве вышла его книга переводов поэзии Фр. Жамма¹¹⁹, в начале 1914 г. Эренбург посвятил Жамму свою книгу «Детское», а затем в большом очерке рассказал о своей поездке к французскому поэту¹²⁰.

В январе рукопись «Клары д'Элебез» была зарегистрирована в редакционной книге «Русской мысли», а затем рядом с записью последовала пометка: «Принято»¹²¹, но предварительно редакция запросила Изабеллу Григорьевну об условиях авторизации повести у автора. Она написала об этом брату, на что тот ответил письмом в редакцию: «Я получил на перевод «Клары Элебез» разрешение как Жамма, так и его издателя («Mergure de France»). Я представляю на Ваше усмотрение расценку перевода и право на печатание. Прошу Вас написать, когда именно будете печатать, а при напечатании выслать мне несколько оттисков ее»¹²².

10 февраля 1916 г. в редакцию написала Изабелла Григорьевна: «Будьте любезны ответить мне, имеете ли Вы сообщение от г. Эренбурга. Вы меня запросили относительно условий авторизации повести Жамма, я не знаю. Послала телеграмму в Париж, ответа не получила.

Думаю, что он телеграфировал прямо в «Русскую мысль». Так ли это? Вот об этом прошу написать мне. Если же я буду иметь какие-либо известия, сейчас же сообщу Вам»¹²³. К письму была приложена незаполненная почтовая карточка с оплаченным ответом в расчете на сообщение редакции. Но карточка осталась неиспользованной. Редакция просто не успела на ней ничего написать, так как 12 февраля из Парижа пришла телеграмма: «Jammes editeur autorisent publier paofit trabucteur = Ehrenbourg»¹²⁴.

Изабелла Григорьевна немедленно сообщила об этом в «Русскую мысль»: «Только что получила телеграмму из Парижа относительно Вашего запроса о повести Жамма. Спешу отослать Вам и очень прошу уведомить меня, когда она будет напечатана»¹²⁵.

17 февраля редакция поинтересовалась у Изабеллы Григорьевны размером гонорара, на что та незамедлительно ответила: «Хочу Вам сообщить, что всецело полагаюсь на редакцию «Русской мысли» в вопросе о гонораре моему брату. Списываться с ним я об этом не буду, слишком много времени пройдет, пока получится ответ. Так что вознаграждение за перевод и авторизацию по Вашему усмотрению». На письме резолюция: «45 рублей»¹²⁶.

И, наконец, 19 марта Изабелла Григорьевна сообщила в редакцию: «Я получила ответ от брата, что он согласен на Ваши условия. Надеюсь, повесть Жамма будет помещена если невозможно в ближайшей книге, то в апрельской. Посылаю перевод Белле. Не откажите в любезности сообщить, выберет ли редакция что-либо, и что именно»¹²⁷.

Отказала ли редакция в любезности или сообщила свое решение Изабелле Григорьевне, не установлено, но сонеты дю Белле в журнале не появились. А повесть Фр. Жамма «Клара д'Элебез» была опубликована достаточно оперативно — хотя и не в апрельском номере, как надеялась Изабелла Григорьевна (скорее всего, это было уже технически невозможно), но в майской книжке «Русской мысли». (В 1922 г. И. Эренбург выпустил этот перевод под названием «История девушки былых времен» в «Зеленой библиотеке» Русского Универсального Издательства в Берлине. С тех пор повесть не переиздавалась).

15.

В апреле 1916 г. Эренбург выпустил в Париже литографическим способом тиражом в 100 нумерованных экземпляров стихотворную «Повесть о жизни некой Наденьки». Летом он послал ее вместе с двумя другими стихотворениями В. Брюсову, написав: «Помня Ваше внимание к моим стихам, снова тревожу Вас. Я посылаю Вам мою повесть в стихах, Молитву и маленькое стихотворение. Быть может, Вы найдете возможным их напечатать в «Русской мысли»¹²⁸. Эренбург все еще не знал, что Брюсов уже более трех лет не работает в редакции, о чем тот и сообщил Эренбургу в единственном дошедшем до нас письме¹²⁹. Свое же мнение о творчестве И. Эренбурга В. Брюсов отразил в опубликованной московской газетой статье¹³⁰. Но хотя «Повесть о жизни некой Наденьки» была вынесена в заголо-

вок этой статьи, конкретно об этом произведении Брюсов ничего не написал.

Поняв, что В. Брюсов практически не определяет судьбу рукописей в «Русской мысли», Эренбург послал свои переводы песен крестовых походов прямо в редакцию (возможно, через сестру, жившую в Москве, но это дела не меняет). Рукопись была получена там и зарегистрирована 28 октября 1916 г., а вскоре рядом с регистрационной записью появилась помета: «Принято»¹³¹. Ждать публикации на этот раз пришлось долго. Последовавшие вскоре февральская и октябрьская революции, смута и неразбериха, отодвинули печатание переводов. Они появились в журнале лишь в начале лета 1918 г.¹³², и, несмотря на совершенно иные интересы во взбудораженном политическими событиями обществе, были все-таки замечены критикой. Весьма лестно отозвалась об этой работе Эренбурга петроградская газета «Современное слово», поместив о ней рецензию и даже выкроив место для перепечатки перевода одной из песен в качестве образца¹³³.

Если с переводами дела в «Русской мысли» обстояли сравнительно благополучно, то его оригинальные произведения по-прежнему не пользовались тем успехом. Присланную 3 ноября 1916 г. его повесть в стихах «Суета» редакция сразу же посчитала «не принятой» и, несмотря на постоянные напоминания на своих страницах, что стихотворные рукописи она не сохраняет и рекомендует авторам таких произведений, во избежание утраты текстов, заранее оставлять себе их копии, «Суету» нашли возможным возвратить, о чем произведена запись: «послана г-же Эренбург в Москву 17 ноября»¹³⁴.

16.

Весной 1914 г. одна из крупнейших газет не только Петербурга, но и всей России, «Новое время» начала издавать журнал «Лукоморье». Это было одно из тех изданий, которое, по выражению П. Н. Беркова, «вызвало к жизни превращение издательского дела в область приложения капитала»¹³⁵. Рядом с «Лукоморьем» П. Берков называет в своей статье в «Краткой литературной энциклопедии» такие издания, как «Нива», «Огонек», «Солнце России», имевшие широкое распространение и большие тиражи. Помимо статьи П. Беркова, другой литературы, где рассказывалось бы о «Лукоморье», не нашлось. Впрочем, в данном случае, она и не очень нужна. Здесь, скорее, требуются документы о внутренней жизни журнала, архивы.

И тут подтвердилась версия архивистов о том, что документы дореволюционных периодических изданий, не нужные только что возникшей советской власти и потому выбрасывавшиеся либо уничтожавшиеся, могли быть спасены частными лицами. Архив «Нового времени» (или часть его) оказался у историка и литературоведа Павла Елисеевича Щеголева. В 1928 г. он передал его в дар Пушкинскому Дому и в 1938 г. этот архив был частично разобран, однако до сих пор не описан и исследователям недоступен. Между тем, определенная часть этого собрания относится к деятельности журнала «Лукоморье».

Сотрудники Рукописного отдела Пушкинского Дома откликнулись на просьбу выявить наличие там документов, имеющих хоть какое-то отношение к И. Г. Эренбургу. Выяснилось, что архив этот явно не полный и основную часть его составляют финансовые документы газеты и журнала — гонорарные ведомости, расписки в получении денег, запросы авторов об оплате. К сожалению, в этих документах фамилия И. Эренбурга ни разу не фигурирует. А он в 1916—17 гг. опубликовал в «Лукоморье» пять рассказов¹³⁶, которые, если не считать единственного, написанного в 1910 г. рассказа «В ноябре», являются первым обращением к этому жанру И. Эренбурга. Впрочем, так судить можно лишь по опубликованным произведениям. Между тем, в архиве поэтессы Веры Звягинцевой сохранился автограф написанного в 1915 г. и никогда не публиковавшегося рассказа Эренбурга «Сильней всего»^{136а}, по теме и по стилю весьма сходного с напечатанными в журнале.

С тех пор рассказы из «Лукоморья» ни разу не переиздавались¹³⁷, сам автор никогда не вспоминал ни о них, ни о своем сотрудничестве с этим журналом, и было бы интересно и полезно разузнать о том, как Эренбург завязал связи с ним, какие у него были взаимоотношения с редакцией, не было ли случаев отказа в публикации и не сохранились ли, помимо рассказа «Сильней всего», другие неопубликованные его произведения и многое другое.

К сожалению, все эти вопросы остаются пока открытыми.

17.

Из всех неразысканных архивов дореволюционных петербургских изданий, в которых принимал участие И. Эренбург, больше всего огорчает отсутствие каких либо документов, касающихся деятельности газеты «Биржевые ведомости».

Это была одна из крупнейших и старейших газет России и несмотря на не очень привлекательное для рядовой публики название, являлась весьма читаемым изданием. Первый ее номер тиражом всего в 500 экз. появился на свет в 1880 году, а затем, увеличивая тираж и не меняя названия, газета превратилась из биржевого листка в общедоступное политико-литературное издание, печатавшее, помимо информационных материалов, не только обзоры искусства и рецензии на книги, но и стихи и даже романы с продолжением.

И. Эренбург начал свою публицистическую деятельность в качестве военного корреспондента с франко-германского фронта не в «Биржевых ведомостях», а в московской газете «Утро России», где за зиму 1915—1916 гг. было опубликовано 17 его корреспонденций и очерков. Но в начале весны 1916 г. появилась возможность писать для «Биржевки» и воспользовавшись рекомендацией М. Волошина к одному из редакторов этой газеты М. М. Гаккебушу, Эренбург стал ее сотрудником¹³⁸. Совершенно случайно это сотрудничество совпало с появлением в «Биржевых ведомостях» первого в этой газете отклика на поэтическую, а точнее, переводческую, деятельность И. Эренбурга. 19 апреля там была напечатана рецензия на только что вышедшую

книгу его переводов из Фр.Вийона, а 25 апреля — его репортаж из Ниццы «Не у себя», продолживший в «Биржевых ведомостях» рубрику «Летопись войны», а в творчестве И. Эренбурга — введенную им в газете «Утро России» рубрику «Тени». Репортаж был помечен указанием редакции «От нашего корреспондента» и подписан полной фамилией Эренбурга, тогда как в «Утре России» все его материалы подписывались «И. Э.». Вероятно, Эренбург прислал в «Биржевку» сразу несколько материалов, так как печатались они после 25 апреля один за другим — 28, 29 апреля, 7 мая¹³⁹. И только потом наступил небольшой десятидневный перерыв.

Впрочем и дальше интенсивность публикации материалов И. Эренбурга в «Биржевых ведомостях» была достаточно высокой. В июне он выступал в газете в среднем один раз в неделю, а в июле число его очерков и репортажей достигло девяти в месяц. Довольно часто, особенно в первое время работы, материалы, присланные Эренбургом, помещались не только в дневном, но одновременно и в вечернем выпусках газеты. За полтора года сотрудничества (последняя статья И. Эренбурга была напечатана там за неделю до закрытия газеты пришедшими к власти большевиками¹⁴⁰) в «Биржевых ведомостях» было опубликовано свыше 60 его статей, очерков и репортажей. Не удивительно, что в рекламе о подписке на 1917 год его фамилия стояла в ряду таких авторов газеты, как А. Ахматова, К. Бальмонт, Н. Бердяев, А. Блок, В. Брюсов, И. Бунин, А. Белый, М. Волошин, Н. Гумилев, С. Есенин, Е. Замятин, Д. Мережковский, А. Ремизов, Ф. Сологуб, Б. Эйхенбаум, способных привлечь подписчиков к этому изданию.

Оценку и подробный анализ публицистики И. Эренбурга в «Биржевых ведомостях» дал в свое время известный исследователь его творчества Е. И. Ландау в большой статье «Начало журналистской работы Ильи Эренбурга»¹⁴¹. А вот о взаимоотношениях Эренбурга с редакцией, о внутренних рецензиях и цензурных вымарках неизвестно практически ничего. Не найдено ни документов об этом, ни свидетельств, ни воспоминаний очевидцев. Лишь сам писатель слегка коснулся этого периода своей жизни в книге «Люди, годы, жизнь», написав о том, как он «посылал в "Биржевку" письма, преисполненные негодований: почему мои фронтовые очерки появляются в исковерканном виде? Письма не помогали. Я продолжал писать очерки и постепенно привык к тому, что мои статьи приглаживают, а иногда приписывают мне чужие мысли»¹⁴². Вспоминал Эренбург также, как летом 1916 г. за одну из его статей, помещенных в «Биржевых ведомостях», французские власти хотели его выслать из страны и спасло его только заступничество русского военного атташе А. А. Игнатьева.

К сожалению, это все, что пока удалось узнать.

18.

Своему первому пребыванию в Петрограде И. Эренбург посвятил в мемуарах отдельную главу, но рассказал в ней не столько о себе, сколько о российской столице летом 1917 года. Два свои посещения

города тем летом он слил в рассказе в одно, а многое по разным причинам оставил за пределами книги.

Его «мечты о России», оставшиеся в 1913 г. «несбыточным сном», стали реальностью после февральской революции. 12 июля 1917 г., проехав Англию, Швецию и Финляндию, Эренбург попал в Петроград. В тот день, как сообщила газета «Народное слово», в город прибыло 700 реэмигрантов, которых уже встречали на Финляндском вокзале. Эренбурга вместе с другими отвели в приготовленное для этого общежитие, где он пробыл совсем недолго, если вообще задержался. В тот же день, получив в «Биржевых ведомостях» причитающийся ему гонорар, Эренбург поселился в меблированных комнатах на Мойке.

Эренбурга, прожившего к тому времени несколько лет в Париже, видевшего Рим и Вену, Лондон и города Германии, Бельгии, Голландии, поразила архитектура Петрограда, показавшиеся необычайно ясными и величественными его проспекты. Это впечатление он сохранил на всю жизнь. Даже познакомившись со всеми столицами Европы, побывав в Индии, Китае, Японии, в Северной и Южной Америке, он не переставал восхищаться городом на Неве.

Однако главным для него в те дни лета 17-го года было не любовование красотами архитектуры, а продолжение начатой деятельности во Франции, где, будучи корреспондентом русской газеты, он не только описывал виденное, но и пытался активно вмешаться в происходящее. Не одобрявший войну как таковую, Эренбург в то же время считал, что для достижения мира и свободы в России надо прежде всего победить Германию, а главное — не допустить брожения и распада русских войск во Франции, где солдаты все чаще отказывались воевать, требовали возвращения на родину и грозили повернуть штыки и против союзников-французов, и против своих офицеров.

Пытаясь предотвратить это, Эренбург обращался и к военному атташе А. А. Игнатьеву, и послал телеграмму А. Ф. Керенскому, бывшему тогда военным министром Временного правительства, и даже телеграфировал об этом в «Биржевые ведомости» (правда, французская цензура эту телеграмму задержала)¹⁴³. Основной бедой русских солдат во Франции Эренбург считал их оторванность от России, скудость известий с родины, различные слухи и большевистскую агитацию. Он полагал, что обстановку может изменить приезд из России специального комиссара правительства и правильное осведомление того, что происходит в стране.

Не добившись ничего письмами и телеграммами, Эренбург решил сразу по приезде в Петроград вместе с делегатами от обеих русских бригад во Франции, прибывших в столицу одновременно с ним, пойти в военное министерство, благо, как он уже знал, помощником министра стал Б. В. Савинков, хороший знакомый Эренбурга.

С Борисом Викторовичем Савинковым, не только эсером-террористом, но и незаурядным писателем, Эренбург познакомился в Париже в январе 1915 г. у М. Волошина¹⁴⁴. Они много общались, подружились, Эренбург даже посвятил Савинкову свое стихотворе-

ние, правда, тогда не опубликованное¹⁴⁵. Когда же в апреле 1917 г. Эренбургу для скорейшего отъезда в Россию потребовались рекомендации, удостоверяющие его принадлежность к политической эмиграции, именно Б. В. Савинков вместе с художником В. В. Дилевским ему таковые дал¹⁴⁶.

И, попав в Петроград, Эренбург вместе с солдатскими депутатами, первым делом отправился в Адмиралтейство, где работал Савинков.

19.

Вернувшийся из эмиграции и задержавшийся на несколько дней в Петрограде Илья Эренбург был уже известным публицистом, сотрудником «Биржевых ведомостей», иногда выступающим и в других изданиях. Был он к тому же достаточно активным общественным деятелем, и следы его пребывания в городе на Неве вполне могли отыскаться среди публикаций многочисленных тогда газет. В числе прочих выходила и большая официозная газета «Армия и Флот Свободной России», одна из крупнейших в российской столице. Газета имела более чем вековую историю, издавалась с 1813 года и ранее называлась «Русский Инвалид».

При просмотре подшивки этой газеты в одном из номеров неожиданно была обнаружена статья, подписанная криптонимом И. Э., которым Эренбург довольно широко пользовался в те годы, что, однако, совсем не гарантировало его авторства в данном случае, тем более, что ни Эренбург, ни кто-либо, писавший о нем, никогда не упоминали о его связи с этим изданием. Впрочем, среди руководителей газеты значился подпоручик Ф. А. Степун, с которым, как помянул Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь», рассказывая о лете 1917 г., он познакомился именно в то время.

Федор Августович Степун вспоминал впоследствии о своей работе в издании военного министерства: «Второго июня <1917 г.> я был назначен редактором политического отдела «Инвалида», который мне, ввиду несоответствия этого названия той новой роли, которую почтенный бюрократический орган военного министерства должен был играть в жизни армии, представлялось правильным переименовать в «Армию и Флот Свободной России»¹⁴⁷. После непростых хлопот, о которых повествует далее Степун, переименование состоялось, и он предпринимал попытки превратить скучный официоз в популярную боевую газету. Вполне логично предположить, что, решая эту задачу, Степун попытался привлечь к сотрудничеству и такого видного журналиста, как Эренбург.

Статья, подписанная И. Э., называлась «Как австралийцы выбрали на фронте». Австралийцы с именем Эренбурга никак не ассоциировались, но в его мемуарах отыскалось несколько строк, прояснивших ситуацию: «Неожиданно я получил от английского командования приглашение приехать на участок, где стояли «анзаки» — солдаты из Австралии и Новой Зеландии. Оказалось, что австралийские солдаты по закону должны принять участие в парламентских выборах; урны поставили недалеко от переднего края. Командир объяснил мне, что русским,

наверное, полезно познакомиться с техникой выборов на фронте»¹⁴⁸. Знакомство с текстом статьи И. Э. не оставило сомнений, что ее автор именно Илья Эренбург.

Эренбург приехал из эмиграции в Петроград 12 июля и уже на следующий день одним из первых посетил своего давнего парижского приятеля, эсера-террориста, ставшего помощником военного министра Временного правительства Бориса Викторовича Савинкова. В его кабинете в Адмиралтействе он и познакомился с Ф. Степуном. «Я знал, что Степун — философ, что он написал интересную книгу «Письма прапорщика», в которой показал войну без обязательной позолоты. Менее всего я мог себе представить его исполняющим должность начальника политического управления военного министерства. Лицо у него было скорее мечтателя или пастора. Я начал бестолково и страстно твердить, что немцы могут оккупировать Россию и задавить революцию. Он спросил, не хочу ли я стать военным комиссаром. Я усмехнулся — комиссар должен понимать, объяснять, а я занят другим: всех спрашиваю»¹⁴⁹. Так Эренбург в начале 60-х описал впечатления от знакомства со Степуном. Большого он, вероятно, сказать не мог, так как имя Ф. А. Степуна, высланного из России в 1922 г., все еще было под цензурным запретом.

А в 1917 г. Эренбург живо откликнулся на предложение Степуна написать что-нибудь для газеты и уже через день или два принес статью о выборах на фронте, которую «Армия и Флот Свободной России» опубликовала 16 июля. В этот день Эренбург уже приехал в Москву, и дальнейшее сотрудничество с этой газетой не состоялось, а с Ф. А. Степуном они встретились только зимой, уже в Москве.

20.

У Савинкова Эренбург встретился и со своим давним парижским другом искусствоведем Тихоном Ивановичем Сорокиным, работавшим в то время в военном министерстве. Сорокин позвал Эренбурга в Зимний дворец, сообщив, что там в это время находится Александр Блок, один из любимых поэтов Эренбурга, ставший после февральской революции членом комиссии по расследованию злодеяний царского режима. Эренбург поспешил в Зимний, но Блока там уже не застал. Дворец же Эренбургу показался неинтересным. По его мнению, царь жил скучно, комнаты были заставлены безвкусной мебелью, мещанскими безделушками.

С Тихоном Сорокиным Эренбурга связывала давняя дружба, и не просто дружба. Попытки Эренбурга наладить в Париже семейную жизнь с Катей (Екатериной Оттовной Шмидт) не увенчались успехом и, несмотря на рождение дочери, они вскоре разошлись и Катя вышла замуж за их общего приятеля Т. И. Сорокина. Разрыв семейных уз не привел к разрыву отношений и они продолжали дружить, постоянно встречались, вместе ездили отдыхать в Ниццу, в Италию. Эренбург часто приезжал к Сорокиным, когда они жили в курортном городе Эз, иногда подолгу у них останавливался. В 1917 г., вернувшись на родину, Сорокины жили у катиного отца. О нем долгие годы исследо-

вателям не было ничего известно, кроме того, что, судя по отчеству и фамилии Екатерины Оттовны Шмидт, его звали Отто Шмидт.

Среди жителей Петербурга людей с таким широко распространенным именем было столько, что определить, кто из них отец Екатерины Оттовны, без каких-либо дополнительных сведений было невозможно. Однако подсказка все-таки нашлась. Эренбург, едва обосновавшись в конце 1921 г. в Германии, попросил свою петроградскую знакомую поэтессу М. М. Шкапскую повидать Екатерину Оттовну Шмидт и сообщил ее адрес: Лесной, Старопарголовский, 32¹⁵⁰. Разумеется, за четыре революционных года могли поменяться любые адреса. Но вдруг Екатерина Оттовна все еще жила в родительском доме? Справочник «Весь Петроград» на 1917 г. подтвердил, что по указанному Эренбургом адресу в то время проживал Шмидт Отто Маркович, который несомненно был отцом Екатерины Оттовны. После этого, просматривая справочники в обратном порядке, можно проследить основные вехи жизни Отто Марковича за предшествующие этому 25 лет и определить, что это был за человек.

Самая ранняя «Адресная книги Петербурга на 1892 год» сообщает, что Отто Шмидт занимался в то время колбасным ремеслом на Невском проспекте, 88. В справочниках последующих лет появляются сообщения о наличии у него собственной колбасной лавки, а в 1906 г. Отто Маркович Шмидт в качестве купца становится домовладельцем строений на Екатеринославской ул., 43 (от Чубарова переулка до Прилукской улицы) и на Предтеченской ул., 13 (от набережной Обводного канала за Чубаров переулок к заводу Сен-Галли). В 1910 г. он владел уже скотопромышленной и мясной биржей, а его недвижимость увеличилась за счет нескольких строений на Петербургской стороне (на Геслеровском пр., набережной реки Карповки, Ординарной улице). К 1912 г. Отто Маркович Шмидт получает звание почетного гражданина и поселяется на Старопарголовском, 32, где его и застала революция, полностью его разорившая, после чего он, по рассказам дочери Ильи Эренбурга и внучки Отто Марковича Ирины Ильиничны Эренбург, сошел с ума и вскорости умер.

Но летом 1917 г. Отто Шмидт был еще и предпринимателем, и домовладельцем, и почетным гражданином, и к отцу своей внучки никакой приязни не питал. Как вспоминал впоследствии Эренбург, он «не мог слышать моего имени: ко всем прочим грехам я был евреем»¹⁵¹. По этой причине Эренбург увидеться со своей дочерью, которой тогда было 6 лет, в домашних условиях не мог, и встреча состоялась на улице. По просьбе Эренбурга Екатерина Оттовна тайком привезла к нему Ирину, и он повел дочь в кафе «Амбир», где угощал ее белым хлебом с вареньем, а затем гулял с ней по Невскому, заходил в Казанский собор.

Впрочем, слово «кафе» Эренбург употреблял по французской привычке. В русском языке оно тогда еще не прижилось и подобные заведения назывались ресторанами. Согласно адресной книге «Весь Петроград» на 1917 г., ресторан с таким названием числился лишь один, на Колокольной ул., 12, видимо, его Эренбург и посещал. В

статье «Париж — Петроград», опубликованной в «Биржевых ведомостях» 21 июля, Эренбург упоминал об этом: «В кафе «Амбир» музыка, смех... Пришел сознательный пролетарий, выкурил сигару за 3 р. Зарабатывает теперь хорошо: свобода».

21.

Когда Эренбург зашел в редакцию «Биржевых ведомостей» за гонораром, он, желая встретиться с поэтами, знакомыми ему лишь по их произведениям или по переписке, поинтересовался, где в городе их можно разыскать. Ему посоветовали посетить ресторан «Вену» — традиционное для Петербурга место вечерних встреч поэтов и художников. «Вена» его разочаровала. Он думал, что это нечто вроде парижской «Ротонды», где создатели и любители искусства дневали и ночевали, проводили большую часть времени и не столько ели и пили, сколько общались друг с другом. Но он увидел лишь сидевших за столиками обывателей, офицеров и спекулянтов, а никого из тех, кого бы желал встретить, не нашел.

Как оказалось, многих из них в это время просто не было в городе. Кто отдыхал на даче, кто уехал на курорт. В случайно сохранившихся записных книжках Эренбурга за 1917 г.¹⁵² есть отметки о тех немногих встречах, которые все же состоялись у него тем летом в Петрограде. Одна из них была с литератором Владимиром Юнгером, с которым он познакомился в редакции «Биржевых ведомостей». Юнгер был близок к «Цеху поэтов», в издательстве «Цеха» вышла и единственная книга Юнгера «Песни полей и камней», один экземпляр которой автор подарил в 1914 г. поэтессе Марии Людвиговне Моравской¹⁵³. Это было почти в то же время, когда Эренбург посвятил ей одно из своих стихотворений¹⁵⁴, опубликованное вскоре в его книге «Стихи о канунах». Вспоминая встречу с Юнгером, правда, не называя его по фамилии, Эренбург написал: «Один поэт, с которым я познакомился в редакции «Биржевки», сказал: «Единственная надежда на генерала Корнилова. Его зовут Лавр — это символично»¹⁵⁵. Знакомство с Юнгером не имело продолжения. В 1918 г. он погиб на фронтах гражданской войны.

Зато весьма плодотворные последствия в издательских делах Эренбурга в первой половине 20-х годов имела его встреча с поэтессой Марией Михайловной Шкапской. Они познакомились еще в 1913 г. в Париже на собраниях «Русской Академии», где поэты, в том числе Эренбург и Шкапская, читали свои стихи. Теперь Шкапская пригласила его к себе в гости. «За столом сидел Н. А. Клюев, — вспоминал Эренбург. — пришел новый гость, молодой красивый паренек, похожий на Леля из оперы; улыбаясь, он представился: «Есенин Сергей, Сережа...». У него были глаза ясные и наивные. Мария Михайловна попросила его почитать стихи. Я понял, что передо мной большой поэт; хотел с ним поговорить, но он, поулыбавшись, ушел»¹⁵⁶.

О каких-либо последующих контактах Эренбурга с Н. Клюевым сведений не отыскалось, а с С. Есениным у него сложилась длитель-

ная, хоть и очень неровная дружба. Есенин дарил Эренбургу свои книги, Эренбург немало написал о Есенине. Он посвятил ему эссе в книге «Портреты русских поэтов», писал рецензии на книги Есенина «Трерядица», «Исповедь хулигана», «Путачев»¹⁵⁷, посвятил памяти Есенина статьи, опубликованные в немецкой газете «Die literarische Welt» 15 января 1926 г., и другую, для России, увидевшую свет лишь в 1990 г.¹⁵⁸ Эренбург выступал на вечере памяти Есенина в помещении Географического общества в Париже 14 января 1926 г.¹⁵⁹, а в книге «Люди, годы жизнь» посвятил ему отдельную главу.

Жила в это время в Петрограде еще одна поэтесса, с которой Эренбург, казалось бы, должен был непременно встретиться. Речь идет о Лизе Мовшенсон, ставшей к тому времени Елизаветой Полонской. Надо полагать, Эренбург без труда мог разыскать Лизу хотя бы с помощью Шкапской, как он это сделал несколько лет спустя, когда ему это понадобилось. В этот же раз, стало быть, такой потребности не возникло.

Не воспользовалась случаем пообщаться с Эренбургом и Полонская, хотя, судя по ее «Воспоминаниям», такая возможность ей представилась: «Как-то переходя Владимирский проспект, я внезапно увидела Илью Эренбурга, моего парижского друга. Он не заметил меня, у него на плечах сидела длинноногая девочка, свесив ножки в длинных чулках через его грудь. Он придерживал ее рукой с озабоченным видом, а рядом с ним шагала что-то объясняя обоим, первая жена Ильи Катя Шмидт. Я так растерялась от этой встречи, что даже не окликнула их. Про себя я решила, что они, очевидно, только вернулись в Россию, в родной для Кати Петроград. Я знала, что в нашем городе живут ее родители, а в ту минуту, когда я их встретила, вся семья, очевидно, направлялась на вокзал»¹⁶⁰.

Дело здесь, думается, не столько в «растерянности», сколько в не прошедшей еще обиде, тем более, что шел Илья с разлучницей, хотя Лиза наверняка знала, что они данно развелись.

Видимо, ни для Ильи, ни для Лизы время встречи еще не пришло.

22.

За четыре дня пребывания в городе Эренбург успел также побывать на митинге в цирке Ченизелли, увидеть похороны казаков, убитых во время июльских событий, и 15 июля вечером уехал в Москву, оставив в редакции «Биржевых ведомостей» две статьи, вскоре там опубликованных. В одной из них он дал зарисовку увиденного им революционного Петрограда:

«Полинявшие флаги, полинявшие слова... На Выборгской стороне обозвали «буржуем», на Невском — большевиком. В трамвае какой-то старичок сказал:

— Все от жидов, их убить надо.

Все одобрили. Второй сказал: — От буржуев.

Тоже одобрили. Озлоблены все друг против друга, за что и почему — кто разберет?»¹⁶¹.

В середине августа того же, 1917 года Эренбург снова появился в столице. Он вышел из тесного зала Николаевского вокзала и попал на Невский, занесенный густыми пластами пыли. Магазины — будто после пожара: в одном окне парусиновая туфля — одна. В другом — две баночки. Едкий запах гари ел глаза. А веселые вольноопределяющиеся и дамы в морских картузиках, помахивая стэками, крутились, будто вальсируя, по широким тротуарам и пропадали в боковых улицах.

Таково первое впечатление Эренбурга от Петрограда, переданное им вскоре в очерке «Наваждение», изложение которого и стало основой для рассказа об этом приезде. Очерк вскоре был опубликован в журнале «Народоправство»¹⁶², более не перепечатывался, а журнал на несколько десятилетий был заперт в спецхран и изолирован от читателей.

Эренбург долго бродил по Петрограду, глядел на желтые дома, на каналы и все казалось ему, что город то исчезает, то вновь появляется, и не знал он, есть ли Петербург, Петроград, или это сон, наваждение.

Вечером в 11 часов пошел Эренбург в Адмиралтейство по приглашению Б. Савинкова. Долго ждал его в высокой зале, разглядывая портреты адмиралов в париках, а потом пришел встревоженный секретарь Савинкова и сказал, что тот не придет, так как его срочно вызвали в Зимний дворец.

На следующее утро все в городе было тихо. Эренбург затворился в номере с кипой газет и читал, как в «Новой жизни» бесчестили Корнилова, а в «Живом слове» измывались над Керенским. Эренбург глядел в окно на дымную Фонтанку, а когда под вечер вышел на Невский, ему показалось, что что-то случилось. Но кроме слухов, казавшихся ему нелепыми, ничег^о узнать он не мог.

В понедельник 21 августа Эренбург вышел на Караванную. Мокрые, скользкие тротуары, обычные хвосты у булочных и у молочной. Почему-то продавали свежие газеты, хотя обычно по понедельникам их не бывает. В одной из газет Эренбург разглядел крупно набранную фамилию Корнилова. Эренбург долго ходил по Невскому, прислушивался к разговорам. Затем пошел в военное министерство. Там его встретили тишина и запустение. Зато в кафе «Амбир», куда он зашел перекусить, играл оркестр и не было ни одного свободного столика.

Ближе к вечеру он отправился в Смольный. Впечатления об этом посещении Эренбург описал через несколько лет в романе «Жизнь и гибель Николая Курбова»: «У входа ручной легавый — пулемет. И фронтовик отсыпается с громовым храпом за три окопных года. Запах логова, в котором говорят, потеют, хлебают наспех щи, и здесь же, между двумя голосованиями дрыхнут марксисты с rue Glaciere, тexasкие ковбои, замлевшая Калуга. В коридорах, где обнявшись, порхали пелеринки, где царствовала Чарская и голубой гусар, — косоворотки, гимнастерки, юбки, закрученные узлом. Стриженные меньшевички, нарцисс-эсер, глядящий вместо вод в слезящиеся очи бывших собинисток, рабочие, прислуга за все Паша (по поводу расчета). Скачут,

машут руками, каждый в углу готов для приличия отряхнувшись, стать министром ... Комната вглубь. Дощечка: «Классная дама». И приписка мелом: «Фракция большевиков»¹⁶³.

Эренбург побродил по Смольному, но кроме бродивших, сидевших и спавших солдат, никого, кто мог бы ему что-нибудь объяснить, не встретил. На всех лицах он видел смятение, но выяснить, что же происходит, не удалось. Тогда Эренбург поехал в штаб. В это время туда прибыл А. Ф. Керенский, привезли великого князя Михаила Александровича. Эренбург увидел вокруг растерянность, суматоху, часто испуг. Не терял самообладания только Б. Савинков, ставший к тому времени петроградским генерал-губернатором.

Таково было впечатление Эренбурга о первых днях мятежа генерала Корнилова, двинувшего 25 августа войска на Петроград. 31 августа мятеж был подавлен, а два дня спустя Эренбург был у Савинкова, читал телеграммы, слушал его рассказ о происходящем. Затем поехал в Крым навестить болевшую там мать.

Знаменская площадь перед Николаевским вокзалом была завалена людьми и тюками. Эренбургу казалось, что это все бегущие из столицы, и он начал сомневаться, сможет ли в такой сутолоке попасть на поезд. Но оказалось, что поезда отходят со свободными местами, а вся масса народа с тюками — приезжие.

Такой предстала летом 1917 г. перед Эренбургом российская столица, которую он увидит в следующий раз только через семь лет и уже не столицей и не Петроградом. Да и сам Эренбург станет к тому времени совершенно иным.

24.

Об издательском деле в России 20-х годов существует большая литература с обширными цифровыми данными, подробным анализом этих цифр, с таблицами и диаграммами, с размышлениями и выводами. Объемно описано состояние издательского дела как в целом по стране, так и по многим регионам. Но за всей этой громадой слов и цифр, за пространными рассуждениями не только не удастся увидеть общую картину книжного производства, но и не найти даже отдельных, хотя бы мелких зарисовок того, как все выглядело — нет ни хотя бы приблизительных списков существовавших издательств, не говоря уж о таких конкретностях, как сведения о времени возникновения и закрытия, о том, кто стоял во главе их и какие именно книги выпускал. О существовании многих десятков разнообразных издательств можно узнать лишь по титульным листам сохранившихся книг, да по упоминаниям в библиографиях писателей. Не помогает нашей информированности и солидный том энциклопедического словаря «Книговедение», где из многих десятков существовавших в 20-е годы издательств упомянуты лишь единицы, да и то с весьма поверхностными, неполными, а порой и ошибочными сведениями. Подавляющего же большинства тех, кто выпускал тогда книги, судя по «Книговедению», вовсе не существовало.

Не удивительно поэтому, что даже люди, жившие в то время и отнюдь не посторонние книжному делу, имели довольно скудное, а то и неверное представление о том, что же существовало в действительности. Вот, к примеру, воспоминания одного из старейших писателей Абрама Рувимовича Палея «Встречи на длинном пути»: «Тогда многие авторы стихов за неимением печатать их издателей сами выпускали свои книжечки, но для пущей важности придумывали какое-нибудь издательство с экзотическим названием... Есть у меня и книжка Шкапской «Mater Dolorosa» — «Скорбящая мать». Вслед за обложкой, перед шмуцтитолом, на отдельном листке будто бы издательская марка, кокетливо обрамленная круговой надписью «Купина неопалимая». Клянусь, такого издательства не существовало»¹⁶⁴.

Утверждая так, А. Палей все-таки ошибался. Походя об этом упоминали Н. Е. Баренбаум и Н. А. Костылева в работе «Книжный Петербург-Ленинград», где писали: «за один день 17 февраля 1922 г. коллегия Петроиздата зарегистрировала 35 новых издательств» и, перечисляя их, назвали «Неопалимую купину»¹⁶⁵. К сожалению, авторы не назвали источника, откуда почерпнули эти сведения, и больше о «Неопалимой купине» нигде не сказали. Не попадались, за исключением книги А. Палея, и другие упоминания этого издательства. Однако факт официальной его регистрации подтверждает и справочник «Весь Петроград», помещая эти сведения в адресную книгу на 1923 г. Там, в частности, указано, что издательство было зарегистрировано 22 февраля 1922 г. и размещалось на Кронверкском проспекте, 23 в квартире 32, а руководителем (или владельцем) его записана Е. Овсянникова. В той же адресной книге Елизавета Лазаревна Овсянникова числится переводчицей, проживающей в той же квартире, где зарегистрировано издательство.

Е. Л. Овсянникова не была новичком в издательском деле. С 1919 года она работала секретарем петроградского издательства «Мысль», достаточно хорошо знала литераторов, о чем, в частности, свидетельствует сохранившаяся в собрании М. Лесмана книга стихов Георгия Иванова «Сады» с автографом: «Многоуважаемой Елизавете Лазаревне Овсянниковой на добрую память от автора. 21.IX.1921. СПб»¹⁶⁶.

Впрочем, одного факта регистрации издательства маловато для подтверждения его функционирования. Для этого требовалось найти вещественные подтверждения издательской деятельности. Помимо поэтического сборника М. Шкапской, — видимо, первой книги «Неопалимой купины», выпущенной осенью 1921 г. и отпечатанной в типографии «Светоч» тиражом 800 экземпляров, удалось разыскать изданные в январе 1922 г. «лирическую поэму для музыки с объяснительной прозой, в трех частях» М. Кузмина «Лесок», отпечатанную тиражом 500 экземпляров, и сборник стихов Надежды Павлович «Берег».

На всех этих книгах стояла описанная А. Палеем «кокетливо обрамленная круговой надписью» издательская марка, выполненная привлеченным Овсянниковой художником Александром Божеряновым, тоже достаточно известным в книжном мире преимущественно

в качестве оформителя различных изданий Мих. Кузмина. Еще в 1914 г. он выполнил обложку для кузминских «Глиняных голубков», в 1915 — оформил очередное издание сборника стихов М. Кузмина «Сети», а в 1918 — обложку его рассказов «Девственный Виктор». И, видимо не случайно, в 1919 г. «в день свадьбы Ираиды Владимировны и Сашеньки Божерянова» он получил с таким дружеским автографом в подарок книгу от М. Кузмина¹⁶⁷. Известны и другие книги, оформленные А. Божеряновым, в частности, сборник Юрия Юркуна «Рассказы, написанные на Кировной улице, в доме под № 48».

Работа А. Божерянова над книгой «Лесок» в «Неопалимой купине» была положительно оценена критикой. Рецензент Владимир Шкловский писал по этому поводу: «Издана книжка прекрасно и с большим вкусом. Александр Божерянов снабдил текст четким профилем поэта в духе «blanc et noir», который явно напоминает его знакомое лицо»¹⁶⁸. Впрочем, не всегда оформительское искусство Божерянова вызывало похвалы. Случались и другие мнения. В 1922 г. в петроградском издательстве «Карточный домик» вышла поэма Георгия Маслова «Аврора» со вступительной статьей Ю. Н. Тынянова. Тынянову внешний вид книги совершенно не понравился, о чем он написал: «а фронтиспис — кошмар, который избрал художник Божерянов»¹⁶⁹. Однако по оформлению книг «Неопалимой купины» таких замечаний не встречалось.

То, что в «Неопалимой купине» первой была выпущена книга М. Шкапской, вряд ли явилось случайностью. Возможно, именно ради нее из приятельских побуждений и создавалось издательство, ибо Е. Овсянникова была давней подругой Марии Михайловны, знакомой еще по довоенному Парижу. Елизавета Лазаревна училась тогда на юридическом факультете Сорбонны, закончив его в 1916 г., а Шкапская подолгу жила там, посещала «Русскую Академию», где читала свои стихи и где познакомилась с И. Эренбургом. Знакомство это оказалось длительным и близким. Именно к Шкапской, в числе первых, пришел Эренбург в Петрограде, едва вернувшись из эмиграции в Россию, и именно ее он попытался в числе первых разыскать, оказавшись в Советской России после скитаний гражданской войны.

Зимой 1918—19 гг. Эренбург подружился в Киеве с О. Э. Мандельштамом, и нелегкие перипетии послереволюционных лет они переживали вместе, скитаясь из Киева в Ростов, из Ростова в Крым, из Крыма в Грузию, пока осенью 1920 г. не оказались застигнутыми там большевиками и не были вынуждены вернуться в Россию. Они уезжали из Тифлиса вместе, но Эренбург держал путь на Москву, а Мандельштам направился в Петроград. Расставаясь, Эренбург попросил Мандельштама разыскать в Петрограде М. Шкапскую. Осип Эмильевич эту просьбу выполнил, и вскоре Эренбург получил от Шкапской письмо, на которое Эренбург незамедлительно ответил: «Милая Мария Михайловна, только что получил Ваше письмо, порадовался. Спешу откликнуться и послать свой адрес. Мандельштам верно рассказал Вам о нашей фантастической поездке через Черное море на барже, и потом через Грузию. Здесь, как это ни чудно, я

отдыхаю, хоть и работаю много. Больше всего влечет к работе, и замышляю новую трагедию. Макс Алекс. остался в своем Коктебеле. Я тоже собираюсь примерно к Рождеству на недельку в Питер. Напишите мне больше о себе и пришлите все, что хотели. Не забывайте! Душевно Ваш И. Эренбург. Волхонка, М. Знаменский пер. «Княжий двор»¹⁷⁰.

С этого письма началась многолетняя очень интенсивная переписка Эренбурга и М. Шкапской. Архив Эренбурга того периода погиб, а Мария Михайловна сохранила письма Ильи Григорьевича, и они остались ценным и весьма интересным документом, нередко единственным свидетельством подробностей его творческой жизни в 20-х годах. Второе письмо Эренбург послал Шкапской 24 марта 1921 г., на следующий день по приезде в Ригу, оказавшейся на пути Эренбурга на Запад: «Милая Мария Михайловна, пишу из Риги (пришлось на день остановиться здесь). Завтра утром едем дальше. Страшно жалко, что в Питере (да и повсюду в России) я был в отношении времени настолько <нрзб.>, что не удалось даже как следует повидаться с Вами. Думаю осенью непременно быть в Петрограде. От него и от России осталось столь доброе впечатление, что вряд ли долго засижусь в моей Европе. Сейчас буду работать: сценарий, пьеса, роман. В июне приедет за границу Ирина. Напишите мне на «Геликон». Сердечный привет! Ваш Эренбург. Привет от меня Тихонову».

До сих пор не найдено никаких свидетельств поездки Эренбурга в Петроград зимой 1920—21 гг. Между тем, обещание приехать туда в первом письме и строчки о том, что «в Питере...не удалось как следует повидаться», и привет Н. С. Тихонову подталкивают к мысли, что такая поездка состоялась. Это важно знать еще и потому, что, уезжая из России, Эренбург оставил Шкапской рукопись своей новой книги стихов «Раздумия». Конечно, можно предположить, что он переслал ей рукопись из Москвы, но тогда бы сохранилась какая-нибудь сопроводительная записка (состояние архива М. М. Шкапской позволяет с большой долей уверенности судить, что она сберегла в себе, присланное Эренбургом), да и сделать это при личной встрече было сподручней.

Один экземпляр рукописи «Раздумий» Эренбург взял с собой и, прибавив к нему два стихотворения, написанные по дороге из Москвы в Европу, издал книгу в Риге, где в ожидании французской визы задержался не на один день, как планировал, а на целый месяц. Это не изменило желания Эренбурга увидеть «Раздумия», изданные в России, и хотя в третьем дошедшем до нас письме ничего об этом нет, получив от Шкапской письмо от 11 декабря 1921 г., он в ответе ей благодарит «за труды о «Раздумиях».

Надо думать, что М. Шкапская, издав в «Неопалимой купине» свой сборник, договорилась с Е. Овсянниковой и об издании книги Эренбурга. То, что эта книга печаталась с рукописи, а не с рижского издания, судить можно не только по отсутствию в петроградском издании двух «путевых» стихотворений, включенных в книгу в Риге, но и по словам Эренбурга в письме от 13 января, что он посылает

Шкапской рижские «Раздумия», и, следовательно, она их до этого не видела, а петроградское издание было, вполне возможно, уже готово. Утверждать это однозначно довольно трудно. Если на книгах М. Кузина и Н. Павлович, выпущенных «Неопалимой купиной», указан январь 1922 г., то на эренбургских «Раздумиях» поставлен только 1922 год. Между тем, книга могла выйти и в конце 1921 г., так как Эренбург, надо думать, не без оснований, 14 января 1922 г. сообщал Шкапской, что «Раздумий» он не получил, а, стало быть, имел основания надеяться получить.

Однако нельзя исключить и того, что выход книги задержался. Во всяком случае, по неясным причинам Эренбург довольно долго не мог ее получить, хотя и неоднократно просил об этом Шкапскую. «Любопытно будет взглянуть на питерское издание "Раздумий"», — писал он ей 29 марта 1922 г. «Вышли ли мои "Раздумия"?», — спрашивал 24 апреля. «Очень обидно, что до сих пор не получил моих "Раздумий"», — сетовал 5 мая. «"Раздумий" моих я теперь не получил», — сообщал 14 мая. «Пришлите мне как-нибудь экземпляр моих "Раздумий", я их так и не видел», — просил 31 мая. И только 23 июня в его письме промелькнула фраза «касательно списка опечаток в "Раздумиях"», так что, вероятно, он все-таки увидел свою столь долгожданную книгу.

«Неопалимая купина» издала «Раздумия» небывалым для этого издательства тиражом в 2000 экземпляров в оформлении все того же Александра Божерянова. В письме от 7 марта 1922 г. Эренбург написал Шкапской: «Теперь я знаю, кто издательница — Лиза Шлюмер! Горячий привет ей».

Судя по этим словам, можно заключить, что под фамилией Шлюмер Эренбург знал Овсянникову раньше, скорее всего, еще в Париже. В том же письме он добавил: «Скажите ей, что если захочет, может что угодно перепечатывать». Но Овсянникова, едва зарегистрировав «Неопалимую купину», свою издательскую деятельность прекратила. Во всяком случае, кроме четырех упомянутых здесь книг, других изданий с маркой «Неопалимой купины» разыскать не удалось. В последующих адресных книгах она значится проживающей по тому же адресу, но уже в качестве заведующей магазином.

Вскоре Елизавета Лазаревна вышла замуж за Александра Александровича Ольшевского, специалиста по Великой Французской революции. В конце 1921 г. Шкапская просила Эренбурга (возможно, по ходатайству Овсянниковой) издать за границей одну из работ Ольшевского. 14 января 1922 г. Эренбург сообщал Шкапской, что книгу Ольшевского для переиздания он еще не получил, не дошла она до него и через полгода. 11 июня он писал Шкапской: «Как только получу Ольшевского, пристрою», а 12 июля — «Насчет Ольшевского ответа от издателя еще не имею». Чем в конце концов это закончилось, выяснить не удалось, а Ольшевский опубликовал в № 9–10 журнала «Книга и революция» большую и интересную статью «О последних произведениях Эренбурга», где, в частности, весьма одобрительно отозвался о книге «Раздумия», выпущенной «Неопалимой купиной».

Елизавета Лазаревна, ставшая Овсянниковой-Ольшевской, с 1925 г. занялась переводческой деятельностью. Через нее русский читатель знакомился с «Воспоминаниями» Шарлотты Робеспьер, с «Черным тюльпаном» А. Дюма, романом Э. Золя «Жерминаль» и другими произведениями французской литературы. В 1935 г. Е. Овсянникова-Ольшевская принимала участие в написании истории завода «Красный выборжец», затем несколько лет работала в редакции литературно-художественного вещания Ленинградского радио. Умерла она в Ленинграде в 1968 г. Каких-либо пересечений ее судьбы с судьбой И. Эренбурга после издания «Раздумий» найти не удалось.

25.

Весной 1921 г. Эренбург выехал за границу и после недолгого пребывания в Латвии, Франции и Бельгии осенью обосновался в Берлине, тогдашнем центре русской интеллектуальной эмиграции. Там он сразу же включился в литературную и общественную жизнь «Русского Берлина», активно сотрудничал в журнале «Русская книга» (с 1922 г. — «Новая русская книга»), а главное — одну за другой выпускал свои книги. 1922 г. стал по выходу эренбургских книг рекордным во всей его творческой судьбе. В том году в различных издательствах вышло более 10 изданий его произведений в самых разных жанрах, выходили его переводы и составленные им антологии, появилось несколько номеров выпускавшегося им совместно с художником Л. Лисицким на трех языках «международного обозрения современного искусства» — журнала «Вещь».

Все это позволило Эренбургу стать заметной фигурой в русской литературе, а последующие за этим переводы его книг принесли автору европейскую известность. У Эренбурга завязалась большая и оживленная переписка с писателями и художниками. Немало авторов посылали ему свои произведения либо с благодарностью, либо с надеждой на внимание и отзыв.

Среди этого потока в начале 1922 г. к Эренбургу попал присланный из России сборник стихотворений Елизаветы Полонской «Знамения», вышедший в петроградском издательстве «Эрато» в конце 1921 г. Автограф на книге был краток: «Илье Григорьевичу Эренбургу Е. Полонская 4.2.1922»¹⁷¹. Никакого письма или записки, ни обратного адреса отправителя не было. Неизвестно, сразу ли Эренбург понял, кто прислал ему книгу, или это ему разъяснила Шкапская, которую он в письме от 7 марта попросил: «Найти поэтессу Елизавету Полонскую. Сказать ей, что книгу получил. Хочу ей написать, не знаю адреса?»

Вполне возможно, что понял не сразу. Отношения между Ильей Эренбургом и Лизой Мовшенсон складывались неровно. Вдохновляя Илью на создание стихов и успешно способствуя их первым публикациям, она после женитьбы Эренбурга на Екатерине Шмидт отошла в сторону и они долго не встречались, либо виделись мельком в больших компаниях (например, в «Русской Академии» в Париже). Участие Лизы в выпускаемых Эренбургом «Вечерах» так и осталось

эпизодом. Вскоре она вернулась на родину, в 1916 г. вышла замуж, стала Елизаветой Полонской и, случайно встретив Эренбурга на петроградских улицах летом 1917 г., не окликнула его, и, надо думать, — сознательно. Не удалось найти никаких свидетельств, даже косвенных, того, что Эренбург знал о судьбе Лизы после ее отъезда из Парижа или интересовался этим. От их ранних дружеских отношений, казалось, ничего не осталось. И только теперь, получив первую книгу Полонской, Эренбург попытался возобновить былую дружбу, надеясь, что Лиза, узнав от Шкапской о проявленном им интересе, сама напишет ему о себе.

Но письмо с адресом Лизы пришло от Шкапской и начинать переписку пришлось Эренбургу. Первое его письмо было коротким и совсем не похожим на то, каким могло быть после восьми лет разлуки и более чем десяти — размолвки. Впрочем, если судить по письму, размолвки как бы и не было. Эренбург благодарил Полонскую за книгу, сообщал ей, что напишет рецензию и вышлет свой, недавно вышедший роман «Хулио Хуренито», а заканчивал письмо словами: «Очень хочу получить от тебя весть — тогда попытаюсь написать и о себе. Мой адрес наверху. Если хочешь здесь издать стихи или напечататься в «Эпопее», пришли мне. Не забудь. Твой Илья Эр.»¹⁷².

Полонская, однако, подавать «о себе весть» не торопилась. Не подтолкнул ее к этому и вышедший в апреле номер журнала «Новая русская книга» с вполне доброжелательной рецензией Эренбурга: «Полонская достигает редкой силы, говоря о величии наших опустошенных дней. Ее книга — о Робинзоне, потерпевшем кораблекрушение и посему познавшем очарование ранее незаметных и скучных вещей. Это — новая вера». Лишь в июне она, по его просьбе, прислала Эренбургу несколько книг. На этот раз, правда, к посылке было приложено ее письмо, но оно показалось ему «достаточно сдержанным» и не очень подробным. Потом с большими перерывами — в середине августа и в октябре — еще два «достаточно сдержанных» письма, в которых, судя по ответу ей Эренбурга, Полонская рассказывала ему о себе в виде сухой справки, какую обычно пишут при поступлении на работу, и намекнула или прямо написала (ее письма не сохранились), что дружба их была настолько давно, что теперь им придется снова «знакомиться».

На этот раз Эренбург не сдержался и написал довольно категорично: «Лаконичность твоя мне нравится в стихах, в «автобиографии», но не в письмах ко мне... Вообще — где же ты? (т. е. просьба показаться). Знакомиться, так знакомиться».

И все-таки в их отношениях что-то сдвинулось. Писать друг другу они стали чаще, в письмах Эренбурга стало заметнее больше подробностей не только о своей работе, но и о душевных переживаниях, да и на «лаконичность» Полонской он больше в своих посланиях не жаловался. Вполне можно было считать, что прерванная дружба начала возобновляться.

Елизавета Полонская в то время состояла в возникшей в 1921 г. в Петрограде литературной группе «Серапионовы братья» и была в ней единственной «сестрой». «Братьев» же было девять. Всех их объединял высокий профессионализм и безусловный талант, что привлекло к ним внимание И. Эренбурга. Познакомила их с ним М. Шкапская, видимо, ходатайствовавшая за «серапионов» перед Эренбургом осенью 1921 г. Его фразу в письме к Шкапской от 23 декабря 1921 г.: «Для питерских писателей также рад сделать все, о чем писал в Москву. Передайте», — судя по дальнейшим событиям, скорее всего, надо понимать относящейся к «серапионам». Вероятно, просьба в письме от 7 марта 1922 г.: «Еще скажите писателям, чтобы слали рукописи. Устрою и деньги вышлю посылками или валютой», касается их же.

В письме от 24 апреля — уже более конкретно: «Сборник "Бр. Серап." можно продать немедленно по 2000 за лист». Он хотел опубликовать произведения «серапионов» в берлинском издательстве «Геликон», где в это время выходило и большинство книг самого Эренбурга. Молодые писатели охотно приняли это предложение и сразу же выслали в Берлин свои сочинения. Однако все, что они прислали, было уже напечатано в России, а «Геликон» издавал только неопубликованное. «Присланное в виду того, что это выходит в России, он взять отказался», — сообщил Эренбург в открытке, адресованной «дорогим Серапионовым Братьям»¹⁷³. Открытка эта сохранилась в архиве одного из «серапионов» — Михаила Леонидовича Слонимского, с которым Эренбург активно переписывался все 20-е годы, прежде всего потому, что Слонимский в это время был не только и не столько писателем, но, прежде всего, «издателем», постоянно стоял у руководства различными альманахами, газетами, журналами, издательствами, что диктовало Эренбургу необходимость постоянного делового общения и взаимной помощи.

Отказ «Геликона» напечатать присланное не остановил попыток Эренбурга издать произведения петроградских писателей. В той же открытке он сообщил, что все-таки просит прислать неизданные вещи, а уже полученное он, Эренбург, попытается куда-нибудь пристроить. «Я обошел другие издательства, — писал Эренбург. — Хочет взять «Русское творчество» (ред. А. Толстой). Лично мне это издательство не особенно по вкусу, но сие не столь важно. Условия они предлагают хорошие».

Видимо, Эренбург не просто «пристроил» сочинения «серапионов» Алексею Толстому, а убедил того, что перед ним произведения, за которые нужно бороться, потому что Толстой этот случай описал К. Чуковскому несколько иначе: «Альманах Серапионовых братьев я приобрел, — сообщал он в письме 20 мая. — Выхватил у Эренбурга для издательства «Русское творчество»¹⁷⁴.

Издательство «Русское творчество» очень оперативно издало произведения «серапионов». Уже в середине июня книга «Серапионовы братья. Заграничный альманах» вышла из печати и именно ее

вместе со сборником рассказов одного из «братьев» — Всеволода Иванова — попросил Эренбург у редактора журнала «Новая русская книга» А. С. Яценко для того, чтобы написать обговоренную между ними статью о петроградских писателях¹⁷⁵. Но первым отзывом Эренбурга на творчество одного из «серапионов» была рецензия на книгу стихов Н. Тихонова «Орда»¹⁷⁶. Она вызвала негативную реакцию писателя И. Соколова-Микитова, в гневе написавшего редактору журнала А. С. Яценко: «Свинство печатать такие порожные рецензии о русском поэте Тихонове (в седьмой книжке — эренбургова): Тихонов стоит тысячи Пастернаков и Мандельштамов¹⁷⁷. Соколов-Микитов, имея в виду рецензии Эренбурга на книги «Tristia»¹⁷⁸ и «Сестра моя жизнь»¹⁷⁹, не потрудился доказать превосходство Тихонова, как поэта, над Мандельштамом и Пастернаком и его пером водили, скорее всего, не литературные, а национальные пристрастия.

Тем временем, Эренбург написал и опубликовал статью о творчестве «серапионов» «Новая проза»¹⁸⁰, а с самими петроградскими писателями у него начала завязываться дружба, пока заочная. Он переписывался с И. Груздевым, М. Слонимским, неоднократно предлагая свои услуги в деле издания «серапионов» за границей. Слонимский, в свою очередь, организовал публикацию нескольких новелл Эренбурга из не вышедшей еще книги «13 трубок» в литературной газете «Московский понедельник», штатным представителем которой он был в Петрограде. Неоднократные попытки делал Слонимский и для публикации Эренбурга в появившемся в Петрограде альманахе «Атеней», где Слонимский был одним из руководителей. Тут, правда, в несостоявшихся публикациях виноват больше сам Эренбург, несмотря на настойчивые просьбы Слонимского так ничего ему для этого не приславший. Л. Лунц опубликовал в вышедшем в Петрограде альманахе «Город» рецензию на первый роман Эренбурга «Хулио Хуренито», оставшуюся одним из лучших отзывов на это произведение.

Однако все эти знакомства были пока «заочными». Лично познакомиться Эренбургу удалось лишь с Л. Лунцем и Н. Никитиным, приезжавшими в Берлин. И, конечно, ему хотелось повстречаться с заинтересовавшими его писателями, поговорить. Такой случай представился.

27.

В те годы довольно широко были распространены публичные выступления писателей с чтением своих произведений, с рассказами и лекциями на самые разнообразные темы, с ответами на вопросы публики и участием во всевозможных диспутах. Все это неплохо оплачивалось, а Эренбурга, успевшего соскучиться по родине, привлекла еще и возможность побывать там. В начале 1924 года в советских газетах появилось сообщение о том, что «Украинский Красный Крест» выписал из Берлина писателя И. Эренбурга для чтения лекций по СССР в пользу Красного Креста¹⁸¹. Писатель охотно согласился на это, тем более, что вряд ли смог бы осилить такую

поездку на свои средства, а ему еще очень важно было решить в России свои издательские дела, так как широкие возможности издания в Германии русских произведений внезапно и почти мгновенно исчезли и требовалось найти выход из этого положения.

Украинцы в своем договоре предусмотрели посещение Эренбургом Харькова, Киева и Одессы, возможно, и Москвы, которую трудно было миновать. Неизвестно, предусматривалось ли первоначально в этой поездке посещение Петрограда, но, если даже и не планировалось, то Эренбург сумел об этом договориться, и свой приезд туда заранее уверенно обещал в письмах Е. Полонской, М. Шкапской, «серапионам», встреч с которыми искал.

Для поездки в Россию Эренбург подготовил лекцию о Западной Европе, которую назвал «Пьяный оператор». Название это родилось от воспоминаний о том, как однажды в Бельгии он видел фильм, показанный нетрезвым киномехаником (оператором), который пускал киноленту то величаво-медленно, то с неукротимой стремительностью. Жизнь послевоенной Европы напоминала Эренбургу этот случай, ибо казалась ему порой сонно-ленивой, порой — безоглядно мчавшейся.

Впервые эту лекцию Эренбург прочитал в Берлине 30 декабря 1923 г. Русская газета «Накануне» писала тогда, что «темп общественной и политической жизни Европы мастерски набросан И. Г. Эренбургом со свойственным ему остроумием, образностью и красочностью». Газета отмечала «неослабное внимание, сопровождающее все два часа чтения Эренбургом своей лекции», и в заключение автор рецензии предсказывал: «Несомненно, что в России фильма-лекция И. Г. Эренбурга будет иметь заслуженный успех».

Газета «Правда» писала тогда, что «после лекции — чтение отрывков из ненапечатанного романа «Любовь Жанны Ней». Первая лекция состоится в Москве»¹⁸².

Выступление в Москве было запланировано на 26 января и на него успели продать билеты. После этого Эренбург должен был успеть съездить в Петроград, чтобы во второй декаде февраля, как и было запланировано, начать гастроли по Украине. 20 января, в полной уверенности, что именно так все и будет, написал Е. Полонской: «Я буду в Питере (это почти наверное, т. е. в отношении точности) 3 февраля. 4-го должна быть моя лекция. Пробуду в Питере до 9-го. Страшно радуюсь нашей встрече... Устрой, чтобы я за это время успел повидать всех петербургских confreres'ов, т. е. Замятина и молодых».

Петроградские писатели ждали Эренбурга. 2 февраля Н. Тихонов в письме Л. Лунцу, рассказывая о литературной жизни города, как одну из важных новостей, сообщил: «Ждем Эренбурга. «Великий имитатор» прибудет через неделю»¹⁸³.

Однако в феврале Эренбург на берега Невы не попал. 21 января умер В. Ленин, в стране объявили траур, все зрелищные мероприятия были отменены, и первое московское выступление Эренбурга перенесли на 4 февраля. В Москве планировалась не одна его лекция, и, справившись со всем, он едва успел к определенному украинцами

сроку, не имея даже одного дня на посещения Петрограда. «Я — раб Украинского Красного Креста, — написал Эренбург 16 февраля из Харькова Е. Полонской. — Это мои импрессарио. Я еду сначала на юг и приеду в Петербург к 5—7 марта. Пробуду недолго...».

Эренбург выполнил всю украинскую программу, выступил и в Харькове, и в Киеве, и в Одессе, и только в начале марта прибыл туда, куда так рвался, в город, который за это время успел поменять имя, и назывался теперь Ленинградом.

28.

В Ленинград Эренбург приехал 3 марта 1924 г. На следующий день выходящая в городе «Красная газета» сообщила об этом, указав, что «автор нашумевших романов «Хулио Хуренито», «Николай Курбов», «Трест Д. Е.» прочтет в Ленинграде несколько лекций на тему о гибели Европы и отрывки из своего нового, ненапечатанного романа «Нелли Ней» <так в газете! — В. П.>.

Прямо с вокзала Эренбург отправился на Загородный проспект, где в доме № 12 жила Е. Полонская, дома ее не застал, но оставил вещи, а затем разыскал своего импрессарио, который успел за это время снять для него номер в «Европейской» гостинице, что на углу Невского и Михайловской улицы, называвшейся тогда улицей Лассалля. Эренбург отправил к Полонской посыльного за вещами, а с ним записку, в которой сообщил Елизавете Григорьевне, что жильё себе нашел и вечером, если пройдет болевшая у него голова, он собирается придти к «серапионам». Встреча состоялась на квартире М. Слонимского и добраться до нее из гостиницы можно было за несколько минут, так как жил Слонимский тогда на Екатерининском (ныне Грибоедова) канале в большом писательском доме, где занимал, по свидетельству бывшего на этой встрече Леонтия Раковского, «узкую, длинную комнату с одним окном. Небольшой письменный стол, два-три венских стула, круглый столик и кровать составляли всю мебель. Кровать стояла в углу, у печки, напротив двери. За кроватью у стены виднелся поставленный на ребро матрац. Получалась невысокая спинка, как у дивана»¹⁸⁴.

На встречу с Эренбургом собралось немало любопытствующего народа, хотя и не чуждого «серапионам». Помимо Л. Раковского, о ней оставил воспоминания Евгений Шварц, написала Ида Слонимская, но никто из них не уточнял дату этой встречи. Возможно, она состоялась и не в первый день приезда Эренбурга, а несколько позже, но уже 8 марта Ида Слонимская писала Льву Лунцу: «Читал на Серапионах Илья Эренбург. Было чрезвычайно торжественное собрание, говорили шепотом и все были очень вежливы. У Эренбурга удивительно симпатичная внешность и он совсем не зазнается. Читал отрывок из романа «Любовь Жанны Ней». Совершенно Диккенс. Серапионы благоговейно слушали, хвалили. Груздев и Федин интересовались судьбой героев и вообще все были страшно вежливы, а когда он уехал — начали крыть, особенно Зоценко. И разоблачили совершенно»¹⁸⁵.

Много лет спустя об этом чтении вспоминал Евгений Шварц: «Сохраняя не то брезгливое, не то горестное выражение рта, рассказал он, сонно глядя мимо собеседника, что пишет сейчас «Жанну Ней», поставил себе простую задачу: сделать книгу, над которой плакали бы. Он достал из портфеля и показал готовый план книги, похожий на генеалогическое дерево или штатное расписание. Разноцветные кружки или квадратики, соединенные прямыми линиями, занимали длинный лист бумаги. Меня этот план почему-то рассердил и напугал, но Федин, у которого я отозвался с насмешкой о такого рода планировании, спросил удивленно: «А как же иначе?» — и достал из стола лист, весьма похожий на эренбургский, со схемами будущего своего романа»¹⁸⁶.

Наиболее полно спустя много лет описал эти чтения, не повторяя, впрочем, сказанного другими, Вениамин Каверин в книге воспоминаний «В поисках жанра»: «Соединение небрежности и внимания — вот первое впечатление, которое произвел на меня Эренбург, когда в марте 1924 года он приехал в Ленинград из Парижа и был приглашен на обсуждение его романа «Любовь Жанны Ней».

Небрежность была видна в манере держаться, в изрядно поношенном костюме, а внимание, взвешивающее, все замечающее — в терпимости, с которой он выслушивал более чем сдержанные отзывы о своем романе.

Ему было интересно все — и способные на дерзость молодые люди, и их учителя, выступавшие скупой, сложно.

Он много курил, пепел сыпался на колени. Немного горбясь, изредка отмечая что-то в блокноте, он, казалось, не без удовольствия следил за все возрастающей температурой обсуждения.

Эренбург слушал не перебивая, с любопытством. Лицо его оживилось, он как будто повеселел под градом возражений. Он стал отвечать, и с первого слова мы поняли, что перед нами острый полемист, легко пользующийся громадной начитанностью и весьма внимательно следивший за делами нашей литературы. «Все ждали появления сюжетного романа. Теперь, когда это произошло, — сказал Эренбург, — начинают требовать, чтобы он перестал быть сюжетным». Да, он сознательно стремился к занимательности и удивился только тому, что оппонент, упрекавший его в том, что эта занимательность заимствована с Запада, не сослался при этом на «Дафниса и Хлою». Оппоненту, заметившему, что «не стоит писать толстую книгу, чтобы убить ею критика», он ответил, что пора научиться спорить, не пользуясь тяжелыми предметами, будь то полено или книга.

Он отнюдь не собирался скрывать, что сюжет романа был тщательно обдуман, более того, графически изображен. Сейчас он покажет карту, которой он пользовался, работая над романом <...> Эренбург понял — это почувствовалось сразу, — что карта не произвела впечатления. Он сложил ее, сунул в портфель и, отвечая на чей-то вопрос, стал интересно рассказывать о французской литературе¹⁸⁷.

Наблюдения В. Каверина интересные и немало объясняющие, но ... не совсем точные. Дело в том, что он описывает не одно, а два

разных выступления Эренбурга с чтением романа «Любовь Жанны Ней» и разговора о нем. Кроме участия в обсуждении этой книги на квартире у Слонимского, Каверин, как и некоторые другие, присутствовавшие там, через несколько дней был на втором чтении того же романа Эренбурга в Комитете Современной литературы.

29.

В то время в Ленинграде существовал Государственный институт Истории Искусств, в котором был отдел Словесных искусств, занимавшийся изучением литературы как искусства, то есть вопросами поэтики теоретической и исторической в широком значении этого слова. В составе этого отдела в январе 1924 г. был основан Комитет Современной литературы, имевший целью установить связь между научной работой в области теории и истории литературы и актуальными проблемами современного художественного творчества и литературной критики. В состав Комитета, кроме научных работников отдела, был приглашен ряд писателей, выразивших желание принять участие в работе Комитета. Председателем его был Юрий Николаевич Тынянов.

За первые четыре месяца существования Комитета состоялось восемь заседаний. Два из них были посвящены стихам (Н. Тихонов и М. Волошин), два — чтению критических статей и докладов (И. Груздев, В. Каверин, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум), и четыре — вопросам художественной прозы. А. Толстой читал здесь свой рассказ «Черная пятница», Е. Замятин сделал доклад о поисках «долженствующей» формы для современной художественной прозы, явившийся своеобразным предисловием к чтению отрывков из романа «Мы»¹⁸⁸.

9 марта на заседание Комитета был приглашен И. Г. Эренбург. Отчет о происходившем обсуждении дал тогда же В. Каверин в вышедшем в Ленинграде журнале «Русский современник»: «Возвращение к дебатам о крупной прозаической форме было приурочено к чтению И. Г. Эренбургом отрывков из романа «Любовь Жанны Ней». В. Б. Шкловский находит, что «Любовь Жанны Ней» скорее чучело романа, нежели живой роман. Ясна связь с Диккенсом. Но Диккенс дан в его сегодняшнем восприятии... Эренбург отошел от своей чрезвычайно интересной дороги. В его «Хулио Хуренито» материал играл самостоятельную роль (рассуждения, газетный фельетон). «Трест Д. Е.» был написан скупее. А теперь мы дошли до Диккенса. Самого Эренбурга уже нет.

Ю. Н. Тынянов отметил, что сейчас век описательной прозы: нельзя сказать: «человек встал», «человек сел», — нужно говорить КАК он встал и КАК сел. Мы имеем целый ассортимент запретных мест. Под запретом сентиментализм и банальность. Эти запреты, быть может, следует разрушить, и роман Эренбурга делает такую попытку. Дело меняется, если дается не только банальность, но и стилизация банальности. В романе Эренбурга не только Диккенс, но и Виктор Гюго и Ромен Роллан («Молодое вино»). У Эренбурга два пути: фельетон и крупная форма. Крупная форма приводит сейчас к стили-

зации романа: уже стерлось ощущение жанра. Предстоит создание нового жанра и усвоение русского материала.

И. А. Груздев указывает, что со времени «Серебрянного голубя» мы не имели настоящего романа. Эренбург не только дает нам таковой, но, казалось бы, осуществляет все наши надежды последних лет. Ведь именно от такого фабульного романа с интенсивным сюжетом, с динамикой, с безукоризненным сведением концов ждали мы спасения. А Эренбург словно затем и привез этот роман, чтобы окончательно убить наши надежды. Оказывается, что именно настоящий роман и не нужен, и чем он настоящее, тем хуже.

К. А. Федин считает, что для писателя важно отыскать близкий ему оригинал. А найти материал — значит найти должествующую форму. Так у О. Генри, например, из материала является анекдот. Ошибка Эренбурга в том, что его материал не соответствует форме, сюжет оказался сильнее материала — почти невесомого»¹⁸⁹.

Много короче, но гораздо эмоциональнее отразила впечатление от увиденного и услышанного также бывшая на этом чтении Лидия Гинзбург. В своих «Записках 20-х — 30-х годов», опубликованных уже в 90-е годы, она писала: «Эренбург являлся в свое время не то символом, не то карикатурой дилетантского духа. Эренбург, не знавший русской грамоты, спутавший Диккенса с Виктором Гюго, показавший образец стилистической страшливости. Зато в «Комитете по изучению новейшей русской литературы» он совершенно непринужденно рассуждал о сюжете, о герое, об ображении и говорил: «Да, конечно, «Жанна Ней» — мелодрама, но в мое авторское задание и входило написать мелодраму. Понимаете ли — примитив?».

Ах, сукин сын»¹⁹⁰. А на следующий день после выступления в Комитете Современной литературы И. Эренбург выступил с программой, с которой он официально приехал из Германии — прочитал лекцию, до этого с немалым успехом читанную им уже в нескольких городах от Берлина до Одессы.

30.

Свою лекцию Эренбург читал 10 марта. «Охотников послушать и посмотреть автора "Хулио Хуренито" собралось изрядное количество», — писала «Вечерняя Красная газета»¹⁹¹. «Ленинградская правда» сообщила о «переполненном зале государственной консерватории» и «двухтысячной исполнительской толпе у входа, ревевшей и требовавшей билетов»¹⁹². Евгений Львович Шварц несколько десятилетий спустя вспоминал как «толпа забила Большой зал Консерватории, где он выступал. Студенты прорывали наряды милиции и мчались наверх по лестнице».

Уже после отъезда Эренбурга фельетонист Э. Гард, объясняя успех этой лекции у публики, писал: «Театры наполовину пусты. Музеи посещаются только молодежью. Даже рестораны и кабаре плохо торгуют. Все это надоело... А вот лекция Ильи Эренбурга собрала полный зал Консерватории. Еще бы! Чего там только не было: фокстрот, Людовик XV, футуризм, Чарли Чаплин, Пуанкаре, берлин-

ское кафе. И публика валит. В лице Эренбурга нэп обрел своего пророка. Что ж, по Сеньке и шапка»¹⁹³.

«Публике, толпе, обывательщине нужен клоун, — считал Э. Гард. — Будь то цирковой, кинематографический, литературный, политический, ученый... Попробовали футуризм, богоискательство, порнографию, спиритизм, натпинкертоновщину. И все надоело. Потянуло на «солененькое».

Таким клоуном «с трескучими заголовками вместо лекции» представил Гард Эренбурга: «Он не лектор, а шут. Он не говорит, а гримасничает. Не докладывает, а кувырчется. Не утверждает, а бьет себя пяткой по сидению. И почтеннейшая публика валит валом. Жадная, сытая, обожравшаяся зрелищами толпа!.. 'Кто же эта «публика»? Успокойтесь — всего только «сливки нэпа».

Выступление Эренбурга называлось лекцией, но, по существу, это была не лекция в обычном смысле слова, а прочитанный вслух блестящий памфлет. Об этом можно судить по дошедшей до нас примерно половине прочитанного тогда Эренбургом текста. Согласно оглавлению, напечатанному в берлинской газете «Накануне» перед первой лекцией, она состояла из 29 разделов — небольших главок¹⁹⁴. После отъезда Эренбурга из Ленинграда их начала публиковать выходившая в городе газета «Последние новости». Заголовки разделов и их порядок совпадал с объявленными в «Накануне». В шести номерах газеты большими подборками было напечатано 15 главок¹⁹⁵ из 29, и затем газета прекратила существование, неопубликованный текст пропал, а то, что успело увидеть свет, никогда больше не переиздавалось. Но и по дошедшим до нас отрывкам можно судить о содержании лекции Эренбурга, отмечая, что многое из сказанного им тогда представляет несомненный интерес и в наши дни.

Помимо метко схваченных деталей и широких обобщений, зоркой наблюдательности и поразительной афористичности, обращает на себя внимание точная характеристика зарождавшегося тогда в Германии фашизма, который, по словам писателя, был «крайне разнолик и в то же время действителен. Несхожие люди, объединенные часто лишь ненавистью к существующему распорядку. Политически это разновидность наших былых охотнорядцев». Эренбург описывает лик фашизма: «Факелы. Барабаны. Песни, дикие непримиримые песни. Местная фашистская организация. Военный облик. Походные сумки. Сейчас — только праздник. Но вчера, в дни железнодорожной стачки они сплоченно явились на призыв правительства в качестве штрейхбрехеров. Но завтра они будут расстреливать рабочих».

То, что первые выступления фашистов потерпели неудачу, не успокоило Эренбурга. Наблюдая апатию немецких обывателей, он предчувствовал опасность легкого распространения этой заразы в стране: «Помню утро, когда мы в Берлине прочли о гитлеровском перевороте, — рассказывал Эренбург. — На улицах люди начинали оглядываться: они и не думали о сопротивлении. Они ждали, что придет вот этот страшный Гитлер, окрутит их и заставит воевать с французами».

Все это Эренбург говорил в самом начале 1924 г., но его наблюдения и выводы не произвели на оппонентов должного впечатления, никого из них не встревожили. Напротив, считая фашистские выступления разновидностью «курьезов западного быта», критики пеняли ему на то, что он преувеличивает опасность, игнорирует классовое сознание масс. Один из рецензентов ехидно замечал: «Совершенно случайно» Эренбург видел воинствующий отряд фашистских недорослей, на которых пугливо из окон выглядывают рабочие кварталы. Но проглядел красные пролетарские сотни...».

Другой критик из «Ленинградской правды» пишет о «чисто хуренитовской поверхностности в оценке событий», о «парадоксальном непонимании нависшей грозой в Европе» германской социальной революции: «Сменовеходец навыворот, Эренбург не верит в революцию в Германии. Он не находит там предпосылок социальной революции. Есть сдвиги быта, скорее, даже болезненные уклоны, объясняемые десятилетней голодовкой, но для Эренбурга революция в Германии немыслима»¹⁹⁶.

Впрочем, и другие разделы эренбурговской лекции не нашли у ленинградских критиков доброго отношения. Общая оценка выступления писателя прессой города осталась резко отрицательной. Рецензент «Ленинградской правды» писал 12 марта: «Основная мысль лекции Эренбурга — это мысль о статичности быта в Европе. Между Европой до войны и Европой послевоенной — разницы нет. Ничего, в сущности, не изменилось. Оператор пьян, фильма испорчена, картина застыла на экране и не меняется». К еще более грустному выводу о лекции Эренбурга пришел рецензент «Вечерней Красной газеты» в заметке, опубликованной на следующий день: «Приходится признать, что фильма «Пьяный оператор», быть может не лишенная внешних эффектов, исключительно бедна своим внутренним содержанием. Скучная фильма»¹⁹⁷.

12 марта Эренбург вновь выступил в Большом зале Консерватории. На этот раз он прочитал отрывки из неопубликованного еще романа «Любовь Жанны Ней» и одну из новелл недавно вышедшей в Берлине его книги «13 трубок» — «Трубка коммунара». Это было последнее выступление Эренбурга в тот приезд в Ленинграде. В прессе оно откликов не нашло.

31.

Десятидневное пребывание Эренбурга в Ленинграде было насыщено выступлениями, интересными встречами и знакомствами, но основная цель приезда писателя в город заключалась все-таки не в желании еще несколько раз предстать перед публикой, не в стремлении увидеть старых друзей и завести новых, а в прозаических поисках рынка сбыта для своего вполне обильного и разнообразного творчества, пользующегося в то время большой популярностью и вдруг оказавшегося в издательском вакууме.

В самом начале 20-х годов в Риге и Париже, Белграде и Праге, Нью-Йорке и Варшаве стали появляться русские издательства. Осо-

бенно много их возникло в Германии, где книги, выпускаемые в «русском Берлине», предназначались не только и не столько для эмиграции, сколько в расчете на Россию, причем немало издательств были совместными, указывающими в выходных данных, наряду с Берлином или Лейпцигом, одновременно Москву, Петроград, реже другой российский город. Соответственно с этим там издавались в основном русские писатели. Немалую долю среди них составляли произведения И. Эренбурга. За полтора года жизни в Берлине он выпустил там 12 книг.

И вдруг весной 1923 г. положение резко изменилось. Русские издательства в Германии стали закрываться или переходить на выпуск несвойственной им раньше продукции. Советская печать об этом охотно писала, объясняя создавшуюся ситуацию глубоким кризисом в финансовой жизни Германии. Например, петроградская газета «Последние новости» в ноябре 1923 г. не без немалой доли ехидства сообщала словами своего корреспондента в Берлине: «Десятки книгоиздательств, возникших из спекулятивной цены, полопались тот час же, как только наметились первые признаки кризиса... Полтора года тому назад, когда в Германии можно было печатать и издавать книги чуть ли не задаром, считалось наиболее выгодным вкладывать свой «капитал» в книгоиздательское дело... Те несколько издательств, во главе которых находились действительно знающие люди, либо прекращают печатать книги, либо переносят свою работу в другие места. Перспективы книжного дела в Германии самые мрачные...»¹⁹⁸.

Об этом же сообщал и Эренбург во многих письмах в Россию летом и осенью 1923 г. А весной 1924 г., вернувшись в Германию из России, он написал Вл. Лидину: «За время моего отсутствия русское издательское дело здесь окончательно зачахло, зато немецкое оправилось. «Геликон» переходит на издание немецких переводов русских авторов»¹⁹⁹.

Действительно, русское издательское дело в Германии как-то в одночасье развалилось и версия советской прессы о причинах этого выглядела вполне правдоподобно. Действительно, был и финансовый кризис, было и разорение. Только непонятно, почему «мрачные перспективы книжного дела в Германии» срабатывали по языковому принципу? Ведь для издательства язык выпускаемой книги на производственные затраты не влиял. Более того, выпуск произведения русского автора по-немецки должен был обходиться дороже, чем на языке оригинала — требовалось хоть что-то дополнительно платить за перевод.

На самом же деле причиной развала русского издательского дела в Германии была не экономика, а политика. Еще в феврале 1923 г. петроградский журнал «Новые книги» писал: «Торговым сектором Государственного Издательства получена большая партия заграничных русских изданий, среди которых — произведения Андрея Белого, Алексея Н. Толстого, Ильи Эренбурга и других. Книги поступили в продажу в магазинах Государственного Издательства»²⁰⁰. Но уже через месяц ни подобный факт, ни такая информация были бы невозможны.

В конце февраля 1923 г. советская цензура, именуемая Главлитом, разослала секретный циркуляр всем Обллитам и Гублитам: «Надлежит иметь в виду, что книги всех германских издательств, кои имеют своей маркой города русские и немецкие, как то Берлин-Москва, Берлин-Петроград, Лейпциг-Москва и пр., впредь до особого распоряжения Главлита ввозу в РСФСР из-за границы не допускаются. К таковым относятся следующие издательства: Гржебин (Петроград-Москва-Берлин), Петрополис (Петроград-Берлин), Эпоха (Петроград-Берлин), Геликон (Москва-Берлин), Светозар (Петроград-Берлин), Возрождение (Москва-Берлин), Русское музыкальное издательство (Берлин-Петроград-Москва)...» 27 февраля этот циркуляр подписал Зав. Главлитом П. И. Лебедев-Полянский. Документ был до последнего времени исследователям недоступен и, насколько мне известно, до сих пор у нас не опубликован. Один экземпляр его хранится в Центральном Государственном Архиве Литературы и Искусства в СПб²⁰¹.

Вскоре после рассылки этого документа на места, если не он сам, то его действие, стало известно в Берлине. Русские издательства, деятельность которых была ориентирована на Россию, мгновенно потеряли рынок сбыта. Зарубежный покупатель, даже несмотря на значительное количество читающих по-русски эмигрантов, не способен был поглотить и десятой доли выпускаемой этими издательствами продукции, и понятно, что их деятельность потеряла всякий смысл.

32.

Одним из самых известных и крупных русских издательств в Берлине был в то время «Геликон». Основанное в 1918 г. в Москве Абрамом Григорьевичем Вишняком, издательство «Геликон» в 1921 г. возобновило свою деятельность в Берлине. Оно выпускало художественную литературу и книги по искусству. Его издания отличались высоким уровнем художественно-графического исполнения. С владельцем и руководителем «Геликона» А. Г. Вишняком Эренбурга связывала долгая и крепкая дружба, оборвавшаяся в 1940 г. после отъезда Эренбурга из Парижа в Москву.

Как сообщает энциклопедический словарь «Книговедение» «Геликон» выпустил около 30 книг. К моменту выхода секретного циркуляра Главлита в издательстве уже вышло 8 книг Эренбурга²⁰² и девятая — «История гибели Европы. Трест Д. Е.» — находилась в производстве и была готова в конце апреля или в самом начале мая. («Книговедение» отмечает только московский и берлинский период деятельности «Геликона». Между тем, перебравшись в Париж, издательство еще долго функционировало и, в частности, среди книг на немецком и французском языках в конце 20-х и начале 30-х годов выпустило по-русски еще три книги И. Эренбурга)²⁰³.

Весной 1923 года в «Геликоне» должны были выйти еще три книги, подготовленные Эренбургом — его новый поэтический сборник «Отреченные стихи», переводы «Из испанских поэтов» и подготовленная им и снабженная его предисловием «Антология современной французской прозы» (Дюамель, Моран, Пруст, Ромэн, Сандра,

Эленс). Они уже были полностью подготовлены, объявлены в печати²⁰⁴. «Отреченные стихи» и «Из испанских поэтов», как вышедшие, впоследствии были включены в некоторые библиографии²⁰⁵.

Однако при всем благосклонном отношении к Эренбургу, «Геликон», потеряв в одночасье рынок сбыта, на явные убытки не пошел и объявленные книги так и не увидели света.

Произошедшие изменения Эренбург почувствовал быстро и уже 18 мая 1923 г. написал Шкапской, что его «материальные дела пошатнулись», и просил ее содействовать изданию его книг в России, чем она, кстати, в это время и занималась. Едва до Эренбурга дошел слух (оказавшейся неверным), что его книга «Трест Д. Е.» по идеологическим соображениям отклонена в России и, следовательно, не может выйти отдельным изданием, он тут же, не проверяя этого и не дожидаясь никаких уточнений, поступил так, как раньше и в мыслях не мог допустить, — согласился на произвольное разделение своего произведения на части, и попросил Шкапскую «ограничиться печатанием отрывков в журналах» для чего «раздать отдельные главы в различные места».

Одновременно Эренбург посылал одно за другим письма В. Лидину с просьбами устроить в Москве издание своих произведений, а в Петрограде у Полонской просил в мае: «Напиши, есть ли место в Петербурге, где я смогу печататься и где сносно платят. Существуют ли еще издательства, которые купили бы что-нибудь. Не забудь, узнай и напиши». Не написав пока что-нибудь новое, Эренбург пытался напечатать в России то, что у него уже вышло в «Геликоне» — «Жизнь и гибель Николая Курбова», «Лик войны», «Трест Д. Е.». Эти просьбы звучали почти во всех письмах лета 1923 г.

В конце августа Эренбург написал Полонской: «В настоящий момент ничего издать в Берлине нельзя. Кризис и прочие умные слова... В связи с репарациями и прочим здесь тиснуть книжку вряд ли удастся». А через несколько дней — еще конкретнее: «Здесь все издания закрылись и напечатать ничего нельзя». Вслед за этим он послал Полонской план, «нечто вроде собрания сочинений», куда вошла вся его проза и «томик избранных стихов», и просил Полонскую, чтобы та попыталась договориться об издании этого.

Однако до самого приезда Эренбурга в Россию никаких сдвигов в его издательских делах не произошло и одной из важнейших задач, которая стояла перед ним, было решение этих вопросов. Большие надежды возлагал писатель на Петроград.

33.

В Ленинграде Эренбург обратился, прежде всего, в такую солидную и надежную, по его мнению, организацию, как Госиздат. Там его приняли поначалу радушно — он в то время был одним из самых читаемых русских писателей. Но Эренбург неожиданно предстал перед издателями не в привычном уже и завоевавшем популярность образе, а в качестве поэта, предложив им, первым делом, новый сборник своих стихов. На то у него было немало причин. Прежде

всего, Эренбург не имел в запасе неопубликованной прозы. Только что написанный им роман «Любовь Жаннуй Ней» был уже обещан издательству «Россия», а все остальное из задуманного еще только предстояло написать. Но главное, что издателям было бесполезно объяснять, у Эренбурга была огромная внутренняя потребность выпустить в первую очередь стихи. Он, несмотря на ошеломляющий успех своих романов, все-таки продолжал ощущать себя, прежде всего, поэтом, но, видимо, предчувствовал, что эта книга может стать последним его поэтическим сборником на долгое время. Что, кстати, и случилось — следующие стихи были написаны Эренбургом только через 15 лет.

Сборник стихов, названный Эренбургом «Не переводя дыхания», был готов у него еще летом 1923 г. Во всех письмах Е. Полонской, касавшихся издательских дел, Эренбург неизменно подчеркивал свое согласие предоставить для публикации ту или иную свою прозаическую книгу при непременно условии издания одновременно сборника стихов. В последнем на эту тему письме от 22 октября он еще раз указал: «издание стихов обязательно и в срок не позже трех месяцев». Он соглашался на выпуск своих книг в любом издательстве, с каким Полонская захочет и сможет заключить договор, но еще раз напоминал в конце письма: «Только помни, что обязательным является издание стихов».

В Госиздате к стихам Эренбурга отнеслись очень сдержанно, но заполучить его прозу очень хотелось, и 7 марта был заключен договор в том, что автор представил Госиздату «в совершенно готовом для печати виде труд свой под названием «Не переводя дыхания. Стихи 1922 — 1923 гг.» размером 32 пьесы», а Госиздат приобрел «исключительное право издания и переиздания вышеупомянутого труда в течение пяти лет». Тираж первого издания был определен «в количестве не более 10 тыс. экземпляров»²⁰⁶. Одновременно с этим, но, разумеется, без указания в договоре, Эренбург дал издателям расписку, что предоставит им свой новый роман, который еще только собирался написать, но лишь после того, как будут изданы его стихи.

Не миновал Эренбург и частных издательств. В одном из них, называвшемся «Петроград», он договорился о переиздании своих рассказов «Неправдоподобные истории» и переведенной им книги бельгийского писателя Ф. Элленса «Басс-Бассина-Булу», также уже вышедшей по-русски в Германии. Возможно, побывал он и в частном издательстве «Новелла», где вскоре вышла получившая широкую известность его книга новелл «13 трубок», и в редакциях выходивших в городе литературно-художественных журналов. Один из них — «Ленинград» — взял у него стихи из невышедшей еще книги и очень оперативно (журнал был подписан к печати 12 марта), одно стихотворение опубликовал²⁰⁷. Журнал «Звезда» немедленно зачислил Эренбурга в список своих постоянных авторов, о чем неоднократно объявлял на своих страницах, но по разным причинам произведений его не печатал. Впервые в качестве автора Эренбург выступил в «Звезде» только в 1931 г.

Уже накануне отъезда, 14 марта, Эренбург нашел время и для того, чтобы посетить недавно возникшую в Петрограде студию «Кино-Север».

34.

Многие критики, писавшие об Эренбурге, считали необходимым подчеркнуть кинематографичность его произведений, однако с экранизацией их Эренбургу явно не везло. Всего два его произведения были экранизированы при жизни автора — роман «Любовь Жанны Ней», поставленный Георгом Пабстом в Германии, и новелла «Трубка коммунара», пересказанная на экране в конце 20-х годов Константином Марджановым в Грузии и в середине 60-х — Войцехом Ясным в Чехословакии.

Однако желания изложить языком кино написанное Эренбургом возникали неоднократно, и он охотно подключался к этому процессу, так как кино любил, внимательно следил за его развитием, много писал о нем в своих статьях и даже посвятил кинематографу две специальные книги — «Материализация фантастики» и «Фабрика снов».

Первая попытка снять фильм по роману И. Эренбурга была связана с Петроградом, в частности, со студией «Кино-Север».

Весной 1922 г. на складах исполкома Петросовета, куда свозилось немало конфискованного а то и просто брошенного и бесхозного добра, было случайно обнаружено несколько коробок старых фильмов. После недолгих раздумий в Президиуме исполкома возникла мысль о создании своего киномела. Образовавшаяся при исполкоме кино-секция начала свою деятельность с открытия кинотеатров. Первый из них, названный «Пчелка» и насчитывавший 400 мест, поместили в рабочем районе на углу Лиговки и Обводного канала, затем уже в центре появился «Театр чудес».

Однако довольно быстро выяснилось, что демонстрировать в этих кинотеатрах нечего. Имевшиеся фильмы прокрутили по несколько раз и, чтобы кинотеатры не простаивали, пришлось позаботиться о закупке новых лент. Для этого преобразовали кино-секцию в прокатную контору и, поскольку с существовавшей тогда фирмой «Севзапкино» договориться о совместной деятельности не удалось, исполком открыл самостоятельную кинематографическую контору «Кино-Север».

Контора, сколько и где смогла, скупила старые картины русского дореволюционного производства, а затем заключила договор с одной из иностранных фирм о регулярном снабжении зарубежными лентами. Дело пошло, и двух кинотеатров вскоре оказалось мало. Тогда на Караванной улице, на месте сгоревшего в 1918 г. кинотеатра, построили новый на 600 мест, названный «Сплендид-Палас», а на Невском в помещении бывшего театра «Лин», где находился склад металлолома, открыли кинотеатр «Колизей» уже на 1000 мест. Тогда же зародилась у «Кино-Севера» и мысль о создании собственного кинопроизводства.

В январе 1923 г. «Кино-Север» арендовал на Каменном острове пустующую оранжерею и начал строить кинофабрику. Пока строители

настилали полы, красили стены, стеклили помещения, делали электропроводку и оборудовали мастерские сотрудники «Кино-Севера» занялись поиском сценариев будущих фильмов и среди первых предполагаемых авторов не могли не обратиться к Илье Эренбургу, в то время очень плодотворно работавшему, широко читаемому как в России, так и в Европе, и только что напечатавшему достаточно остросюжетный роман «Жизнь и гибель Николая Курбова». Именно этот роман и должен был стать основой для сценария будущего фильма.

О том, как развивались события вокруг попытки создать этот фильм, почти ничего не известно. Удалось разыскать лишь один документ, с которым руководство «Кино-Севера» обратилось 15 октября 1923 г. в Москву в Главное управление по делам литературы: «Кинематографическая контора «Кино-Север» (Петроград, просп. 25 Окт. 100) просит сообщить о возможности разрешения на кино-инсценировку романа Ильи Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова», выпущенного издательством «Новая Москва» в 1923 году. Готовясь начать работу над сценарием, «Кино-Север» предполагает значительно развить, по сравнению с романом, противопоставление Высокова (эсера-боевика) и Курбова (чекиста) и, с другой стороны, ослабить психологически чересчур форсированные приемы изображения работы Чрезвычайной комиссии, приблизив их к исторической действительности»²⁰⁸.

Киностудия понимала, что содержание романа далеко не соответствует господствующей идеологии, заранее обещала компромисс, но, видимо, и это не помогло. Ответ на обращение «Кино-Севера» неизвестен, но помимо возможных цензурных возражений, на судьбу фильма не могло не повлиять и то обстоятельство, что студия была еще технически не готова к нормальной работе, строительство шло значительно медленнее, чем поиски сценария. «Кино-Север» приступил к настоящей плановой производственной деятельности лишь в феврале 1924 г., когда Эренбург уже приехал в Советский Союз и со дня на день должен был появиться в Ленинграде.

К этому времени уже широко разнеслась весть о новом романе Эренбурга «Любовь Жанны Ней», более динамичном и остросюжетном, чем история Курбова, и, по всем признакам, не таком опасном с точки зрения цензуры. «Кино-Север» отступился от планов экранизации романа о чекисте и руководители студии, встретившись с Эренбургом, остановились на экранизации трогательной любовной истории, рассказанной тем же автором.

(Фильм о Курбове десять лет спустя попытался поставить известный американский режиссер Льюис Майльстоун по написанному им совместно с автором романа сценарию, при декорациях и костюмах Натана Альтмана, но владелец кинофирмы, найдя в сценарии «слишком много социального и слишком мало сексуального», не захотел «швырять деньги на ветер»)²⁰⁹.

35.

Эренбург легко пошел на договор с «Кино-Севером» и взялся за сценарий, благо роман был только что написан и автор не успел еще

отключиться от жизни своих героев. К тому же именно в эти дни произошла его знаменитая ссора с Вс. Мейерхольдом, который, не дождавись от Эренбурга инсценировки романа «Трест Д. Е.», поручил ее другому автору, чем вызвал возмущение романиста. Поскольку писатель, по его выражению, «был способен сделать из своих книг все, что из них сделать возможно»²¹⁰, он не стал дожидаться непрошенного соавтора и, едва приехав из России в Берлин, тут же принялся за дело.

Начал он с создания киносценария по своему еще не опубликованному роману «Любовь Жанны Ней». В Берлин Эренбург приехал 25 или 26 марта и уже 12 апреля писал М. Шкапской: «Пишу сценарий по «Жанне Ней». Читали ли Вы в "России"»²¹¹ начало моего романа?»²¹². Дело шло споро, Эренбург не очень утруждал себя и уже 19 апреля он сообщил ей же: «Я написал сценарий. В общем, халтура»²¹³. На следующий день берлинская газета «Накануне» в рубрике «Жизнь писателей» сообщила: «Илья Эренбург приехал из России в Берлин. Едет в Италию. Пишет сценарий по своему роману "Любовь Жанны Ней" для «Кино-Севера».

Эренбург отослал сценарий в Ленинград и 22 мая киностудия написала ему: «Подтверждая получение Вашего сценария, настоящим сообщаем, что таковой нами направлен в Главрепертком в Москву для получения цензурного отзыва. Ответа ждем в ближайшие дни. Деньги будут высланы Вам немедленно по получению отзыва цензуры. Одновременно сообщим об изменениях, какие потребовались бы цензурой»²¹⁴. Видимо, в Ленинграде думали и обсуждали сценарий значительно дольше, чем на то рассчитывал Эренбург. По его мнению ответ должен был давно придти, а 25 мая его еще не было. Писатель начал волноваться за судьбу сценария, к тому же он уезжал в Италию и хотел до отъезда ясности в своих отношениях с кинодеятелями, поэтому, не дождавись ответа, он 25 мая напомнил им о себе: «Извещения от Вас о получении сценария я до сих пор не получил. В чем дело? Ответьте мне немедленно, получен ли сценарий, прошел ли цензуру? Письмо адресуйте Roma, poste-restante, Рим, с тем, чтобы я его получил не позднее 15 июня»²¹⁵.

Письмо это было получено в Ленинграде 3 июня и в тот же день в Рим пошло обстоятельное сообщение «Кино-Севера»: «В ответ на письмо от 25 мая мы писали Вам о том, что сценарий представлен нами в Главрепертком в Москву. По вновь полученным нами сведениям, Главрепертком встретил принципиальные возражения по существу сценария, касающиеся, главным образом, фигуры Андрея, и отказывается о нем дать благоприятный отзыв. Возможно, что для получения такового нам придется внести в сценарий некоторые изменения по указанию Главреперткома»²¹⁶. То, что главный герой романа — коммунист Андрей Лобов мог не понравиться московским идеологам, не удивительно. Ибо, по довольно точному определению критика Н. Терещенко, «Андрей — человек, которому силы и энергию вливает не идея, а настроение, которому для вдохновения на подвиг нужен толчок извне, которому для героизма необходима поэтическая

обстановка»²¹⁷. Эренбурга же не устраивало активное вмешательство в его творчество. Не желая полностью порывать с киношниками, он тем не менее попытался хоть как-то отстоять свои авторские права. 21 июня от Эренбурга в «Кино-Север» ушло очередное послание: «Получил Ваше 2-ое письмо. Жду новых сообщений и списка изменений, на которых настаивает репком. Если они меняют по существу облик Андрея, то буду настаивать, чтобы сняли мое имя, как автора сценария, оставив лишь «по роману Эренбурга»²¹⁸.

В «Кино-Севере», тем временем, принялись за переделку сценария и поручили это некоему Гарину, а постановка фильма, не дожидаясь положительного решения цензуры, была включена в летний производственный план. 24 июня «Кино-неделя» опубликовала интервью с директором «Кино-Севера» И. Ю. Брусиловским, который в числе пяти картин, намеченных к выпуску на экран в сентябре-октябре, назвал и «Любовь Жанны Ней». Редактором сценария, на всякий случай, утвердили пользовавшегося доверием в верхах поэта и партийного деятеля Илью Ионова, руководившего в то время издательской политикой в Ленинграде.

Эренбург за все лето лишь один раз поинтересовался судьбой сценария, написав 15 июля короткое письмо Брусиловскому²¹⁹, но, не получив никакого ответа, не стал, как обычно поступал в таких случаях, поднимать всех на ноги, а терпеливо ждал, тем более, что, помимо обычных хлопот, был занят проблемой переезда в Париж, о чем мечтал и чего добивался несколько лет. Но едва поселившись во Францию, он уже на следующий день отправляет письмо в «Кино-Север», где, как вдруг выяснилось, о его сценарии успели позабыть. Оказалось, что принудительный соавтор Эренбурга Гарин давно переделал сценарий подстроившись под вкусы Главреперткома, как он их понял. А после этого переработанную рукопись никто не позаботился отправить на утверждение.

Срочным порядком 4 экземпляра обновленного сценария отправили в столицу вместе с просьбой директора студии к киносекции Главного репертуарного комитета дать свое решение, а заместитель директора Криг поспешил успокоить Эренбурга сообщением, что студия ждет ответа по поводу переработанного сценария, и обещанием немедленно по получению отзыва известить автора о «сохранении такового»²²⁰. Знакомить же Эренбурга с обновленным текстом никто не стал.

Ожидать «немедленного извещения» пришлось довольно долго. То ли у цензуры были какие-то сомнения, на устранение которых требовалось длительное время, то ли множество других неотложных дел, а может, как на киностудии, о сценарии на время просто забыли. 3 марта 1925 г. Эренбург поинтересовался судьбой ожидаемого фильма: «Прошу Вас известить меня, как обстоит дело со сценарием «Любовь Жанны Ней»? Если он пропущен репкомом, то почему мне не выслан гонорар? Если нет, то каковы мотивы? И свободен ли я представить роман для инсценировки за границей?»²²¹.

Это письмо разминуется с уже посланным ему 25 февраля и пришедшим 4 марта ответом «Кино-Севера»: «В настоящий момент

окончательно выяснилось, что Ваш сценарий фильма по роману «Любовь Жанны Ней» не может быть поставлен вследствие запрещения его цензурой»²²². Авторы этого послания просили также Эренбурга, «согласно п. 6 договора, заключенного с «Кино-Севером» 14 марта 1924 г.», в котором говорилось, что «в случае запрещения сценария цензурой Эренбург обязуется НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО после соответствующего уведомления «Кино-Севера» вернуть последнему аванс, полученный по сему договору», возратить им 250 рублей.

На это писатель ответил 4 марта 1925 г.: «Я верну Вам аванс при первой возможности. Сроки, к сожалению, указать не могу. Если мне удастся устроить этот сценарий здесь, то — скоро, если нет — Вам придется несколько подождать. Прошу Вас выслать мне сценарий (копию я потерял), а также копию «запретительного отзыва репкома»²²³. Одновременно Эренбург написал в Москву своему другу, в то время весьма влиятельному Н. И. Бухарину, и вместе с другими жалобами на цензуру описал и случай с неудавшейся постановкой фильма.

Ответ пришел 1 июня из секретариата Л. Б. Каменева, которому, скорее всего, Бухарин передал письмо Эренбурга. В ответе говорилось о результатах проверки, в ходе которой было установлено, что сценарий запретил не Главлит, а Художественный совет. Поскольку объект жалобы в данном случае оказался не виновным, а жалоб на Художественный совет не поступило, инцидент был посчитан исчерпанным²²⁴.

И все-таки «Жанна» просилась на экран. Недаром, едва завершилась первая публикация романа, «Кино-неделя» посвятила этому специальную большую статью «О социально-романтическом сценарии», в которой говорилось: «Кто хочет писать кино-сценарий, пусть прочтет «Любовь Жанны Ней». Автор прибегает к тому же методу, который мы наблюдаем в современных, особенно американских, кинокартинах, где зрительные образы, детальные фотографии и тщательная реконструкция быта не вызывают в нас ощущения бытия, а их смена, быстрые моментальные куски разрозненных на первый взгляд событий сплетаются в единый логический клубок, где действующее лицо живет на фоне действительности, где в кратких, ярких и образных кусках зритель сам создает свои образы, причем фантазия как автора, так и зрителя не стеснена ни временем, ни пространством»²²⁵.

Не удивительно, что в 1926 г. режиссер И. Перестиани, постановщик широко известного фильма «Красные дьяволы», намеревался поставить фильм по роману Эренбурга в Госкинпроме Грузии. Намерение это возникло у него еще в конце 1925 или в начале 1926 г. Когда же в июле 1926 г. Эренбург приехал в Тифлис, вопрос о фильме с ним обсуждался и высказывалось предположение о личном участии Эренбурга в постановке этой картины. Эренбург познакомился с работами Перестиани и даже взял с собой во Францию для демонстрации там отрывки из нескольких его новых работ, сделанных в развитие темы «Красных дьяволят» — «Преступление княжны Ширванской», «Наказание княжны Ширванской», «Иллан-Дили».

10 августа 1926 г. тифлисская газета «Заря Востока» сообщила, что Госкинпром Грузии приобрел у Эренбурга сценарий романа «Любовь Жанны Ней». «Сценарий значительно изменен в сравнении с романом, — писала газета, — особенно в части, касающейся обрисовки героя романа Андрея». По-видимому, это был ленинградский вариант, переделанный с учетом вкусов Главреперткома. К съемкам грузинские кинематографисты предполагали приступить осенью, засняв часть сцен непосредственно в Париже и Берлине.

Полтора месяца спустя об этом же факте сообщила одесская газета «Вечерние известия», скорее всего почерпнув информацию об этом в той же «Заре Востока», во всяком случае, ничего дополнительного в сравнении с тифлисской газетой не сообщив. Других свидетельств о работе Госкинпрома Грузии над фильмом «Любовь Жанны Ней» обнаружить не удалось, а постановка его грузинскими кинематографистами не состоялась. Снять фильм по этому роману Эренбурга удалось только год спустя в Германии известному режиссеру, незадолго перед этим прославившемуся картиной «На Западном фронте без перемен» по роману Э. М. Ремарка, Георгу Вильгельму Пабсту. Но это уже другая история.

36.

До сих пор до конца не ясно, что же представлял из себя сборник стихов, который Эренбург так стремился напечатать в Ленинграде. Одно из описаний книги дал сам поэт в письме Е. Полонской, когда осенью 1923 г. отсылал ей рукопись: «Общее заглавие «Не переводя дыхания», так называется и первый отдел, второй — «Звериное тепло»... Выкинь из нее стихотворения 1, 5, 12, 19, 22». Стало быть, вторая половина книги должна была почти полностью повторить недавно вышедшую в Берлине последнюю поэтическую книгу Эренбурга, в которой было 25 стихотворений. По версии М. Цветаевой, это был не просто очередной сборник стихов, а послания, обращенные к женщине, которую он в то время любил — жене издателя «Геликона» Вере Лазаревне Вишняк. Цветаева летом 1922 г., когда писались эти стихи, дружила с Эренбургом, недавно посвятила ему большой цикл своих стихов «Сутробы», восхищалась им, и одновременно дружила с Абрамом Григорьевичем Вишняком, и, по ее словам, «любившая его как кошку», возмутилась стихами Эренбурга. Она рассказала об истории издания «Звериного тепла» и сопутствующих этому обстоятельствах в письме Р. Б. Гулю: «Эренбург уехал на море. Геликон остался. И вот, в один прекрасный день, в отчаянии рассказывает мне, что Эренбург отбил у него жену. (Жена тоже была на море). <...> Приезжает Эренбург, читает мне стихи «Звериное тепло», ко мне ласков, о своей любви ни слова! Я молчу. Попеременные встречи с Эренбургом и Геликоном. Узнаю от Геликона, что Эренбург продает ему книгу стихов «Звериное тепло». Просит совета. Возмущенная, запрещаю издавать <...>. (Кстати, Эренбург уехал на море с годовой увлеченностью мной. Были сказаны большие слова, похожие на большие чувства. Кстати, неравнодушен ко мне был и

Геликон). <...> Продавать книгу стихов, написанных к чужой жене — ее мужу, который тебя и которого ты ненавидишь — низость»²²⁶.

Разумеется, письмо Цветаевой, проникнутое ревностью, не могло быть объективным, но значение книги «Звериное тепло» для ее автора оно, надо думать, отразило верно. Эренбург, задумав переиздать книгу и исключив из нее самые, по его мнению, одиозные стихи («Видишь, любить до чего тяжело...»; «Вдруг — среди дня — послушай — где же ты?...» и другие), вряд ли стал производить дальнейшие сокращения, тем более, что даже первоначально в новой книге планировалось всего 40 стихотворений. Для сборника это было совсем не много.

Итак, если изъять из «Звериного тепла» пять стихотворений, остается 20. Новых стихов Эренбург еще раньше обещал тоже 20. Итого 40. Он так и написал Полонской — всего «около 40». Но уже в марте 1924 г. Эренбург заключил договор на книгу, состоявшую из «32 пьес». За счет чего же уменьшилось общее количество? Неопубликованные новые стихи Эренбург тоже вряд ли захотел бы сокращать. Остается предположить, что, несмотря на намерения, им было создано меньше 20 новых стихотворений.

Как бы там ни было, пока что известно только 8 стихотворений из первого отдела невышедшей книги. Два из них были опубликованы тогда же, в 1924 г. Одно Эренбург поместил в журнале «Ленинград», второе было напечатано в выпущенной Всероссийским союзом поэтов в Москве антологии «Поэты наших дней». Еще два, найденные в архиве писателя, опубликовали в 1977 г. составители тома поэзии Эренбурга в Большой серии «Библиотеки поэта». И, наконец, четыре стихотворения разыскал и опубликовал в альманахе «Поэзия» № 40 за 1984 г. исследователь творчества И. Эренбурга Б. Я. Фрезинский. Если предположить, что Эренбург дополнительных сокращений в «Зверином тепле» не производил и новых стихов у него было всего 12, то не ясна судьба 4-х стихотворений. Если же он новый сборник уменьшил за счет второго раздела, то остаются не найденными 12 стихотворений.

Эренбург делал все, что мог, чтобы осуществить и ускорить выход книги. Сохранившиеся (далеко не все) его письма многократно свидетельствуют об этом. В одном из первых же посланий, отправленных Эренбургом в Ленинград по приезду в Берлин, он просил М. Шкапскую узнать, печатает ли Госиздат стихи. Еще через несколько дней просит ее же «поговорить в Госиздате с Ионовым или с тем, кто его замещает, и узнать, приступили ли к изданию моих стихов... Если нет, то сказать, что я дал стихи не на хранение. Вопрос о том, дам ли я им мой новый роман, находится в тесной связи с тем, быстро ли они продадут «Не переводя дыхания»²²⁷.

Обращался Эренбург и непосредственно в издательство. 18 июня он писал: «Уважаемые граждане, вышел ли, если не вышел, то когда выйдет сборник моих стихов «Не переводя дыхания»²²⁸. Однако эта фраза оказалась лишь вступлением к разговору. Обстоятельства менялись, жизнь брала свое, становилось ясно, что надежда опубликовать стихи таеет. Упорствовать было бессмысленно. Эренбургу при-

плось отступить от первоначальных решений и в конце этого письма он вынужден был добавить, что готов продать на корню еще не написанный роман, и, что, если сейчас он получит деньги, то к сентябрю обещает закончить рукопись.

Стихи Эренбурга ленинградские издатели выпускать не спешили, а вот роман — другое дело, особенно после шумного успеха печатавшегося в это время с продолжением в журнале «Россия» его романа «Любовь Жанны Ней». Издательство ответило писателю мгновенно. Уже через день после запроса Эренбурга спешной почтой ушло согласие на все его условия: «Сообщите, по какому адресу Вам переслать договор и деньги?» — интересовался редактор Ангерт, и лишь в конце письма отвечал на основной вопрос Эренбурга: «Что же касается сборника стихов «Не переводя дыхания», то из-за учебного сезона печатание сборника отложено»²²⁹.

8 июля Эренбург сообщил Госиздату необходимые сведения к договору и добавил: «Прошу Вас также одновременно с присылкой договора сообщить мне предельный срок выпуска сборника стихов «Не переводя дыхания»²³⁰. Это последнее из дошедших до нас требований Эренбурга об издании стихотворений. Лишь несколько месяцев спустя, 16 ноября, в большом письме директору Госиздата Ионову среди прочего прозвучала робкая, уже практически безнадежная просьба Эренбурга: «Пожалуйста, издайте мою книжку стихов, как Вы обещали. Она крохотная и Госиздат не разорит»²³¹. Но, судя по реакции Ионова, эта просьба услышана не была, книга стихов «Не переводя дыхания» так никогда и не вышла и следы ее затерялись.

37.

Как в раннем творчестве Эренбурга очередная его поэтическая книга открывала новую страницу в творчестве поэта, отрицая предыдущие, так и в начале 20-х годов каждый последующий его роман резко отличался от всех предыдущих. Философского «Жулио Хуренито» сменил романтический «Николай Курбов», за которым последовал фантастический «Трест Д. Е. », а затем авантюрно-сентиментальная история про «любовь Жанны Ней», после появления которой критик А. Лейтес писал в харьковской газете «Коммунист»: «Писательская плодовитость сама по себе не является ни достоинством, ни недостатком. Бывают в истории литературы писатели, по темпераменту очень плодовые. Но эти литераторы, при всей своей творческой продуктивности, все же остаются писателями единого стиля, единого мировоззрения. У Эренбурга же — плодовитость совсем особенного свойства... Дело в том, что у Эренбурга с каждым новым романом появляется новое мировоззрение и новый стиль»²³².

Написав за два года четыре романа и принимаясь за пятый, публикацией которого в Ленинграде он пытался привлечь внимание местных издателей к новой книге своих стихов, Эренбург на этот раз задумал роман психологический, или, как написал он М. Шкапской, «большую серьезную вещь» и попытался рассказать о постепенном превращении честного юноши, наивного комсомольца в мошенника

и вора, о перерождении идеалиста в грубого материалиста, «рвача». Этим, недавно появившимся в языке хлестким словечком и был назван роман, обещанный Эренбургом ленинградскому Госиздату к сентябрю.

«Рвач» отличался от других книг писателя не только художественными особенностями, но и своей судьбой. Ни на один предыдущий роман Эренбург не затратил так много времени, и ни у одной его книги не было такого долгого и извилистого пути к читателю.

Роман Эренбург начал писать в июне 1924 г., приехав в Италию. В середине месяца, когда были написаны лишь первые страницы «Рвача», а может быть, роман еще даже не был начат, Эренбург отправил в Ленинградское отделение Госиздата письмо: «Будучи в Ленинграде, я подписал бумажку, которой обязался прежде, чем предлагать свой новый роман другому издательству, предупредить Вас. Обстоятельства сложились так, что мне необходимо продать эту книгу «на корню». Я кончу ее в сентябре. Условия мои: 125 золотых рублей с листа за тираж не свыше 1 тысячи оттисков и 5% авторских экземпляров. Аванс за 5 листов — не позднее 1-го августа, остальное по предъявлению рукописи. Прошу Вас ответить мне немедленно, согласны ли Вы на эти условия. Я буду ждать Вашего ответа до 10-го июля»²³³. Письмо пришло в Ленинград 24 июня и уже 26 автору было отвечено: «Редакция сообщает, что предложение Ваше ею принято <...>. Сообщите, по какому адресу Вам переслать договор и деньги»²³⁴.

Свое обещание завершить книгу к сентябрю писатель не выполнил. К этому сроку роман был готов меньше, чем наполовину. Стремясь закрепить связь с издательством и надеясь ускорить печатание романа, когда он будет готов, Эренбург начал отсылать рукопись в Госиздат частями, и к концу ноября в Ленинград поступило 16 готовых глав из намеченных 40. «Очень прошу Вас прочитав 16 глав, — писал при этом Эренбург 16 ноября директору Ленгиза Ионову, — написать мне, можно ли их напечатать без купюр. Я бы очень просил Вас сделать все, чтобы роман был напечатан целиком. Выпуск даже строк нарушил бы равновесие, известную объективизацию. Если это затруднительно, м.б. устроит дело Ваше предисловие? Так или иначе, я прошу Вас теперь же ответить мне. Этих 16 глав достаточно пока. <...> Посылаю я частями, чтобы ускорить переписку и сдачу в набор. Вы можете пустить их уже в работу. Я не задержу с остальными»²³⁵.

После этого издательство заключило с Эренбургом договор, ему была выслана часть аванса. Это обстоятельство и отсутствие каких-либо замечаний со стороны Госиздата вдохновило писателя. Уже 3 декабря он написал в Ленинград М. Шкапской: «Я кончил «Рвача». Еле-еле. Думал, умру. 18 (восемнадцать) листов! Писал 4 (четыре) месяца! Дольше и больше всех книг плюс трудный язык, плюс такая пакость, мразь, что мне самому не по себе. Скажите, Милая М. М., зачем писать трудные книги? Кому это нужно?»²³⁶.

В конце декабря последние главы романа были посланы директору Ленгиза И. Ионову. «Очень прошу Вас сделать все возможное, — вторично просил Эренбург, — чтобы роман был напечатан без купюр»²³⁷. Впрочем, издательство и не собиралось что-либо изменять в

рукописи. Ионов, подписав договор, решил все-таки ознакомиться с присланным ему произведением, и, еще не дочитав роман до конца, отверг его полностью. На письме Эренбурга о высылке гонорара Ионов начертил: «Денег больше не посылать, печатать не будем».

Работники издательства поспешили поставить об этом в известность автора и заведующий редакционным сектором Ленгиза Ангерт 29 января 1925 г. сообщил Эренбургу: «Тов. Ионов, ознакомившись с содержанием Вашего романа, пришел к заключению, что выпуск его в пределах СССР невозможен»²³⁸.

Эренбургу было не привыкать к таким ответам, он понял, что ждать ему особенно нечего, и тут же взялся за издание романа в Париже. Это был простой и привычный путь, но особого удовлетворения принести автору он не мог. Эренбург, написав Н. Тихонову о своем решении издать книгу за границей, с горечью отметил: «Она выйдет здесь, но для кого и зачем?»²³⁹.

Но не тот человек был Эренбург, чтобы отступать от задуманного, особенно, если это касалось издания его произведений, да и организаторскими способностями природа его не обделила. К делу издания романа он привлек своих друзей в Москве — В. Г. Лидина и Т. И. Сорокина, в Ленинграде — М. Л. Слонимского и К. А. Федина (здесь перечислены только те, чье участие в попытках издания «Рвача» подтверждено найденными документами. Надо полагать, что в действительности этой проблемой занимался значительно более широкий круг лиц).

5 февраля Эренбург написал В. Лидину: «Вчера я получил от Сорокина телеграмму, что Ионов не выдает рукопись «Рвача». Телеграфировал Ионову. Выяснили ли Вы что либо?». 18 февраля — ему же: «О «Рваче». Думаю, Сорокин уладил дело с рукописью — я писал неоднократно ему и Ионову. Задерживать он не вправе. Я получил вчера предложение от издательства «Основа» в Иваново-Вознесенске по предложению Когана (Петра), который читал «Рвача». Т. к. «Основа» издательство полугосударственное, им м.б. легче будет протащить «Рвача». Если можно, выясните, пожалуйста, это с Коганом. Я пишу Сорокину также об этом. С «Основой» Вам снести легче (Коган укажет, как). Это вопрос не гонорара, а того, кто протащит роман».

Уже через две-три недели возникли первые варианты. В. Лидин написал, что договорился об издании «Рвача» с издательством «Основа» и ленинградским частным издательством «Новелла». Тихон Иванович Сорокин сообщил, что решил эту проблему в Госиздате (в Москве, а не в Ленгизе). Принципиально у Эренбурга не было возражений против любого из этих вариантов. Но одновременно в разных местах книгу издавать было нельзя, надо было остановиться конкретно на одном. «Основа» была издательством полугосударственным, «Новелла» — вообще частным, и Эренбург, решив, что Госиздату, как организации правительственной и самой мощной в России, легче удастся получить разрешение на выпуск романа, идейный настрой которого, как прекрасно понимал автор, не совсем соответствовал официальной идеологии, остановился на этом варианте, тем

более, что в начале марта Госиздат уже выслал ему аванс под будущее издание. Но одновременно, не желая обрубить концы, Эренбург попросил Лидина переговоры с «Новеллой» не прерывать.

Между тем, в ленинградской печати появилась в карикатура, на которой Эренбург изображен с еще нигде не вышедшей книгой «Рвач», и эпиграмма:

Фуксом вышел в «первачи»,
лижет пятки (осторожно).
Ох уж эти мне «Рвачи»,
Рвут везде, где только можно.

Все это сопровождалось пояснением: «Эренбург в Париже закончил роман «Рвач». Вернувшись в Париж он несколько раз неодобрительно отозвался о революционной литературе»²⁴⁰.

Как раз в середине апреля, навряд ли в связи с этой эпиграммой, у Эренбурга появилась мысль и возможность, пожаловаться весьма влиятельным тогда Н. И. Бухарину и Л. Б. Каменеву на цензурные притеснения, которые, по мнению Эренбурга, творились не только в отношении «Рвача» и сценария «Любовь Жанны Ней», но распространялись на писателя полностью, мешая его попыткам переиздать «Жизнь и гибель Николая Курбова», издать сборник новых рассказов и т.д. Бухарин был другом Эренбурга еще с гимназических времен, да и Каменев его давно и хорошо знал и уже не раз выручал в трудных обстоятельствах, и они поручили специалистам разобраться в сути жалоб писателя. Те это проделали довольно добросовестно, хотя и без души, формально. К началу лета из канцелярии Каменева пришел Эренбургу ответ, в котором относительно «Рвача» было сказано, что рукопись этого романа в Главлит, то есть, в центральную цензуру, не поступала, а потому и запрещена там быть не могла²⁴¹. Чиновник свое сообщение никак не комментировал, тем более, он не удосужился провернуть, не было ли отклонение романа местной, т. е. ленинградской инициативой. Так что вмешательство высоких покровителей на этот раз не сработало.

Тем временем в Париже, в издательстве И. П. Ладыжникова, вышло первое типографское воплощение «Рвача». Однако по советским законам это издание не могло дойти до читателей России и Эренбург не оставил попыток увидеть его в отечественном варианте. Госиздат, несмотря на выплаченный аванс, с изданием не спешил и Эренбург попросил Лидина забрать там рукопись и передать ее кому-нибудь другому — той же ивановской «Основе» или одному из крупнейших и популярных издательств «Земля и Фабрика» (ЗиФ).

Сам же Эренбург встретился в Париже с хорошо ему знакомыми литераторами, занимавшими к тому времени видные государственные посты. Одним из них был известный критик Петр Семенович Коган, не раз писавший о творчестве Эренбурга, в свое время принимавший активное участие в издании на родине романа «Хулио Хуренито». Другой — юрист и дипломат Семен Борисович Членов — был сорат-

ником и другом Эренбурга еще по гимназической революционной организации.

И Членов, и Коган, так же, как, разумеется, и Эренбург, прекрасно понимали, что их участие, тем более, письменное, может положительно отразиться на решении об издании романа. Оба они согласились помочь и написать необходимые предисловия. С новыми силами Эренбург и его друзья принялись искать тех, кто сможет выпустить книгу.

В. Лидин вновь предложил частное издательство, которое он нашел, на этот раз, в Одессе. Т. Сорокин не терял надежды, что Госиздат все-таки возыметься за «Рвача». Эренбург опять остановил свой выбор на государственном издательстве и довольно терпеливо ждал несколько месяцев, пока в конце января 1926 г. не потерял надежду и не попросил Лидина отдать роман любому издательству, хоть и частному, но перед этим еще раз попробовать добиться успеха в Ленинграде, где за прошедший год обстановка, как он надеялся, могла измениться. На этот раз переговоры с Ленгизом вел К. А. Федин. В середине февраля О. Э. Мандельштам, случайно наблюдавший одну из фединских попыток, писал своей жене в Ялту: «К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнату к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложениями книг <...>. В числе других стараются протащить "Рвача" Эренбурга»²⁴².

Федину, казалось, благоволила удача и в середине марта он послал Эренбургу телеграмму, что Ленгиз берет «Рвача», а вскоре пришел запрос и самого издательства, интересовавшегося у Эренбурга, не будет ли он возражать против выхода своего романа в Ленинграде, на что писатель немедленно ответил согласием. Когда вскоре Т. И. Сорокин написал, что «Новелла» собирается издать «Рвача», Эренбург вынужден был отказаться от этого, сообщив, что уже подписал договор с Ленгизом.

1 мая 1926 г. в ленинградской «Красной газете» появилась небольшая заметка: «Илья Эренбург написал новый роман, озаглавленный им «Рвач». В романе нашел отражение наблюдающийся в наши дни процесс распада среды, органически с революцией не связанной и примкнувшей к ней случайно. Из этих «случайных попутчиков» и формируются кадры «рвачей», столь часто фигурирующих в многочисленных процессах. Роман Эренбурга печатается Госиздатом». Эту информацию подтвердила (скорее, повторила) парижская газета «Возрождение», сообщившая 6 мая, что Петроградский отдел Госиздата издает новый роман Эренбурга «Рвач».

Через месяц аналогичное сообщение появилось и в новосибирской областной газете, причем сибиряки явно воспользовались какой-то новой информацией, ибо не просто повторили напечатанное в ленинградской газете, но и дополнили свое сообщение словами о том, что «роман рассчитан на широкие круги подготовленного читателя и снабжен предисловием П. С. Когана»²⁴³. Других источников, указывающих на предисловие Когана, не найдено, не ясной осталась и судьба обещанного предисловия С. Б. Членова.

Однако далеко не все намерения воплощаются в жизнь, что еще раз подтвердилось в очередных обещаниях Ленгиза издать невезучий

роман. Не дождавшись каких-либо результатов, Эренбург в сентябре спрашивал у Лидина: «Есть ли надежды, что наконец-то выйдет «Рвач». Ответ Лидина остался неизвестным, но в архиве удалось найти некий след в виде внутренней рецензии, написанной для Гиза. Автор ее С. Розенталь ставит перед редактором «Рвача» три задачи:

1. Обезвреживание острых страниц, отнюдь не переделывая и не прибавляя от себя ни единого слова, ни единой строчки;

2. Ликвидация «натуралистических» мест;

3. Сокращение до минимума «публицистики» Эренбурга, которая по качеству стоит ниже продукции заурядного фельетониста провинциальной газеты»²⁴⁴.

То ли эти требования оказались непосильными для редактора, то ли судьбу романа решала совсем не внутренняя рецензия, но издание так и не состоялось.

Между тем, ленинградская критика обрушилась на книгу, еще не вышедшую не только в городе, но и в стране, известную лишь по малодоступному парижскому изданию. Журнал «Жизнь искусства» в статье о «правой опасности в литературе» назвал «Рвача» «самым откровенно контрреволюционным» из всех романов Эренбурга. «В «Рваче», — писал журнал, — средний, увлеченный революцией и ею воспитанный, активный в военную эпоху коммунист, взятый как обобщающий тип, перерождается, погибает под влиянием НЭПа, выветривающего ароматы героизма из нашей жизни»²⁴⁵. В «Звезде» выступил известный автор книги об Эренбурге Н. Терещенко, утверждавший, что «Рвач» есть характернейший пример литературно-художественного оформления идеологии новой буржуазии типичным «попутчиком сменовеховского типа»²⁴⁶.

После всего этого рассчитывать на ленинградское издание было наивным и оставалась последняя слабая надежда на московское издательство «Земля и Фабрика», руководителем которого был поэт В. Нарбут, человек, в литературе разбиравшийся, и, думалось, способный пренебречь политическими наветами. Но и от него к концу ноября пришел отказ. И только после этого Эренбург дал согласие В. Лидину связаться с частником из Одессы, неким Дозорцем. После согласования с тем некоторых финансовых вопросов, дело сдвинулось. Правда, и тут, уже в который раз, возникла ситуация, когда Эренбург чуть было опять не отказался от частного издательства. Прошло совсем немного времени после отказа «ЗиФ»а печатать «Рвача», как это издательство задумало осуществить выпуск собрания сочинений Ильи Эренбурга. Оно готово было в собрание включить и «Рвача», а Т. И. Сорокин даже подписал с «ЗиФ»ом соглашение на издание этой книги, о чем немедленно сообщил Эренбургу. Но что-нибудь изменить уже было поздно, и в апреле 1927 г. в России наконец-то вышел роман И. Эренбурга «Рвач», выпущенный одесским книгоиздательством «Светоч». «ЗиФ», издавший, хоть и в меньшем объеме, чем собирался, собрание сочинений Ильи Эренбурга, названное как бы внасмешку «полным», обошелся без этого романа.

И все-таки нелегкая история «Рвача» на этом не закончилась. Изданный в Одессе «Рвач», как и парижский, вскоре попал в спецхран²⁴⁷ и считался в Советском Союзе несуществующим. Даже когда в 1962 г. Эренбург сумел включить текст романа в выходящее в издательстве «Художественная литература» собрание своих сочинений и в комментариях были упомянуты и парижское и одесское издания, оба они продолжали находиться в спецхране.

Это привело к тому, что в выпущенном в 1970 г. справочнике «Русские советские писатели. Прозаики» в библиографии Эренбурга не оказалось ни того, ни другого издания, что, однако, не помешало в разделе «Литература об отдельных произведениях и сборниках» дать список рецензий на первые издания «Рвача».

Авторы этих рецензий и издания, их поместившие, не входили в число запретных, а роман, давно уже переизданный, все еще не был исключен из «черных» списков. Итог получился забавным — солидное издание сообщало о рецензиях на «несуществующие» издания. Так появился дополнительный штрих нелегкого пути этой книги к читателю.

38.

Гораздо успешнее, чем в государственных издательствах, шли дела у Эренбурга в издательствах частных. Возможно оттого, что туда он предлагал только переиздания, произведения, уже увидевшие свет, опробованные на читателях. Безусловно имела значение и большая самостоятельность, независимость частников, их желание побольше заработать, тогда как казенных издателей гораздо больше волновала ответственность перед начальством. Какую-то роль играл и элемент случайности, везения. Но как бы там ни было, несколько книг Эренбурга были частниками сравнительно быстро выпущены, хотя без различных эксцессов не обходилось.

Одним из издателей, которого Эренбург навестил в Ленинграде в мартовские дни 1924 г., был Яков Борисович Лившиц, директор, а фактически — владелец коммерческого издательства «Петроград».

Возникло это издательство в 1922 г. и первоначально выпускало календари и справочники (в частности, адресную книгу «Весь Петроград»), а затем понемногу перешло на издание ходовой беллетристики и так называемой «легкой литературы». Журнал «Фабрично-заводская профсоюзная библиотека» писал об издательстве «Петроград»: «Первый период нэпа выдвинул на сцену старого русского читателя — среднее мещанство, жадное до всего сенсационного. На него и опиралось издательство»²⁴⁸.

У любителей изящных изданий продукция «Петрограда» популярностью не пользовалась. Выпускались книги на дешевой бумаге с нечеткой печатью при небрежной корректуре и брошюровке. Привлекал же читателей набор авторов — А. Ахматова и Е. Замятин, А. Блок и Р. Тагор, Г. Уэлс, Э. Синклер, Д. Лондон, Р. Роллан и другие, в основном, зарубежные писатели. Заметно облагораживали книги и яркие, выразительные обложки, выполненные, зачастую, лучшими графиками и иллюстраторами.

Произведения, которые Я. Лившиц взялся отпечатать по предложению Эренбурга, не были новыми, они уже выходили по-русски в берлинском издательстве С. Ефрона, однако в России еще не издавались. Это — небольшой сборник рассказов самого Эренбурга «Неправдоподобные истории» и переведенный под его редакцией роман бельгийского писателя Фр. Элленса «Басс-Бассина-Булу». Основным побудительным мотивом этого предприятия для Эренбурга был финансовый, и, поскольку Лившицу он отдал не рукописи, а готовые книги, не требующие серьезной издательской подготовки, то и деньги надеялся получить сразу. Сделать это до отъезда из Ленинграда Эренбург не успел, но уже 28 марта, едва приехав в Германию, написал в «Петроград»: «Я в Берлине пробуду лишь до 15-го. Поторопите, чтобы я получил до отъезда деньги. Особенно хочу скорее рассчитаться с Элленсом»²⁴⁹.

С Франсом Элленсом Эренбург подружился в 1921 г. в Брюсселе, когда бельгийский поэт помог ему временно обосноваться в Бельгии после высылки Эренбурга из Франции. Тогда же под руководством Эренбурга жена Элленса перевела роман своего мужа, который, опять же с помощью Эренбурга, был издан в Германии и затем привезен в Россию. Теперь Эренбург считал своим долгом не только ознакомить с творчеством Элленса как можно больший круг людей, но и помочь другу, да и себе, материально. Издательство «Петроград» не торопилось, однако, расплачиваться со своими авторами. Сохранилось немало писем Эренбурга не только Я. Лившицу, но и разным друзьям, в которых он просил добиться от издательства оплаты — жить за границей без денег из России становилось все труднее, прежний издательский рай закончился.

Владельца «Петрограда» понять можно. Не издав книги и даже не имея гарантии, что это удастся (могла помешать цензура и другие обстоятельства), он не торопился расплачиваться. Но Эренбурга волновали свои проблемы и он был настойчив. 19 апреля он просил в письме к Шкапской «поговорить с издательством "Петроград" в лице Я. Б. Лившица. Выяснить, прошли ли через цензуру 2 книги 1) "Басс-Бассина-Булу", 2) "Бубновый валет и Ко". Если еще не прошли, как ускорить. Если прошли, попросить их немедленно выслать деньги. Последнее особенно очень важно в той части, которая относится к «Б. Б. Б.», так как все деньги идут автору. Так что, если «Б. Б. Б.» прошел цензуру (а вряд ли он залежался там), то предложите им незамедлительно телеграфом перевести деньги в Берлин»²⁵⁰. В начале лета Эренбург уехал в Италию, где начал писать новый роман, довольно трудно ему дававшийся, но и оттуда Шкапской шли просьбы: «Бога ради, узнайте в "Петрограде", почему они не выслали денег и молчат»²⁵¹.

Роман Элленса действительно в цензуре не задержался и в начале октября книга увидела свет практически с тем же текстом, что был издан в Германии. Издательство выпустило ее в серии «Библиотека художественной литературы», украсив привлекательной яркой обложкой, автора которой, скрывшегося за криптонимом Ю. Ч., установить не удалось.

Рассказы Эренбурга сохранить в первоначальном виде не получилось. Сборник, вместо названия «Неправдоподобные истории», получил заголовок «Бубновый валет и компания» (так назывался один из рассказов) и потерял при этом два рассказа. Меньше всего в этом надо винить издателя. Судя по тому, что изъятые из книги рассказы так при советской власти и не были напечатаны, а берлинское издание, в отличие от ленинградского, все эти годы пролежало в спецхране, не оставляет сомнения наличие жесткой руки цензуры. Да и содержание рассказов, впервые опубликованных в России лишь в 90-е годы, безусловно подтверждает это.

Книга вышла в конце 1924 г., который и был указан на обложке. На титульном листе издатель поставил 1925 г. Обложку рассказов создал Д. Митрохин. Вспоминая свою работу тех лет, он писал впоследствии: «Много сделано обложек. Старался привести их в соответствие с текстом, для которого они предназначались, соответственно выбирая и шрифт, и композицию, и окраску, несмотря на очень узкую, ограниченную шкалу типографских красок. Наиболее употребительны в типографии — красная, зеленая, коричневая. Разнообразя их сочетания, старался внести свежее во внешний вид обложек и титулов»²⁵². Оформление книги Эренбурга подтверждает эти слова. Лишь набор красок несколько иной. В основном рисунок выполнен желтой краской, на которой контрастно выделяются красные и черные детали.

Исключение из книги двух самых острых рассказов не освободило сборник от проработочной политической критики. Уже в первом печатном отзыве, который «Ленинградская правда» поместила в годовом номере 1925 г. под названием «О том, как дева Евлалия странствовала с Ильей Эренбургом», пародийно пересказывается содержание рассказов и делается вывод: «Когда Эренбург издевается над аперитивным довольством Европы, это хорошо», но когда он «разводит затхлый антиреволюционный, антипролетарский пессимизм», то его следует «отослать к с в о е м у читателю, подальше от рабоче-крестьянского».

Отрицательно отозвались о книге и другие рецензенты. Ленинградский журнал «Звезда» писал: «Как раз эти незамысловатые, без прикрас и авантюрного лукавства рассказы более чем наглядно показывают, какой, в сущности, слабый и небольшой писатель Илья Эренбург»²⁵³. О том же писала и центральная газета «Правда»: «Если бы все это появилось впервые, то, может быть, было бы занятно, но сейчас, после «Курбова», «Хулио Хуренито» и т. д. не представляет интереса»²⁵⁴. Схожий взгляд был и у редакции «Нового мира»: «В книжке — четыре рассказа, в которых Эренбург с неутомимым упорством возводит случай, часто анекдот, в эпопею, в огромное, напряженно-трагическое событие. Не спорим: такие вещи кое-кому удавались. У Гоголя или Чехова, например, это даже — важнейший, основной прием. Но у Эренбурга, как назло, случай остается случаем, простым, нисколько не трагичным, нисколько не типичным»²⁵⁵.

Отзывы критики не были предусмотрены договором с издательством и на выплату гонорара не могли влиять, однако «Петроград»

погасить задолженность по-прежнему не торопился. В первые дни нового года, еще не имея сведений о выходе «Бубнового валета» и тем более о критике книги, Эренбург, видимо, получив от Шкапской какие-то мнения Лившица по поводу качества рассказов, написал ей: «Спасибо<...> за беседы с Лившицем. Не можете ли Вы озвереть? Пусть Вас разозлят <...>. Вот тогда пойдите к нему. Какое мне дело, нравятся ли ему мои рассказы? М. б. ему еще не нравится мой нос? Тоже возможно. Но ведь суть в деньгах, которые он не высылает. Поставьте ему ультиматум: или он немедленно высылает все деньги, или договор, подписанный сразу касательно двух книг, считается расторгнутым и он возвращает на место рукопись «Бубнового валета». Сделайте это божеское дело! Если голос ослаб, возьмите, пожалуйста, с собой какого-нибудь дерзкого мужчину»²⁵⁶.

Одновременно ушло письмо к Е. Полонской, также вовлеченной в тяжбу с «Петроградом», видимо пообещавшим, наконец, расплатиться: «Спасибо за штурм Лившица! Денег я еще не получил, но верю, что ты его живым до представления квитанции не оставишь».

Вскоре до Эренбурга дошли вести о выходе «Бубнового валета» и он тут же написал Шкапской: «Милая Мария Михайловна, вчера из газетной заметки узнал, что "Петроград" уже выпустил мою книгу рассказов. Это предел. Заклинаю Вас предьявить от моего имени ультиматум Лившицу: или он немедленно высылает мне все следуемые за 2 книги деньги и авторские экземпляры, или я оглашаю дело и прибегаю к суду. Без ламентаций: "да" или "нет". Ответ мне тотчас же сообщите. Книжки пусть вышлет незамедлительно заказной бандеролью с пометкой: "авторские экземпляры". Не сердитесь за лапидарность стиля! Я зол невероятно. Подумайте — сижу без денег. Все издательства увиливают и т. д. Что будет с "Рвачом", не знаю и сильно боюсь за его судьбу».

В тот же день 13 января ушло и письмо Е. Полонской: «Дорогая, прошу тебя разгромить Лившица <...>. Получи от него ответ и сообщи мне. Книги пусть запакуют у тебя на глазах и вышлют заказной бандеролью».

Но и такая усиленная атака помогла мало. 26 января Эренбург снова попросил Шкапскую: «Очень прошу Вас принудить Лившица выслать мне деньги и авторские экземпляры «Бубнового валета». Неслыханное с его стороны свинство». После этого пришло, наконец, письмо от Лившица, но денег он опять не прислал. «Ваше запоздалое на полгода письмо, — ответил ему Эренбург, — разумеется, все же лучше Вашего эпического молчания. Денег для Элленса я, однако, до сих пор не получил. Надеюсь, на этот раз Вы не подвели и выслали их. Так как одно лицо может сразу выслать не больше 200 руб., то, вероятно, у Вас остался остаток, который прошу Вас передать Е. Г. Полонской — она перешлет. Прошу Вас также выслать мне все авторские экземпляры "Бубнового валета" — как полагается. Вышлите их двумя заказными бандеролями, не откладывая дело на 6 месяцев, а в день получения этого письма»²⁵⁷.

Последнее из дошедших до нас писем на эту тему адресовано Е. Полонской 14 февраля: «Дабы ты не дышала преждевременно

лаврами, знай: денег от Лившица я не получил и, думается, он их не выслал. Сделай ему налет».

Чем закончилась эта история, доподлинно не известно, но больше ни издательство «Петроград», ни его владелец Лившиц в письмах Эренбурга не упоминались. Вероятно, расчет был все-таки произведен.

39.

Итак, десятидневное пребывание Эренбурга в Ленинграде было весьма насыщенным. Он заключил договора с издательствами («Петроград» и Госиздат), побывал в редакциях («Ленинград», «Звезда», а, возможно, и в других), обсудил создание фильма по своему сценарию, выступал с лекциями и чтением своих произведений. Кроме того, у Эренбурга состоялось много интересных встреч и знакомств. Помимо общения с «серапионами» и Ю. Н. Тыняновым, он познакомился с А. А. Ахматовой и Е. И. Замятиным, о чем впоследствии упомянул в черновом варианте своих мемуаров²⁵⁸. К сожалению, других свидетельств этих знакомств разыскать не удалось и мы пока не знаем ни обстоятельств, ни места, ни точных дат столь важных событий.

Если судить по воспоминаниям Эренбурга, итог своей первой творческой поездки в Ленинград он считал неутешительным, не заслуживающим внимания. Возможно, субъективно автор прав, ему виднее. Однако, чтобы лучше понять его жизнь и творчество, перипетии его, и не только его судьбы, памятуя, что в судьбе одной личности зачастую отражаются общие проблемы взаимоотношений художника и общества, писателя и издателя, подобные страницы биографии вряд ли стоит оставлять непрочитанными, даже если сам автор был не намерен этого делать.

Впереди были новые встречи с Ленинградом.

Примечания

¹ И. Эренбург. ЛГЖ («Люди, годы, жизнь»). М., 1990. Т. 1. С. 104.

² Валерий Брюсов и его корреспонденты: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 515.

³ ЛГЖ. Т. 1. С. 106.

⁴ Хроника (В. Попов. Б. Фрезинский. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. 1891–1993, СПб., 1993). С. 60.

⁵ «Шел я к тебе...» // Северные зори. № 5. С. 17–18; «Я ушел от ваших ярких дерзких песен...» и «В угрюмой тюрьме...» // Северные зори. № 8. С. 18; «Зачем восставши из гарема...» // Северные зори. № 9. С. 26.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 1. Ег. хр. 54. Л. 8.

⁷ Жизнь для всех. 1910. № 3. С. 1.

⁸ Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 145.

⁹ М. Волошин. Путник по вселенным. М., 1990. С. 305.

¹⁰ «Городские дети» // Жизнь для всех. 1910. № 4. С. 31; «Гляди же скорее...» // Жизнь для всех. 1910. № 6. Т. 28; «Когда весной егда повеет...» и «Родная, после дней печали...» — Жизнь для всех. 1913. № 3–4. С. 377.

¹¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 104.

- ¹² ЛГЖ. Т. 1. С. 105.
- ¹³ ЛГЖ. Т. 1. С. 106—107.
- ¹⁴ В. Лоб-нов. Замалчиваемый поэт (И. Эренбург)// Руль. 1913. 13 мая; Т. Сапожникова. Стихи И. Эренбурга// Сибирская жизнь (Томск). 1914. 20 мая и др.
- ¹⁵ Рукописный отдел Русского музея. Ф. 94. Д. 312. Л. 1.
- ¹⁶ Рукописный отдел Русского музея. Ф. 94. Д. 312. Л. 2. (Тексты этих открыток любезно предоставлены автору Б. Я. Фрезинским).
- ¹⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 107.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 779. Оп.4. Ед. хр. 314. Л. 650.
- ¹⁹ «По аллеям пробежала...» // Санкт-Петербургские театральные ведомости. 1910. 12 сентября; «Вы любите одна...» // Санкт-Петербургские театральные ведомости. 1910. 26 сентября.
- ²⁰ «Простерши худые ладоны...» и «Печальны и убоги...» // Новая жизнь. 1911. № 3. С. 6
- ^{21–22} Парус (Харьков). 1919. № 1. С. 10.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 1156. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2.
- ²⁴ Голос Сибири (Иркутск). 1910. 12 декабря.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 1156. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1.
- ²⁶ «В комнате запах лекарства...» // Всеобщий журнал. 1911. № 9. «Целый день вы спите в тихом Пантеоне...» // Всеобщий журнал. 1912. № 2.
- ²⁷ «В ноябре» // Свободным художествам. 1911. № 9. С. 22.
- ²⁸ «В белом балдахоне» // Свободным художествам. 1911. № 7—8. С. 37.
- ²⁹ Южная заря (Екатеринослав). 1911. 27 июля.
- ^{30–31} «На кладбище» и «Благодарю» // Новая жизнь. 1911. № 8. С. 4.
- ³² Новая жизнь. 1911. № 11. С. 265.
- ³³ «Сентябрь» // Новая жизнь. 1912. № 8. С. 32; «Помнишь ты на вокзале...» // Новая жизнь. 1912. № 9. С. 57.
- ³⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 107.
- ³⁵ Утро России. 1911. 12 февраля.
- ^{35a} Письмо Н. Гумилева В. Брюсову от 24 мая 1911 г.//Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 501.
- ³⁶ Аполлон. 1911. № 5. С. 78.
- ³⁷ Аполлон. 1911. № 10. С. 74.
- ³⁸ Речь. 1911. 3 октября.
- ³⁹ Современный мир. 1911. № 10. С. 159—160.
- ⁴⁰ Новая жизнь. 1911. № 11. С. 265.
- ⁴¹ Вестник литературы. 1911. № 11. С. 296.
- ⁴² Утро России. 1912. 12 апреля.
- ⁴³ Киевская мысль. 1912. 14 июля.
- ⁴⁴ Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 526.
- ⁴⁵ Там же (письмо Эренбурга Брюсову от апреля 1911 г.).
- ⁴⁶ Там же. С. 527 (письмо Эренбурга Брюсову от 23 мая/5 июня 1911 г.).
- ⁴⁷ Там же (письмо Эренбурга Брюсову от 3 сентября 1911 г.).
- ⁴⁸ Русская мысль. 1912. № 7. С. 24.
- ⁴⁹ Речь. 1911. 3 октября.

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 504 (письмо Брюсова Гумилеву от 20 июля 1911 г.).

⁵¹ Просьба о свидании// Сатирикон. 1911. № 10. Т. 2; Магригал// Сатирикон. 1911. № 17. Т. 3; Объяснение в любви//Сатирикон. 1911. № 22; «Там, где травка серебрилась...»//Сатирикон. 1912. № 24. С. 7.

⁵² Новый журнал для всех. 1912. № 7. С. 121.

⁵³ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 26.

⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1322.

⁵⁵ Новь. 1914. 18 февраля.

⁵⁶ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 26.

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 25.

⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 26.

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 25.

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 26.

⁶¹⁻⁶² «Воспоминания о Тоскане» и «Н. М-ой».

⁶³ «Когда еще не совсем стемнело...»//Стихи о канунах., М. 1916. С. 59.

⁶⁴ Книги и рукописи в собрании М. Т. Лесмана. М., 1989. № 26–29.

⁶⁵ ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. № 118.

⁶⁶ На литературном посту. 1927. № 17–18. С. 10. То же: В. Саянов. Очерки по истории русской поэзии XX века. Л., 1929. С. 58–59.

⁶⁷ Нева. 1987. № 4. С. 195–197.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Хроника. С. 86.

⁷⁰ Там же. С. 90.

⁷¹ В. Короленко. Собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 491.

⁷² Там же.

⁷³ Хроника. С. 88.

⁷⁴ Хроника. С. 110.

⁷⁵ ЛГЖ. Т. 1. С. 280–281.

⁷⁶ Б. Никонов. Литературное и попул.-научн. приложение к «Ниве». 1913. № 7. С. 466.

⁷⁷ Н. Л-р. <Н. Лернер>. Литературное и попул.-научн. приложение к «Ниве». 1913. № 9. С. 141–142.

⁷⁸ Современный мир. 1910. № 10. С. 159.

⁷⁹ Современный мир. 1911. № 10. С. 333.

⁸⁰ «Тихий вечер...» // Современный мир. 1913. № 12. С. 38; «День засыпает навеки...» // Современный мир. 1914. № 4. С. 26.

⁸¹ В Версале // Литературное и попул.-научн. приложение к «Ниве». 1914. № 11. С. 450.

⁸² ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1442. Л. 4: «Уважаемый Виктор Сергеевич, посылаю Вам три стихотворения и очень прошу Вас возможно скорее ответить, пригодятся ли они для Вашего журнала. Недавно я послал Вам мой последний сборник стихов «Детское», но не знаю, дошел ли он благополучно до Вас. Уважающий Вас И. Эренбург».

⁸³ Ф. 185.

⁸⁴ Современник. 1914. № 13–15. С. 62–65.

⁸⁵ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1289. Л. 1.

⁸⁶ «На войну» // Новый журнал для всех. 1915. № 7. С. 3; «Колыбельная» // Новый журнал для всех. 1915. № 9. С. 4.

⁸⁷ Цитируется по КЛЭ. Т. 7. С. 21.

- 88 ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ег. хр. 3197. Л. 3.
 89 *Театр (Киев)*. 1919. 13 апреля.
 90 ЛГЖ. Т. 1. С. 294.
 91–92 ЛГЖ. Т. 1. С. 324.
 93 «Ты пишешь, очнулись березы...»; «В одежде гордого сеньора...»; «Эти бледные сжатые губы...».
 94 Н. Богомолов. *Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников*. Т. 1. М., 1994.
 95 *Основной каталог книжного склада типографии М. М. Стасюлевича*. СПб. 1911–15.
 96 ЛГЖ. Т. 1. С. 114.
 97 ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ег. хр. 3197. Л. 6.
 98 ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ег. хр. 3197. Л. 5.
 99 ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ег. хр. 3197. Л. 2.
 100 ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ег. хр. 3197. Л. 1.
 101 «Стихи» // 1911. № 2. С. 328–329; «Я живу» и «Одуванчики» // 1912. № 7. С. 24; «Будни» // 1913. № 8. С. 74; «Поэты Франции» // 1914. № 4. С. 131–132.
 102 *Русские ведомости*. 1916. 16 июля.
 103 *Русская мысль*. 1912. № 4. С. 190.
 104 ЛГЖ. Т. 1. С. 113.
 105 Ж. Рено. *Старая французская песня* // 1916. 15 мая; Иоахим дю Белле. «Коль есть скиталец...» // 1916. 18 сентября; «Когда с войны пришел моряк...» (Бретонская песня) // 1916. 25 декабря.
 106 ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 1–2.
 107 *Русская мысль*. 1916. № 7. С. 3–4.
 108 ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 1–2.
 109 ИРЛИ. Ф. 264. № 44. Л. 15.
 110 ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 3–4.
 110 *Биржевые ведомости: Вечерний выпуск*. 1916. 19 апреля.
 111 *Журнал журналов*. 1916. Апрель. № 17. Т. 7.
 112 М. Альдов // *Утро России*. 1916. 23 мая.
 113 *Северные записки*. 1916. Июнь. Т. 227.
 114 В. Брюсов // *Русские ведомости*. М. 1916. 16 июля; Ю. Айхенвальд // *Речь*. 1916. 25 апреля; М. Волошин // *Речь*. 1916. 31 октября; Ф. Перверзев // *Современный мир*. 1916. № 11. С. 136; Д. Выгодский // *Летопись*. 1916. № 8. С. 308 и др.
 115 *Известия л-х кружка*. 1916. № 14–15. С. 84.
 116 А. Шабад. «Вийон» // *Литературная энциклопедия*. М., 1930. Т. 2. С. 223.
 117 ИРЛИ. Ф. 264. № 318.
 118 ЛГЖ. Т. 1. С. 109.
 119 Ф. Жамм. *Стихи и проза / Перевод стихов И. Эренбурга и прозы Е. Шмидт <Екатерины Отповны Шмидт — первой жены Эренбурга>*. М., 1913.
 120 И. Эренбург. У Франсиса Жамма // *Новь*. 1914. 26 февраля.
 121 ИРЛИ. Ф. 264. № 44. Л. 15.
 122 ИРЛИ. Ф. 264. № 318.
 123 ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 1–2.
 124 ИРЛИ. Ф. 264. № 335.

- ¹²⁵ ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 3—4.
- ¹²⁶ ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 5—6.
- ¹²⁷ ИРЛИ. Ф. 264. № 319. Л. 7—8.
- ¹²⁸ Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 530 (письмо Эренбурга Брюсову 23 июня 1916 г.).
- ¹²⁹ Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 531 (письмо Брюсова Эренбургу 5/18 июля 1916 г.).
- ¹³⁰ Русские ведомости. 1916. 16 июля.
- ¹³¹ ИРЛИ. Ф. 264. № 44. Л. 155.
- ¹³² Русская мысль. 1918. № 3—6.
- ¹³³ В. Яковлев // Современное слово. 1916. 27 июля.
- ¹³⁴ ИРЛИ. Ф. 264. № 44. Л. 157.
- ¹³⁵ П. Берков. Русские литературные журналы до 1917 года // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. С. 4. С. 215.
- ¹³⁶ «Непостижимое» // 1916. № 44; «Кровать Людовика XV» // 1916. № 46; «Мартин Зеельбек» — 1916. № 51; «Искусственная нога «Селект» // 1917. № 6; «Поля де Виньи» // 1917. № 15.
- ^{136а} РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ег. хр. 404.
- ¹³⁷ Многие сюжеты этих рассказов И. Эренбург использовал в книге «Лик войны». 30 сентября 1919 г. киевская газета «Жизнь» напечатала рассказ «Нога «Селект», но это была не перепечатка из «Лукоморья», а построенный на том же сюжете отрывок из «Лица войны».
- ¹³⁸ Хроника. С. 112.
- ¹³⁹ «Не у себя» // 25 апреля; «В нейтральном государстве» // 28 апреля; «В Бегинаже» // 29 апреля; «Здесь и там» // 7 мая.
- ¹⁴⁰ «Винювники мятежа русских войск во Франции» // 1917. 19 октября.
- ¹⁴¹ Е. Ландау. Начало журналистской работы Ильи Эренбурга // Филологический сборник. Вып. 6—7. Алма-Ата. 1967.
- ¹⁴² ЛГЖ. Т. 1. С. 202.
- ¹⁴³ И. Эренбург. Винювники мятежа русских войск во Франции // Биржевые ведомости. 1917. 19 октября.
- ¹⁴⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 193—194.
- ¹⁴⁵ Впервые стихотворение опубликовано Б. Я. Фрезинским в комментариях к книге «ЛГЖ». Т. 1. С. 585.
- ¹⁴⁶ Хроника. С. 125.
- ¹⁴⁷ Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся. Изг. 2-е. Т. 2. Лондон. 1990. С. 89—90.
- ¹⁴⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 220.
- ¹⁴⁹ ЛГЖ. Т. 1. С. 230.
- ¹⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ег. хр. 543 (письмо от 7 марта 1922 г.).
- ¹⁵¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 230.
- ¹⁵² РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ег. хр. 386.
- ¹⁵³ Книги и рукописи в собрании М. Т. Лесмана. М., 1989. С. 236.
- ¹⁵⁴ «Слышишь, как воет волчиха...».
- ¹⁵⁵ ЛГЖ. Т. 1. С. 229.
- ¹⁵⁶ ЛГЖ. Т. 1. С. 352.
- ¹⁵⁷ Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1. С. 17—18 и № 2. С. 15—16.
- ¹⁵⁸ Литературная Россия. 1990. 5 октября.

- 159 *Парижский вестник*. 1926. 14 и 17 января; *Дни (Париж)*. 1926. 17 января.
- 160 *Хроника*. С. 129.
- 161 *И. Эренбург. Париж — Петроград // Биржевые ведомости*. 1917. 21 июля.
- 162 *Народоправство*. 1917. № 11. С. 7-9.
- 163 *И. Эренбург. Собрание сочинений*. М., 1991. Т. 2. С. 65.
- 164 А. Палей. *Встречи на длинном пути*. М., 1990. С. 63–64.
- 165 Н. Баренбаум, Н. Костылева. *Книжный Петербург — Ленинград*. Л., 1986. С. 327.
- 166 *Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана*. М., 1989. С. 103.
- 167 Там же. С. 255.
- 168 *Книга и революция*. 1922. № 6(18). С. 58.
- 169 *Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана*. М., 1989. С. 148.
- 170 РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ег. хр. 543.
- 171 *Хроника*. С. 237.
- 172 *Письма Эренбурга к Е. Полонской хранятся в собрании Б. Я. Фрезинского и цитируются с его любезного разрешения*.
- 173 *Вопросы литературы*. 1987. № 12. С. 176.
- 174 Москва. 1964. № 4. С. 158.
- 175 Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. *Русский Берлин. Paris*. 1983. С. 148.
- 176 «Николай Тихонов. «Орда»//Новая русская книга. 1922. № 7. С. 11.
- 177 *Русский Берлин*. С. 212.
- 178 *Новая русская книга*. 1922. № 2. С. 19.
- 179 *Новая русская книга*. 1922. № 6. С. 10–12.
- 180 *Новая русская книга*. 1922. № 9. С. 1–3.
- 181 *Правда*. 1924. 13 января.
- 182 Там же.
- 183 В кн.: Каверин В. *Вечерний день*. М., 1982. С. 59.
- 184 Л. Раковский. *Крестный // Звезда*. 1979. № 5. С. 205–206.
- 185 *Новый журнал*. 1966. Кн. 82. С. 152.
- 186 Е. Шварц. *Живу беспокойно*. Л., 1990. С. 294.
- 187 В. Каверин. *Поиски жанра // Воспоминания об Илье Эренбурге*. М., 1975. С. 35–37.
- 188 *Поэтика. Сборник статей*. Л., Academia. 1926. С. 159.
- 189 *Русский современник*. 1924. № 2. С. 276–277.
- 190 *Новый мир*. 1992. № 6. С. 148.
- 191 *Вечерняя красная газета*. 1924. 13 марта.
- 192 *Ленинградская правда*. 1924. 12 марта.
- 193 *Вечерняя красная газета*. 1924. 19 марта.
- 194 *Накануне*. 1923. 28 декабря.
- 195 *Последние новости*. 1924. 17, 19, 24, 31 марта, 7 и 14 апреля.
- 196 *Ленинградская правда*. 1924. 12 марта.
- 197 *Вечерняя красная газета*. 1924. 13 марта.
- 198 И. Лерский. *В эмигрантском Берлине // Последние новости*. 1923. 26 ноября.
- 199 *Фотокопии писем Эренбурга В. Лигину находятся в собрании Б. Я. Фрезинского, с любезного разрешения которого цитируются*.
- 200 *Новая книга*. 1923. № 1–2. С. 4.

- 201 ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Ег. хр. 9. Л. 9.
- 202 «А все-таки она вертится»; «Хулио Хуренито»; «Золотое сердце. Ветер»; «Шесть повестей о легких концах»; «Жизнь и гибель Николая Курбова»; «Лих войны»; «Звериное тепло»; «13 трубок».
- 203 «В Проточном переулке»; «Испания»; «Москва слезам не верит».
- 204 См., напр.: Накануне. 1923. 21 января.
- 205 См., напр.: Владиславлев И. Литература великого десятилетия: (1917–1927). Т. 1. М.; Л., 1928. С. 287.
- 206 ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 2. Д. 267. Л. 149.
- 207 «Я так любил тебя...» // Ленинград. 1924. № 5. С. 6.
- 208 ЦГАЛИ СПб. Ф. 249. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
- 209 ЛГЖ. Т. 2. С. 7.
- 210 Новый журнал. 1924. № 18. С. 16; То же: Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 291.
- 211 Россия. 1924. № 1.
- 212 РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ег. хр. 543 (письмо от 12 апреля 1924 г.).
- 213 Там же (письмо от 19 апреля 1924 г.).
- 214 ЦГАЛИ СПб. Ф. 242. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.
- 215 Там же. О. 57. Л. 6.
- 216 Там же. О. 56. Л. 7.
- 217 Н. Терещенко. Современный нигилист. Л., 1925. С. 77.
- 218 ЦГАЛИ СПб. Ф. 242. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.
- 219 Там же. Л. 8.
- 220 Там же. О. 56. Л. 11.
- 221 Там же. Л. 10.
- 222 Там же. Ф. 4309. Оп. 2. Д. 148. Л. 10.
- 223 Там же. Оп. 1. О. 126. Л. 20.
- 224 Копия этого ответа, переписанного в свое время Эренбургом, хранится в собрании Б. Я. Фрезинского.
- 225 Кино-неделя. 1924. 16 сентября.
- 226 М. Цветаева. Собр. соч. В 7 тт. М., 1995. Т. 6. С. 518–519.
- 227 РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ег. хр. 543 (письма от 10 и 19 апреля 1924 г.).
- 228 ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Д. 237. Л. 67–68.
- 229 Там же. Л. 69.
- 230 Там же. Л. 57.
- 231 Там же. Л. 45.
- 232 Коммунист (Харьков). 1924. 5 октября.
- 233 ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Д. 237. Л. 67–68.
- 234 Там же. Л. 69.
- 235 Там же. Л. 45.
- 236 Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 201.
- 237 ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Д. 237.
- 238 Там же. Л. 32.
- 239 Копия письма Эренбурга Н. Тихонову в собрании Б. Я. Фрезинского.
- 240 Вечерняя красная газета. 1925. 4 апреля.
- 241 Копия в собрании Б. Я. Фрезинского.
- 242 О. Мандельштам. Собр. соч. Нью-Йорк. 1969. Т. 3. С. 223–224.

-
- ²⁴³ Советская Сибирь. 1926. 6 июня.
- ²⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 1. Ег. хр. 114. Л. 1 и 1 об.
- ²⁴⁵ Г. Горбачев // Жизнь искусства. 1926. № 25. С. 3–4.
- ²⁴⁶ Звезда. 1926. № 4. С. 231–233.
- ²⁴⁷ Сводный каталог книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. М., Всесоюзная книжная палата. 1961. С. 452.
- ²⁴⁸ Фабрично-заводская профсоюзная библиотека. 1925. № 20–21.
- ²⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1255. Оп. 1. Ег. хр. 11. Л. 1.
- ²⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ег. хр. 543 (письмо от 19 апреля 1924 г.).
- ²⁵¹ Там же (письмо от 18 июня 1924 г.).
- ²⁵² Книга о Митрохине. Л., Художник РСФСР. 1986. С. 27.
- ²⁵³ Звезда. 1926. № 2. С. 290.
- ²⁵⁴ Правда. 1925. 10 апреля.
- ²⁵⁵ Новый мир. 1926. № 6.
- ²⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ег. хр. 543 (письмо от 5 января 1925 г.).
- ²⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1255. Оп. 1. Ег. хр. 11. Л. 2.
- ²⁵⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 622.

РЕЦЕНЗИИ

«А мы благословили нашу встречу...»

М. С. Альтман. Разговоры с Вячеславом Ивановым. Составление и подготовка текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. Художественное оформление М. Покшишевской. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 стр. с иллюстрациями. Тираж 2000 экз.

Перефразируя Лидию Гинзбург, можно было бы сегодня сказать: «поворотили на Вячеслава». Среди изданий, посвященных Вяч. Иванову, книга, о которой пойдет речь, хорошо заметна. Прежде всего - тем, что она вводит в научный оборот полный текст «Разговоров с Вячеславом Ивановым» 1921 – 22 гг., часть которых (менее одной трети) составила известную (в свое время — событийную) публикацию в Ученых записках Тартуского университета (Т. IX. Вып. 209. Тарту, 1968). «Разговоры» печатаются на основании подлинника — «толстой тетради с записями 1921 – 1922 гг.», а также ряда связанных с ней материалов.

Композиционно текст «Разговоров» предваряется «сонетным диалогом» между Учителем и учеником, при этом стихи Вяч. Иванова текстологически и хронологически выверены по сравнению с предыдущей их публикацией.

В сопровождающей «Разговоры» краткой, но информативной статье К. Ю. Лаппо-Данилевского оспаривается мнение З. Г. Минц, назвавшей тот текст, которым она располагала в 1968 г., «записями дневникового типа», и излагается концепция «Разговоров» как литературного памятника, созданного по образцу «Разговоров» И. П. Эккермана. Автор статьи намеренно уделит внимание характеристике материалов, утраченных М. С. Альтманом при первой публикации по причинам, вполне понятным: это — наиболее глубокие размыш-

ления религиозного, философского, политического, литературного, морального характера, независимые суждения о наследии тех, чьи имена были под запретом или односторонне адаптированы для общественного потребления.

Сопоставляя мирочувствие каждого из собеседников в момент создания «Разговоров», К. Ю. Лаппо-Данилевский опирается в случае Вяч. Иванова — на известные обстоятельства его жизни, а также на письмо к И. М. Гревсу от 12 мая 1922 г.; в случае же М. Альтмана — на его дневники, которые писались одновременно с «Разговорами». Этот любопытнейший момент статьи подготавливает читателя ко II отделу книги, в которой Дневники публикуются (впервые), и таким образом сама конструкция книги становится убедительным доказательством того, что «Разговоры с Вячеславом Ивановым» создавались как литературный памятник, что это сознательно сделанный текст, в котором образ «совопротника» условен и не совпадает с автором и героем Дневников.

Поэтому не случайно К. Ю. Лаппо-Данилевскому видится в «Разговорах» «диалог двух мощных начал мировой культуры, носителями которых были собеседники, — новозаветного и ветхозаветного». Тем значимее сама возможность такой встречи и такого диалога, едва ли не последнего на закате Серебряного века. И тем интереснее этот диалог современному читателю семьдесят с лишним лет спустя.

Как бы мы ни оценивали характер личных отношений ученика и Учителя, лишь прорастающий в «Разговорах» и откровенно явленный в Дневниках, о чем еще будет сказано, нельзя не испытывать, прежде всего, чувства благодарности М. С. Альтману за то, что он не только записал беседы с Учителем, но и всю свою жизнь, которую вряд ли можно отнести к самым благополучным (он побывал в сталинских лагерях), сохранял их как ценнейший документ, оставив подлинник в неприкосновенном виде. Время показало (и это в сопроводительной статье важный психологический момент, как бы итоговое слово о титульном авторе «Разговоров»), что общение с Вяч. Ивановым позднее было осмыслено М. Альтманом как «самое значительное событие его жизни».

В связи со сказанным представляется любопытным взглянуть на роль каждого из собеседников, какой она выглядит в «Разговорах» и какой мыслится каждому участнику. Возможность их «равенства» предопределена причастностью обоих к поэзии и выражается в объединяющем МЫ. Правда, воспринимается это МЫ с разными смысловыми оттенками в зависимости от того, кому оно принадлежит:

... Зачем же нам так долго спорить нужно
 О том, что оба распознали в мире, —
 О Боге живе и Его любви,

Когда гласит в нас плоти глас и крови
 Единое и вверили мы лире,
 Что сердце в нас одной тоской недужно.
 (Вяч. Иванов. 12.4.1923. С. 10)

... Судьба свела нас иль счастливый случай...
 (М. Альтман. 8.3.1921. С. 12) —

но особенно разительно отличие МЫ в размышлениях о поэзии и «общем» поэтическом труде.

Сравним иронию Учителя и притязания ученика: « — Да, я вижу, Вы на должной высоте ставите вопрос. О, это будет великий агон: Андрей Белый, Вы и я — все мы состязаемся на эту тему; впрочем, я заранее устраняюсь...» (Дневники. С. 240);

« — Да, — сказал я, — как жаль, что похвалы приходят к нам слишком поздно, уж тогда, когда они нас не могут радовать. Что может быть обиднее поздней награды?» (Разговоры. С. 89). Субъективное ощущение со-равного, вызванное расположением Вяч.Иванова к своему юному собеседнику, распространяется на все «Разговоры» М. Альтмана, хотя их содержание отнюдь не порождает такого впечатления у читателя. «Разговоры» представляют собой либо ответы Учителя на вопросы ученика, либо (и это в большинстве случаев) развернутые возражения ученику, когда тот не столько спрашивает, сколько что-либо формулирует, утверждает в ожидании похвалы и претендуя на роль, бóльшую, чем отвел себе в аналогичной ситуации Эккерман, который «так благоговел перед Гете и не был сам достаточно глубок. Нужно было быть глубже Гете...». В отличие от собеседника Гете, «совопросник» Вяч. Иванова лучше знает, как «такие вещи <...> пишутся» (Разговоры. С. 34). Однако М. Альтман идет вслед Эккерману, с той лишь разницей, что если для Эккермана третий том «Разговоров» был «остатними колосьями его бесед с полубогом», то Дневники М. Альтмана — это скидывание полубога с пьедестала. Сравним: Эккерман, не раз видевший Гете в домашнем одеянии (белом фланелевом халате и туфлях), навсегда остался под первым впечатлением: «Какой величественный облик!» (Разговоры. 10 июня 1823 г.)¹. М.Альтман в Дневниках (2 марта 1922 г.): «В туфлях и халате шествует теперь передо мной Тайна его». Или: в конце второй части «Разговоров» Эккерман видит усопшего Гете обнаженным — «Мощная, широкая и выпуклая грудь; руки и ляжки округлые, умеренно мускулистые; изящные ноги прекраснейшей формы

<...>. Совершенный человек во всей своей красоте лежал передо мною...». М. Альтман, выражаясь фигурально: «Ах, как по временам король гол! И какой при этом у него горб на спине, и ляжки, и ягодицы. Брр! Может быть, действительно Вячеславу лучше всегда быть сильно и много одетым» (Дневники. 16 января 1923).

В не лучшем для М. Альтмана свете дублируется ситуация, связанная с вопросом публикации тех и этих «Разговоров». Так, Эккерман вскоре после Второго письма Гете (от 12 декабря 1830 г.): «... Я, правда, не хочу, чтобы она (рукопись — Д. Ч.) скоро вышла в свет, но охотно просмотрю ее вместе с Вами и внесу необходимые поправки. Если я смогу засвидетельствовать, что она сделана вполне в моем духе, это повысит ее ценность», — самоотверженно подавляя свои эмоции, заключает: «Гете не дал своего согласия на скорое опубликование Разговоров, и, следовательно, на успешном начале чисто литературной карьеры приходилось поставить крест» (ноябрь 1830). М. Альтман же, приведя слова Вяч. Иванова: «Если Вы не дадите мне на просмотр "записок", я оставляю бумагу о том, что они в целом источник недостоверный, объявляю об этом при свидетелях», — не скрывает своего раздражения: «О чем он, собственно, тревожится? "Там" разберут, правильно или нет изобразил я его. На зеркало неча пенять... А если зеркало и кривое, что за беда?... Да и так ли уж я крив?» (Дневники. 15 марта 1922 г.) А суть в том, что М. Альтман притязает на неограниченное, безоговорочное авторство. В связи с этим К. Ю. Лаппо-Данилевский справедливо пишет: «... перед нами предстает В. И. Иванов как подлинный мастер диалога, направляющий разговор в то или иное русло, неизменно придающий ему занимательность. Поэтому подлинным автором текста (точнее его "организатором") нужно признать В. И. Иванова, хотя на титульный лист, как и в книге бесед с Гете, вынесено имя его "совопросника"» (С. 113).

Если М. Альтман оглядывается на Эккермана, то Вяч. Иванов, естественно, ощущает себя «славянским Гете» и постоянно направляет Разговоры в русло гетевских бесед: о поэтах-современниках, о стихотворных ритмах, о гении и таланте, об аристократизме культуры, о соблазне к не-своему, растениях, деревьях и минералах, о добродетели, об идее трагического рока у древних etc. Нет необходимости в краткой рецензии приводить многочисленные «тайные соответствия» этим темам в «записках» М. Альтмана. Читатель откроет книгу — и сразу почувствует организующую роль Вяч. Иванова, который, вне сомнений, помнил о столетии, отделяющем его от тех «Разговоров», и вел свою литературную игру, свою партию в этом диалоге².

Думается также, что, обладая исключительной проникающей способностью, он не мог не угадывать того второго слоя личности своего собеседника, который одновременно отпечатывался в его Дневниках³. Понимание Учителем своего ученика и непонимание учеником Вячеслава Иванова, а главное — игра Вяч. Иванова на этом непонимании особенно заметны читателю в тех случаях, когда, добросовестно воспроизводя слова Учителя, М. Альтман не улавливает в них иронии (см. эпизод о «провокаторе» на с. 240 — 241 или, например, сценку с пророчествованием о будущем Альтмана, завершившуюся открыто-иронически: «Клянусь Вам, что еще до чтения Ваших заметок обо мне я думал, не отказаться ли мне от Италии, чтоб оставаться здесь с Вами» — С. 240; ср. с письмом к другу юности И. М. Гревсу от 12 мая 1922 г.: «Прошу за границу...» — С. 116). Провидчески мудро звучат слова Вяч. Иванова в ответ на рассуждения М. Альтмана: «Нужно было быть глубже Гете, чтобы писать «Разговоры с Гете», и нужно было по крайней мере ненавидеть: ибо «ненависть глядит пронизательно».

— Это хорошо, что Вы сказали «по крайней мере», — сказал В., — ибо есть нечто, что глядит глубже и видит пронизательнее, чем ненависть, это — любовь» (Разговоры. С. 34).

При всей иронии (добавлю: совершенно необходимой, когда подобная игра привносится в жизнь), Вячеслав Великолепный всегда оставался по отношению к своему «мятежному» ученику Вячеславом Великодушным.

Вместе с другими материалами, включенными в книгу (автобиографическая проза и стихи Моисея Альтмана, письмо Вяч. Иванова и запись о его выступлении), а также основательными комментариями К. Ю. Лаппо-Данилевского — сборник читается как органически единое захватывающее целое, чему в немалой степени способствует сюжетно выстроенные фотоиллюстрации (многие из них публикуются впервые). К сожалению, остались нерасшифрованными два групповых снимка: Вяч. Иванов среди своих учеников — 1923 и 1924 гг.⁴ Любопытно, что фотографии, запечатлевшие обоих участников «Разговоров», наглядно демонстрируют соприкосновение веков: они напоминают коллажи из старинной гравюры и современного снимка (новое время глядит в объектив, напряженно сцепив руки; прошлый век принимает позу созерцания, все его жесты — прекрасными, умными руками — оберегающие, вопрошающие, напутствующие...). На одном из снимков (1923) надпись Вяч. Иванова по-гречески: «Память приятнейшего знакомства и дружбы юноши и старца».

Примечания

¹ И. П. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Пер. с нем. Н. Ман. Вступит. ст. Н. Н. Вильмонта. Комментар. и указатель А. А. Аникста. Ереван: Айастан. 1988. С. 436, 59.

² См., напр.: «Вяч. Ив. не был то, что называется "душа нараспашку". И он умел и, м. б., даже любил играть роль, не избегал и дипломатии. Я знаю, это не противоречило его моральным принципам <...>. Играли в характеры <...>. Он разыграл себя. Как он любезно принимает у себя в кабинете человека, в то же время всячески его браня, после его ухода. Меня тогда удивило, как легко Вяч. признался тогда в своем обязательном лицемерии, хотя, может быть, и под маской светско-вежливости» (Е. А. Миллиор. Беседы философские и не философские // Вестник удмуртского университета. 1995. Спец. вып., посвященный Е. А. Миллиор. Ижевск. С.21, 23).

³ «Все чаще убеждаюсь, что хоть мы столь сильно "помолвлены" <...>, к венцу мы не пойдем. Разные мы очень и в разные тянем и тянемся стороны» (Дневники. 15 марта 1922 г.). Со слов Е. Миллиор, бакинской ученицы Вяч. Иванова, мне известен его завет-наставление: «Окружайте себя учениками». Когда я однажды (1978) произнесла эту фразу в разговоре с Борисом Осиповичем Корманом, он, как Учитель, наученный собственным горьким опытом, мгновенно продолжил: «... чтобы было кому вас предавать».

⁴ Снимок «Чаши» описан в Вестнике Удмуртского ун-та (см. прим. 2), который готовился к печати одновременно с «Разговорами» М. Альтмана. Пользуясь случаем, хочу исправить свою оплошность-пропуск: на снимке во втором ряду крайняя справа, после К. М. Колобовой, — Нина Александровна Гуляева, одна из дочерей проф. А. Д. Гуляева.

*Д. И. Черашняя
Ижевск*

Читать в хорошей компании

Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Б. Агоньева и Н. М. Герасимова. Худ. А. О. Флоренский. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 416 с.

Мне нравится. Мне нравится в этой книге почти все, вплоть до имени и фамилии издателя: Иван Лимбах. Ах, трогательное соединение имени и фамилии вполне в духе XIX века, который останется вечной занозой в сердце. Немецкая фамилия в сочетании с тривиально русским именем. Помните? Николай Тиблен, Роман Голике, Александр и Игнатий Гранаты. Боже мой, Адольф Федорович Маркс! И басурманское это имя в сознании нашем осенено отчеством, вписывающим его в историю русской культуры настолько прочно, что не хочется считать его даже однофамильцем классика научного коммунизма.

Обложка? Картинки? Кому не пошлится родное, беспечно-дурацкое и добродушно-пьяное в этих рисунках с каллиграфической подписью, отсылающей нас ко временам сам-, там- и очень давно-издата — Флоренский! Как хороши, как свежи были розы!

На заводской окраине, где я рос, звучали странные песни: «Дикламентом выучился я, диклакат — профессия моя-а...», «Шута я вовсе не любил, но обожал его напевы. Ему я голову срубил для развлечения королевы», «Мадагаскар, страна моя, здесь, как и всюду, цветет весна. Мы тоже люди, мы тоже любим. Хоть кожа черная у нас, но кровь чиста». Моя филологическая жизнь постепенно приучила меня к мысли о том, что любой регулярно воспроизводимый текст заслуживает внимания, обладает культурной ценностью, должен быть зафиксирован. И вот оно напечатано — хоть пой, хоть смейся, хоть плачь, хоть на карточки расписывай.

В последние годы вышло множество книг, включающих в себя материалы, по советским меркам непечатные, — неприличные и политические анекдоты, частушки, чернушки, блатные и псевдобелогвардейские песни. Среди этих публикаций абсолютно преобладают тексты, подготовленные любителями и ценителями соответствующих жанров, не имеющими никакого представления о существовании науки о фольклоре. В данном же случае перед нами сборник, подготовленный профессиональными фольклористами, умеющими не только петь, но и готовить тексты к печати, анализировать, комментировать и рассуждать по их поводу.

При этом филолог во мне испытывает некоторую неловкость, какой-то почти неощутимый дискомфорт — что-то в книге изначально неправильно. Все, впрочем, понятно — ведь я держу в руках песенник, а это жанр, хотите вы этого или не хотите, нормативный. Забыли вы, допустим, слова — ну так загляните в книжку и пойте себе дальше. А тут — и слова какие-то нелепые и вообще как-то все порой не в склад, не в лад. Да что там говорить — полевые записи, ежу (в смысле — любому филологу) понятно. Мы привыкли видеть такой материал под солидными названиями, начинающимися с соответствующих слов «Материалы к...» или что-нибудь в этом роде. Если не отпугнуть массового читателя таким заголовком, он может принять диалектный словарь за нормативный со всеми вытекающими отсюда последствиями. Впрочем, с учетом реальностей нашего времени, не столько трудного, сколько странного, вполне понятно, что книги без картинок и со скучными названиями можно выпускать лишь в убыток издателю. В результате и появляются гибридные научно-коммер-

ческие жанры, научные работы, более или менее удачно заgrimированные под литературу для «массового читателя». При нынешних тиражах, впрочем, массовость последнего очень относительна. Но так или иначе, научную книгу оформляют так, чтобы ее схватила с прилавка кухарка, а от авторов требуют популярности. Возникает странный род литературы, для критики которого, кажется, еще не выработаны четкие критерии. В самом деле, по каким правилам должны состязаться кентавры — по человеческим или лошадиным? Мне проще говорить о книге «Современная баллада и жестокий романс» как о научном филологическом издании, хотя и понимаю односторонность такого подхода.

Массовость и популярность видны в самих текстах и очень милом вступительном монологе одного из составителей. Научность обеспечивается аппаратом, помещенным, как это и подобает аппарату, в конце книги — теоретической статьей, морфологическими таблицами и примечаниями.

Главное эмоциональное содержание вступительного монолога заключается в изъяснении любви к предмету, то есть к «современной балладе и жестокому романсу»: «Кто-нибудь усомнится в их принадлежности высокой фольклорной поэзии, так пусть сидит и скучает наедине со своим вкусом. Популярность и народность нам не помеха: мы эти тексты любим».

А вот что говорится об этих же текстах в обстоятельном теоретическом послесловии: «Мир этого жанра — мир принципиально безблагодатный. Все христианские добродетели представлены в нем их поведенческими "антонимами": вместо любви к ближнему — корысть и вражда, вместо прощения — месть, вместо воздержания — блуд, вместо кротости — гнев, вместо брака — прелюбодеяние, вместо покаяния — ненависть и гордыня, причем в самом страшном для христианства случае — перед смертью» (С. 348). Как-то это не похоже на признание в любви. Или, может быть, в предисловии шла речь о другой любви — о том чувстве, которое испытывает, например, энтомолог к своим клопам и тараканам? Но уж в этом-то случае следует по меньшей мере быть объективным и не обвинять любимое насекомое во всех бедах человечества. Если считать, что сборник адекватным образом представляет нам «этот жанр» и его мир, то, право же, все не так мрачно. Далеко не все тексты заслуживают игуменского окрика. И, кстати, что это за жанр?

В начале теоретической статьи идет речь о двух жанрах: современной балладе и жестоком романсе. Затем постепенно форма множественного числа сменяется единственным и го-

ворится уже об одном балладно-романсном жанре. Я хорошо понимаю, что не в строгих дефинициях счастье филолога, но все же сколько их? Смежные, сопряженные, взаимопроникающие — все верно. Понятно, что «Мурка» — баллада, а «Позабыт-позаброшен» — скорее романс, хотя и странно как-то называть эту песню именно романсом. Но в том-то и дело, что и для составителей и для нас, потребителей, важнее не жанровые разграничения, не то, что отличает эти песни друг от друга, а то, что их объединяет. И вот это объединяющее начало, как мне кажется, не имеет отношения к жанрам. Гораздо важнее оказывается ярко выраженная социально-психологическая цельность личности автора/исполнителя, что, кстати, облегчает возможность ее превращения в личину, в маску при стилизации или при исполнении этих песен в компании, состоящей из доцентов с кандидатами. И пусть нам не нравятся вульгарные социологи, но выражение «мещанский песенный фольклор» все же намного точнее, чем «современный балладно-романсный жанр».

«В примечаниях указываются место и время записи, а также фамилия собирателя. Кроме того, в отдельных случаях называются литературные источники фольклорных текстов и приводятся сведения о бытовании последних в культурной традиции» (С. 376). В этой четкой формулировке не вполне понятно лишь одно — почему литературные источники указываются лишь «в отдельных случаях»? Очевидно, в идеале их следовало бы указать везде, где такие источники есть. Если же учесть, что на практике трудно быть уверенным в полной исчерпанности этой работы, то следовало бы назвать литературные источники во всех случаях, когда составителям удалось их установить, заранее извинившись за возможные упущения.

Едва ли не самое странное — это очень слабое знакомство составителей с советским эстрадным песенным репертуаром. В этом можно, пожалуй, усмотреть определенную идейную установку. Прогрессивная советская интеллигенция, одним из отрядов которой были демократически настроенные филологи, не просто не знала советских песен, но и почему-то гордилась этим незнанием. Иногда источники не указываются даже в очевидных случаях. Так, № 16 отличается от песни «Куда бежишь тропинка милая?» (сл. А. Пришельца, муз. Е. Родыгина) главным образом тем, что в записи предпринята попытка воспроизвести распев: «Кому пожа-а-лююсь, пойду?» Записанный в д. Сорка Бабаевского р-на Вологодской обл. от Марии Александровны Киреевой фольклорный вариант песни «Помнишь, мама моя...» почти не отличим от варианта Николая Константиновича Доризо (муз. Н. Богословского):

вместо «Я ее согрел и теплом и заботой» поется «Я ее окружил...» Кстати, где в этой песне «вместо брака — прелюбодеяние, вместо воздержания — блуд» и пр.? Можно было бы указать источники и для №№ 179, 203, 246, 247, 248 и т. д.

За рамками советского песенного радиореPERTуара такого рода пропуски немногочисленны, но тоже встречаются. Так, для № 193 указана первая фольклорная запись (Н. А. Усов в 1928 — 37 гг.), но не назван общеизвестный источник — «Предсмертная песня» В. Тана-Богораза.

Говоря об источниках, имело бы смысл различать разные их типы и каким-то образом фиксировать это различие в примечаниях. В одних случаях перед нами «фольклоризованный» вариант литературного текста («Из-за острова на стрежень...»), в других — перепев («Разлетались головы и туши...» (№ 210) — ср. «Расцветали яблони и груши...»), в третьих — заимствование отдельных куплетов, стихов или выражений («Не слышно шуму городского» (№ 88) — из фольклорного варианта «Песни узника» Ф. Глинки).

Что касается «морфологических таблиц», то под этим названием в книге помещен тематический указатель. В качестве именно тематического указателя эта работа имеет право на существование и даже по-своему интересна. Авторы выделяют 26 тем, которыми, по их мнению, исчерпывается содержание включенных в сборник песен, а затем для каждого текста приводят формулу, отражающую его тематическое содержание. Я бы поостерегся, однако, говорить здесь о морфологии. Последняя предполагает (все равно где — в грамматике или в фольклористике) выделение некоторых структурных единиц — морфем или «функций» в проповском смысле. Считать же, например, «любовь» или тем более «долг и страсть» единицами, пожалуй, все же не стоит. Морфология — исследование формы. Как бы широко ни трактовалось последнее понятие, оно все же имеет границы. Далеко не все может быть названо формой. К тому же традиция использования термина «морфология» в лингвистике, биологии, геологии и пр. отбрасывает свою тень и на фольклористику, заставляя соотносить его с понятием структуры. Когда мы видим в морфологических таблицах напротив номеров шести песен подряд римские цифры XXVI, это значит всего лишь, что перед нами песни «про счастливую любовь». Называя это морфологией, мы тем самым утверждаем, что эти песни одинаково построены, что они изоморфны, а это, безусловно, не так.

Установив 26 «мотивно-тематических блоков, варьирующихся на текстовом уровне от формулы до целого эпизода»,

составители считают возможным говорить об ограниченности этого набора. Между тем, ясно, что если сформулировать темы достаточно широко, то всю вообще мировую литературу можно уложить не то, что в 26, а и в гораздо меньшее количество рубрик. В этом смысле было бы, пожалуй, более продуктивно подойти к жанру, так сказать, апофатически, то есть определить, чего в нем не бывает.

Понимая всю оговоренную в послесловии условность названий и предварительность списка мотивов, хочу все же заметить, что иногда эта условность и предварительность переходит границы допустимого. Так, в морфологических таблицах песня № 184 предстает в следующем виде: XVIII + V + XVII + XXV, т. е. Встреча + Падение девушки + Криминал (Воровство. Разбой)/Обман + Суд. Каторга. Тюрьма. При этом последний мотив, выделенный жирным шрифтом, образует «основной конфликт балладно-романсного сюжета». Согласимся, что такой букет типичен для жанра и легко реконструируем сюжет в романтически-блатном духе. Однако на самом деле в песне № 184 рассказана нехитрая история о том, как лирический герой сходил однажды в кино с круглолицей барышней, поцеловался с ней «у парадного», а потом она у него отсудила алименты — «За чужой грешок, за незнаемость по пятнадцати в месяц плачу». Ничего не понимаю! Встреча была. Падение, конечно, имело место, но, как кажется, задолго до встречи. «Криминал» на уровне мелкого бытового жульничества. Да и суд — гражданский, а не уголовный, к тюрьме и каторге имеющий косвенное отношение. Замечу еще, что слово «криминал» вообще вряд ли уместно в филологическом анализе, хотя бы по причине его крайней смысловой неопределенности, не говоря уже о специфической газетно-блатной стилистической окраске (вместе с «беспределом» и «разборками»).

Я вспоминаю, с чего начал эту рецензию, и с удивлением констатирую несовпадение спонтанной эмоциональной оценки с последовавшим за ней текстом. Думаю, что все дело в той самой гибридной жанровой природе книги. Как массовый читатель я радуюсь, как филолог начинаю ворчать. Все же это книга не для филологов, во всяком случае не для филологов, находящихся при исполнении своих профессиональных обязанностей. Хорошее рекреационное филологическое чтение. Читать и петь в компании за столом.

*П. Клубков
С.-Петербург*

О парадоксах

Д. Н. Дубницкий. *О парадоксах*. С.-Петербург. 1993. Издательство не указано. Тираж 100 экз. 318 с.

«Парадоксы привлекают к себе внимание очень давно — как минимум на протяжении всей письменной истории человечества. За это время о них сказано очень много <...>. Столь длительное обсуждение, в процессе которого число неразрешимых антиномий не сократилось, а многократно выросло, дает основание думать, что разрешить их вообще невозможно.» Таким постулатом открывается книга Д. Дубницкого «О парадоксах», которую можно найти в некоторых личных библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы. Автор издал книгу на собственные деньги и щедро дарил ее друзьям, знакомым и знакомым знакомых. Д. Дубницкий — высококвалифицированный специалист в области точных наук и одновременно человек широкой эрудиции — блестящий знаток музыки, живописи и литературы. Его имя было широко известно в ленинградских неофициальных кругах шестидесятых годов. К друзьям Дубницкого принадлежали такие представители параллельной культуры, как переводчик И. А. Лихачев, театральный режиссер Б. Понизовский, поэты А. Волохонский, А. Хвостенко, К. Унксова, композитор О. Каравайчук.

Внимательный анализ парадоксов — от самых древних, обсуждавшихся еще Аристотелем, до самых новых, благоприобретенных в XX веке, приводит автора к выводу, что парадоксы являются не маргинальной периферией нашего сознания, подлежащей изгнанию, а напротив, неустранимой основой человеческого сознания, определяющей сам факт его существования, начиная с обманчиво-ясной способности пользоваться номерами, и следовательно определяющими сам факт человеческой культуры. Существование парадоксов показывает, что независимость предметов сознания, смыслов слов и значений знаков от состояний персонального сознания, составляющая основу парадигмы позитивного знания и воспроизводимой дескрипции, — в принципе не достижима. Эта независимость всего лишь нечто желаемое, выполнимое лишь иногда и заведомо невыполнимое в тех, самых важных случаях, когда возникает новый смысл, невыразимый через старые, или формируется представление о новом предмете сознания, претендующем стать независимым от него.

Жесткая культурная норма, требующая представлять результаты человеческих усилий в форме, независимой от обстоятельств и даже от факта этих усилий, реализуемая до

конца только в математической теории или физическом наблюдении, не является ни естественной, ни единственно-возможной и универсальной. Напротив, ее существование скорее противоестественно и представляет собой парадокс. Она локальна в историческом времени и пространстве как этнографический стереотип новой европейской культуры последних четырех столетий. Норма отчуждаемых смыслов, адресованных всем сразу и никому персонально, имела свое начало во времена хорошо документированных свидетельств — где-то на рубеже XVI—XVII веков. Причем и в этом временном отрезке она не оставалась стабильной, а эволюционировала от вдохновляющих озарений своих первых пророков через «естественную склонность» (Кант) правоверных адептов к критицизму разочарованных скептиков, став в наше время достоянием чудаковатых педантов.

Такова общая идея книги. Д. Дубницкий рассматривает особенности и некоторых других культурных норм, составляющих предысторию нормы новой европейской культуры, но не совпадающих с ней. Его внимание привлекают культурные нормы ренессанса, христианского средневековья и античности, и в особенности рубежи между ними. Такой взгляд на культуру с птичьего полета позволяет заметить некоторые важные связи между весьма далекими, но синхронными областями культуры — точным знанием, живописью, поэзией, спекулятивным умозрением — и, вместе с тем, рубежи собственного эзотерического развития внутри каждой из этих областей, обусловленные деформацией нормы культурной адресованности. Самые заметные рубежи разделяют культуры, контролирурующие результаты человеческих усилий, — античность, ренессанс, новое время — от культур, контролирующих мотивы этих усилий, — христианское средневековье. Пожалуй, самой убедительной представляется авторская интерпретация рубежа между культурами европейского ренессанса и нового времени, когда внезапно и резко изменились эпистемологическая, эстетическая и семантическая нормы. Дубницкий объясняет это явление как рубеж нормы культурной адресованности, выразившийся в радикальном расширении культурного адреса человеческих усилий, в переходе от персонального к интерперсональному. Люди ренессанса ничего не знали о необходимости представлять результаты своих культурно-адресованных усилий, в частности, своего знания, в форме, независимой от факта этих усилий и состояний собственного сознания. Дж. Бруно, Парацельс, И. Келлер, Леонардо Да-Винчи, Дж. Кардано не видели никаких причин вычленять в собственных впечатлениях, наблюдениях, знани-

ях общезначимые компоненты, способные стать достоянием кого угодно и целенаправленно устранять из них следы усилий собственного сознания. Деятели ренессанса не имели для этого ни желания, ни критериев, ни ограничительных «правил для руководства ума» (Декарт). Более того, выдающиеся умы этого времени стремились к прямо противоположному. Связь знания как персонального, а не общедоступного, была для них важным достоинством, культурной нормой. Адресатом культурных усилий являлась персонализированная группа избранных, специально подготовленных эрудитов. С точки зрения Дж. Бруно, «смысл тем лучше, чем менее общедоступен». Такая норма имела следствием специфические особенности представлений о предметах, не отчуждаемых от состояния человеческого сознания, а напротив, вовлеченных в контекст ситуации его существования, сакрализованных в широком смысле этого слова, т. е. имеющих функции смыслоносного знака или значения, обладающих непосредственной ситуативностью для живого интерпретатора.

Дело радикально меняется на рубеже XVII века. В культуру входят мотивировки, механизмы и критерии критического отбора общезначимых компонентов результатов персональных усилий из числа всех остальных — ограничительные «правила для руководства ума» (Декарт). Культурный адрес усилий раздвигается от «избранных» до «всех сразу». Контролирующее переносится с факта культурно-значительных усилий на их общезначимые результаты. Следствием этого является радикальная трансформация эпистемологических, эстетических, семантических норм. Автор демонстрирует это явление на широком круге фактов. Он прослеживает изменение представлений о предметах сознания, которые теряют обязательную связь с персональным сознанием одного человека для того, чтобы приобрести обязательную связь с сознанием неопределенного числа других людей. Особенно убедительным представляется анализ революции зрительного восприятия на рубеже XVI—XVII веков, проявляющего себя в изменении принципов живописного изображения. Такое «противоестественное» расширение культурного адресата было, как считает Дубницкий, логическим продолжением ренессансного персонализма и, одновременно, преодолением его кризиса. С этой точки зрения автор анализирует также понятия точного знания — математической теории множеств, механики, термодинамики. Осилев эти разделы, гуманитарий сможет получить некоторое удовлетворение, обнаружив, что ряд основных понятий из области точных наук, оказывается погруженным в гуманитарный контекст.

Многое из того, о чем пишет автор, вообще говоря, можно встретить в разрозненном виде в концепциях и работах других ученых. В первую очередь можно назвать работы «Слова и вещи. Археология знания» М. Фуко и «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» Э. Гуссерля. Однако концентрация и, что главное, взаимная связь «Носящихся в воздухе» идей в книге «О парадоксах» придает им дополнительный эвристический импульс. Автор не пишет об этом прямо, но из его концепции следует релятивность культурных норм, т.е. невозможность отдать предпочтение одной из них, несмотря на то, что носители каждой из разновидностей норм могут быть убеждены в ее единственности и приоритетности. Это включает работу автора в более широкий контекст поисков поставангарда или, при желании, диалогического экуменизма.

Книга Д. Дубницкого «О парадоксах», рассчитанная на довольно широкий круг читателей, не принадлежит к разряду легкого чтения. Концентрация информации, которой оперирует автор, столь высока, что даже внимательному читателю, чтобы не потерять нить авторской мысли, приходится подчас перечитывать отдельные страницы, абзацы и даже предложения. Однако эти усилия оправданы. Книга может оказаться полезной тем, кто занимается различными аспектами культуры. Оригинальность основной идеи и новизна взгляда на проблемы может дать творческий импульс читателю, даже если он не во всем согласен с автором.

Т. Л. Никольская
С.-Петербург

Как забыть авангард по-настоящему?

Очеретянский А., Янечек Дж., Крейг В. Забытый авангард. Россия. Первая треть XX столетия. Книга 2. Новый сборник справочных и теоретических материалов. Нью-Йорк; СПб.: [б. и.], 1993. 278 с. Тираж 500 экз.

Идея сводки сведений о незаслуженно забытых представителях литературного авангарда десятых и двадцатых годов, а также воспроизведения непереиздававшихся манифестов и теоретических работ, сама по себе очень интересна. Этой идеей руководствовались составители вышедшего несколько лет назад в Вене сборника «Забытый авангард»¹. Книга содержит ряд интересных и малоизвестных материалов, однако свою идею составители сборника осуществили не совсем удовлетворительно. Несмотря на несомненный интерес части

собранных ими текстов, венское издание в значительной мере обесценивается отсутствием комментариев и научного аппарата (вместо него некритически воспроизводятся устаревшие и одиозные своими идеологическими оценками справки из «Краткой литературной энциклопедии» и подобных пособий), а также весьма небрежным отношением к публикуемым материалам².

Очередной сборник «Забытый авангард» (ЗА) является и по концепции, и по составу редколлегии преемником венского издания. Преемственность проявилась, к сожалению, и в недочетах сборника. Книга поразительно безалаберна и халтурна. Сборник следовало бы обойти стыдливым молчанием, если бы не то обстоятельство, что он явно претендует на научную ценность: имеются архивные публикации и следы научного комментария; редакционные части сборника дышат культуртрегерским пафосом Колумбов авангарда; тираж издания свидетельствует о том, что оно рассчитано на узкий круг специалистов. Не будет поэтому делом лишним поделиться с теми же специалистами некоторыми впечатлениями от данной книги.

В предисловии (впрочем, не в предисловии, а во «вступе») читатель честно предупреждается: «Составители этого сборника не задавались целью расставить все точки над "i"» (С. 6). Дело не в точках — не хватает половины алфавита.

Концепция сборника заключается, как говорилось, в сводке сведений о забытых представителях авангарда. Ее осуществление страдает двумя недостатками: часть включенных в книгу авторов вовсе не забыта, а часть — вовсе не авангард.

Понятие «забытый», конечно, субъективно: один забыл, другой нет. Предложим же в качестве достаточно объективного критерия «незабытости» писателя — наличие самостоятельного современного издания его произведений. Этот критерий выполняют следующие лица, включенные в сборник: Е. Гуро, Б. Лившиц, В. Гнедов, М. Зенкевич, В. Нарбут и А. Туфанов³. Сведениями об этих «забытых» заполнено свыше трети сборника.

Понятие «авангард» не менее расплывчато. Составители сборника не сочли уместным определить его смысл. Судя по содержанию книги, авангардистами следует считать едва ли не всех грамотеев первой трети XX века. Между тем, требования, обычно связываемые с понятием авангарда — новаторство, ломка общепринятых эстетических принципов, — явно не по силам целому ряду представленных в сборнике писателей. Следует ли действительно причислять к авангардистам символиста второй руки, «проклятого поэта» А. И. Тинякова

(Одинокого)? Или подражавшего Блоку А. Конге? Авангард ли И. Ильф? Или В. Шилейко? В сборнике широко представлен самодельный авангард из провинции: некто Эзра Александров (Одесса), Аскольд Свешников (Ростов-на-Дону), ерундисты (Иваново-Вознесенск)... Едва ли не самой смехотворной находкой сборника является «работник ВЧК Георгий Лафар», который «писал стихи о Египте и мумиях, белые стихи, похожие на прозу Теофиля Готье» (С. 247); и то хорошо, что этот положительно безызвестный труженик авангарда и госбезопасности не сочинял гекзаметров, похожих на «Тилемахиду» Третьяковского.

Представленные в книге материалы можно разделить на четыре группы: 1) биобиблиографические справки, 2) литературно-критические и мемуарные материалы, 3) републикации теоретических статей и 4) архивные публикации. Каждая категория заслуживает более подробного разбора.

Практически все биобиблиографические справки заимствованы из чужих источников. Без каких-либо исправлений или комментариев воспроизводятся такие редчайшие пособия, как «Краткая литературная энциклопедия» или распространенный в репринтных переизданиях словарь Б. П. Козьмина «Писатели современной эпохи» (М., 1928). Нередко об одном авторе приведено сразу несколько справок; встречающиеся в данном случае фактические противоречия нисколько не смущают составителей и ими не оговариваются. На одной странице узнаем, что А. Туфанов родился в 1877 году, а на следующей, что это произошло в 1887 году (С. 200–201). В главе, посвященной Ольге Розановой, в двух соседних цитатах предлагаются два разных отчества — Владимировна и Васильевна (С. 199). Выбирай, читатель!

Досадно, что составители заимствуют именно *устаревшие* справки, пренебрегая превосходными современными справочниками. Какой толк перепечатывать, например, слово в слово заметку о Е. Гуро из «Краткой литературной энциклопедии», когда налицо замечательная статья о ней в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1992. Т. 2)?

Вслед за биографическими данными приводятся собственно «справочные материалы» об авторах. Это пестрая смесь цитат из текстов различных жанров: рецензий, статей, воспоминаний, научных исследований, частных писем... Цитаты объединены лишь тем, что в них упоминается имя спасаемого от забвения авангардиста.

Собранные в книге материалы далеко не равноценны. Рядом с действительными находками — малоизвестными, труднодоступными, информативными источниками — поме-

щены цитаты из общеизвестных и вполне доступных изданий. Зачастую использованные тексты не выделяются ни научной ценностью, ни колоритом времени, ни новой информацией (или же наделены информацией ложной, оставленной, как правило, без комментария). В качестве источника широко используются, например, «Петербургские зимы» Г. В. Иванова, в которых, по признанию самого автора, «семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды»⁴. В главе о С. П. Боброве приведен следующий отрывок в две строчки из «Петербургских зим»: «... Сергей Бобров, автор "Лиры лир", редактор "Центрифуги", сноб, футурист и кокаинист, близкий к В.Ч.К., и вряд ли не чекист сам...» (С. 158). Цитата оставлена без комментария; между тем, в советском издании произведений Иванова 1989 г. пассаж «вряд ли не чекист сам» откомментирован Н. А. Богомоловым: «это предположение неосновательно»⁵. Неужели составители сборника не чувствуют, что подача такого «справочного материала» без комментария похожа не столько на штрих к портрету, сколько на клеветнический донос?

В ЗА царит принцип кунсткамеры — по соседству с бивнями мамонта лежат скифские черепки, рядом с полотном мастера красуется двуглавый теленок. В книге можно найти «материалы», объем информации которых просто равен нулю. В главе о кубофутуристах, например, после воспроизведения ряда текстов, внушительно свидетельствующих о том, что Б. Лившиц был поэтом, теоретиком и деятелем футуризма, составители сочили уместным поделиться с читателем следующими находками: «...Бenedикт Лившиц, поэт и теоретик раннего футуризма...»; «...Б. Лившиц, активный деятель футуризма...» (С. 51). Вот они, плоды блокнота!

В ряде случаев составители сборника цитируют произведения марксистских критиков и литературоведов 1930-х годов — видимо, лишь с целью издевательского воспроизведения вульгарно-социологического «шума времени», так как подобные цитаты регулярно обрываются после нескольких строк едва ли не на полслове, завершаясь многоточием и формулой «и т. д. и т. п.» (С. 19, 139, 140, 239). Такое своеобразное обращение с цитатами — это, наверное, авангардный прием в источниковедении?

Раздражает отсутствие единого принципа цитирования. В главе о Лившице приводятся отрывки четырех рецензий на его стихотворный сборник «Флейта Марсия»; две из них (С. Городецкого и В. Волькенштейна) цитируются по первоисточнику, две (Н. Гумилева и В. Брюсова) — по переизданиям, причем место первых публикаций не указывается. Составите-

ли сборника даже не сочли нужным привести свои «трофеи» хотя бы в элементарный хронологический порядок.

В ряде случаев «справочные материалы» пополняются «материалами теоретическими» — републикациями статей и манифестов представителей «забытого авангарда». В главе, посвященной И. В. Игнатьеву, находим его статью «Эго-футуризм» (с твердым знаком; наличие старой орфографии в данной публикации заглавием и завершается). Составители не решились сообщить места и времени опубликования этой работы (напомним — вышла отдельной брошюрой; Н.-Новгород, 1913). Беглое сравнение текста ЗА с публикацией этой статьи В. Ф. Марковым⁶ обнаруживает, что составители сборника почему-то пренебрегли игнатьевской разбивкой текста статьи на нумерованные главки, что резко снижает доверие к достоверности публикации. Анонсированные же в оглавлении (С. 4) тексты «Эго-футуризм <sic!> о футуристах»⁷ и «Фрагменты из кн. "Эшафот"» в самой книге отсутствуют.

Сборник содержит помимо републикаций также немногочисленные архивные материалы: автобиографическую анкету А.Туфанова (С. 200–201), анонимное сообщение о вечере заумников (С. 202) и письмо Т. И. Сухомлиной к С. Ю. Прегель от 24 сентября 1968 г. о Т. В ЧуриLINE (С. 271–274). Тексты, безусловно, интересные, однако публикации их (по крайней мере, первые две) лишены научной ценности. Можно ли доверять надежности воспроизводимой анкеты Туфанова, если публикаторы даже не были в состоянии списать без ошибок фамилию, ознаменовавшую использованный ими архивный фонд, превратив Г. Г. Бродерсена в Брозарсена <sic!>⁸?

Заметка о вечере заумников была опубликована еще в 1984 г. в собрании сочинений А.Введенского⁹. Весьма показательное сопоставление этих двух публикаций. Публикаторы ЗА допустили в этом маленьком тексте в полстраницы чудовищное количество самых нелепых искажений. Приводим примеры. Введ.: «17 октября в Союзе поэтов...». ЗА: «17 октября 1926 года в Союзе поэтов...» (в действительности вечер состоялся в 1925 году). Введ.: «Ордене заумников DSO». ЗА: «Ордене заумников P–50 <sic!>». Введ.: «Одни поэты под углом 1–40 исправляют мир, другие под углом 41–89 — воспроизводят. 3-и под углом 90–179 — украшают». ЗА: «Одни были поэты под углом 1–40 исправленный мир, а другие под углом 41–89 — воспроизводный, третьи под углом 90–179 — украшенный». Введ.: «хоровое произнесение отрывка из поэмы Туфанова, "Михайлы" Хармса». ЗА: «короткое произнесение отрывка из поэта Туфанова, "Михаила" Хармса». Введ.: «про-

рочествах "пифий"». ЗА: «пророчествах "пидчей" <sic!>». В ЗА отсутствует информация, что данный текст является рукописью неизвестного автора; сообщается лишь, что он извлечен «из архива Л. Друскина» (на самом деле — Я. С. Друскина).

Изредка редакторы сборника нарушают избранный ими принцип дипломатического невмешательства в разговор собранных ими цитат, снабжая некоторые из них примечаниями. Изумителен стиль этих «научных» комментариев, их развязный и фамильярный тон (мы, мол, любители авангарда, дескать, одна большая дружная семья). Таковы сноски к страницам 66, 160, 225, 233 и др. Сочетание дурного стиля с промахами фактического характера находим в главе, посвященной Василиску Гнедову, в примечании к следующей заметке В. Шаламова: «... в двадцатых годах Алексей Иванович Чичерин, грамотный и хитрый "ничевок", выступавший на концертах, безмолвно скреживая руки и делая трагическое лицо. "Опус" назывался "Поэма конца". Все эти "ничевоки", фразари выступали на эстрадах и даже не без успеха у публики <...>». Вместо того, чтобы пожалеть Шаламова и обойти молчанием это никуда не годное высказывание (Чичерин спутан с Гнедовым, а оба — с ничевоками), составители снабдили ее следующим комментарием: «В. Шаламов несомненно ошибся, перепутав Алексея Чичерина с Василиском Гнедовым, скорее всего именно потому что все эти "ничевоки" и "фразари" были для него на одно лицо. Однако цитата есть цитата; приводится дословно по тексту. — *рег.*» (С. 67). Очевидно, составители сами считают Гнедова ничевоком (страницей раньше без оговорок цитируется В. Каверин, также говорящий о ничевоке Гнедове), между тем, Гнедов никакого отношения к ничевокам не имел. Обратим внимание на последнее предложение комментария: «Однако цитата есть цитата...». В этой фразе заключается вся убогая философия составителей сборника, явно считавших, что любые высказывания — и содержательные, и ничтожные, и достоверные, и вводящие в заблуждение — для науки равноценны. Цитата есть цитата...

В главе об И. Соколове маленький отрывок из воспоминаний М. Ройзмана прокомментирован следующим образом: «Далее есть еще порядка двух страниц текста, касающихся Ипполита Соколова, но он (текст) настолько дурно пахнет, что не поднимается рука ставить его в книгу» (С. 207). В сборнике ЗА есть еще порядка десяти таких примечаний редакторов, но они (примечания) настолько дурно пахнут, что не поднимается рука ставить их в рецензию.

Несомненно, составители сборника «Забытый авангард» опубликовали свою книгу с лучшими намерениями. Всюду

чувствуется искренняя преданность идеям и персонажам излюбленного течения. Проблема лишь в том, что русский авангард, имея таких поклонников, во врагах больше не нуждается.

Примечания

¹ Кузминский К., Янечек Дж., Очеретянский А. Забытый авангард. Россия. Первая треть XX столетия. Сборник справочных и теоретических материалов. Wien, 1988 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 21). 335 с.

² Встречаются случаи отсутствия ссылки на источник (ее лишена публикация манифеста Н. Кульбина «Слово как таковое»); переиздавая значительную часть текстов репринтным способом, составители почему-то решили устранить оригинальную пагинацию источников; в репринтном воспроизведении «Хартии экспрессиониста» И. Соколова отсутствует первая страница подлинника (что придает названию «Забытый авангард» некоторую двусмысленность).

³ Guro E. Selected Prose and Poetry. Stockholm, 1988; Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989; Гнедов В. Собрание стихотворений. Trento, 1992; Зенкевич М. Эльга: Беллетристические мемуары. М., 1991; Нарбут В. Стихотворения. М., 1990; Туфанов А. Ушкуйники. Berkeley, 1991.

⁴ См.: Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 532.

⁵ Иванов Г. В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 565.

⁶ Манифесты и программы русских футуристов. München, 1967. С. 37–47.

⁷ Нам известна лишь статья Игнатъева «Эго-футурист о футуристах» из сборника «Всегда!» (СПб., 1913).

⁸ Ср: Туфанов А. Ушкуйники. Berkeley, 1991. С. 174.

⁹ Введенский А. Полное собрание сочинений. Ann Arbor, 1984. Т. 2. С. 238–239. Ср.: Введенский А. Полн. собр. произв. М., 1993. Т. 2. С. 137–138.

М. Шруба
Мюнстер

О русском народном стихе

James Bailey. Three Russian Lyric Folk Song Meters. Columbus, Ohio: Slavica Publishers. 1993.

Монография профессора Джеймса Бейли уже получила авторитетные оценки специалистов. Тем не менее, многоплановость и радикальный характер описанных в ней результатов вызывают необходимость их дальнейшего серьезного осмысления.

Особое положение этой работы среди других исследований русского народного стиха определяется, прежде всего,

характером, объемом и методом анализа выбранного материала. Несмотря на то, что еще А. Х. Востоков говорил о разных метрических тяготениях эпического и лирического стиха, теории народного стихосложения строились почти исключительно на материале эпической поэзии. В данном случае объектом исследования является лирический стих. Таким образом, автор не только заполняет лауну в имеющейся системе представлений, но и существенно увеличивает диапазон суждений о просодической основе и происхождении русского народного стиха. Широта охваченного материала также ставит работу в особое положение по сравнению с имеющимися исследованиями ритмики народной поэзии. В ней проанализированы тексты общим объемом более 30 000 строк. Единственно сравнимые в этом плане работы М. А. Гаспарова имели иные задачи и были основаны, в целом, на ином материале. Другие теории народного стиха строились лишь на иллюстративных фрагментах изучаемого материала.

Автор использует метод дистрибутивно-статистического анализа ритмики, названный им ранее «русским методом». Этот метод широко применяется в русском стиховедении для изучения литературной поэзии.

Однако его применение к народному стиху связано с рядом трудностей. Это, во-первых, трудности текстологического характера. Фольклорный текст, в отличие от литературного, имеет вариативный характер. В зависимости от исполнителя, периода и региона, в котором записана песня, она может иметь разные варианты. В ряде случаев поэтому приходится проводить изыскания для восстановления ее адекватной формы. Сами записи также нередко страдают неточностями. Положенный на музыку текст в письменной передаче может утратить ритмическую стройность, что приводит к его «исправлению» со стороны редактора. Во-вторых, для того, чтобы исследовать ритмику текста, необходимо правильно расставить ударения.

Это не всегда просто и в литературном стихе, в отношении народного проблема существенно усложняется из-за того, что там нередко действуют собственные правила акцентуации.

Автор последовательно проводит мысль о том, что язык народной песни имеет особенности, отличающие его от современного русского литературного языка. Он представляет собой «смесь литературных, архаических, диалектных, нестандартных и чисто фольклорных элементов» (С. 15). Так, например, в выражении «вороны кони» существительное имеет архаичное ударение на последнем слоге. В тексте народной песни может быть найдена диалектная форма тво-

рительного падежа множественного числа «с красным девушкой». Исполнитель может выбрать как полную, так и сокращенную форму отчества (Иванович, Иваныч) и т. д. Эти возможности тщательно учитываются и при восстановлении формы текста, и при его акцентуации. Две главы монографии, предшествующие ритмическому анализу, посвящены лингвистическим вопросам, связанным с акцентуацией и слоговой структурой слов в языке народных песен. Сделано 80 000 выборок из народной поэзии, представляющих собой коллекцию и классификацию ее ударений. Они послужили основой для изучения народной акцентуации и последующего тонирования текстов.

Лингвистические исследования, проведенные в работе, имеют самостоятельный интерес и в этом отношении требуют еще серьезного осмысления. Нам сейчас важно подчеркнуть, что следующий за ними стиховедческий анализ построен на фундаментальных основаниях.

Центральная часть работы посвящена трем размерам лирической поэзии, общей ритмической чертой которых является двусложное начало перед обязательным ударением и дактилическое окончание строки. Это, во-первых, десятисложник, разбиваемый цезурой на два пятисложных полустишия с обязательным ударением в середине каждого из них. Этот размер определяется арифметической формулой $5 + 5$:

У колодезя, / у студенова,
Доброй молодец / сам коня поил,
Красна девица / воду черпала.

Во-вторых, это четырехстопный хорей:

Ах ты поле, поле чистое,
Ты раздольице широкое...

в-третьих двухударный акцентный стих с базовым метром $5 + 5$:

Ты взойди, взойди, красно-солнышко,
Над горою взойди над высокою.
Над горою взойди над высокою,
Над долиной взойди, над широкою.

В дополнение к основному исследованию проводится сравнительный анализ народного стиха с дактилическим окончанием на материале широкого спектра размеров как лирического, так и эпического наполнения, но с учетом значительно меньших по объему выборок для дополнительно привлекаемых ритмических типов.

Основные выводы исследования касаются принципов ритмической организации народного стиха и их происхождения. В отношении принципов организации автор полемизирует с тремя авторитетными теориями: «безметровой», силлабической и акцентной, утверждающими, соответственно, что народный стих не имеет метра, что это стих силлабического типа и, наконец, что это чисто тонический стих, построенный на фразовом ударении. Полученные в работе результаты показывают, что народная поэзия, как и литературная, имеет несколько стиховых систем. Главным конструктивным признаком в этих системах является ударение. Они включают не только разные типы акцентного стиха, но и содержат «изосиллабические» метры, в том числе те, которые широко распространены в русской литературной силлабо-тонике, в данном случае хорей и анапест.

Акцентная теория народного стиха также признает ударение главным конструктообразующим фактором его ритмики. Однако она принимает во внимание лишь наиболее сильное ударение в синтагме, фразовое — в терминологии Дж. Бейли. Слова, не наделенные этим ударением, считаются энклитиками и проклитиками (добрый → мо'лодец). Подобный подход к просодической основе стиха порождает и вывод о принципах его организации: текст, который с учетом словесных ударений укладывается в силлабо-тонический метр, получает характеристики, свойственные акцентному стиху, в случае, если ими пренебречь. Это наглядно демонстрируется на конкретном материале. Таким образом, автор вскрывает причину одного из наиболее распространенных и укоренившихся заблуждений относительно русской народной поэзии. «Клитическая» теория («the clitic theory»), изначально отвергающая значимость в ней словесного ударения, а отсюда и сходство ее просодической основы с литературным стихом, не замечает в народном стихе и того силлабо-тонического рисунка, который это ударение создает.

Представление о сходстве просодической основы фольклорного и литературного стихосложения имело авторитетных сторонников и ранее. О стопосложении в народной поэзии говорил А. Гильфердинг, это представление лежит в основе теоретических построений Р. Якобсона, оно было развито в работах К. Тарановского. Однако в данной работе, благодаря фронтальному исследованию и объективным методам, оно впервые переводится из гипотетического плана в фактический, обретает концептуальную стройность и развитие. Автор показывает, что сходство просодической основы имеет адекватное отражение не только в метрике, но и в ритмике.

Основные законы ритмической организации литературного стиха дают о себе знать и в стихе народном. Это, прежде всего, акцентная диссимилиация, четко выраженная в четырехстопном хорее. Она имеет явную аналогию с законом регрессивной акцентной диссимилиации, открытым К. Ф. Тарановским для литературного стиха: чаще и реже ударяемые икты чередуются в направлении от конца к началу строки (полустишия) с постепенным уменьшением разницы между ними. Некоторые отклонения вызваны тем, что в народном стихе наиболее слабым является первый, а не предпоследний икт (см. табл. ниже). По нашим данным, это легко объясняется особенностями привлекаемого подъязыка. Имеются и другие, более тонкие соответствия, связанные, прежде всего, с расположением словоразделов в строке.

Важно подчеркнуть, что, выдвигая словесное ударение в качестве одного из конструктивных факторов метрики и ритмики русского народного стиха, Дж. Бейли, вслед за Тарановским и другими исследователями, признает презумпцию фразового ударения. Получается, по существу, иерархическая система конструктивных признаков: фразовое ударение является главным, словесное приспосабливается к нему, но имеет свои ритмо- и метрообразующие функции.

Вторая фундаментальная проблема, поднятая в монографии, касается генезиса систем народного стихосложения. Автор рассматривает три предшествующие теории, основанные на изучении эпического стиха — Н. Трубецкого, Р. Якобсона — К. Тарановского и М. Гаспарова. Все они исходят из того, что первичной формой народного стихосложения была силлабика. Весьма влиятельная лингвистическая теория Трубецкого утверждает, что в тринадцатом веке из-за падения редуцированных силлабика перешла в акцентный стих. Гаспаров модифицирует эту теорию, предполагая, что вслед за акцентным стихом появился хорей. В теории Якобсона и Тарановского хорей является базовой формой русского эпического стиха, появившейся вслед за силлабикой, а акцентный стих считается более поздним образованием.

Перечисленным теориям противопоставляется собственная концепция автора, возникшая в результате изучения как лирического, так и эпического стиха. В соответствии с ней вслед за силлабикой появились «изосиллабические» метры, требующие постоянства не только в числе слогов, но и в расположении ударений. После этого тенденция развития идет в сторону расшатывания строки: возникает акцентный, а потом и безметровый стих. Эта концепция основана на разностороннем и весьма оригинальном исследовании.

Лингвистическая теория Трубецкого отклоняется по ряду причин. Во-первых, это сам факт существования изосиллабических метров в русской народной поэзии, поддерживающий представление о том, что силлабический строй стиха мог сохраниться и после падения редуцированных. Последнее положение существенно подкрепляется рассуждением о направлении развития народного стиха, которое приводится ниже. Во-вторых, детальное изучение материала показывает, что певцы способны выбрать надлежащий слоговой вариант из множества других. И, наконец, в отличие от литературного стиха, устная поэзия имеет вариативный характер, что само по себе делает естественным модуляции, предотвращающие разрушение ее структуры, если они не вытекают из ее внутренних потребностей. Роль слабых еров в силлабической структуре народного стиха могла быть легко восполнена с помощью многочисленных средств варьирования слогового характера строки, которые широко практикуются в народной поэзии: полногласие-неполногласие, полная и сокращенная форма прилагательных, отчеств, разного рода наполнители в виде частиц, слова «да» и др. Вслед за музыковедами автор показывает, как изосиллабический стих может быть легко преобразован в акцентный и наоборот. Приводятся реальные тексты с преобладанием одного и того же метра, но в одном случае стих является изосиллабическим, а в другом акцентным («Я вечер млада (молода) во пиру была»).

Эти внутренние условия дополняются аргументом внешнего характера. Несмотря на то, что падение редуцированных имело место и в других славянских языках, силлабический принцип стиха в них широко сохранился. Это касается, например, украинского и белорусского фольклора.

Из всего этого, по мнению автора, следует, что причина широкой утраты силлабизма на русской почве носит не лингвистический характер.

Приведенные данные служат основой для дальнейшего изучения направления развития народного стихосложения. На материале двухударного акцентного стиха с базой 5+5 показано, что тенденция его развития идет в сторону увеличения длины строки и междударного интервала. В то же время средняя длина этого и большинства других типов акцентного стиха больше средней длины своего базового изосиллабического метра. Получается, следовательно, что тенденция к увеличению, коль скоро она имеет место, направлена не на кристаллизацию изосиллабической структуры, а на расширение строки за ее границы. Так выстраивается цепочка аргументов, приводящая к выводу о том, что акцентный стих

является вторичным, по сравнению с изосиллабическим, образованием и возникает в результате его частичного разрушения, а безметровый стих является результатом дальнейшей утраты силлабизма. На них же основано и общее заключение о том, что строки русских народных метров были субъектом постепенной силлабической экспансии.

Принимая во внимание, что широко распространенное разрушение силлабической однородности стиха ставит русскую традицию в особое положение по сравнению с другими традициями славянского фольклора, автор соотносит его с другим русским новшеством, каковым является протяжная песня. Согласно И. Земцовскому, это явление не найдено в фольклоре других славянских народов и возникло до того, как были сделаны первые записи народных песен. В монографии выдвигается предположение, что оно и является причиной широкой утраты силлабизма в русской народной поэзии.

Круг вопросов, затронутых в монографии, далеко выходит за пределы рассмотренных здесь стержневых проблем. Особое место занимает изучение жанровых тяготений разных метров, демонстрирующее, в частности, четкое метрическое размежевание между лирическими и эпическими текстами. Среди сопутствующих проблем, изучение которых обогащается результатами данного исследования, кажется целесообразным выделить две: внешнюю, касающуюся отношения русской и общеславянской народной метрики, и внутреннюю, вновь поднимающую вопрос о влиянии народной поэзии на становление силлабо-тоники в русском литературном стихе. Фактический материал дает читателю широкие возможности для самостоятельных размышлений.

В русском стиховедении дистрибутивно-статистический метод исследования включает один существенный компонент, который не был использован в рецензируемой работе. Имеется в виду сравнение данных по текстам с вероятностно-статистическими моделями аналогичных явлений. Наиболее активно используется так называемая языковая модель. Она показывает, какими будут частоты различных элементов ритмики стихотворного текста в случае, когда единственным требованием к ним является подчиненность определенному размеру, а в остальном они получаются случайно в ходе формирования подходящего по смыслу текста. Эта модель создает как бы языковой фон стиховым показателям, оттеняя их особенности и выявляя то, что обусловлено причинами языкового характера.

Некоторые явления, обнаруженные в исследовании, получили бы, по-видимому, более четкое обоснование, а, может

быть, и другую интерпретацию, если бы они анализировались с помощью соответствующих языковых моделей. Наши опыты по их применению к анализу данных Дж. Бейли позволяют высказать некоторые предварительные предположения подобного рода¹. Выясняется, например, что прогрессивная акцентная диссимилиация в четырехстопном хорее, отмечаемая в монографии как особенность народного стиха по сравнению с литературным, заложена уже в его языковой модели (больше ударений на предпоследнем икте, чем на первом). В то же время в языковой модели литературного хороя имеет место регрессивная акцентная диссимилиация (больше ударений на первом икте, чем на предпоследнем):

Икт	I	II	III	IV
Нар. стих (по Дж. Бейли):				
X4, дакт. ок.	46.0	100	50.6	100%
X4, дакт. ок. в двухударном акцентном стихе	48.0	100	60.5	100
Лит. стих (по Тарановскому):				
XVIII в.	63.3	89.5	54.8	100
XIX в.	54.3	98.8	46.4	100
ЯМ:				
Народн. стих (Киселева)	47.3	75.4	60.6	100%
Лит. стих (Тарановский)	49.5	71.9	47.3	100

Можно предположить, что отмеченная особенность народной поэзии обусловлена просто особенностями используемого подъязыка. Выясняется далее, что, во-первых, данные по хорю народного стиха и его модели оказываются весьма похожими. Основное различие связано со вторым иктом, на который в текстах всегда падает ударение. Во-вторых, хорей в составе акцентного стиха ближе к языковой модели, чем в текстах, где этот метр является самостоятельным. Можно предполагать, следовательно, что хорей как метр образуется в соответствии со своими языковыми предпосылками, как явление независимое от акцентных характеристик другой стиховой формы. Это вполне поддерживает гипотезу Дж. Бейли о первичности изосиллабического стиха по сравнению с акцентным. Отсюда же можно сделать предположение о том, что в изучаемых текстах акцентный стих содержит более раннюю форму хороя, чем стих, построенный на этом

метре. Почти совпадающие показатели на всех иктах, кроме второго, «акцентной» формы хорее с моделью, дают основание предполагать далее, что обязательное ударение на втором икте возникло не сразу, а появилось лишь в процессе развития этого метра. Эти предположения требуют, естественно, дальнейшей проверки, но они основаны на объективных и независимо полученных результатах. Сравнительный анализ текстовых данных и моделей других размеров позволяет сделать не менее информативные наблюдения.

Эти замечания касаются будущего осмысления и развития предложенных разработок. То, что уже сделано, придает знанию о народном стихе принципиально новое качество и открывает новые перспективы не только в плане его дальнейшего изучения, осмысления его взаимодействия с литературным стихосложением и связи с более ранними формами славянской поэзии, но и в построении общих основ теории функционирования и развития ритмики, как особой формы организации речевого материала.

Примечание

¹ Компьютерные программы для вычисления моделей народного стиха и их расчет были сделаны студенткой мат.-мех. факультета СПбГУ Л. Киселевой. Использовалась статистика ритмических слов М. Л. Гаспарова по сказкам (М. Л. Гаспаров. Современный русский стих. М., 1974. С. 83. Табл. 2-3).

*М. А. Красноперова
С.-Петербург*

Редакция журнала, друзья и коллеги Джеймса Бейли выражают ему глубокое соболезнование в связи с тяжелой утратой, смертью сына.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Местное время (Владимир). 1996. 25 мая–1 июня. В статье под заглавием «Объединил Пушкин — А. С.!» Е. Голоднов рассказывает о селе Полтава, где останавливался Пушкин, работая над историей Пугачевского бунта, местные предания об этом посещении.

Дар (Ростов-на-Дону). 1996. № 1–3. Н. В. Забабурова публикует документальное исследование о предыстории дуэли Пушкина.

Орловские вести. 1996. 23 января. П. Гапоненко в статье «А. Майков об А. Пушкине» публикует отрывки из писем А. Н. Майкова к Г. П. Данилевскому и Н. Н. Страхову.

Нижегородская правда. 1996. 1 февраля. Борис Жуков в статье «Могила Чарской» рассказывает о своей находке во время пребывания в Адлере: «...я очутился вроде бы на смотровой площадке. Она крошечная, метра три на четыре, не больше. Но место исключительное: весь Адлер, как на ладони, в легкой дымке Мыс Видный, за ним размытые очертания Сочи, море, лишь слегка скрадывающие его лесистые горы.

Сама площадка вроде бы окультуренная. Ни ограды, ни скамеечек нет, но есть рукотворный цветничок, в нем с десяток фиалок, две уже расцветшие. В сторонке, напоминая воткнутую в землю шпагу, витой металлический прут с небольшой перекладной. Тут я понял, что это не площадка для туристов. Это — могила. Из-под земли чуть высывалась в виде удлинённого, не совсем правильного овала частичка черного камня. На нем четко выбито: «Кн. Чарская». А прут в виде шпаги — это же крест.

...Три недели навещал я эти места и только раз встретился с живым человеком. Немолодая, очень строгая гречанка собирала хворост. С трудом удалось мне разговорить ее. Все, что она рассказала, показалось обрывком легенды.

«Я не знаю, была ли Чарская княгиней. Мне довелось слышать от бабушки, что она писала книжки, была артисткой. Уже в советское время влюбилась в капитана дальнего плавания. Переехала жить сюда. Их дом был небольшой, но красивый, как дворец. Он стоял правее и повыше. А там (она махнула рукой в сторону моей поляны) был их садик. Вы походите вокруг, найдете мраморные плиты, осколки колонн. Когда капитан уходил в плавание, она часами стояла вот на этом самом месте, вглядываясь в морские дали. Она, говорят, была изумительно красива, изящна, одевалась шикарно. Поэтому окрестные жители и звали ее княгиней. В 37-м капитан из рейса не вернулся. Она бросилась со скалы. Здесь ее похоронили».

Орловская правда. 1996. 16 марта. Публикуются воспоминания дочери Б. К. Зайцева — Н. Соллогуб-Зайцевой о встречах ее отца с И. Буниным и воспоминания самого Б. Зайцева.

Кавказская здравница. 1996. 26 марта. В.Фирсов в статье «Грамматика любви» рассказывает о трагической судьбе помещика деревни Большие Плоты Бориса Николаевича Николаева (внука имп. Николая I от его побочного сына Н. Н. Николаева) — прототипа главного героя рассказа Бунина «Грамматика любви».

Воронежский курьер. 1996. 13 апреля. О. Ласунский в статье «В мире издательских загадок» рассказывает о Е. И. Шведере и поэте Серебряного века А. Овсянникове.

Киевские новости. 1996. 19 января. Опубликована статья Т. Каченко «Анна Ахматова. Знакомая и незнакомая».

Эхо Литвы. 1996. 9 марта. Г. Михайлова в статье «Свою меж Вас еще оставив тень...» рассказывает об А. Ахматовой.

Республика Армения. 1996. 24 апреля. Л. Аракелян в статье «"Подражание Армянскому", или эхо геноцида» анализирует стихотворение А. Ахматовой.

Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 1996. 18 мая. А. Г. в статье «Чем живет душа - песня скажет» рассказывает о судьбе поэта

Эмиота (Израиля Натановича Гольдвассера) и переводчице его произведений, поэтессе Ю. Шестаковой.

Еврейские вести (Киев). 1996. № 3–4. Воспроизводится некролог Льва Лосева И. Бродскому: «В последние недели жизни Иосиф был весел. За многие годы он привык к своей смертельной болезни, и его настроение зависело не столько от того, что говорили ему врачи, сколько от того, что выходило из-под его пера. А в эти недели декабря и января он много писал. Видно, особенность гения в том, что он постоянно превосходит самого себя. В последних стихах поразительное ощущение жизни, самой ткани человеческого существования.

Я глубоко убежден, что на Бродском закончилась русская поэзия, какой мы ее знали от XVIII века. Когда мы с ним говорили в последний раз, он сказал, что читает прозу Пушкина. Я думаю, что Бродский был последним в России человеком, который мог понимать Пушкина, как брат брата.

Его любимой формой обращения к собеседнику было «солнышко». Но это он сам был солнышком, а мы все светились только отражением его света. Жизнь потемнела — солнышко русской поэзии закатилось».

*Сост. М. А. Луковская
С.-Петербург*

RUSSIAN STUDIES

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

РОССИЯ, С.-ПЕТЕРБУРГ, 197198, а/я 290

Тел.: (812) 583 5256, (812) 233 1829

Зарубежную подписку осуществляет фирма:

Kubon & Sagner Heßstr. 39/41,
80798, München, Germany

Цена одного номера

для частных лиц — 12 US\$

для учреждений — 15 US\$

Стоимость годовой подписки

для частных лиц — 40 US\$

для учреждений — 50 US\$

Художник Д. Шубин

Корректоры Б. М. Хаимский и О. Н. Стафеева

Художественный редактор В. Бахтин

Технический редактор К. К. Быстров

Зав. производством С. Н. Скверский

ЛР № 062679 от 2.06.93.

Гуманитарное агенство «Академический проект»

Сдано в набор 21.03.97. Подписано в печать 25.04.97.

Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура "Типо Таймс".

Тираж 1000 экз. Зак. № 101

Отпечатано в типографии

рекламно-издательской фирмы «ИНТЕГРАФ».

Телефоны: (812) 183-63-37; 183-60-95.